

АКАДЕМИЯ
НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО • НАУКА •

ЯЗЫКИ АЗИИ И АФРИКИ

ИЗДАНИЕ ОСНОВАНО ЧЛЕНОМ-КОРРЕСПОНДЕНТОМ
АКАДЕМИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК СССР
ПРОФЕССОРОМ Г. П. СЕРДЮЧЕНКО

II

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ

ИРАНСКИЕ ЯЗЫКИ
ДАРДСКИЕ ЯЗЫКИ

ДРАВИДИЙСКИЕ
ЯЗЫКИ

II

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

М о с к в а
1978

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ИЗДАНИЯ
«ЯЗЫКИ АЗИИ И АФРИКИ»

Доктор филологических наук *В. М. Солнцев* (главный редактор)
Академик *А. Н. Кононов*
Член-корреспондент АН СССР *Д. А. Ольдерогге*
Доктор филологических наук *Г. Д. Санжеев*
Доктор филологических наук *И. Ф. Вардуль*
Доктор исторических наук *И. М. Дьяконов*
Кандидат филологических наук *Н. А. Лисовская*
(ученый секретарь)

РЕДКОЛЛЕГИЯ КНИГИ

Доктор филологических наук *М. С. Андронов*
(ответственный редактор)
Доктор филологических наук *Н. А. Дворянков*
Доктор исторических наук *А. М. Дьяков*

Вторая книга издания «Языки Азии и Африки» содержит анализ основных типологических черт языков иранской группы индоевропейской семьи, а также дравидийской семьи языков по всем фонологическим и грамматическим аспектам в диахроническом плане. Издание уникально по характеру и объему, содержит много нового в трактовке рассматриваемого материала.

Я $\frac{70104-152}{013(02)-78}$ 16-78

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1978.

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ

ВВЕДЕНИЕ

Иранские языки входят в состав индоевропейской семьи языков, образуя в ней особую группу. К их числу относятся: а) из современных живых языков: персидский, таджикский, дари (фарси-кабули), хазара, афганский (пушту, или пашто), осетинский, курдский, белуджский, татский, талышский, гилянский, мазандеранский, языки и диалекты шугнано-рушанской группы (шугнанский, рушанский, хуфский, бартангский, орошорский, сарыкольский), ваханский, язгулямский, ишкашимский, мунджанский, ормури, парачи, ягнобский, мелкие языки и диалекты центрального и западного Ирана (язди, габри, наини, натанзи, хури, семнани, ласгерди, сурхей, сангисари, шемерзادي, такистан, гуран, заза, баджалани, диалекты полосы Кашан—Исфахан, районов Вафс, Аштиан, Тафриш), Иранского Азербайджана (харзани, керингани, халхали), южной провинции Ирана Фарс (сомгун, масарми, папун, бурунгун, ларские); б) из языков, уже вышедших из употребления, мертвых: древнеперсидский, авестийский, мидийский, скифский, аланский, среднеперсидский, парфянский, согдийский, хорезмийский, сакский, бактрийский (или, как его называют некоторые ученые, — кушанский).

Термин «иранские» восходит к древнему этническому названию ираноязычных племен *ariya*, или *arya*. В родительном падеже множественного числа слово *ariya* имело форму *ariyānām*. Отсюда ср.-п. *ērān*, совр. перс. *irān*, тадж. *eron*.

Внутри индоевропейской семьи иранские языки наиболее близки к индийским, вместе с которыми они образуют индоиранскую ветвь языков. В настоящее время считается установленным, что индийские и иранские языки восходят к общему индоиранскому, или арийскому, языку-основе.

По некоторым фонетическим признакам (отражение средненёбных согласных *k'*, *g'*) иранские (и индийские) языки сближаются с балтийскими, славянскими, армянским и албанским.

История развития иранских языков условно делится на три периода: 1) древний — примерно с начала II тысячелетия и до IV—III вв. до н. э.; 2) средний — с IV—III вв. до н. э. до VIII—IX вв. н. э., 3) новый — с VIII—IX вв. до настоящего времени. В связи с этим выделяются иранские языки: 1) древнего периода (или древнеиранские), 2) среднего периода (или среднеиранские), 3) нового периода (или новоиранские). К древнеиранским языкам относятся: древне-

* Авторская работа по разделу «Иранские языки» была завершена в 1966 г. Впоследствии удалось внести лишь отдельные изменения в текст и дополнения в части библиографии.

персидский, авестийский, мидийский, скифский; к среднеиранским — среднеперсидский, парфянский, согдийский, хорезмийский, сакский, аланский, бактрийский (кушанский); к новоиранским — все современные живые иранские языки.

По существующей классификации, основанной на ряде фонетических признаков (отражение древнеиранских начальных звонких смычных *b, d, g*, наличие или отсутствие переднеязычных аффрикат *s* и *ʒ*, отпадение или сохранение начального *h*), языки всех трех периодов принято делить на две группы — западную и восточную. Каждая из этих двух групп, в свою очередь, делится на две подгруппы: а) западная, тоже по фонетическим признакам (отражение индоиранского *tr*, древнеиранского начального *j* и др.), — на северо-западную и юго-западную; б) восточная, по некоторым фонетическим и морфологическим признакам (образование множественного числа существительных, отражение древнеиранского *ʃ*, отражение древнеиранской группы согласных *dv* и др.), — на северо-восточную и юго-восточную [Оранский I, 341—351].

Состав западной группы иранских языков:

1) северо-западные языки: а) древнего периода — мидийский; б) среднего периода — парфянский; в) нового периода — курдский, гурани и заза, талышский, гилянский, мазандеранский, семнанский, белуджский, парачи, ормури, языки и диалекты центральной части Ирана;

2) юго-западные языки: а) древнего периода — древнеперсидский; б) среднего периода — среднеперсидский; в) нового периода — персидский, таджикский, дари (фарси-кабули), хазара, татский, большинство языков и диалектов Фарса, диалект кумзари, ларский.

Состав восточной группы иранских языков:

1) северо-восточные языки: а) древнего периода — скифский; б) среднего периода — аланский, согдийский, хорезмийский; в) нового периода — осетинский, продолжающий линию развития скифских и аланских диалектов, и ягнобский — потомок согдийского;

2) юго-восточные языки: а) среднего периода — сакский, бактрийский (кушанский); б) нового периода — афганский (пушту, или пашто), мунджанский, шугнано-рушанская языковая группа, ваханский, язгуламский, ишкашимский.

Древнеперсидский язык известен нам по клинописным надписям, относящимся к периоду правления Ахеменидов (VI—IV вв. до н. э.). Наибольшая часть из них принадлежит Дарию I (521—486 гг. до н. э.) и его сыну Ксерксу (486—465 гг. до н. э.). Надписи высечены на стенах, в оконных и дверных нишах царских дворцов в древних столицах Ирана — Персеполе и Сузах, а также на гробницах в месте погребения Ахеменидов в Накши-Рустеме (вблизи современного Ши-раза). Самая большая, так называемая Бехистунская (или Бисутунская), надпись, принадлежащая Дарию I, высечена на скале Бисутун (вблизи Керманшаха). В клинописных ахеменидских надписях отражен один из диалектов южной провинции Ирана — Фарса, за которым и закрепилось в науке название «древнеперсидский язык».

К древнеперсидскому языку или близкородственным ему диалектам восходят среднеперсидский язык (пехлеви), язык персидско-таджикской литературы классического периода, а также современные персидский и таджикский языки.

Авестийским называется условно язык Авесты, священной книги зороастрийцев, в течение длительного времени существовавшей лишь в устной традиции. Первая попытка записи Авесты, по пре-

данию, была предпринята при Аршакидах (около 100 г.). Однако эта редакция до нас не дошла. Вторая запись и канонизация текста Авесты была проведена при Сасанидах (III—VII вв.). До нас Авеста дошла лишь в рукописях XIII—XIV вв., которые, по-видимому, восходят к канонизированному тексту сасанидской редакции. В языке Авесты (авестийском), наиболее древнем из всех известных в настоящее время иранских языков, выделяют два диалекта: наиболее архаичный, представленный в Гатах и некоторых других частях Авесты, и так называемый младоавестийский диалект.

Скифский и мидийский языки не дошли до нас в письменных памятниках. От них сохранилось лишь некоторое количество собственных имен и этнических названий в передаче греческих историков.

От среднеиранского периода до нас дошли в письменных памятниках языки: среднеперсидский, парфянский, согдийский, хорезмийский, сакский и бактрийский (кушанский).

Среднеперсидский язык известен из надписей, сделанных на различных сооружениях, надгробиях, скалах и относящихся ко времени правления иранской династии Сасанидов (III—VII вв.), а также из довольно большой литературы религиозного (зороастрийского, манихейского) и светского содержания. Надписи в большинстве своем трехязычные (на среднеперсидском, парфянском и греческом языках) или двуязычные (на среднеперсидском и парфянском языках).

Памятники на парфянском языке — это уже упоминавшиеся выше сасанидские надписи (парфянский вариант) и немногочисленные рукописи религиозного содержания (манихейские), найденные в начале XX столетия в Восточном Туркестане. В 1948—1949 гг. в дополнение к этому был найден архив парфянских документов на территории древнего города Нисы (в пределах Туркмении). Эти документы датируются I в.

Первые письменные памятники на согдийском языке найдены в начале XX в. в Восточном Туркестане. Это тексты религиозного содержания — буддийские, христианские и манихейские, написанные соответственно тремя разновидностями арамейского письма — согдийской, сирийской и манихейской. В 1933 г. многочисленные согдийские документы были найдены на территории древней Согдианы в пределах современного Таджикистана на горе Муг (долина р. Зеравшан). По своему содержанию они представляют деловую переписку, юридические документы и хозяйственные записи феодалов. Самые ранние согдийские тексты (так называемые Старые письма) датируются IV в. Все остальные документы — VII—X вв.

Наиболее древние известные нам памятники хорезмийского языка написаны также одной из разновидностей арамейского письма. Они обнаружены археологами на территории самого Хорезма (в пределах современного Туркменистана) и датируются III—II вв. до н. э., III—IV вв. и VIII в. Однако основные источники нашего знакомства с хорезмийским языком, дающие наиболее полное представление о его структуре, относятся к более позднему периоду. Это хорезмийские фразы в арабском толковом словаре — «*Muqaddimat ul-adab*», составленном Махмудом Замахшари в начале XII в. (на арабском алфавите), и сочинение юридического содержания «*Qunlyat ul-munlya*» XIII в., написанное по-арабски, но содержащее многочисленные вставки и надписи на полях, сделанные на хорезмийском языке (тоже арабским шрифтом).

Тексты (на сакском языке, написанные индийским письмом брахми,

найжены в начале XX в. в Китайском Туркестане (в Хотане, Тумшук и Муртуке). Время их создания — VII—X вв.

Материалы по бактрийскому языку очень скудны. Это относительно небольшая надпись из Сурх-Котала (северный Афганистан), датируемая началом II в., и краткие надписи на керамике, на монетах, на геммах.

Современные иранские языки и диалектные группы имеют следующую территорию распространения:

Западная группа: 1) персидский язык представлен в Иране, местами — в Ираке и на Бахрейнских о-вах; 2) таджикский — в Таджикистане, в ряде районов Узбекистана, а также в отдельных селениях Киргизии и Казахстана; 3) курдский — в Курдистане — обширной горной области, части которой входят в состав Ирака, Ирана, Турции и Сирии, а также в некоторых других районах этих четырех государств; в пределах Советского Союза — в некоторых районах Армении, Азербайджана, Грузии и Туркмении; 4) татский — в Дагестане и в Азербайджане; 5) талышский — в некоторых районах Советского Азербайджана, а также в северо-западном Иране; 6) белуджский — на территории Белуджистана (в Иране и Пакистане), а также в Панджабе и Синде (юго-восточная часть Пакистана), в Хорасане и Сеистане (северо-восточная часть Ирана) и в Афганистане — в районах, пограничных с Пакистаном; в Советском Союзе в небольшом количестве — в Туркмении; 7) гилянский — в северной части Ирана (провинция Гилян); 8) мазандеранский — в северной части Ирана (в Мазандеране); 9) семнани, ласгердй, сурхей, сангисарй, шемерзади — в Иране (г. Семнан и прилегающие к нему селения); 10) диалекты провинции Фарс — в южной части Ирана; 11) другие диалекты, представленные на территории Ирана: а) язды и габры — в г. Йезд с прилежащими селениями и в Кермане, б) наини — между Исфаханом и Йездом, в) натанзи — в районе Натанза (на границе с пустыней Деште-Кевир), г) хури — в области Биабанак на южной окраине пустыни Деште-Кевир; д) диалекты районов Вафс, Аштиан, Тафриш — между г. Хамаданом и Савэ; е) диалекты полосы Кашан — Исфахан — в центральной части Ирана; ж) такистанй — к юго-западу от Казвина; з) харзанй, керинганй, халхали — в Иранском Азербайджане; 12) диалекты хазарэ — в Афганистане (в Хазараджате и в некоторых других районах), а также частично в западных районах Ирана и в небольшом количестве в Туркмении; 13) ормури — в Афганистане (к югу от Кабула) и в Пакистане; 14) парачи — в Афганистане (к северу от Кабула), дари (фарси-кабули) — в Афганистане.

Восточная группа: 1) афганский (пушту, или пашто) — в Афганистане (главным образом в южных и центральных провинциях), в северо-западных областях Пакистана, в пограничных с Афганистаном районах Ирана; 2) осетинский — в Северо-Осетинской АССР (ФСФСР) и в Юго-Осетинской автономной области (Грузинская ССР); 3) ягнобский — в Таджикистане (долина р. Ягноб, а также некоторые селения в Варзобе); 4) шугнано-рушанская языковая группа: а) шугнанский и рушанский языки — в Таджикистане (на Памире — в долинах рек Пяндж, Гунт, Шахдара) и в северной части Афганистана (по левому берегу р. Пяндж), б) хуфский, бартангский, орошорский — в Таджикистане (на Памире — в долинах Хуфа, Бартанга), в) сарыкольский — в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая; 5) ваханский — в Таджикистане (на Памире — в верховьях р. Пяндж), в северном Афганистане (по левому берегу р. Пяндж) и в прилежащих к нему пограничных районах Пакистана и Индии, а также в Синьцзян-Уйгур-

ском автономном районе Китая; 6) язгулямский (на Памире — в долине р. Язгулем); 7) ишкашимский — в Таджикистане (в южной части Советского Памира) и в Афганистане (у истоков р. Бардудж), 8) мунджанский — в северо-восточной части Афганистана.

В процессе своего исторического развития иранские языки претерпели значительные изменения, которые прослеживаются во всех слоях языковой структуры. Так, в древнем состоянии иранские языки (древнеперсидский и язык Авесты) характеризовались ярко выраженным синтетическим строем с развитой системой флективных форм склонения имени и спряжения глагола. Именные части речи (существительные, прилагательные и местоимения) различали категории падежа (которых насчитывалось восемь), числа (единственное, двойственное, множественное), рода (мужской, женский и средний). Глагол имел два противопоставляемых друг другу залога — активный и медиальный, каждый из которых характеризовался определенным типом личных окончаний.

Основная тенденция последующего развития морфологической системы определяется постепенным распадом флексии и сменой синтетического-строга аналитическим. В современном состоянии большинство иранских языков относится к числу языков аналитического строя. Многие грамматические категории, которыми характеризовались отдельные части речи в древних языках, либо подверглись значительному изменению, либо были утрачены. Категория рода в большинстве современных западноиранских языков полностью утеряна. Исключение составляют курдский язык (в котором грамматический род прослеживается рудиментарно в характере изафетного показателя, в типах склонения имен и в косвенном падеже указательных и личных местоимений 3-го лица), семнанский язык, диалекты южного тати и др. Из восточноиранских языков категория рода (мужского и женского) прослеживается в пушту, мунджанском, шугнано-рушанской группе и частично в язгулямском языке (в косвенной форме личных местоимений 3-го лица).

Значительным преобразованием подверглась и система именного склонения: в большинстве современных иранских языков сохранилось лишь два-три падежа (как правило, прямой, один или два косвенных, а иногда также — рудименты звательного). В персидском, таджикском, фарси-кабули и в относящихся к ним диалектно-говорных массивах имена полностью утратили склонение. В язгулямском изменяются по падежам только личные местоимения, в ишкашимском и шугнано-рушанской группе — личные и указательные местоимения. Развитую систему склонения имен (включающую девять падежей) имеет лишь осетинский язык. Однако большинство из них представляют собой поздние новообразования.

По характеру глагольной системы все современные иранские языки можно разделить на два типа. К одному из них относятся языки, в которых переходным глаголам в прошедших временах свойственна так называемая эргативная, или мнимопассивная, конструкция (курдский, талышский, ормури, парачи, большинство языков шугнано-рушанской языковой группы, пушту, мунджанский, ваханский, язгулямский, ягнобский). К другому типу относятся те языки, в которых эргативная конструкция отсутствует (персидский, таджикский, фарси-кабули и их диалекты и говоры, татский, осетинский).

В области синтаксиса ряд иранских языков характеризуется наличием особого типа атрибутивных сочетаний, объединяемых термином «изафетная конструкция». В данной конструкции определяемое имя,

находящееся в препозиции, присоединяет к себе так называемый изафетный показатель; определение же (какого бы типа оно ни было — качественное или по принадлежности) всегда ставится в постпозиции. Ср., например: перс. *ketāb-e pedār* 'книга отца', *ketāb-e xub* 'хорошая книга' и т. п. Изафетная конструкция отмечается в персидском, таджикском, фарси-кабули и в их говорах, в курдском, гуарани, заза, в диалектах Фарса и Лара, в татском, гиланском. В белуджском, пушту, осетинском, ягнобском она отсутствует.

* * *

Начало изучения иранских языков древнего и среднего периодов относится к первой половине XVIII в. Оно связано с именем французского ученого Анкетилля Дюперрона, который около семи лет (1755—1762) жил в Индии, где с помощью зороастрийских священнослужителей перевел Авесту и отдельные связанные с ней среднеперсидские тексты. Свой труд он опубликовал в 1771 г. Вскоре после этого другой французский ученый, Сильвестр де Саси, сумел расшифровать имена и титулы сасанидских царей в трехязычных сасанидских надписях, скопированных К. Нибуrom. Эти два открытия способствовали дешифровке клинописных древнеперсидских надписей. В 1802 г. учителю Франкфуртской гимназии Г. Ф. Гротефенду удалось перевести две короткие надписи Дария I и Ксеркса, а в 1836 г. англичанином Г. Раулинсоном была скопирована и дешифрована самая большая надпись Дария I — Бехистунская (или Бисутунская). К середине XIX в. были дешифрованы и все другие, известные в то время древнеперсидские надписи. Параллельно с этим продолжалось изучение авестийского языка (Р. К. Раск, Э. Бюрнуф, К. Гельднер, Дж. Дармстетер, Г. Хюбшман, А. В. Джексон и др.) и среднеперсидских зороастрийских текстов (Н. Вестергард, Ф. Юсти, М. Хауг, Э. Вест и др.).

На рубеже XIX и XX вв. был издан сводный фундаментальный труд по иранистике «Grundriss der iranischen Philologie» (под редакцией В. Гейгера и Э. Куна), в котором отражены все достижения по исследованию иранских языков, полученные к тому времени. В нем содержатся, в частности, работы Хр. Бартоломе по древним иранским языкам (авестийскому и древнеперсидскому) и К. Г. Залемана по среднеперсидскому языку и др. В 1904 г. был опубликован словарь древнеиранских языков («Altiranisches Wörterbuch», Strassburg) Хр. Бартоломе.

В дальнейшем изучением Авесты занимались за рубежом — Х. Рейхельт, Х. Юнкер, И. Хертель, Э. Бенвенист, В. Хеннинг, Х. Бейли, Г. Моргенштерне, Ф. Вольф, М. Смирн, К. Хоффман, Х. Хумбах и др., в СССР — А. А. Фрейман, В. И. Абаев, Е. Э. Бертельс, С. Н. Соколов.

Наиболее значительные труды по древнеперсидскому языку принадлежат Ф. Х. Вейсбаху, Х. Тольману, Е. Л. Джонсону, А. Мейе и Э. Бенвенисту, Р. Кенту, В. Бранденштейну и М. Майрхоферу. В СССР изучением древнеперсидского языка занимались А. А. Фрейман, В. И. Абаев, М. Н. Боголюбов и др.

В изучение среднеперсидского языка большой вклад внесли труды К. Г. Залемана, В. Хеннинга, Х. Рейхельта, Х. Юнкера, Э. Херцфельда, А. А. Фреймана, О. Хансена, Х. Нюберга, Д. Н. Мак-Кензи.

Первая половина XX в. ознаменовалась открытием новых письмен-

ных памятников и введением в научный обиход целого ряда неизвестных ранее языков среднего периода: парфянского, согдийского, хорезмийского, сакского, бактрийского. В 1904 г. были опубликованы Ф. Миллером первые сведения о фрагментах рукописей, найденных в Турфане (Китайский Туркестан). При внимательном исследовании в них удалось распознать три среднеиранских языка: среднеперсидский, парфянский и согдийский. Первый из них был распознан самим Ф. Миллером, второй — Ф. Андреасом и А. Мейе, третий — Ф. Андреасом. Несколько позднее собрание письменных памятников на согдийском языке значительно пополнилось новыми находками. Особенно важное значение имеют документы, обнаруженные в 1933 г. на территории самой Согдианы (на горе Муг в долине р. Зеравшан). Их дешифровка была осуществлена советскими учеными А. А. Фрейманом, М. Н. Боголюбовым, В. А. Лившицем и О. И. Смирновой (1962—1963). Начало изучению грамматики согдийского языка положил К. Г. Залеман (1907, 1913). В дальнейшем работу по исследованию грамматического строя согдийского языка продолжили Р. Готью, Э. Бенвенист, И. Гершевич, М. Н. Боголюбов, В. А. Лившиц.

Письменные памятники на сакском языке были найдены в начале XX в. в Китайском Туркестане (в Хотане и других местах) экспедициями А. Стейна и др. Их издание и изучение было начато Э. Лейманом. Однако главная заслуга в исследовании сакского языка принадлежит Стен Конову и Х. Бейли. В дальнейшем в эту работу включились: за рубежом М. Дрезден, Е. П. Асмуссен, Ф. Эммерик, в СССР — В. С. Воробьев-Десятовский и Л. Г. Герценберг.

Основные особенности грамматического строя хорезмийского языка выявлены В. Хенningом и А. А. Фрейманом на базе материалов, содержащихся в упомянутом нами сочинении юридического содержания «Qunlyat ul-tunlyu».

Изучением парфянского языка занимались: Х. Нюберг, М. Бойс, А. Гилен, В. Хеннинг и др. Дешифровка парфянских памятников из Нисы, найденных в 1948—1954 гг., осуществлена советскими учеными — М. М. Дьяконовым, И. М. Дьяконовым и В. А. Лившицем.

Памятники на бактрийском языке, обнаруженные в Афганистане в 1957 г., исследовали А. Марик, В. Хеннинг и др.

Изучение живых иранских языков началось в Западной Европе и в России в конце XVII — начале XVIII в. Первоначально оно велось с практическими целями, и главное внимание привлекал к себе персидский язык. Переводчики персидского языка появились в России еще при Петре I. С 1732 г. персидский язык преподается в Коллегии иностранных дел, а с 1804 г. его преподавание введено в Устав русских университетов. Появились учебные пособия по персидскому языку. Однако углубленное, подлинно научное исследование его грамматического строя началось лишь во второй половине XIX в. С того времени созданы многочисленные грамматики: на западных языках — П. Хорна, Э. Плэтса и Г. Ренкина, Д. Филлота, Х. Енсена, Э. Ламбтон, Ж. Лазара и др., на персидском языке — Хаямпуре, А. Фарроха, Моина и др., на русском языке — И. Н. Березина, К. Г. Залемана и В. А. Жуковского, М. Джаффара, Е. Э. Бертельса, Л. И. Жиркова, В. С. Расторгуевой, Ю. А. Рубинчика; словари, изданные за рубежом, — И. Вуллеса, Ф. Вольфа, Ф. Штейнгаса, С. Хаима и др., в России и СССР — М. А. Гаффарова, И. Ягелло, Б. В. Миллера, Р. А. Галунова, И. К. Овчинниковой, Г. А. Фуругияна и Ш. М. Бади, коллектива авторов под редакцией Ю. А. Рубинчика.

В связи с опытом составления сравнительного словаря языков ми-

ра, предпринятого в России во второй половине XVIII в., были собраны первые материалы по гилянскому языку С. Г. Гмелиным, по афганскому (пушту), осетинскому, курдскому языкам — И. А. Гюльденштедтом. В дальнейшем афганский язык изучали русские ученые Э. Эверсман и Ю. Клапрот (начало XIX в.). Особенно велико значение трудов русского афганиста Б. А. Дорна, который был автором первой научной грамматики афганского языка (1842—1845). За рубежом грамматики афганского языка были изданы Е. Трумпфом, Х. Раверти, Г. Белью, В. Гейгером. В более позднее время исследование афганского языка вели за рубежом А. Кох, Д. Лоример, Г. Моргенштерне, Г. Пензл, у нас в СССР — Е. Э. Бертельс, М. Г. Асланов (которым, в частности, был создан большой «Афганорусский словарь»), П. Б. Зудин, Н. А. Дворянков, К. А. Лебедев, З. М. Калинина, В. А. Лившиц, И. М. Оранский и др.

—Русским и советским ученым принадлежит основная заслуга в исследовании осетинского и таджикского языков. Первая грамматика осетинского языка была написана А. М. Шегреном (1844). Однако особенно велик вклад в осетиноведение Вс. Ф. Миллера (1843—1913) и В. А. Абаева, которым принадлежат наиболее крупные труды по осетинскому языку. В СССР в этой области также работали Г. С. Ахвледиани, А. А. Фрейман, В. С. Соколова, К. Е. Гагкаев, Н. Х. Кулаев, М. И. Исаев, Т. З. Козырева и др., за рубежом — Х. В. Бейли, Э. Бенвенист, И. Гершевич и др. Начало изучения таджикского языка связано с именами В. Григорьева (1861), А. А. Семёнова (1900—1901) и П. К. Кузнецова (1900, 1915). Однако основоположником подлинно научного таджиковедения следует считать И. И. Зарубина (1925—1928), воспитавшего многочисленных учеников. Позднее в области исследования таджикского языка работали М. С. Андреев, С. Д. Арзуманов, Р. Л. Неменова, Б. Н. Ниязмухамедов, В. С. Расторгуева, А. З. Розенфельд, В. С. Соколова, Д. Т. Таджиев, Л. В. Успенская, М. Ф. Фазылов и др.

Первая грамматика курдского языка принадлежит итальянцу М. Гарцони (1784). В дальнейшем изучении этого языка особенно велики заслуги русских и советских курдоведов — В. Ф. Диттеля, Х. Абовяна, И. Березина, П. Лерха, А. Ходзько, А. Жабы, Ф. Юсти, С. А. Егиазарова, позднее — И. А. Орбели, А. Шамилова, К. К. Курдоева, И. И. Цукермана, Ч. Х. Бакаева и др., и зарубежных ученых — Э. Прима и А. Социна, О. Манна, К. Хаданка, Р. Джардина, Д. Н. Мак-Кензи, Е. Мак-Каруса и др.

Одним из первых исследователей прикаспийских языков (после С. Г. Гмелина) был профессор Казанского университета И. Н. Березин, которому принадлежат краткие грамматические очерки языков татского, талышского, гилянского и мазандеранского. В дальнейшем изучение татского языка проводилось русскими и советскими учеными — Вс. Ф. Миллером, Б. В. Миллером, А. Л. Грюнбергом; талышского языка: в России и СССР — А. Ходзько, П. Ф. Риссом, Б. В. Миллером, Л. А. Пирейко, за рубежом — В. Гейгером; гилянского и мазандеранского: в России и СССР — Б. Дорном, В. С. Соколовой, В. И. Завьяловой, Т. Н. Пахалиной, В. С. Расторгуевой, А. А. Керимовой, А. К. Мамедзаде, Л. А. Пирейко, Д. И. Эдельман, за рубежом — В. Гейгером, А. Кристенсенем.

Первые более или менее полные сведения по памирским языкам (шугнанскому, ваханскому) были опубликованы в 1876 г. английским ученым Р. Шоу. Позднее языки шугнано-рушанской группы изучались: русскими и советскими учеными — К. Г. Залеманом, Д. Л. Ива-

новым, И. И. Зарубиным, М. С. Андреевым, А. К. Писарчик, В. С. Соколовой, Т. Н. Пахалиной, Р. Ф. Додыхудоевым, Д. Карамшоевым, Н. Карамхудоевым, М. Файзовым и зарубежными учеными — В. Томашеком, В. Гейгером, В. Лентцем, Х. Шельдом, Г. Моргенштерне и др.; ваханский: советскими учеными — И. И. Зарубиным, С. И. Климчицким, Т. Н. Пахалиной, А. Л. Грюнбергом, И. М. Стеблин-Каменским и зарубежными учеными — В. Гейгером, Г. Грирсоном, А. Хьюлером, Л. Лоримером, Г. Моргенштерне, Х. Шельдом, В. Томашеком; ишкашимский: зарубежными учеными — Г. Грирсоном, Г. Моргенштерне и советскими учеными — И. И. Зарубиным, В. С. Соколовой, Т. Н. Пахалиной; язгулямский язык: советскими учеными — М. С. Андреевым, И. И. Зарубиным, В. С. Соколовой, Д. И. Эдельман и зарубежными учеными — Р. Готье, Г. Грирсоном.

Из числа других иранских языков белуджский изучали: за рубежом — Р. Лич, Х. Лассен, Фр. Мюллер, Э. Пирс, Э. В. Морстон, Э. Моклер, В. Гейгер, Г. Грирсон, Г. В. Джилбертсон, Г. Моргенштерне, П. Тедеско, Дж. Эльфенбейн, в СССР — И. И. Зарубин, В. С. Соколова, С. Н. Соколов, В. А. Фролова, В. С. Расторгуева, ягнобский язык: русские и советские ученые — К. Г. Залеман, М. С. Андреев, Е. М. Пещерева, С. И. Климчицкий, В. С. Соколова, М. Н. Боголюбов, А. Л. Хромов и зарубежные ученые — В. Гейгер, Х. Юнкер, Э. Бенвенист; различные мелкие бесписьменные языки Ирана: В. А. Жуковский, О. Манн, К. Хаданк, А. Кристенсен, Р. Лоример, Э. Ламбтон, В. Иванов и др.

В. С. Соколова провела фундаментальную работу по исследованию фонетики живых иранских языков (таджикского, персидского, курдского, осетинского, талышского, татского, ваханского, язгулямского, ишкашимского).

В качестве продолжения сводного труда по иранской филологии «Grundriss der Iranischen Philologie» в 1958 г. в Германии была издана книга «Handbuch der Orientalistik», Abt. I, Bd 4, Abschn. 1, Linguistik.

Данная работа строится в плане сопоставительно-описательном. В ней представлены лишь те языки, которые получили достаточно полное отражение в существующей в настоящее время литературе. В разделе «Древнеиранские языки» представлены языки древнеперсидский и авестийский; в разделе «Среднеиранские языки» — среднеперсидский, парфянский, согдийский, хорезмийский, сакский; в разделе «Новоиранские языки» в главе «Языки северо-западной группы» — курдский (диалекты — курмандж, мукри, сулеймани), талышский, белуджский, гилянский, мазандеранский, частично семнанский, в главе «Языки юго-западной группы» — персидский, таджикский, фарси-кабули, хазара (якаулангский диалект), татский, диалекты провинции Фарс (сомгун, папун, масарми, бурингун, ларские), в главе «Языки восточной группы» — афганский (пушту), мунджанский (с диалектами мунджи и йидга), шугнано-рушанская языковая группа (шугнанский, рушанский, хуфский, бартангский, орошорский, сарыкольский), ваханский, язгулямский, ишкашимский, ягнобский, осетинский (иронский диалект).

Авторы отдельных глав: Введение — В. С. Расторгуева, В. А. Ефимов, А. А. Керимова. Древнеиранские языки — В. С. Расторгуева. Среднеиранские языки — Е. К. Молчанова. Новоиранские языки: северо-западная группа — Д. И. Эдельман (фонетика),

Л. А. Пирейко (морфология, синтаксис, лексика); юго-западная группа — В. А. Ефимов (фонетика, именные части речи, служебные слова), А. А. Керимова (наречия, глагол, междометия, синтаксис, лексика); восточная группа — Д. И. Эдельман (фонетика, глагол, служебные слова, междометия, синтаксис, лексика), В. А. Ефимов (именные части речи, наречия).

В работе используется международная транскрипция на латинской основе, с введением ряда дополнительных знаков, в том виде, как она закрепилась в советской иранистике (в частности, в трудах И. И. Зарубина, В. С. Соколовой и др.). Приводим объяснение некоторых употребительных знаков:

c, ʒ — переднеязычные однофокусные аффрикаты, глухой и звонкий (типа «ц», «дз»);

č, ǰ — переднеязычные двухфокусные аффрикаты, глухой и звонкий (типа «ч» и «дж»);

s, z — переднеязычные круглощелевые однофокусные (свистящие) согласные, глухой и звонкий (типа «с» и «з»);

θ, ð — переднеязычные плоскощелевые, однофокусные согласные (типа так называемых межзубных английских согласных в словах *thin* 'тонкий' и *that* 'тот');

ʃ, ʒ — переднеязычные плоскощелевые двухфокусные согласные (типа «ш» и «ж», произносимые обычно в иранских языках со вторым средним фокусом и потому несколько более мягкие на слух, чем русские);

k', g' — среднеязычные смычные согласные, глухой и звонкий;

q — увулярный смычный глухой согласный (типа араб. ق);

x, ɣ — увулярные плоскощелевые согласные, глухой и звонкий (типа араб. خ и غ);

χ, ɣ̣ — заднеязычные круглощелевые согласные, глухой и звонкий;

v — губно-зубной щелевой звонкий согласный (типа русск. «в»);

w — губно-губной щелевой звонкий согласный;

y — среднеязычный щелевой звонкий согласный, (типа русск. «й»);

ā — лабиализованный гласный заднего ряда нижнего подъема;

ā или *a* — неллабиализованный гласный переднего ряда нижнего подъема;

ɔ, ə, ɯ — редуцированные гласные заднего или смешанного ряда;

ɯ или *ū* — лабиализованный гласный переднего ряда верхнего подъема;

ʕ — верхнефарингальный щелевой звонкий согласный (типа араб. ع);

ع);

h' — верхнефарингальный щелевой глухой согласный (типа араб. ح).

ح).

Диакритики:

1) точка под буквой, обозначающей согласный звук, указывает на ретрофлексную или какуминальную артикуляцию (церебральность): *ɭ, ɖ, ɗ, ʒ̣, ʃ̣, ʒ̣̣, ʒ̣̣̣, ɭ̣*;

2) кружочек с правой стороны вверху указывает на лабиализацию согласного звука: *h°, g°, q°, x°, ɣ°*;

3) черточка над буквой указывает на длительность: *ā, ī, ī̄* и т. д.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абаев — Абаев В. И., Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I, М.—Л., 1960.
- Опыт историко-типологического исследования иранских языков, под ред. В. С. Расторгуевой, т. I. Фонология. Эволюция морфологического типа, М., 1975.
- Оранский I — Оранский И. М., Введение в иранскую филологию, М., 1960.
- Оранский II — Оранский И. М., Иранские языки, М., 1963.
- Расторгуева I — Расторгуева В. С., Иранские языки. Введение,— в кн. «Языки народов СССР», т. I, М., 1966.
- Расторгуева II — Расторгуева В. С., Иранские языки,— в кн. «Советское языкознание за 50 лет», М., 1967.
- Соколова — Соколова В. С., Очерки по фонетике иранских языков, вып. I, II, М.—Л., 1953.
- Языки — «Языки народов СССР», т. I. Индоевропейские языки, М., 1966.
- GlPh — «Grundriss der iranischen Philologie», Bd 1, Abt. 1, Strassburg, 1895—1901; Abt. 2, 1898—1901.
- Handbuch — «Handbuch der Orientalistik», Abt. 1, Bd IV, Iranistik, Abschnitt 1, Linguistik, Leiden — Köln, 1958.
- К.-Р. F. — Mann O. — Hadank K., Kurdisch-persische Forschungen, Berlin, 1906—1932.

ПИСЬМЕННОСТЬ

Древнеперсидский язык, как уже говорилось выше, известен нам из клинописных надписей, созданных в период правления Ахеменидов. Термины «клинописное» и «клинопись» применяются к этому типу письма по той причине, что все буквы образованы в нем различными сочетаниями клинообразных знаков, расположенных либо вертикально острием вниз ! либо горизонтально острием вправо

➤, либо, наконец, образующих угол, направленный острой частью

влево <, например: а, d, < u, š и т. п.

Всего в древнеперсидской письменности было 36 буквенных знаков:

 а	 f	 n	 r
 i	 j	 n	 r
 u	 l	 p	 b
 k	 l	 f	 v
 k	 s	 b	 v
 x	 s	 m	 s
 g	 d	 m	 z
 g	 d	 m	 z
 c	 d	 y	 h

Письмо — частично слоговое, поскольку большинство знаков, предназначенных для согласных, может быть прочитано так же, как слог — сочетание данного согласного с гласным а.

Из приведенных выше таковы все знаки, при которых в транслитерации стоит строчное а; например: может быть прочитан, как b или ba, — как c и ca, — как d и da и т. п. Некоторые согласные имеют особое обозначение перед гласными i и u. При транслитерации таких знаков при соответствующем согласном стоит строчное i или u: dⁱ, d^u.

Все согласные древнеперсидского языка по характеру их обозначения на письме можно разделить на три группы:

1. Согласные, имеющие три обозначения, различающиеся в зависимости от того, следует ли за ними гласный а, i или u. Таких согласных два: d и m.

2. Согласные, имеющие два обозначения:

а) одно обозначение перед *a*, *i*, другое — перед *u*; таковы согласные *t*, *n*, *r*;

б) одно обозначение перед *a*, другое — перед *u*; таковы согласные *g*, *k*. Перед гласным *i* эти согласные не встречаются, так как *g* в этой позиции переходит в *j*, *k* — в *č*;

в) одно обозначение перед *a*, другое перед *i*; таковы согласные *j* и *v*. В позиции перед *u* эти согласные в тексте не встречаются.

3. Согласные, имеющие одно обозначение, независимо от того, перед каким гласным они находятся: *b*, *č*, *ç*, *f*, *h*, *x*, *b*, *s*, *š*, *ʁ*, *y*, *z*.

Для обозначения гласных имелись три буквы: $\overline{\text{a}}$ *a*, $\overline{\text{i}}$ *i*, $\overline{\text{u}}$ *u*.

Длительность гласного, которая в древнеперсидском языке имела фонологическое значение, на письме не обозначалась. Исключение представляет лишь $\overline{\text{a}}$, которое в середине и в конце слова после согласного получало специальное обозначение в виде знака $\overline{\text{a}}$, в то время как для краткого *a* в этой позиции специального знака не требовалось, достаточно было знака для согласного, включающего в себя *a*; ср.: $\overline{\text{a}}$ $\overline{\text{d}}$ $\overline{\text{a}}$ $\overline{\text{t}}$ $\overline{\text{a}}$ *dāta* 'закон' и $\overline{\text{a}}$ $\overline{\text{z}}$ $\overline{\text{g}}$ $\overline{\text{a}}$ $\overline{\text{m}}$ $\overline{\text{z}}$ $\overline{\text{d}}$ $\overline{\text{a}}$ *dargam* 'долго'. В начале слова для *a* и $\overline{\text{a}}$ использовался один и тот же знак: $\overline{\text{a}}$. Гласные *i*— $\overline{\text{i}}$, *u*— $\overline{\text{u}}$ обычно в письме не различались.

В том и в другом случае, как правило, после соответствующего согласного помещался знак $\overline{\text{i}}$ *i*($\overline{\text{i}}$) или $\overline{\text{u}}$ *u*($\overline{\text{u}}$). Можно только отметить, что при долгом *i* знак $\overline{\text{i}}$ после согласного стоит обязательно, при кратком *i* он в этой позиции кое-где в надписях отсутствует.

В древнеперсидских надписях отмечено также пять идеограмм. Одна из них имеется в надписях, принадлежащих Дарию: $\overline{\text{x}}$ $\overline{\text{š}}$ $\overline{\text{ā}}$ $\overline{\text{u}}$ $\overline{\text{a}}$ $\overline{\text{d}}$ $\overline{\text{i}}$ $\overline{\text{y}}$ *xšāyađiya* 'царь'. Четыре идеограммы встречаются в надписях преемников Дария:

$\overline{\text{d}}$ $\overline{\text{h}}$ $\overline{\text{y}}$ $\overline{\text{ā}}$ $\overline{\text{u}}$ $\overline{\text{š}}$ } *dahyāuš* 'провинция'

$\overline{\text{b}}$ $\overline{\text{ū}}$ $\overline{\text{m}}$ $\overline{\text{i}}$ $\overline{\text{š}}$ *būmiš* 'земля'

$\overline{\text{A}}$ $\overline{\text{h}}$ $\overline{\text{u}}$ $\overline{\text{r}}$ $\overline{\text{a}}$ $\overline{\text{m}}$ $\overline{\text{a}}$ $\overline{\text{z}}$ $\overline{\text{d}}$ $\overline{\text{ā}}$ } *A(h)uramazdā* 'Аурамазда'

$\overline{\text{b}}$ $\overline{\text{a}}$ *baga* 'бог'

Направление строки на письме — слева направо. Слова отделялись друг от друга особым знаком: $\overline{\text{a}}$ (в Бехистунской надписи) или $\overline{\text{a}}$ (во всех остальных надписях).

Дошедший до нас канонический текст Авесты, как мы уже говорили, был записан при Сасанидах, когда авестийский язык был уже мертвым. Алфавит, использованный при записи Авесты, был создан

на базе среднеперсидского книжного письма (так называемого книжного пехлеви).

Отличительной особенностью книжного пехлеви является малое количество букв, поскольку многие существовавшие ранее буквенные знаки в той разновидности арамейской письменности, которая легла в его основу, с течением времени в скорописи стерлись и совпали. Гласные звуки обозначаются только в том случае, если они долгие. Некоторые буквы многозначны. Все это делает пехлевийское письмо трудным для чтения и вместе с тем допускает возможность многообразных разночтений и интерпретаций. Поэтому создатели авестийского алфавита, стремившиеся к максимально точной передаче и закреплению традиционного произношения священных текстов Авесты, были вынуждены ввести в исходную среднеперсидскую графику большое количество дополнительных графем, с таким расчетом, чтобы каждому звуку авестийского языка соответствовала своя особая буква.

Новые буквы создавались посредством некоторого видоизменения уже существовавших знаков среднеперсидского алфавита. В качестве особых букв были приняты также некоторые существовавшие в среднеперсидском письме лигатуры (слитное написание двух или нескольких букв).

Всего в авестийском алфавите стало 48 букв вместо 16 среднеперсидского письма. Из них 14 служат для обозначения гласных и 34 буквы для обозначения согласных звуков:

АВЕСТИЙСКИЙ АЛФАВИТ

Гласные

𐬀 a 𐬁 ā 𐬂 e 𐬃 ē 𐬄 ə 𐬅 ē 𐬆 o

𐬇 ō 𐬈 ā 𐬉 ā 𐬊 i 𐬋 ī 𐬌 u 𐬍 ū

Согласные

𐬎 k 𐬏 g 𐬐 x 𐬑 ḫ 𐬒 č 𐬓 ħ 𐬔 t

𐬕 d 𐬖 ū 𐬗 ḍ 𐬘 ṭ 𐬙 p 𐬚 b 𐬛 f

𐬜 w 𐬝 ŋ 𐬞 ṣ 𐬟 n 𐬠 n, m 𐬡 m

𐬢 (m) y 𐬣 (m) v 𐬤 r 𐬥 s 𐬦 z

𐬧 (w) 𐬨 (m) 𐬩 š 𐬪 ž 𐬫 h 𐬬 h 𐬭 x

Направление строки при письме — справа налево.

ФОНЕТИКА

ЗВУКОВОЙ СОСТАВ

Вокализм древнеперсидского языка характеризуется наличием в нем фонологического противопоставления долгих и кратких гласных. Его основу составляют три пары гласных фонем, противопоставляемых друг другу по длительности: *i—ī, a—ā, u—ū*. Имелось также четыре дифтонга *ai, au, āi, āu*. В последнее время высказано предположение, что краткие дифтонги *ai, au* уже в древнеперсидском

языке (до периода создания надписей Дария) монофтонгизировались, причем *ai* перешло в *e*, *au* — в *ō* [Brandenstein, 29—30].

Это предположение основано на анализе характера написания некоторых заимствованных древнеперсидских слов и имен собственных в других языках, в частности, в эламском. Однако в древнеперсидской графике этот переход (если он был) не получил никакого отражения, а потому до получения каких-либо дополнительных данных эту точку зрения едва ли можно считать окончательно доказанной.

Что касается консонантизма, то в древнеперсидской графике представлены в специальном обозначении 22 согласных звука:

Шумные

Губные смычные: *p*, *b*.

Губные щелевые: *f*, *v*.

Переднеязычные смычные: *t*, *d*.

Переднеязычные аффрикаты: *č*, *j*.

Переднеязычные щелевые: *θ*, *ç*, *s*, *z*, *š*.

Заднеязычные смычные: *k*, *g*.

Заднеязычные щелевые: *x*.

Фарингальные: *h*.

Сопанты

Губные: *m*.

Переднеязычные: *r*, *l*, *n*.

Среднеязычные: *y*.

Приводим объяснение некоторых знаков транскрипции, которые могут быть непонятны читателю:

č, *j* — переднеязычные двухфокусные аффрикаты, глухой и соответствующий ему звонкий («дж»);

θ — переднеязычный плоскощелевой (межзубный) глухой согласный;

ç — переднеязычный щелевой согласный неясного образования. А. Мейе считает его свистящим сильным (*siflant fort*) и обозначает знаком *ss* [Meillet, 63—64], Р. Кент — глухим свистящим, промежуточным между дентальным *s* и альвеолярным *š* [Kent, 25]. Этимологически он восходит к древнеиранскому *θr* из инд.-ир. *tr* (скр. *tr*, ав. *θr*), поэтому некоторые ученые, в частности Х. Тольман, обозначают его знаком *θ'* [Tolman II, X, 26; Tolman I, словарь и тексты];

š — переднеязычный щелевой глухой шипящий звук;

x — заднеязычный (или, может быть, увулярный) щелевой глухой согласный.

y — среднеязычный щелевой звонкий согласный.

Многие видные иранисты полагают, что в небольшом количестве слов в древнеперсидском языке существовал также звук *ž* (звонкий шипящий типа «ж»), который обозначался на письме тем же знаком, что и *j*.

Звук *l* встречается только в нескольких именах собственных иностранного происхождения: в имени армянина *Haldita*, в названии провинции в Вавилоне *Dubala*, в названии горы *Labnāna*. В словах собственно иранских в древнеперсидском языке, равно как и в авестийском, этот звук не засвидетельствован, что дает основание считать его чуждым для фонологической системы древнеиранских языков.

Предполагается, что звонкие смычные согласные *b*, *d*, *g* в интервокальном положении переходили в соответствующие звонкие щелевые — *β*, *δ*, *γ* [Meillet, 76; Kent, 25], что, однако, не получило специ-

ального отражения в графике. Этот переход был позиционным, и в других фонетических условиях эти звуки не встречались, следовательно, они были не самостоятельными фонемами, а вариантами фонем *b, d, g*.

Исходя из графического обозначения, в авестийском языке можно выделить 14 гласных звуков и 34 согласных.

Гласные: *i, ī, e, ē, a, ā, ə, ǝ, u, ū, o, ǝ, ǝ, ǝ*.

Согласные: *p, b, f*, два типа *v*, обозначаемые двумя различными знаками, *ʍ, t, d, ǯ, j, ʈ, ɖ, ʈ, s, z*, три типа *š*, обозначаемые тремя различными знаками, *ž, k, g, x, xʷ, h, h', m, n, ŋ, ɲ*, два типа *y, r*;

ə, ǝ — по-видимому, гласные смешанного ряда, краткий и долгий.

ǝ — назализованное *a*;

ǝ — гласный заднего ряда нижнего подъема лабиализованный (типа лабиализованного заднего *a*);

ʍ — губно-губной звонкий щелевой согласный;

ʈ, ɖ — переднеязычные плоскощелевые согласные, глухой и звонкий;

ʈ — щелевой согласный неясного образования, по-видимому, близкий к *ʈ* и *ɖ*;

x, ɣ — заднеязычные или, скорее (судя по современным живым иранским языкам), увулярные щелевые согласные, глухой и звонкий;

xʷ — лабиализованное *x*;

h' — смягченное *h*;

ŋ — заднеязычный носовой согласный звук;

ɲ — смягченное *ŋ*.

Объяснение знаков *č, j, š, ž* дано на стр. 16. Остальные знаки не требуют пояснения.

Проведя анализ правил употребления отдельных букв и выявив, таким образом, некоторые чисто орфографические приемы, норвежский ученый Г. Моргенштерне сделал попытку установить, какие же из перечисленных здесь звуков имели самостоятельную фонологическую значимость и какие были лишь вариантами фонем [Morgenstjerne, 30—82]. В качестве звуков, имеющих смыслоразличительное значение, он выделил 9 гласных и 25 (для поздней Авесты — 29) согласных. Приведем их в том порядке, как их дает автор (в квадратных скобках представлены звуки, встречающиеся только в поздней Авесте):

Гласные:

ī ā e o
ǝ ā

Дифтонги: *aē, ao, ōi, əu, āi, au*.

Согласные:

k x g [ɣ] ŋ
č š j [ɲ] s ž
t ʈ d [ɖ] n s z
p f b w m
h
r [rʔ] ř
y v

Знаком $\dot{s}$ автор обозначает переднеязычный щелевой согласный, который, по его определению, соответствует по месту образования звуку $\dot{c}$.

$\tilde{r}$ — спонтированное глухое r , восходящее этимологически к сочетанию звуков rt .

Звуки, не вошедшие в эту схему ($e, \dot{a}, \dot{\bar{a}}, \dot{q}, \dot{\bar{b}}, \dot{t}, \dot{h}$), были признаны им вариантами соответствующих фонем, x^v — сочетанием звуков xv или hv .

Установленный таким образом состав фонем был, однако, принадлежностью не собственно авестийской фонологической системы, а того типа традиционного произношения авестийских текстов, которое сложилось ко времени их фиксации при Сасанидах (IV—VI вв.). Основываясь на ряде сравнительно-исторических данных, полученных в первую очередь при сравнении языка Авесты с древнеперсидским языком и с санскритом, специалисты-авестологи считают, что многое в приведенной фонологической системе не могло быть принадлежностью собственно авестийского языка и было привнесено в него в более позднее время, может быть под воздействием родных языков зороастрийцев, в среде которых Авеста сохранялась в устной традиции. Нельзя забывать также о том, что Авеста неоднородна по времени (а может быть, и по месту) своего создания и в ней не исключено наличие как хронологических, так и синхронно диалектных расхождений.

Наибольшее распространение в среде иранистов получила так называемая морфологическая, идеальная [Соколов, 22] или нормализованная транскрипция, которая впервые как система была применена Э. Бенвенистом (хотя методом, на котором она базируется, пользовались многие ученые задолго до него). В ее основу положена фиксация авестийских слов не так, как они непосредственно представлены в графике, а в виде наиболее продвинутых назад (к общеперсидскому периоду) их прототипов, восстанавливаемых посредством сравнения авестийского с другими иранскими языками и санскритом. При этом исключаются: 1) звуки $e, o, \dot{a}$, которые являются либо вариантами других фонем, либо возникают в результате стяжения дифтонгов; 2) звук $\dot{a}$, рассматриваемый как вариант фонем i, a, u или как вставной гласный; 3) дифтонги $a\dot{c}, \dot{o}i$ — варианты дифтонга ai ; 4) дифтонги $\dot{a}u, ao$ — варианты дифтонга au ; 5) звонкие щелевые $\dot{w}, \dot{\bar{d}}, \dot{\gamma}$ — варианты смычных b, d, g ; 6) носовые $\eta, \dot{\eta}$ — варианты фонемы n ; 7) $\dot{c}$ — вариант r . На месте $\tilde{r}$ восстанавливается сочетание звуков rt .

В результате вся фонологическая система авестийского языка представляется в значительно упрощенном виде.

Гласные: $i \bar{i} a \bar{a} u \bar{u}$.

Дифтонги: $a\dot{i} a\dot{u} \dot{a}\dot{i} \dot{a}\dot{u}$.

Согласные шумные: $p b f t d \dot{c} j \dot{\bar{d}} s z \dot{s} \dot{z} k g x h$.

Сонанты: $v u m n r$.

Иными словами, мы имеем здесь те же шесть гласных фонем и четыре дифтонга, что и в древнеперсидском языке, и в целом тот же состав согласных, за вычетом звука $\dot{c}$, которому в авестийском соответствует группа звуков $\dot{\bar{d}}r$, отсутствующая в древнеперсидском. Звук $\dot{l}$ в авестийском вовсе не встречается (даже и в заимствованных словах).

Основные фонетические расхождения между авестийским языком и древнеперсидским заключаются в следующем:

1) ав. z (<ир. $*\dot{z}$ <и.е. $*\dot{g}$, $*\dot{g}h$) соответствует др.-п. $\dot{d}$; ав.

azəm — др.-п. *ādam* 'я'; ав. *zasta-* — др.-п. *dasta-* 'рука'; ав. *zān-* — др.-п. *dān-* (основа глагола 'знать') и т. п.;

2) ав. *s* (<ир. *θ<и.-е. *h) соответствует др.-п. θ: ав. *vīs-* — др.-п. *viθ-* 'царский род'; ав. *suxra-* 'красный' — др.-п. *θuxra-* — имя собств.; ав. *masišta-* — др.-п. *maθišta-* 'главнейший';

3) ав. *θr* (<ир. *θr*, скр. *tr*) соответствует др.-п. *ç*: ав. *puθra-* — др.-п. *puça-* 'сын'; ав. *čīθra-* — др.-п. *čīça-* 'племя', 'род' и т. п.;

4) ав. *sp* (<инд.-ир. *θ'v) соответствует др.-п. *s*: ав. *aspa-* — др.-п. *asa* 'лошадь' [Соколов, 32].

Существует предположение, что в иранских языках древнего периода существовало музыкальное ударение, при котором слог выделялся в слове изменением тона. Следы музыкального ударения обнаруживаются в древнейших частях Авесты (в Гатах) при анализе метра (стихотворного размера), а также некоторых варьирующих написаний. В более позднее время музыкальное ударение заменилось динамическим (или силовым), которое в авестийском и древнеперсидском закреплено на третьем слоге от конца, если второй слог имел краткий гласный, и на втором слоге от конца, если этот слог имел долгий гласный. В двусложных словах ударение всегда падало на второй слог от конца.

МОРФОЛОГИЯ

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Древнеиранские языки принадлежат к числу языков синтетического строя с развитой системой флективных форм склонения имен и глагольного спряжения. Основными средствами словообразования и словоизменения в них являются: 1) внутренняя флексия, т. е. замена звуков внутри самого корня (или основы), 2) редупликация корней, 3) аффиксация, 4) присоединение окончаний флективного типа (только в словоизменении), совмещающих в себе несколько грамматических нагрузок: в склонении — значения падежа, числа, а в ряде случаев и рода, в спряжении — лица, числа, залога, а также частично времени и наклонения.

Изменения внутри корня или основы (внутренняя флексия) в древнеиранских языках проявляются в обусловленном грамматическими причинами чередовании гласного *a* (краткого) с *ā* (долгим) и с нулем (т. е. полным отсутствием гласного). Поскольку замена гласных здесь производится по количественному признаку (долгий гласный — краткий гласный), этот тип чередования обычно называют квантитативным. Выделяют три ступени огласовки корня: 1) нулевую, или исходную, 2) среднюю, или основную (в индийской терминологии *gīṇa*) и 3) долгую (в индийской терминологии *vṛddhi*). Схематически основные виды чередования гласных можно представить следующей таблицей (табл. 1).

Наличие всех трех огласовок свойственно отнюдь не всем словам. Некоторые слова имеют лишь две огласовки, а некоторые вовсе не изменяются по типу внутренней флексии. Приведем примеры:

ав. *upabdi* (<*upa-pd-i*) 'у подножия', *padəbiš* (*pad-biš*) 'ногами', *pādam* (*pād-am*) 'ногу'; *āfš* (*āp-š*) 'вода', *apaṃ* (*ap-ām*) 'вод'; *pidre* (*piṭrai*) 'отцу', *pitərəm* (*pitaram*) 'отца', *pīta* (*piṭā*) 'отец';

др.-п. *baraⁿtiy* (*bar-aⁿtiy*) 'они несут', *asabāra* 'всадник' (из *asa* 'лошадь', *bār-* — *vṛddhi* от *bar-* 'нести'); *ayaḍaīy* (*a-yad-a-iy*) 'я по-

Таблица 1

Нулевая ступень	Средняя ступень (guna)	Долгая ступень или ступень подъема (vrddhi)
нуль	a	ā
i	ai	āi
u	au	āu
ṛ	ar	ār
ṁ	an	ān

клонялся', 'я почитал', *bāgayādiṣ* 'поклонение богу' (название месяца из *bāga* — *vrddhi* от *baga* — 'бог'; *yād* — *vrddhi* от *yad* — 'поклоняться'); *duruxtam* (*durux-ta-m*) 'ложное', *drauga* (*draug-a*) 'ложь'; *Kuruṣ* (им. пад. ед. ч.) 'Кир', *Kurauṣ piṣa* 'сын Кира' (*Kurauṣ* род. пад. ед. ч.); *Čiṣpiṣ* (им. пад. ед. ч.) 'Чишпиш', *Čiṣpaiṣ pitā* 'отец Чишпиша' (*Čiṣpaiṣ* род. пад. ед. ч.) и т. д.

Из числа наиболее важных в грамматическом отношении чередований согласных следует упомянуть два:

1) *k/č*: др.-п. *kṛta* 'сделанный' — *čartanaiy* 'делать'; *Mača* 'Мекран' — *mačiyā* 'жители Мекрана', 'мекранцы'; ав. *vaṇača* 'он сказал' от *ṽvak-* 'сказать';

2) *g/j*: др.-п. *drauga* 'ложь' — *draujana* 'лгун', 'обманщик'.

Редупликация корней отмечена двух типов:

1) полная: ав. *zaōzaōti* 'я зову';

2) неполная, при которой начальный элемент комплекса представляет собой первые два звука (гласный и согласный) корня, второй — корень: ав. *vaṇača* 'он сказал' (*ṽvak-*).

Из числа аффиксов наибольшее распространение имеют суффиксы. Префиксы встречаются преимущественно у глаголов. Инфиксация имеет очень ограниченное употребление при образовании некоторых глагольных основ.

В древнеиранских языках могут быть выделены следующие самостоятельные (значимые) части речи: существительные, прилагательные, местоимения, числительные, глаголы, наречия. Служебные слова представлены в виде предлогов и союзов.

Существительные и прилагательные характеризуются наличием следующих грамматических категорий: рода, падежа и числа. Различались три рода — мужской, женский и средний. Род у существительных был независимой категорией. Каждое из существительных относилось к тому или иному роду и изменять его не могло. Изменение рода существительного, если оно встречалось, вело обычно к образованию нового слова: ср. ав. *aspa* 'лошадь', 'конь', *asrā* 'кобыла'. У прилагательных категория рода зависимая. Они изменялись по родам, согласуясь с существительным. В этом состоит основное морфологическое отличие прилагательных от существительных. В остальном они имели много общего: сходные типы основ, одинаковая падежная флексия.

Род существительных с грамматической точки зрения выражался:

1) типом основы: например, все имена с основой на *-a* были мужского или среднего рода, все имена с основой на *-ā* — женского рода;

2) характером некоторых падежных окончаний: например, при основах на *-a* существительные мужского рода в именительном падеже единственного числа не имели окончания (в конце слова был гласный *-a* основы), в среднем роде они имели окончание *-m* (такое же, как в винительном падеже);

3) согласованием, т. е. формой находящегося при них прилагательного или указательного местоимения. •

Изменение рода прилагательных происходило посредством изменения характера основы (см. стр. 29).

Падежей в древнеиранских языках было восемь: именительный, винительный, родительный, дательный, инструментальный, отложительный, местный и звательный. Число различалось — единственное, двойственное и множественное. Категории падежа и числа выражались падежной флексией.

Качественным прилагательным свойственна также категория степеней сравнения, выражаемая посредством специальных суффиксов.

Местоимения в грамматическом отношении очень неоднородны. Так, например, для личных местоимений характерно наличие категорий лица, числа и падежа. Им свойственна супплетивная форма склонения, т. е. падежные формы в ряде случаев образуются у них от разных основ: личное местоимение 1-го лица единственного числа в именительном падеже — ав. *ažət*, др.-п. *adam* 'я', в родительном падеже — ав. *mana*, др.-п. *manā* 'мой'. Указательным и относительным местоимениям категория лица несвойственна, зато они имеют помимо падежа и числа категорию рода.

Неоднородны в морфологическом отношении также числительные. Количественным числительным чужды категории рода, числа, а также и падежа (хотя в авестийском языке встречаются падежные формы некоторых числительных). Порядковые числительные по грамматическим свойствам близки к прилагательным.

Глагол как особая часть речи характеризуется наличием категорий залога, лица, числа, времени и наклонения. Два основных залога — активный и медиальный — различаются типами личных окончаний. Для образования пассивного залога существует особый основообразующий суффикс *-ua*. В личных окончаниях выражены помимо этого лицо, число, время (только в изъявительном наклонении), частично — наклонение (имеются специальные окончания повелительного наклонения).

Наречие — неизменяемая часть речи. Неизменяемы также служебные слова.

Авестийский язык с точки зрения морфологической более архаичен. Падежная система, в частности, представлена в нем в большей сохранности. В древнеперсидском языке уже в ранних ахеменидских надписях (принадлежащих Дарию) наблюдаются черты, свидетельствующие о начале распада падежной системы. Это проявляется в том, что некоторые падежи в нем совпали по форме. Например, у имен с основой на *-a* в единственном числе совпали падежи родительный и дательный, инструментальный и отложительный; у имен с основой на *-ā* совпали падежи родительный, отложительный и инструментальный. Местный падеж у всех типов основ фактически почти не употребляется без послелога *ā*. Исключение представляют в этом отношении только имена собственные. Еще большая степень распада флексии заметна в поздних ахеменидских надписях, принадлежащих потомкам Дария, особенно в надписях Артаксеркса III,

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

В древнеиранских языках существовали три основных типа словообразования: 1) суффиксация, 2) префиксация, 3) сложение основ (словосложение).

Из числа основных словообразующих суффиксов, значение которых выявляется более или менее отчетливо, можно назвать следующие:

1) др.-п. *-aina* образует прилагательные от существительных: *aḍangaina* 'каменный' от *aḍanga* 'камень';

2) др.-п., ав. *-ana* образует от глагольных основ: а) имена действия: др.-п. *hamarana-*, ав. *hamarəna-* 'битва' от *ham-* (префикс, обозначающий совместность) + *ar-* — корень глагола 'идти', 'продвигаться вперед', ав. *yasna* 'моление', 'жертвоприношение' от *yaz-* 'молиться', 'поклоняться'; б) имена места: др.-п. *āyādana-* 'храм' от *yad-* 'поклоняться' с префиксом *ā-*; др.-п. *vardana-* 'город', ав. *vərəzəna-* 'община' от др.-п. *vard-* (ав. *varz-*) 'огораживать'; в) имена деятеля (отмечено в др.-п.): *draujana-* 'лгун', 'обманщик', ср. *adurjiya* 'он лгал';

3) др.-п., ав. *-na* образует имена существительные от глагольных основ: др.-п. *apadāna-* 'дворец' из *apa-* (префикс) + *dā-* — корень глагола 'творить'; др.-п. *stāna-*, ав. *stāna-* 'место' от *stā-* корень глагола 'стоять';

4) др.-п., ав. *-nā* образует слова женского рода: др.-п. *framānā* 'приказ' из *fra-* (префикс) + *mā-* — корень глагола 'измерять', др.-п., ав. *stūnā-* 'колонна';

5) др.-п. *-(i)ya*, ав. *-ya* образует прилагательные и имена деятеля от именных основ: ав. *gaēduya* 'мирской' от *gaēda* 'мир', др.-п. *hami-ṣiya-* 'мятежный', 'мятежник' из *ha-* (<*ham-*) + *miṣa-* 'друг'; сюда же относятся др.-п. этнические названия: *arminiya-* 'армянин' от *Armina* 'Армения', *aḍuriya* 'ассириец' от *Aḍura* 'Ассирия';

6) др.-п., ав. *-ka* образует: а) прилагательные: др.-п. *(h)uška-*, ав. *huška-* 'сухой'; др.-п. *vazrka-* 'великий'; б) существительные: др.-п. *ba(n)daka-* 'раб' от *ba(n)da-* 'узы', 'оковы';

7) ав. *-mant* образует прилагательные от существительных: *xratumant-* 'разумный';

8) др.-п., ав. *-ra* образует прилагательные: ав. *suxra-* 'красный', др.-п. **ḍuxra-*;

9) др.-п., ав. *-tar*, *-tār* образует имена деятеля от глагольных основ: ав. *dātār-* 'творец' от *dā-* 'творить'; др.-п. *ja(n)tā* 'убийца', в винительном падеже единственного числа *jaⁿtāram* 'убийцу' от *jan-* 'убивать';

10) ав. *-tat* образует абстрактные существительные: *amərətāt-* 'бессмертие' из *a-* — префикс, имеющий значение отрицания + *mṛ* 'умирать';

11) др.-п., ав. *-ti* образует абстрактные существительные: др.-п. *šiyāti-* 'благосостояние', 'мир', др.-п., ав. *aršti-* 'копье';

12) др.-п., ав. *-va* образует прилагательные: др.-п. *jīva-*, ав. *j(i)va-* 'живой', др.-п. *duruva-* 'крепкий', 'надежный';

13) др.-п., ав. *-van* образует: а) прилагательные: др.-п. *artāvan-*, ав. *ašavān-* 'благочестивый'; б) существительные: *xšaçaṛāvan-* 'сатрап';

14) др.-п. *-ça*, ав. *-ḍra* образует существительные: др.-п. *xšaça-*, ав. *xšaḍra-* 'царство'.

Именных словообразующих префиксов было немного:

1) др.-п., ав. *a-* указывал на отсутствие какого-либо качества: ав. *aməratāt-* 'бессмертие', др.-п. *aūmaka-* 'безымянный' <*nāma-* 'имя' + *-ka*;

2) ав. *hu-*, др.-п. *u-* указывал на положительное качество, образует прилагательные: др.-п. *ukāra-* 'обладающий хорошим войском' от *kāra-* 'войско';

3) др.-п., ав. *duš-* указывает на отрицательное качество: др.-п. *dušiyāra-* 'неурожайный год', 'голод' от *yār-* 'год'

Основные типы сложения основ в древнеиранских языках были следующие:

1. Сочетание двух именных основ, из которых первая является как бы определением ко второй. Таким способом могут быть образованы существительные и прилагательные. При этом возможны следующие варианты:

а) сочетание существительного с другим существительным: ав. *vīs-paiti-* 'хозяин дома' из *vīs-* 'дом', *paiti-* 'хозяин'; др.-п. *arda-stāna* 'очаг' из *arda-* 'огонь', *stāna-* 'место';

б) сочетание прилагательного с существительным: ав. *nāire-manah-* (<**nairya-manah*) 'мужественный духом' из *nāire-* <*nairya-* 'мужественный', *manah-* 'дух'; др.-п. *tigra-xauda-* 'носящий остроконечную шапку' из *tigra-* 'острый', *xauda-* 'шапка';

в) сочетание числительного с существительным: ав. *bi-zangra* 'двуногий' из *bi-* — форма числительного 'два' и *zangra-* 'нога';

г) сочетание местоимения с существительным: др.-п. *uva-maršiy-uš* 'умерший своею смертью' из **uva-* 'свой', *maršiy-uš* 'смерть'.

2. Сочетание имени с глагольной основой. Образует прилагательные и имена деятеля: ав. *vīšo-vaēpa-* 'брызжащий ядом' из *vīš-* 'яд', *vaēp-* 'брызгать'; др.-п. *aršti-bara-* 'носящий меч' из *aršti-* 'меч', *bara-* — основа глагола 'нести'.

СКЛОНЕНИЕ

Именные основы в древнеиранских языках с точки зрения их внутреннего строения делились на корневые и производные, т. е. осложненные различными основообразующими суффиксами.

Корневые основы могли быть: а) с чередованием гласного в корне (наиболее ясно представленные в авестийском языке): ав. *pad-/pād-* 'нога'; б) без чередования гласных в основе: ав. и др.-п. *xšap-* 'ночь', *māh-* 'месяц'.

К числу основообразующих суффиксов относятся: 1) *-a* (так называемый тематический гласный), образующий основы имен существительных и прилагательных мужского и среднего рода; 2) *-ā*, образующий основы имен существительных и прилагательных женского рода; 3) *-ī*, образующий основы прилагательных (и некоторых существительных) женского рода; 4) все словообразующие суффиксы, перечисленные на стр. 27—28; 5) ряд словообразующих суффиксов неопределенного значения, по-видимому, давно уже ставших непродуктивными: ав. *-u* в слове *xratu-* 'разум', ав. *-t* в слове *stūt-* 'хвала'.

Основы, имеющие на конце гласный *-a*, принято называть тематическими. Основы на согласные (в том числе на сонанты *r*, *n*, *m*), а также на гласные *i*, *ī*, *u*, *ū* (которые принято соотносить с сонантами *y*, *v*) называют нетематическими.

Прилагательные, как мы уже говорили, изменялись по родам. При этом прилагательные, имевшие в мужском и среднем роде основу на краткий *-a*, в женском роде получали долгий *-ā*: ав. *sūra-* 'сильный', *sūrā-* 'сильная', др.-п. *aniya-* 'другой', *aniyā-* 'другая'; прилагательные с основой на согласный и на *-u/v* в женском роде получали на конце *-ī*: ав. *vanhav-* 'добрый', *vanhvi-* 'добрая'. В древнеперсидском языке относительно многочисленными примерами представлен лишь первый из этих двух возможных типов образования прилагательных женского рода. Второй тип прослеживается только в нескольких топонимах, например, в названии страны *Hara^huvati-* 'Арахозия', которое имеет в своей основе прилагательное. Ср. ав. *harax^haiti-*, скр. *sārasvati-* 'богатая водой' (ж. р. от прилаг. на *-vant*).

Имелось несколько типов склонения имен существительных и прилагательных, из которых каждый определяется характером конечного звука. В частности, различалось склонение: 1) основ на *-a*; 2) основ на *-ā*; 3) основ на согласные, из которых особо выделяются: а) основы на *-nt* (главным образом причастия настоящего времени); б) на *n*; в) на *r*; г) на **as—*ās*; 4) на гласные *-i*, *-ī*; 5) на гласные *-u*, *-ū*.

Дошедшие до нас тексты не дают возможности установить полную парадигму склонения фактически ни для одного из этих типов. Особенно это относится к древнеперсидскому языку, где даже в наиболее полно представленном типе склонения основ на *-a* все падежные формы известны только в единственном числе, а для некоторых разновидностей основ (например, на *-i*, *-ī* — на согласные) вообще мы знаем всего три-четыре падежные формы.

Ни в авестийском, ни в древнеперсидском языке нельзя найти ни одного слова, которое было бы зафиксировано в текстах во всех падежах. Поэтому в приводимых ниже парадигмах склонения мы для разных падежей будем давать разные слова.

При изменении имен по падежам и числам в ряде случаев помню присоединения соответствующих падежных окончаний происходит изменение гласного в корне, если основа корневая, или в основообразующем суффиксе, если основа деривативная (т. е. производная от корня). Различают так называемые слабые основы с наиболее низкой (нулевой или средней) ступенью огласовки и сильные основы — с долгой ступенью огласовки (см. стр. 24—25 о чередовании гласных). При различных типах склонения сильные основы могут быть свойственны разным падежам. Так, например, в авестийском языке сильные основы бывают у имен на согласный мужского рода — в именительном и винительном падежах всех трех чисел, а у имен на *i*, *u*, *ī*, *ū* — в родительном, дательном, отложительном и местном падежах единственного числа и т. п.

В приведенных ниже таблицах падежные окончания мы будем давать вместе с примыкающим к ним гласным основы, который не всегда легко от него отделить (табл. 2).

Склонение имен с основой на *-a* (табл. 2). Сюда относятся существительные и прилагательные мужского и среднего рода. В качестве примеров даются слова: ав. м. р. *ahura-* 'господин', 'Ахура (божество)', *aka-* 'плохой', *qsa-* 'сторона', 'партия', *aspa-* 'конь', *mašiya-* 'человек', *spāda-* 'войско', *yima-* 'Имама' (имя собств.), *zasta-* 'рука', ср. р. *aša-* 'правда', 'истина', *dōiθra-* 'глаз', *šyaod^ha-* 'деяние', др.-п. м. р. *baga-* 'бог', *gauša-* 'ухо', *dasta-* 'рука', *māda-* 'мн-

днеец', *martiya-* 'человек', *pārsa-* 'перс', *Pārsa-* 'Фарс' (название провинции); ср. р. *āyādāna-* 'храм', *xšaça-* 'царство'.

Средний род особо выделяется в таблице только там, где он имеет отличие в падежной форме от мужского (табл. 2).

Таблица 2

Число	Падеж	Окончания		Примеры	
		авестийский язык	древнеперсидский язык	авестийский язык	древнеперсидский язык
Единственное	им.	м. р. -ō ср. р. -ətm	м. р. -a ср. р. -am	<i>aspō,</i> <i>ašəm</i>	<i>pārsa</i> <i>xšaçam</i>
	вин. род.	-ətm -ahe -ahyā	-am -ahyā	<i>aspəm, mašīm, ašəm</i> <i>aspahe, mašyehe</i> <i>ahurahyā</i>	<i>pārsam, xšaçam</i>
	дат.	-āi	-ā	<i>yimāi</i>	<i>pārsahyā</i>
	отл.	<i>āf</i>	-ā	<i>akāf, mašyāf</i>	<i>pārsā</i>
	инстр.	-ā	-ā	<i>zastā</i>	<i>pārsā</i>
	местн.	-ōi, -e -aya	-iy, -yā	<i>šyaoḏanōi, šyaoḏne</i> <i>zastaya</i>	<i>Pārsaiy</i> <i>dastayā</i>
	зват.	-ā, -a	-ā	<i>ahurā, ahura</i>	<i>martiyā</i>
Двойственное	им.	-ā, -a	-ā	<i>spādā, zasta</i>	<i>gaušā</i>
	вин.	-ā, -a	-ā	<i>spādā, zasta</i>	<i>gaušāyā</i>
	род.	-ayd	-āyā	<i>ušayā</i>	—
	дат.	м. р. -aēibya	—	<i>aspaēibya,</i>	—
	отл.	-ōibya	—	<i>zastōibya</i> <i>doiḏrābya</i>	—
	инстр.	ср. р. -ābya	-aibiyā	<i>zastayō</i>	<i>dastaibiyā</i>
	местн.	-ayō	—	—	—
Множественное	им.	-ā, -a, -aḡhō	-ā, -āha	<i>mašyū, aspa,</i> <i>aspaḡhō</i>	<i>martiyā, bagāha</i>
	вин.	-əḡg, -qs- ča	-ā	<i>mašyəḡg, mašqs-ča</i>	<i>martiyā</i>
	род.	-ānqm, -anqm	-ānām	<i>mašyānqm, aspanqm</i>	<i>martiyānām</i>
	дат.	м. р. -aēibyo	—	<i>naēmaēibyo</i>	—
	отл.	ср. р. -ābyō	—	<i>dōiḏrābyō</i>	—
	инстр.	-āiš	-aibiš	<i>zastāiš</i>	<i>martiyaibiš</i>
	местн.	-aēšu	-aišuvā	<i>aspaēšu</i>	<i>mādaišuvā</i>

У имен среднего рода, как мы видели, во всех трех числах именительный падеж совпадает по форме с винительным. В этом их основное отличие от имен мужского рода, где совпадение именительного и винительного падежей наблюдается только в двойственном и множественном числе; в единственном числе они различаются: именительный падеж имеет окончание в ав. -ō, в др.-п. — -a, винительный падеж — в ав. -ətm, в др.-п. — -am.

Склонение имен с основой на -ā (табл. 3). Сюда относятся имена существительные и прилагательные женского рода. В качестве примеров мы берем слова: ав. *daēnā-* 'религия', *gaēḏa-* 'существо', *grīvā-* 'шея', *jahikā-* 'распутница', *savā-* 'польза', *urvarā-* 'растение', *vəḏwā-* 'стадо'; др.-п. *aniyā-* 'другая', *Aḏurā-* 'Ассирия', *fratānā-* 'приказ', *hainā-* 'войско', *maškā-* 'бурдюк', *stūnā-* 'колонна', 'столб', *taumā-* 'род', 'семья', *-zanā-* 'коренастая' (в составных словах).

Число	Падеж	Окончания		Примеры	
		авестийский язык	древнеперсидский язык	авестийский язык	древнеперсидский язык
Единственное	им.	-ā, -a	-ā	<i>daēnā, urvara</i>	<i>hainā</i>
	вин.	-am	-am	<i>daēnam</i>	<i>taumām</i>
	род.	-ayā	} -āyā	<i>daēnayā</i>	} <i>taumāyā</i>
	дат.	-ayāi		<i>jahikayāi</i>	
	отл.	-ayāf	-āyā	<i>daēnayāf</i>	<i>haināyā</i>
	инстр.	-ā, -ayā, -aya	-āyā	<i>daēnā, daēnayā, daēnaya</i>	<i>framānāyā</i>
	местн. зват.	-aya -e	-āyā —	<i>grīvaya urvaire</i>	<i>Aḍurāyā —</i>
Двойственное	им.	-e, -ōi	—	<i>urvaire, savōi</i>	—
	вин.	-e, -ōi	—	<i>urvaire, savōi</i>	—
	дат. } отл. }	-ābya	—	} <i>vqθwābya</i>	—
			—		—
Множественное	им.	-ā	-ā	<i>daēnā</i>	<i>stünā</i>
	вин.	-ā	-ā	<i>gaēdā</i>	<i>aniyā</i>
	род.	-anam	-ānām	<i>gaēdanam</i>	<i>-zanānām</i>
	дат. } отл. }	-ābyas-ča	—	} <i>urvarābyas-ča</i>	—
		-ābyō,	—		—
		-āvayō	—	<i>gaēdāvayō</i>	—
	инстр.	-ābiš	—	<i>gaēdābiš</i>	—
	местн.	-āhu, -āhva	-āuvā	<i>gaēdāhū, gaēdāhva</i>	<i>maškauva</i>

Склонение имен с основой на согласный (табл. 4). Сюда относятся имена существительные всех трех родов и некоторые прилагательные. В качестве примеров приводим слова: ав. м. р. *maz-* 'большой', *nap̄t-/napāt-* 'внук', *pad-/pād-* 'нога'; ж. р. *ap-/āp-* 'вода', *amə-rātāt-* 'бессмертные', *vīs-* 'дом', ср. р. *sna⁴⁰iš-* 'оружие', *uš-* 'ухо'; др.-п. м. р. *napāt-* 'внук', ж. р. *ap-* 'вода', *xšap-* 'ночь', *θard-* 'год'.

Таблица 4

Число	Падеж	Окончания		Примеры	
		авестийский язык	древнеперсидский язык	авестийский язык	древнеперсидский язык
Единственное	им.	-š, -s	нулевое	<i>āfš, amər⁴¹tāus-ča</i>	<i>napā</i>
	вин.	-am	-am	<i>āpam</i>	<i>θardam</i>
	род.	-ō	-a	<i>apō</i>	<i>xšapa</i>
	дат.	-e, -ē, -ōi	—	<i>ape, apae-ēif, mazōi</i>	—
	отл.	-aḥ	—	<i>āpaḥ</i>	—
	инстр.	-a, -ā	—	<i>apa, apā-ča</i>	—
	местн.	-i, -ya	-iyā	<i>vīsi, vīsyā</i>	<i>apiyā</i>
Двойственное	им.	м. р., ж. р. -a	—	<i>pāša, āpa,</i>	—
	вин.	ср. р. -i	—	<i>uši</i>	—
		м. р., ж. р. -a	—	<i>pāša, āpa,</i>	—
	род.	ср. р. -i	—	<i>uši</i>	—
	дат.	ā-	—	<i>amər⁴¹tātā</i>	—
	отл. } инстр. }	-bya	—	} <i>sna⁴²išbya</i>	—

Число	Падеж	Окончания		Примеры	
		авестийский язык	древнеперсидский язык	авестийский язык	древнеперсидский язык
Множественное	им.	-ō	—	<i>āpō</i>	—
	вин.	-ō, -as	—	<i>apō, āpō, apas-ča</i>	—
	род.	-qm	—	<i>apqm</i>	—
	дат. } отл.	-ibyō, -abyas	—	<i>vīžibyō, pačabyas-ča</i>	—
	инстр.	-abiš	-biš	<i>padabiš</i>	<i>abiš (<ap-biš)</i>
	местн.	-šu	—	<i>na fšu</i>	—

Склонение имен с основой на *-ah* ¹ **-as/-*ās* (табл. 5). К этому разряду относятся существительные среднего рода и производные от них прилагательные среднего и мужского рода (некоторые из прилагательных субстантивировались), а также прилагательные в сравнительной степени на *-yah*. В качестве примера приводятся слова: ав. ср. р. *manah-/manāh-* 'разум', 'дух', м. р. *miđahvačah-* 'лгущий', 'говорящий ложь'; др.-п. ср. р. *drayah-* 'море', *manah-* 'разум', 'дух', *raučah-* 'день'; м. р. *Aspačana-* 'Аспачанах' (имя собств.)¹.

Таблица 5

Число	Падеж	Окончания		Примеры	
		авестийский язык	древнеперсидский язык	авестийский язык	древнеперсидский язык
Единственное	им.	м. р. -ā	-ā	<i>miđahvačā</i>	<i>Aspačanā</i>
	инстр.	ср. -ō	-a, -as-ča	<i>manō</i>	<i>draya, manas-ča</i>
	инстр.	-ā	-ā	<i>managhā</i>	<i>manahā</i>
	местн.	-i	-yā	<i>manahi-ča</i>	<i>drayahyā</i>
Множественное	инстр.	-biš	-biš	<i>manābiš</i>	<i>raučabiš</i>

Склонение имен с основой на *-nt* (табл. 6). Сюда входят прилагательные и причастия мужского и среднего рода с суффиксами: ав. *-at/-ant*, *-vat/-vant*, *-mat/-mant*, др.-п. *-nt*. В качестве примеров приводим слова: ав. *astvat-/astvant-* 'материальный', 'телесный', *bər'zat-/bər'zant-* 'высокий', *čvat-* 'какой', *fšuyat-/fšuyant-* 'скотовод', *hat-/hant-* 'существующий', 'сущий', *tbišyat-/tbišyant-* 'ненавидящий'; др.-п. *tunvant-* 'могущественный'.

Склонение имен с основой на *-n*² (табл. 7). Сюда входят имена всех трех родов, в частности слова, образованные при помощи суффиксов ав. *-un/-van*, *-tan*. В качестве примеров приводим: ав. м. р. *barəzan-* (*barəšn-*) 'высота', *span-/spān-* 'собака', *urvān-* 'душа'; ср. р. *dātan-* 'творение', *nātan-* 'имя', *čaštan-* 'глаз'; др.-п. м. р. *asman-* 'небо', *bardan-* (*baršn-*) 'высота', 'глубина', *xšaça pāvan-* 'сатрап'.

¹ В авестийской части дана неполная таблица склонения. В нее не включены некоторые нерегулярные типы.

² Таблицы склонения (табл. 7 и 8) даны неполные. В них не включены некоторые нерегулярные типы (а потому даны и не все падежи).

Число	Падеж	Окончания		Примеры	
		авестийский язык	древнеперсидский язык	авестийский язык	древнеперсидский язык
Единственное	им.	-as	-ā	<i>hqs</i>	<i>tunuwā</i>
	вин.	-am	-am	<i>fšuyantəm</i>	<i>tunuwaⁿtam</i>
	род.	-ō	-ahyā	<i>hatō</i>	<i>tunuwaⁿtahyā</i>
	дат.	-e	—	<i>ha'te</i>	—
	отл.	-aŋ	—	<i>astvalaŋ</i>	—
	инстр.	-a	—	<i>bər'zata</i>	—
	местн.	-i	—	<i>astvanti</i>	—
Двойственное	им.	-a	—	<i>bər'zanta</i>	—
	вин.	-a	—	<i>bər'zanta</i>	—
	дат.	-bya	—	} <i>ēvaŋbya</i>	—
	отл.		—		—
	инстр.		—		—
Множественное	им.	-ō	—	<i>hantō</i>	—
	вин.	-ō	—	<i>fšuyantō</i>	—
	род.	-qm	—	<i>hatqm</i>	—
	дат.	-byō	—	<i>tbišyanbyō</i>	—
	отл.	—	—	—	—
	инстр.	-biš	—	<i>haōbiš</i>	—
	местн.	-sū	—	<i>fšuyasū</i>	—

Таблица 7

Число	Падеж	Окончания		Примеры	
		авестийский язык	древнеперсидский язык	авестийский язык	древнеперсидский язык
Единственное	им.	нулевое	нулевое	м. р. <i>urvā</i>	<i>xšaça pāvā</i>
	вин.	м. р. } ж. р. } -am	-am	с. р. <i>qama</i>	<i>asmānam</i>
	отл.	сп. р. нулевое	—	<i>urvaqnam</i>	
	инстр.	-aŋ	—	<i>qama</i>	
		-a	-ā	<i>čašmanaŋ</i>	<i>baršnā</i>
Двойственное	им.	-a	—	<i>spāna</i>	—
Множественное	им.	м. р. -ō	—	м. р. <i>spanō, urvaqno</i>	—
	вин.	сп. р. нулевое	—	сп. р. <i>damaŋ</i>	—
	род.	м. р. -ō	—	м. р. <i>uruno</i>	—
		сп. р. нулевое	—	сп. р. <i>damaŋ</i>	—

Склонение имен с основой на -r (табл. 8). Сюда относятся некоторые неразложимые основы имен существительных мужского и среднего рода, а также имена деятеля на -tar/-tār и термины родства.

В качестве примеров даются слова: ав. м. р. *ātar-* 'огонь', *dātar-* 'творец', *nar-* 'человек', 'мужчина', *pitar-* 'отец'; др.-п. м. р. *dauštar-* 'друг', *framātar-* 'повелитель', *pitar-* 'отец'.

Таблица 8

Число	Падеж	Окончания		Примеры	
		авестийский язык	древнеперсидский язык	авестийский язык	древнеперсидский язык
Единственное	им.	нулевое	нулевое	<i>dātā, pita</i>	<i>dauštā, pitā</i>
	вин.	- <i>āt</i>	- <i>am</i>	<i>dātārəm, pitarəm</i>	<i>framātārəm</i>
	род.	- <i>ō</i>	—	<i>dāvrō</i>	<i>piça</i>
	дат.	- <i>ē, -ōi</i>	—	<i>pīdrē, ādrē, narōi</i>	—
	отл.	- <i>aŋ</i>	—	<i>ādraŋ</i>	—
Множественное	им.	- <i>ō</i>	—	<i>dātārō</i>	—
	вин.	- <i>ō</i>	—	<i>ātārō</i>	—
	род.	- <i>am</i>	—	<i>narəm</i>	—
	дат.	- <i>byas-ča</i>	—	<i>nar'byas-ča</i>	—
		- <i>byō</i>	—	<i>nar'byō</i>	—

Склонение имен с основой на *-i* (табл. 9) Сюда входят существительные мужского и женского рода и некоторые прилагательные мужского рода. В качестве примеров приводим слова: ав. м. р. *ga'ri-* 'гора', ж. р. *aši-* 'участь', 'доля'; др.-п. м. р. *Fravarti-* 'Фравартиш' (и. с.); ж. р. *šiyāti-* 'счастье', 'свобода'.

Таблица 9

Число	Падеж	Окончания		Примеры	
		авестийский язык	древнеперсидский язык	авестийский язык	древнеперсидский язык
Единственное	им.	- <i>iš</i>	- <i>iš</i>	<i>ga'riš, ašiš</i>	<i>Fravartiš, šiyātiš</i>
	вин.	- <i>im</i>	- <i>im</i>	<i>ašim</i>	<i>Fravartim, šiyātim</i>
	род.	- <i>ōis</i>	- <i>aiš</i>	<i>garōiš</i>	<i>Fravartaiš</i>

Склонение имен с основой на *-i* (табл. 10). Сюда входят имена существительные и прилагательные женского рода, частично соотносящиеся с именами мужского рода на согласные, а также на гласные *i, u*. В качестве примеров даем слова: ав. *āzī-* 'стельная', *vaghvī-* 'добрая', *xšadri-* 'женщина', *Haraiti-* — название легендарной горы; др.-п. *Harauvati-* 'Арахозия', *Uvarazmi-* 'Хорезм'.

Таблица 10

Число	Падеж	Окончания		Примеры	
		авестийский язык	древнеперсидский язык	авестийский язык	древнеперсидский язык
Единственное	им.	- <i>ī</i>	- <i>iy, -iš</i>	<i>vaghī</i>	<i>Uvarazmiy Uvarazmiš</i>
	вин.	- <i>īm</i>	- <i>īm</i>	<i>vaghīm</i>	<i>Harauvatīm</i>
	род.	- <i>yō</i>	- <i>iyā</i>	<i>vaghuyō</i>	<i>Harauvatiyā</i>
	дат.	- <i>yāi</i>	—	<i>vaghuyāi</i>	—
	отл.	- <i>yāŋ</i>	—	<i>Haraiŋyāŋ</i>	—
	инстр.	- <i>yā</i>	—	<i>vaghuyā</i>	—
	местн.	—	- <i>iyā</i>	—	<i>Harauvatiyā</i>

Число	Падеж	Окончания		Примеры	
		авестийский язык	древнеперсидский язык	авестийский язык	древнеперсидский язык
Двойственное	им.	-ī	—	<i>āzī</i>	—
	вин.	-ī	—	<i>āzī</i>	—
Множественное	им.	{ -īš <i>-īnaqm</i> <i>-ibyo</i> <i>-išu,</i> <i>-šva</i>	—	<i>vaṇuhīš</i>	—
	вин.			<i>vaṇuhīnaqm</i>	
	род.			<i>vaṇuhibyo</i>	
	дат.			—	
	отл. мест.			<i>xšaδrišu,</i> <i>xšaδrišva</i>	

Таблица 11

Число	Падеж	Окончания		Примеры	
		авестийский язык	древнеперсидский язык	авестийский язык	древнеперсидский язык
Единственное	им.	м. р. -uš	м. р. -uš	<i>xratuš</i>	<i>Marguš</i>
	вин.	ср. р. -ū	ср. р. -uv	<i>vohū</i>	<i>dāruv, paruv</i>
	род.	м. р. -um	м. р. -um	<i>xratūm</i>	<i>Margum</i>
	дат.	ср. р. -ū	ср. р. -uv	<i>vohū</i>	<i>[dār]uv</i>
	отл.	-āuš	-auš	<i>xratāuš</i>	<i>Krauš</i>
	инстр. местн.	-ave-, -e -aoī	— -auš -auv, -avā	<i>vaghaove, xraðwe</i> <i>xrataoī</i>	— <i>Bābirauš</i> <i>Bābirauv, gāðavā</i>
Двойственное	им.	м. р. -u, -ū	—	<i>pasu, vohū</i>	—
	вин.	ср. р. -l	—	<i>voguhi</i>	—
	род.	м. р. -u, -ū	—	<i>pasa, vohū</i>	—
	дат.	ср. р. -l	—	<i>voguhi</i>	—
	отл.	-vā	—	<i>pasvā</i>	—
	инстр. местн.	{ -bya, -byā -vō	—	<i>pasubya, ahubyā</i> <i>aḡhvō</i>	—
Множественное	им.	м. р. -avō, -vas-ča	—	<i>vaḡhavō, pasvas-</i> <i>cā</i>	—
	вин.	ср. р. -u	—	<i>vohu-ča</i>	—
	род.	-āš, -vō	—	<i>xratūš, pasvō</i>	—
	дат.	-unqm, -vqm	м. р. { -ūnām ж. р. }	<i>vohunqm, pasvqm</i>	<i>parūnām</i>
	отл.	-byō	—	<i>vaḡhubyō</i>	—
	инстр. местн.	-īš -šu	—	<i>vaḡuhīš</i> <i>vaḡhušu</i>	—

Склонение имен с основами на -u (табл. 11). К этому разряду относятся имена существительные и прилагательные мужского и среднего рода. В качестве примеров даем слова: ав. м. р. *aḡhu-*

'бытие', *pasu-* 'скот', *xratu-* 'разум', *vaŋhu-*, *vahu-* 'хороший', 'добрый', *viātū-* 'основание'; др.-п. м. р. *Bābiru-* 'Вавилон', *gāu-* 'трон', *Kuru-* 'Кир', *Margu* 'Маргиана' (название страны), *paru-* 'многочисленный', *Ufrātu-* 'Евфрат', ср. р. *dāru-* 'дерево' (как строительный материал).

Склонение имен с основами на *-ū*. К этому разряду относятся имена мужского и женского рода. Они имеют такие же окончания, как у имен на согласный во всех падежах, кроме родительного падежа множественного числа, который оканчивается в ав. на *-ūnqm*, в др.-п. на *-ūnām*. Полной парадигмы мы давать не будем. Приведем лишь в качестве примера формы некоторых падежей от слова ав., др.-п. *tanū-* 'тело' (ж. р.), др.-п. *parū-* 'многочисленная':

ав. ед. ч.: им. пад. *tanuš*, вин. пад. *tanvēm*, род. пад. *tanvō*, дат. пад. *tanuyē*, инстр. пад. *tanva* и т. д.; др.-п. ед. ч. им. пад. *tanūš*, вин. пад. *tanūtm*; мн. ч. род. пад. *parūnām*.

Склонение имен с основами на долгий дифтонг *-āu* (табл. 12). К этому разряду принадлежат слова мужского и женского рода. В качестве примера приведем: ав. м. р. *aš-bāzu-* 'с сильными ногами', *pərəsu-* 'ребро'; ж. р. *dahyu-*, *daiḡhu-* 'страна'; др.-п. ж. р. *dahyu-*/*dahyāu-* 'страна'

Таблица 12

Число	Падеж	Окончания		Примеры	
		авестийский язык	древнеперсидский язык	авестийский язык	древнеперсидский язык
Единственное	им.	-āuš	-āuš	<i>aš-bāzāuš</i>	<i>dahyāuš</i>
	вин.	-āum	-āum	<i>pərəsāum</i>	<i>dahyāum</i>
	местн.	—	-āvam -auvā	—	<i>dahyāvam</i> <i>dahyauvā</i>
Множественное	им.	-avō	-āva	<i>daiḡhāvō</i>	<i>dahyāva</i>
	род.	-unqm	-ūnām	<i>dahyunqm</i>	<i>dahyūnām</i>
	местн.	—	-ušuvā	—	<i>dahyūšuvā</i>

СТЕПЕНИ СРАВНЕНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Образование степеней сравнения в древнеиранских языках было двух видов: 1) непосредственно от корня с использованием суффиксов: в сравнительной степени — *-yah*, в превосходной — *-išta*; 2) от основы с добавлением суффиксов: в сравнительной степени — *-tara*, в превосходной — *-tama*.

В качестве примеров из авестийского языка можно привести для первого вида: *vahyah-* 'лучше' от *vahu-* 'хороший', *vahišta-* 'лучший'; для второго: *akatara-* 'злее' от *aka-* 'злой', *raēvastama* 'самый сияющий' от *raēvat-* 'сияющий'.

В древнеперсидском языке степени сравнения представлены в текстах в очень небольшом количестве примеров: 1) сравнительная степень с суффиксом *-yah* только в двух случаях: **vahyah* 'лучше' от *vahu-* 'хороший' в составном имени собственном *Vahyazdāta-* и в слове *tauvīyah* 'сильнее' (ср. *tav-* 'быть сильным'); сравнительная степень с суффиксом *-tara* только при наречии *apa-* 'вперед' и *fra-* 'вперед': *apatara-* 'дальше прочь', *fratarā-* 'первый', находящийся

вперед»; 2) превосходная степень с суффиксом *-išta* в словах: *taḵšta* - 'самый главный', 'главнейший', 'главарь' и *duvaištam* 'в течение длительного времени'.

МЕСТОИМЕННИЯ

Местоимения делятся на следующие разряды: личные, указательные, относительные, вопросительные, неопределенные. С точки зрения морфологической среди них особо отличаются личные местоимения, которые не имеют категории рода, но зато имеют категорию лица и специфический тип склонения. Все остальные местоимения можно объединить в одну группу по признаку наличия у них категории рода, хотя в склонении каждое из них обладает своими особенностями.

ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕННИЯ

Личные местоимения были двух родов — самостоятельные и энклитические.

Самостоятельные местоимения имели следующую парадигму склонения (табл. 13).

Таблица 13

Личные местоимения

Число	Падение	1-е лицо		2-е лицо	
		авестийский язык	древнеперсидский язык	авестийский язык	древнеперсидский язык
Единственное	им. вин. род. дат.	<i>azəm, azəmt mąm mana ta¹byā, māvōya, ta¹byō</i>	<i>adam mām mana manā</i>	<i>tvəm, tūm, tū θwəm tava, tavā ta¹byā, ta¹byō</i>	<i>tuvam θuvām — —</i>
	отл. инстр.	<i>maḥ —</i>	<i>— —</i>	<i>θwaḥ, θwāḥ θwā</i>	<i>— —</i>
Двойственное	им. вин. род.	<i>əəḍva —</i>	<i>— —</i>	<i>— yavākəm</i>	<i>— —</i>
Множественное	им. вин.	<i>vaēm ahmā əhmā</i>	<i>vayam —</i>	<i>yūžəm —</i>	<i>— —</i>
	род. дат.	<i>ahmākəm ahma¹byā, ahmāi</i>	<i>amāxam —</i>	<i>yūšmākəm, xšmākəm yūšma¹byā, xšma¹byā, xšmāvōya</i>	<i>— — —</i>
	отл. инстр.	<i>ahmaḥ —</i>	<i>— —</i>	<i>yūšmaḥ, xšmaḥ xšmā</i>	<i>— —</i>

В функции личных местоимений 3-го лица используются указательные местоимения главным образом дальней степени удаленности (в др.-п. *haiv-*, *ava-*). Кроме того, имеются энклитические место-

имення 3-го лица, которые отдельные исследователи относят к числу указательных по признаку наличия у них категории рода (в авестийском языке [Соколов, 65]), но фактически они используются как личные.

Энклитические местоимения всех трех лиц имеют неполную парадигму склонения: они встречаются только в косвенных падежах, причем не во всех. Приводим таблицы их склонения (табл. 14, 15).

Таблица 14

Энклитические местоимения 1-го и 2-го лица

Число	Падеж	1-е лицо		2-е лицо	
		авестийский язык	древнеперсидский язык	авестийский язык	древнеперсидский язык
Единственное	вин.	<i>mā</i>	<i>mā</i>	<i>θwā</i>	—
	род., дат.	<i>mē, mōi</i>	<i>maiū</i>	<i>tē, tōi</i>	<i>aiy</i>
	отл.	—	<i>ma</i>	—	—
Двойственное	род.	<i>nā</i>	—	—	—
Множественное	вин.	<i>nā, nō</i>	—	<i>va, vō</i>	—
	род., дат.	<i>nō, nē</i>	—	<i>vō, vē</i>	—

Таблица 15

Энклитические местоимения 3-го лица

Число	Падеж	Авестийские			Древнеперсидские
		м. р.	ж. р.	ср. р.	
Единственное	вин.	<i>īm, hīm, dīm</i>	<i>hīm, dīm</i>	<i>īf, dīt</i>	<i>šim, dīm</i>
	род., дат.	<i>hē, šē</i>	<i>hē, šē</i>	<i>hīm, dīm</i> <i>hē, šē</i>	<i>šaiy</i>
Двойственное	вин.	<i>ī, hī</i>	<i>hī</i>	<i>hī</i>	—
Множественное	вин.	<i>dīš, hīš, īš</i>	<i>dīš, hīš</i>	<i>hīš, dī, ī</i>	<i>šīš, dīš</i>
	род., дат.	—	—	—	<i>šām</i>

УКАЗАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕННИЯ

В древнеиранских языках указательные местоимения различались трех степеней удаленности: 1) ближняя (типа русского «этот»), 2) дальняя (типа русского «тот») и 3) средняя, или безотносительная. Лучше всего зафиксированы местоимения ближней и дальней степеней.

Местоимения ближайшей степени удаленности в древнеперсидском языке образованы от трех основ — *iyam* (<**i*+*yam*), *ima-*, *a-*, которые следующим образом распределялись по падежам (табл. 16).

Таблица 16

Число	Падеж	Мужской род	Женский род	Средний род
Единствен- ное	им.	<i>iyam</i>	<i>iyam</i>	<i>ima</i>
	вин.	<i>īmat</i>	<i>īmām</i>	<i>ima</i>
	инстр.	—	—	—
	местн.	—	<i>ahyāyā</i>	—
Множест- венное	им.	<i>imaiy</i>	<i>imā</i>	—
	вин.	<i>imaiy</i>	<i>imā</i>	—
	род.	<i>imaišām</i>	—	<i>imā</i>
	инстр.	—	—	<i>imatbiš</i>

Авестийские указательные местоимения ближайшей степени образуются от следующих основ: м., ср. р. *a-*, ж. р. *ā-*, *i-*; м., ср. р. *ha-*, *ta-*, ж. р. *hā-*, *tā-*; м., ср. р. *aēta-*, *aēša-*, ж. р. *aētā-*, *aēšā-*; м., ср. р. *ima-*, ж. р. *imā-*; м., ср. р. *ana-*, *hva-*.

Мы распределим их в таблицах по парадигмам следующим образом.

1. Местоимения с основами *a-*, *ā-*, *i*, *ha*, *ta-*, *hā-*, *tā-* (табл. 17);
2. Местоимения с основами *ima-*, *imā-*, *ača-*, *hva-* (табл. 18);
3. Местоимения с основами *aēta-*, *aēša-*, *aētā-*, *aēšā-* (табл. 19).

Таблица 17

Число	Падеж	Мужской род	Женский род	Средний род
Единственное	им.	<i>aēm</i> , <i>ayēm</i> , <i>hō</i>	<i>īm</i> , <i>hā</i> , <i>hī</i>	<i>taf</i>
	вин.	<i>tēm</i>	<i>tām</i> , <i>tēm</i>	<i>taf</i>
	род.	<i>ahe</i> , <i>a'ghe</i> , <i>ahyā</i>	<i>a'ghā</i>	—
	дат.	<i>ahmāi</i>	<i>a'ghai</i> <i>ahyai</i>	—
	отл.	<i>ahmāt</i>	<i>a'ghāf</i>	—
	инстр.	<i>tā</i>	<i>aya</i> , <i>ōyā</i>	—
	местн.	<i>ahmi</i> , <i>ahmya</i>	<i>a'ghe</i>	—
Двойст- венное	им.	<i>tā</i>	—	—
	род.	<i>ās-ča</i> , <i>ayā</i>	—	—
	дат.	<i>ābyā</i>	<i>ābyā</i>	—
Множественное	им.	<i>tē</i> , <i>tōi</i>	<i>tā</i> (<i>tā</i>)	<i>tā</i>
	вин.	<i>tā</i> , <i>tāng</i>	<i>tā</i> (<i>tā</i>)	<i>tā</i>
	род.	<i>aēšam</i>	<i>a'gham</i>	—
	дат.	<i>aē'byō</i>	<i>ābyō</i>	—
	отл.	—	<i>ābyō</i>	—
	инстр.	<i>aē'biš</i> , <i>tāiš</i> , <i>āiš</i>	<i>ābiš</i>	—
	местн.	<i>aēšū</i> , <i>aēšva</i>	<i>āhū</i> , <i>āhva</i>	—

Таблица 18

Число	Падеж	Мужской род	Женский род	Средний род
Единственное	им. вин. инстр.	<i>hvd</i> <i>imət</i> <i>anā</i>	— <i>imqm</i> —	<i>imaṭ</i> <i>imaṭ</i> —
	им. род.	<i>ima</i> <i>anayd</i>	— —	— —
Множественное	им. вин.	— <i>imq, ime</i>	<i>imā</i> <i>imā</i>	<i>ima, imā</i> <i>ima, imā</i>

Таблица 19

Число	Падеж	Мужской род	Женский род	Средний род
Единственное	им. вин. род. дат. отл. инстр. местн.	<i>aēšo, aēšu</i> <i>aētəm</i> <i>aētahe</i> <i>aētahmāi</i> <i>aētahmaṭ</i> <i>aēta</i> <i>aētahmi</i>	<i>aēša</i> <i>aētqm</i> <i>aētaḡhā, aētayd</i> — — <i>aētaya</i> —	<i>aētəm, aētaṭ</i> <i>aētəm, aētaṭ</i> — — — —
	им. род.	<i>aēta</i> <i>aētayd</i>	— —	<i>aēte</i> —
Множественное	им. вин. род. дат. отл. местн.	<i>aēte</i> — <i>aētaēšqm</i> <i>aētaēbyō</i> — <i>aētaēšu, aētaēšva</i>	<i>aētā</i> <i>aētā</i> — <i>aēta'byō</i> —	<i>aēta</i> <i>aēta</i> — — — —

Указательные местоимения дальней степени в авестийском и древнеперсидском языках употреблялись от двух основ: *hau-* и *ava-* (табл. 20).

Таблица 20

Число	Падеж	Мужской род		Женский род		Средний род	
		авестийский язык	древнеперсидский язык	авестийский язык	древнеперсидский язык	авестийский язык	древнеперсидский язык
Единственное	им. вин.	<i>hāu, aom</i>	<i>hauv, hauvam</i>	<i>hāu</i>	<i>hauv</i>	—	<i>ava</i>
	род.	<i>aom</i>	<i>avam</i>	<i>avqm</i>	<i>avām</i>	<i>avaṭ</i>	<i>ava</i>
	дат.	<i>avahe</i>	<i>avahyā</i>	<i>ava'ḡhā</i>	—	—	—
	отл.	—	—	<i>ava'ḡhāi</i>	—	—	—
	инстр.	<i>ava, avā</i>	<i>avanā</i>	<i>ava'ḡhāt</i>	—	—	<i>avanā</i>

Число	Падеж	Мужской род		Женский род		Средний род	
		авестийский язык	древнеперсидский язык	авестийский язык	древнеперсидский язык	авестийский язык	древнеперсидский язык
Множественное	им.	<i>ave</i>	<i>avaiy</i>	<i>avd</i>	<i>avā</i>	<i>ava</i>	—
	вин.	<i>ave</i>	<i>avaiy</i>	<i>avd, avaghā</i>	—	—	—
	род.	<i>avaēšqm</i>	<i>avaišām</i>	—	—	—	—
	дат.	<i>avabyd</i>	—	—	—	—	—
	инстр.	<i>avāiš</i>	—	—	—	—	—

ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕННИЯ

Относительные местоимения в авестийском языке имеют основы *ya-* в мужском и среднем роде и *yā-* в женском роде. Они склоняются по тому же образцу, что и указательные.

В древнеперсидском языке относительные местоимения имеют основы: м. р. *h^aya-*, ж. р. *h^ayā-*, ср. р. *t^aya-* (табл. 21).

Таблица 21

Число	Падеж	Мужской род	Женский род	Средний род
Единственное	им.	<i>h^aya</i>	<i>h^ayā</i>	<i>t^aya</i>
	вин. инстр.	<i>t^ayam</i> —	<i>t^ayām</i> —	<i>t^aya</i> <i>t^ayanā</i>
Двойственное	им.	<i>t^ayā</i>	—	—
Множественное	им.	<i>t^ayaiy</i>	<i>t^ayā, t^ayaiy</i>	<i>t^ayā</i>
	вин. род.	<i>t^ayaiy</i> —	<i>t^ayā</i> <i>t^ayaišām</i>	<i>t^ayā</i> —

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Количественные числительные в авестийском языке от двух до четырех склоняются, как имена, в соответствии с конечными гласными основы; от пяти до десяти они неизменяемы; единица склоняется, как местоимение. Приводим их перечень:

<i>aēva-</i>	‘один’
<i>dva-</i>	‘два’
<i>θray-</i>	‘три’
<i>čaθwār-</i>	‘четыре’
<i>panča</i>	‘пять’
<i>xšvaš</i>	‘шесть’
<i>hapta</i>	‘семь’
<i>ašta</i>	‘восемь’

<i>nava</i>	'девятъ'
<i>dasā</i>	'десять'
<i>pañcadasa</i>	'пятнадцать'
<i>xšvašdas</i>	'шестнадцать' и т. д.
<i>vīsaiti</i>	'двадцать'
<i>satəm</i>	'сто'

В древнеперсидском языке числительные очень мало представлены в текстах. Известны: *aiva* 'один', *ubā* 'оба', **daḡa* 'десять', *ḡata* 'сто' (только в составном имени собственном), *hazāra-* 'тысяча'.

Порядковые числительные в авестийском языке образовались с разными суффиксами: *bitya* 'второй', *ḡritya* 'третий', *haptaḡa* 'седьмой', *dasəma* 'десятый' и т. д. Аналогичная картина, по-видимому, наблюдалась в древнеперсидском, но только там они мало засвидетельствованы: *duvitiya* 'второй', *ṣitṭiya* 'третий', *navaṡa* 'девятый'.

НАРЕЧИЯ

Наречия в древнеиранских языках — относительно немногочисленная категория слов. Это либо застывшие падежные формы существительных и прилагательных, либо местоименные основы со специальными адвербиальными суффиксами. Наиболее часты случаи превращения в наречия существительных со значением места и времени, а также некоторых качественных прилагательных в следующих косвенных падежах:

а) винительном: др.-п. *dargam*, ав. *darəḡəm/darəḡəm* 'долго', др.-п. *paruvam* 'прежде';

б) отложительном: ав. *durāḡ* 'издали';

в) инструментальном: ав. *parāḡa* 'прочь', *nava* 'вновь';

г) местном: др.-п. *vasaiy* 'много', 'очень', *dūrai* 'вдали', ав. *asne* 'вблизи';

д) дательном: ав. *paoiryāi* 'впервые' и др.

Из числа местоименных наречий следует отметить образования с суффиксами:

1) др.-п. *-dā*, ав. *-ḡa*; др.-п. *idā*, ав. *iḡa* 'здесь', др.-п. *avadā*, ав. *avaḡa* 'там';

2) др.-п. *-ḡā*, ав. *-ḡa*; др.-п. *avaḡā*, ав. *avaḡa* 'так', ав. *iḡa* 'так';

3) ав. *-ḡa*: *iḡa* 'здесь', *avaḡra* 'там' и др.

Встречаются также случаи адвербиализации предложных и послеложных сочетаний: др.-п. *patipadam* 'на свое место', 'обратно', *avaraḡa* 'туда' и др.

ГЛАГОЛЫ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА. ФОРМООБРАЗОВАНИЕ ГЛАГОЛА

В древнеиранских языках существовало два основных залога — активный и медиальный (средний). Активный залог обозначал действие активное, переходное или совершаемое не для себя; медиальный залог — состояние, в котором находится субъект, действие, которому он подвергается, или действие, совершаемое субъектом для себя.

При помощи специальных суффиксов, присоединявшихся к корню, могли быть выражены также такие залоговые значения, как каузативность (суффикс *-aυa*) и пассивность (суффикс *-ya*). Однако это

не получило полной грамматикализации и относилось скорее к категории словообразования, чем словоизменения.

Наклонений в обоих древнеиранских языках было четыре: изъявительное, повелительное, конъюнктив (сослагательное наклонение) и оптатив (желательное наклонение).

Внутри изъявительного наклонения выделялись следующие временные формы: настоящее время, имперфект (прошедшее длительное время), аорист (прошедшее однократное время), перфект (прошедшее результативное время), в авестийском также — плюсквамперфект (преждепрошедшее время). Каждая из форм сочетала в себе временное значение с характером протекания действия, что особенно наглядно представлено в прошедших временах: имперфект — прошедшее время и длительность, несовершенство действия, аорист — прошедшее время и однократность действия, перфект — прошедшее время и результативность.

Другие наклонения — повелительное, конъюнктив, оптатив — временных форм не имели.

Изъявительное наклонение обозначало действие, реальность которого представлялась говорящему несомненной. Конъюнктив выражал сомнение, возможность, иногда желательность действия и вместе с тем мог служить для указания на будущее время. Оптатив обозначал желательность, повелительное наклонение — повеление и просьбу.

Формы прошедших времен, образуемые с вторичными окончаниями, т. е. имперфект, аорист, в авестийском языке также плюсквамперфект без аугмента (см. ниже, стр. 49—51), могли употребляться в значении, близком к конъюнктиву (возможность, желательность). В таком случае в большинстве существующих грамматик их трактуют в качестве особого наклонения — инъюнктива. В данном очерке мы все это будем рассматривать в рамках изъявительного наклонения. Выделение инъюнктива не представляется нам достаточно правомерным, поскольку он, по существу, не имеет своих специфических формальных (морфологических) признаков.

Помимо залога, наклонения и времени глагол имел также грамматические категории числа (единственное, двойственное и множественное) и лица.

В качестве составных элементов формообразования в глаголе использовались: 1) глагольные основы различных типов, 2) личные окончания, 3) специальные суффиксы, присоединявшиеся к основе для образования конъюнктива и оптатива, 4) особый формообразующий префикс *a-* (аугмент), 5) препозитивные отделяемые частицы отрицания. В некоторых случаях изменение формы глагола сопровождалось внутренней флексией (перегласовкой корня).

Основы глагола, помимо того что они были носителями его семантики, имели также определенную грамматическую нагрузку — указание на характер протекания действия и частично — на время. Различались три типа глагольных основ: основы настоящего времени, основы аориста и основы перфекта. Основы настоящего времени участвовали в образовании форм настоящего времени и имперфекта, основы аориста — в образовании форм аориста, основы перфекта — в образовании перфекта и плюсквамперфекта.

В зависимости от характера конечного звука основы всех трех типов делились на тематические (имевшие на конце *a*) и нетематические (имевшие на конце любой другой звук — гласный или согласный). С этим связано некоторое различие в спряжении глагола (тематическое и нетематическое спряжение).

Наибольшим многообразием отличались основы настоящего времени. Самый распространенный способ их образования — присоединение к корню различных основообразующих суффиксов: *-a*, *-aуa*, *-sa* и др. Иногда это сопровождалось изменением гласного внутри корня. Использовались также такие приемы, как редупликация корня и инфиксация.

Каждый глагол в принципе мог иметь несколько основ настоящего времени, обычно в какой-то степени различающихся по смыслу; ср. ав. *tafsa* — основа настоящего времени глагола 'нагреваться' (с оттенком начинательности действия) и *tāpaуa* — 'нагревать'. Вместе с тем встречались глаголы, имевшие только одну основу настоящего времени.

Всего типов основ настоящего времени (или классов основ, как их иногда называют) в авестийском языке было, по одним данным, 32, по другим — 19, в древнеперсидском, по-видимому, — около 15.

Приведем некоторые наиболее распространенные разновидности основ настоящего времени.

I. Тематические основы.

Основы на *-a* (при нулевой, средней или долгой огласовке корня): ав., др.-п. *bara* — 'нести', др.-п. *gauba* — 'говорить', ав., др.-п. *bava* — 'делаться', 'становиться' и др.

Основы на *-aуa* (преимущественно с долгой или средней огласовкой корня). Это наиболее многочисленное и живое образование. Суффикс *-aуa* придает глаголу значение переходности, каузативности или интенсивности действия: ав., др.-п. *dāraya* — 'держат', ав. *gaocāya* — 'освещать', др.-п. *apa-gaudaya* — (с приставкой *apa*-) 'скрывать' и др.

Основы на *-sa* (при нулевой или средней огласовке корня): др.-п. *tarsa* — 'бояться', 'трястись', ав. *tafsa* — 'нагреваться' и др. Первоначальное значение суффикса *-sa* — начинательность действия (инхоативность). Однако в авестийском и древнеперсидском языках оно в большинстве случаев уже не ощущается.

Основы на *-ya*, *-iya* (со средней или нулевой огласовкой корня):

а) с активным значением: ав., др.-п. *maniya* — 'думать', др.-п. *durujiya* — 'лгать';

б) с пассивным значением: др.-п. *kariya* — 'делаться' (пассив от глагола *kr-* 'делать'), ав. *ba'rya* — 'быть переносимым с места на место' (пассив от глагола *bar-* 'нести').

Основы на *-va* (очень немногочисленные): ав., др.-п. *jiva* — 'жить'.

Основы на *-na* (очень немногочисленные): др.-п. *vaina* —, ав. *vaēna* — 'видеть'.

Основы с инфиксом *-n-* плюс тематический гласный (при нулевой огласовке корня): ав. *hinča* — 'лить'. В древнеперсидском отмечена только одна основа *viⁿda* — 'находить' в составном имени собственном *Viⁿdafarnah*.

Авестийские основы на *-šya*: *vaхšya* — 'говорить' (в будущем времени). Значение — будущее время.

Авестийские основы с удвоением корня плюс суффикс *-ša*. Значение — желательность: *didar²ša* — 'задумать что-либо сделать'; *iri-rixša* — 'захотеть погубить'.

II. Нетематические основы.

Корневые основы (иногда с изменением гласного в корне): ав., др.-п. *ah* — 'быть', ав., др.-п. *jan* — 'бить', др.-п. *au* —, ав. *au* — 'идти' и др.

Основы, образованные путем редупликации корня: ав., др.-п. *da-da*¹ — 'давать', *dadā*² — 'создавать'.

Основы с суффиксом др.-п. *-nu*, *-nai*, ав. *-nao* (с нулевой ступенью огласовки корня): др.-п. *kunai*-, ав. *kəṛənao*- 'делать';

Основы с суффиксом *-nā* (с нулевой ступенью огласовки корня): др.-п. *dānā*- 'знать', *dīnā*- 'отнимать', ав. *āfrīnā*- 'ублагодотворять'.

Авестийские основы с инфиксом *-n-*, *-na-*: *ēnah*- 'обещать'.

Основы аориста значительно менее многообразны. Различаются две главные разновидности основ аориста — асигматические и сигматические.

Асигматические основы аориста в авестийском языке внешне не отличаются от основ настоящего времени. Единственная их особенность заключается в том, что они способны принимать только вторичные окончания в отличие от основ настоящего времени, принимающих и первичные окончания (в настоящем времени), и вторичные (в имперфекте).

В древнеперсидском языке в асигматическом аористе засвидетельствованы преимущественно корневые нетематические основы: *ku*- 'делать', *dā*- 'создавать'.

Основы сигматического аориста в древних индоевропейских языках характеризуются наличием в них суффиксального элемента *-s*. Отсюда термин «сигматический» (от названия древнегреческой буквы «сигма»). В древних иранских языках это *s* в аористе в ряде случаев перешло в *š* или *h*: др.-п. *darš*- основа аориста глагола 'завладеть' (от корня *dar*- 'держать'), ав. *dārəš*- 'обязывать', 'принуждать' (от того же корня), *stah*- (от *stā*- 'стоять').

Большинство перфектных основ в авестийском языке образуется посредством редупликации корня (тип нетематический): *yaumat*- — основа перфекта глагола 'двигаться', *didvīš*- — основа перфекта глагола 'ненавидеть' и т. п. В древнеперсидском перфектная основа засвидетельствована только в опативе глагола *kr* 'делать' (с удвоением): *caxriyā*.

Посредством личных окончаний в древнеиранских языках осуществлялось залоговое противопоставление, прослеживаемое во всех временах и наклонениях. В связи с этим выделялись особые окончания активного и медиального залогов.

Вместе с тем личные окончания частично служили также для указания на время, характер протекания действия и модальность. В связи с этим различались: 1) первичные окончания (табл. 22), употреблявшиеся при образовании форм настоящего времени изъявительного наклонения и при конъюнктиве; 2) вторичные окончания (табл. 23), употреблявшиеся при имперфекте, при опативе, в авестийском также при конъюнктиве и плюсквамперфекте; 3) окончания повелительного наклонения (табл. 24); 4) в авестийском особые окончания перфекта (табл. 25).

В конъюнктиве, который в древнеперсидском всегда образуется с первичными окончаниями, а в авестийском может быть с ними образован, в 1-м лице имеются особые окончания: в активном залоге др.-п. *-niū*, ав. *-a*, *-vi*, в медиальном залоге др.-п. *-naiū*, ав. *-āi*, *-āne*.

Опатив, в целом образуемый с вторичными окончаниями, в авестийском языке в 1-м лице единственного числа медиального залога имеет особое окончание *-a*.

Частицы отрицания: 1) при формах изъявительного наклонения, а также конъюнктива и опатива — др.-п. *naiū*, ав. *noit*, 2) при повелительном наклонении, а также факультативно при конъюнктиве и опативе — ав., др.-п. *mā*.

В обоих древнеиранских языках широко использовались глаголь-

ные словообразующие префиксы (превербы) со следующими значениями:

- ā-* — направление к чему-либо;
 др.-п. *abi-*, ав. *avi-* — направление к чему-либо;
apa- — отделение от чего-либо;
 др.-п. *ati-*, ав. *ati-* — движение через что-либо;
ava- — движение вниз;

Таблица 22

Первичные окончания

Число	Лицо	Активный залог		Медпальный залог	
		древнеперсидский язык	авестийский язык	древнеперсидский язык	авестийский язык
Единственное	1-е	<i>-mly</i> (для нетематических основ) <i>-āmly</i> (для тематических основ)	<i>-mī</i> (для нетематических основ) <i>-ā, -āmi</i> (для тематических основ)	<i>-aly</i>	<i>e-</i>
	2-е	<i>-hiy</i>	<i>-hi</i>	<i>-haiy</i>	<i>-he</i>
	3-е	<i>-tiy</i>	<i>-ti</i>	<i>-taiy</i>	<i>-tē</i>
Двойственное	1-е	—	<i>-vahi</i>	—	—
	3-е	—	<i>-ō</i>	—	<i>-tē</i>
Множественное	1-е	<i>-mahy</i>	<i>-mahī</i>	—	<i>-maidē</i>
	2-е	—	<i>-ā</i>	—	<i>-duyē</i>
	3-е	<i>-ntiy</i>	<i>-ntī</i>	—	<i>-(n)tē</i>

Таблица 23

Вторичные окончания

Число	Лицо	Активный залог		Медпальный залог	
		древнеперсидский язык	авестийский язык	древнеперсидский язык	авестийский язык
Единственное	1-е	<i>-m</i>	<i>-m</i>	<i>-iy</i>	<i>-ī</i>
	2-е	—	<i>-ō</i>	<i>-šā</i>	<i>-šā, -gha</i>
	3-е	<i>-a, -š</i>	<i>-t</i>	<i>-tā</i>	<i>-tā</i>
Двойственное	1-е	—	<i>-va</i>	—	—
	2-е	—	—	—	—
	3-е	<i>-tam</i>	<i>-tām</i>	—	<i>-tām, -de</i>
Множественное	1-е	<i>-mā</i>	<i>-mā</i>	—	<i>-maidī</i>
	2-е	—	<i>-ta</i>	—	<i>-dūm</i>
	3-е	<i>-ant</i> <i>-ha, -ša</i>	<i>-n</i>	<i>-ntā</i>	<i>-(n)tā</i>

Окончания повелительного наклонения

Число	Лицо	Активный залог		Медиа́льный залог	
		древнеперсидский язык	авестийский язык	древнеперсидский язык	авестийский язык
Единственное	2-е	-ā (при тематических основах) -diy (при нетематических основах)	-ā (при тематических основах) -di (при нетематических основах)	-uvā, -šuvā	-hvā, -gha, -švā
	3-е	-tuw	-tā	-tām	-tqm
Множественное	2-е	-tā	—	—	—
	3-е	-ntuw	-ntā	—	-ntqm

Таблица 25

Авестийские окончания перфекта
(активный залог)

Лицо	Ед. число	Дв. число	Мн. число
1-е	-a	—	-mā
2-е	-āa	—	-āā
3-е	-a, ā(u)	-tar'	-ar'

fra — движение вперед;

ham — совместность действия, соучастие;

ni — движение вниз;

др.-п. *nij*-, ав. *niš*-, *niž* — движение в сторону от чего-либо;

др.-п. *parā*-, ав. *para* — удаление от чего-либо;

др.-п. *pari*-, ав. *pa'ri* — движение вокруг чего-либо;

др.-п. *pati*-, ав. *pa'ti* — движение к чему-либо;

др.-п. *ud*-, ав. *us*-, *uz* — движение вверх;

ura — движение к чему-либо;

др.-п. *urari* — действие над чем-либо или движение к поверхности чего-либо;

vi — движение в разные стороны, прочь.

Некоторые из этих превербов употреблялись также и в качестве предлогов при именах.

ИЗЪЯВИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Настоящее время

Формы настоящего времени изъявительного наклонения образуются от основ настоящего времени с первичными окончаниями.

В авестийском языке при нетематическом спряжении в единственном числе активного залога присоединение личных окончаний сопровождается (хотя и не всегда) изменением огласовки в основе (средняя ступень огласовки); при тематическом спряжении во всех лицах основа остается неизменной.

Активный залог

Число	Лицо	Тематический тип		Нетематический тип	
		древнеперсидский язык	авестийский язык	древнеперсидский язык	авестийский язык
Единственное	1-е	<i>pari-barāmiy</i>	<i>ma'nyā, avi-barā-mi</i>	<i>amiy</i>	<i>ahmī</i>
	2-е	—	<i>barahi</i>	—	<i>ahi</i>
	3-е	<i>ā-baratīy</i>	<i>bara'iti</i>	<i>astiy</i>	<i>astī</i>
Двойственное	1-е	—	—	—	<i>usvahī</i>
	3-е	—	—	—	<i>stō, āmrutō</i>
Множественное	1-е	<i>ḡahyāmahy</i>	<i>sənghāmahi</i>	<i>'amahy</i>	<i>mahī; daḡamahi</i>
	2-е	—	<i>xšayaḡā</i>	—	<i>stā</i>
	3-е	<i>bara'īy</i>	<i>ava-barənti</i>	<i>ha'niy</i>	<i>həntī</i>

Таблица 27

Меднальный залог

Число	Лицо	Тематический тип		Нетематический тип	
		древнеперсидский язык	авестийский язык	древнеперсидский язык	авестийский язык
Единственное	1-е	<i>maniyaly</i>	<i>yaze</i>	—	<i>mrūye</i>
	2-е	—	<i>pər'sahe</i>	—	—
	3-е	<i>yadataiy</i>	<i>yazu'itē</i>	—	<i>mrū'te</i>
Двойственное	3-е	—	—	—	<i>vəraṇva'itē</i>
Множественное	1-е	—	<i>yaḡamaide</i>	—	<i>mrūma'de</i>
	2-е	—	<i>dīdraḡžōduyē</i>	—	<i>mərəngəduyē</i>
	3-е	—	<i>hačinte</i>	—	<i>zāna'ite</i>

Приводим парадигмы спряжения (табл. 26 и 27). Основы³: а) тематические: др.-п. *bara-* 'нести' (без преверба и с превербами *ā-*, *pari-*), *maniya-* 'думать', *ḡahya-* 'называться', 'быть называемым'; ав. *bara-* 'нести' (без преверба и с превербами *ava-* и *avi-*), *dīdraḡža-* 'хотеть закрепить', *hača-* 'следовать', *ma'nyā-* 'думать', *pərəsa-* 'спрашивать', *səngha-* 'произносить', *xšaya-* 'править'; б) нетематические: др.-п. *ah-* 'быть'; ав. *ah-* 'быть', *mərəng-* 'губить', *mrū-* 'говорить', *stu-*: *stav-* 'хвалить', *usvah-* 'хотеть', *vəraṇv-* 'выбирать', *zan-* 'рождаться'.

³ В существующих текстах нельзя найти глагол, который встречался бы во всех формах. Поэтому мы в парадигмах вынуждены давать формы разных глаголов.

Имперфект

Имперфект образуется от основ настоящего времени с вторичными окончаниями. В древнеперсидском он обязательно имеет аугмент (префикс *a-*), в авестийском наличие аугмента необязательно. В единственном числе активного залога в авестийском языке происходит изменение гласного в основе (средняя ступень огласовки).

Приводим таблицы спряжения (табл. 28 и 29). Основы: а) тематические: др.-п. *bara-* 'нести', *gauba-* 'говорить' (в медиальном залоге — 'называть себя'), *gauda-* (с превербом *apa-*) 'скрывать', *jīva-* 'жить', *tara-* (с превербом *vi-*) 'переходить', *yada-* 'поклоняться'; ав. *bara-* 'нести', *jasā-* 'приходить', *jīva-* 'жить', *pərəsa-* 'спрашивать', *su-* 'защищать', *us-zaya-* 'рождаться', *ya-* 'поклоняться'; б) нетематические: др.-п. *ah-* 'быть', *āu-* 'приходить', *dadā-* 'создавать', *jan-* 'бить', *kunau-* 'делать'; ав. *ah-* 'быть', *ao-* 'говорить', *dadā-* 'давать', *mazdaz-* 'помнить', *us-:vas-* 'хотеть', *var-* 'выбирать'.

Таблица 28

Активный залог

Число	Лицо	Тематический тип		Нетематический тип	
		древнеперсидский язык	авестийский язык	древнеперсидский язык	авестийский язык
Единственное	1-е	<i>abaram</i>	<i>uz-barəm</i>	<i>akunavam, āham</i>	<i>mraom, daōam</i>
	2-е	<i>apagaudaya</i>	<i>jasō</i>	—	<i>mraoš, dadā</i>
	3-е	<i>abara</i>	<i>baraŋ</i>	<i>a jaⁿ, adadā, āiš, akunauš</i>	<i>mraōt, dadāŋ</i>
Двойственное	1-е	—	<i>jūva</i>	—	—
	2-е	<i>a jīvatam</i>	<i>jasatam</i>	—	—
Множественное	1-е	<i>vīyatarayāmā</i>	<i>barāma</i>	—	<i>āhmā</i>
	2-е	—	<i>jasatā</i>	—	<i>mraota</i>
	3-е	<i>abara, abaraha</i>	<i>barən</i>	<i>akunava, akuna-vaša</i>	<i>hən, usən</i>

Таблица 29

Медиальный залог

Число	Лицо	Тематический тип		Нетематический тип	
		древнеперсидский язык	авестийский язык	древнеперсидский язык	авестийский язык
Единственное	1-е	<i>ayadaiy</i>	<i>apər²se</i>	—	<i>ao jī</i>
	2-е	—	<i>us-zayaŋha</i>	—	<i>aoŋžā</i>
	3-е	<i>agaubatā</i>	<i>yuzatā</i>	—	<i>aoxta</i>
Двойственное	2-е	—	<i>apərəsaētām</i>	—	—
	3-е	—	<i>us-zayōide</i>	—	—
Множественное	1-е	—	—	—	<i>varəma'di</i>
	2-е	—	<i>syōdūm</i>	—	<i>mazdazdum</i>
	3-е	—	<i>yazənta</i>	<i>āyaⁿta</i>	<i>varatā</i>

В глаголах, имеющих превербы, аугмент помещается между превербом и основой: др.-п. *ni-ya-stāya* 'он установил' (у — вставной согласный), *vi-ya-ka* 'он разрушил'. Если глагол начинается с гласного, аугмент, сливаясь с ним, дает *ā*: др.-п. *āham* 'я был'. То же происходит в том случае, когда преверб имеет на конце гласный *a*: др.-п. *parārasa* (*para- + a- + rasa*) 'он пришел'.

Аорист

Аорист образуется от основы аориста с вторичными окончаниями. В древнеперсидском при нем обязательно наличие аугмента, в авестийском аугмент факультативен.

Различают два типа аориста: сигматический и асигматический. Сигматическим аористом называют условно формы, ведущие свое начало от праиндоевропейского аориста, имевшего в основе суффиксальный элемент *-s*. В авестийском языке это *-s* в зависимости от фонетического положения получило отражение в виде: *-š*: *dār's-* 'принуждать', 'обязывать', *dāiš-* (*dōiš-*): *-diš-* 'показывать'.

-h: *stāh-* (*stāgh-*) 'стоять', *sāh-* 'запрещать', 'препятствовать'; графически это иногда было представлено как *-gh*: *māngh-* 'думать'.

В более редких случаях *-s* сохранилось (в частности, перед *t*) или перешло в *-z* (перед *d*).

В древнеперсидском языке в дошедших до нас немногочисленных примерах использования сигматического аориста это *-s* перешло в *-š*: *darš-* 'держат', *nipaiš-* 'написать'.

Приведем парадигму сигматического аориста в авестийском языке (табл. 30). Основы: *čəviš-* 'запасаться', *dāiš-* (*dōiš-*): *diš-* 'показывать', *dār's-* (*dōrāš-*) 'обязывать', 'принуждать', *var's-* 'действовать', *maṅgh-*, *manṅh-* 'думать', *raḥ-* 'жертвовать', *sāh-* 'воспрещать', 'препятствовать', *stāh-* (*stāgh-*) 'стоять', *ṛrah-* 'защищать', 'заслуживать', *vaēš-* : *vis-* (с приставкой *aivi-*) 'видеть', 'замечать'.

Таблица 30

Число	Лицо	Активный злог	Медальный злог
Единственное	1-е	<i>aivi-vīśəm</i>	<i>mānghī, čəvišī, rāhī</i>
	2-е	<i>dāiš, varāš-čā, səs</i>	<i>dōišā, dīšā</i>
	3-е	<i>dārašt, dōrašt, səs</i>	<i>mąštā, čəvištā, ṛraoštā</i>
Множественное	1-е	—	<i>aməhmaⁱdī</i>
	2-е	<i>sąstā</i>	<i>ṛrāzdūm</i>
	3-е	<i>stāghat</i>	—

В древнеперсидском языке сигматический аорист представлен единичными примерами: активный злог 1-е л. ед. ч. *niyapaišam* 'я написал', медальный злог 1-е л. ед. ч. *adaršiy* (возможно также чтение *adaršaiy*) 'я держал'.

Асигматический аорист в авестийском языке не всегда возможно отграничить от имперфекта, поскольку по внешнему виду основы асигматического аориста не отличаются от основ настоящего пре-

мени (см. стр. 45). В качестве несомненного аориста можно привести форму *čōrəṭ* 'он сделал' (имперфект образуется от другой основы этого глагола — *kərənao-* 'делать').

Асигматический аорист в древнеперсидском языке засвидетельствован несколькими примерами нетематического типа с образованием от корневых основ (см. стр. 44): активный залог 3-е л. ед. ч. *adā* 'он создал' (имперфект *adadā*), 1-е л. мн. ч. *akutā* 'мы сделали'; медиальный залог 3-е л. ед. ч. *akutā* 'он сделал' (имперфект образуется от другой основы — *kunau-* 'делать').

В систему аориста включают обычно также форму, образуемую непосредственно от корня (в древнеперсидском обязательно с аугментом) с окончанием ав. -*i*, др.-п. -*iu*, имеющую значение 3-го лица единственного числа пассива: ав. *traoi* 'сказано', *srāvi* 'он был услышан', *vāci* 'он был назван'.

Перфект

Перфект более или менее широко представлен лишь в авестийских текстах. В древнеперсидском языке основа перфекта (от одного только глагола *kṛ* 'делать') засвидетельствована только в опативе (см. стр. 52—53).

Авестийский перфект в активном залоге образуется от специальной основы перфекта (см. стр. 45) со свойственными только ему личными окончаниями (см. стр. 47).

Даем его парадигму (табл. 31). Основы: *dadā-*, *daḍā-*; *daḥ-* 'создать', *didvaēš-*: *didviš-* 'возненавидеть', *vāurāz-* (гат. *vaorāz-*) 'расположиться дружелюбно', 'стать дружелюбно расположенным', *va-* *van-*: *vaon-* 'победить', *yauyat-*: *yaēt-* 'отправиться [в путь]'.

Таблица 31

Лицо	Ед. число	Дв. число	Мн. число
1-е	<i>didvaēša</i>	—	<i>didvišma</i>
2-е	<i>dadāda</i>	—	<i>vaorāzaḍa</i>
3-е	<i>yayata</i> , <i>daḍa</i>	<i>yaētatar</i>	<i>vaonar</i>

В медиальном залоге перфект образуется с первичными окончаниями (так же, как настоящее время изъявительного наклонения). Приводим некоторые примеры: *susruye* 'я услышал', *vāvər* 'zōi' 'он исполнил' и пр.

Помимо приведенных здесь форм перфекта, у которых основы образованы путем редупликации корня, в авестийском языке встречается небольшое количество нередуплицированных глагольных основ перфекта: *vaēd-*: *vīd-* 'узнать', *ad-* 'сказать' и др. (*vaēda* 'я узнал', *vīdar* 'они узнали', *āda* 'он сказал').

Плюсквамперфект

Плюсквамперфект также засвидетельствован только в авестийском языке. Он образуется от перфектных основ с добавлением вторичных окончаний. Приведем некоторые примеры: *tatašaṭ* 'он создал', *jaṭmaṭ* 'он пришел', *vaosaṭ* 'он сказал', *saškən* 'они заметили' и пр.

Конъюнктив

Показателем конъюнктива является суффикс *-a*, присоединяемый к основе перед личными окончаниями. В тематических основах он, сливаясь с конечным гласным *a* основы, дает долгое *ā*. Имеются также случаи наличия долгого *-ā* при нетематических основах.

В авестийском языке конъюнктив может быть образован в принципе от любой основы — настоящего времени, аориста или перфекта. Временного различия в нем нет. От каждой основы образуется лишь одна парадигма. Личные окончания могут быть использованы и первичные и вторичные без особого различия в значении.

В древнеперсидском, судя по имеющимся текстам, конъюнктив образуется только от основы настоящего времени и только с первичными окончаниями.

В 1-м лице единственного числа в активном и медиальном залогах конъюнктив в обоих языках имеет особые окончания (см. стр. 45).

Приводим парадигмы (табл. 32, 33). Основы: а) тематические: др.-п. *bara-* 'нести' (с префиксом *pari-* 'уносить'), *bava-* 'делаться', 'становиться', *maniya-* 'думать', *yada-* 'поклоняться'; ав. *bara-* 'нести', *dāya-* 'давать', *vi-jasa-* 'выступать', *ma'nyu-* 'думать', *pərəsa-* 'спрашивать', *xšaya-* 'царствовать', *yaza-* 'поклоняться'; б) нетематические: др.-п. *ah-* 'быть', *kunau-* 'делать'; ав. *ah-* 'быть', *aoj-* 'говорить', *əṛənav-* 'даровать', *darəs-* 'смотреть', *kər'nav-* 'делать'.

Таблица 32

Активный залог

Число	Лицо	Тематический		Нетематический	
		древнеперсидский язык	авестийский язык	древнеперсидский язык	авестийский язык
Единственное	1-е	—	<i>xšaya, barāni</i>	<i>ahaniy</i>	<i>aghā, kər'navāni</i>
	2-е	<i>pari-barāhy</i>	<i>dāyā, barāhi</i>	<i>āhy, kunavāhy</i>	<i>aghō</i>
	3-е	<i>bavātiy</i>	<i>barāf, ja-sa'ti</i>	<i>ahatiy</i>	<i>aghaṭ anha'ti</i>

Таблица 33

Медиальный залог

Число	Лицо	Тематический		Нетематический	
		древнеперсидский язык	авестийский язык	древнеперсидский язык	авестийский язык
Единственное	1-е	—	<i>yazāne</i>	<i>kunavānaiy</i>	<i>aojāi, kər'navāne</i>
	2-е	<i>maniyāhaiy</i>	<i>pər'sāṇhe</i>	—	—
	3-е	<i>yadātaly</i>	<i>pər'sāitē, ma'nyātā</i>	<i>kunavātaly</i>	<i>ər'navataē -ča darəsata</i>

Оптатив

Показателем оптатива при тематических основах в обоих древнеиранских языках был суффикс *-i*, присоединявшийся к ним перед личными окончаниями; при нетематических основах в авестийском языке чередующийся суффикс *-i: -yā*, в древнеперсидском — *-iyā*. В авестийском языке встречаются формы оптатива, образованные от

основ настоящего времени, зориста и перфекта; в древнеперсидском — от основ настоящего времени и только у глагола *kṛ-* 'делать' зафиксирован опатив от основы перфекта (*ṣaxriyā*).

Окончания используются вторичные, только в 1-м лице единственного числа медиального залога в авестийском языке опатив имеет особое окончание *-a*.

Приводим образец спряжения в опативе (табл. 34, 35). Основы: а) тематические: др.-п. *vinādaya-* 'причинять неприятность, горе', *yada-* 'поклоняться'; ав. *bara-* 'нести', *haxša-* 'следовать', *yaza-* 'поклоняться'; б) нетематические: др.-п. *bav-* 'делаться', 'становиться', *jam-* 'выступать', 'отправляться' (корень *gam-*); ав. *bu-*: *bav-* 'делаться', 'становиться', *dadā-* 'давать', *jam-* 'приходить', *mru-*: *mrauv-* (с превербом *fra-*) 'говорить', *tanu-*: *tanav-* (с превербом *pairi-*) 'тянуть'.

Таблица 34

Активный залог

Число	Лицо	Тематический		Нетематический	
		древнеперсидский язык	авестийский язык	древнеперсидский язык	авестийский язык
Единственное	1-е	—	—	—	<i>da'iduqm</i>
	2-е	—	<i>barōiš</i>	<i>biyā</i>	<i>buyā</i>
	3-е	<i>vinādayaiš</i>	<i>barōiṭ</i>	<i>biyā, ājamtyā</i>	<i>buyāṭ, Jamyaṭ</i>
Множественное	3-е	<i>yadiyaiša</i>	—	—	—

Таблица 35

Медиальный залог

Число	Лицо	Тематический		Нетематический	
		древнеперсидский язык	авестийский язык	древнеперсидский язык	авестийский язык
Единственное	1-е	—	<i>haxšaya</i>	—	<i>pairi-tanuya</i>
	2-е	<i>yadaiša</i>	<i>yazaēša</i>	—	<i>framviša</i>
	3-е	—	<i>yazaeta</i>	—	<i>da'ditā</i>

Повелительное наклонение

Повелительное наклонение образуется от основ настоящего времени присоединением свойственных только ему личных окончаний (см. стр. 47).

Приводим парадигму (табл. 36 и 37). Основы: а) тематические: др.-п. *bara-* 'нести' (с превербом *pari-* 'уносить'), *patipaya-* 'остерегаться', *varnava-* 'стать уверенным', 'верить'; ав. *bara-* 'нести', *gūša-* 'слышать', *xraosa-* 'кричать', *vər'zu-* 'действовать'; б) нетематические: др.-п. *dadā-* 'создавать', *jan* 'бить', *ku-* (корневая основа) 'делать', *pā* 'охранять'; ав. *ah-* 'быть', *dadā-* 'давать', *duā-* 'сдерживать', *jan-* 'бить', *kər-* 'делать', *xšā-* 'властвовать'.

Активный залог

Число	Лицо	Тематические		Нетематические	
		древнеперсидский язык	авестийский язык	древнеперсидский язык	авестийский язык
Единственное	2-е	<i>paribarā</i>	<i>bara</i>	<i>Jadiy, pādiy</i>	<i>Ja'hi</i>
	3-е	<i>baratuv</i>	<i>barətū</i>	<i>pātuv, dadātuv</i>	<i>dadātū</i>
Множественное	2-е	—	—	<i>Jata</i>	—
	3-е	—	<i>barəntu</i>	<i>pāntuv</i>	<i>həntū</i>

Таблица 37

Медиа́льный залог

Число	Лицо	Тематические		Нетематические	
		древнеперсидский язык	авестийский язык	древнеперсидский язык	авестийский язык
Единственное	2-е	<i>patipayauvā</i>	<i>baraguha,</i>	<i>kušuvā</i>	<i>kər²švā,</i>
	3-е	<i>varnavatām</i>	<i>gūšahvā</i> <i>vər²zyatqm</i>	—	<i>dasva</i> <i>dyātqm</i>
Множественное	3-е	—	<i>xraosəntqm</i>	—	<i>xšəntqm</i>

ПРИЧАСТИЯ

В авестийском языке имеются: 1) причастия настоящего времени активного и медиа́льного залогов, 2) причастия аориста активного и медиа́льного залогов, 3) причастия перфектные (от основы перфекта) активного и медиа́льного залогов и 4) пассивные причастия прошедшего времени перфектные (образуемые от корня глагола).

В древнеперсидском языке засвидетельствованы лишь причастия настоящего времени активного и медиа́льного залогов и пассивное причастие прошедшего времени перфектное (образуемое от корня глагола). Все они по характеру своего образования совпадают с соответствующими причастиями авестийского языка.

Причастия настоящего времени активного залога в обоих языках образуются от основы настоящего времени с добавлением суффикса ав. *-ənt/-ant*, др.-п. *-ant*. Примеры (даем без падежных окончаний): ав. *hənt-* 'сущий', *vanənt-* 'побеждающий', др.-п. *tinuvant-* 'могущественный'. Женский род образуется от слабой основы причастия мужского-среднего рода присоединением суффикса *-i*: ав. *ha'ti-* 'сущая', *vana'nti-* 'побеждающая', др.-п. *yauda'ti-* 'бунтующая', 'мятежная'. О склонении этих причастий см. стр. 32—33.

Причастия настоящего времени медиа́льного залога образуются от основы настоящего времени при помощи суффиксов *-mna* для тематических основ (в обоих языках), *-ana* — для нетематических основ

(только в авестийском): ав. *yažətna-* 'поклоняющийся', 'молящийся', др.-п. *xšāyautča-* 'господствующий', 'правлящий'.

Авестийские причастия аориста образуются с теми же суффиксами, но только от основы аориста: *vaṇhənt-* 'победивший', *maṇhāna* 'подумавший'.

Авестийские перфектные причастия образуются от основы перфекта в активном залоге с суффиксом *-uš/-vah*, в медиальном залоге — с суффиксом *-ača* (м. р.), *-anā* (ж. р.): *vidvah* 'знающий' (дат. пад. ед. ч. *viduše*), *daṇvah* 'творец' (род. пад. ед. ч. *daṇušō*).

Пассивные причастия прошедшего времени образуются в обоих языках от низшей ступени корня добавлением суффикса *-ta*: ав., др.-п. *bastā* 'связанный', ав. *humatəm* 'хорошо задуманное' (ср. р.), ав. *gato* от *gam-* 'выступивший' (м. р.), др.-п. *duruxta* 'лгавший'; 'лгун'. В некоторых случаях это причастие образуется также от сильной ступени корня: др.-п. *pāta* 'защищенный', ав. *hu-pāta-* 'хорошо защищенный'.

ИНФИНИТИВ

Авестийский язык не имел единой установившейся формы инфинитива. В нем существовало несколько типов имен действия, которые в косвенных падежах (особенно — в дательном) выступали в предложении в функции, близкой к инфинитиву. Особенно часто в таком использовании встречаются имена действия с суффиксом *-ti:tai* в дательном падеже: *hixtayaē-* 'орошать', *karštayaē-* 'обрабатывать (землю)' и пр.

Наиболее близки к нашему понятию инфинитива образования от глагольных корней, имеющие на конце *-dyāi*: *jaidyāi* 'бить', *dyāi* 'давать'. Они также восходят к дательному падежу, но в авестийском языке других падежей уже не имели.

Древнеперсидский инфинитив имеет окончание *-tanaiy:čarta:rai* 'делать', *ḡastara:iy* 'заявлять', 'провозглашать', *nipaištana:iy* 'писать'. С точки зрения исторической он обычно трактуется в качестве дательного падежа от основ на *-ta:z*.

СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА

ПРЕДЛОГИ И ПОСЛЕЛОГИ

Наиболее употребительными в древнеиранских языках были следующие предлоги:

д.-п., ав. *ā* — указывает направление действия; др.-п. *yatā ā* 'к', 'в', 'до';

др.-п. *abiy*, *abiš*, ав. *aibi*, *aiwi*, *avi*, *aṣi* — указывает направление действия;

ав. *adairi* 'под';

др.-п. *anā*, ав. *ana* 'через', 'сквозь', 'на протяжении';

др.-п. *a(n)tar*, ав. *antarə* 'внутри', 'в';

др.-п. *anuv*, ав. *anu*, *əṇnī* — указывает направление действия;

др.-п. *aṇiy* — указывает направление действия;

ав. *ava* — указывает направление действия;

др.-п. *hačā*, ав. *hača* — указывает на исходный пункт: 'от', 'из';

др.-п. *hadā*, ав. *haḍa* — указывает на совместность: 'вместе с', 'с';

др.-п. *para* 'по ту сторону', 'за', ав. *parā*, *parō* 'перед';

др.-п. *pariy* 'о', 'относительно'; ав. *pairi* 'вокруг', 'около';

др.-п. *pasā*, ав. *pasča* 'вслед за', 'следом за', 'после';
 др.-п. *paiš* (ав. *paitiš*) 'против';
 др.-п. *patiy*, ав. *paift* — предлог с широким значением, указывавший на местонахождение, направление, исходный пункт, цель и пр.;
 др.-п. *urā*, ав. *urā* 'при';
 др.-п. *urariy*, ав. *urairi* 'над', 'на'.

Некоторые из этих предлогов употреблялись также и в постпозиции как послелоги: др.-п. *patiy*, *a(n)tar*, ав. *paiti*, *antarə* и др.

Только в качестве послелогов в древнеперсидском языке засвидетельствованы:

rādiy 'ради': *avahyārādiy* 'того ради', 'потому';

parā 'вдоль', 'по';

apiy 'к', 'на' в сочетании — *dūrai y apiy* или *dūrayapiy* 'вдали', 'в отдалении'.

Имена существительные при сочетании с предлогами и послелогами ставились в одном из косвенных падежей, например: др.-п. *ā* зафиксирован с отложительным падежом, *a(n)tar* — с винительным, *anā* — с инструментальным, *rādiy* — с родительным-дательным и т. п. Некоторые из предлогов (и послелогов) могли сочетаться с несколькими падежами, например: ав. *paiti* с винительным, родительным, дательным, отложительным, инструментальным и местным; др.-п. *patiy* в качестве послелога — с винительным и инструментальным и т. д.

Многие предлоги использовались также в качестве превербов (см. стр. 46—47).

СОЮЗЫ

Сочинительные союзы: др.-п. *uta*, ав. *utā* 'и'; энклитические союзы: др.-п. *ča*, ав. *čā* 'и'; др.-п., ав. *vā* 'или'.

Подчинительные союзы: ав. *yadā* 'когда'; др.-п. *yadiy*, ав. *yadā*, *yeidi*, *yezi* 'если'; др.-п. *yatā* 'пока', 'до тех пор, пока'; др.-п., ав. *yadhā* 'как', 'чтобы'; др.-п. *yāvā*, ав. *yavata* 'пока'.

При подчинительной связи, особенно при придаточных определительных, широко использовались также относительные местоимения в различных падежах: др.-п. *h^aya* 'который', *h^ayā* 'которая', *t^aya* 'которое', ав. *ya* 'который' и производные от него местоименные наречия.

Как многозначные союзы употреблялись в авестийском две застывшие формы относительного местоимения *ya* — *yā* 'что' и *yaf* 'как', 'что', в древнеперсидском относительное местоимение среднего рода *t^aya* 'который', 'что', 'так что', 'чтобы'.

БИБЛИОГРАФИЯ

Соколов I — Соколов С. Н., Авестийский язык, М., 1961.
 Соколов II — Соколов С. Н., Язык Авесты, Л., 1964.

Bartholomae I — Bartholomae Chr., Awestasprache und Altpersisch, — GJPh, Bd I, Abt. 1, Strassburg, 1895—1901.

Bartholomae II — Bartholomae Chr., Altiranisches Wörterbuch, Strassburg, 1901, Berlin, 1961.

Benveniste — Benveniste E., Le système phonologique de l'Iranien ancien, — BSLP, t. 63, fasc. 1, 1968.

Brand., Mayr. — Brandenstein W. und Mayrhofer M., Handbuch des Altpersischen, Wiesbaden, 1961.

Geldner — Geldner K., Avesta, die heiligen Bücher der Persen, Bd I—III, Stuttgart, 1886—1895.

Hinz I — Hinz W., Neue Wege im Altpersischen, Wiesbaden, 1973.

- Hinz II—Hinz W. Altiranisches Sprachgut der Nebenüberlieferungen, Wiesbaden, 1975.
 Kent—Kent R. G., Old Persian (Grammar, Texts, Lexicon), New Haven, 1953.
 Meillet—Meillet A., Grammaire du vieux-perse, 2 éd., entièrement corrigée et augmentée par E. Benveniste, Paris, 1931.
 Morgenstierne—Morgenstierne G., Orthography and Sound-System of the Avesta,—NTS, Bd XII, 1912.
 Reichelt—Reichelt H., Awestisches Elementarbuch, Heidelberg, 1909.
 Tolman I—Tolman H. C., Ancient Persian Lexicon and Texts, Nashville, 1908.
 Tolman II—Tolman H. C., Cuneiform Supplement (autographed) to the Author's Ancient Persian Lexicon and Texts, Nashville, 1910.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ав.—авестийский	пр.—пранский
араб.—арабский	п.—персидский
др.-пр.—древнепранский	род. пад.—родительный падеж
др.-п.—древнеперсидский	скр.—санскрит
ж.—женский род	совр.—современный
и.-е.—индоевропейский	тадж.—таджикский
им. пад.—именительный падеж	

ЗАПАДНЫЕ ЯЗЫКИ

К западным среднеиранским¹ языкам относятся среднеперсидский (юго-западная подгруппа) и парфянский (северо-западная подгруппа).

ПИСЬМЕННОСТЬ

Западные языки пользовались системой письма, в основе которой лежит арамейский алфавит. Применение чуждого семитского письма к иранским языкам вызвало многозначность некоторых букв и лигатур. Краткие гласные на письме не обозначались или обозначались нерегулярно, могли не обозначаться и долгие (например, парф. *prmtir* **framatar*). Сложность письма усугублялась применением идеограмм и историческим принципом орфографии. Арамейские идеограммы при чтении механически заменялись иранскими эквивалентами (иранские окончания могли приписываться к арамейским идеограммам).

В среднеперсидском языке, например, связки 3-го лица *hast* 'есть' и *nēst* 'нет', 'не имеется' передаются соответственно идеограммами 'YT и L'YT, прилагательное *vlttar* 'хуже' (в сравнительной степени) — SLYtl и т. д.

Примечание. В латинской транслитерации принято передавать идеограммы прописными буквами, иранские слова и морфемы — строчными.

Процесс интерпретации семитских идеограмм назывался в среднеперсидском *uzvārišn* букв. 'раскрытие'. Существовали специальные словари идеограмм, например, «*Frahang i pahlavik*».

Особую сложность представляет курсивное письмо, например, в среднеперсидских папирусах VII в. Парфянский курсив представлен надписями на черепках из Дура-Европос.

Манихейские тексты² написаны тоже разновидностью арамейского письма, однако принцип орфографии здесь не исторический, а фонетический, нет идеограмм.

Для среднеперсидского языка применялась также транскрипционная запись авестийскими буквами (*пазанд*) и арабскими (*парсий*). В исследовательских работах русских и европейских ученых используется транслитерация квадратными еврейскими буквами и латинская транскрипция и транслитерация.

¹ Традиционный термин «среднеиранские» относительно. Среднеперсидский, парфянский, согдийский, хорезмийский, сакский и бактрийский языки, называемые среднеиранскими, не укладываются в одни и те же хронологические рамки (см. «Введение»). В типологическом отношении новоиранские языки обнаруживают в ряде случаев черты более архаичные, нежели среднеиранские (например, среднезападноиранские). Поэтому, не следует говорить и о прямой преемственности (например, ново- и среднеперсидского, ягнобского и согдийского).

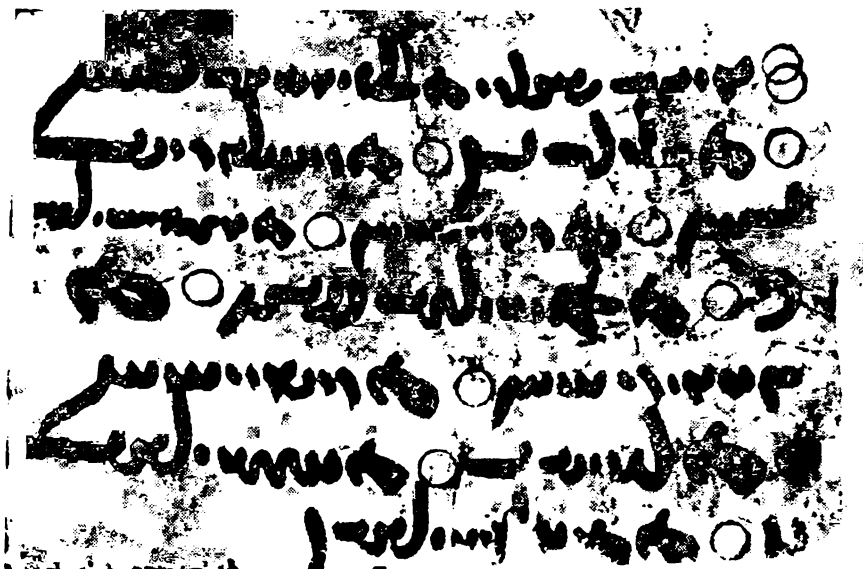
² Среднеперсидские и парфянские тексты в основном духовного содержания, принадлежавшие секте манихеев (по имени религиозного реформатора Мани — III в.),

[illegible]

Скальное письмо (надпись Шапура I в Бишануре)

משה משהו לך ומהו לך ומהו לך ומהו לך ומהו לך
 מהו לך ומהו לך ומהו לך ומהו לך ומהו לך
 מהו לך ומהו לך ומהו לך ומהו לך ומהו לך
 מהו לך ומהו לך ומהו לך ומהו לך ומהו לך

Письмо «книжное пехлеви» (фрагмент из сочинения «Artū-Virūz nāmak», гл. 56).

Пехлевийский курсив (фрагмент папируса)

Надписи на черепках из Нисы (учетный документ)

עמם חללחון אנה ענה ענה
 ענה ענה ענה ענה ענה
 ענה ענה ענה ענה ענה
 ענה ענה ענה ענה ענה
 ענה ענה ענה ענה ענה
 ענה ענה ענה ענה ענה
 ענה ענה ענה ענה ענה

Скальное письмо (надпись Шапура I в Бишاپуре)

Образец манихейского письма см. на стр. 80.

Вокализм среднеперсидского языка представлен следующими фонемами: *a, ā, i, ī, u, ū, o, ē*. Фонологически различаются по длительности: *a — ā, i — ī, u — ū*. Парфянский вокализм точно не установлен. По-видимому, он очень сходен со среднеперсидским. А. Гиллен указывает на наличие в парфянском дифтонгов (вероятно, вторичных.— Е. М.) *ai, au, āu, ai, av, āv* (ср.-перс. *ai, au*).

Консонантизм среднеперсидского и парфянского языков включает глухие смычные *p, t, k*, звонкие смычные *b, d, g*; аффрикаты (глухую и звонкую) *č, j*; глухие щелевые *f, s, š, x, h*; звонкие щелевые *v, ʕ, z, ž*; сонанты *m, n, l, r, y*.

МОРФОЛОГИЯ

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

1

В среднеперсидском языке имя существительное характеризуется грамматическими категориями числа и артикля. Категория рода отсутствует. Различие пола передается лексически: *katak-x'atāi* 'господин', 'хозяин', *katak-bānūk* 'госпожа', 'хозяйка'; *gāvnaŕ* 'бык', *gāvmātak* 'корова'.

На ранней стадии среднеперсидского языка существовала двухпадежная система склонения имен: прямой падеж с нулевой флексией и косвенный с показателем -у, *-ē. В среднеперсидском языке, засвидетельствованном в памятниках, противопоставления прямого и косвенного падежей уже нет, знак -у, *-ē (в поздних памятниках -w) представляет собой, по-видимому, паразитическую конечную графему и не имеет грамматического значения.

В синтаксисе (но не в морфологии) имеет значение распределение имен по семантическому признаку «лицо — неліцо». Это находит отражение в согласовании (см. ниже).

Различаются формы единственного и множественного числа: первая — с нулевым аффиксом, вторая — с суффиксами -ān и реже -ihā. Примеры: мн. ч. *axtarmārān* 'звездочеты' (ед. ч. *axtarmār*), *aspān* 'кони' (ед. ч. *asp*), *šahrīhā* 'города' (ед. ч. *šahr*). Форма множественного числа характеризуется признаком раздельной множественности (расчлененности). Форма единственного числа не содержит указания на наличие или отсутствие этого признака: *zan* 'женщина'/'женщины', *pīl* 'слон'/'слоны'³. Это обстоятельство также влияет на согласование в числе.

Отмечено противопоставление неопределенного и определенного артиклей. Неопределенный постпозитивный артикль -ē(v) употребляется, когда речь идет только об одном предмете (*hač zan-ē(v) ut mart-ē(v) frazand-ē(v) zāyēt* 'От одной женщины и одного мужчины родится один ребенок') и при первом упоминании предмета (*u-š kanīcak-ē(v) o patīrak āyēt* 'И ему навстречу выходит некая девушка').

В функции определенного артикля выступают (в препозиции к существительному или именному сочетанию) анафорические местоимения: чаще всего (*h*)ān, реже ēn или avē. Они служат ссылкой на

³ Вероятно, результат совпадения форм бывшего номинатива множественного числа с номинативом единственного (еще до того, как суффикс -ān стал общим показателем мн. ч., а был приметой косв. пад. мн. ч.).

предшествующее упоминание предмета. Ср.: *Ardavān rāḍ kaničak-ē(v) apāyišnik būt... patvastak... hān kaničak... ō nazdikth i Artaxšer šut* 'У Ардавана была одна достойная служанка... Постоянно... та служанка... уходила к Ардаширу'. Определенный артикль употребляется и в том случае, когда имеется в виду не упоминавшийся ранее, но вполне определенный предмет или лицо (грамматически эта определенность выражается в наличии у существительного одного или нескольких определений, конкретизирующих его).

В парфянском языке имя существительное характеризуется категорией числа, Показатели множественного числа — *-n *ān* и *-un *īn*: *brāḍarān* 'братья', *friyānagān* 'друзья', *razrānān* 'виноградари', *xvaribarān* 'кравчие', *dušmēnīn* 'враги'⁴.

В раннем парфянском различались два падежа — прямой (с нулевой флексией) и косвенный (с показателем *-u, *ē*). По-видимому, уже в I в. до н. э. флексия *-u, *ē* утрачивает свое значение и употребляется (например, в документах из Нисы) весьма непоследовательно, а в III в. н. э. именные формы с *-u* и без *-u* употребляются в одних и тех же синтаксических позициях. В манихейских текстах падежные флексии у имен отсутствуют.

Основные способы словообразования существительных в западных языках — аффиксация и словосложение.

В среднеперсидском языке к числу продуктивных префиксов относятся: 1) *a-, an-* (отрицательный): *āstīh* 'мир', 'согласие' — *anāstīh* 'вражда', 'раздор', *franāmišn* 'развитие' — *afranāmišn* 'препятствие развитию'; 2) *ham-* (совместности): *hamlōxmak* 'сородич'; 3) антонимичные по значению *hu-* (положительной оценки) и *duš-* (отрицательной): *humēnišn* 'добрые мысли' — *dušmēnišn* 'скверные мысли'.

Ниже приводятся наиболее продуктивные суффиксы. В среднеперсидском: 1) *-ak*: *tōxmak* 'род', *dūtak* 'семья', *čašmak* 'источник', 'ручей'; 2) *-āk*: *dānāk* 'мудрец'; 3) *-ān* (патронимические имена): *Artaxšērān* 'из рода Ардашира'; 4) *-kār* (имена деятеля): *vināskār* 'виновник'; 5) *-kar* (имена деятеля): *pērōzkar* 'победитель'; 6) *-pān* (названия лиц, ведающих чем-либо): *stōrpān* 'конюх', *marz-pān* 'марзбан'; 7) *-pat* (названия лиц, обладающих чем-либо): *mānpat* 'хозяин дома'; 8) *-tār* (имена деятеля): *dātār* 'создатель'; 9) *-stān, -istān* (имена места и названия времен года): *šapistān* 'газем', *tāpistān* 'лето'; 10) *-dān* (вместилище): *ātaxšdān* 'место для огня' и др. Абстрактные существительные образуются суффиксами: 1) *-ih* (от имен, глаголов, в том числе глагольных основ, личных форм, связок, от предложной формы имени, от сложных слов): *rōšnīh* 'свет', 'сияние', *dōstīh* 'дружба', *xēšīh* 'собственность', *hastīh* 'бытие', *nēstīh* 'небытие', *hamē-bavētīh* 'вечное бытие' (в будущем), *čašm-ariškīh* 'зависимость', *ev-x'atāyīh* 'единовластие'; 2) *-išn* (имена действия от глаголов): *kunišn* 'деяние', 'поступок', *dānišn* 'знание'; 3) *-āḍ* (от качественных прилагательных): *pahnāḍ* 'ширина', *bālāḍ* 'высота', *drahnāḍ* 'длина'.

Словообразовательные суффиксы в парфянском в основном те же: 1) *-pat*⁴: *dīpērpat*⁴ 'глава писцов', *dizpat*⁴ 'начальник крепости', *asppat*⁴ 'начальник конницы'; 2) *-pān*: *marzipān* 'марзбан', *razpān* 'виноградарь'; 3) *-kar*: *razkar* 'винодел'; 4) *-stān*: *maḍustān* 'винный склад', *bōdištān* 'сад'; 5) *-if, -ift* (ср.-п. *-ih*): *šādīft* 'радость', 'счастье', *šahrdārīft* 'царство', *adyāvarīft* 'помощь', *āzādīft* 'свобо-

⁴ Автор благодарит В. А. Лившица за консультации по вопросам транскрипции парфянского и среднеперсидского языков.

да', *širkāmākūf* 'дружелюбие'; 6) *-išn*: *brāzišn* 'блеск', 'сияние'; 7) *-tār*: *framatār* 'повелитель' и др.

Словосложение. В среднеперсидском языке сочинительный тип сложных слов (*dvandva*) малоупотребителен (*rōč-šarān* или *rōčak-šarān* 'сутки'). Среди подчинительных типов наиболее продуктивен *iatpuruša* (два существительных, из которых первое подчинено второму: *stōrgāh* 'конюшня', *uzdēs-parastišnīh* 'идолопоклонничество'; существительное+причастие или основа глагола: *varz-kartār* 'землепашец', *framān-burtār* 'послушный', 'вассал'⁵); близки к сложному слову типа *karmadhāraya* устойчивые словосочетания типа *vēh-dēn* 'лучшая вера', *gannāk-mēnūk* 'злой дух', *aḏān-mart* 'невежда'

В парфянском языке употребительны сложные существительные из имени+основа глагола: *maīubar* 'доставляющий вино', *gaznbar* 'казначей', *šahrdār* 'властитель', *druxtmīhr* 'нарушитель договора'.

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Имена прилагательные в среднеперсидском и парфянском характеризуются категориями степеней сравнения и числа.

Сравнительная степень прилагательных образуется суффиксом *-tar(-dar)* (ср.-п. *saxttar* 'тверже', 'крепче', *grāmiktar* 'дороже', парф. *abardar* 'выше') и (у немногих прилагательных) путем внутренней флексии (ср.-п. *kam* 'малый' — *kēm* 'меньше', *mas* 'большой' — *mēh* 'больше', *vas* 'много' — *vēš* 'больше' и др.). Объект сравнения вводится предлогом *hač* или союзом *kū*: ср.-п. *hač tō farrax⁴tar* 'счастливее тебя'; *grāntar kū yātūk⁴h* 'страшнее, чем колдовство'.

Превосходная степень образуется суффиксами *-tum (-dum)* (ср.-п. *gandaktum* 'самый отвратительный', *x⁴aštum* 'наилучший', парф. *abardum* 'наивысший') и, реже, *-ist*: ср.-п. *masist* 'наибольший', *kasist* 'наименьший', *dōšist* 'самый дорогой', ср.-п., парф. *burzist* 'высочайший'⁶. Объект сравнения (в форме множественного числа) вводится предлогом *hač* (ср.-п. *x⁴aštum hač x⁴arišnān* 'лучшее из блюд') или предшествует прилагательному в превосходной степени: ман. ср.-п. *rōšnān x⁴ārist* 'самый приятный свет' (букв. 'светов'), *zā-dakān kasist* 'самый малый из сыновей'.

Форма множественного числа наблюдается у прилагательных, выступающих в качестве определения⁷ при существительном во множественном числе: ман. ср.-п. *vadān bazagān* 'злые духи', *bašihkān vazargān* 'великие врачи', парф. *yamagān rōšnān dō čarāg vazargān* 'светлые оболочки двух больших ламп'.

По-видимому, для среднеперсидского языка — это особенность раннего этапа. В более поздних памятниках форму множественного числа сохраняют лишь немногие прилагательные (в том числе *vas* 'многий', *apārik* 'прочий').

Основные средства словообразования у прилагательных, как и у существительных, — суффиксация и словосложение.

Из префиксов в среднеперсидском и парфянском употребительны: 1) *a-*, *an-* указывает на отсутствие качества или признака: ср.-п. *asar* 'безначальный', *akanārakōmand* 'безграничный', парф. *anabyād* 'беспамятный', *anāzār* 'безболезненный'; 2) ср.-п. *apē-*, парф. *abē-* с тем же значением, но образует прилагательные только от существительных:

⁵ Ср. *burt-framān* с тем же значением и *aburt-framān* 'ослушник', 'непослушный'.

⁶ Особо образуется ср.-перс. *vat-tar-tum* 'самый плохой'.

⁷ Но не в изафетной конструкции!

ср.-п. *apēgumān* 'несомневающийся'; *apēzim* 'бесстрашный', парф. *abēāb* 'безводный'; 3) *hu-* и *duš-* образуют прилагательные от существительных: ср.-п. *hučāšm* 'доброжелательный', *duščāšm* 'завистливый', парф. *hučīhr* 'красивый', *duščīhr* (<*duščīhr*) 'безобразный'.

Суффиксы, образующие прилагательные, иногда совпадают с суффиксами существительных. Наиболее продуктивны: 1) *-ak*: ср.-п. *frahāxtak* 'преуспевший', парф. *garđag* 'зловонный'; 2) *-ānak*: ср.-п. *martānak* 'мужественный'; 3) *-ik*: ср.-п. *nāmik* 'известный'; парф. *bāmīg* 'сияющий', *bagānīg* 'божественный'; 4) *-ēn*: ср.-п. *širēn* 'сладкий', *zarrēn* 'золотой', *tārēn* 'темный', парф. *bāmēn* 'сияющий', *abarēn* (и *abar*) 'верхний', *frōmēn* 'римский'; 5) *-kar*: ср.-п. *apasōskar* 'насмешливый'; 6) *-ken*: ср.-п. *bimken* 'страшный'; 7) *-nāk*: ср.-п. *tarsnāk* 'боязливый'; 8) *-ōmand*, *-mand*, *-emand*: ср.-п. *x^aarrōmand* 'славный', 'обладающий фарном', *šōumand* 'имеющая мужа'; 9) *-var*: ср.-п. *kenvar* 'мстительный'; парф. *bārvar* 'плодотворный'; 10) *-vār*: ср.-п. *sačākvār* 'подобавший', *x^aatāvār* 'царственный', парф. *burz-vār* 'возвышенный'; 11) *-āvand*: ср.-п. *x^aēšāvand* 'родственный', парф. *hunarāvand* 'доблестный' и др.

Сложные прилагательные в среднеперсидском образуются по типу *bahuvrīhi*, из прилагательного и существительного: *anōšak-ruvān* 'с бессмертной душой', *vat-xēm* 'сварливый', *tēz-vīr* 'с острым умом', *frārōn-kunīšn* 'поступающий честно'. Встречается тип *tatpuruṣa* — существительное + глагольная основа, которой оно подчинено: *spās-dār* 'благодарный', и тип *dvandva*, образованный редупликацией существительного или прилагательного: *gōnak-gōnak* 'разнообразный'. Сложные прилагательные, снабженные суффиксом прилагательного: *pānzdah-sālak* 'пятнадцатилетний', *sē-šapak* 'равный трем ночам', *hamāk-pursišnik* 'обо всем спрашивающий', 'всезнающий'.

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

Количественные числительные в среднеперсидском: *ēvak* 'один', *dō* 'два', *sē* 'три', *čahār* 'четыре', *panj* 'пять', *šaš* 'шесть', *haft* 'семь', *hašt* 'восемь', *nō* 'девять', *dah* 'десять', *vīst* 'двадцать', *sīh* 'тридцать', *čihil* 'сорок', *paŋjāh* 'пятьдесят', *šast* 'шестьдесят', *haftāt* 'семьдесят', *haštāt* 'восемьдесят', *navat* 'девяносто', *sat* 'сто', *duvēst* 'двести', *sē sat* 'триста' и т. д., *hazār* 'тысяча', *bē-var* 'десять тысяч'.

Числительные от «десяти» до «двадцати» состоят из названия единиц (с некоторыми фонетическими изменениями) + слово *dah* 'десять': *yāzdah* 'одиннадцать', *dvāzdah* 'двенадцать', *sēzdah* 'тринадцать', *čahārdah* 'четырнадцать', *pānzdah* 'пятнадцать', *šāzdah* 'шестнадцать', *haftdah* 'семнадцать', *hašt dah* 'восемнадцать', *nōz-dah* 'девятнадцать'.

В подавляющем большинстве случаев числительные, количественные и порядковые, обозначаются на письме цифрами. У порядковых к цифре приписывается окончание *-um*.

В сочетании количественного числительного с существительным последнее имеет обычно форму единственного числа. Числительное предшествует имени (реже — следует за ним): *haft kišvar* 'семь стран', *asp dō* 'два коня', *nirāmišn čahār* 'четыре слоя'⁸.

⁸ Числительное в форме множественного числа предшествует имени: *paŋjān andar-zūn* *nōvān* 'пять добрых советов'.

Порядковые числительные (обычно стоят перед именем) образуются от количественных суффиксом *-um*: *dah* 'десять' — *dahum* 'десятый'; числительные «первый», «второй», «третий» имеют специфическую форму: *fratum*, *dit*, *ditkar*, ман. *dud*, *dudig*, *sittkar*, ман. *sidig*.

Дробные числительные образуются постановкой знаменателя перед числителем; связываются с существительным посредством изафетной конструкции: *se evak i šar* 'одна треть ночи'.

Разделительные числительные образуются путем повтора количественных: *evak evak* 'по одному', 'каждый в отдельности'.

Отличия в парфянских числительных — главным образом фонетические, например: *hrē* 'три' (ср.-п. *sē*), *čafār* 'четыре' (ср.-п. *čahār*), *šwh *šoh* (?) 'шесть' (ср.-п. *šaš*), *das* 'десять' (ср.-п. *dah*), *evandas* 'одиннадцать' (ср.-п. *yāzdah*), *dvādes* 'двенадцать' (ср.-п. *dvāzdah*), *šst *šašt* 'шестьдесят' (ср.-п. *šast*); *bid||bidig* 'второй' (ср.-п. кн. *dit*, *ditkar*, ман. *dudig*), *čohrum* 'четвертый' (ср.-п. кн. *čahārum*, ман. *tasum*) и *š(w)hwm *šohum* 'шестой' (ср.-п. *šašum*).

МЕСТОИМЕНИЕ

В среднеперсидском языке различаются местоимения: личные, указательные, вопросительные, возвратные, неопределенные, относительные.

Личные местоимения. В формах местоимения 1-го лица единственного числа пережиточно сохраняется категория косвенного падежа: *az* (?) — всегда идеограмма 'NH; ман. 'n *an) — прямой падеж, *man* — косвенный; ср.-п. *man en kār pat āyārīh i šmāh tuvān kart* 'Я могу (букв. мне можно) это сделать с вашей помощью'⁹. Вместе с тем форма *man* имеет значение и прямого падежа, вытесняя в этой функции форму *az* (сфера действия последней очень узка: только выражение подлежащего в номинативной конструкции), ср.: *az ham et i tō humat ut hūxt ut huvaršt...* 'Я — твои добрые мысли, речи и деяния...' и ...*man... kunišn i tō ham...* 'Я... есть твои деяния'. Таким образом, форма *man* совмещает в себе значения и прямого, и косвенного падежей.

Другие личные местоимения — *tō* 'ты', *amāh* 'мы', *šmāh* 'вы' — также совмещают в себе значения прямого и косвенного падежей¹⁰. В качестве местоимений 3-го лица используются указательные: *avē* (ед. ч.), *avēšān* (мн. ч.).

Значение косвенного падежа сохраняют энклитические личные местоимения¹¹: ед. ч. 1-го л. *-m*, 2-го л. *-t*, 3-го л. *-š*, мн. ч. 1-го л. *-mān*, 2-го л. *-tān*, 3-го л. *-šān*.

Энклитические местоимения наиболее часто употребляются в сложном предложении. Обычно они суффицируются первому слову, т. е. союзам и относительным словам (*u-š pat frahang i-š hastē bar ut pātdahišn framāyēm* 'И я вознагражу его за образованность, какая у него есть'); предлогам (*ut sax'an hač-iš pursēnd* 'и спра-

⁹ Ср. также частое употребление формы *man* (и никогда — *az*) в функции агенса (исторически — генитив) в предложениях с прошедшим временем переходного глагола.

¹⁰ Эти местоимения, как и *man*, исторически производны от косвенных падежей соответствующих древних личных местоимений.

¹¹ Из древних энклитических личных местоимений ед. числа, существовавших лишь в косвенных падежах; мн. ч. — новообразование.

шивают у него', *pat-iš guft ēstet...* 'об этом сказано...'); реже глаголам (ман. *dād-əm* 'я дал', *kird-əm* 'я сделал', *kird-əš* 'он сделал').

Энклитические местоимения выступают в функции притяжательных (*u-šan rāt — Gōpēt* 'И их судья — Гопет'), выражают обладателя в формуле «у (кого) есть, имеется (не имеется) нечто» (...*ciṭōn-šan xʷatāu ut dahīpat ut sarōār... nē būt...* '...поскольку у них не было... правителя и полководца...'); адресат действия (*kū-m vizand ut ziyān mā kun* '...ты, мол, не причиняй мне вреда'); прямой объект (...*kū-t āz dēv nē frēpēt* '...чтобы тебя не обманул демон алчности'); агенс в конструкции с прошедшими временами переходного глагола (*u-š cādūr apar sar nihuft* 'И она надела на голову покрывало').

Употребление энклитических местоимений с предлогами ограничено предлогами *pat*, *hač*, *ō/avi-* (реже *apāk*), с одной стороны, и энклитикой *-š* — с другой.

В случае употребления прочих энклитических местоимений (*-m, -l, -mān, -tān, -šan*) с предлогами *pat*, *hač*, *ō* эти местоимения примыкают к союзу, а соответствующие предлоги сопровождаются энклитикой *-š* (которая выполняет здесь чисто грамматическую роль, замещая эти местоимения), превращаясь, таким образом, в послелоги (*pat-iš, hač-iš, ō-š*) с тем же значением, например: *u-šan pat-iš nē virravam* 'и я не думаю о них'.

В случае употребления прочих предлогов (*apar, apāk* и др.) энклитические местоимения (любые) тоже примыкают к союзу или отношению к слову, а предлог становится послелогом, например: *hān varrak i-š apāk pa t asp...* 'тот барашек, который с ним на коне...'; ...*kē-š pērāmōn ēstānd* '...которые встанут вокруг него'.

Указательные местоимения в среднеперсидском языке — *ēn* 'этот' (множественное число в манихейском супплетивно: *imēšan, imīn* — местоимение единственного числа этой основы *im* встречается лишь в оборотах типа *im ciṃ rād* 'поэтому'), *ēt, avē* (мн. ч. *avēšan*, ман. также *avīn*), (*h*)*ān* 'тот' (ман. *hānēšan*, возможно, сочетание с энклитическим местоимением). Указательные местоимения употреблялись адъективно (перед существительным) и субстантивно. В собственно указательной (дейктической) функции (местоимение *ēn*, реже — остальные): *ēn dašt nēvak* 'эта степь хорошая'. В препаративной функции местоимение (*ēn*) предваряет высказывание: *hač amār patyārak 3 ēn garāntar bastišn vēnišn i čašm ut nē ašnavišn i gōš ut... druž i anāštih* 'Из бесчисленных бедствий вот эти три наиболее тяжелые: потеря зрения, глухота и... демон раздора'. В детерминативной (выделительной) функции (*hān*, реже другие): *avē vēh kē hač mātār nē zāyēt* 'Счастлив тот, кто не родится у матери'; *hač pušt hān xʷaštār i ō dumb nazdisttar* 'Из спины самое лучшее то, что ближе всего к хвосту'. В анафорической функции, употребляясь субстантивно, местоимение (*hān*, реже *ēn, avē*) заменяет уже названное однажды существительное (и даже часть предложения). При этом оно имеет оформление существительного: выступает в качестве стержневого слова изафетной конструкции, в предложной форме и т. д. Например: *kā urvarān viškōfēt katām hān gul i rōč viškōfēt ut katām hān i šap ut katām hān i fratak* 'Когда расцветают растения, то которое из них цветет днем, которое — ночью и которое — утром?', где *katām hān* употребляется вместо *katām urvar, hān i šap* — вместо *gul i šap, hān i fratak* — вместо *gul i fratak*. Анафорическое местоимение (*hān, ēn, avē*) может употребляться адъективно — в функции артикля: ...*u-š... dō zan nišastak dīl ut*

hān zan vāng kart... ...и он... увидел двух сидящих женщин, и те женщины сказали ему...'.
 В сочетании с изафетным показателем, т. е. в форме *hān i*, *ēn i*, *ēt i*, *avē i*, указательные местоимения служили средством субстантивации прилагательных и причастий: *hān i mas* 'старший', *hān i daryōš* 'бедный'

В сочетании с личными местоимениями, вопросительным *kē* и местоимением *x^uēš* 'свой' указательные местоимения эквивалентны по значению притяжательным: *hān i man* 'мой', *ēt i tō* 'твой', *hān i x^uēš* = *x^uēš*, *hān i kē* 'чей'¹².

Вопросительные местоимения в среднеперсидском языке: *kē* 'кто?' (о людях), *čē* 'что?', 'что за?' (о вещах), *katām* 'какой?', 'который?', *čard* 'сколько?' Местоимения *kē* и *čē* соединяют в себе значения прямого и косвенного падежей. Они могут иметь при себе предлог или послелог: *hač kē* 'от кого?', *čē rād* 'почему?' (букв. «чего ради?»). В качестве относительных местоимений *kē* и *čē* утрачивают это свойство¹³.

Возвратные местоимения в среднеперсидском: *x^uat* 'сам', 'себя', *x^uēštan* 'сам', 'свой', возвратно-притяжательное *x^uēš* 'свой'.

Неопределенные: *har(v)* 'каждый', *(h)ēč* 'кто-нибудь', 'каждый' (при отрицании — 'никакой'), *kas* 'кто-нибудь', 'кто-то', *čiš*, ман. *tis* 'что-нибудь', 'что-то', *visp* (мн. ч. *vispān*) 'всякий', 'каждый', *har-visp* 'весь', 'целый', *hamōkēn* 'весь', 'целый', 'все', *hamāk* 'каждый', 'весь', 'целый'.

Личные местоимения в парфянском языке: *'z *az* (прям. пад.), *mn *man* (косв. пад.) 'я', *twh *tō* 'ты', *m'(h) *amā(h)* 'мы'. В качестве личного местоимения 3-го лица употребляется тоже указательное, но отличное от среднеперсидского местоимение *hwh *hō* 'тот', 'он', мн. ч. *hwhun *havin* (ср.-п. *avē*). Личные местоимения выполняют функцию притяжательных: *man dast* 'моя рука', *amāh grivān* 'наши души', *tōhm čē amāh* 'наше семя'. В манихейском, парфянском отмечено притяжательное местоимение *mn'n* 'мой'

Энклитические личные местоимения:

Ед. число	Мн. число
1-е л. <i>-(w)m -ətm</i> ¹⁴	<i>-m'n -mān</i>
2-е л. <i>-(w)d -əḏ</i>	<i>-t'n -tān</i>
3-е л. <i>-(w)š- -əš</i>	<i>-š'n -šān</i>

Как и в среднеперсидском, энклитические местоимения суффиксируются первому слову в предложении (союзу, относительному местоимению или наречию); но в отличие от него с предлогами обычно употребляются ударные формы личных местоимений. В отмеченном М. Бойс единственном примере употребление энклитического местоимения с предлогом качественно отлично от среднеперсидского: *ō-tān* 'вам' (2-е л. мн. ч. — в ср.-п. возможно лишь *ō-š*, 3-е л. ед. ч.). Энклитические местоимения с именем: *čihrag-əm* 'мой образ', *padgirb-əm* 'мой вид', с глаголом: *bōž-əm* 'спаси меня', *dah-mān* 'дай нам', *vāxt-əm* 'я сказал'

¹² О синтаксической функции *hān*, *i*, *ēn i*, *ēt i*, *avē i* см. раздел «Синтаксис».

¹³ Об относительных местоимениях см. раздел «Синтаксис».

¹⁴ В результате редукции краткого гласного (мнение, высказанное устно В. А. Лившицем). А. Гилен и М. Бойс транскрибируют: *-um*, *-ud*, *-uš*.

Указательные местоимения *hō* 'тот', *im* (мн. ч. ман. *imīn*) 'этот' обычно предшествуют имени: *hō ranj ud abgām* 'те труды', *im rōž* 'этот день', *imīn harvīn karišn* 'все эти формы'. После имени: *rōž im došambat* 'этот день, понедельник' (ср. со ср.-п., где *im* — только в составе оборотов).

Атрибутивные сочетания типа среднеперсидских с *hān i*, *ēn i* и т. п. в парфянском отсутствуют.

Вопросительное местоимение *ku* **kē* 'кто?'. В качестве относительного местоимения (в сложном предложении) *kē* (и *čē*) употребляется применительно к людям и вещам, при этом *kē* и *čē* взаимозаменяемы.

Возвратно-притяжательное местоимение: *w^hxēbē(h)* 'свой', *w^hxad* 'сам'.

Неопределенные: *harv* (мн. ч. *harvīn*) 'весь', 'каждый', *kič* 'некто', 'кто-нибудь' (с отрицанием *kič nē* 'никто'), *čiš* 'нечто', 'что-нибудь', *hamag* 'целый', 'весь', *visp* 'всякий', 'каждый', 'ну **anē* 'другой'. Примеры: ман. *harv rumbān* 'все рты', *harvīn anživagān* 'все творцы жизни', *harv tang* 'все беды', *pad visp razmgāh* 'в каждом сражении'.

НАРЕЧИЯ

В среднеперсидском языке различались наречия непроизводные (*ētar* 'здесь', *ōd* 'там', *pēš* 'вперед', 'впереди', *pas* 'сзади', 'потом', *frōt* 'вниз', *frāč* 'вперед' и др., в том числе вопросительно-относительные: *kaδ* 'когда', *kū* 'где', *čiōn* 'как') и производные (от имен и именных сочетаний) с продуктивным суффиксом *-tāh*: *dātīhā* 'по закону', 'законно', *mēnišnīhā* 'обдуманно'. Последние не отмечены в парфянском. Другое отличие — в том, что относительное наречие *ku* в парфянском могло иметь предложную форму: ман. *až ku* 'откуда'.

ГЛАГОЛ

Глагольная система западных среднеиранских языков характеризуется двухосновностью. От основы настоящего времени (продолжает древнюю основу настоящего времени) образуются формы настоящего-будущего времени изъявительного наклонения, формы повелительного и сослагательного наклонений, причастия настоящего времени¹⁵. От основы прошедшего времени (из древнего причастия прошедшего времени на *-ta*) образуются формы прошедшего времени и инфинитива¹⁶. И в среднеперсидском, и в парфянском языках широко представлены сложные глагольные формы из причастия прошедшего времени (=основа прошедшего времени) и вспомогательного глагола.

Соотношение основ настоящего¹⁷ и прошедшего¹⁸ времени многообразно: парф. *kar-* — *kird* 'делать', *gand-* — *gast* 'смердеть', *bar-* — *burd* 'носить', *ōzan-* — *ōzaδ* 'убивать', *nižēs-* — *nižišt* 'писать', *paδ-*

¹⁵ В среднеперсидских скальных надписях III в. н. по-видимому, в парфянских документах из Нисы I в. до н. э. пережиточно сохранялись формы прошедшего времени, продолжающие древнеиранский аугментный имперфект (из основы настоящего времени): ср.-перс. **kylady* **akiri* 'сделано'.

¹⁶ Вторичная основа прошедшего времени в парфянском языке образуется от основы настоящего времени суффиксом *-āδ* (ср.-перс. *-īδ*, *-āδ*, *-ist*): *barmāδ-* 'плакать', *paδtōžāδ-* 'надевать', *parvarzāδ-* 'заботиться', *pursāδ-* 'спрашивать' и т. д.

¹⁷ В. Хеннинг, а за ним А. Гилен насчитывают в среднеперсидском и парфянском по 13 типов.

¹⁸ Оканчиваются на *-t*, *-d*, *-δ*.

mōž- — *paḏmuxt* 'надевать', *dah-* — *dāḏ* 'давать' и др.; ср.-п. *x^aar-* — *x^aart* 'есть', *ras-* — *rasīt* 'достигать', *est-* — *estāt* 'стоять', *dān-* — *dānist* 'знать', *tāč-* — *tāxt* 'скакать', *dār-* — *dāšt* 'иметь', *rav-* — *raft* 'идти', *kun-* — *kart* 'делать', *band-* — *bast* 'связывать' и т. д.

Различается структура предложений с прошедшим временем переходного и непереходного глаголов (в настоящем времени это противопоставление отсутствует). Непереходным глаголам свойственна номинативная конструкция предложения, при которой сказуемое согласуется со словом, обозначающим субъект действия. Переходный глагол согласуется со словом, обозначающим объект действия¹⁹.

Глагол в среднеперсидском языке характеризуется категориями лица, числа, времени, наклонения, залога²⁰.

ЛИЧНЫЕ ОКОНЧАНИЯ (настояще-будущее время)

	Изъявительное наклонение	Сослагательное наклонение
1-е л.	<i>-am</i> (<i>-ōm</i>), <i>-ēm</i>	<i>-ān</i>
Ед. ч. 2-е л.	<i>-ē(h)</i>	<i>-āy</i>
3-е л.	<i>-ēt</i> , ман. <i>-ēḏ</i>	<i>-āt</i> , ман. <i>-āḏ</i>
1-е л.	<i>-ēm</i> , <i>-ōm</i>	<i>-ām</i>
Мн. ч. 2-е л.	<i>-ēt</i> , ман. <i>-ēḏ</i>	<i>-āt</i> , ман. <i>-āḏ</i>
3-е л.	<i>-and</i> , <i>-ēnd</i>	<i>-ānd</i>

СПРЯЖЕНИЕ ГЛАГОЛА В ИЗЪЯВИТЕЛЬНОМ НАКЛОНЕНИИ

Настояще-будущее время (означает действие обычное, происходящее в данный момент или в будущем):

Ед. число	Мн. число
1-е л. <i>kunam</i> , <i>kunom</i> 'Я делаю, сделаю'	<i>kunēm</i>
2-е л. <i>kunē(h)</i>	<i>kunēt</i>
3-е л. <i>kunēt</i>	<i>kunēnd</i>

Прошедшее время образуется сочетанием причастия (=основы) прошедшего времени+связка (от корня *h*)²¹. В 3-м лице единственного числа связка отсутствует. Непереходный глагол (*raftan* 'уходить'):

Ед. число	Мн. число
1-е л. <i>raft ham</i> (<i>hōm</i> , <i>hēm</i>)	<i>raft hēm</i> (<i>hōm</i>)
2-е л. <i>raft hē(h)</i>	<i>raft hēt</i>
3-е л. <i>raft</i>	<i>raft hēnd</i>

Переходный глагол, как уже упоминалось, согласуется со словом, обозначающим объект действия. В зависимости от того, как выражен объект, различаются два варианта спряжения переходного

¹⁹ См. об этом ниже.

²⁰ Видовые значения нередко передавались приставками: *hamē* (длительность): *hamē davist* 'бежал', *hamē būt* 'всегда был'; *bē* (законченность): *bē dīt* 'увидел'.

²¹ С парадигмой спряжения в изъявительном наклонении: ед. ч. 1-го л. *ham*, *hōm*, *hēm* 'я есмь', 2-го л. *hē(h)*, 3-го л. *(h)ast*; мн. ч. 1-го л. *hēm*, *hōm*, 2-го л. *hēt*, 3-го л. *hēnd*; в сослагательном: ед. ч. 3-го л. *hāt*, мн. ч. 2-го л. *hāt*, 3-го л. *hānd*. В желательном наклонении 3-е л. ед. ч. *hē*.

глагола. Если объект выражен именем существительным в форме единственного числа (или неличным местоимением), глагол представлен основой прошедшего времени без связки (=форме 3-го л. ед. ч.). Лицо субъекта действия передается обычно личным (ударным, чаще энклитическим местоимением):

	Ед. число		Мн. число	
1-е л.	-m	x ^a amɲ dīt	-mān	dīt
		'Я увидел сон'		
2-е л.	-t	dīt	-tān	dīt
3-е л.	-š	dīt	-šān	dīt

Если объект действия выражен личным местоимением, форма прошедшего времени образуется при помощи соответствующей связки (кроме 3-го л. ед. ч.).

Схематически:

1-е л.	man burt ham (hōm, hēm)	amāh burt hēm(hōm)
	'меня унес(ли)'	
2-е л.	tō burt hē(h)	šmāh burt hē(t)
	'тебя унес(ли)'	
3-е л.	avē burt	avēšān burt hēnd

Это правило действительно для всех прошедших времен.

Преждепрошедшее время (означает действие, предшествовавшее другому действию в прошлом) образуется при помощи вспомогательного глагола *būtan* 'быть', 'становиться' в форме прошедшего времени: 3-е л. ед. ч. *mat būt* (*matan* 'приходить', 'оказываться'); *guft būt* (*guftan* 'сказать'); 3-е л. мн. ч. *dāt būt hēnd* (*dātan* 'создать').

Перфект (прошедшее результирующее) образуется при помощи вспомогательного глагола *ēstātan* 'стоять', 'пребывать' в форме настоящего-будущего времени: 3-е л. ед. ч. *mat ēstēt* (*matat* 'приходить'), *guft ēstēt*, *vēnārt ēstēt* (*vēnārtan* 'устроить'). В прошедшем перфекте (означает длительное действие в прошлом) использовалась форма прошедшего времени глагола *ēstātan*: 3-е л. ед. ч. *xuft ēs-āt* 'спал', *dīt ēstāt* 'видел', *kart ēstāt* 'делал'.

Преждепрошедший перфект образуется из прошедшего перфекта + глагол *būtat* в прошедшем времени: *mat ēstāt būt* 'он пришел'.

Повелительное наклонение во 2-м лице единственного числа представлено чистой основой настоящего времени (*kun* 'делай', *gōš* 'говори'); во 2-м лице множественного числа к ней присоединяется окончание *-ēt*, ман. *-ēš* (*kunēt*, *gōšēt*). Запрещение выражается частицей *mā* перед глаголом: *mā tars* 'не бойся'.

Сослагательное наклонение употребляется редко. Настоящее время образуется от основы настоящего времени, например: *bavāt* (или *bāt*) 'чтобы стало'. Прошедшее время образуется от основы прошедшего времени + связка в форме сослагательного наклонения *hāt*: *kard hāt* 'разрушил бы', *būt hāt* 'стал бы'.

Желательное наклонение также употребляется редко. Настоящее время в форме 3-го л. ед. ч. (из осн. наст. вр. + окончание *-ē*): *barē* 'пусть он несет', 'чтобы он нес'. Вытесняется формой наст. вр. индикатива с частицей *ē(v)*: *ē(v) dārēt* 'пусть владеет'. Прошедшее время (из основы прош. вр. + связка в форме 3-го л. ед. ч. желат. накл. *hē*): *kart hē* 'чтобы сделал', *bē ōzat hē* 'чтобы убили'.

Эта форма употребляется преимущественно в придаточных предложениях.

Пассивный залог образуется от основы настоящего времени суффиксом *-īh*. Употребительна форма настоящего времени²²: *kunīhēt* 'делается', *x^aarihēt* 'съедается', *kunīhēnd* 'делаются'

К неличным формам глагола относятся причастия настоящего и прошедшего времени, инфинитив.

Причастия настоящего времени образованы от основы настоящего времени суффиксами *-ēnd*: *kunēnd* 'делающий', *gīrēnd* 'берущий'; *-ān*: *davān* 'бегущий' и *-andak*: *parrandak* 'летающий', 'птица', *zīvandak* 'живущий', 'жизнь' (в большинстве переходят в существительные или прилагательные); *-āk*: *ravāk* 'идуший', 'бегущий'; 'подобающий'; *kunāk* 'делающий'. Так называемое причастие долженствования на *-išn*: *dvārišn* 'надлежит бежать'

Причастие прошедшего времени равно основе прошедшего времени: *kart* 'сделанный', *guft* 'сказанный' и т. д. От него при помощи суффикса *-ak* образуется вторичное причастие: *kartak* 'сделанный', *nišastak* 'сидевший', *ārāstak* 'украшенный' и т. д. (выступает в основном в атрибутивной функции, часто субстантивируется).

Инфинитив образуется от основы прошедшего времени суффиксом *-an<-tan*: *virēxtan* 'убежать', *kartan* 'делать' и т. д. или равен основе прошедшего времени (с модальными глаголами).

Словообразование глагола в среднеперсидском языке отглагольное и отыменное. У отыменных глаголов в качестве основы настоящего времени служит само имя (или имя с суффиксами *-ēn*, *-ān*, см. ниже); основа прошедшего времени образуется суффиксом *-it*: *parr* ('перо')—*parrīt* 'летать', *nihān* ('скрытый')—*hihānīt* 'скрывать'. В отглагольном словообразовании употребительны отделяемые приставки (из предлогов и наречий): *andar* — указывает направление или нахождение внутри (*andar šutan* 'входить'), *apāč* — движение вспять, повторность действия (*apāč vastan* 'возвращаться', *apāč guftan* 'пересказывать'); *apar* — движение вверх, наружу, на поверхность (*apar nišastan* 'сажать на...'); *bē* — удаление прочь (*bē kartan* 'удалять'); *frāč* — движение вперед (*frāč raftan* 'продвигаться вперед'); *frōt* — движение вниз (*frōt šutan* 'заходить'—о солнце) и др.

Понудительные глаголы образуются при помощи суффикса *-ēn* (основа настоящего времени): *ras*—'достигать'—*rasēn*—'доставлять'. Основа прошедшего времени на *-it* (*rasēnit*). Реже используется суффикс *-ān*: *niyāzān*—'делать нуждающимся'—*niyāz*—'нуждаться', *iāzān*—'заставлять скакать', *tāz*—'скакать'. Каузативное значение имеют часто отыменные глаголы на *-ēn*, *-ān*: *vēmārēn*—'делать больным', *vāspuhrakān*—'возводить в дворянство'. Сохранился ряд древних каузативов, ср.: *gāštan* 'вращать'—*gaštan* 'вращаться', *nišāstan* 'сажать'—*nišastan* 'сидеть', 'садиться' и др. Ср. парф. *sāž*—'приготовить', *saž*—'быть готовым'.

Аналитические глаголы состоят из имени и глагола (*kartan*, *burtan* и др.): *namāč burtan* 'поклониться', *rōšnih kartan* 'освещать' и т. д.

Глагол в парфянском языке характеризуется категориями лица, числа, времени, наклонения.

²² Форма прошедшего времени с окончанием *-ist*: *dahihist* 'сотворено', *karīhist* 'сделано' (старый корень *kar*-).

Личные окончания (по манихейским текстам)

настоящее время

Изъявительное наклонение		Сослагательное наклонение	
Ед. число	Мн. число	Ед. число	Мн. число
1-е л. -am	-ām	-ān	-ām
2-е л. -eḥ	-ēḥ	-ā(h)	-āḥ
3-е л. -eḥ	-ēnd	-ā(h)	-ānd

Примеры: наст. вр.: *žanam* 'я бью', *vāžam* 'я говорю'; *barēh* 'ты несешь', *dahēh* 'ты даешь', *karēh* 'ты делаешь'; *paṁtōžēḥ* 'он надевает'; *ištām* 'мы находимся'; *dāreḥ* 'вы держите'; *karēnd* 'они делают'; сосл. накл.: *bōžān* 'чтобы я спас', *karān* 'чтобы я сделал'; *mānāh* 'чтобы ты остался', *bōžā* 'чтобы ты спас', *karā* 'чтобы ты сделал'; *ištāh* 'чтобы он находился', *barāh* 'чтобы он нес', *dahām* 'чтобы мы дали', *bavām* 'чтобы мы были', *vēnāḥ* 'чтобы вы нашли', *paūand* 'чтобы они хранили'

В повелительном наклонении форма 2-го лица единственного числа представляет собой основу настоящего времени (без окончаний), окончание 2-го лица множественного числа -ēḥ: *šavēḥ* 'идите', *karēḥ* 'делайте', *nimāuēḥ* 'покажите'. С энклитическими местоимениями: *bōž-əm* 'спаси меня', *dah-mān* 'дай нам', *bōžēḥ-mān* 'спаси нас'

Пассив на -lh- в парфянском не встречается.

Прошедшее время образуется от основы прошедшего времени и формы настоящего времени вспомогательного глагола *ah-* 'быть'²³: *āḥad ahēm* 'я пришел', *āḥad ē* 'ты пришел'. В 3-м лице единственного числа (иногда и множественного) вспомогательный глагол отсутствует: *vēšmanāḥ* 'он обрадовался', *šid* 'он ушел', *vēšmanāḥ ahēnd* 'они обрадовались', *kaft* 'они упали'. Во всех приведенных примерах глаголы непереходные. Различие между непереходными и переходными глаголами в прошедшем времени заключается, как и в среднеперсидском языке, в согласовании глагола. Непереходные глаголы согласуются с субъектом действия, переходные — с объектом. Кроме того, у переходных глаголов к основе прошедшего времени может примыкать энклитическое местоимение, означающее субъект действия, агенс: *vuxt-əm* 'я сказал', *dīḥ-əm* 'я увидел'.

Неличные формы глагола: причастия и инфинитив. Причастие настоящего времени образуется от основы настоящего времени суффиксом -ēnd²⁴: *xardēnd* 'смеяться'. Причастие прошедшего времени равно основе прошедшего времени (*āḥad* 'пришедший', *raft* 'ушедший', *ōžad* 'убитый') и основе настоящего времени + суффикс -ād (*fravaḥad* 'осведомленный', *bōžad* 'спасенный').

Причастия на -aḥ: *būdaḥ* 'ставший', *freštaḥ* 'посланный', 'ангел'. Инфинитив образуется от основы прошедшего времени суффиксом -an: *nišastan* 'садиться', *kirdan* 'делать', *burdan* 'нести', *paṁtuxtan* 'надевать', *buxtan* 'спасти'

Понудительные глаголы от некоторых корней образуются суффиксом -ān-: *avīšt-* 'находиться' — *avīštān-* 'помещать'; от некоторых — удлинением гласного основы: *franam-* 'идти (к)' — *franām-* 'вести'.

²³ Спряжение глагола *ah-* в настоящем времени: ед. ч. 1-го л. (*a*)*hēm*, 2-го л. *ē*, 3-го л. *ast*; мн. ч. 1-го л. *hēmāḥ*, 3-го л. *ahēnd*. В преждепрошедшем времени вместо *ah-* употребляется вспомогательный глагол *bav-* — *būd*, в перфекте — *išt-*, например: *xuṭt ištē(h)* 'ты заснул'.

²⁴ Может иметь форму множественного числа: *adihēndān* 'приходящие'.

Среднеперсидский и парфянский — языки аналитического типа. Синтаксические связи внутри предложения выражаются главным образом при помощи служебных слов (предлогов, союзов, частиц) и позиции слов и в меньшей мере путем согласования. Среди служебных слов многие представляют собой результат грамматики полноточных слов. При этом можно наблюдать параллельное употребление и грамматизованных, и неграмматизованных слов.

АТТРИБУТИВНЫЕ СОЧЕТАНИЯ

Собственно атрибутивные отношения и относительность в широком смысле слова передаются в среднеперсидском языке при помощи изафетной конструкции, примыкания определения к определяемому, элементов (*hān i, ēn i, et i, ave i*).

В изафетной конструкции определяемое сопровождается относительной частицей *i* (<относительного местоимения *i*), определение следует за определяемым: *Rašn i rāst* 'справедливый Рашн', *āstānag i naxustēn* 'первый порог', *keš i devān* 'учение дэвов', *dar i čašmān* 'врата глаз'²⁵.

Определение может примыкать к определяемому без частицы препозитивно или постпозитивно (в последнем случае — только качественное): *hamāk šahr* 'все царство', *haftāt panj rōč* 'семьдесят пять дней', *xōn gōhr* 'субстанция крови', *axtarmārān sardār* 'глава звездочетов', *dēn mazdēsn* 'маздайснийская вера'²⁶.

При наличии нескольких качественных определений все они могут предшествовать определяемому или часть предшествует, а часть следует за определяемым (с или без частицы), либо все следуют за определяемым с (без) частицей или соединительным союзом. Примеры: ман. *hān ardīgar ud warzīgar mird* 'этот воинственный и деятельный человек'; нōг *x^{ar}šēd rōšnīgar* 'новое, дающее свет солнце'; *xōšn i x^{eš} i naxustēn* 'их первая красота'; кн. *pīl-ē(φ) i ārastak i spēt* 'белый разукрашенный слон'; ман. *šahr wazarg ud istāyīdag* 'великий и восхваляемый свет'; кн. *x^aatāy karr ut kōr* 'глухой и слепой властитель' и др.

Определения к именам, связанным *status constructus*, обычно следуют за этими именами без (или с) частицы, но могут и предшествовать им. Примеры: ман. *bōyistān āfrīdag i isprahmān xumbōyēnān* 'благословенный сад ароматных цветов'; *wispān wīdān bazagān i kadag* 'все-злые духи дома'; кн. *pus i mas i Ardavān* 'старший сын Ардавана'²⁷.

Препозитивные определения часто вводятся местоименными элементами *hān i, ēn i, et i, ave i*: *hān i x^aaršētik ut hān i māhdi-*

²⁵ Определение качественное обычно выражено прилагательным (только в ед. ч.), определение принадлежности — существительным. Передки определения, выраженные именем в предложной форме: ман. *tūyēnāg-mān i pad [riyē]* 'наш любящий проводник', *frēstak i abar rāmīšn* 'посланец для мира'. Ср. парф. *gyūn ēē pad tanhār* 'душа в теле', *marđōhmag ēē az frōmēn šahr* 'люди из Римской империи'.

²⁶ Определение, выраженное личным местоимением, обычно связывается с определяемым частицей *i* в отличие от парфянского, где оно часто предшествует определяемому: ман. ср.-перс. *bannag i āstāh* 'ваши слуги', парф. *man tan wazarg* 'моя великое тело' (и *tōhm ēē amāh* 'наше семейство').

²⁷ Структурные типы атрибутивных сочетаний в среднеперсидском и парфянском см. [Boysse I].

stik sal 'солнечный [год] и лунный год'. Эта конструкция неизвестна парфянскому.

В парфянском языке в атрибутивных сочетаниях обычно выступает в качестве связующей частицы *čē* (<относительного местоимения *čē*; в документах из Нисы I в. до н. э. употребляется в качестве относительного местоимения и частицы *ZY* <ир. **ya*-). Употребление *čē* факультативно. Определяемое предшествует определению: *srōd čē šādīft* 'песня счастья'; *zēn čē razmōžan* 'седла воинов'; *andarbed amāh ud pidar* 'посредник между нами и отцом'. Чаще всего так вводится определение принадлежности²⁸.

Каждое из двух имен, связанных частицей *čē*, может иметь свое определение. При этом определения, выраженные именами существительными, местоимениями и числительными, предшествуют тому имени, к которому относятся, а прилагательные следуют за ним: *wažan ud zird padmōxtan čē adyāwarān* 'одежда голоса и сердце друзей'; *nāw čē amāh griwān* 'корабль наших душ'; *anžiwağ wazarg čē harwān anžiwağān* 'великий создатель жизни всех создателей жизни'

ПРЕДЛОГИ И ПОСЛЕЛОГИ

Предлоги и послелоги в среднеперсидском и парфянском языках широко употребительны как средство передачи объектной связи.

Первичные предлоги — простые по составу: ср.-п. *pat*, ман. *pad*, парф. *pad* (нахождение в пространстве, во времени и в условиях; орудность), ср.-п. *hač*, ман. *az*, парф. *až* (исходно-отложительное значение); ср.-п., парф. *ō*, *avi*- (направление на или к адресату), ср.-п. *tāk* (предел распространения), ср.-п., парф. *andar* (нахождение или направление внутрь), ср.-п. *apāk*, ман. *abāg*, парф. *ad* (совместность), ср.-п., парф. *apar*, ман. *abar* (направленность или нахождение на поверхности), ср.-п. *tar* (направление через что-либо). Особенность парфянского — употребление предлога *ō* с прямым дополнением: ман. *'z 'w tw bwj'n 'ē hrw...* **az ō tō bōžān až harv...* 'чтобы я спас тебя от всех...'

В среднеперсидском выделяется группа изафетных предлогов именного или наречного происхождения: *miyān i* 'между' (*miyān* 'середина'), *nazdik i* 'около' (*nazdik* 'близкий', 'близко'), *pēš i* 'к' (*pēš* 'перед', 'передний', 'впереди'), *hačadar i* 'под' (*hačadar* 'внизу') и др. (причем встречается и безыафетное их употребление в манихейских текстах). В манихейском парфянском отмечены предлоги отыменного и наречного происхождения: *mdy'n* 'между', 'среди', *'dr *adar* 'под', *prw'n *ragvān* 'перед'.

Составные предлоги включают в себя два простых или изафетный и простой: ср.-п. *tāk ō* 'до', 'к'; *tāk pēš (i)* 'к'; *ō pēš (i)* 'к'; *pat pēratōn (i)* 'вокруг'; *hač nazdik (i)* 'от' и др.; парф. *abar až* 'над' и др.

Послелоги: ср.-п. *rād* — указывает на причину, цель, адресат действия, обладателя²⁹; *hamis* — в сочетании с предлогом *hač*: *hač...*

²⁸ При отсутствии относительной частицы *čē* это определение обычно препозитивно примыкает к определяемому: *im wažan niwīg ramanīg* 'сладкий звук этого голоса'. Одинокое определение, выраженное именем прилагательным, числительным или местоимением, непосредственно (без частицы) предшествует имени или следует за ним. Такие сочетания редки.

²⁹ Иногда оформляет прямое дополнение, что может быть вызвано влиянием новоперсидской нормы.

hamis 'вместе'. Послелого в парфянском (используются редко): *rad*, *rasnād* (он же и предлог) 'из-за', *par* 'вне'

В качестве послелогов в среднеперсидском могут использоваться предлоги, ср.: *apāk-iš* 'с ним' (*apāk* — предлог), *kā-šan...* *apāk* 'когда с ними...' (*apāk* — послелог)³⁰, и наречия, например: *frāč* 'вперед' и *pas* 'после' в выражениях *hač hān frāč*, *hač hān pas* 'после того'. Вторичные послелогов *pat-iš*, *hač-iš(az-iš)*, *ō-š* (*avi-š*) эквивалентны по значению предлогам *pat*, *hač(az)*; *ō* (*avi*): *wardā-m* *ō-š* 'повернись ко мне' (*-m...ō-š* 'ко мне'); *u-šan bar ud sūd az-iš čē raft* 'и какая от них польза?' (*-šan...az-iš* 'от них')³¹.

В парфянском с предлогами обычно употребляются ударные формы личных местоимений.

СОЧИНТЕЛЬНЫЕ СОЮЗЫ

Союзы: ср.-п., парф. *ud*, *ut*, *u-* 'и' (последний с энклитическими местоимениями), ср.-п. *ayār* 'или', *bē* 'но', *nē...ut* *nē(č)* 'ни...ни', *ham...ut* *ham...ut* *ham* 'и...и' служат средством выражения копулятивной связи (обычно — между однородными членами предложения).

СОГЛАСОВАНИЕ

В атрибутивных изафетных сочетаниях в среднеперсидском определение-прилагательное всегда имеет форму единственного числа. Определение, препозитивно или постпозитивно примыкающее к имени, в манихейском среднеперсидском языке регулярно согласуется с ним в числе: *farrōxān fraزندān* 'счастливые дети', *vispān vadān bazagān* 'все злые духи', *sax^hanān zīndagān ud mahrān x^hašān* 'живые слова и сладкие гимны' и т. д.; в книжном языке согласование прилагательных и местоимений в числе ограничено узким кругом слов (*apārikān* 'прочие', *vasān* 'многие', *avēšān* 'те').

В парфянском языке наблюдается полная свобода в числовом согласовании имени существительного и имени прилагательного.

При выражении предикативной связи сказуемое согласуется в лице с подлежащим, выраженным личным местоимением (ср.-п. *mān andar āy-am* 'я вхожу')³², при подлежащем — имени существительном сказуемое имеет форму 3-го лица (ср.-п. *kanik-č(v)*... *āy-ēt* 'одна девушка... выходит'; парф. *harvīn yazdān vēšmanād ahēnd* 'все боги обрадовались'). Согласование сказуемого в числе зависит не только от формы единственного или множественного числа подлежащего. Выше упоминалось, что форма единственного числа существительного не маркирована в отношении признака расчлененности и потому она допускает формы и единственного, и множественного числа сказуемого: ср.-п. *pīl* (ед. ч.) *zāyēt* (ед. ч.) ...*ut gōspand* (ед. ч.) *zāyēnd* (мн. ч.) 'слоны рожают... и овцы рожают'; *apasōskar*

³⁰ Употребление предлогов с энклитическими местоимениями ограничено, как уже упоминалось, с одной стороны, предлогами *pat*, *hač*, *ō*, иногда *apāk*, с другой — энклитическим местоимением 3-го л. ед. ч. *-š*.

³¹ Подробнее см. [Бойсе II].

³² В настоящем времени согласование осуществляется при помощи личных окончаний, в прошедших временах — при помощи вспомогательных глаголов и связок при неизменяемой основе прошедшего времени. Основа прошедшего времени (без связки) рассматривается как форма с нулевым аффиксом. Она закреплена в большинстве случаев за 3-м л. ед. ч.: *kanīčak...* *šūt* 'служанка... уходила'. Согласование именного сказуемого осуществляется при помощи связки *(haft x^hahān Virāz čīyōn zan būl hēnd* 'Семь сестер были Виразу как жены').

mart (ед. ч.) *apasōšbar... bavēnd* (мн. ч.) 'Извительные люди сами подвергнутся насмешкам' Кроме того, число сказуемого зависит от того, обозначает ли подлежащее людей, животных или неживые предметы. При подлежащем в форме множественного числа, обозначающем людей, сказуемое имеет форму множественного числа; неживые предметы или понятия — форму единственного числа (ср.-п. *rādān... šavēt* 'Шаги... достигают'). Согласование неустойчиво в категориях, промежуточных по значению между этими двумя³³.

СТРУКТУРА ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ПРОШЕДШИМ ВРЕМЕНЕМ ПЕРЕХОДНОГО ГЛАГОЛА

Одна из главных особенностей среднезападноиранского синтаксиса — структура предложения с переходными глаголами в прошедшем времени. Глагол-сказуемое здесь согласуется со словом, обозначающим объект действия, при очевидном активном значении конструкции (ср. с так называемой эргативной конструкцией в других иранских и индийских языках)³⁴.

Объект действия обычно выражен именем-основой, субъект действия в большинстве случаев — личным, чаще энклитическим местоимением (сохраняющим значение косвенного падежа)³⁵: ср.-п. *u-šan āvurt diptir* 'И они привели писца' (букв. 'писец... приведен'); *u-š stārān... gumārt hēnd* 'И он поместил... звезды' (букв. 'звезды... помещены'); ман. парф. *draxtān mač kird bārvar* 'я сделал деревья плодоносными'; *ʔwš'n... ydʔw'st hym *u-šan idvāst hēm* 'И они привели меня' (букв. 'я... приведен'); *...gd hym u r'styn br'd wynd'd ...*ā;ad hēm u Rāštēn brād vīndād* '...я пришел и увидел брата Р.'; *...wmt hrwūn br'd'r'n ...wynd'd 'hynd *...əm harvīn brādarān... vēn-dād ahēnd* '...я увидел... всех братьев' Энклитическое местоимение может присоединяться к основе прошедшего времени: ман. ср.-п. *d'nystwmt *dānist-əm* 'я узнал', *kyrdwmt *kird-əm* 'я сделал', *kyrdwš *kird-əš* 'он сделал', *kyrdwš'n *kird-əšān* 'они сделали'; ман. парф. *burdwd *burd-əð* 'ты принес', *bdyštwm *aždišt-əm* 'я сообщил, показал'.

Если субъект и объект действия выражены именами существительными в одном и том же числе, объектное согласование сказуемого затушевано: ср.-п. *Ardavān karīčak x"āst* 'Ардаван позвал служанку', но возможно и: *karīčak Ardavān x"āst* 'Служанка позвала Ардавана'³⁶.

СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Основное средство выражения синтаксической связи в сложном предложении — союзы: сочинительные (см. выше) и подчинительные (временной — ср.-п. *ka*, парф. *kd *kað*, условный — ср.-п. *hakar*, парф.

³³ То есть при подлежащих, обозначающих мифологические существа, персонифицируемые силы природы, животных и растения.

³⁴ В основе конструкции лежит древний оборот с пассивным причастием прошедшего времени, номинативной формой объекта и генитивной — субъекта действия.

³⁵ Из двух местоимений 1-го л. ед. ч. в значении субъекта действия употребляется только *man*: парф. *mn dyšt 'pdn *man dišt ābdar* 'Я построил дворец'.

³⁶ В этом случае решающим оказывается порядок слов: субъект — объект — глагол. Учитывая активное значение конструкции, можно предположить здесь изменение согласования с объектного на субъектное (по аналогии с номинативной конструкцией). В среднеперсидском наблюдаются случаи контаминации прошедше-переходной конструкции с номинативной: а) субъектное согласование сказуемого (*man... 900 tōy mart ōzat ham* 'Я... погубил 900 матов'); б) эпизодическое оформление слова, обозначающего объект действия, после глагола *rād* (последнее может быть и новоперсидской интерполяцией).

'g, цели и следствия — ср.-п. *tāk*, изъяснительный — ср.-п., парф. *kū*, сравнительный — ср.-п. *čīḡōn*, парф. *čw'gwn *čivāgōn*, причины — ср.-п., парф. *čē*). Наряду с союзами в сложноподчиненном предложении используются относительные наречия — ср.-п. *kā(δ)* 'когда', *kū* 'где', *čīḡōn* 'как' и местоимения — *kē*, *i* 'который', *čē* 'что'. Местоимения *kē*, *i* в среднеперсидском не употребляются с предлогами (в этом случае предлоги становятся послелогоми: *hān zan vat-tar kē arāk pat rāmišn zistār nē šāyēt* 'та женщина хуже, с которой невозможно жить в мире'). Эта неизменяемость *kē* и *i* компенсируется употреблением указательных и личных местоимений: *...hān kas... kē yut hač avē...* '...тот человек... без которого...' (букв. 'который, без него'), ср. парф. *šahrdārīft čē pad hō* 'царство, в котором' (букв. 'царство, которое, в нём'). Однако в отличие от среднеперсидского в парфянском допустима предложная форма относительных местоимений и наречий: ман. *tāstag-əm... pad čē-m ō friānagān višmēd kird* 'моя чаша..., посредством которой я порадовал друзей'; *w'xardīg-əm wuzarg ač ku ambārām ō širgāmagān* 'большой пир, которым я наполнил друзей'.

Для выражения синтаксической связи в сложноподчиненном предложении широко используются соотносительные с союзами слова: детерминативные местоимения — ср.-п. *hān*, *ave(šān)* 'тот', 'те', наречия — ср.-п. *ēḡōn* 'так', *čand* 'столько', заключительные союзы — ср.-п. *aḡak*, ман. *eg* ('yг), *u-* ('p).

Лексический состав сложного предложения характеризуется наличием местоименных (указательных, неопределенных и заместительных) слов. Наблюдается явление эллипсиса.

ВОСТОЧНЫЕ ЯЗЫКИ

К восточным среднеиранским языкам относятся: согдийский, хорезмийский, сакский, бактрийский.

ПИСЬМЕННОСТЬ

В восточных языках, как и в западных, применялись алфавиты арамейского происхождения (разновидности согдийской письменности, хорезмийское письмо документов из Топрак-кала и Ток-кала). Однако наряду с ними использовались и другие системы письма: индийское брахми (для хотаносакского языка), греческое (для бактрийского). Хорезмийские слова и фразы, встречающиеся в арабоязычных сочинениях, передаются при помощи арабского алфавита и дополнительных значков.

Алфавитам арамейского происхождения в восточных среднеиранских языках были свойственны те же особенности, что и в западных языках, т. е. системы идеограмм, читаемых по-ирански, лигатуры, архаизированная орфография, полифония. Для заполнения строки знак, обозначающий один звук, мог удваиваться и даже утраиваться (ман. согд. *w''xštt* 'слова', *w'šttt* 'он говорит') и, наоборот, один согласный мог обозначать два (ср. ман. согд. *pṭpu* 'свет', 'светильник').

В согдийском письме идеограмм значительно меньше, чем в пехлевийском и парфянском. Это некоторые имена, предлоги, наречия, артикли: MR'Y, MRY' **xwatāw*¹ букв. 'мой господин' (парф.

¹ Согдийская транскрипция (под звездочкой) дается по В. А. Лившицу, которому автор выражает глубокую признательность за ценные замечания по разделу «Среднеиранские языки». Хотаносакский дается в транслитерации, отличной от иранской [Герценберг, табл. 2 и 3].

MR'y *xwātāw, ср.-п. MRWH *x^aatāy), L' *nē — отрицательная частица (парф., ср.-п. L' *nē), ZK *xō — указательное местоимение и артикль (парф. ZK *hō, ср.-п. ZK *hān) и др.

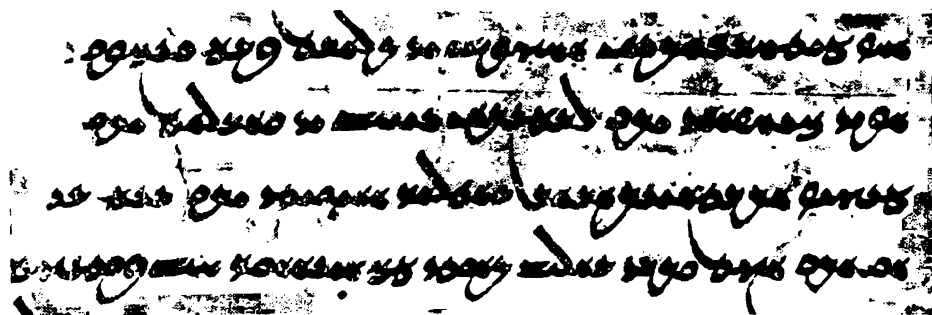
Позднее согдийское письмо — курсивное. Различные религиозные культы согдийцев (христианский, манихейский, буддийский) обслуживались разновидностями арамейского письма (соответственно: сирийским, манихейским и собственно согдийским, или так называемым национально-согдийским, из которого развились уйгурское). Собственно согдийскому письму была свойственна историческая орфография, манихейское и христианское письмо колебалось между фонетической и исторической орфографией².

В хорезмийском письме (VIII в.) наряду с идеограммами, общими для всех среднеиранских арамейских систем письма, имеются специфические [NTTY(H)~NTΓ(H) 'женщина'; ср. пехл., парф., согд. NYŠN], BŠNT 'год' (пехл., парф., согд. ŠNT). В надписях на оссуариях Ток-кала параллельно употребляются идеографическое и фонетическое написание одного и того же слова в одинаковой синтаксической позиции, например, предлог направления 'L/kw, артикль ZNH /y'. В орфографии преобладает исторический принцип. Курсивность письма меньше, чем в согдийском или среднеперсидском соответствующего периода.

Незрамэийские системы письма. В письме брахми (для хотаносакского языка) знаки алфавита обозначали согласный вместе с гласным а. Прочие гласные обозначались над- и подстрочными значками. Использовались лигатуры. Значение многих знаков и сочетаний устанавливается путем косвенных свидетельств, например, предполагается звук [ə], когда на письме в одном и том же слове чередуются ā/i/ei/ai/ē; звук [l] в *thūḍapa* 'шуба' <тибетск. *thulpa* и др.

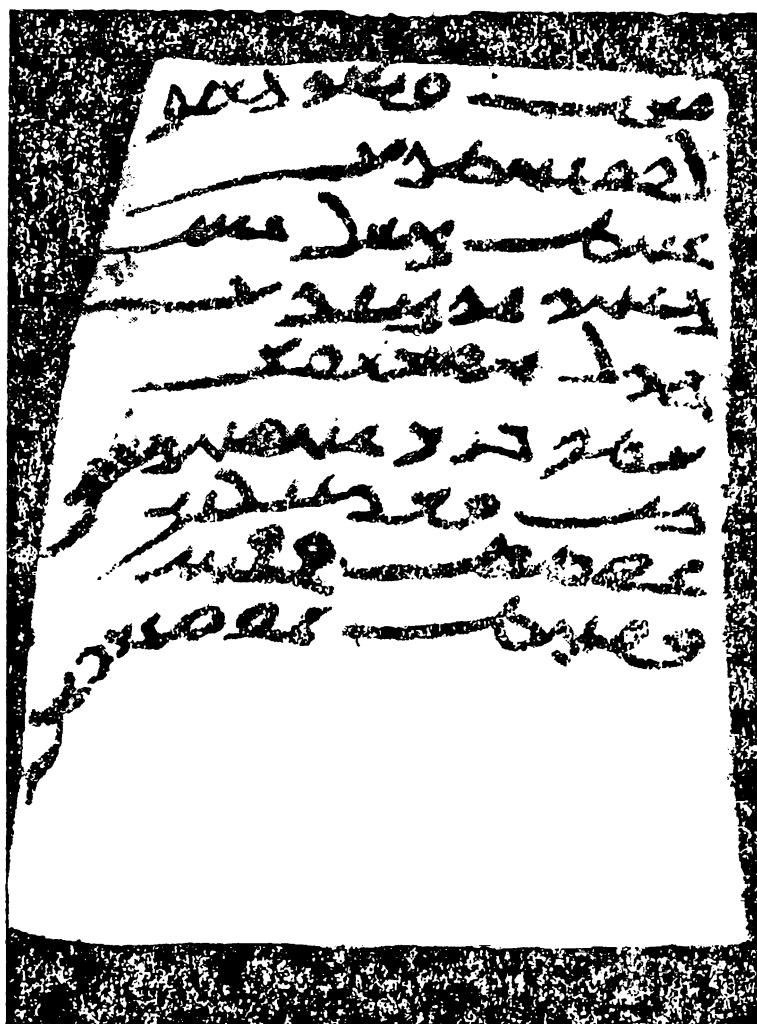
Позднее сакское письмо — курсивное.

ОБРАЗЦЫ СОГДИЙСКОГО ПИСЬМА

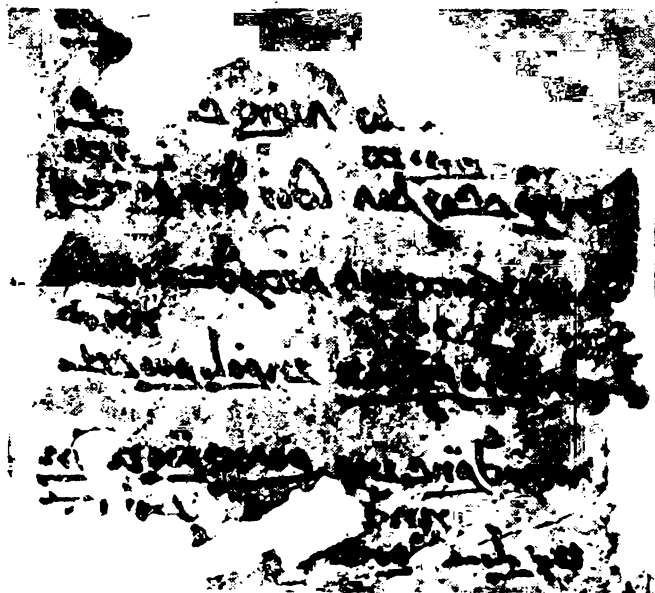
«Сутра-шрифт», «собственно согдийское», или «национально-согдийское», письмо (фрагмент сутры из «Махаяны»)

² Вопрос о взаимоотношении различных форм согдийского языка не решен. По-видимому, следует говорить не о диалектах, а о различных хронологических ступенях одного и того же языка или о различной социальной принадлежности соответствующих языковых групп [Henning III, 105 сл.].

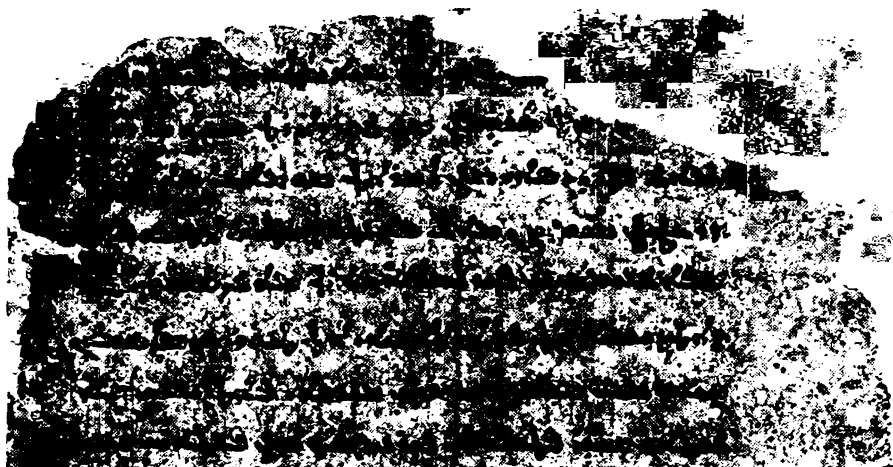
Согдийский курсив
(документ на коже с г. Муг — деловое письмо)

ОБРАЗЕЦ МАНИХЕЙСКОГО ПИСЬМА

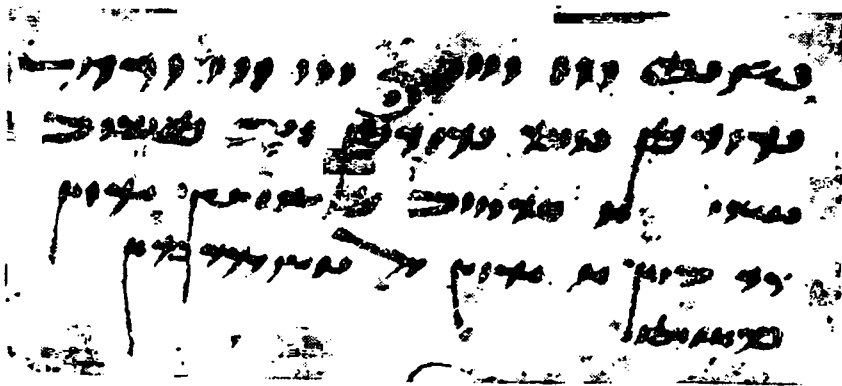

Фрагмент манихейско-согдийского календаря

ОБРАЗЕЦ СИРИЙСКОГО ПИСЬМА

Фрагмент из Евангелия от Луки

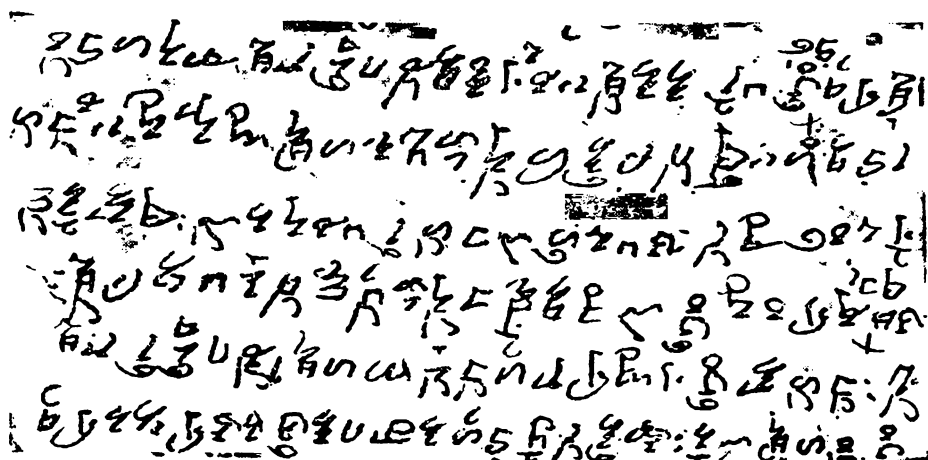

Арамейское хорезмийское письмо (надпись на оссурии из Ток-кала)

حاجت مناءك ای قاعك نی

Арабское хорезмийское письмо

ОБРАЗЕЦ ХОТАНОСАКСКОГО ПИСЬМА

ФОНЕТИКА

В согдийском языке вокализм представлен фонемами: *a*, *ā*, *i*, *u*, *ō*, *e*, *ə*. Сохранился рефлекс древнеиранского гласного *r*, представленный сонантом *r* с кратким или сверхкратким гласным [на письме: (')*r*, *r*('), *yr*, *ry*, *w(r)*, *rw*, (')]. Краткие гласные *a*, *i*, *u* характеризуются неустойчивостью, особенно в срединной позиции, где они превращаются в неотчетливый гласный. Дифтонги — *ai*, *au* и др.

Консонантизм представлен фонемами *p, t, k, č, f, ʈ, s, š, x, β, w, ɣ, z, ž, ð, m, n, r, y*. Характерной особенностью согдийского консонантизма является преобладание щелевых над смычными. Звонкие смычные *b, d, g* и аффриката *j* известны в основном только в позиции после носовых. Другая черта — сохранение глухих смычных в интервокальном положении (в большинстве иранских языков эти звуки озвончились или превратились в щелевые или произошло и то и другое одновременно; в крайнем случае они выпали). Эти черты свидетельствуют об архаизме согдийского консонантизма. Фарингального *h* в согдийском языке не было. Не было, по-видимому, и фонемы *l*.

В хотаносакском языке вокализм включает фонемы: *i, ī, u, ū* (в позднехотанском противопоставление по долготе, по-видимому, исчезло), *a, o, ə, ə, ɔ*. Дифтонги: *ai, au, ia, ui* и др.

Консонантизм представлен фонемами: *p, t, k, b, d, g, c, ʒ, č, j, f, ʈ, x, w, β, ð, ɣ, s, z, š, ž, h, y, m, n, r, l*. Л. Г. Герценберг выделяет ряд палатальных звуков (противопоставленных непалатальным), в том числе *t', d' c', l'* и др., например: *bārā* 'дождь' — *buārā* 'тыква' (ср. у Бейли противопоставление церебральных — нецеребральных: *t—t, d(l)—d, š—š* и др.).

В хорезмийском языке гласные фонемы: долгие — *ā, ī, ū, ō, ē*, краткие — *a, i, u* (а также *ə*?).

Консонантизм: *p, t, k, b, d, g, c, ʒ, č, j, f, ʈ, x, w, β, ð, ɣ, s, š, h, m, n, y, r, l*. Специфически восточноиранские аффрикаты *c, ʒ* представлены в хорезмийском и хотаносакском консонантизме (с как аллофон, возможно, и в согдийском).

Ударение. В восточных среднеиранских языках место ударения определяется на основе древней формы слова, древнего главного и второстепенного ударений. При этом учитываются фонетические изменения и соответствующие данные других иранских языков и диалектов. Например: согд. *kušph* **kēšp* 'черепаша' из древнего номинатива **kāsyarah* не могло иметь формы **kēšāp* из-за метафонии в первом слоге: известно, что только ударные гласные изменялись под влиянием у следующего слога.

Хотаносакское ударение устанавливается на основе выпадения послеударного или предударного слога. Ударение могло стоять: на предпоследнем слоге (*urmayśde* 'солнце' < **ahuramazdāh*); на третьем слоге от конца, если предпоследний содержал *ā* (*trāmāte* 'переходит' < **atirāmatai*); на последнем долгом слоге — у слов мужского рода (*nātā* 'река' < **nātākū*). Не имеют самостоятельного ударения глагол *uān* 'делать', энклитические местоимения и некоторые союзы.

В хорезмийском языке в связи с передвижением ударения происходит удлинение гласного в зависимости от положения слова в предложении, ср.: *zād'k* 'сын' — *zādīk* (в конце фразы или в обособленной позиции), *ap'ita* 'одна из жен' — *rapā-mi* 'одна из моих жен' (с суффиксом притяжательности).

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

В согдийском языке имя существительное характеризуется грамматическими категориями падежа, рода (м. и ж.), числа (ед. и мн.) и артикля.

Система склонения в согдийском языке шестипадежная или двухпадежная. Шестипадежная парадигма (табл. 1) является рефле-

Склонение существительных со слабой основой

Падеж	Мужской род	Женский род
Единственное число*		
Номинатив	-у: ман. <i>ṣṣuu</i> 'бог', буд. <i>čštu</i> 'глаз', соб. согд. <i>ṣṣnu</i> 'со-кровище'; -w: <i>šmṣw</i> 'Ариман'	-w: ман. <i>wṣw</i> 'жена', -': ман. <i>xšp</i> 'ночь', <i>wn</i> 'дерево'
Аккузатив	-w: соб. согд. <i>čšmw</i> , <i>ṣṣnw</i> , <i>srw</i> 'голова', <i>ṣṣrw</i> 'дверь'; -у: <i>pṣṣuuh</i> 'отец', <i>mṣṣuu</i> 'птица'	-w: <i>wnw</i> ; -': хр. <i>dxšt</i> 'пустыня', буд. <i>wnh</i>
Вокатив	-': ман. <i>ṣṣ'</i>	
Генитив-датив	-у: <i>ṣṣuu</i> , <i>mṣṣuu</i>	-у': буд. <i>wṣwuh</i> , <i>wnuh</i>
Аблатив	-': <i>ṣṣ'</i> , <i>ṣṣr'h</i> 'дверь', <i>ṣṣt</i> 'рука', <i>pṣṣr'</i>	-': буд. <i>ṣṣšt</i> 'пустыня'; -у': буд. <i>wṣuh</i> , <i>wnu</i>
Локатив	-у': <i>ṣṣru</i> 'вход', <i>ṣṣty'h</i> , <i>sru</i>	-у': <i>xšpy</i> , хр. <i>dxštṣy</i> , буд. <i>ṣṣštṣy</i> 'пустыня'
Множественное число**		
Номинатив-аккузатив	-t': хр., буд. <i>čšmt</i> 'глаза', <i>ṣṣrt</i> 'ворота', <i>ṣṣt</i> 'руки', хр. <i>pṣṣt</i> 'отцы'; -': соб. согд. <i>ṣṣ'</i> 'боги', буд. <i>čšm</i> <i>ṣṣr'</i> ; -yšt (только у имен одушевленных): ман. <i>ṣṣyšt(ṣ)</i> , <i>mṣṣyšt</i> , буд. <i>mṣṣyšt</i> 'птицы'; -у': -yh (буд.): <i>'sṣyh</i> , <i>'sṣy</i> 'кони'	-t': <i>wnd</i> 'деревья' -yšt: соб. согд. <i>wṣ'yšt</i> 'жены'
Косвенный падеж	-ty': <i>ṣṣrtṣy'h</i> 'двери', <i>ṣṣty'h</i> ; -yšt(yu): ман. <i>ṣṣyštṣuu</i> , <i>mṣṣyštṣuu</i> , буд. <i>mṣṣyšt</i> ; -n (старый генитив): <i>ṣṣ'n</i> (в формулах типа <i>ṣṣ'n</i> <i>xšyuh</i> 'господин богов', буд. <i>ṣṣ'n</i> <i>ṣṣt'w</i> 'царь гор')***	-ty': <i>wndy</i> 'деревья'

* Только в буддийских текстах встречается форма инструменталиса на -' в оборотах 'стать, родиться (кем)': *'sp*, *mṣṣ'*.

** Ном. мн. ч. от соб. согд. *ṣṣṣt* 'дочь'—*ṣṣṣtrth*, *ṣṣṣtrt*, косв. пад.—*ṣṣṣtrty*.

*** Ср. у существительных с сильной основой: буд. *ruṣ'n* *ṣṣt'w* 'царь слов'.

ксом древнего склонения, сохранили ее имена со слабой основой³. У имен с сильной основой противопоставляются прямой падеж с нулевой флексией (во мн. ч. -*t*) и косвенный с окончанием -у *-*ē*, заимствованным у слабых основ: **tr ātar* 'огонь'—**try ātarē*, γ*wt* **xwārt* 'еда'—γ*wrtu* **xwārtē*, z'w*r* **zāwar* 'сила'—z'w*ryu* **zāwarē*, β*r'it* 'братья'—β*r'itry*, s*rδngt* 'вожди'—s*rδngty* и т. д.⁴.

В дальнейшем происходило распространение флексии и на сильные основы.

С эволюцией падежной системы связано, по-видимому, и функционирование в качестве определенного артикля указательных анафорических местоимений⁵:

буд. γ*w*, ман., хр. *xw* **xō*—ном. ед. ч. м. р.

буд. γ¹, γ^h, ман., хр. *x'* **xā*—ном. ед. ч. ж. р. и ном. мн. ч.

буд. *w*, ман. *'ww*, *ww* *(*a*)*wi*—акк. ед. ч. м. р.

ман. *w'*—акк. ед. ч. ж. р. и акк. мн. ч.

буд. *wy(h)*, ман. *wy(y)*, *wy'*—лок. ед. ч.

буд. *'wui*—генит.-дат. ед. ч. м. р.

ман. *w(y)ui*—генит.-дат. ед. ч. (м. и ж. р.) и мн. ч. (м. р.)

буд. *wyśn(w)*, ман. *wyśn(d)*, хр. *wyśn*—мн. ч.

буд., ман. *yw*—ном. ед. ч. и мн. ч.

ман. (¹)*mw*—акк. ед. ч.

ман. *'mu*, *'my*, *'mul*—косв. пад. ед. ч.

буд. *myśn(w)*, ман. *myś'* *pd*, хр. *m(y)śn*—мн. ч.

В идеографической передаче: ZK **xō*, ZKh **xā*, ZNH **xā* и др.

Противопоставляются: 1) неопределенный артикль буд. γ^u*w*, ман. γ^u*w* **ēw* и определенный или: 2) отсутствие артикля—определенный артикль. Примеры: 'PZYśn *ēnn pt'yēw s'r* γ^u*w pr''mn* ''ys **ut-(t)i-śan* *ēon-(ə)n ptičū-sa ēw prāman āis* 'Навстречу им шел один брахман'; *rtysy* γ^u*w pr''mn* KZNH *w'β* **arti-śl xō prāman wānu wāv* 'И ему брахман так ответил'; *p'r ZY n'γ* *ēnn δwry z'yh pr''mnt* ''γ^t*nt* **pāru-ti nax* *ēon-(ə)n dūre zāya prāmant āγdand* 'Потому что вот из далеких краев пришли брахманы'; *rtysy* *ē'n'kw* ZKH *pr''mnt wun'nt* **arti-śl* *ēanu xā prāmant wēnand* 'И когда брахманы его увидели...'; 'XRZYm *dykh* 'γ^t... 'XRZYm ZK *dykh wyth* **arti-t-(ə)m* *deka āγd*, *arti-t-(ə)m xō deka wita* 'Мне пришло письмо... и я то письмо видел'

Артикль служил в литературном языке дополнительным (наряду с послелогом и флексией) показателем падежа (особенно косвенного), рода и числа имени. Примеры: γ^u*w* (γ^u*w*) *krśn* 'красота', ZK MLK 'царь' (ном. ед. ч. м. р.), *wyśn* β^γ*n prn* 'во славу богов' (генит. мн. ч.), *wyh s'ykn* наряду с *wyh s'yknyh* 'во дворце', *wy* γ^u*yh* 'на горе' (лок. ед. ч.), ман. *x''* *gwxśn'γrδtn* 'рай' (ном. ед. ч. ж. р.) и т. п. Это было особенно важно для имен с сильными основами, утративших флексию. При помощи артикля оформлялось определительное словосочетание.

Можно думать, что распространение флексии на сильные основы и развитие предлогов и послелогов как выразителей падежных отно-

³ Согласно ритмическому закону П. Тедеско, у имен и у глаголов окончания с краткими гласными сохраняются только при малом количестве кратких слогов в слове (так называемые краткие или слабые основы). У долгих или сильных основ гласные окончания утрачиваются.

⁴ При этом наблюдаются случаи смешения: косвенный падеж без окончания -*ē* и прямой—с окончанием -*ē*. Несовершенство графики усложняет проблему падежа.

⁵ Ведущих свое происхождение от разных местоименных основ. Здесь приводятся лишь некоторые падежные формы раскрытого и идеографического написания.

шений обусловили в дальнейшем нерегулярность употребления артикля, смешение его форм. В христианских и части манихейских текстов артикль отсутствует.

Род (м. и ж.) у имен существительных различался главным образом при помощи артикля (см. выше). В манихейских и христианских текстах у существительных с сильной основой мужской и женский род не различался, в собственно согдийском письме признаком женского рода служит показатель *-h*: *γ'w* 'бык' — *γ'wh* 'корова'.

Согдийское новообразование — имена существительные женского рода на **-ēn(-'yn)*: *γwt(')ynh* **xwatēn* 'королева' < *xwat(a)wēn* от *γwt'w* **xwat(a)w* 'король'; и на **-ānč (-'nč, -'nčh)* от названий некоторых профессий: буд. *pr''mn'nčh* **prāmananč* 'брахманка' от *pr''mn*, *β'pt'nčh* **vaγpatanč* 'жрица' от *β'pt'w*.

Помимо артикля различение рода проводилось весьма непоследовательно противопоставлением формантов *-уу, -k* **-e* (м. р.), *-č', -č, -čh* **-ič* (ж. р.) у прилагательных⁶, ср.: буд. *pts'γtk*, *pīs'γtyu* **ptsāde* (м. р.) — *pts'γtčh* **ptsādič* (ж. р.) 'украшенный'; *'sp'yty*, *'sp'ytk* **spēte* (м. р.) — *'sp'ytčh* **spētič* (ж. р.) 'белый'; ман. *šqwyu* *'ty nβtyu* (м. р.) — *šwkcč* *nβtč[h]* (ж. р.) 'сухой и мокрый'; *frnxwndy* (м. р.) — *frnxwndč* (ж. р.) 'счастливый'.

В хотаносакском языке имя существительное характеризуется грамматическими категориями рода (м. и ж.)⁷, числа (ед. и мн.) и падежа. Как и в согдийском языке, здесь сохранилась шестипадежная парадигма склонения, которая в позднем хотаносакском значительно упростилась. Различалось склонение существительных женского и мужского рода (последнее — в нескольких малоразличающихся вариантах, зависящих от типа основ)⁸ (табл. 2 и 3).

Развитие склонения от раннего к позднему хотаносакскому шло по линии: 1) выравнивания по образцу имен на *-ā* тех слов мужского (а иногда и женского) рода, которые имели особенности в склонении; 2) смешения окончаний мужского и женского рода; 3) сокращения числа падежных окончаний, так что в позднем языке могли, например, различаться в единственном числе лишь два вида окончаний: ном., акк., генит., лок. *garā* 'гора' — инстр.-абл. *garpa*.

В хорезмийском языке имя существительное характеризуется категориями числа, падежа и артикля⁹.

Показатели множественного числа:

-āna: ед. ч. *δēnār* 'динар' — мн. ч. *δēnārīna*, ед. ч. *parāc* 'развод' — мн. ч. *parācīna*;

-c(i) (< *-ki* — от основ на *-k*; *i* на письме появляется перед суффиксом притяжательности): ед. ч. *zānūk* 'колено' — мн. ч. *zānūci*, с суффиксом *zānūcl-hi(z'nwcyh)* 'его колени'; ед. ч. *z'd(y)k* 'сын' — мн. ч. *z'dyc*, ед. ч. *snk* 'камень' — мн. ч. *snč*.

Склонение существительных представлено в единственном числе тремя падежами: номинатив — с нулевым окончанием (или *-a* у имен женского рода), генитив и (редко) аблатив у имен женского

⁶ См. также словообразовательные суффиксы прилагательных.

⁷ См. словообразовательные суффиксы существительного.

⁸ Имена на *-ā* (с основой на согласный), имена на *-āi, -i, -ū* (с основой на гласный).

⁹ Категория рода определяется артиклем (см.): *i juft* 'муж' — *yū juft* 'жена'. Часть слов женского рода оформлена суффиксом *-a*: *hūnāpa* 'рабыня', *xiššiva* 'теща'.

Склонение существительных мужского рода
(*dastā* 'рука', *daṃdai* 'зуб', *āširi* 'наставник', *aismū* 'рассудок')

Падеж	Ед. число		Мн. число	
	флексия	образец	флексия	образец
Номинатив	-ā	<i>dastā, daṃdai āširi, aismū</i>	-a	<i>dasta, daṃdā, āširya</i>
Аккузатив	-u	<i>dastu, daṃdau, āširi, aismū</i>	-a	<i>dasta, daṃdā, āširya</i>
Генитив	-i	<i>dasti, daṃdai, āširi aysmuvā, aismul</i>	-ānu	<i>dastānu, daṃdānu āširyānu</i>
Инстр.-аблатив	-āna	<i>dastāna, daṃda- ina, āširi jsa, aysmūna</i>	-yau (jsa)	<i>dastyau, daṃdyau āširlyau</i>
Локатив	-(i)ya, -a, -āa, -o	<i>dīšta, daṃdiya</i>	-uvo	<i>dastuvo, daṃdva</i>
Вокатив	-a	<i>dasta, daṃdā</i>	-yau	<i>dastyau</i>

* Некоторые формы слова *dastā* восстановлены.

Таблица 3

Склонение существительных женского рода
(*kantha* 'город')

Падеж	Ед. число		Мн. число	
	флексия	образец	флексия	образец
Номинатив	-a	<i>kantha</i>	-e	<i>kanthe</i>
Аккузатив	-o	<i>kantho</i>	-e	<i>kanthe</i>
Генитив	-e	<i>kīnthe*</i>	-ānu	<i>kamthānu</i>
Инстр.-аблатив	-e jsa		-yau (jsa)	
Локатив	-(i)ya, -a, āa, -o	<i>kīntha*</i>	-uvo	<i>kamthuvo</i>
Вокатив	-o		-yau	

* Явление умлаута и палатализации характерно для некоторых падежных форм и мужского, и женского рода существительных.

рода с окончанием *-iya*¹⁰, аблатив у имен мужского рода с окончанием *-a*, генитив мужского рода *-n*-ān*. Примеры: ж. р. ном. *n'c *nāsa* 'нос' — генит. *n'cy *nāciya*; ном. *dwyt* 'чернильница' — генит. *y' dwyty*; генит. *'šy *aššiya* 'самка верблюда'; м. р. ном. *xr'x *xerāx* 'меч' — генит. *xr'x(n) *xerāx(ān)*, ном. *ḍḡar* 'дверь' — генит. *ḍḡaran* — абл. *ḍḡara*; абл. *cy s'r.xwd'h* 'от его головы' (с суффиксом притяжательности).

Падежные отношения в значительной мере передаются предлогами и послелогами.

Определенный артикль (препозитивный) представлен указательными местоимениями с ослабленной семантикой: *'u* (идеограмма ZK) **ī* (ед. ч. и мн. ч. м. р.) и *y'* (идеограмма ZNH) **yā* (ед. ч. и мн. ч. ж. р.). Примеры: *ī zarḍ* 'сердце', *ī zirni* 'золото', *ī sparḥ* 'щиты'; *yā ḍiḡd* 'дочь', *yā wiḍ* 'жена', *yā paḥa* 'конец'

Случаи слияния артикля с именем, начинающимся с гласного: *y'mnk* 'лето' [*<ī + mnk*], *y'sm* 'небо' [*<ī + (y)āsm*]; с предлогами: *cī* и *cā* — из предлога *cā* 'с', 'из' + артикль *ī* или *ā*; *paḥi* и *paḥā* (*paḥ* 'за', 'после'), *parī* и *parā* (*par* 'над'), *fī* и *fā* (*fā* или *fī* 'в', 'к', 'на').

При постпозитивном определении артикль повторяется: *'u st'rc* 'у *nḥsy* 'несчастливые звезды'; *'u mrc* 'у *xw'rzmt* 'хорезмиец' (ср. при неопределенном имени: *r'c wḍncy* 'старые вены'); *'u cyt* 'у *xr'x(n)* 'лезвие меча'; *'u y'k* 'у *zm'wrk'n* 'муравьиное яйцо'¹¹. При этом в генитивных конструкциях род первого артикля всегда соответствует роду определяемого, а род второго артикля соответствует роду определения лишь при определяемом мужского рода; при определяемом женского рода оба артикля — женского рода (зависимость рода второго артикля от рода определяемого свидетельствует о связи артикля с относительным местоимением): *'u ḥqyqt* (м. р.) 'у *w'c'n* (м. р.) 'истина материи'; *'u ḥwpu* (м. р.) *y' n'cy* (ж. р.) 'кровь из носа'; *y'rc* (ж. р.) *y' w'c'n* (м. р.) 'конец материи'

Имена существительные в восточных среднеиранских языках образуются главным образом путем суффиксации. Из префиксов сохранились в живом употреблении преимущественно отрицательные: хот.-сак. *a-* (*adāta* 'беззаконие'). Довольно употребительно также словосложение.

Продуктивные суффиксы, образующие имена существительные и глагольные имена.

В согдийском:

*-e*¹² [ман. *-(y)u(h)*, хр. *-u*, буд. *-(')u*, *-w*, *-k*, *-k*, *-kw*]: ман. *ḡruu* 'плод', *mr'xmuu* 'человек', буд. *pr'n'k* 'живое существо';

-i (ман., хр., буд. *-i*, буд. *-kh*, *-h*): хр. *dnī* 'зубы', ман. *kwc*, буд. *kwc'kh* 'рот';

-k, *-ak* (буд. часто *-k*, *-kk*) и производные от него *-ik*, *-āk*, *-āk*: ман. *mwc*, буд. *mwc'k* 'учитель', ман. *nyrk* 'самец', буд. *snk* 'камень', ман. *'nd(ry)kt* (мн. ч.) 'евнухи', *kncyk* 'девушка', *ḍ'gwk* 'дере-

¹⁰ У имен женского рода на *-k(a)* — с окончанием *-c(a)<kiya*: ном. *γwh *γōk(a)* 'корова' — ген. *γwc *γoca*, ном. *nyzk*, *nyzyk* 'пика' — ген. *nyzc*, ном. *rknbwryk* 'гниена' — абл. *c' rknbwrc*.

¹¹ Ср. с повторением предлогов в аналогичных конструкциях: 1) предлога без артикля: *f'γdk'wk fn'n'm'n* 'в присутствии такого-то', 2) предлога с артиклем: *fy zḡk fy trk'wyk* букв. 'в языке в тюркском'. Предлог не повторяется в случае препозиции определения: *fy n'n'm w'c* 'в такой-то вещи'.

¹² Из др.-ир. *-aka-*. В «Старых письмах» (IV в.), по-видимому, еще нет перехода *-ak>-e*.

во', хр. *y'wq* 'колдун', буд. *'swh* 'газель', ман. *zβ'k* 'язык', *sy'k* 'тень';

-*and*: хр. *čšnt*, буд. *čš'nt* 'питье';

-*tāt*: ман., хр. *fryt't*, буд. *pryt'tt* 'любовь';

-*üne* (-*wпуу*, -*пуу*): буд. *γδ'wпу* 'воровство', ман. *βx/wпуу* 'раскол';

-*yāk*, -*yā* [ман. -*y'q*, -*y'h*, -*y'h*, буд. -*y'k(h)*, -*y'h*, хр. -*y*, -*y'*]: ман. *ršly'q* 'правда', 'истина', *βyčy'h* 'медицина', буд. *'krtyh* 'действие';

-*stan*, -*stane*: ман. (β)*wδs(t)n*, буд. *βwδstn* 'сад', хр. *β'yst'n* 'монастырь';

-*kar*, -*kare*: ман. *xw'qr* 'торговец', *zyrnkryu* 'золотых дел мастер';

-*kāre*: ман. *'wyj'q'gyu'h* 'злодей'.

В хотаносакском:

-*kā* образует имена от глаголов: *brāskā* 'вопрос'; от имен с уменьшительным значением: *basakā* 'теленка', *mūrakā* 'птичка';

-*ākā* (сложный суффикс с -*kā*) образует имена деятеля от глагола: *trāyākā* 'спаситель', *bāyākā* 'вождь'.

Следующие суффиксы образуют имена со значением действия или результата действия от глаголов:

-*āmata*, позже -*āma*: *bvāma* 'понимание';

-*суа*, -*āšсуа*: *bvāšсуа* 'опыт';

-*ūnā*: *hayārūnā* 'желание' и др.

Суффиксы, образующие имена существительные от имен:

-*са*, -*гуа* (ж. р.): *alysamgya* 'принцесса'; -*āñā*: *mastañā* 'фураж';

-*ānā* (со значением 'сосуд', 'вместилище'): *khāysānā* 'желудок' и др., в том числе существительные с абстрактным значением:

-(*i*)*ñā*: *bulystñi* 'длина', *hvāhiñi* 'ширина';

-*tātā*: *karittātā* 'усилие';

-*i*: *jadī* 'невежество';

-*ti*: *rruštī* 'царствование' и др.

В хорезмийском суффиксы, образующие имена с абстрактным значением: -*āvak*, -*āv^hk*, -*a^hk*: *zād(i)kāvak* 'сыновство', *xāmāvak* 'сырость'; -(*ā*)*vc* (ср. парф. -*ft*): *xuvāhāvc* 'разрешение'; -*ānī(ē)* (ср. согд. -*üne*): *γ^hvānī(ē)* 'нужда'; -*ik* (ср. согд. -*yāk*): *kārgirik* 'полевая работа', *kištik* 'посев' и др.

В согдийском языке в словосложении отсутствует сочинительный тип (*dvandva*). Подчинительный тип представлен следующими разновидностями: а) прилагательное+имя, которое оно определяет: *širnām* 'доброе имя' (*kaṃmadhāraya*); б) числительное+имя: *ari^omēḍ* 'неделя' (*dvigu*); в) два существительных, из которых первое подчинено второму; *āt^ar^owartan* 'колесница огня', *ḍḥanban* 'хозяйка дома'; более продуктивен тип: существительное+основа глагола, которой оно подчинено: *vārware* 'носильщик', *framāndār* 'повелитель', *naḥnbdū* 'пекарь' (*tatpuruṣa*).

В хотаносакском употребительны и сочинительный (*mārāpātara* 'мать и отец'), и подчинительный типы сложных слов. Последний представлен разновидностями: а) *kaṃmadhāraya*: два существительных (*šavatsukā* 'ночной бродяга'); прилагательное+существительное (*ššā-raššūka* 'добрая весть'); наречие+существительное (*rrašatsukā* 'праведный странник'); б) *tatpuruṣa*: два существительных (*garakecā* 'горное ущелье'); существительное+глагольная форма (*širarā* 'благодетель').

Имя прилагательное в согдийском языке характеризуется категорией рода¹³, падежа и степеней сравнения.

Прилагательные со слабой основой склоняются в основном, как существительные со слабой основой. У прилагательных с сильной основой только в буддийских текстах представлена форма косвенного падежа единственного числа с окончанием *-y*: *čn n p'rmučy š't'w'ŷ'kh p'ud'r* 'ради телесного здоровья'. Во множественном числе прилагательные с сильной основой либо не имеют окончания¹⁴, либо характеризуются окончанием *-t*.

Сравнительная степень прилагательных образуется суффиксами *-tr*, *-t'r* **-tar*; *-str*, *-st'r* **-əstar*; *-tr*, **-ātar*. Примеры: буд. *δwrt'r*, ман. *δwrt'r* **δurtar* 'более удаленный', буд. *prtr* **fratar* 'лучше', *t'wrt'r* **tuxtar* 'более быстрый'; ман. *č'δrst'r*, *č'sīr* 'более низкий'; ман. *msy't'r*, буд. *msy't'r*, хр. *myst'r* 'больше'.

Объект сравнения вводится обычно предлогом *čn*: ман. *čn škr* 'п'мрт'r 'более сладкий, чем сахар'; хр. *xw't'r...čn p'try* 'слабее, чем его отец'.

Формы с суффиксом *-tar* и *-əstar* употребляются и в значении превосходной степени: ман. *βyfrt 'ty stβtrt'* 'самые злобные и самые жестокие' (показатель мн. ч. следует за суффиксом), *'γrtys't'r* 'самый изобильный'.

Суффикс превосходной степени *-tm* **-tum* встречается в некоторых суперлативах, унаследованных от древности: буд. *βγtm*, ман. *βx'tm* 'самый божественный', буд. *prytm* 'самый любимый', *ny'tm* 'самый глубокий'.

Несуффиксальное образование суперлатива: 1) с префиксом *tr-*: буд. *trw'rc* 'самый чудесный' или 'очень сильный'; 2) при помощи слов *čw*, *'δprtm*, *yw* перед прилагательным в положительной, сравнительной или превосходной степени (в буддийском): *'δprtm prtr* 'самый первый', *yw purnmstr* 'прежде всего'.

В хотаносакском языке имя прилагательное характеризуется отличным от существительного словообразованием и формами степеней сравнения. Склоняются прилагательные по образцу существительных (при склонении различаются формы мужского и женского рода): а) *dirā* 'дурной', *ššārā* 'хороший' склоняются, как *dastā* 'рука'; б) *mīrāhtnai* 'жемчужный', *brīttinai* 'приятный' — как *damdai* 'зуб'; в) *pašamjsi* 'осенний', *tsaršū* 'блистательный' — как *āširi* 'наставник' и *aysmū* 'рассудок'. В женском роде прилагательные принимали соответствующие окончания существительных женского рода.

Нередки случаи смешения форм мужского и женского рода, элиминация некоторых падежных окончаний. В поздних текстах можно наблюдать полное отсутствие согласования прилагательного и существительного: *pvestyaṃna* (инстр.-абл.) *eha* (лок.) 'в ужасном рту'.

Сравнительная степень образуется суффиксом *-tarā*: *pīr-māttarā* 'более важный', *battarā* 'меньший'¹⁵. Объект сравнения пред-

¹³ См. разделы об имени существительном и о словообразовании прилагательных.

¹⁴ Их можно рассматривать как имеющие окончание древнего множественного числа *-ā*.

¹⁵ С фонетическими изменениями: *buḍara* (от *burā*) 'большин', *māstarā* (от *māstā*) 'большин'; *širkyerā* (от *ššara*) 'лучший'. В позднехотанском суффикс сравнительной степени *-yerā*, *-erā*, *-irā*, *-arā*: *širkyerā* 'лучший' (<**širkatarā*-).

ставлен формой инструменталиса-аблатива или вводится союзом *kho*: *māstara pañña satvāna* 'больше любого существа', *hastaru kkhūrmaysde* 'лучше, чем солнце'.

Превосходная степень образуется суффиксом *-tamā* (*pīrmāttamā* 'самый важный', *battama* 'наименьший') или описательно, при помощи сравнительной степени: *piñāduvvo* (лок.) *piñāunditarā* букв. 'среди почитаемых более почитаемый'.

В хорезмийском языке сравнительная степень прилагательного также образуется суффиксом *-tar* (иногда *-astar*): *s'nādikastar* 'более чистый', *uskadar* 'выше'.

Так же, как и имена существительные, прилагательные образуются главным образом путем суффиксации и словосложения¹⁶.

Нередко для образования прилагательных используются те же суффиксы, что и для существительных. Ниже приводится перечень продуктивных суффиксов.

В согдийском языке:

-e: ман. *škwyu* 'сухой', буд. *'sp'yt'k*, *'sp'yty* 'белый';

-k, -ak и производные *-īk*, *-āk*: ман. *ṭnd'k*, буд. *ṭnt'kk*, *ṭnt''k* 'плохой', ман. *n'zwk*, буд. *n'zwk'* 'дорогой', 'любимый', ман. *''ryk* 'водный', буд. *š'ykn'yk* 'дворцовый';

-čīk (-čyк и в буд. -čy): ман., хр. *m'nčyq* 'духовный', ман. *xšpncyk* 'ночной', буд. *ṭrčyk* 'горный', *myñ'ncy* 'средний';

-ēne, (-ə)ne [ман. -(y)nyu, буд. -(')yn'k, -(')yn'y] — м. р., -enč (ман. -ynč, буд. -'ynčh) — ж. р.: буд. *'spn'yn'y*, *'spn'ynčh* 'железный', -ая; ман. *w'ṭnyu* 'ветряной', 'воздушный';

-(a)nē [ман. -'ny, буд. -(')n'k, -(')n'y] — м. р., -ānč (ман. -'nč, буд. -'nčh) — ж. р.: буд. *pwt'ny*, *pwt'n'k*, ман. *bwt'ny* 'буддийский';

-nāk: ман. *xwyčn'k* 'больной';

-kēn (-kyn): ман. *z'wrg'yn*, хр. *z'wrgyn*, буд. *z'wrgyn* 'сильный', буд. *r'žkyn* 'больной';

-ande [ман. -ndty(y), -ndyy, -ntyy, хр. -nty, буд. -ntk]: ман. *βr'zndtyy*, *βr'zntyy* 'сверкающий', хр. *ṭwnty* 'необходимый', буд. *čš'ntk* 'жаждущий';

-mēnč (-mynč, -myč) — ж. р.: буд. *'ynčmynč* 'женский', ман. *βṭmuc* 'божественный'.

В хотаносакском:

-ṭnai: *sarvainai* 'львиный', *hvatānai* 'хотанский';

-kā: *mulugā* 'короткий';

-jsā: *pātajsā* 'могущественный';

-gyā: *usyrrgyā* 'гневливый'; *māḍāṃgyā* 'милостивый';

-anā: *tčāranā* 'способный';

-ānā: *himdvānā* 'индийский', *rṛumdvānā* 'царский';

-āyā: *tṭarāyā* 'испытывающий жажду';

-ī: *vistari* 'огромный';

-ānā: *māṇamdvānā* 'сходный';

-āñā: *balysūñā* 'связанный с Буддой';

-aundā: *tčetaundā* 'имеющий глаза';

-aurgā: *štyaurgā* 'беловатый' и др.

¹⁶ Немногие употребительные префиксы: отрицательные *a-* (хот.-сак. *akšarmā* 'бесстыдный', согд. буд. *akarane* 'неограниченный', согд. ман. и хорезм. *n'*- (согд. *n'jwq* 'нездоровый', *n'xwr* 'нехороший', хорезм. *n'žr* 'вынужденный'); согд. (ман., хр., буд.) *ny-*, согд. и хорезм. *mnd-* 'без' (согд. *nyz'wr* 'слабый', 'бессильный', *mndyrb'k* 'не знающий', хорезм. *mndm'nynd* 'несходный'), оценочные: (хот.-сак. *hu-*: *hunātā* 'хорошо полученный' и *duš-*: *dušayudā* 'ошибочно сделанный'; согд. соотв. ман., буд. *fy-*: *frygrw'n* 'с доброй душой', *fyšt-* в ман. *fyšt'rw'ndy* 'состояние скверной души') и др.

В хорезмийском:

-ik: *picmīdīk* 'одетый'; *sinadīk* 'чистый'; -ānak: *turkānak* 'тюркский'; -mēnca (ср. согд. -mēñč): *ēxmēnca* 'ледяная' и др.

В состав сложных прилагательных в согдийском языке может входить прилагательное и имя (*kastan* 'худой', *wisprozan*¹⁷ 'всякого сорта'); числительное и имя (*ēw^oarḁak* 'единогласный'); имя и основа глагола (*kēn^oar* 'злобный').

В хотаносакском языке встречаются сложные прилагательные, образованные из двух прилагательных (*cestānawakā* 'свежий и молодой'), однако более продуктивен тип из имени и причастия. Причастие может стоять на первом или на втором месте: *jitarivanā* 'победивший страх', *ārragādā* 'сотворивший грех' и др.

В хорезмийском языке сложные прилагательные образуются по типу: прилагательное+существительное (*ḁaγdcim* 'бесстыдный' букв. 'твердоглазый'); существительное+прилагательное (*aṣrūmas* 'большевая'; числительное+существительное: *šī(še) purādīk* 'разведенная тремя разводами'; более сложное образование: *šiyāwra purāc* 'трижды разведенная' из *šī* 'три', *yāwra* 'раз', *purāc* 'развод').

Сложные прилагательные часто снабжены суффиксом прилагательного: согд. *ṣarz^oḁumb-ak* 'длиннохвостый', хорезм. *šī(še) puradīk* 'разведенная тремя разводами', хот.-сак. *haudaramnī* 'сделанный из семи драгоценных камней'.

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

Согдийский язык

Количественные

Порядковые

1 — ман. 'уw, хр. уw, буд. 'уw *ēw	буд. (') <i>prtm-</i> , ман. 'fīm-, хр. <i>fīm-</i> * <i>(ə)ftam-</i> ; ман. 'ftmyk, буд. 'prmyk; ман. (') <i>ftmčyk</i> (а также <i>sarčik</i> от <i>sar</i> 'голова')
2 — ман., буд. 'ḁw, 'ḁw', ḁw', хр. <i>dw' *ḁ(u)va</i>	ман. ḁṣty-, буд. ḁṣty, ḁyṣty- * <i>diw-dy-</i> ; ман. ḁṣtyk, хр. <i>dbtyq</i>
3 — ман. 'ḁry, 'ḁryu, буд. ḁry, хр. <i>šy *ḁrē, 'ḁre</i>	буд. 'šty, 'lḁrty-, <i>čšty-</i> * <i>stiy-</i> ¹⁷ ; ман. <i>štyk, 'štyk</i> ; хр. <i>štyq</i> , буд. 'lḁrtyk, <i>čštyk</i> , 'čštyk
4 — ман. <i>čtf'r</i> , хр. <i>št f'r</i> , буд. <i>čtṣ'r *čtfār</i> , хр. <i>št fār</i>	буд. <i>čtṣ'rm</i> , ман. <i>čtf'rmyk</i> , буд. <i>čtṣ'rmyk</i> , <i>čṣt'rmyk</i>
5 — <i>pnč *panč, panj</i>	буд. <i>pnčm</i> , ман., буд. <i>pnčmyk</i> , ман. <i>pnjmyk</i>
6 — хр. <i>xwšw</i> , буд. <i>wṣwšw</i> * <i>uxušu</i>	буд. <i>wṣšmy</i> ; <i>wṣšmyk</i>
7 — буд. 'ṣt, ман., буд. 'ṣt, 'ṣt' (перед <i>tyḁ</i> и в компози-тах) * <i>avd</i>	буд. 'ṣtmy; ман. 'ṣtmyk, хр. 'btmyq, буд. 'ṣtmyk
8 — буд. 'št * <i>ašt</i>	буд. 'štmy; 'štmyk
9 — буд. <i>nw' *naw, naw</i>	буд. <i>nwm'y</i> ; ман. <i>nwmuy</i> , буд. <i>n'wmyk</i>
10 — ман. ḁs', хр. <i>ds'</i> , * <i>ḁus</i> , <i>ḁas^a</i>	буд. <i>ḁsmu</i> ; ман. <i>ḁsmyk</i> , буд. <i>ḁsm'yk</i>

¹⁷ Три первых порядковых числительных встречаются с окончаниями -y, -w, -' в выражениях типа: ман. 'ftmyu 'сначала', ḁṣty 'во-вторых', 'снова', буд. *čšty*, 'lḁrty 'з третий раз' и др.

После 'десяти' в буддийских текстах числительные обычно пишутся цифрами или идеограммами. В манихейских и христианских текстах встречаются открытые написания: 12 — *duwātas*, 15 — *panč-tas*, 18 — *štas*, 80 — *štat*, 100 — *satu*, 1000 — *zār* и др. Сложных числительных в открытом написании мало: буд. 99 — *nw' nw't*, 108 — *C' št*, ман. 28 — II *qmbyu* XXX, буд. 49 — 'уw *knpy* L, 36—30 *wṭwšw*.

Распределительность передается повторением числительного (ман. *z'r' z'r' srδδ* 'каждую тысячу лет', *δn pñč pñč r'tyu pruw* 'каждый по пяти даров'); кратность — описательно, посредством ман. *prwrtyu*, буд. *y'wr*, редко *znk'n* 'раз' (II *prwrtyu* 'дважды'; *wṭwšw y'wr wṭwšw* '6×6').

Имя существительное после числительного в ранних буддийских текстах имело форму единственного числа ('δw' *βr't* 'два брата'), в более поздних, а также в манихейских и христианских текстах появляется и форма множественного числа, ср.: ман. *pñč prβṭn* 'пять даров' и *mys'nd pñč prβṭnd* 'эти пять даров'.

Хотаносакский язык

Количественные	Порядковые ¹⁸
1 — <i>śśau</i> ж. р. <i>śśa</i>	<i>paḍauysā</i>
2 — <i>duva</i> ж. р. <i>dvi</i>	<i>śātā</i>
3 — <i>drai</i> , <i>draya</i>	<i>diddā</i> , <i>didā</i>
4 — <i>tcahora</i>	<i>tcūramā</i>
5 — <i>paṃjsa</i>	<i>pūhā</i>
6 — <i>kṣā</i> , <i>kṣātā</i>	<i>kṣe(i)mā</i>
7 — <i>hauda</i>	<i>hodamā</i>
8 — <i>haṣṭa</i>	<i>haṣṭamā</i>
9 — <i>nau</i>	<i>naumā</i>
10 — <i>dasau</i>	<i>dasamā</i>
11 — <i>śśudasa</i>	<i>śśūdasaṃ</i>
12 — <i>duvāsu</i>	<i>dvāsamā</i>
13 — <i>draisu</i>	<i>draisamā</i>
14 — <i>tcahulasā</i>	<i>tcahulasamā</i>
15 — <i>paṃjsūsa</i>	<i>paṃjūsamā</i>
16 — <i>kṣasu</i>	<i>kṣasamā</i>
17 — <i>haudūsu</i>	<i>haudūsamā</i>
18 — <i>haṣṭūsu</i>	<i>haṣṭūsamā</i>
19 — <i>nausu</i>	<i>nausamā</i>
20 — <i>bistā</i>	<i>bistamā</i>
30 — <i>dārsā</i>	
40 — <i>tcahulsā</i>	
50 — <i>paṃjsāsā</i>	
60 — <i>kṣaṣṭā</i>	
70 — <i>hodātā</i>	
80 — <i>haṣṭātā</i>	
90 — <i>nautā</i>	
100 — <i>satā</i>	<i>satamā</i>
108 — <i>satā haṣṭa</i>	
200 — <i>dvīsatā</i>	
1000 — <i>ysārā</i>	<i>ysāramā</i>
10000 — <i>byūrru</i>	

¹⁸ В поздних текстах употреблялись порядковые числительные, заимствованные из северо-западного праkritа.

В составных количественных числительных, обозначающих промежуточные между десятками числа, единицы представлены морфемами: *ššuvare* 'один', *dvaivare* 'два', *draivare* 'три', *tcahaure* 'четыре', *puspare* (позже *spare*) 'пять', *kšeivare* 'шесть', *haupare* 'семь', *hašpare* 'восемь', *paivare* 'девять': *tcahaurebistā* 'двадцать четыре', *pusparedārsā* 'тридцать пять'.

Кратные числительные образуются при помощи слов *hatāro*, *hatāro* 'однажды' и *tāra* 'раз': *drai tāra* 'три раза'.

Склонение количественных числительных (*ššau* 'один')

Номинатив — *ššau* (м. р.), *šša* (ж. р.); аккузатив — *ššau*; генитив — *še*; инструменталис-аблатив — *ššāne* (м. р.), *ššāni* (ж. р.); локатив — *ššāna*, *ššōna*, *šeña*.

Остальные числительные склоняются, как существительные во множественном числе, с некоторыми фонетическими изменениями: генитив — *dviñi* 'два', *draiñi* 'три', *tcairñi* 'четыре', *pañjini* 'пять', *kšeni* 'шесть', *hašāni* 'восемь', *daššāni* 'десять'¹⁹; инструменталис-аблатив — *dvyau*, *dryau*, *tčūryau*, *pañjyau*, *kšyau*, *hodyau*, *haštyau*, *daštyau*; локатив — *tčūruvo*, *kšvo*, *hašva*, *dasvo*.

После количественного числительного имя выступает в форме множественного числа: *dva ttaišya* 'два наставника', *kšyau aiuyau* 'шестью деревьями'.

Хорезмийский язык (в арабских текстах)

1 — 'y ^w *ēv	Названия десятков
2 — 'δ ^w *aδ ^u	20 — 'w ^s yc
3 — šy *šī(šē)	30 — šys
4 — čf'r *čafār	40 — čf'rys
5 — pnc	50 — pnc's
6 — 'x	60 — 'xyc *uxxic
7 — 'βd *aβd	70 — 'βd'c
8 — 'št	80 — 'št't'c
9 — š'δ *šāδ	90 — n ^w (y)c
10 — d(y)s	Названия сотен
11 — 'y ^w id(y)s	100 — sd *sid,
12 — 'δ ^w 's	200 — 'δwysd
13 — hrδs *hriδis	300 — šyzd
14 — cwrδys	400 — cf'rzd
15 — pns	500 — pnsd
16 — 'xrd(y)s *uxxardis	600 — 'xzd *uxxuzda
17 — 'βdδys	700 — 'βdzd
18 — 'štδys	800 — 'štzd
19 — n ^w 'δ(y)s	900 — nwsd
	1000 — hz'r

Из порядковых числительных засвидетельствованы: *ftamick 'первый', δзсу, δзсут 'второй'.

В сочетании существительного с количественным числительным первое может иметь форму и единственного, и множественного числа; ср.: *sid δēnār* и *sid δēnārīna* 'сто динаров'.

¹⁹ В поздних текстах отмечено окончание -ye(ñ): *pañjsušet* 'пятнадцать'.

Распределительные: 'уws 'по одному', 'δws 'по два', šus 'по три', cf'rc 'по четыре', pncs 'по пять', 'xs 'по шесть', 'βdc 'по семь', 'štc 'по восемь', š'δc 'по девять', δsc 'по десять'²⁰.

Дробные: 'rcy'dyk 'одна треть', cf'rym 'одна четвертая', pncym 'одна пятая', 'хуym 'одна шестая', 'βdym 'одна седьмая', 'štym 'одна восьмая', š'dym 'одна девятая', δsym 'одна десятая'.

Значение кратности передается количественным числительным + слово *yāvar(a)* 'раз': *šiyāvar(a)* 'трижды'

МЕСТОИМЕНΙΑ

В согдийском языке местоимения представлены следующими разрядами: личные, указательные, вопросительные, отрицательные, неопределенные.

У личных местоимений различается ударная и энклитическая форма. Отчетливо противопоставляются в единственном числе формы прямого падежа и косвенного.

Прямой падеж

1-е л. ман. 'zω, хр. (')zω *zu, zə 'я'

2-е л. ман., хр., буд. t'ω *taxu, ман. (поэтич.) t'ω 'ты'

3-е л. буд. ω, 'ω, ман., хр. xω(ω) 'он', хр. x' *xā 'она'²¹

Косвенный падеж

1-е л. буд. m, ман., буд. m' *man, man^a, хр. m'uy

2-е л. ман., буд. tω' *tāw^a, tūw^a

3-е л. ман. ω(y)ny, хр. ω(y)ny (м. р.), хр. ωy' (ж. р.), ман. šω, буд. 'šω

Примеры: хр. zω ym *zu im 'это я'; prm'ymsq zω qω šm' *framāy-mask zu ku-šmā 'я вам говорю'; буд. t'ω ZY 'ky 'yš *taxu-ti kē iš 'ты, кто ты?'; хр. ēn m' n'tu pyδ'r *ēon man(a)nāmē-piδār 'из-за моего имени'; буд. 'pšty'm 'skw' tω' (ə)pštiyām (ə)skun taw(a) 'я покидаю (вас), тебя...'

Другие личные местоимения единственного числа: буд. mč *mačā и ман., буд. č'm', буд. č'm'kh *čāmā 'у', 'от меня'; соб. согд. č'β', буд. č'β'kh *čāfā 'у', 'от тебя'; экспрессивные местоимения (выступают в функции прямого дополнения): ман., буд., хр. t'm', буд. t'm'kh *tāmā 'я, моя личность', ман. t'f', буд. t'β'kh *tāfā 'ты, твоя личность' Пример: t'm' ZY βγ' mδy L' pr'yč' *tāmā-ti vaγa maδi nē prēč 'Не покидай же меня, господи'.

Во множественном числе прямой и косвенный падежи не различаются: 1-е л. буд. m'ω, ман., хр. m'x *māx(u): буд. ω m'ω 'BY' *xō māx(u) pita(r) 'наш отец'; kδ ZY βγ' t'ω m'ω k'm'y *kaδ-ti vaγa taxu māx(u) kāmē 'если ты нас любишь, господи...'; 2-е л. буд. šm'ω, ман., хр. šm'x, ман. 'šm'x *šmāx(u)²²: šm'ω pr pr''δn šk'yrd' *šmāx(u) par p(e)rādan škērdā 'Вы уведены для продажи'; 'zωty šm'ω... s't rynč'kt βyrt δ'r'm *zu-ti šmāx(u) sat rinčet viart dārdm

²⁰ Распределительное значение, возможно, передавалось еще, как и в согдийском, путем повтора. А. А. Фрейман приводит пример: šē šē, переводя его 'три три' ('по три')?— Е. М.).

²¹ В качестве местоимения 3-го л. ед. ч. используется указательное местоимение. Оно же выступает в функции артикля (см. выше). В поздних буддийских текстах ω часто используется как форма косвенного падежа.

²² В христианских текстах формы m'xy, šm'xy, ωyšny, myšny — прямого дополнения: qf... 'βrz'ry m'xy 'кто нас посетил'.

'Я принял вас... совсем маленькими'. В 3-м лице два местоимения буд. *wyʃn(wʰ)*, ман. *wyʃn(d)*, хр. *wyʃnt *wʰʃan(d)*; буд. *myʃn*, ман. *myʃ'nd* **mēʃan(d)*²³ (с косв. пад. вторичного образования *wʰʃande*, *mēʃande*); хр. *'t w'mw pr'm'y kw wyʃnt s'at wani framāy ku-wē-šant-sā* 'и он им сказал так'; ман. *myʃ'ndyу хурḍ rʷ'n *mēʃande xēp(a)ḥ* *givan* 'их душа'.

Энклитические личные местоимения

- Ед. ч. 1-е л. буд. *-(')tu*, ман. *-tu*, буд. *-m*
 2-е л. ман. *-f*, *-fy*, соб. согд. *-ʒ*, *ʒy*, буд. *-t*
 3-е л. ман. *-ʃy(y)*, *-ʃw*, хр., буд. *-ʃ*
 Мн. ч. 1-е л. ман. *-mḥ*, соб. согд. *-'mḥ*, буд. *-n*
 2-е л. ман. *-fn*, буд. *-ʒn*, *-ʒy*
 3-е л. ман., буд. *-ʃn*, *-(')ʃw*, ман. *-ʃy*.

Притяжательность передается косвенным падежом личных местоимений, сопровождаемым иногда возвратным местоимением: ман. *mḥ w'xʃ* 'мои слова', *myʃ'ndyу хурḍ rʷ'n* 'их душа', или только возвратным местоимением — *xēp(a)ḥ* (м. р.), *xēp(a)ḥa* (ж. р.), *xēp(a)ḥt* (мн. ч.): буд. *ʔurḍ ʔ'n'kh* 'мой дом', ман. *хурḍ ʒr'ḥ* 'твой брат'.

Указательные местоимения в основном группируются в две системы (представленные каждая двумя различными основами): 1) *x-* и *(-)w-* основы: **xō*, **(a)wi* и др.; 2) *y-* и *(-)m-* основы: *yw*, *(')m* и др. Эти две группы местоимений функционируют в качестве определенного артикля (см.).

Другие указательные местоимения: буд. *'yḍ*, хр. *yḍ* 'этот' и производные от него: ман. *хурḍ*, хр. *хурḍ*, буд. *ʔyḍ* 'тот (самый)' и ман. *ʔyḍ*, хр. *ʔyḍ* 'этот', 'тот'; ман. *'yḥyу*, хр. *'yḥy* 'этот'²⁴.

Вопросительные местоимения: ман., буд. *ky* (ном.), ман. *куу*, *ку* (косв. пад.) 'кто?', 'который?'; ман., хр. *čw*, буд. *(')čw* 'что?', 'какой?'; ман. *kḍ'm*, ман., буд. *kt'm*, хр. *qd'm* 'который?'. Местоимения *ky*, *ку*, *čw* и буд. *kt'r* 'который' выступают в качестве относительных [в христианских текстах вместо *qu* (*ку*) и *čw* используется *qḥ*].

Неопределенные местоимения: ман., буд. *ky* 'кто-то', *čw* 'что-то', ман. *kḍ'm*, буд. *kt'm* 'какой-то', ман. *'ḍyу*, хр. *(')ḍy*, буд. *'ḍ'k *āy*, *'ḍyč*, *'ḍyčw*, *'yčw *āyč* 'кто-нибудь', 'что-нибудь'; ман. *'yčyу *ēde*, *'yčč*, *'yḍč*, ман. и хр. *'yč *ēč* 'некто', 'нечто'; буд. *'nyw *ačyи* 'другой', *'nyčw *aḥy(u)č(u)* 'что-то другое'; ман. *ʔyʃp*, буд. *ʔyʃpḥ* 'каждый'.

Неопределенно-личное: буд. *ʔwty*, ман. *xwtyу* 'сам'.

Отрицательные: буд. *nyḍ'k*, *nyḍ'y* **nēde* 'никто', *nyḍčw*, *nyḍ'yč* **nēč* 'ничто'. Примеры: *rtḥ ʃy nyḍ'y l' pyrt* 'и никто не верит ему'; *nyḍčw nyst* 'ничего нет'.

В хотаносакском языке различаются местоимения личные, притяжательные, вопросительно-относительные, указательные²⁵.

Личные местоимения представлены ударной и энклитиче-

²³ Как и в единственном числе, указательные. В манихейских и буддийских текстах обычно служат артиклями.

²⁴ Указательные местоимения с предлогами: буд. *čywyḍ*, ман. *čywyḍḍ*, хр. *čywyḍ* 'из того', 'после того'; ман. *čywyḍḍ*, буд. *čyḥ'yḍ*, хр. *čyḥ'yḍy* 'от', 'из этого', буд. *čyḥ'yḍ* 'из этого'; ман., буд. *prywyḍ* 'в', 'на этом', 'поэтому', *pryḥyḍ* 'к этому', и др.

²⁵ В скобках дается материал позднихотанского.

ской формам: 1-е л. *aysu* (а) 'я'; *muhu*, *muho* (*mahe*, *mihi*) 'мы'; энклитики соответственно: *mā* (-*m*), *nā* (-*ā**m*), 2-е л. *thu* (*tha*) 'ты'; *ihu*, *uho* (*umā*, *amai*) 'вы'; энклитики: *tā* (-*e*), *ū*; 3-е л. — энклитики: *-i*, *yā* (ед. ч.), *-nā*, *ni* (мн. ч.). Примеры: *ništa mā* 'у меня нет', *vīra-m* 'ко мне', *aštā tā* 'есть ли у тебя?', *vāt-i* 'к нему', *paraui-v-ā**m* 'приказ нам' (с вставным согласным во избежание зияния).

Склонение ударных личных местоимений

Ед. число	Мн. число
Номинатив <i>aysu</i> 'я' <i>thu</i> (<i>tha</i>) 'ты'	<i>muhu</i> , <i>muho</i> (<i>mahe</i> , <i>mihi</i>) 'мы' <i>ihu</i> , <i>uho</i> (<i>umā</i> , <i>amai</i>) 'вы'
Аккузатив <i>ta</i>	<i>muhu</i> , <i>muho</i> (<i>māhā</i> , <i>māhū</i> , <i>māhā</i> , <i>mihā</i>) <i>ihu</i> , <i>uho</i> (<i>umā</i> , <i>amai</i> , <i>ahā</i>)
Генитив <i>matā</i> (<i>mi</i> <i>m</i>) <i>tvi</i>	<i>māvu</i> , <i>mānu</i> , <i>māju</i> <i>umānu</i> , <i>umāvu</i> (<i>umā</i>)
Инструменталис-аблатив <i>matna</i> <i>tvi jsa</i>	<i>muho jsa</i> (<i>māhā jsa</i> , <i>muhu jsa</i>) <i>umau jsa</i>

Притяжательные местоимения: *matānai*, *mānai*, *māta-kā* (*mānā*) 'мой', *mājai* (*māni*, *māhām*, *māhām*) 'мой'; *tvanai* 'твой', *umājai*, *umāni* (*imājā*, *amāni*) 'ваш'; генитив личных местоимений и энклитические местоимения тоже употребляются в значении притяжательных: *ggar-ū* 'ваша гора'. Возвратное притяжательное местоимение *hivī* 'свой'²⁶.

Вопросительно-относительные местоимения: *kye*, *se* 'кто', *ci* 'что' (*ci*, *kām*); *kāmā* 'какой' (*kām*); *candā* 'насколько большой' (*camdā*, *cade*), *candikā* 'сколько' (*cankā*), *crrāmā* 'который' (*crrām*).

Указательные местоимения: *šā*, *šātā* 'этот' (*ši*, *ša*, *sei*, *še*); *šārā*, *šaikā* 'тот' (*šurā*, *šā*, *šaikā*); *ttandā*, *dadamdā* 'столь большой' (*ttamda*); *ttandikā* 'столько' (*ttādika*, *ttinka*, *tanka*); *trrāmā*, *tandrāmā* 'столький' (*trrām*, *dedrrāmā*).

Склонение вопросительно-относительных и указательных местоимений в общих чертах сходно со склонением существительных. Отличается некоторыми особенностями:

	Мужской род	Женский род
Номинатив	<i>šā</i> 'тот'	<i>ša</i> 'та'
Аккузатив	<i>ttu</i>	<i>tto</i>
Генитив	<i>ttiye</i> (<i>ttiya</i>)	<i>ttiye</i>
Инструменталис-аблатив	<i>ttāna</i> (<i>ttini</i>)	<i>ttāña</i>
Локатив	<i>ttāña</i>	<i>ttāña</i>

Во множественном числе (оба рода): ген. *ttānu*, инстр.-абл. *ttuau*, лок. *ttuvv*.

В хорезмийском языке отмечены личные, указательные и относительные местоимения.

Личные местоимения представлены ударной и энклитической формами.

²⁶ Другое возвратное местоимение *hivata* (для косв. пад.).

Ударная форма

	Ед. число			Мн. число		
	1-е л.	2-е л. ²⁷		1-е л.	2-е л.	3-е л.
Номинатив	<i>n'z</i>	<i>'wtk (tk)</i>	Прямой-косвенный падеж	<i>mvu</i>	<i>hvu</i>	<i>uvu</i>
Генитив	<i>mn'c</i>	<i>tʷ'c</i>	Косвенный падеж	<i>mvu'n</i>	<i>hvu'n</i>	<i>uvu'n</i>
Аккузатив-датель	<i>m'rδ'r</i>	<i>tʷ'rδ'r</i>		<i>mvu'nδ'r</i>		
Аблатив-локатив	<i>m(y)k</i>	<i>v(y)k</i>				

Энклитическая форма

	Ед. число			
	1-е л.	2-е л.	3-е л.	
Аккузатив	<i>m(') *mā</i>	<i>v(') *fā</i>	<i>h(y) *hī</i>	
Датив	<i>m(y) *mī</i>	<i>d(y) *dī</i>	<i>h(y) *hī</i>	

	Мн. число			
	1-е л.	2-е л.	3-е л.	
Аккузатив	<i>mn(') *amla</i>	<i>vn(') *venā</i>	<i>hyn('), n(')</i>	
Датив	<i>mn(') *amla</i>	<i>vn(') *venā</i>	<i>hyn('), n(')</i>	

Предложная форма ударных местоимений: *c-m(y)k* 'от, у, помимо меня', *c-uvu* 'из них', *pr-mk* 'надо мной', 'для меня', 'мне', *br-fyk* 'тебе', *pru hvu* 'к вам', *br-uvu* 'для, на них'; *f-mk* 'со мной', *t-fk* (из **ffk*) 'с тобой'; *bšy-muc* 'у меня', *bš-vuc* 'к тебе', *bšy mvu'n* 'к нам', 'у нас'.

Ударные местоимения употребляются в качестве именных членов предложения: *n'z su buz'r utm* 'Я от этого свободна', *nu(n) ut n'z* 'это я', *ʷz'k nuδ stuk* 'Удалились от меня'.

Энклитические формы, помещаясь в синтагме сказуемого или в синтагме, составленной из различных энклитических слов:

1) обозначают прямой объект или адресат действия: *δ'nbyd'-m* 'Он ударил меня'; *δ'nbyd'-v* 'Он ударил тебя'; *psx hu mkud* 'Он ему ответил'; *h'urn'-hy-d* 'Я дал ее тебе'²⁸; *ʷwc'-m tu* 'Необходимой мне ты была';

2) предвосхищают дополнение (пролептическая функция): *δ'nbyd'-v tʷ'rδ'r* 'у δ'h' 'Он ударил тебя (v), тебя (tʷ'rδ'r) 'о женщина'; *knd'h* 'у c't' 'Он выкопал его, колодец'²⁹.

Местоименные энклитики *m(y)*, *d(y)*, *h(y)*, *mn(')*, *vn(')*, *hyn(')* при именах существительных или их определениях-прилагательных могут иметь притяжательное значение: *pc'-m* 'мой отец', 'у *ʷunc-mn* 'наши глаза', 'у *xwb-m z'dk* 'мой хороший сын', 'у *fsɿd hu θfy'n* 'его чистый друг'.

Местоименные энклитики с послелогоми *-c*, *-δ*, *-b(y)r*, *-bš* обозначают косвенный объект: *d-m'-c m'xf* 'и у меня не бери'; *d'sr f'-byr* 'горе тебе'; *xwb hu-δ mkud* 'хорошо с ним поступил'.

²⁷ В качестве ударных местоимений 3-го л. ед. числа употребляются указательные.

²⁸ В большинстве случаев сочетание *'-hy-* стягивается в *-y-*: *h'urn'-hy-d > h'urn-y-d*. Ср. также в 3-м л. мн. числа *'-hyn > -yn*: *dhd-yn fɿr'x* 'Он ударил их мечом'.

²⁹ Ср. пролептическую функцию энклитических местоимений *ʷ(')* 'туда', 'тому', *c(y)* 'оттуда', 'от него', предвосхищающих обстоятельство или дополнение с предлогом *v-* и *c-*: *c'yt'ʷ f'pθk* 'Он вошел туда (*wa*), в дом'.

Энклитики *m(y)*, *d(y)*, *n'* с послелогоми не употребляются³⁰.

Указательные местоимения: *ī*, *yā* (артикль), *nu* **nīna*, *nu* **nī* 'этот', 'эта', *n'n* 'тот', 'те', *nu**d* 'та', 'те'; *n'w* 'эти', *n'w(y)r* 'тот', 'он'; *nu**ṣ* 'этот', *hm**k* 'тот самый', *hm**c* 'та самая';

Вопросительные: *ku't* 'кто?', *sxsu* *y'tu* 'что?', *sxsun* 'что?', *'kwn* 'куда?', *'cwn*, *'jwn* 'как?'; *'kd'm* 'который (-ая)?';

Вопросительно-относительные: *'ku* 'кто', *'cu* **aci* 'что'.

Взаимное: *nuwnu* 'друг друга'.

Возвратные: *xd'k* (ед. ч.) 'сам', 'сама', 'самый(-ая)', *xd'c* (мн. ч.); *xb**sk* 'свой'.

Неопределенные: *'nu* 'другой', *n'n'm* 'такой-то'.

НАРЕЧИЯ

В согдийском языке выделяется группа местоименных вопросительных наречий: ман., буд. *k**w*, хр. *q**w*, буд. *'k**w*, *k'w* **kū* 'где?'; *k**w**r**d* 'где?'; буд. (*'*)*k**w**r**t**s*'*r* **k**u**t**s**a**r* 'где?'; ман., буд. *k**d*, хр. *q**d* 'когда?'; ман. *q**n'**č*, буд. *č**nn* *k**n'**č*, *č**k**n'**č*, хр. *č**q**n'* 'откуда?'; ман. *č**q**n'**č* *py**d'**r*, буд. *č**k**n'**č* *py**d'**r*, хр. *č**q**n'* *py**d'**r* 'почему?'; хр. *č'**f*, буд. *č'**β*, *č'**β**r* 'сколько?'; ман. *č'**n**w*, буд. *č'**n'**k**w*, хр. *č'**ny*, *č'**n* 'как?'. Наречия *k**w*, *k**w**r**d*, *č**k**n'**č*, *k**d* используются как относительные; буд. *'k**w*, *'k**w* 'где бы ни', ман. и буд. *k**d**č* 'когда-либо' — как неопределенные (*k**d**č* в отрицательных предложениях имеет значение 'никогда': ман. *k**d**č*... *nyu*, хр. *q**d**č*... *ny*, буд. *k**d**č*...*L*).

Как относительные слова³¹ в сложноподчиненных предложениях выступают: ман. *č'**f* 'сколько', *w'**f* 'столько', буд. *č'**β**r* 'сколько', *w'**β**r* 'столько'; ман. *č'**f**ry**d**d* 'сколько', 'как', *w'**f**ry**d**d* 'столько', 'так'; ман., буд., хр. *č'**n**w* 'как', *w'**n**w* (а также хр. *w'**n*, буд. *w'**n**w*, *w'**n**k**w*) 'так'; ман. *č**nd**n* 'сколько', *w**nd**n* 'столько', буд. *č**nt**n*, *w**nt**n*.

Наречия, образованные от указательных местоимений *ny**d* 'этот', *ty**d* 'этот', *wy**d* 'тот', связаны с лицами речи: *ny**d*, *ny**d* *mr**d*, *mr**t**s*'*r* **mr**t**s**ā**r* (>хр. *matsā*) 'здесь, сюда (где нахожусь я)'; *ty**d*, *ty**d**č*, *tr**d*, *tr**t**s*'*r* 'там, туда (где ты)'; *wy**d*, *wy**d**č*, буд. *wy**d*, ман. *wy**r**d*, *wy**(r)**t**s*'*r* **ō**r**t**s**ā**r* (>хр. *ōtsā*) 'там, туда (где третье лицо)'.

Другие наречия (прилагательные, употребляемые адвербиально, и суффиксальные образования): буд. *n**w**r* 'сегодня'; буд., хр. *p**n**t* 'близко', *p**n**t**r* 'ближе'; буд. *k**n**py*, хр. *q**n'**q*, ман. *k**m**byu* **k**a**m**b**e* 'мало'; буд. *γ**r**β*(*y*), хр. *γ**r**f*, ман. *γ**r**β* **γ**a**r**f* 'много'; буд. *γ**uz*-*y**n* 'по воле'; ман. *č**y**nd**r*-*p'**r*, буд. *č**n**t**r* *p'**r* 'внутри' и др.

Местоименные наречия в хотаносакском: а) вопросительно-относительные *kyerā*, *cerā* 'в какой степени', *kam**i* 'как', *ku**ṣ**ā*, *ku* 'где', *kū**jsa* 'откуда', *cāṣṭa* 'куда', *ka*, *khu*, *ku* 'когда', *calakā* 'сколь малый промежуток времени'; б) указательные: *ttera*, *ttereda* 'в такой степени', *tta*, *tā**m**i* 'так', *ttara*, *vara*, *tattika* 'там', *mara* 'здесь' (позднешот. *vere*, *vir**i*, *mere*, *miri*), *vāṣṭa*, *tāṣṭa* 'туда', *tta* 'сейчас', *tittā* 'тогда' (позднешот. *titi*), *dilakā*, *vilakā* 'столь малый промежуток времени'.

ГЛАГОЛ

В восточных среднеиранских языках, как и в западных, глагольная система строилась на двух основах: настоящего времени (про-

³⁰ Следующий за *-n'* послелог относится к предшествующему местоимению: *γ**nd**y**d'* -*hy*-*n'*-*br* 'Он собрал их к нему'.

³¹ Хотя их одновременное наличие необязательно.

должает древнюю основу настоящего времени) и прошедшего (из древнего причастия прошедшего времени). От первой образованы настоящее время изъявительного, сослагательного и желательного наклонений, повелительное наклонение, отглагольные имена, причастия настоящего времени. От второй образованы формы прошедшего времени, причастия прошедшего времени, инфинитив³².

Особенность восточных языков (согдийского и хорезмийского) — сохранение в них формы прошедшего времени (имперфекта), образованного от основы настоящего времени: согд. *ḡvaram* или *ḡfaram* 'я даю' — *ḡfari* 'я дал'. Другая особенность — форма перфекта переходных глаголов, образованная при помощи вспомогательного глагола *ḡār-* 'иметь': согд. *ḡfart ḡārdm* 'я дал'. Согдийский и хорезмийский сближаются также наличием потенциальной формы, выражающей возможность: согд. **zu ḡfart na kunam* 'я не могу дать'³³, и образованием формы будущего времени при помощи частицы **-kā* (ман., буд., согд. *k'm/k'n*, хр. *q', q'n, q'm*; хорезм. *k'm*): согд. *ḡḡrm k'm *ḡfaramkā* 'я дам', *ḡwīk'm* и *ḡwīk'n *vutikā* 'это будет', хорезм. **xināmkā* 'я куплю'.

В согдийском языке глагол характеризуется категориями лица, числа, времени, наклонения³⁴.

Как и в имени, различаются сильные и слабые основы. Основа прошедшего времени (историческое причастие прошедшего времени) у слабых глаголов сохранила окончания -у, -w, -', утраченные сильными, например: буд. *ptwštaw ḡ'rum *p(ə)ḡōštu ḡārlm* 'мы услышали' (ср. сильные *ḡḡri ḡ'rum *ḡfart ḡārlm* 'мы дали'), ман., хр. *qlu *əkti* 'он стал' (ср. сильные **ḡḡl *āḡd* 'он пришел'). Различаются также личные окончания, например, 3-е л. ед. ч. в настоящем времени: -t для сильных, -tu **-ti* (и *-dy *-di*) для слабых (ср. *ḡ'rt *ḡārt* 'он имеет' и *kwnḡduu *kundi* 'он делает'); 2-е л. ед. ч. в повелительном наклонении: -' **-a* для слабых и нулевое для сильных (ср. *kwl' *ku-na* 'делай' и *ptwš *niḡōš* 'слушай') и др.

Спряжение глагола в настоящем времени³⁵

(*ḡār-* 'иметь', *var-* 'нести')

Изъявительное наклонение	Сослагательное наклонение	
	Ед. число	
1-е л. <i>ḡār-ām (-'m, -m)</i>	<i>var-ān</i> (ман., буд. <i>-'n</i> , буд. <i>-''n, -n</i> , хр. <i>-'m</i>).	
2-е л. <i>ḡār-l</i> [ман. <i>-(y)u(h)</i> , буд. <i>-(')y</i>]	<i>var-ā</i> (-', нулевое у сильных)	
3-е л. <i>ḡār-t, var-ti (-t, -tu, -dy)</i>	<i>var-āt (-'t)</i>	
	Мн. число	
	1-е л. <i>ḡār-īm (-ym)</i>	<i>var-īm (-ym)</i>
	2-е л. <i>ḡār-ta, -ḡa</i> (ман. <i>-t'</i> , хр. <i>-ḡa</i>)	<i>var-ḡa (-ḡ')</i>

³² Характер соотношения двух основ, как и в западных среднеиранских языках, определяется историческим типом корня и основы.

³³ То же в сакском.

³⁴ Видовые и отчасти временные значения передаются частицами: **ka* (будущее время) и **(ə)skun* [ман. *'skwn, sk, kn, k*; хр. *sqn*, буд. *(')skwn*], буд. также *'štn* (продолженное действие): буд. *'pšt'um 'skwn tw' *(ə)pštīyām (ə)skun taw(a)* 'я покидаю тебя' (сейчас и на неопределенное время). Длительность действия в прошлом передается также формой имперфекта с суффиксом *-'z- *-āz-* (между основой настоящего времени и личными окончаниями): *d'r'znf* 'держали'.

³⁵ Выражает обычное действие или действие данного момента, не используется в значении будущего времени.

-t', соб. согд. -δ',
 сильн. -δ)
 3-е л. *ḡar-and* (ман. -'nd, буд. *var-and* (-'nd, -'nt)
 -'nt)

В христианских текстах формы изъявительного наклонения могли заменяться формами сослагательного (1-е л. ед. ч. и мн. ч.).

Как уже упоминалось, от основы настоящего времени образуется прошедшее время (имперфект), выражающее историческое действие или действие, сопровождающее другое.

Спряжение глагола в имперфекте

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	<i>varu</i> 'я нес, отнес'	<i>varīm</i>
2-е л.	<i>var</i>	<i>varḡ</i>
3-е л.	<i>vaga</i> (сильн. <i>ḡur</i> *vīr 'он получил')	<i>varand</i>

В приставочных глаголах сохранился аугмент³⁶ (между приставкой и основой), например: буд. *pt'yūwš(w)* *p(ə)tiyōš(u) 'я услышал' (ср. наст. вр. *p(ə)tiyōšām), *pr'm'u* *frāmāu 'он приказал' (ср. наст. вр. *frāmāyt). Слабые основы с аугментом в 3-м лице единственного числа имеют нулевое окончание: *frāmāy.

В христианских текстах форма имперфекта вытеснена перфектом.

Повелительное наклонение во 2-м лице единственного числа представляет собой чистую основу настоящего времени (у сильных) или основу, осложненную -' *а (у слабых): буд. *ḡur* *vīr 'получи', *ḡr'm* *ḡrām 'приходи', *šw* *šawa 'иди', ман. *ḡḡr* *ḡfara 'дай'. Во 2-м лице множественного числа окончание -δ' *ḡā (у слабых и сильных) или -δ *ḡ (у нескольких сильных): ман. *kwnḡ* *kunḡā 'делайте', хр. *ḡḡr* *ḡfarḡā 'дайте'.

Сохранилось пережиточно древнее желательное наклонение: буд. *ḡḡr-y* *ḡfarē 'чтобы я дал', *ḡḡr-ynt* *xwarēnd 'чтобы они ели'.

От основы прошедшего времени образуются сложные личные формы прошедшего времени: от непереходных глаголов — так называемый непереходный претерит — при помощи глагола-связки др.-ир. *ah- 'быть'³⁷:

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	<i>āḡdīm</i> 'я пришел'	<i>āḡdim</i>
2-е л.	<i>āḡdiš</i>	<i>āḡdaḡ</i>
3-е л.	<i>āḡd</i> (сильн.), <i>niḡti</i> 'он вышел' (слаб.)	<i>āḡdand</i>

От переходных глаголов — пассивный претерит — с тем же глаголом-связкой: *āḡitīm* 'я рожден', *āḡitiš* 'ты рожден', *āḡit* 'он рожден' и т. д.; преждепрошедшее: буд. *'krty* ḡ'y *ḡkti xāy 'он был сделан';

³⁶ В различных вариантах, например -ā-, -ī-, в зависимости от исхода приставки, с которой он сочетается.

³⁷ В настоящем времени: ед. ч. 1-е л. ман. 'ym, буд. 'ym *īm, отрицат. *nys-tym*; 2-е л. ман. 'yḡ, буд. хр. 'yḡ *iḡ; 3-е л. ман., буд. 'sty, хр. *sḡy*, соб. согд. 'st *astī, отрицат. буд. *nysī*, хр. *nysī*, ман. *nysī*; мн. ч. 1-е л. ман. 'ym, хр., буд. 'ym *īm, буд. 'ymn; 2-е л. соб. согд. -sḡ(ḡ) *sḡḡ; хр. 'yḡḡ; 3-е л. ман. *xnd*, буд. *ḡnt*, соб. согд. 'nt *and; буд. 'st'nt. В имперфекте: 3-е л. ед. ч. буд. ḡ'y *xāy; 3-е л. мн. ч. ḡ'ynt *xāyand. Сослаг. накл. 3-е л. ед. ч. ман. 't, соб. согд. 't *āt; ман. x't, буд. ḡ't *xāt.

От переходных глаголов — переходный претерит-перфект — с вспомогательным глаголом *ḏ'r-* 'иметь':

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	<i>ḏfart ḏārām</i> 'я дал' (слаб. <i>āyat-u ḏārām</i> 'я получил')	<i>ḏfart ḏārīm</i>
2-е л.	<i>ḏfart ḏārī</i>	<i>ḏfart ḏārta, -ḏa</i>
3-е л.	<i>ḏfart ḏārī</i>	<i>ḏfart ḏārānd</i>

Преждепрошедшее: буд. *'yḏ'rṣw *āyatū ḏāru* 'я получил' (с имперфектом от *ḏ'r-*).

От вторичного причастия прошедшего времени и глагола-связки **ah-* образован перфект непереходных глаголов и пассивный перфект (по И. Гершевичу — *Perfectum Praesens*, в том числе для переходных глаголов — с вспомогательным глаголом *ḏ'r-*): буд. *tṭk 'ym *taḏde ḫm* 'я вошел', ман. *pṭmṣṭyū 'sṭyū *patmōḏde asti* 'он одет'; длительный перфект: хр. *'šybdy stysq *ašivde stī-sk* 'он спрятан' (букв. 'спрятанным пребывает'); прошедший перфект: *prō'ṭ'kṣ ḡy *parḏāḏdu ḫāu* 'был развернут'.

Потенциальная форма, выражающая возможность, образуется от основы прошедшего времени + вспомогательный глагол *kwn- *kun-*, *wn- *wan-* 'делать' (для переходных активных) и *ḥw- *vu-* 'становиться' (для непереходных и переходных пассивных): буд. L' *pr''ḏt wn'y *nē prāḏt wanē* 'Он не мог продать'; *šyr'k ḥyrt ḥwy *šire vīrt vūti* 'Все хорошее может быть приобретено снова'.

В словообразовании глагола следует отметить аналитические глаголы: из имени + глагол *kr-*, *wn-* 'делать', *ḥr-* 'носить', например: *ḥṭw wn-* 'произносить' и т. д.

Неличные глагольные формы — причастия и инфинитив. Причастие прошедшего времени равно основе прошедшего времени (в «Старых письмах»). В поздних текстах оно расширено суффиксом *-'k, -'y, *-e*. Причастия настоящего времени образуются от основы настоящего времени суффиксами: ман., хр. *-(y)nu*, соб. согд. *-n'k, -'yn'k *-(ə)ne* (ман. *ḫwḡnuu* от 'есть', 'кушать'; в форме мн. ч. — *ḥryny* от 'нести'); хр. *-yq *-ēk (d'ryq* от 'держать'). Причастия настоящего времени на *-n *-ān* и *-'k *-e, ('ndy *-ande (r'y'n* 'плачущий', *nṭwš'k* 'слушающий') часто переходят в прилагательные. Инфинитив: буд. *ḥḥry, ḥḥrt* и *ḥḥwty* 'давать', *'krty* 'делать' и т. п.

В хотаносакском языке глаголу свойственны грамматические категории лица, числа, рода³⁸, времени, наклонения, залога³⁹.

Таблица 4

Личные окончания настоящего времени

Лицо	Действительный залог		Средний залог	
	ед. число	мн. число	ед. число	мн. число
1-е	<i>-īmā</i>	<i>-āmā</i>	<i>-e</i>	<i>-āmane</i>
2-е	<i>-i</i>	<i>-ta</i>	<i>-a</i>	<i>-ta</i>
3-е	<i>-tā</i>	<i>-īndā*</i>	<i>-le</i>	<i>-āre</i>

* Позднехот., *-īmā, -īdā, -īdī, -īde*.

³⁸ В прошедшем времени.

³⁹ В прошедшем времени, в настоящем времени изъявительного наклонения (и частично в повелительном наклонении).

При образовании настоящего времени происходят фонетические изменения в основе: палатализация (*pulsā* 'ты спрашиваешь' от *puls-*), умлаут (*pittā* 'падает' от *pat-*) и др.

Спряжение глаголов (*dai-* 'видеть' — действительный залог, *hām-* 'становиться' — средний залог) в настоящем времени:

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	<i>daimā, hāme</i>	<i>dayamā, hāmāmane</i>
2-е л.	<i>dai, hāma</i>	<i>daiya</i>
3-е л.	<i>daitā, hāmāte</i>	<i>dainda, hāmāre</i>

Таблица 5

Окончания повелительного наклонения

Лицо	Действительный залог		Средний залог	
	ед. число	мн. число	ед. число	мн. число
2-е	<i>-a*</i>	<i>-ta</i>	<i>-u*</i>	<i>-ta</i>
3-е	<i>-tu</i>	<i>-ādu**</i>	<i>-tu</i>	<i>-ādu**</i>

* В позднихотанском различие *a* — *u* стерлось.

** Ср. с новым позднихотанским окончанием *-yārā*.

Примеры: *uana* 'делай', *diya* 'гляди', *puva* 'бойся', *uani* 'делай' (для себя), *nasu* 'бери', *jindo* 'пусть он погибнет', *pvattu* 'пусть он боится', *yanda* 'делайте', *dyamdu* 'пусть они увидят', *ādu* 'пусть они будут'.

Сослагательное наклонение (с признаком *-ā-* между основой и окончанием) образуется при помощи окончаний среднего залога, за исключением 1-го лица единственного числа (*-ne*) и 3-го лица множественного числа (*-nde, -ro*).

Спряжение глагола (*buv-* 'постигать')⁴⁰
в сослагательном наклонении

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	<i>bvāne</i>	—
2-е л.	—	<i>bvata</i>
3-е л.	<i>bvāte</i>	<i>bvāro, bvānde</i>

Желательное наклонение (с признаком *-i-* между основой и окончанием) представлено неполной парадигмой:

1-е л. ед. ч. *-iñi* (*byehiñe* от *byeh-* 'обретать', *tsiñi* от *tsu-* 'идти'); *-o*⁴¹ (*ttrāyo* от *ttrāy* 'спасать', *hiśso* от *his-* 'приходить'); в позднихотанском могла быть и форма без флексии (*tsi* от *tsu-*).

3-е л. ед. ч. *-iyā* (*yantiyā* от *yan-* 'делать', *byehiyā* от *byeh-*; позднихот. *byehā, tsi* (ср. 1-е л. ед. ч.).

2-е л. и 3-е л. мн. ч. *-iru* (*yaniru* от *yan-*, *pviru* от *pyū-* 'слышать'); позднихот. *-ryau* (*iniryau* от *yan-*, *pviryau* от *pyū-*).

Прошедшее время действительного и среднего залогов образует-

⁴⁰ Прочерки означают, что соответствующие формы именно этого глагола не за-
свидетельствованы.

⁴¹ С палатализацией или умлаутом.

ся от основы прошедшего времени (= причастию прошедшего времени), которая изменяется в роде и числе, и личных энклитических форм глагола **ah-* 'быть'⁴². В действительном залоге между основой и формой глагола **ah-* вставляется еще суффикс *-te* (м. р.), *-lātā* (ж. р.), *-tāndā* (мн. ч.)⁴³.

Таблица 6

Спряжение глагола в прошедшем времени *

Число	Лицо	Средний залог		Действительный залог	
		м. р.	ж. р.	м. р.	ж. р.
Единственное	1-е	<i>bustāmā</i> <i>āstāmā</i>	<i>āstāmā</i>	<i>jsatemā</i> <i>diteimi</i>	<i>dātāmā</i>
	2-е	<i>bustī</i> <i>āsīī</i>	<i>astai</i>	<i>jsatai</i>	<i>dātatai</i>
	3-е	<i>hāmāte, bustā</i>	<i>hāmāta</i>	<i>jsate</i>	<i>dātātā</i>
Множественное	1-е	<i>āstāmā</i>	<i>hamātemā</i>	<i>namasātāndāma</i>	
	2-е		<i>āstesta</i>	<i>kālstāndāsta</i>	
	3-е	<i>hāmāta,</i> <i>busta, āsta</i>	<i>hāmāte, āste</i>	<i>jsātandā, dātāndā</i>	

* Приводятся основы прош. вр. *busta-* 'постигать', *āsta-* 'сидеть', *hāmāta-* 'становиться', *jsata-* 'убивать', *dāta-* 'видеть', *namasāta* 'поклоняться', *kālsta-* 'сажать растения'.

Неличные глагольные формы: инфинитив, герундий, причастия. Инфинитив образуется у большинства глаголов от основы прошедшего времени окончанием *-e* (с фонетическими изменениями): *nete* 'брать' (от *nātā-*), *bušte* 'постигать' (от *busta-*). Герундий образуется от основы настоящего времени обычно суффиксом *-āña*: *haurāña* (от *haur-* 'давать'), *tsuñā* (от *tsu-* 'ходить').

Причастия настоящего времени действительного и страдательного залогов образуются от основы настоящего времени при помощи суффиксов соответственно *-andai*⁴⁴ и *-ānā*. Примеры: *hūsandai* 'спящий', *māñamдай* 'похожий'; *stānā* 'стоящий', *ātīmānā* 'желающий'. Причастие прошедшего времени совпадает с основой прошедшего времени⁴⁵.

Словообразование глагола — отыменное и отглагольное. Оты-

⁴² Кроме 3-го лица обоих чисел.

⁴³ При этом нередко возникают стяженные формы, например: 3-е л. мн. ч. *nāndā* от основы прош. вр. *nāta-* 'брать'.

⁴⁴ Окончание ж. р. *-a(ṁ)ca*: *granamca* 'ревушая'. Позднешот. *adai* < *-amdei*, *-andai*; *ūṁ, ā* < *-ūnā*.

⁴⁵ Райхельт отмечал в сакском сложные формы из причастия прошедшего времени + глагол *uap-* 'делать', выражающие возможность: *uhu hisu purdu yidūnda* 'вы могли победить дух'. Ср. аналогичные образования в согдийском и хорезмийском.

менные глаголы: *hiv* 'свой' — *hiv-* 'присваивать', *dukhā* 'несчастье' — *dukhev-* 'причинять несчастье' и др.

Отглагольное словообразование путем превербов: *a-* (*ajum-* 'вести'), *ga-* (*gatcañ-* 'ломать'), *gu-* (*gvar-* 'объяснять'), *tt(i)-*, *-ttu-* (*ttuvar-* 'переносить', *ttitsu-* 'уходить'), *ni-* (*nimalys-* 'втирать'), *naš-*, *nal-* (*naltsu* 'выходить'), *pa-* (*padim* 'делать'), *pal-*, *par-* (*parvach* 'созревать'), *bi-* (*bijū-* 'оживать'), *va-* (*vadam-* 'делать'), *ham-* (*hamber-* 'наполнять').

Каузатив образуется путем палатализации последнего согласного корня (*is-* 'возвращаться' — *iśś-* 'возвращать', *pārān-* 'сеять' — *pārāñ-* 'рассеивать'); удлинением гласного в корне (*hanaśś-* 'улавливать' — *hanāśś* 'утомлять'); удлинением гласного и умлаутом (*kṣār-* 'мучиться' — *kṣer-* 'мучить'), суффиксами *-(ā)ñ* и *-ev* (*baj-* 'испытывать ущерб' — *bajev-* 'причинять ущерб').

Непереходные глаголы образуются от переходных посредством умлаута⁴⁶ (*jan-* 'бить' — *jin* 'быть битым', *hambār-* 'наполнять' — *hambīr-* 'наполняться') и суффиксом *-s-* (*sta-* 'стоять' — *stās* 'оставаться')⁴⁷.

Аналитические глаголы образованы из имени⁴⁸ и глагола *yan-* 'делать' (*tsu-* 'становиться'): *byāta yan-* 'вспоминать', *khan(a) yan-* 'смеяться' (ср. *khan-* 'смеяться'), *huṣṣa tsu-* 'расти'.

В хорезмийском языке глагол характеризуется грамматическими категориями лица, числа, времени, наклонения.

Различаются наклонения: изъявительное, повелительное, сослагательное, желательное⁴⁹. Времена: настоящее, будущее, прошедшее.

Личные окончания глагола в настоящем времени изъявительного наклонения

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	<i>-āmi</i> ; (<i>-m</i>), <i>-āmī</i> (<i>-myn</i>)	<i>-mni</i> , <i>-mna(-m)</i>
2-е л.	<i>-i</i>	<i>-fi</i> (<i>-βy</i>)
3-е л.	<i>-ica</i> { <i>-(y)c(')</i> }	<i>-ārī</i> (<i>-r</i> , <i>-ry</i> , <i>-ryn</i>)

Примеры: *ikkāmi* 'я делаю', *kaciūāmi* 'я бросаю', *iki* 'ты делаешь', *dārica* 'он держит', *ikkifi* 'вы делаете'.

Будущее время образуется от соответствующей личной формы настоящего времени + частица *k'm* **kā*: *hiṣṛikā* 'ты дашь', *anṣamkā* 'я послушаю', *hiṣramkā* 'я дам', *əsikā* 'ты придешь'.

Прошедшее время (имперфект) образуется от основы настоящего, как и в согдийском. При этом: 1) происходит удлинение гласного *a* в первом слове⁵⁰: *racāz-* 'принимать' — *rācāzinā* 'я принял'; *kaciūāmi* 'я бросаю' — *kācina* 'я бросил, дал'; *uavārī* 'ты знаешь' — *uavārīx* 'ты узнал(а)'; 2) к глаголам с гласным анлаутом прибавляется в начале слова формант *m-*: *ikk-* 'делать' — *mikkina* 'я сделал', *axxiy-* 'плакать' — *maxxiyāra* 'они заплакали'.

⁴⁶ Восходит к древнему пассиву на *-ya*.

⁴⁷ С выпадением среднеязычных, удлинением гласного и переходом *a > i*.

⁴⁸ Без флексии аккузатива.

⁴⁹ В формах 3-го лица.

⁵⁰ След древнего аугмента *a* между приставкой и глаголом.

Личные окончания имперфекта

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	-ina (-yn)	-amin(i) (-'myn)
2-е л.	-ix (-(y)x)	-if -(y)f
3-е л.	-da ⁵¹ , -ta	-āra -'r(')

Примеры: *haβirina* 'я дал', *vārina* 'я нашел, получил', *mikkina* 'я сделал', *xurina* 'я съел', *pāradina* 'я продал'; *hāβirix* 'ты дал(а)', *vārix* 'ты нашла, получила', *pāradix* 'ты продал'; *hāβirida* (и *hāβrīda*) 'он дал', *mikkida* 'он сделал', *vāstda* 'она провозгласила', *mucyt* 'он показал', *c'yt'w* 'он вошел в него'; *mikkamin(i)* 'мы сделали', *pārvuzdmin(i)* 'мы стали'; *mikkāra* 'они сделали', *ryz'r's* **rēzara-se* 'осыпались оттуда', *m's'r* 'они взяли'.

У большинства форм имеется на конце краткий гласный *a* или *i*, который обозначается на письме лишь в случае присоединения суффиксов⁵²: *hāβirida* 'он дал' — *hāβirdahi* 'он дал ему'.

Ряд суффиксов предваряет следующее за глаголом слово (прямое и предложное дополнение, обстоятельство места): *hāβirīdi yā* *βuḏāmi* 'я дал тебе мою дочь', где *hāβirīdi* < *hāβirinā* 'я дал' + *hī* 'ее' + *di* 'тебе' (букв. 'я дал ее тебе, мою дочь')⁵³. Если глагол стоит в конце фразы, суффиксы отсутствуют.

Повелительное наклонение образуется от основы настоящего времени прибавлением окончания -*a* (для 2-го л. ед. ч. и -*va* или -*fa* для 2-го л. мн. ч.): *xura* 'ешь', *ika* '(с)делай', *vaḥa* 'подари', *pādiya* 'держи', *ixvāsiyā* 'отпусти', *xēza* 'встань', *iya* 'иди'.

Личные окончания глагола в сослагательном наклонении (образуется от основы настоящего времени)

	Ед. число	Мн. число
1-е	-ā (-', -'n)	
2-е	-ix (-yx)	-vix или -fix (-βyx)
3-е	-ācl (-'c)	-ārī -'r(y) (n)

Примеры: *k'mtu* **kā tuā* 'если я умру'; *uḥzu'n* 'если я сделаю'; *'wz'n-s* 'если же я выйду'; *суу* **ciyā* '(если) я войду'; **ikkā* '(если) я сделаю'; **hiβrā* '(если) я отдам'; **parwuzāci* '(если) станет'; *k'nd* 'wz'c *пуп* 'если же выйдет эта'; *k'mt* *ṣwux* **kā mi ṣivix* 'если ты мне будешь нужна'; **hiβrārī* '(если) они дадут'.

Для выражения ирреального условия используется форма имперфекта с неизменяемой частицей *mnc's*: *k' y' n'n'tu ḏ'r mṛṇdn' mnc's* 'wd' *m'bš tuud' mnc's* 'если бы я позвал такую-то и если бы она пошла за мной'.

Из основы прошедшего времени, расширенной суффиксом -*ak*, и вспомогательного глагола *ḏāriy-* образуется перфект переходных глаголов (ср. согд. Perfectum Praesens), например: основа прош. вр. *ikt-* 'делать' — *iktak ḏāriy*. Употребляется реже, чем имперфект.

⁵¹ Вариант -*id* появляется под ударением, когда слово стоит в конце фразы или в обособленной позиции, ср.: *hāβirida* и *hāβrīda* 'он дал'. В сочетании с местоимением *hīḏ* 'с ним', 'ему' и *hīc* 'от него' окончание 3-го л. ед. ч. имеет вид -*dīḏ* и *dīc*.

⁵² Количество суффиксов в одной глагольной форме может доходить до четырех (особенность хорезмийского языка). В их числе — энклитические местоимения, послелоги, наречия места.

⁵³ См. прим. 28.

Причастия прошедшего времени: *xurs(a)* 'съеденный', *hiṣa* 'отданный', *paṛāsa* (ж. р.) 'разведенная',

Значение потенциальности «быть (не) в состоянии что-либо сделать» выражается формой, составленной из причастия прошедшего времени + личная форма глагола *ikk-* 'делать' (ср. аналогичные образования с *wn-* в согдийском и с *yan-* в сакском): *nē pardikki* 'не можешь удержать' (*pard + ikki*), *nēttakica* 'не может взять' (*nē + 'tta + 'kica*).

Отрицательная форма глагола образуется при помощи отрицательной частицы *nē*: *nēhiṣrārī* 'не дадут', *nē-mi ṛivī* 'ты мне не нужна'. Запретительная частица *mā* (при повелительном и желательном наклонении): *mā avāc* 'да не будет', *māxfa* 'не бери'.

Вопросительная форма — с частицей *a-*: *aḥāṣix* [*a-ha-(a)viḥ*] 'будешь ли ты?', *a-yāhi* 'есть ли ты?'.

СВЕДЕНИЯ ПО СИНТАКСИСУ

Синтаксические связи в простом предложении в восточных среднеиранских языках в большой степени выражаются при помощи флексии, глагольной и именной. Помимо этого используется, по выражению В. Хеннинга, бесконечный ряд частиц, союзов, предлогов в многообразной связи с местоименными элементами. Многие служебные слова, как и в западных среднеиранских языках, местоименного и наречного происхождения.

АТТРИБУТИВНЫЕ СОЧЕТАНИЯ

В атрибутивных сочетаниях в согдийском единичное определение преимущественно предшествует определяемому; ман. *fry* 'ṛr't 'дорогой брат', 'wṭw rwdnyūt ṛṛyšt 'медные боги'; хр. *ṛrf't* 'dyt 'многие люди', *nyūt bntyty* 'другие слуги'.

Несколько определений могут предшествовать имени: соб. согд. *ṛz'yrgyn'y* 'rṭw w'wry ṛwzky ḥwrh 'крепкое алмазное тело, без трещин'; ман. *pystyy* 'xšnkt' 'ṛr't 'прекрасные, великолепные горы'; следовать за ним: 'kkwštyt z'm ZY ṛzr'y't 'тонкие и длинные пальцы', ман. 'ly wnd' ṛryyṛrynyūt zr;wpyūt 'зеленые плодоносные деревья'.

В хотаносакском определение непосредственно предшествует или следует за определяемым, согласуясь с ним в числе и падеже: *ysa-ufse ysuañi* 'вкусные яства', *saṭva ḥāśśā* 'все существа'. В позднехотанском, как уже упоминалось, наблюдается отсутствие согласования определения с определяемым. В раннем языке определение, выраженное существительным, имеет форму генитива, его позиция не фиксирована: *rrundā hauṭa* 'могущество царя'. При неразличении номинатива и генитива определение предшествует определяемому: *purā śśāšana* 'учение сына'. В позднем языке в качестве признака определения выступает *hṭvī* (грамматизирующееся местоимение 'собственный'): *piñā hṭvī ttīśā* 'блеск добродетелей' (букв. 'добродетели, их собственный блеск')⁵⁴.

В хорезмийском языке определения, выраженные прилагательными, могут предшествовать или следовать за определяемым, ср. *znc j'nwgn* 'насекомые' (букв. 'маленькие существа') и *r's wdncu* 'старые вены'. При этом, по-видимому, происходит согласование в числе.

⁵⁴ В ранних текстах согласовывалось с определяемым в форме генитива; в поздних, превращаясь в соединительную морфему, сокращается: *tāji hye raga* 'берега реки'.

Определения, выраженные существительным в форме генитива, преимущественно следуют за определяемым: 'у суу' 'у хр'х'п 'лезвие меча', 'у п'w'х'у' пузс 'острие копья' (ср., однако, 'š d'pck 'зуб верблюда' — название растения)⁵⁵.

ПРЕДЛОГИ И ПОСЛЕЛОГИ

В согдийском языке: ман. *k'w*, буд. *k'w*, '*k'w* **ku* — предлог направления, нахождения, часто в сочетании с послелогом *s'r*, хр. *s' *sa* (*k'w* *š'ykn* *s'r* 'во дворец'); *k'w...pr'm* 'до' (предел во времени и пространстве); буд., ман. *č'wп*, буд. *č'пп*, '*č'пп*, ман., хр. *č'п*, ман. *č'wп* **č'оп*, *č'оп(ə)п* — предлог с исходно-отложительным значением: *č'(w)п... pyδ'r* 'для', 'ради' (*č'п тп*) *pyδ'r* 'для, ради меня'; буд. *wсп* **vasп* 'для', 'ради'; буд., ман. *δ'wп*, *δ'wп* **δ'оп*, буд. *δ'пп*, ман. *δ'п*, хр. *дп* и буд. *гт* **гат* — предлоги совместности (*гт wγs* 'с радостью'); с тем же значением послелоги *pr'uw*, хр. *pr'w* **parēv* и *n'nt* **nivand* (*šy n'nt* 'с ним'); предлог направления и нахождения *pr* **par* (ман. *pr* *γ't* 'в садах'), ман. *prw* **parи*; *par* также послелог; ман. *pr...s'r* 'по направлению'; '*t*' — предлог адресата; *δsty* — послелог орудности 'при помощи', 'посредством' и др.

В хотаносакском языке некоторые и те же слова могут выступать в качестве предлогов и послелогов: *āsto* (позднехот. *āš'a*) 'в направлении к' (с именем в лок.); *anaи* (*āno*, *āna*, *āп*) 'без' (с генит.); *āstaп-na* (*āstaп*) 'начиная с' (с генит.), *ānaka* (*aunaka*, *āп*) 'из'; *bagyo*, *bāja* 'на', 'у', 'в сравнении с' (с генит.); *bendā* (*bindā* и др.) 'на' (с генит.); *hamtsa* 'вместе с' (с инстр.-абл.); *jsa* — послелог инстр.-абл.; *hiro* 'на' (с генит.); *kādāna* (*kādna*, *kīna* и др.) 'из-за', 'ради' (с генит.); *odi* 'до' (с генит., лок., инстр.-абл.); *pāsāya* 'за'; *patāna*, *patā*, *paпna*, *pana* 'против', 'перед', 'к' (с акк., генит.); *vara(ta)* 'к' (с акк.); *vaska* (*va*) 'для', 'ради' (с генит.); ср. согд. *wсп*; *vaš'a* 'через', 'сквозь', 'в течение' (с акк.) и др. Предлог-послелог может не находиться в непосредственной близости от слова, к которому относится.

В хорезмийском языке предлоги: *v* **f*ⁱ (с артиклями м. р. и ж. р. *fī*, *fā*) 'в'; *c* **c*^a (с артиклями *cī*, *ca*) 'из', 'от'; *br*-, *pr*- **par* (*part*, *parā*) 'на', 'над'; *pc* **pac* (*pacī*, *pacā*) 'за', 'после'; *bš* (*bšy*), *pš* (*pšy*) 'около', 'перед'; *k'w* **ku* 'к', 'в'; *wсп* **vasп* 'ради' и др. О повторении предлогов в атрибутивных сочетаниях см. выше.

Послелог: *-c* (исходно-отложительного значения), *-δ* (совместность), *-b(y)r* (направление к адресату), *-bš* (нахождение около, перед кем, чем-л.), *-δ'r* (прямой объект). Примеры: *m'w'ryd'h* 'у *šr'b-δ'r* 'он смешал вино'; *d-m'-c m'xf* 'и у меня не бери'

СОЮЗЫ

В согдийском языке сочинительные союзы: *rly* **arti* 'и', хр. *rly* (выступает и в качестве заключительного союза в сложноподчиненных предложениях с придаточными времени и условия); *ZY* **ti* (энклитический) 'и'; '*t*', '*t* **at* 'и'; буд. *β*' **vā* 'или'; *č'w...č'w* 'как...так', 'и...и'; буд. *β'δ... β'δ...β'δtr* 'то...то'; *p'r* *ZY=p'rwtu* **paruti* 'но'; ман., буд. *pyšt* **pīšt* 'но'; *yw'r* **yawār* 'однако', 'но' Подчинительные: буд. *č'n'k'w*, *č'n'w*, *č'n'w* **č'ani*, идеогр. 'YK' 'когда', 'как'; *kδ* **kad* 'если', буд. *m'δ* **māδ* 'так', 'таким образом'

В хотаносакском языке сочинительные союзы: *и* 'и', *а*, *au* 'или',

⁵⁵ См. выше, стр. 87.

hade 'но', 'однако'; подчинительные союзы и относительные слова: *ku*, *kye(ce)*, *si*, *siya* 'когда'; *ku* 'где', 'чтобы'; *si* 'так как', 'что', 'хотя'; *kho* 'как', 'как будто', *ka* 'если'; *kye*, *se* 'кто', 'который'. Широко употребительны соотносительные с подчинительными союзами местоименные слова. Союз может дополняться в придаточном падежной формой указательного местоимения: *a brramanasai si tlu pida mihai rye* 'пришел сын брахмана, которого воспитал мой отец' (букв. 'которого его воспитал').

В хорезмийском языке сочинительные союзы: **wd* 'и', **wā* 'или'; *d* 'то' (заключительный); подчинительные: *kā* 'когда', 'если'; 'УК (ср. согд. 'УК для *čani 'когда', 'как').

1966 г.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Боголюбов I — Боголюбов М. Н., Согдийские документы с горы Муг (языковые данные). — «XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР», М., 1960.
- Боголюбов II — Боголюбов М. Н., Личные местоимения в хорезмийском языке. — «Ученые записки ЛГУ», № 306, 1962, вып. 16.
- Боголюбов III — Боголюбов М. Н., Местоимения в хорезмийском языке. — «Краткие сообщения Института народов Азии», № 67, М., 1963.
- Герценберг — Герценберг Л. Г., Хотаносакский язык, М., 1965.
- Дьяк., Лив. — Дьяконов И. М., Лившиц В. А., Документы из Нисы I в. до н. э., — «XXV Международный конгресс востоковедов», М., 1960.
- Кауфман — Кауфман К. В., Некоторые вопросы истории согдийского языка. — «Труды Института языкознания АН СССР», т. VI, М., 1956.
- Лившиц — Лившиц В. А., Согдийский язык, Хорезмийский язык, Сакские языки, Парфянский язык. — сб. «Народы Средней Азии и Казахстана», т. I, М., 1962.
- Расторгуева — Расторгуева В. С., Среднеперсидский язык, М., 1966.
- Соغد. — «Согдийские документы с горы Муг», вып. I—III, М., 1962—1963.
- Фрейман — Фрейман А. А., Хорезмийский язык, М., 1951.
- Andr. Hen. — Andreas F. C., Henning W. B., *Mitteliranische Manichaica aus Chinesisch Turkestan*, — SPAW, 1932—1931.
- Bailey — Bailey H. W., *Languages of the Saka*, — HO, Bd IV, Iranistik, Leiden—Köln, 1958.
- Benveniste — Benveniste E., *Essai de grammaire sogdienne*, 2-me partie, Paris, 1929.
- Benzling — Benzling J., *Das hwaremsische Sprachmaterial einer Handschrift der «Muqaddimat al-Adab» von Zamachšari*, Wiesbaden, 1968.
- Boyce I — Boyce M., *The Use of Relative Particles in Western Middle Iranian*, — «Indo-Iranica», Wiesbaden, 1961.
- Boyce II — Boyce M., *Some Middle Persian and Parthian Constructions with Governed Pronouns*, — «Dr. J. M. Unvala Memorial Volume», Bombay, 1961.
- Emmerick — Emmerick R. E., *Saka Grammatical Studies*, — «London Oriental Series», vol. 20, 1968, Oxford University Press, 1968.
- Gauthiot — Gauthiot R., *Essai de grammaire sogdienne*, 1-ère partie, Paris, 1914—1923.
- Gershevitch — Gershevitch I., *A Grammar of Manichean Sogdian*, Oxford, 1951.
- Ghilain — Ghilain A., *Essai sur la langue parthe*, Louvain, 1939.
- Henning I — Henning W. B., *Das Verbum des Mittelpersischen der Turfan-Fragmente*, — ZII, Bd IX, H. 2, Leipzig, 1933.
- Henning II — Henning W. B., *The Structure of the Khwarezmian verb*, — «Asia Major», New Series, vol. V, part 1, 1955.
- Henning III — Henning W. B., *Mitteliranisch*, — *Handbuch der Orientalistik*, Abt. I, Bd IV, Abschnitt 1, Leiden—Köln, 1958.
- MacKenzie — MacKenzie D. N., *Notes on the Transcription of Pahlavi*, — BSOAS, vol. XXX, p. 1, 1967.
- Salemann I — Salemann C., *Mittelpersisch*, — «Grundriss der iranischen Philologie», Bd I, Abt. 1, Strassburg, 1895—1901.
- Salemann II — Salemann C., *Manicha(e)ica*, I—V, — «Известия Императорской Академии наук», СПб., 1907—1913.

- Salemann III. — Salemann C., *Manichaäische Studien*, — «Записки Императорской АН по ист.-фил. отд.», т. VIII, № 10, СПб., 1908.
 Tedesco I — Tedesco P., *Dialektologie der westiranischen Turfantexten*, — MO, vol. XV, fasc. 1—3, Uppsala, 1921.
 Tedesco II — Tedesco P., *a-Stämme und aya-Stämme im Iranischen*, — ZII, Bd II, H. 2, 1923.
 Tedesco III — Tedesco P., *Ostiranische Nominalflexion*, — ZII, Bd IV, H. 1, Leipzig, 1926.
 Tolstov, Livshitz — Tolstov S. P., Livshitz V. A., *Decipherment and Interpretation of the Khwarezmian Inscriptions from Tok-Kala*, — «Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae», t. XII, fasc. 1—2, 1964.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

абл.— аблатив	наст. вр.— настоящее время
акк.— аккузатив	ном.— номинатив
буд.— будущее время	парф.— парфянский
генит.— генитив	пехл.— пехлевийский
генит.-дат.— генитив-датель	позднехот.— позднехотанский
др.-ир.— древнеиранский	прош. вр.— прошедшее время
др.-п.— древнеперсидский	прям. пад.— прямой падеж
ед. ч.— единственное число	соб. согд.— собственно согдийский
желат. накл.— желательное наклоне- ние	согд.— согдийский
ж. р.— женский род	сосл. накл.— сослагательное наклоне- ние
им. пад.— именительный падеж	ср.-п.— среднеперсидский
инстр.— инструменталис	ср.-п. кн.— среднеперсидский книж- ный
инстр.-абл.— инструменталис-аблатив	тибетск.— тибетский
косв. пад.— косвенный падеж	хорезм.— хорезмийский
лок.— локатив	хот.-сак.— хотаносакский
ман.— манихейский	хр.— христианский
мн. ч.— множественное число	
м. р.— мужской род	

СЕВЕРО-ЗАПАДНАЯ ГРУППА

ФОНЕТИКА

Вокализм северо-западных иранских языков весьма неоднороден. Только в белуджском языке сохраняется противопоставление гласных по долготе — краткости, которое было свойственно западно-иранским языкам среднего периода. Ряд долгих представлен фонемами *ī, ē, ā, ō, ū*, ряд кратких — фонемами *i, a, u*. Долгие качественно устойчивы, краткие могут допускать значительные колебания в подъеме: *i* и *u* — от верхнего до четвертого подъема (в отдельных случаях даже ниже), *a* — от нижнего до второго подъема, — и в продвинутости ряда: *i* может отодвигаться назад, *u* и *a* (последний обычно представлен гласным среднего рода) могут продвигаться вперед. В гилянском языке противопоставление по долготе — краткости прослеживается только в двух парах: *ī—i, ū—u*, причем качественно долгие в основном совпадают с краткими. Долгие в гилянском языке сохраняются только в одной позиции — в предударном открытом слоге: *gīsān* 'косы', *biši* 'иди'

В курдском, талышском и мазандеранском языках количественное противоположение гласных проводится уже по характерному для новоиранских языков признаку «устойчивые — неустойчивые» или «нередуцирующиеся — редуцирующиеся» (см. табл. 1).

Таблица 1

Гласные северо-западной группы

Язык	Характер противопоставления
Белуджский	долгие <i>ī, ē, ā, ō, ū</i> ; краткие <i>i, a, u</i> .
Гилянский	долгие <i>ū, ī</i> ; краткие <i>i, e, ə, a, ɔ, o, u</i> .
Мазандеранский	устойчивые <i>i, e, a, o, u</i> ; неустойчивый <i>ɛ</i> .
Талышский	устойчивые <i>i, e, a, ɔ, o, u—ū</i> ; неустойчивый <i>ɛ</i> .
Курдский	устойчивые (нередуцирующиеся) <i>i, e, a, ɔ, o, u</i> ; неустойчивые (редуцирующиеся) <i>ɛ, ɔ</i> .

В курдском языке — в говорах на территории Армении отмечается фарингализованный (айнизированный) гласный, в говорах на территории Туркмении — огубленный гласный переднего ряда *ū* и противопоставление гласных нижнего подъема — переднего и заднего ряда *ɔ* и *ɑ*.

Дифтонги как самостоятельные фонемы в северо-западных языках не отмечаются. В говорах мазандеранского языка прослеживается дифтонгоидное произнесение *e* как [e]: [p'eŋ] 'отец'.

Консонантизм северо-западных языков в целом можно представить в виде следующей таблицы (см. табл. 2).

Консонантные системы отдельных языков и даже диалектов северо-западной группы весьма различны (см. табл. 3). В курдском языке — в диалекте курманджи глухие смычные (простые и аффрикаты) делятся на придыхательные *p'*, *t'*, *k'*, *č'* и не придыхательные *p*, *t*, *k*, *č*, в некоторых говорах выделяется верхнефарингальный *ħ* в отличие от нижнефарингального *h*. Кроме того, отмечается огубленный согласный *x^o*, отсутствующий в других северо-западных языках, и противопоставление «раскатистого» дву- и многоударного *ɾ* и «нераскатистого» — слабоударного, часто щелевого *ɾ̥*, как в армянском языке.

В белуджском языке значительные различия прослеживаются между консонантизмом западных и восточных диалектов. И те и другие диалекты обнаруживают не характерный для других северо-западных языков ряд церебральных согласных: *ʈ* и *ɖ*, а также [ɽ] (как неполносмычный вариант *ɖ*) и [ɺ] (как вариант *ɺ* в соседстве с церебральными *ʈ* и *ɖ*), отсутствие губно-зубных. Фонема *ħ* отмечается лишь в некоторых западных и восточных диалектах, в говорах белуджей СССР она отсутствует. Восточнобелуджские диалекты в отличие от западных имеют ряды глухих и звонких придыхательных: *p'*, *t'*, *ʈ'*, *k'*, *č'*, *b'*, *d'*, *ɖ'*, *g'*, *ʃ'*, *ʈ'*, а также билабиальный глухой щелевой «ф» и плоскощелевые переднеязычные *θ* и *ð*.

В талышском языке отмечается противопоставление заднеязычных *k*, *g* среднеязычным *k̆*, *ğ*. Системы консонантизма гилянского и мазандеранского языков в основном совпадают.

Ударение в северо-западных иранских языках силовое; тяготеет к концу слова.

Структура слова и слога заметно варьирует по языкам. В целом общая тенденция для этой группы — недопущение в начале слова стечения согласных, однако в ряде случаев, особенно в восточнобелуджских диалектах, эта тенденция нарушается, например: *šma* 'вы'.

ПИСЬМЕННОСТЬ

В настоящее время письменность имеют только курдский и белуджский языки. Алфавит курдов, живущих в СССР, составлен на основе русской графики с добавлением некоторых букв и диакритических знаков. Курды Сирии и частично Ирана пользуются разновидностями латинской графики, остальные — арабской графикой (см. табл. 4). Арабской же графикой пользуются белуджи Пакистана. В СССР в 30-е годы была создана письменность для белуджей и талышей на основе латинской графики, издавалась литература, преимущественно учебного характера. Однако в дальнейшем белуджи и талыши при обучении стали пользоваться языком республик, в которых они проживают: талыши — азербайджанским, белуджи — туркменским. На гилянском и мазандеранском языках в свое время появлялись отдельные литературные тексты на арабской графике в журналах Ирана, однако в целом письменность широкого распространения не получила.

Согласные звуки северо-западных иранских языков

		Губные		Язычные				Увуляр- ные	Фарингальные					
		губно-губ- ные	губно-зуб- ные	переднеязычные		средне- язычные	заднеязыч- ные		верхне- фарингаль- ные	нижне- фарингаль- ные				
				непере- бральные	пере- бральные									
Смычные	чистые	неносо- вые	непридыхательные	p	b	t	d	t	d	k	g	q		
			придыхательные	p'	b'	t'	d'	t'	d'	k'	g'			
			носовые	m		n		n			ŋ			
			непридыхательные			ɬ	j							
	аффри- каты		придыхательные			ɬ'	j'							
			непридыхательные	ɸ	w	s	z		y		x	ɣ	x ^o	h
	Щелевые	срединные	однофокусные	непридыхательные										
				придыхательные	w'									
			крупно- щелевые	плоскочелюстные			f	v						
				двухфокусные					ʃ	ʒ				
			боковые					l						
			полноударные					r		r				
Дрожа- щие			неполноударные				ɾ							

Согласные фонемы северо-западных иранских языков

	p	p'	b	b'	m	ɸ	w	w'	f	v	t	t'	f'	d	d'	ɖ	n	k	k'	g	g'
Гилянскй	+		+		+				+	+	+			+			+	+		+	
Мазандеранскй	+		+		+				+	+	+			+			+	+		+	
Талышскй	+		+		+				+	+	+			+			+	+		+	
Курдскй	+	+	+		+		+		+	+	+	+		+			+	+	+	+	
Белуджскй	+		+		+		+				+	+		+		+	(+)	+		+	
западные диалекты																					
восточные диалекты	+	+	+	+	+	+	+	+			+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

	g'	ɖ	q	ɟ	ɟ'	j	j'	s	z	ʃ	ʒ	ʒ'	ʃ'	x	x'	ɣ	h	h'	l	r	ʃ	ʃ'
Гилянскй				+		+		+	+		+	+		+		+	+	+	+	+		
Мазандеранскй				+		+		+	+		+	+		+		+	+	+	+	+		
Талышскй				+		+		+	+		+	+		+		+	+	+	+	+		
Курдскй			+	+	+	+		+	+		+	+		+	+	+	+	+	+	+		+
Белуджскй		(+)		+		+		+	+		+	+		+		+	+	+	+	+	(+)	
западные диалекты																						
восточные диалекты	+	(+)		+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	(+)	(+)

При м е ч а н и е. Знак «плюс» обозначает наличие самостоятельной фонемы, «плюс» в скобках — отсутствие фонологической значимости при частом употреблении данного звукотипа.

Курдские алфавиты

На основе русской графики	На основе латинской графики в Сирии	На основе латинской графики в Ираке	На основе арабской графики	На основе русской графики	На основе латинской графики в Сирии	На основе латинской графики в Ираке	На основе арабской графики
А а	<i>a</i>	<i>a</i>	آ	Ö ö	<i>u</i>	<i>ö</i>	و
Б б	<i>b</i>	<i>b</i>	ب	П п	<i>p</i>	<i>p</i>	پ
В в	<i>v</i>	<i>v</i>	ڤ	П' п'	<i>p</i>	<i>p, ph</i>	پ
Г г	<i>g</i>	<i>g</i>	گ	Р р	<i>r</i>	<i>r</i>	ر
Г' г'	<i>ġ</i>	<i>gh</i>	غ	Р' р'	<i>r, rr</i>	<i>rh</i>	ر
Д д	<i>d</i>	<i>d</i>	د	С с	<i>s</i>	<i>s</i>	ص، س
Е е	<i>e</i>	<i>e</i>	ی	Т т	<i>t</i>	<i>t</i>	ط، ت
Э э	<i>e</i>	<i>e</i>		Т' т'	<i>t</i>	<i>th</i>	ت، ط
Э' э'	<i>e, a'</i>	<i>e</i>	ع	У у	<i>û</i>	<i>u</i>	وو، و
Ж ж	<i>j</i>	<i>j, zh</i>	ژ	Ф ф	<i>f</i>	<i>f</i>	فی
З з	<i>z</i>	<i>z</i>	ز	Х х	<i>x</i>	<i>x</i>	خ
И и	<i>i</i>	<i>i, ly</i>	ی	Һ һ	<i>h</i>	<i>h</i>	ه
Й й	<i>y</i>	<i>y</i>	ی	Һ' һ'	<i>h̄</i>	<i>h</i>	ح
К к	<i>k</i>	<i>q</i>	ق	Ч ч	<i>ç</i>	<i>ch</i>	چ
К' к'	<i>k</i>	<i>k, kh</i>	ک	Ч' ч'	<i>ç</i>	<i>ch</i>	چ
Л л	<i>l</i>	<i>l</i>	ل	Щ щ	<i>c</i>	<i>c</i>	ج
Л л	<i>l</i>	<i>lh</i>	ل	Ш ш	<i>ş</i>	<i>sh</i>	ش
М м	<i>m</i>	<i>m</i>	م	Ь ь	<i>i</i>	<i>i, y</i>	ی
Н н	<i>n</i>	<i>n</i>	ن	Q q	<i>q</i>	<i>q</i>	ق
О о	<i>o</i>	<i>o</i>	و	W w	<i>w</i>	<i>w</i>	و

Источники: К. Курдоев, Грамматика курдского языка, М.—Л., 1957, стр. 12—13; И. М. Оранский, Введение в иранскую филологию, М., 1960, стр. 319—320.

МОРФОЛОГИЯ

Большинство северо-западных языков в целом сохранило больше флективных черт, чем юго-западные языки, не только современные, но и среднеиранского периода (например, среднеперсидский). При этом следует отметить, что некоторые бесписьменные языки малых народностей в северо-западной группе, например центральные диалекты Ирана, продвинулись на пути анализа дальше, чем такие крупные языки, как курдский или белуджский. О влиянии письменности говорить не приходится, так как даже у самого крупного

северо-западного языка — курдского — письменность имеет сравнительно недавнюю историю (за исключением спорадически появлявшихся отдельных выдающихся памятников литературы начиная с XI—XII вв.). Остальные северо-западные языки или малописьменные (белуджский, гилянский, талышский), или бесписьменные (мазандеранский, семнанский, так называемые диалекты центральной и северной полосы Ирана).

Таким образом, невозможно установить какую-либо зависимость между степенью аналитичности языка и его литературной обработки, хотя в отношении юго-западных языков существует мнение, что высокая аналитичность персидского и таджикского языков связана с их древними литературными традициями. Однако пример мелких северо-западных языков¹ опровергает представление о прямой зависимости между этими двумя факторами.

Наличие флексии характеризует имя (не во всех языках) и глагол. Так, в ряде северо-западных языков представлена отсутствовавшая уже в среднеперсидском языке категория рода (языки курдский, семнанский, ряд диалектов центрального и северо-западного Ирана), двухпадежная и трехпадежная система склонения. Вместе с тем широкое развитие получили аналитические способы выражения синтаксических отношений при помощи предлогов и послелогов.

Что касается глагольной системы, то в ней большое место занимают аналитические образования, что в принципе повторяет общую картину глагольного спряжения, возникшую уже в средний период развития западных иранских языков. Ее характеризуют: двухосновность спряжения, использование причастий и вспомогательных глаголов для образования отдельных форм времени (особенно прошедшего), аналитические способы выражения лица и числа субъекта при помощи местоимений и др.

Для словообразования характерны словопроизводство (суффиксация) и словосложение.

В формообразовании можно отметить смешение двух типов показателей: флективных (например, в курдском языке окончание косвенного падежа выражает род, определенность, число) и агглютинативных (например, показатель множественного числа существительного *-an*, как правило, не совмещает в себе других функций, хотя в ряде языков в нем ощущается окончание косвенного падежа).

В северо-западных языках служебные морфемы, как словообразовательные, так и формообразующие, стандартизованы и универсальны в том отношении, что не подразделяются на группы в зависимости от класса основ или корней, так как эти классы утрачены в процессе разложения древней флексии.

А это, в свою очередь, привело к отсутствию в современных северо-западных языках различных типов склонения и спряжения. Если и прослеживаются некоторые различия в образовании глагольных (именных) основ, то это не влияет на глагольную (именную) флексию. Все это не относится в полном объеме только к курдскому языку (курманджи), где наблюдаются некоторые различия в типе основ, а также разные виды именной флексии, внутренней и внешней, что позволяет выделить до двух (трех) типов склонения.

¹ Среди них кроме чисто аналитических есть и недавно открытые для иранистики работами Э. Яршатера диалекты под общим условным названием «*tati*» и некоторые другие, в которых богато представлена именная флексия [Yarshater I, 52—68; Yarshater II, 275—286; Yarshater III, 240—245; Yarshater IV, 65—116; Henning, 157—177; Morgenstierne II, 203—208].

Флексивных показателей как у имени, так и у глагола больше, и они разнообразнее, чем в юго-западных языках (разные окончания косвенных падежей, многообразие глагольной флексии).

Глагольные показатели в ряде северо-западных языков не достигли той степени универсальности, которая наблюдается в юго-западных языках. Наглядным примером может послужить талышский язык, в котором гласный элемент глагольного окончания варьируется в зависимости от формы времени и наклонения (так, окончание 1-го лица единственного числа имеет следующий вид: наст. вр. *-am*, буд. вр. *-et*, имперф. I *-im*, опат. *-om*, усл. накл. *-эм*, сосл. накл. *-аут*, тогда как, например, в персидском 1-е лицо единственного числа вне зависимости от времени и наклонения глагольной формы характеризуется флексией *-ām*).

Та степень размытости и стертости грани между существительным и прилагательным, а также прилагательным и наречием, как в юго-западных языках, в основной массе северо-западных языков не наблюдается. Существительные и в меньшей степени прилагательные обладают набором достаточно специфических показателей, чтобы на основе этих формальных различий можно было выделить отдельные части речи внутри группы имен. Но основная форма всех имен однородна по строению (талыш. *šo* 'радостный', *ro* 'дорога', *də* 'два').

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Категория рода в северо-западной группе сохранена только языками курдским, семнанским, а также рядом мелких бесписьменных языков, так называемых центральных диалектов Ирана и диалектов тати², материалы которых в данной работе используются лишь спорадически.

В курдском языке (курманджи) различается мужской и женский род у существительных и местоимений (в диалекте сулеймани не сохранился грамматический род). В семнанском языке категория рода обнаруживается только через согласование с глагольными формами (см. раздел «Глагол»), а также у местоимений.

Род имен существительных в курдском (курманджи) выражается в флексии косвенного падежа, а в курманджи также в показателе атрибутивной связи, изафете (о способе выражения рода через согласование с прямыми и косвенными формами указательных местоимений см. раздел «Местоимение»). Примеры: курм. ж. р. прям. пад. *xušk* 'сестра', *k'ēteb* 'книга', косв. пад. *xuške*, *k'ētebe*; м. р. прям. пад. *gānlt* 'пшеница', *agər* 'огонь', косв. пад. *genlt*, *egər*; *xuška aqıl* 'умная сестра', *k'ēteba r'ēnd* 'хорошая книга', *gānlt g'hišti* 'спелая пшеница', *ag're qayim* 'сильный огонь'

Число в северо-западных иранских языках выражается оппозицией нулевого показателя единственного числа и специального постпозитивного показателя множественного числа. (Кроме того, существуют в отдельных языках различные падежные и изафетные показатели для единственного и множественного числа (см. ниже, «Изафет и падеж»).

Показатель множественного числа агглютинативен в большинстве северо-западных языков. В нем не выражается, как правило, характерная для юго-западных иранских языков функциональная связь

² См. прим. I.

с категорией лица—нелица, но сохраняется некоторая связь с косвенным падежом. В большинстве северо-западных языков это единый показатель *-an* (указывает на лицо в юго-западных языках) с некоторыми вариациями гласного элемента: *-an//on//un* или более редким отпадением конечного *-n*: *-a//o//u*. Встречающийся в отдельных языках показатель *-ho* (выражает нелицо в юго-западных) не создает дифференциации лицо—нелицо, употребляясь тождественно показателю *-on*. Примеры: белудж. *-ān*: *jinikān* 'девушки', *daslān* 'руки', гилян. *-an//ān*: *kārəgərān* 'рабочие', *dəran* 'двери', мазанд. *-un* [иногда *-hʌ(n)*]; *perun* 'отцы', *zanhʌ(n)* 'женщины', санг. *-un*, *-ha*: *merkəinun*, *merkəinha* 'мужчины', талыш. *-on*: *kinon* 'девушки', *doon* 'деревья', кашан. *-on//ūn//i-u*, *-hol//ol-a*: *tiflon* 'дети', *sitorejūn* 'звезды', *dandūnū* 'зубы', *večəho* 'дети', *tuxmo* 'яйца', *šaħa* 'ветви'.

В белуджском, курдском и талышском языках показатель *ān//an//on* сохраняет пережиточно связь с семантикой косвенного падежа. В талышском языке это выражается в том, что имя, оформленное формантом *-on*, не может принимать окончания косвенного падежа, выступая в его функциях. Например, во фразе *əm daftaron bəda ba tən* 'дай мне эти тетради' существительное *daftaron* в функции определенного прямого дополнения не получает флексии косвенного падежа *-i*. Но в прямом падеже показатель *-on* употребляется регулярно: *kinon omedan* 'девушки идут'.

В курдском и белуджском языках связь форманта *-an* с косвенным падежом еще теснее, так как существительное принимает этот показатель только в косвенном падеже и совсем не принимает его в прямом падеже. Поэтому у существительного в прямом падеже число осмысляется только через связь с глагольной формой: белудж. *jinik āt* 'девушка пришла', но *jinik ātant* 'девушки пришли', курд. *xort hat* 'юноша пришел', но *xort hatn* 'юноши пришли'.

Таким образом, в тех языках, где существительное в прямом падеже лишено показателя множественности, частный для одних языков случай неполного согласования имени с глаголом становится основным способом выражения множественного числа существительных. Эта специфика выражения числа имени через форму глагола имеет затем дальнейшее синтаксическое применение в объектной (эргативной) конструкции предложения (см. раздел «Синтаксис»).

В гилянском языке с категорией числа имеет факультативную связь категория определенности—неопределенности. Неопределенное имя в значении множественного числа может стоять в основной форме без показателя *-an*, а определенное получает этот показатель: *bato xi čəktə dukunə*, *bids*, *čəktan-am bəbərđidi* 'пришел [он] надеть свои сапоги, увидел, [что] и сапоги [эти] уташили'.

Категория падежа в северо-западных языках демонстрирует разные степени синтеза и анализа. От достаточно богатой флексивной системы склонения в курдском языке (с наличием кроме внешней также и внутренней флексии, с несколькими типами склонения) через двух- и трехпадежные системы языков белуджского, гилянского, мазандеранского с большим удельным весом в них предложно-послеложных образований мы доходим до нуля именной флексии и полного господства аналитических предложно-послеложных конструкций в некоторых центральных диалектах.

Относительное богатство именной флексии в курдском (курманджи) происходит не от многопадежного склонения — в курдском

языке только два падежа (не считая звательного), — а за счет отражения в нем категории рода и разнообразия основ.

В курдском языке (курманджи) существуют три типа склонения. Формальным основанием для их выделения служит флексия косвенного падежа. Прямой падеж, как во всех современных иранских языках, совпадает с основной формой имени. К первому склонению относятся большинство имен женского рода, имеющих в исходе согласный или гласные *-i*, *-u*, *-o*, реже *-a*, и несколько имен мужского рода. В косвенном падеже эти имена имеют окончание *-(y)*: прям. пад. *dāvtā'r* 'тетрадь', *k'uzi* 'уголёк' — косв. пад. *dāvtā're*, *k'uziye*.

Ко второму склонению относятся большинство имен мужского рода (с корневым гласным *a*, *ā*, *ā'*) и часть имен женского рода. Это склонение характеризуется внутренней флексией косвенного падежа, которая состоит в замене корневого гласного *a*, *ā*, *ā'* гласным *e*: прям. пад. *nan* 'хлеб', *k'ānar* 'край' — косв. пад. *nen*, *k'āner*. Наконец, третье условно склонение составляют существительные (главным образом мужского рода), которые уже не изменяются по падежам: *xort* 'юноша', *sinor* 'граница'.

Во множественном числе тоже отмечаются три склонения, но существительные распределяются по ним в иной, чем в единственном числе, зависимости от исходного звука основы.

С присоединением неопределенного артикля *-(ā)k* все существительные склоняются только в зависимости от рода, различия же в основах не имеют значения, и установленные типы склонения теряют свою силу. Все имена женского рода с суффиксом неопределенности получают в косвенном падеже окончание *-e*, а имена мужского рода с суффиксом *-āk* также вне зависимости от склонения получают окончание *-i*: прям. пад. *kāčbāk* 'какая-то девушка', *xortāk* 'какой-то юноша' — косв. пад. *kāčbāke*, *xortāki*. Таким образом, вторичное окончание косвенного падежа, присоединяемое к имени существительному с суффиксом неопределенности *-āk*, более стандартизовано, чем основная флексия.

В языках гилянском, мазандеранском, талышском мы находим трехпадежную систему склонения, а в белуджском — четырехпадежную.

Во всех этих языках форма прямого падежа совпадает с основной формой имени. Один из косвенных падежей, по существующей также терминологии, — общекосвенный, имеет основной своей функцией обозначение притяжательности, т. е. совпадает по значению с так называемым родительным падежом. Кроме того, употребляется он обычно с предлогами и послелогами, а также в функции субъекта эргативной конструкции в языках, где она существует. В некоторых языках этот падеж приобрел функцию прямого дополнения (что является нормой для языков с двухпадежным склонением, например курдского). Этот падеж служит развитием родительного падежа древнеиранских языков. Но функцию с широким значением принадлежности, выполнявшуюся в древнеиранских языках родительным падежом (др.-п. *kabūjiyahyā brātā* 'брат Камбиза'), в процессе исторического развития приняли на себя в части современных северо-западных языков не одна, а две формы имени: специально атрибутивная (имеющая общий с прилагательными в атрибутивной функции показатель) и посессивная, или общекосвенная, продолжающая древнюю форму генитива. В части других северо-западных языков существует лишь одна падежная форма име-

ни с общим значением качественного и посессивного определения.

В талышском языке мы находим две косвенные формы имени, одну собственно атрибутивную на *-a*, а другую посессивную на *-i*, которая сочетается с предлогами и послелогами, выступает в функции субъекта эргативной конструкции и, кроме того, приобрела вторичную функцию прямого дополнения: *mora lona* 'зменная нора', но *mori lona* 'нора змеи', а также *mori bəkbəšt* 'убей змею', *mori av-əš ža-še* 'змея его укусила', *mori-ku eše* 'спустился к змее'.

Очень близко положение с этими двумя падежами в мазандеранском языке при наличии некоторого фонетического видоизменения их показателей: *-ə* характеризует качественное определение, *-e* — посессивное. Кроме того, форма с *-e*, как и талышская форма на *-i*, используется с предлогами и послелогами. Примеры: *arbobe pəsər* 'помещичий сын', *arbobe pəsər* 'сын помещика', *bazare jə bārəssiə* '[он] послал в город'. Но в отличие от талышского языка падежная форма на *-e* не выполняет функции прямого дополнения, которая закрепились в мазандеранском языке за специальной объектной формой с показателем *-rə/-ə* (см. ниже). Также нет в мазандеранском языке эргативной конструкции.

Но уже в гилянском и белуджском языках существует только одна форма имени существительного для выражения и качественного и принадлежности определения. В гилянском языке эта форма имеет показатель *-ə*, в белуджском — *-ay/-i* (западные диалекты), *-e* (восточные диалекты): гилян. *pəra xānə* 'отцовский дом' и 'дом отца', белудж. *māsāy sarāg* 'голова матери' и 'материнская голова'. В обоих языках эта форма широко используется в предложно-последложных конструкциях, но, как и в мазандеранском, не выполняет функции прямого дополнения. Не употребляется она также в функции субъекта эргативной конструкции в восточном диалекте белуджского языка, где есть эргативная конструкция, отсутствующая в его западном диалекте и в гилянском языке.

Все северо-западные языки, кроме курдского, объединяет и такая общая черта, как препозитивное положение имени в форме падежа с посессивной или атрибутивной функцией перед определяемым именем.

Гилянский, белуджский, мазандеранский и семнанский языки сближает между собой в отличие от курдского и талышского языков отсутствие у падежей с атрибутивно-посессивным значением функции прямого дополнения и соответственно наличие специальной падежной формы для выражения прямого определенного дополнения. Фонетическое разнообразие этого падежа по языкам (белудж. *-ā/-rā*, гилян. *-a*, мазанд. *rə/-ə*) не скрывает общности его происхождения от послелога *-ra* (др.-п. *radīy*)³. Во всех трех языках этот падеж выступает в двух функциях: прямого (определенного) дополнения и косвенного дополнения. Примеры: белудж. *siṅā zurti* '[он] взял камень'; *gušti wati brāsā* '[он] сказал своему брату'; гилян. *nə pəra bideṁ nə māra* '[я] ни отца не увидел, ни матери'; *āftāba ge* '[она] говорит солнцу'; мазанд. *mən untə kəltəbre še zanrə* (//zanne) *hedəmə* 'Я эту книгу отдал своей жене'.

³ Существует мнение, что этот показатель в белуджском языке кумулирует в себе окончание, происходящее от древнего аблатива, и послелог *-rā* [Соколов, 64—65]. Б. В. Миллер талышское *-o* возводит к древнему аблативу основ *-a*, *-āt* [Миллер, 75].

В курдском языке качество *-r'a* как послелога не стерлось, и это не дает основания говорить о падежной форме.

В талышском языке этот послелог, сохранившийся в основном только как гласный *-o* (редко *-ro*), может рассматриваться уже как падежный показатель. Последним препятствием к этому служат немногочисленные примеры, где *-o* присоединяется не к прямой, а к косвенной форме на *-i*: *ba ālafī-o šedam* 'я иду за травой'.

Курдский и талышский языки до некоторой степени сходятся и в значении этих форм, выражающих в обоих языках косвенное дополнение, но не прямое (курд. *āwi baver'a got* 'он сказал отцу', талыш. *ba pia ženi-o do-še* 'дал старухе'). Этот факт, очевидно, связан с закреплением в этих двух языках за исторической формой родительного падежа функции прямого дополнения.

Особняком среди северо-западных языков в отношении показателя объектного падежа стоит один из диалектов семнанской группы — сангисари. В нем флексией прямого определенного дополнения выступает *-de//d*: санг. *æšbed ma bedl* 'Я видел собаку'.

В семнанском показатель косвенного падежа *-i*: *bari dabast* 'закрой дверь'.

Заслуживает внимания, какая падежная форма используется для субъекта эргативной конструкции в северо-западных языках, обладающих ею (белуджский, курдский, семнанский, талышский). В языках курдском, семнанском, талышском для субъекта эргативной конструкции используется падежная форма, имеющая в числе своих функций посессивную и восходящая к древнему родительному падежу. В белуджском же языке падежом субъекта эргативной конструкции неожиданно оказывается не посессивный (исторически родительный), а предложный падеж, который в западных диалектах этого языка в единственном числе совпадает с объектным падежом по форме (общий показатель *-ā*). Субъектная функция белуджского предложного падежа в эргативной конструкции служит дополнительным аргументом в пользу проведения дифференциации формы единственного числа с окончанием *-ā* на два падежа: объектный и предложный. Ибо падежные формы с флексией *-ā*, восходящие к послеложному сочетанию, не могли бы приобрести функцию субъекта эргативной конструкции. Кроме того (и это служит основным аргументом), омонимии двух падежей в единственном числе противостоят два различных падежных показателя во множественном числе (для предложного падежа *-ān*, для объектного — *-āna//ān-rā*). Наконец, в восточных диалектах белуджского языка мы имеем два разных падежных показателя и в единственном числе: в объектном падеже *-ar(ā)*, в предложном — *-ā*.

Таким образом, если есть основания (и фонетические, и семантические) рассматривать форму на *-ā* как пережиток древнего аблатива, то, возможно, этот исторический процесс шел через слияние форм аблатива с генитивом или, точнее, кумулирование аблативом функции генитива. И современные показатели *-ā* (ед. ч.), *-ān* (мн. ч.) совместили в себе показатели и функции обоих падежей.

Для выражения категории определенности — неопределенности в северо-западных иранских языках мы не находим строго выработанной и единообразной системы артикля. Напротив, картина довольно пестрая: агглютинативный постпозитивный суффикс неопределенности (курдский, белуджский, гилянский, семнанский), чисто аналитический способ выражения неопределенности при помощи числительного «один», а также в сочетании с нумеративом (талыш-

ский язык) и поочередное или комбинаторное употребление этих двух способов (белуджский, гилянский, семнанский), аналитический способ выражения определенности при помощи указательного местоимения (гилянский, талышский), а неопределенности при помощи неопределенного местоимения (курдский и др.) и, наконец, синтаксический способ управления, когда только определенное прямое дополнение ставится в косвенном падеже, а неопределенное прямое дополнение — в прямом (во всех современных иранских языках, сохранивших косвенный падеж, а в языках, утративших флексию, мы находим с определенным именем послелог прямого дополнения, а неопределенное имя стоит без послелога).

В качестве агглютинативного постпозитивного суффикса неопределенности выступает безударный гласный: белудж. *-ē* (*jīnīke* 'какая-то девушка'), гилян. *-i* (*jāi* 'какое-то место'), в семн. *-i* (санг. *merkālni boya* 'был один человек'). Показатель неопределенности в гилянском языке в атрибутивном изафетном сочетании перемещается к последнему определению: *šahrē kučiki* 'какой-то маленький город'.

Упомянутые показатели имеют недифференцированное значение неопределенности — единичности и поэтому не употребляются во множественном числе. Все они родственны показателю единичности в персидском языке *-i* и восходят к древнеиранскому числительному **aiwa* 'один'.

Во всех перечисленных языках, где суффикс неопределенности соответствует персидскому *i*, возможны случаи, когда при этом показателе для усиления значения неопределенности используется и числительное *yak* 'один': белудж. *yak daṭāne* 'один какой-то крестьянин'.

В курдском языке в качестве показателя неопределенности — единичности выступает суффикс *-(ā)k*, по происхождению связанный с числительным *yāk* 'один'.

В отличие от показателя в гилянском языке курдский суффикс *-(ā)k* неотделим от существительного-определяемого и в изафетном сочетании: *p'alāki ur'bs* 'какой-то русский рабочий'.

Неопределенность существительного в курдском языке выражается и во множественном числе: при помощи местоимения *hēlā* 'некоторые' или происходящего от него изафетного показателя *-nā*: *hēlā hāval* 'некоторые товарищи', *mārinā t'āzā* 'какие-то новые люди'.

В талышском языке употребление суффикса *-i* почти вытеснено аналитическим способом выражения неопределенности — единичности при помощи широко употребляемого артикля *gyla(y)igla*, представляющего собой сложение числительного *i(g)* 'один' и нумератива *-la*: *gylau zua* 'какой-то мальчик'.

Аналогичный способ выражения неопределенности употребителен, но в меньшем масштабе в гилянском: при помощи числительного *-i* иногда в сочетании с нумеративом *-la*: *i nāfār* 'какой-то человек', *lta duxtār* 'какая-то девушка'.

В талышском и гилянском языках, в которых широко используется аналитический неопределенный артикль (происходящий от числительного «один»), сильна также тенденция к переосмыслению указательных местоимений в качестве определенного артикля с утратой ими в некоторой степени самостоятельного значения. В гилянском предпочтение отдается указательному местоимению *a* 'этот' (редко *u* 'тот'), в талышском языке — указательному местоимению *a*

'тот' (реже *эт* 'этот'). Таким образом, в этих двух языках обнаруживается тенденция к установлению системы артикля в виде оппозиции двух членов — неопределенного и определенного.

Однако в талышском языке, где артикль *ǧlay* имеет универсальный характер, употребление имени без всякого артикля является одним из способов выражения его определенности при наличии соответствующего контекста, его определяющего. Вместе с тем возможны случаи, когда имя существительное без артикля употребляется в неопределенном значении, что также связано с контекстом: талыш. *odam bəšū, katto būa* 'Пусть какой-нибудь человек пойдет, старосту приведет' (*odam* имеет неопределенное значение, *katto* — определенное).

Наконец, оформление имени существительного в функции определенного прямого дополнения показателем косвенного падежа в отличие от прямого падежа неопределенного прямого дополнения имеет общеперсидский характер. Исключение составляют из флективных языков, очевидно, только курдский язык, где имя с неопределенным суффиксом получает флексию косвенного падежа, и те новоиранские языки, где полностью изжита падежная флексия (персидский и другие юго-западные языки, а из северо-западных некоторые центральные диалекты). В этих языках определенное прямое дополнение получает специальный послелог, а неопределенное остается в основной форме без послелога. Примеры: белудж. *singā zurti* '[он] взял камень (определенный)', но *jinik āp āurt* 'Девушка принесла воды'; талыш. *olat nūšon bəda* 'Покажи платье (неопределенное)', но *kapoti bəda ba m̌* 'Дай мне [это] платье'; мазанд. *m̌n unto ketobř še zanř ȟdom̌* 'Я эту книгу отдал своей жене', но *m̌n ďtto v̌rg bazum̌* 'Я убил двух [каких-то] волков'.

Для северо-западных иранских языков в целом характерно отсутствие у имени существительного грамматических способов различения лица — неллица. Очевидно, наличие этой грамматической категории в современных иранских языках связано с развитыми литературными традициями. Во всяком случае, в юго-западной группе такие крупные литературные языки, как персидский и таджикский, сохраняют эту категорию в специальных постпозитивных показателях множественного числа: *-ān/-on* для лиц, *-ha/-ho* для неллиц, тогда как нелитературные формы утратили это различие.

В большинстве северо-западных языков существует только один показатель множественности *-ān/-on* (белуджский, гилянский, мазандеранский, талышский), а там, где параллельно имеется и *-ha* (семнанский, центральные диалекты), оба показателя употребляются без регулярного различия лица и неллица.

Изафетный тип определенных словосочетаний, представляющий собой постпозицию определения и наличие у определяемого особого морфологического элемента — изафета, существует не во всех северо-западных языках. К «безызафетным» языкам относятся белуджский, мазандеранский, талышский. В тех северо-западных языках, где есть изафет, он, как правило, сосуществует с иным способом определительной связи, который состоит в препозиции определения и наличии у него связочного элемента (языки гилянский, семнанский, центральные диалекты). Исключение составляет курдский язык, где мы находим только изафетный тип определительных сочетаний, осложненный связью с категорией рода, числа и неопределенности.

В отличие от унифицированного изафета (по типу персидского),

например, в гиланском языке с единым изафетным показателем *-(u)ə*, в курдском языке (курманджи) насчитывается пять таких показателей, которые дифференцируются по роду, числу и определенности имен существительных. Порядок следования членов обычен для изафетной конструкции: определяемое, оформленное изафетом, за ним следуют определения одно за другим, сначала качественные, затем принадлежности, и все они, за исключением последнего, принимают изафетные показатели, в которых выражаются род, число и определенность или неопределенность существительного-определяемого. Например: *mala šagərte r'ənde bave* 'дом хорошего ученика отца', в слове *mala* изафет *-a* указывает на женский род, в слове *šagərte* изафет *-e* — на мужской род, как и изафет *-e* качественного определения, прилагательного *r'ənde*, определение по принадлежности, выраженное существительным *bave*, имеет окончание косвенного падежа *-e*.

Во множественном числе вне зависимости от рода определяемого выступает единый показатель *-ed*: *kāvbered māzən* 'большие камни'. Если в качестве определяемого выступает имя существительное с суффиксом неопределенности *-(ā)k*, то используются иные изафетные показатели: имя женского рода получает изафет *-ā*, имя мужского рода — изафет *-i*: *k'ətebākā r'ənd* 'хорошая книга', *periki māzən* 'большой козел'.

Словообразование имен существительных лишено оригинальных черт, основные способы, так же как и в юго-западных языках, — словосложение и аффиксация.

В словосложении наблюдается копулятивное и детерминативное сочетание слагаемых слов. В качестве слагаемых используются имена существительные в основной и косвенной форме (в тех языках, где она есть), прилагательные, а также глагольные основы настоящего и прошедшего времени и некоторые спрягаемые и неспрягаемые глагольные формы. Таковы примеры на детерминативные сложные слова: гилан. *gulbāṭ* 'цветник' (первое сущ. *gul* 'цветок' определяет второе *bāṭ* 'сад'); *xātirxā* 'поклонник' (от *xatir* 'память' + *xā* — основы наст. вр. глагола *xāstan* 'хотеть'); белудж. *buttakaš* 'дровосек' (от *butta* 'куст' + *kaš* — основы наст. вр. глагола *kaštin* 'тянуть').

Копулятивные составные слова употребляются как со вставными связками, так и без них: в гиланском *paxtəpəz* 'варка пищи' (связка *-ə* соединяет основу прош. вр. *paxt* и основу наст. вр. *pəz* глагола *paxtan* 'варить'); *bəzən-bukub* 'избиение' (*bəzən* повелит. накл. глагола *zeen* 'бить' и *bukub* — повелит. накл. глагола *kobəstan* 'бить').

Для словопроизводства в северо-западных языках более характерна суффиксация, чем префиксация. Многие суффиксы являются общими для большинства северо-западных языков: *-i*, *-(a)von/-van*, *-ston/-stan*, *-gär/-ga*, *či* и др. Единичные суффиксы свойственны лишь одному или двум языкам: в талыш. *-tun*, образующий имена с абстрактным значением (*ziemtun* 'жизнь'), в белудж. *-išt*, образующий имена действия от глагольных основ настоящего времени (*rawišt* 'хождение' от основы *raw-* глагола *raftin* 'идти'), в курд. *-(b)ng*, образующий уменьшительные имена (*gāḍāng* 'парнишка' от *gāḍā* 'парень'), или *-wi* (*r'ewi* 'путник' от *r'e* 'дорога') и др.

Имя прилагательное в северо-западных языках значительно беднее по своему морфологическому оформлению, чем имя существительное. Совпадая с существительным в своей основной форме, что служит формальным основанием для объединения их в единую группу имени, прилагательное в отличие от существительного лишено таких грамматических категорий, как падеж, число, неопределенность и определенность, а также род в тех языках, где он имеется. Однако в курдском языке (курманджи) прилагательное, находясь в изафетной цепи из двух и более определений, приобретает изафетный показатель, в котором отражается род определяемого имени: *k'yleba r'ındä kört* 'хорошая короткая книга' (изафет -ä в слове *r'ındä* 'хорошая' указывает на ж. р.), *şagırte r'ındi mluk* 'хороший спокойный ученик' (изафет -i в слове *r'ındi* указывает на м. р.).

Но если прилагательное субстантивизируется (что сравнительно легко происходит в северо-западных языках), то оно получает все категории существительного вместе с их показателями: белудж. *spētēnēra āurtum* 'я привел белую' (*spētēnēra* имеет показатель объект. пад. -ra), талыш. *bihayon mândin* 'бесстыжие остались' (в слове *bihayon* показатель мн. ч. -on).

В соответствии со своими двумя основными функциями, атрибутивной и предикативной, прилагательное в некоторых из северо-западных языков имеет две формы: атрибутивную и предикативную.

Языки, где существует препозиция определения, мы делим на две группы по признаку наличия или отсутствия у прилагательного в атрибутивной функции особого гласного показателя -a (или -ə). К первой группе относятся языки гилянский (гласный -ə), мазандеранский (гласный -e) и талышский (гласный -a), ко второй — белуджский и семнанский, не имеющие специального показателя. Таким образом, в одной группе языков атрибутивная форма прилагательного характеризуется гласным -ə/-e или -a: гилян. *râstā gəb* 'правдивое слово', мазанд. *xôrə kītəb* 'хорошая книга', талыш. *xosa kina* 'милая девушка'. Во всех этих языках возможно и простое примыкание прилагательного к существительному, что регулярно наблюдается у прилагательных с гласным исходом. В языках же белуджском и семнанском мы имеем только чистую препозицию имени без специального показателя: белудж. *spētēn asp* 'белая лошадь', семн. *turkī uşturdar* 'турецкий владелец верблюдов'. Вместе с тем в белуджском языке в качестве атрибутивного показателя осознается словообразующий суффикс прилагательных -ēn, так как прилагательное с этим суффиксом выступает только в атрибутивной функции. В качестве предиката оно употребляется только в форме чистой основы (как и во всех остальных северо-западных языках): *ē asp spēt int* 'эта лошадь белая', но *spētēn asp* 'белая лошадь'.

Степени качества в северо-западных языках образуются с обладанием описательных способов их выражения даже в тех языках, где сохранились суффиксы степеней сравнения. Почти ни в одном из северо-западных языков мы уже не находим суффикса превосходной степени -tārin (имеется он как будто только в семнанском, в чем можно видеть влияние персидского языка). В талышском языке утрачен и суффикс сравнительной степени -tar, поэтому в нем возможны только чисто описательные способы выражения степеней сравнения: качественное прилагательное стоит в форме

основы, а слово, с которым проводится сравнение, оформляется послелогамн со значением исхода *-(a)da, -ku*: *av a zua-ku (zua-da) uol-e* 'он старше того мальчика'. Для образования превосходной степени используются усилительные слова типа *lâp, xayli* 'очень' или определительное местоимение со значением 'все': *av lâp êoka odam-e* 'он прекраснейший человек' или *av hama odamônku êok-e* 'он лучше всех людей'.

Подобные описательные способы образования степеней сравнения существуют и в языках, сохранивших суффикс сравнительной степени: курд. *âw žb tû bûdâwtêr-e* 'он красивее тебя', *kâvêre lapî mîzên* 'самый большой камень' (превосходная степень выражается усиленным словом *lap*, включенным в изафетное сочетание) или *âw žb gbška r'ndtêr dîxâbtê* 'он работает лучше всех'; также в гилан. *a ma^dân hamâu ma^dânân-ja buzurgtêr-ê* 'эта шахта больше всех шахт'.

Словообразование в северо-западных языках в принципе является общеименным, но у прилагательных представлено беднее, чем у существительных, и с абсолютным преобладанием в словосложении детерминативного типа над копулятивным. Компонентами сложных слов выступают существительные, глагольные основы. В детерминативных составных словах в качестве определительного компонента употребляются прилагательные, числительные, глагольные причастия. Примеры (детерминативные сложения): гилан. *pâkdil* 'чисто-сердечный' (от *pâk* 'чистый' + *dil* 'сердце'), *dudil* 'неуверенный' (от *du* 'два' + *dil* 'сердце'), курд. *merxas* 'мужественный', 'герой' (от *mer* 'мужчина' + *xas* 'хороший'), талыш. *žrba* 'погибший' (от *žr* 'гибель' + *ba* — причастие прош. вр. от глагола *be* 'быть', 'стать').

Наиболее распространены суффиксы прилагательных *-i(-î)* и *-in(-ên)*. В том языке, где один из них продуктивен, второй бывает малопродуктивен. В курдском языке продуктивен *-i* и малопродуктивен *-in*. В белуджском (и талышском), наоборот, продуктивен *-ên* (талыш. *-in*) и малопродуктивен *-î* (талыш. *-i*): курд. *kôrmanji* 'курдский' (от *kôrmanj* 'курд'), *zer'en* 'золотой' (от *zer* 'золото'), белудж. *êolên* 'пустынный' (от *êol* 'пустыня'), *brinjî* 'медный' (от *brinj* 'медь'), талыш. *êrkin* 'грязный' (от *êrk* 'грязь').

В словопроизводстве кроме суффиксации значительное распространение имеет префиксация. Широко употребительны префиксы: *ba//bâ* (указывает на наличие качества), *be'bi* (отсутствие качества), *na//no* (отрицание): талыш. *beko* 'безработный' (от *ko* 'работа'), *bazû* 'насиленный' (от *zû* 'сила'), *nodinj* 'неспокойный' (от *dinj* 'спокойствие').

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Числительные в северо-западных языках имеют общеперсидский характер и в своей современной форме мало отличаются от персидских (за редкими исключениями). Их отличия объясняются фонетическими закономерностями отдельных языков (табл. 5).

В приведенной таблице (табл. 5) особо следует выделить формы числительного «двадцать»: белудж. *gîst*, семн. *vîst*, талыш. *vis*, начальные *v-* и *g-* которых восходят к др.-ир. **v-* (ср. ав. *visaiti* 'двадцать'), что является характерной фонетической чертой северо-западных языков. Интересна семнанская форма *heirâ* 'три', которая представляет собой старое северо-западное слово, не сохранившееся в остальных приводимых языках, так же как и семн. *das* 'десять'.

Количественные числительные

	Белуджский (западные диалекты)	Гилянский	Курдский (курманджи)	Семнанский	Талышский
1	<i>yak</i>	<i>i, yək</i>	<i>yāk</i>	<i>yākū</i>	<i>i</i>
2	<i>du</i>	<i>dō</i>	<i>dō, dōdō</i>	<i>dū</i>	<i>də</i>
3	<i>say</i>	<i>sə</i>	<i>se, səse</i>	<i>sə, heirā</i>	<i>se</i>
4	<i>čar</i>	<i>čəhār</i>	<i>čar</i>	<i>čār</i>	<i>čo</i>
5	<i>panč</i>	<i>pənʃ</i>	<i>penʃ</i>	<i>panʃ</i>	<i>penʃ</i>
6	<i>šaš</i>	<i>šiš</i>	<i>šāš</i>	<i>šaš</i>	<i>šaš</i>
7	<i>apt</i>	<i>haf(t)</i>	<i>hāvət</i>	<i>haft</i>	<i>hāft</i>
8	<i>ašt</i>	<i>hašt(t)</i>	<i>hāyšt</i>	<i>hašt</i>	<i>hašt</i>
9	<i>no</i>	<i>noh</i>	<i>nāh</i>	<i>na</i>	<i>nav</i>
10	<i>dā</i>	<i>dah</i>	<i>dāh</i>	<i>das</i>	<i>dā</i>
11	<i>yāzda</i>	<i>yazdə</i>	<i>yanzdāh</i>	—	<i>yonza</i>
14	<i>čārdā</i>	<i>čəhārdə</i>	<i>čardāh</i>		<i>čorda</i>
20	<i>gīst</i>	<i>bīst</i>	<i>bīst</i>	<i>vīst</i>	<i>vis</i>
30	<i>sī</i>	<i>sī</i>	<i>sī</i>		<i>sī</i>
40	<i>čīl</i>	<i>čehel, čəl</i>	<i>čöl</i>		<i>čöl</i>
50	<i>panʃā</i>	<i>pənʃa</i>	<i>penʃi</i>		<i>penʃo</i>
60	<i>šašt</i>	<i>šašt</i>	<i>šest</i>		
90		<i>nəvəd</i>	<i>nod</i>	<i>navæy</i>	<i>nava</i>
100	<i>sad</i>	<i>səd</i>	<i>sād</i>	<i>sæy</i>	<i>sā(d)</i>
200	<i>dosad</i>	<i>dōsəd</i>	<i>dōsəd</i>	<i>dovīst, do sæy</i>	<i>də sā</i>
300	<i>sesad</i>	<i>sesəd</i>	<i>sesəd</i>	<i>sə, sæy</i>	<i>se sā</i>
1000	<i>azār</i>	<i>həzar</i>	<i>hāzar</i>		<i>hazo</i>

Среди других своеобразных черт можно отметить отпадение конечного *-k* в талыш. *i* 'один', конечного *-r* в талыш. *čo* 'четыре', конечного *-d* в семн. *sæy*, талыш. *sa* 'сто', семн. *navæy*, талыш. *nava* 'девяносто', наращение вставного *-n-* в курд. *yanzdā*, талыш. *yonza* 'одиннадцать', отпадение начального *h* в белудж. *apt* 'семь', *ašt* 'восемь'; замена нижефарингального *h* верхнефарингальным *ħ* в курд. *hāvət*, *hāyšt* и другие особенности, вызванные фонетическими закономерностями данных языков.

Оригинальной чертой восточных диалектов белуджского языка является двадцатичный способ счета: *sai gīst* 'шестьдесят' (букв. 'три [по] двадцать'), *sai gīst-u-dah* 'семьдесят' (букв. 'три [по] двадцать и десять'). В талышском языке своеобразен второй способ образования числительных от одиннадцати до девятнадцати (представляющих, возможно, кальку с азербайджанского); *da və i* 'одиннадцать' (букв. 'десять и один').

Составные числительные соединяются сочинительными союзами: белудж. *gīst-u-yak* 'двадцать один', гилян. *bīst-u-panʃ* 'двадцать пять' и др.

С существительными числительные обычно ставятся в основной форме, а существительное следует за ними также в форме основы: белудж. *čīl xarwār* 'сорок ослиных вьюков', курд. *bīst kon* 'двадцать шатров', талыш. *də sor* 'два года'.

Употребляясь самостоятельно, числительные могут получать показатели имен: белудж. *dūwā š-ešan pakkitan* 'два из них сварили' (*dūwā* в объектн. пад.).

Нумеративы носят почти обязательный характер в талышском языке, употребляемы также в гилянском, курдском, малообязательны в белуджском, не имеющем специальных нумеративов; в мазанде-

ранском при счете до десяти обязательны нумератив *ta*, в семнанском нумеративы не отмечены.

В талышском языке широко распространен нумератив *gəla(y)*: *dəgla sef* 'два яблока', *həft gəla merd* 'семь человек'. С ним конкурирует при счете людей нумератив *kas* 'человек': *se kas žen* 'три женщины'.

В гилянском наиболее универсален нумератив *-ta*, при счете людей употребляется также нумератив *nəfər* 'человек'.

В курдском языке в качестве нумеративов употребляются слова *jot* 'пара', *nəfər* 'человек', *sər* 'голова' и др.

Порядковые числительные образуются от количественных при помощи суффиксов, различающихся по языкам: белудж. *-um+i*, а также (в западных диалектах) *+ən* в атрибутивной форме (*sayumī* или *sayumīən* 'третий' от *say* 'три'); курд. (курм.) *-a*, для числительного 'один' *-e* (*yəke* 'первый', *čara* 'четвертый'), талыш. *-minji*, в котором можно выделить иранский элемент *-m* и наращенный на него турецкий суффикс *-inji* (*dəminji* 'второй' от *də* 'два').

В этих трех языках порядковые числительные сочетаются с существительными по общему правилу определительных сочетаний, свойственному данному языку. В белуджском и талышском языках порядковые числительные предшествуют имени, но в талышском не принимают атрибутивного показателя, а в белуджском в западных диалектах принимают показатель *-ən*: талыш. *dəminji sor* 'второй год', белудж. *dumīen* 'второй'.

В курдском языке порядковые числительные определяют имя по типу изафетной связи: *r'ozə čara* 'четвертый день', а употребляемые самостоятельно снабжаются относительным местоимением *ye* 'который': *ye čara* 'четвертый'.

В гилянском, мазандеранском и семнанском порядковые числительные не отмечены⁴.

Разделительные числительные образуются по общему правилу повтора количественного числительного иногда в сочетании с нумеративом: белудж. *yak-yak* 'по одному', курд. *sêse-sêse* 'по три', талыш. *də-də* (чаще с нумеративом *dəgla-dəgla*) 'по два' и др.

Для образования дробных числительных в разных языках применяются разные приемы: в белуджском это сочетание по способу примыкания двух количественных числительных, из которых первое служит знаменателем, второе числителем (восточные диалекты): *čār-say* 'три четвертых'; в талышском при аналогичной позиции количественных числительных к первому из них в роли знаменателя прибавляется послелог *-ada* с отложительным значением: *čə-ada se* 'три четвертых'; в курдском языке числитель, выраженный количественным числительным, предшествует знаменателю, в роли которого выступает особая форма числительного с суффиксом *-ani*: *sêse penjani* 'три пятых'.

МЕСТОИМЕННЯ

Местоимения в северо-западных языках делятся по значению и морфологическим свойствам на следующие разряды: личные, указательные, вопросительные, определительные, неопределенные и др.

⁴ В мазандеранском и семнанском вообще не отмечены иные числительные, кроме количественных; в гилянском вместе с порядковыми не отмечены также дробные.

Личным местоимениям присуще наибольшее количество грамматических категорий: лицо, число, падеж, а в курдском и семнанском языке — отчасти род.

Остальные местоименные разряды либо имеют одну, много две, грамматические категории (лицо, число у притяжательных местоимений талышского языка, лицо—нелицо у вопросительных местоимений всех языков, падеж у вопросительных местоимений белуджского и курдского языков), либо не имеют ни одной грамматической категории (у неопределенных, определительных, вопросительных местоимений, местоимений признака и др.).

Для личных местоимений одной из самых характерных, восходящих к древности, черт является ныне сохранившаяся не во всех северо-западных языках супплетивность оригинальных падежных форм, не согласованных с падежными формами существительных, а также лучше сохранившаяся супплетивность форм множественного числа.

Если взять для примера талышский язык, то в нем ряд местоименных форм продолжает следующие древние формы: *āz* 'я' восходит к др.-ир. местоимению 1-го л. ед. ч. им. пад., ср. ав. *azəm*; *ama* 'мы' — к др.-ир. местоимению родительного падежа множественного числа *ahmakam*; в местоимении *tə* 'ты' слились, очевидно, древняя прямая форма *tuvāt* и косвенная *tava*; *šma* 'вы' восходит к др.-ир. местоимению родительного падежа, ср. ав. *uīšmā-kəm*. Таким образом, прямые формы талышских местоимений восходят к древним как прямым (1-е л. и отчасти 2-е л. ед. ч.), так и косвенным формам (1-е и 2-е л. мн. ч.), и супплетивность современных местоимений имеет истоком супплетивность древних местоименных форм. Из косвенных форм талышских местоимений непосредственно продолжает древнюю форму лишь местоимение 1-го л. ед. ч. *mə* < др.-ир. **mana* (род. пад.). Остальные косвенные формы талышских местоимений вторичного происхождения и построены по образцу именного склонения: *məni* 'меня', *təni* 'тебя' и т. д.

Супплетивные падежные формы ныне утрачены языками белуджским, гилянским, мазандеранским и юго-восточными диалектами курдского языка (группа сулеймани-мукри). При этом утрата происходила за счет исторически прямой формы, заменяемой исторически косвенной формой (род. пад.).

Этот процесс не привел в большинстве северо-западных языков к полной утрате местоименного склонения, так как развились вторичные падежные формы, построенные уже по образцу именного склонения. Эти общие свойства личных местоимений конкретизируются по языкам с некоторыми расхождениями, что видно из таблиц (табл. 6 и 7).

Таким образом, семнанский и талышский языки развили вторичную флексию косвенного падежа: в талышском мы находим во второй косвенной форме показатель именного общекосвенного падежа *-i* (с восстановлением исторического *-n-* в *məni* и наращением по аналогии *-n-* в *təni*, *aməni*, *šməni*), в семнанском вторая косвенная форма образовалась при помощи послелога *-ra*. Курдский (курманджи) в отличие от семнанского и талышского не развил вторичной косвенной флексии. Индивидуальной особенностью курманджи являются супплетивные формы местоимений 2-го лица единственного и множественного числа *hön:wä*, из которых *hön*, возможно, происходит из указательного местоимения, а *wä*, должно быть, восходит к др.-ир. энклитическому местоимению, ср. ав. *vā*.

Группа языков, не утративших супплетивных надежных форм местоимений

Лицо	Язык	Прямые формы		Косвенные формы	
		единственное число	множественное число	единственное число	множественное число
1-е	курманджи семнанский талышский	<i>āz</i> <i>a</i> <i>āz</i>	<i>ām</i> <i>hamā</i> <i>ama</i>	<i>m̄n</i> <i>mi; m̄ra</i> <i>m̄, m̄ni</i>	<i>mā</i> <i>hama, hamara</i> <i>ama, amani</i>
2-е	курманджи семнанский талышский	<i>tō</i> <i>lu</i> <i>l̄</i>	<i>hōn</i> <i>šamā</i> <i>šama</i>	<i>tā</i> <i>ta; tara</i> <i>l̄, l̄ni</i>	<i>wā</i> <i>šamā, šamāra</i> <i>šama, šamani</i>

Таблица 7

Группа языков, утративших супплетивные формы местоимений

Лицо	Язык	Единственное число		
		Прямая форма	Объектная форма	Притяжательная форма
1-е	Белуджский Гилянский Мазандеранский Мукри*	<i>man</i> <i>mān</i> <i>mēn</i> <i>am̄n</i>	<i>manā, manārā</i> <i>m̄ra</i> <i>m̄re</i> <i>m̄n</i>	<i>m(a)nī</i> <i>mī</i> <i>me</i> —
2-е	Белуджский Гилянский Мазандеранский Мукри	<i>ta, tau</i> <i>tu</i> <i>t̄</i> <i>atōjū</i>	<i>t(a)rā, tarārā</i> <i>t̄ra</i> <i>t̄re</i> <i>(a)tōju</i>	<i>taī, taī, tī</i> <i>tī</i> <i>t̄</i> —
		Множественное число		
1-е	Белуджский Гилянский Мазандеранский Мукри	<i>ma</i> <i>ama</i> <i>am̄</i> <i>ama</i>	<i>amārā, mārā</i> <i>amara</i> <i>am̄re</i> <i>(a)ma</i>	<i>amaī, amay, maī</i> <i>amī</i> <i>ame</i> —
2-е	Белуджский Гилянский Мазандеранский Мукри	<i>š(u)mā</i> <i>šuma</i> <i>š̄m̄</i> <i>angō</i>	<i>š(u)mārā</i> <i>šumara</i> <i>š̄m̄re</i> <i>(a)ngo</i>	<i>šumaī, šmav</i> <i>š̄mī</i> <i>š̄me</i> —

* Из центральных диалектов курдского языка судеймани полностью утратил косвенную форму, не развив новой, поэтому в таблице приводятся только формы мукри. Однако наличие косвенной формы и в мукри ставится под сомнение [Эйюби—Смирн., 44].

В данной группе языков белуджский, гиланский и мазандеранский развили две вторичные косвенные формы — объектную и притяжательную, а курдский диалект мукри лишь одну — объектную.

Что касается местоимений 3-го лица, то в их качестве в северо-западных языках выступают указательные местоимения, так как в большинстве этих языков не произошло достаточно четкого обособления этих двух рядов местоимений, как в юго-западных языках. Таким образом, северо-западные языки лучше сохранили особенность древних иранских языков, не знавших специальных форм местоимений 3-го лица, но имевших лишь указательные местоимения. Исключение составляет, возможно, только мазандеранский язык, в котором это обособление состоялось: *we* 'он', *in* 'этот', *un* 'тот', а частично и другие языки (см. ниже).

В остальных северо-западных языках представлены следующие местоимения 3-го лица (они же указательные); в них, как правило, сохранилось противопоставление форм в зависимости от указания на близкий или отдаленный предмет: белудж. *e*, *eš*⁵ 'он', 'этот', *a*, *al* 'он', 'тот'; гилан. *al* 'он', 'этот', *un* 'он', 'тот'; курд. (курм.) *aw* 'он', 'тот', *av* [он], 'этот', семн. *uun* 'этот', *u*⁵ 'он', *no* 'он', 'тот', талыш. *a* 'тот', *av* 'он'⁵, *et* 'он', 'этот'.

В указательно-атрибутивной функции эти местоимения, как правило, не склоняются. Субстантивируясь, они изменяются согласно общему именному склонению данного языка. Их бóльшая близость к именам, чем у местоимений 1-го и 2-го лица, подтверждается образованием множественного числа посредством общего с именами суффикса множественного числа: белудж. ед. ч. *eš* — мн. ч. *ešān*, курд. *aw*—*awān(a)*, талыш. *av*—*avon* и т. д.

Таблица 8

Склонение местоимений 3-го лица

Язык	Единственное число		Множественное число	
	прямая форма	косвенная форма	прямая форма	косвенная форма
Курдский (курманджи)	<i>aw</i> , <i>av</i>	м. р. (<i>ā</i>) <i>wi</i> , (<i>ā</i>) <i>vi</i> *	<i>awana</i> , <i>avana</i>	<i>wana</i> , <i>vana</i>
Семнанский	<i>u</i>	ж. р. (<i>ā</i>) <i>we</i> , (<i>ā</i>) <i>ve</i> м. р. <i>zu</i> , <i>za</i> ; <i>zura</i> ж. р. <i>žin</i> ; <i>žina</i>	<i>ui</i>	<i>žon</i> , <i>žona</i>

* В курдском языке косвенные формы местоимений сохраняются и в атрибутивной функции: *wi xortî* 'того юношу', *we kûc'êke* 'ту девушку'.

В курдском и семнанском языках косвенные формы местоимений 3-го лица различаются по мужскому и женскому роду⁶ (табл. 8). В курдском языке (курманджи) род иногда может выражаться местоимением любого лица, стоящим в изафетном сочетании в качестве определяемого: *āze bālāngaz* 'я бедный' и *āza bālāngaz* 'я бедная'.

Среди других особенностей личных местоимений следует упомянуть: северо-западный фонетический вариант — прямую форму место-

⁵ Употребляется только в субстантивной функции.

⁶ Местоимения 3-го лица различаются по родам также в диалектах тати.

имения 1-го лица *аз* в курдском (курманджи) и талышском языках, восходящую к авестийской форме *azət*; наличие в белуджском языке включительной формы 1-го лица множественного числа *tašmā* (*mišmā*) 'мы с вами'.

В разряде личных местоимений выделяются так называемые энклитические, безударные формы местоимений. Восходя к древним родительно-дательным формам местоимений, энклитические местоимения в тех языках, где они сохранились, выполняют следующие функции: 1) посессивную, 2) функцию субъекта при формах прошедшего времени переходных глаголов, 3) (реже) функцию прямого и косвенного объекта.

Не сохранились местоименные энклитики в языках гилианском, мазадеранском и курдском (курманджи).

Представлены они в белуджском и более системно в талышском и центральных диалектах курдского языка (группа мукри-сулеймани) (табл. 9).

Таблица 9

Число	Лицо	Белуджский язык		Талышский язык	Курдский язык (центральные диалекты)
		зап. диал.	вост. диал.		
Единственное	1-е	- <i>un</i>	- <i>ūn</i> , - <i>ān</i>	- <i>əm</i>	-(<i>i</i>) <i>m</i>
	2-е	- <i>it</i>	- <i>e</i>	- <i>ə</i>	-(<i>i</i>) <i>t</i>
	3-е	- <i>i</i> , - <i>ē</i>	- <i>i</i>	-(<i>ə</i>) <i>š</i>	- <i>i/-y</i>
Множественное	1-е	- <i>un</i>	- <i>ūn</i> , - <i>ān</i>	-(<i>ə</i>) <i>mon</i>	- <i>mān</i>
	2-е	- <i>it</i>	- <i>i</i>	-(<i>ə</i>) <i>on</i>	- <i>tān</i>
	3-е	- <i>iš</i>	- <i>iš</i> , - <i>ān</i>	-(<i>ə</i>) <i>šon</i>	- <i>yān</i>

В белуджском языке местоименные энклитики, имея неполную парадигму форм (см. в табл. 9 совпадение форм ед. и мн. ч. в 1-м и 2-м л.), сохранили три функции: посессивную (*laškar-un* 'мое войско'), прямого дополнения (*bgirit-iš* 'возьмите их') и функцию субъекта при переходных глаголах в прошедшем времени (*har dō yake tufakā jaḡ-ūn* 'я убил обоих одним выстрелом').

В талышском языке сохранились в основном две функции местоименных энклитик: субъекта при переходных глаголах в прошедшем времени (*av-əm gate* 'я поймал его') и посессивная (*žen-əm* 'моя жена'). Только пережиточно сохранилась объектная функция (главным образом в стихах).

В центральных и южных диалектах курдского языка местоименные энклитики имеют все три указанные функции, но их особенностью является широкое применение функции прямого объекта при формах настоящего времени переходных глаголов, а также широкое употребление местоименных энклитик в функции косвенного дополнения, в частности с предлогами (эти дополнительные функции фактически неизвестны талышскому). Примеры из сулеймани: *dāyk-yān* 'их мать' (посессивная функция), *dast-i bārda baxatī* 'сунул руку за пазуху' (субъект), *haufa bi-y-kužin* 'жаль, [что придется] его нам убить' (прямой объект), *bō-y bēna* 'принеси для него' (косвенный объект).

Притяжательные местоимения как самостоятельные формы представлены в талышском и диалектах тати, где аналитические по происхождению обороты, состоящие из предлога с исходным значе-

нием *čъ* и косвенных форм личных местоимений, ныне стали формой притяжательных местоимений. Так, *čъmъ* 'мой' < *čъ* *mъ* 'от меня', *čъstъ* 'твой' < *čъ* *tъ* 'от тебя', *čъau* 'его' < *čъ* *au* 'от него', *čъama* 'наш' < *čъ* *ama* 'от нас' и т. д.

В остальных языках посессивную функцию выполняют следующие формы личных местоимений: форма родительного падежа личных местоимений [гилян. *mî* 'мой', *tî* 'твой' и т. д., мазанд. *me* 'мой', *te* 'твой' и т. д., белудж. *m(a)ni* 'мой', *tî* 'твой' и т. д.], личные местоимения в форме общекосвенного падежа — курдский (курманджи) и, наконец, местоименные энклитики (белуджский, юго-восточные диалекты курдского языка, талышский). Позиция всех этих местоименных форм в притяжательной функции зависит от типа определительных сочетаний в этих языках, а местоименные энклитики всегда присоединяются к концу слова. Примеры: талыш. *čъmъ kina* 'моя дочь', гилян. *tî per* 'твой отец', мазанд. *me sêre* 'мой дом', курм. *bave mъч* 'мой отец', белудж. *čamm-iš* 'их взгляд' и т. д.

Вопросительные местоимения восходят к древним местоименным корням: местоимение *kî* 'кто' < др.-ир. род. пад. **kahya*, местоимение *čî* 'что' < **čahya*. Эти две формы, в которых отражена категория лица—нелица, имеют следующий фонетический облик по языкам: белудж. *ka:čî/čê* (склоняются по именному типу), гилян. *kî:čî* (падежных форм не имеют), мазанд. *kî:čê/čî*, курм. *k'î* (косвенная форма *k'e*): *čъ* (не склоняется), талыш. *kî:čî/čîč* (не склоняются), семн. *kî:čîč* (не склоняются).

В качестве вопросительных местоимений со значением признака 'какой', 'который' используются следующие формы: белудж. *ku jam/ gi jam*, курм. *kîžan*, семн. *kemin*, талыш. *kot* и др.

В качестве определительных, неопределенных относительных (собственно относительные представлены только в курдском) употребляются, как правило, общие для большинства иранских языков формы.

Так, в качестве определительного местоимения со значением 'каждый', 'всякий' выступают формы: белудж. *har*, *ar*, гилян. *har*, семн. *har*, талыш. *hâ/har* и др. Такое же широкое распространение имеет местоимение *hama* 'весь', 'все', 'всё'. Оригинальны в этом значении курд. *gêşk* и талыш. *gêrd*. Широкое распространение имеет неопределенно-отрицательное местоимение *hič/ič* 'никакой' и т. д.

Возвратно-определительные местоимения обычно встречаются в двух функциях — 'сам' ('себя') и 'свой': белудж. *wat* 'сам', 'свой' (склоняются по именному типу), гилян. *xu* 'свой', мазанд. *še* 'свой', курд. *xwâ* 'сам', 'свой', санг. *əštêre* 'сам', *əštun* 'свой', *əštunde* 'себя', талыш. *čъsta* 'свой', *čъstan* 'сам', *čъstani* 'себя'.

Собственно относительные местоимения представлены только в курдском (курманджи), где они различаются по роду и числу: *ye* 'который', *ya* 'которая', *yed* 'которые'. В остальных северо-западных языках в качестве относительного местоимения используется союз *kî/ke* (см. раздел «Союзы»).

ГЛАГОЛ

В северо-западных языках глагол обладает наиболее богатой из всех частей речи системой флексивных изменений — спряжением.

Как и абсолютное большинство современных иранских языков, северо-западные сохранили двуосновность глагольного формообра-

зования. Каждый глагол имеет две основы: основу настоящего времени и основу прошедшего времени, в которых заключена двойная семантика — лексическое значение глагола и соотношенность со временем. Все глагольные формы, как спрягаемые, так и неспрягаемые, образуются либо от основы настоящего времени (продолжающей древнюю основу настоящего времени), либо от основы прошедшего времени (продолжающей древнее причастие прошедшего времени с суффиксом *-ta*).

В тех северо-западных языках, которые достаточно четко сохранили сложившееся в среднеиранский период соотношение этих основ, основа прошедшего времени обычно характеризуется конечным согласным *t/d*, восходящим к форманту *-ta* (например, в белуджском).

Но в ряде северо-западных языков процесс редукции значительно изменил фонетический облик основ прошедшего времени (в гилянском, курдском, талышском), утративших конечный *t/d*, что, таким образом, составляет характерную черту северо-западных языков.

Так, в гилянском языке кроме типа основ прошедшего времени с исходом на *t/d*, ныне не продуктивного, имеется значительная группа глаголов, утративших этот согласный и имеющих в исходе основы прошедшего времени (например, у глагола *rāsen* 'достигать' две основы: *rās* и *rāse*). Этот второй тип образования и является единственным продуктивным в гилянском языке.

В курдском языке утрата основой прошедшего времени конечного согласного *t/d* наблюдается у значительного числа глаголов (например, у глагола *bûryn* 'уносить' основы *bû:bûr*, у глагола *kûryn* 'делать' основы *kû:kûr*).

В талышском языке процесс фонетической редукции основ имеет качественно новую ступень: часть глаголов утратила основу прошедшего времени (например, у глаголов *kaše* 'тащить', *lârze* 'дрожать' соответственно по одной основе *kaš-*, *lârz-*), а значительная часть глаголов утратила основу настоящего времени, сохранив только основу прошедшего времени с ее характерным исходом на *t/d* (например, у глаголов *vite* 'бежать', *gate* 'держать' по одной основе: *vit-*, *gat-*). В меньшей уже группе двусловных глаголов *t/d* отпало, и мы имеем следующие два типа образования основ: 1) регулярный (например, у глаголов *ârâšie* 'разбивать', *čânie* 'собирать' основы: *ârâš:ârâši*, *čân:čâni*) и 2) нерегулярный (например, у глагола *doe* 'давать' основы *da:do*, у глагола *že* 'бить' основы *žan:že*).

Таким образом, в северо-западных языках дифференциация двух основ происходит: 1) за счет различия их исходных звуков, в более простом случае через наращение *t/d* или других звуков на основу настоящего времени (белудж. *guš:gušt* 'говорить', *ras:rast* 'достигать', гилян. *rās:rāse* 'достигать', семн. *âr:ârd* 'приносить', талыш. *gân:gâni* 'падать'), в более сложном случае чередованием конечных звуков (белудж. *pač:patk* 'варить', *nind:nist* 'сидеть', гилян. *šor:šost* 'мыть', мазанд. *nvis:nvešt* 'писать', семн. *pēž:pēt* 'готовить', курд. *r'ēž:r'et* 'лить'); 2) путем чередования корневых гласных, которое может сопровождаться и изменением конечных звуков основ (белудж. *bar:burt* 'нести', гилян. *din:de* 'видеть', курд. *avež:avit* 'бросать', *stin:stand* 'получать', талыш. *na:no* 'класть'); 3) в единичных случаях наличием супплетивных основ (белудж. *gind:dist* 'видеть', *raw:šut* 'уходить').

Глагольные окончания, выражающие лицо и число спрягаемой глагольной формы, имеют в северо-западных языках разную степень унификации: от единой системы окончаний для всех временных форм в белуджском языке (с единичными исключениями) до пяти типов окончаний в талышском языке.

В белуджском личные окончания общие для всех форм времени, за исключением 3-го лица единственного числа, которое не принимает окончания в прошедших временах:

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	<i>-ān, -ūn, -un, -īn, -in</i>	<i>-an, -in, en</i>
2-е л.	<i>-ē, au</i>	<i>-it</i>
3-е л.	<i>-(it, -t, -i)</i>	<i>-ant, -an</i>

В гилинском языке отмечаются три типа окончаний: 1) для образования форм настоящего времени, 2) для аориста и прошедшего нейтрального, 3) для длительного прошедшего времени.

	Ед. число			Мн. число
	I	II	III	(общий тип)
1-е л.	<i>-ət</i>	<i>-ət</i>	<i>-im(i)</i>	<i>-im(i)</i>
2-е л.	<i>-i</i>	<i>-i</i>	<i>-i</i>	<i>-id(i)</i>
3-е л.	<i>-e</i>	<i>-ə</i>	<i>-i</i>	<i>-id(i)</i>

В курдском языке (курманджи) имеются три типа окончаний: 1) для образования большинства форм времени, за исключением отмеченных в следующих двух типах, 2) в перфекте, 3) в сослагательном наклонении прошедшего времени.

	Ед. число			Мн. число		
	I	II	III	I	II	III
1-е л.	<i>-(b)t</i>	<i>-mā</i>	<i>-ta</i>	<i>-(b)n</i>	<i>-nā</i>	<i>-na</i>
2-е л.	<i>-(y)i</i>	<i>-yi</i>	<i>-yi</i>	<i>-(b)n</i>	<i>-nā</i>	<i>-na</i>
3-е л.	<i>-ā⁷</i>	<i>-yā</i>	<i>-a</i>	<i>-(b)n</i>	<i>-nā</i>	<i>-na</i>

В центральных курдских диалектах (сулеймани-мукри) наличествуют три типа окончаний: 1) общие окончания для форм настоящего и прошедшего времени, за исключением нулевого окончания для 3-го лица единственного числа в претерите, 2) в перфекте глагольная связка почти во всех диалектах совпала с личными окончаниями первого типа, кроме 3-го лица единственного числа, 3) специальные окончания в прошедшем сослагательном с наращением суффикса *-āya* на окончания первого типа.

	Ед. число			Мн. число	
	I	II	III	I, II	III
1-е л.	<i>-bt</i>	<i>-bt</i>	<i>-btāya</i>	<i>-in</i>	<i>-ināya</i>
2-е л.	<i>-i(t)</i>	<i>-i(t)</i>	<i>-itāya</i>	<i>-bn</i>	<i>-bnāya</i>
3-е л.	<i>-e(t)</i>	<i>-a</i>	<i>-āya</i>	<i>-bn</i>	<i>-bnāya</i>

⁷ Отсутствует в формах прошедшего времени.

В мазандеранском языке личные окончания дифференцируются по трем типам: 1) настоящего времени, 2) аориста, 3) форм прошедшего времени.

	Ед. число			Мн. число		
	I	II	III	I	II	III
1-е л.	-εmε	-εm	-εmε	-εmi	-im	-εmi
2-е л.	-εni	-i	-i	-εnni	-in	-εni
3-е л.	-εnε	-ε	-ε	-εnne(нε)	-εn	-εnε

В семнанском языке личные окончания характеризуются наличием двух своеобразных черт: 1) в 3-м лице единственного числа в претерите различаются окончания мужского и женского рода, 2) окончания перфекта включают оригинальный формант -č-. Всего отмечается, таким образом, три типа окончаний: 1) настоящего времени, 2) форм прошедшего времени, 3) перфекта.

	Ед. число			Мн. число	
	I	II	III	I, II	III
1-е л.	-un	-un	-čun	-in(-im)	-čan
2-е л.	-(i)	-(i)	-či	-in	-čin
3-е л.	-e(æy)	-ā(м. р.) -ia(ж. р.)	-čæy	-an	-čan

В талышском языке представлено не менее пяти типов глагольных окончаний, что связано с многообразием их гласных элементов, характеризующих время и наклонение глагола. Имеются следующие типы окончаний: 1) настоящего времени и перфекта, 2) аориста, 3) настоящего времени желательного наклонения, 4) будущего времени, 5) простого прошедшего и прошедшего несовершенного I.

		I	II	III	IV	V
Ед. ч.	1-е л.	-m	-ъm	-om	-em	-im
	2-е л.	-š	-ъš	-oš	-eš	-iš
	3-е л.	—	-ъ	-o	-e	-i(-y)
Мн. ч.	1-е л.	-mon	-ъmon	-omon	-emon	-imon
	2-е л.	-on	-on	-on	-eon	-ion
	3-е л.	-n	-ъn	-on	-en	-in

В качестве общих характерных черт личных окончаний в северо-западной группе языков следует, во-первых, отметить большую или меньшую зависимость типов окончаний от форм времени и наклонения, а во-вторых, тенденцию к омонимии гласных окончаний во множественном числе, полностью завершившуюся в курдском (курманджи) и гиланском языках.

Формообразующие приставки представлены во всех северо-западных языках. Наибольшее распространение получила приставка (или приставки) из согласного *b* и одного из ряда гласных *i*, *e*, *ā*, *a*, *u*, *u*, варьирующих в языках в зависимости от форм времени и наклонения, а частично в качестве чисто фонетических вариантов. Фактически эта приставка представлена во всех северо-западных языках.

При помощи ее в каждом языке обязательно образуются две формы: настоящее время сослагательного наклонения (аорист) и повелительное наклонение (белудж. *b(i)-*, гилян. *bə-/bi-/bu-*, курд. *bə-*, мазанд. *ba-*, семн. *be-*, талыш. *bə-*). Другие временные формы с участием вариантов этой приставки представлены в языках избирательно. Так, в языках гилянском *bə-/bi-/bu-*, мазандеранском *ba-* и семнанском *bə-* образуют простое прошедшее время обычно со значением однократности действия. В талышском *ba-* образует будущее категорическое.

Преверб, аналогичный персидскому *mi-*, мы находим из данных северо-западных языков в семнанском и в тати. В остальных языках в качестве приставок, придающих значение длительности, выступают: в белуджском языке *ak-* (в настояще-будущем и в прошедшем длительном), в курдском (курманджи) *də-* (в настоящем и прошедшем временах), в талышском *a-* (только в имперфекте, образованном от основы настоящего времени).

В качестве отрицаний используются препозитивные частицы, образуемые из *n-* с каким-либо из следующих гласных: *a, ā, ɔ, i, u* (белудж. *na-*, гилян. *nə/ni/nu*, мазанд. *nə/na*, курд. *na/nə/na*, семн. *nā/na*, талыш. *ni/n/nə/na*). Особо выделяются так называемые запретительные частицы *ma/mā*, употребляемые в повелительном наклонении и в аористе. Они не отмечены в гилянском, мазандеранском, семнанском. Для всех языков характерна замена формообразующих приставок отрицательными частицами в повелительном наклонении и в аористе: гилян. *bu-gu* 'скажи'—*nu-gu* 'не говори'; талыш. *bə-ši* 'уйди'—*ma-ši* 'не уйди'. В других формах времени и наклонения рядом с отрицательными частицами, как правило, сохраняются и формообразующие приставки: курд. *nā-də-k'ātm* '[я] не падал', талыш. *ni-ba-kārdem* '[я] не сделаю'. Но иногда они отпадают: гилян. *bugoftə* '[он] сказал', *nu-goftə* '[он] не сказал'. Словообразующие приставки не вытесняются частицами отрицания: талыш. *oka* 'открой', *o-ma-ka* 'не открывай'.

Особенностью талышского языка является разнообразие позиций отрицательной частицы (вместе с вариациями ее гласного элемента) в глаголе в зависимости от формы времени: *kārdeda-ni-m* 'я не делаю', *aši-ni-m* 'я не пойду', *ni-ba-kārdem* '(я) не сделаю', *n-omat* 'я не пришел' и др.

Для образования описательных глагольных форм в северо-западных языках используются некоторые вспомогательные глаголы, такие, как глагол-существительный, глаголы со значением «быть», «становиться» и др.

Среди них особое место занимает так называемый глагол-существительный, имеющий часто две формы — полную и краткую. Как правило, это глагол недостаточный. Даже в лексически самостоятельном значении «иметься», «быть в наличии» его полная форма выступает только в двух временах — настоящем и прошедшем. Краткая форма глагола-существительного, выступающая в функции предикативной связки, имеет, как правило, только настоящее время. Исключение составляет, по-видимому, только белуджский язык, где краткая форма выступает в настоящем и прошедшем времени. Краткая форма глагола-существительного, используемая как предикативная связка в настоящем времени, служит для образования перфекта.

Имеются следующие формы глагола-существительного в северо-западных языках (табл. 10, 11):

Белуджский язык (западные диалекты)

Лицо	Краткая форма				Полная форма *	
	настоящее время		прошедшее время		настоящее время	
	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
1-е	-un	-an	-atun	-atan	astun	astin
2-е	-ay	-it	-atay	-alit	astay	astit
3-е	-int	-ant	-at	-atant	ast	astant

* Прошедшее время у полной формы глагола-существительного имеется только в восточных диалектах белуджского языка.

Таблица 11

Гилянский язык

Лицо	Настоящее время			
	краткая форма		полная форма	
	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
1-е	-əm	-lm	-isəm	isimi
2-е	-i	-idi	isi	isidi
3-е	-ə	-idi	isə	islidi

В языках мазандеранском, семнанском (диалект сангисари) и в центральных диалектах курдского языка (сулеймани-мукри) отмечены только краткие формы глагольной связки и только в настоящем времени (табл. 12).

Таблица 12

Лицо	Мазандеранский язык		Семнанский (сангисари)		Сулеймани-мукри	
	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
1-е	-əmtə	-əmti	-l	-un	-əmt	-ln/-yn
2-е	-i	-əpi	-e	-in	-i(t)/-yt	-əp
3-е	-ə	-əpə	м. р. -a, -ā ж. р. -u	-ān	-a(t)/-yat	-əp

В языках курдском (курманджи) и талышском у глагола-существительного различаются полная форма и краткая форма. Краткая форма выступает только в настоящем времени, полная, кроме того, — в прошедшем, а в курдском также и в будущем времени (табл. 13, 14).

В качестве предикативной связки в прошедшем времени в северо-западных языках используется глагол 'быть' (белудж. *bayag*, гилян. *biun*, курд. (курм.) *bin*, мазанд. *baun*, семнан. *biun*, талыш. *be*). Он же служит в некоторых языках для образования пассивного залога.

Талышский язык

Лицо	Краткая форма		Полная форма			
	настоящее время		настоящее время		прошедшее время	
	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
1-е	-(ə)m, -im	(ə)mon, -imon	hes[t]-əme	hes[t]imon	hes[t]bim	hes[t]bimon
2-е	-(i)š	-(i)on	hes[t]-ə	hes[t]on	hes[t]-ə be	hes[t]bion
3-е	-(y)e	-(i)n	hes[t]e, hes[t]-əše	hes[t]in, hes[t]-əšone	hes[t]be, hes[t]-əš be	hes[t]bin, hes[t]-əšon be

Таблица 14

Курдский язык

Число	Лицо	Краткая форма	Полная форма		
		настоящее время	настоящее время	прошедшее время	будущее время
Единственное	1-е	-mā, -əm	hāmā	hābum	hābēm
	2-е	-(y)i	hāyi	hābui	hābi
	3-е	-(y)ā	hāyā	hābu	hābā
Множественное	1-е	-nā, -n	hānā	hābun	hābēn
	2-е	-nā, -n	hānā	hābun	hābēn
	3-е	-nā, -n	hānā	hābun	hābēn

По способу образования все глагольные формы в северо-западных языках могут быть разделены на простые и сложные, или описательные.

Простые формы образуются непосредственно от глагольных основ с добавлением префиксов, иногда суффиксов и личных окончаний. К ним, как правило, относятся формы настоящего времени, простого и длительного прошедшего.

К простым же формам следует отнести и так называемые слитно-сложные, имеющие в своем составе инфинитив или причастие, но воспринимаемые уже как одно слово.

Сложные (описательные) формы состоят из основного глагола обычно в форме причастия или инфинитива и вспомогательного глагола. Типично описательными являются формы плюсквамперфекта, прошедшего сослагательного, формы пассивного залога и некоторые другие. Конкретно оба способа даются ниже, при описании форм залога, времени и наклонения.

ЛИЧНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА

Залог. В северо-западных языках у глаголов с переходным значением можно выделить два залога: активный и пассивный. Пассивный залог образуется почти всюду аналитическим способом и, как правило, редко употребителен (в мазандеранском и семнанском языке не отмечен). Для образования пассивного залога используется сочетание причастия прошедшего времени или инфинитива спрягаемого

глагола и личных форм вспомогательного глагола со значением «быть», «становиться»: белудж. *man kuşag-a ban* 'я буду убить' (вспомогательный глагол *bayag* 'быть'), гилян. *bukobəstə bubostə* 'был разбит' (вспомогательный глагол *bostən* 'становиться'), талыш. *kay-ba okarda be* 'дверь открылась' (вспомогательный глагол *be* 'быть', 'становиться').

В курдском (курманджи) пассивный залог образуется при помощи инфинитива спрягаемого глагола и предшествующих ему личных форм глагола *hatîn* 'приходить': *hatiyā çekyryne* 'построен'.

Исключение в способе образования пассивного залога составляют центральные диалекты курдского языка (группа сулеймани-мукри) и диалекты тати, в которых существует резко своеобразное, выпадающее из общей системы пассивных оборотов северо-западных языков флективное образование пассива. В названных курдских диалектах пассив образуется при помощи форманта *ra/rc* от основы настоящего времени: в настоящем времени — прибавлением к основе морфемы *-re-*, в прошедшем времени — морфемы *-ra-*: сулеймани *kuştên* 'убивать', основа настоящего времени *kuž-*, *kužran* 'быть убитым', пассивные основы *kužre*: *kužra*. В диалектах тати пассивные основы имеют суффикс *-i* в настоящем времени и *-ias(t)* в прошедшем, прибавляемые к активной основе настоящего времени — активная основа настоящего времени *āyar-* (основа прошедшего времени *āyard-* 'открывать'), пассивные основы — настоящего времени *āyari-*, прошедшего времени *āyarias-* 'быть открытым'.

Наклонений в каждом из северо-западных языков насчитывается не менее трех: изъявительное, сослагательное и повелительное.

Повелительное наклонение времени не различает. Образуется однотипно во всех северо-западных языках от основы настоящего времени при помощи префикса *b-*, имеющего разную огласовку; употребляется только во 2-м лице единственного (лишено окончания) и множественного числа (с соответствующим окончанием). Примеры: белудж. *bra* 'иди', *brait* 'идите', гилян. *bukun* 'сделай', *bukunîd* 'сделайте', курд. *bəkā* 'делай', *bəkyên* 'делайте' и др. Отрицательные формы характеризуются препозитивной отрицательной частицей, заменяющей префикс положительной формы: белудж. *ma-tîrus* 'не бойся', гилян. *ni-kun* 'не делай' и др.

Перед описанием форм времени в плане изъявительного и сослагательного наклонений следует остановиться на категориях лица, числа и переходности — непереходности глагола. Особенностью, очевидно, большинства северо-западных языков (исключая гилянский и мазандеранский) является формальное выражение категории переходности глагола в прошедшем времени (точнее в тех формах, которые образованы от основы прошедшего времени) через специальный способ указания лица и числа глагола. Вместо обычных личных окончаний, отражающих лицо и число субъекта действия, переходные глаголы в прошедшем времени получают или местоименные энклитики, выполняющие эту же функцию, или же личные окончания, ориентированные на объект переходного действия. Использование местоименных энклитик в данной функции наблюдается в языках семанском, талышском, центральных диалектах курдского языка, во многих центральных иранских диалектах. Согласование с объектом (так называемое объектное спряжение) мы находим в белуджском, курдском (курманджи) и частично в центральных диалектах курдского.

Конкретно этот способ спряжения переходных глаголов рассмат-

ривается ниже, вместе с соответствующими формами прошедшего времени.

На изъявительное наклонение приходится основная масса форм времени. В этом наклонении различаются все три плана времени: настоящее (настояще-будущее⁸), будущее и прошедшее. В плане прошедшего обязательно существует по несколько отдельных форм, характеризующихся некоторыми видовыми оттенками значения, а также чисто временными аспектами значения, касающимися относительного расчленения семантики прошедшего времени (например, преждепрошедшее по сравнению с послепрошедшим). В качестве видовых характеристик чаще всего встречаются многократность, длительность, результативность и, наоборот, однократность, недлительность, отсутствие результативности. Вид как противопоставление совершенности и несовершенности действия в северо-западных языках отсутствует.

В плане настоящего и будущего времени дифференциация на отдельные формы наблюдается не во всех языках и не носит строго системного характера (одна из форм бывает ограниченного употребления, это относится обычно к так называемому настоящему данного момента).

Во всех северо-западных языках существует глагольная форма времени с нерасчлененным значением настояще-будущего. Эта временная форма, как правило, образуется по типовой модели простой формы: приставка со значением длительности, основа настоящего времени и соответствующие окончания⁸.

В гиланском языке формообразующая приставка отсутствует. Примеры (приводится только 1-е л. ед. ч.): белудж. *a-kan-în* 'продаю', гилан. *kup-æt* 'делаю', курд. (курманджи) *dê-kê-m* 'делаю', курд. (сулейм.) *a-xo-m* 'ем', семнан. *mâ-kâr-un* 'делаю'

В талышском языке отсутствует эта модель. Настоящее время представляет собой слитно-сложную форму, которая образуется от инфинитива с суффиксом *-da* и личных окончаний: *kârdeda-m* 'делаю'. Но эта форма имеет тот же круг значений — настоящее обычное, настоящее определенное, будущее.

В белуджском и гиланском языках форма подобного образования получила более дифференцированное значение настоящего данного момента. В белуджском она представляет собой сочетание инфинитива в косвенной форме со связкой в настоящем времени: *man prô-şagây-ân* 'Я ломаю (сейчас)'. В гиланском это инфинитив в основной форме плюс недостаточный глагол со значением «находиться»: *ni-vîştæn dæram* 'пишу (сейчас)'

Ввиду широкого круга значений у формы настояще-будущего времени в ряде языков совсем не развилась отдельная форма будущего времени. Так, она отсутствует в белуджском языке, семнанском и центральных диалектах курдского языка. А в тех языках, где имеется специальная форма будущего времени, она как новообразование более разнотипна в языках, чем форма настоящего времени. В гиланском это сложная форма, состоящая из глагола *xastæn* 'хотеть' в настояще-будущем времени и инфинитива спрягаемого

⁸ В некоторых диалектах курдского языка (например, сулеймани) отмечен своеобразный способ выражения прямого и косвенного объектов переходного действия через включение местоименных энклитик в глагольную форму настоящего времени: *â-m-dat-e* 'он даст мне (-m) это (-e)', что может быть переведено и как 'он даст мне (-m) для него (e)'.

глагола: *xawet nîvîştan* 'я напишу'. В курдском языке (курманджи) будущее время представляет собой простую форму, состоящую из префикса *be-*, основы настоящего времени и личных окончаний; но ее использование включает аналитический момент — обязательное употребление при ней субъекта действия с постпозитивным показателем *-e*: *êze be-fyros-ym* 'я продам'.

В талышском языке имеются две формы будущего времени: простая и сложная. Простая форма образуется от основы прошедшего времени, префикса *ba-* и личных окончаний с гласным показателем *-e*: *ba-kârd-em* 'сделаю'. Сложно-слитная форма будущего намерения состоит из причастия намерения и кратких форм глагольной связки: *kârdanin-im* 'я собираюсь сделать'.

В плане прошедшего времени как его основная структурная часть представлена в северо-западных языках однотипная система форм общего происхождения от причастных оборотов. Древнее причастие прошедшего времени на *-ta*, так или иначе модифицированное, лежит в основе каждой из этих форм в виде причастия или основы прошедшего времени. Это следующие формы (если придерживаться обобщенной терминологии): простое прошедшее, прошедшее длительное, прошедшее результативное и преждепрошедшее время. (Сверх того, в орбиту прошедшего времени в отдельных языках вовлечены некоторые новообразованные формы приблизительно с одним видовым значением длительности в течение определенного отрезка времени; в талышском языке, кроме того, сохранилась особая форма прошедшего длительного времени от основы настоящего времени. Об этих временных формах см. ниже).

Все формы прошедшего времени общего причастного происхождения во всех языках имеют отчетливую печать этой общности как в своем построении и значении, так и в способе выражения лица и числа у переходных глаголов. Меньшинство языков (гилянский, мазандеранский, отдельные диалекты белуджского и курдского) унифицировали спряжение в прошедшем времени по типу непереходных глаголов. В остальных языках различие в спряжении непереходных и переходных глаголов сохранилось.

В этой группе языки семнанский, талышский, центральные диалекты курдского и большинство центральных диалектов Ирана передают лицо и число субъекта переходного глагола в прошедшем времени через местоименные энклитики, свободно передвигающиеся во фразе. А в языках белуджском и курдском (курманджи) переходный глагол в прошедшем времени характеризуется глагольным окончанием, согласованным с объектом действия. В центральных диалектах курдского языка наблюдается комбинация этих двух способов, т. е. выражение лица и числа одновременно субъекта и объекта переходного действия через включение в глагольную форму и местоименных энклитик, и личных окончаний, ориентированных на объект.

Следует отметить, что в указанных языках фраза, в которую входит переходный глагол в прошедшем времени, имеет и другие особенности построения, заключающиеся в том, что субъект ставится в косвенной форме, а объект — в прямой (в отдельных языках эти особенности постепенно стираются).

Данные способы выражения лица и числа переходного глагола в прошедшем времени вместе со специфическим падежным оформлением субъекта и объекта образуют специальное построение фразы, которое носит наименование «эргативная конструкция» (см. раздел «Син-

такис»). Ниже, при описании отдельных форм прошедшего времени, приводится разграничение переходных и непереходных глаголов в тех языках, где это морфологически оформляется.

Простое прошедшее время, не всегда имеющее специальную видовую характеристику (которая достаточно свободно придается этой форме контекстом), строится по модели: основа прошедшего времени и показатели лица и числа. В некоторых языках у этой формы имеется и формообразующая приставка со значением однократности: гилян. *bə/bi/bu*, мазанд. *ba*, семн. *bā*. В языках гилянском и мазандеранском отмечаются для всех глаголов только личные окончания, а в остальных языках личные окончания выступают у непереходных глаголов, а у переходных или 1) местоименные энклитики, или 2) личные окончания, согласованные с объектом. Для большей компактности изложения условно объединим языки, не знающие морфологического выражения переходности глаголов (гилянский, мазандеранский, говор белуджей СССР⁹), в первую группу, а языки, соблюдающие морфологическое разграничение в спряжении переходных и непереходных глаголов, — во вторую.

Примеры на простое прошедшее время

I группа

Гилян. *bə-da-m* '(я) дал', *bə-šo-m* '[я] шел'

Мазанд. *ba-nvešt-sm* '[я] написал'

Белудж.⁹ *kurt-un* '[я] сделал'.

II группа

Непереходные глаголы

Семн. *bā-rāsā* '[он] прибыл', *bā-rāsia* '[она] прибыла'

Талыш. *nəšt-im* '[я] сел'

Курм. *êu-m* '[я] ушел'

Сулейм. *hat-əm* '[я] пришел'

Переходные глаголы

а) местоименные энклитики:

Семн. *bā-di-an* 'я увидел', (*-eš*) *bāt-eš* '[он] сказал'

Талыш. (*-m*) *vind-əme* '[я] увидел', (*-še*) *vot-še* 'он сказал'

б) объектное согласование:

Курм. *êwi âz dit-əm* 'он увидел меня (*-əm*)'

в) местоименные энклитики + объектное согласование:

Сулейм. *šet-tan kərd-əm* 'вы (*-tan*) сделали меня (*-əm*) сумасшедшим'.

Прошедшее длительное время представляет собой простую по образованию форму, состоящую из основы прошедшего времени, личных окончаний (или личных показателей, типичных для переходных глаголов) и (не во всех языках) префикса длительности. Этот пре-

⁹ В белуджском языке форма простого прошедшего времени отмечена не во всех диалектах; но имеется она в диалекте советских белуджей, в котором не сохранилась эргативная конструкция.

фикс отсутствует в тех языках, в которых форма простого прошедшего времени имеет специальную приставку со значением однократности.

Таким образом, видовое противопоставление этих двух форм времени достигается следующим путем: если одна из форм характеризуется приставкой с видовым значением, то во второй форме приставка отсутствует, и наоборот. Согласно этой закономерности в гилянском и мазандеранском языках прошедшее длительное время образуется без приставки.

В некоторых языках эта форма отсутствует: в талышском, семнанском и некоторых диалектах белуджского языка.

Примеры на прошедшее длительное время

I группа

Гильян. *nivîšt-im* '[я] писал'

Мазанд. *nəvəšt-əm* '[я] писал'

Белудж.¹⁰ *tan-a kurt-un* 'я делал'

II группа

Непереходные глаголы

Сулейм. *a-hat-əm* '[я] приходил'

Курм. *dê-ê-m* 'я ходил'

Переходные глаголы

а) местоименные энклитики:

a-m-xê '[я] ел'

б) объектное согласование:

îwî âz dê-dît-əm 'он видел меня (-əm)'

Прошедшее результативное время (перфект) представляет собой в большинстве северо-западных языков слитно-сложное образование из причастия прошедшего времени и глагольных связок (или местоименных энклитик у переходных глаголов). В гилянском и мазандеранском языках перфект отсутствует. Особенностью семнанского перфекта является суффиксальный формант *-ê-* и факультативное наличие префикса *bâ-*. В курдском диалекте курманджи причастие прошедшего времени в силу фонетических причин сократилось до основы прошедшего времени. В белуджском языке по причине возможного фонетического стяжения трудно определить, причастие или основа прошедшего времени использованы в этой форме.

Примеры на перфект

Непереходные глаголы

Семн. *ba-ši-ê-un* 'я ушел'

Талыш. *nəšta-m* '[я] сел'

Переходные глаголы

а) местоименные энклитики:

kar-ê-itun 'вы сделали'

(-š) *kârda-še* '[он] сделал'

¹⁰ Эта форма отмечена в диалектах белуджского языка, не соблюдающих различия в спряжении переходных и непереходных глаголов, т. е. в говоре советских белуджей.

Белудж. *rasitag-an* 'я прибыл'

Курм. *cu-mä* 'я ушел'

б) объектное согласование:

man pröšta(g) 'я сломал [его]'
man pröštəg-ant 'я сломал их'
äwi äz dit-ymä 'он видел меня (-ьта)'

в) местоименные энклитики плюс объектное согласование:

Сулейм. *hatuw-a* '[он] ушел'

diw-ym-it 'я (-ьт) увидел тебя (-it)', *diw-yt-ym* 'ты (-ьт) увидел меня (-ьт)'

Преждепрошедшее время (плюсквамперфект), сложная по образованию форма, состоит из причастия прошедшего времени спрягаемого глагола 'быть' (в белуджском языке употребляется прошедшее время глагольной связки). В некоторых языках используется формообразующая приставка *bi/bz*. В языках курдском (курманджи), белуджском, мазандеранском причастие прошедшего времени как составная часть этой формы четко не выделяется, совпадая с основой прошедшего времени.

Примеры на плюсквамперфект

I группа

Гилян. *binivištə bum* 'я написал'

Мазанд. *həkərd bimə* '[я] сделал'

II группа

Непереходные глаголы

Семп. *bi-äta biun* 'я пришел'

Талыш. *ša bim* '[я] ушел'

Переходные глаголы

а) местоименные энклитики:

(-tun) be-niviš bi-tun 'вы писали'

(-m) gata-m be 'я взял'

б) объектное согласование:

Белудж. *rasitag-at* 'он прибыл'

pröštəg-at 'он сломал [его]'

Курм. *r'aza bu* '[он] спал'

pröštəg-atant '[он] сломал [их]'
äwi äz diť bu-m 'он увидел меня (-m)'

Сулейм. *hatə bum* '[я] пришел'

xöni beť-ym '(я) прочел'

Сверх перечисленных форм прошедшего времени, прямо продолжающих древние причастные обороты, существуют в отдельных языках и некоторые другие формы, главным образом новообразования. Большая часть из них представляет собой сложные формы с использованием инфинитива, имеющие сходную семантику прошедшего определенного для обозначения действия, длившегося в течение определенного срока.

В гилянском имеются две разновидности прошедшего определенного: инфинитив плюс вспомогательный глагол *dubun* 'быть' в простом прошедшем времени (или недостаточный глагол со значением «находиться»): *kudən dubum* или *kudən dəgə bum* 'я делал'.

В мазандеранском прошедшее определенное время образуется сочетанием вспомогательного глагола *dəštən* 'иметь' в прошедшем длительном времени и спрягаемого глагола в этой же форме: *mən dəštəm kərdəm* 'я делал'

В белуджском языке прошедшее определенное время состоит из инфинитива в сочетании с глагольной связкой в прошедшем времени: *man prošagāy-atan* 'я сломал'

В талышском аналогичная форма образуется от инфинитива с суффиксом *-da* и вспомогательного глагола *be* 'быть' в простом прошедшем времени: *kārde-da bim* 'я делал' Как в белуджском, так и в талышском в данной форме не выделяется спряжение переходных глаголов.

В талышском языке своеобразной временной формой, повторяющей древнеиранскую модель (не представленную в большинстве современных западноиранских языков), является прошедшее длительное время, образованное от основы настоящего времени с приставкой *a-*. В этой форме также не соблюдается различие в спряжении переходных и непереходных глаголов: *a-š-im* '[я] ходил', *a-gat-im* '[я] брал'

Сослагательное наклонение имеет широкий диапазон различных модальных оттенков значения типа сомнения, недоумения, косвенного приказанья, пожелания, предположения, условия и т. п. Лишь в некоторых языках имеется больше одной специальной формы сослагательного наклонения для дифференциации отдельных модальных значений, например, условного от желательного (в талышском). В большинстве же языков имеется единая форма наклонения, различающая только настоящее и прошедшее время.

Настоящее время сослагательного наклонения (аорист) образуется во всех северо-западных языках по единой модели: основа настоящего времени плюс приставка *b(b, i, ā, u)* и личные окончания: белудж. *b-guš-it* 'чтобы вы сказали', гилан. *bi-nivis-əm* 'чтобы я написал', мазанд. *bā-nvis-əm* 'чтобы я написал', семн. *bi-ār-un* 'чтобы я принес', курд. (курм.) *bə-bin-əm* 'чтобы я увидел', курд. (сулейм.) *bə-b-əm* 'чтобы я был', талыш. *bə-žan-əm* 'чтобы я ударил'

Аорист имеет весьма обширный диапазон модальных значений в плане настояще-будущего времени, означая в самостоятельном предложении косвенное приказание, желание, сомнение и др., а в придаточном — условие, уступительность и др. (см. раздел «Синтаксис»).

Прошедшее время сослагательного наклонения более разнотипно по образованию в отдельных языках, чем аорист. Оно всюду образуется от причастия (или основы) прошедшего времени, и в нем соблюдается различие в спряжении переходных и непереходных глаголов в тех языках, где это различие имеется. Простые формы представлены в языках белуджском и курдском, где они образуются при помощи специальных суффиксов. В белуджском эта форма состоит из основы прошедшего времени, суффикса *-en-*, факультативного префикса *b(i)-* и личных окончаний (у переходных глаголов объектное согласование): *man rasitēn-ān* 'я бы приехал', *man proštēn* 'я бы сломал [его]', *man proštēn-ant* 'я бы сломал [их]'

В курдском языке прошедшее сослагательное состоит из основы прошедшего времени, префикса *bə-* и суффиксального форманта *-aū*, который в центральных диалектах отодвигается в исход глагольной формы, следуя за окончанием *a* в диалекте курманджи втягивает в себя личное окончание, теряя или передвигая вперед *-u-*:

сулейм. *bə-hat-əm-auđ* 'если бы я пришел', курм. *āze bə-či-ya-m-a* 'если бы я ушел' (в курманджи субъект действия оформляется постпозитивным показателем -e).

В языках гиланском, мазандеранском, семнанском и талышском прошедшее сослагательное образуется однотипно из сочетания причастия прошедшего времени (в отдельных языках с префиксом *bi/bə*) и глагола 'быть' в разных по языкам формах прошедшего времени. В гиланском это прошедшее длительное, в мазандеранском отмечены перфект и еще особая форма прошедшего времени, в семнанском перфект, в талышском особая форма длительного прошедшего: гилан. *bəbārdə bim* 'я увёл бы', мазанд. *hokərd buəm* (перфектная форма) и *hokərd (bi)-bum* 'если бы я сделал', семн. *bi-ātmā bi-č-un* 'если бы я пришел', талыш. *ša baum* 'если бы я ушел'.

Прошедшее время сослагательного наклонения по диапазону значений в целом повторяет аорист, но, будучи несколько менее употребительным, имеет практически более узкий круг значений (используется главным образом в придаточных предложениях, см. раздел «Синтаксис»).

В орбиту сослагательного наклонения втянуты некоторые формы прошедшего времени изъявительного наклонения, имеющие, таким образом, двойное использование — обычно это прошедшее длительное время (см. раздел «Синтаксис»).

В талышском языке отмечено желательное наклонение с формами настоящего времени и прошедшего времени. Настоящее время образуется аналогично аористу, но имеет другой гласный показатель в окончаниях — *-o-*: *bə-š-om* 'уйти бы мне'. Прошедшее время образуется от причастия прошедшего времени и вспомогательного глагола 'быть' в настоящем времени желательного наклонения: *ša b-om* 'хоть бы я (тогда) ушел'.

НЕЛИЧНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА

Системы неличных глагольных форм в разных северо-западных языках характеризуются разной степенью полноты. Наибольшее число неличных форм отмечено в талышском языке, наименьшее — в языках курдском, мазандеранском и семнанском (две формы — инфинитив и причастие прошедшего времени, которые представлены и в остальных северо-западных языках, являются повсюду самыми продуктивными и употребительными из всех неличных глагольных форм).

Неличные формы глагола сочетают в себе свойства глагола и имени. Благодаря глагольным свойствам некоторые из них выполняют функцию предиката в отдельных конструкциях; большинство являются компонентами сложных личных форм глагола. В силу именных свойств некоторые неличные формы (например, инфинитив) выполняют синтаксические функции существительных, получая их морфологические показатели (падежные окончания и проч.), другие (например, причастие прошедшего времени) выступают как прилагательные в функции определения. Многие неличные формы глагола используются в именном словообразовании. Инфинитив в северо-западных языках имеет типовую модель образования: основа прошедшего времени плюс варьирующиеся по языкам окончания, в целом сходные по фонетическому облику: белудж. *-in*¹¹, гилан.

¹¹ В грамматиках белуджского языка эта форма толкуется как герундий.

-ən/-aŋ/-en/-on, мазанд. -ən, курд. -(b)n, -(y)in, семн. -iun, талыш. -e (наибольшее отклонение от общего типа представляет собой окончание талышского инфинитива -e с отпадением конечного -n).

Как имя действия инфинитив имеет синтаксический круг использования, общий с существительными (но практически более узкий): талыш. *hānde ċoka še-ye* 'учение — хорошая вещь' (инфинитив *hānde* в функции подлежащего). Используется в образовании некоторых сложных глагольных форм (см. личные формы). Во многих языках выступает после модальных и других глаголов, например, в талыш. *damānde bame* '[он] начал плакать'.

Причастие прошедшего времени также имеет общее по языкам образование: основа прошедшего времени плюс гласный исход, продолжающий среднеиранский суффикс -aka- (в белуджском он сохраняется как -ag; трудно возвести к нему только курдский показатель причастия *i/b*). Факультативно по языкам причастие получает префикс *bə/bə/be/bu*. Используется в определительной функции, характеризуясь, как правило, двойной залоговой семантикой пассива и актива: белудж. *kurtag* 'сделанный' и 'сделавший', гилян. *bəškəstə sətāvār* 'сломанный самовар'. Широко используется для образования сложных глагольных форм (см. выше).

В талышском языке факультативно употребляемая в других языках с причастием прошедшего времени приставка *bə* служит для образования второй формы причастия с активным значением от чистей основы прошедшего времени, например, *bəgat* 'взявший': *a xol bəgata kas* 'взявший ту ветвь человек'.

В языках белуджском и талышском отмечено причастие должностования. В белуджском языке оно образуется от инфинитива при помощи суффикса -i: *šutini* 'намеревающийся пойти', 'годный для прохождения'. Это причастие выступает как определение (например: *šutiniēn rā* 'проезжая дорога') и используется для образования форм намерения (см. личные формы).

Аналогичная форма существует в талышском языке, где в суффиксе -anin, присоединяемом к основе прошедшего времени, можно видеть восстановленное историческое окончание инфинитива -an со вторичным наращением -in: *kārdanin* 'намеревающийся делать'. От этого причастия образуется будущее намерения.

Причастия настоящего времени отмечены в языках гилянском и талышском. Гилянская форма повторяет аналогичное образование персидского языка: к основе настоящего времени присоединяется суффикс -andə: *ayəndə* 'приходящий', 'наступающий'.

Талышская форма причастия настоящего времени образуется от основы настоящего времени прибавлением префикса a-, используется при образовании личных глагольных форм и в именном словообразовании.

Не имеет аналогий в других северо-западных языках неличная форма в белуджском языке, образованная от основы настоящего времени при помощи суффикса -ag: *gir-ag* 'взятие'. Обладает значением имени действия и в белуджских грамматиках рассматривается как инфинитив. Склоняется, как имя. Лежит в основе настоящего определенного времени и прошедшего определенного времени.

Деепричастия отмечены только в гилянском и талышском языках. В гилянском это редко употребляемое образование от основы настоящего времени и суффикса -ān (по персидскому образцу): *xəndə kun-ān* 'смеясь'. В талышском форма деепричастия складывается из инфинитива и послелога -ada: *ru dāvārde-ada* 'переходя реку'.

Как деепричастия могут использоваться во многих языках причастия прошедшего времени, например, курд. (курм.) *тѣп r'upbšti Jawa wi da* 'я сидя ответил ему' (*r'upbšti* — причастие прошедшего времени).

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ГЛАГОЛОВ

Основную часть глаголов (но не самую большую) составляют глаголы простые, непроеизводные. Для производных глаголов отмечаются три способа образования: 1) сочетание имени с вспомогательным глаголом; 2) префиксация; 3) суффиксация.

Сложение имени с вспомогательным глаголом — один из характерных способов образования глаголов во всех современных иранских языках. Преобладающая масса глаголов составляется именно этим способом: имя (существительное или прилагательное) плюс вспомогательный глагол. В его роли чаще всего выступают глаголы «делать» (образует переходные глаголы) и «быть» или «становиться» (образует непереходные глаголы) и еще некоторые глаголы (обычно для этого используют около десяти полнозначных глаголов): белудж. *paydā kurtin* 'находить' (*paydā* 'явный', 'видный', *kurtin* 'делать'), гилян. *šānā kudān* 'плавать' (*šāna* 'плавание', *kudān* 'делать'), мазанд. *xiyāl kerdān* 'думать' (*xiyāl* 'мысль', *kerdān* 'делать'), курд. *bir kərbn* 'забывать' (*bir* 'память', *kərbn* 'делать'), талыш. *nīon be* 'прятаться' (*nīon* 'тайный', *be* 'становиться', 'быть').

Словообразующие префиксы отмечены во всех северо-западных языках. Но не во всех из них они учтены полностью и не всюду установлено их значение. Например, следующие словообразующие префиксы — в семн. *vā-*, *hā-*, *dā-*, в мазанд. *b(a)-*, *hə-*, *hər-*, *d(a)-* не определены в своей семантике. В более изученных языках известно, что словообразующие глагольные приставки приносят добавочное значение в основную семантику глагола. Например, в талышском префикс *e-* означает движение вниз (*še* 'идти', *eše* 'спускаться вниз'), *pe-* — движение вверх (*peše* 'подниматься'), *be-* — движение наружу (*beše* 'выходить'), *o-* — движение обратно и повторное действие (*ogārde* 'возвращаться', *gārde* 'передвигаться'); в гилянском префикс *də-/du-* означает направление внутрь (*dəkāftān* 'попадать'), *fu-* — движение вниз (*fukudān* 'ронять' от *kudān* 'делать'), *fa-* — направленность действия (*farāsān* 'достигать' от *rāsān* 'прибывать'), *va-* — движение назад, повторность (*vagārdāstān* 'возвращаться' от *gārdāstān* 'ходить'); в курдском приставка *qār-* означает движение наружу (*dārk'ātān* 'выходить' от *k'ātān* 'падать'), *vā-* — движение вспять, повторность (*vāčekərbn* 'восстанавливать' от *čekərbn* 'строить'), *r'a-* — движение вверх (*r'abun* 'вставать' от *bun* 'быть', 'становиться'), *hyl-* — движение вверх (*hylgārtān* 'поднимать' от *gārtān* 'держаться').

Суффиксация применяется для образования понудительных (каузативных) или просто переходных глаголов. Во всех языках распространен суффикс *an/dān/en/on*, присоединяемый к основе настоящего времени (отсутствует в курдском диалекте курманджи, не отмечен в мазандеранском): белудж. *-en* (*gardēn* 'вернул' от *gard-* 'двигаться'), гилян. *-an* (*tārsānen* 'пугать' от *tārsen* 'бояться'), талыш. *-(o)n/-von/-ovn* (*kārdovnie* 'заставить делать' от *kārde* 'делать'). В центральных диалектах курдского языка суффикс каузативности меняется в зависимости от времени: *-en/-in* в настоящем, *-an* в прошедшем (*dār'an* 'рваться', *dār'anān* 'рвать' с основой настоящего времени *dār'en* и основой прошедшего времени *dār'an*).

В белуджском языке сохранился архаичный непродуктивный способ образования каузативов путем чередования гласной основы *pruṣ*: *pruṣt* 'разбиться' — *proṣ*: *proṣt* 'разбить'.

Чередование гласных при образовании каузативов наблюдается и в талышском языке, но здесь оно, очевидно, вторичного происхождения, являясь следствием ассимиляции под влиянием гласного *o* суффикса *-on-* (*lōve* 'шевелиться' — *lōvone* 'шевелить'). В талышском отмечен и второй непродуктивный способ образования понудительных глаголов при помощи суффикса *-t-*, присоединяемого к основе настоящего времени у некоторых глаголов: *okuṣie* 'гаснуть' — *okuṣ-te* 'гасить'.

НАРЕЧИЕ

Наречие как часть речи выделяется не вполне четко из системы имени. Помимо сравнительно небольшого количества собственно наречий имеется, безусловно, большее число имен, употребляемых как наречия в обстоятельственной функции. Имена в этой функции могут выступать в форме основы (что главным образом относится к прилагательным), а также в различном морфологическом оформлении — в формах косвенных падежей, в сочетании с предлогами и послелогами и др.

Во всех традиционных семантических разрядах наречий выступают и собственно наречия, и имена, означающие обычно качество, признак, место, время и т. п.

Так, собственно наречие места мы видим в белудж. *ku*, *guja* 'куда', *oda(n)* 'там', гилян. *ara* 'сюда', курд. *k'ō* 'где', семн. (санг.) *kæji* 'где', талыш. *iyo* 'здесь', *ayu* 'там' и т. д. В той же функции обстоятельства места выступают и имена: белудж. *lāpā* 'внутри' (сущ. *lāp* 'внутренность' в предл. пад.), талыш. *əvga* 'здесь' (сочетание указат. мест. *ə* 'этот' и сущ. *vga* 'место') и др.

Аналогичное положение в других разрядах наречий — собственно наречия: белудж. *gudan* 'тогда', *ṣon* 'как', *e dawl* 'так', курд. *nya* 'сейчас', *hyla* 'еще', талыш. *zina* 'вчера', *lāp* 'очень'; имена: гилян. *ṣəb* 'вечером' (сущ. *ṣəb* 'вечер'), курд. *zu* 'быстро' (прил. 'быстрый') и др.

СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА

Предлоги и послелоги широко употребительны в северо-западных языках. Они являются гибким синтаксическим средством для выражения отношений слов в предложении, дифференцирующим очень общие значения косвенных падежей в этих языках. Главной синтаксической сферой предлогов и послелогов является оформление косвенных дополнений и обстоятельств путем сочетания с именами.

Для северо-западных языков характерно, что предлоги уступают послелогам по количеству, а часто и по употребительности. Исключение составляет курдский язык, где перевес, во всяком случае числовой, на стороне предлогов (в курманджи на три послелога, правда широко употребляемых и с широким кругом значений, приходится свыше двадцати предлогов).

Основные предлоги во всех северо-западных языках общего происхождения. Несколько варьируя по своему фонетическому облику в отдельных языках, они сохраняют, как правило, основное общее значение и в целом сходный круг использования. Таковы, например, белудж. *bi*, гилян. *bə*, курд. (курм.) *bə*, курд. (сулейм.) *bā*, семн. *be*. талыш. *ba* с основным значением направления (белудж. *bi gisā* 'до-

мой', гилан. *bə meydač* 'на площадь', талыш. *ba šahr* 'в город' и др.); белудж. *ša'ač*, гилан. *az*, курд. *žə*, семн. *āz*, талыш. *čə* с основным значением исхода (белудж. *šamman* 'от меня', курд. *žə göid* 'из деревни') и др. Помимо конкретных значений предлоги имеют и переносные (например: белудж. *až Ahmad hālā manā kal n-en* 'я ничего не знаю об Ахмеде', талыш. *badom ba tə* 'дам тебе' и др.).

В семнанском языке у предлогов сохраняется персидский фонетический облик, указывающий на их возможное заимствование: *āz*, *bā*, *be*, *ba'd az*, *tā* и др.

Наибольшее число оригинальных предлогов отмечается в курдском: *lê* 'в', *bal* 'возле', *r'āx* 'возле', *bona* 'для', *ort'a* 'между', *xenfi* 'кроме' и др.

Из собственно послелогов следует отметить один из наиболее широко распространенных и употребительных послелогов *ro/ra'o/a*, восходящий к дренеиранскому *radiy* 'ради' и послуживший в некоторых северо-западных языках для образования вторичной падежной флексии.

Среди послелогов мы находим и бывшие предлоги, которые, подчиняясь тенденции к преобладанию послеложного оформления, стали использоваться как послелоги. Таковы гилан. *jə*, мазанд. *jə* с общим значением исхода (белудж. *aš*, *až* также может употребляться послеложно), талыш. *(a)da* со значением нахождения внутри и др.

Но особенно много среди послелогов (и в меньшей степени среди предлогов) так называемых именных¹², сохраняющих тесную связь с именами как по семантике, так и в морфологическом оформлении, и вообще способных выступать как самостоятельное имя. Так, в белуджском языке послелог как формальное определение согласно общему правилу определительных сочетаний получает показатель предложного падежа, а предшествующее имя (местоимение) стоит в форме родительного падежа: *ammau sarā* 'на нас' (*sarā* 'на', 'сверху' от *sar* 'голова'). В курдском языке именно предлоги, будучи формально определяемыми, принимают изафет: *ort'a şana* 'среди них' (*ort* 'середина' принимает изафет женского рода, употребляясь как предлог).

Имя, оформленное предлогом или послелогом, как правило, стоит в косвенном падеже. Но в некоторых языках намечается тенденция к замене косвенной формы на прямую. Значительное развитие эта тенденция приобрела, например, в гиланском языке, где имя с предлогом стоит только в прямом падеже, но с послелогом в атрибутивной форме, например: *bə šar* 'в город, но *darə jir* 'под деревом'. В талышском языке имя с предлогом и послелогом должно стоять в косвенной форме, но существует масса исключений из этого правила. Наименьшее число исключений такого рода отмечается, по-видимому, в курдском и белуджском языках.

В талышском языке широкое применение получили предложно-послеложные конструкции. Самые употребительные предлоги, такие, как *ba*, *čə*, *bə*, широко используются для уточнения их общего значения с различными послелогом (ср., например: *oma ba šahr* 'приехал в город', но *oma ba čau toni-ku* 'пришел к нему', где комбинация предлога *ba* со сложным послелогом *toni-ku* используется для указания направления к лицу).

Предложно-послеложные конструкции отмечаются во всех северо-западных языках.

¹² Исключение составляет курдский язык, в котором отсутствуют именные послелоги.

Союзы в северо-западных языках в своем основном составе повторяются от языка к языку. Среди сочинительных союзов прежде всего следует отметить самый распространенный соединительный союз «и» (употребляемый и противительно): белудж. *ō(u)wa*, гилян. *ve/-ə/-u*, мазанд. *-ə*, курд. *u*, семн. *vā/və*; союз с соединительным значением «тоже», «также»: гилян. *ham'am*, курд. *hə:l/həm*, семн. *hām*, талыш. *-an* (этот союз в талышском фактически почти вытеснил союз *va*, заняв монопольное положение единственного соединительного союза); противительный союз «но»: белудж. *amā*, семн. *amta*, талыш. *amə* и др.

Среди подчинительных союзов бесспорно первое место по распространенности и широте функций занимает универсальный союз *ki/ke*, вводящий всякого рода придаточные предложения (дополнительные, определительные, цели и др.). Употребительны также союзы «если»: белудж. *agar*, гилян. *agər*, курд. *ägār*, семн. *ägār*, талыш. *agar/lagam*; «когда»: гилян. *vəxti(ki)*, курд. *wāxta(kō)*, талыш. *vāxtə ki*.

Среди частиц отметим утвердительные: белудж. *hau*, *balē*, курд. *ha*, талыш. *ha*, *bale*. В качестве частиц отрицания используются, как правило, те же, что и в глагольных формах с некоторыми фонетическими изменениями, иногда с наращением дополнительного слога: белудж. *na*, *inna*, курд. *na*, талыш. *ne*.

Междометия, употребляемые для выражения различных эмоций, весьма характерны для разговорной речи, но зафиксированы они не во всех северо-западных языках. Наиболее полно зафиксированы междометия курдского языка. Существуют общие для нескольких языков междометия: *wālā* для усиления утверждения встречается в курдском и талышском, *va*у 'о' (при сожалении) также отмечен в этих двух языках, *āy/hāy* 'эй' — в белуджском и талышском.

В курдском интересны специальные восклицания-обращения, дифференцируемые в зависимости от того, адресованы они мужчине или женщине: *olo-lo! oro-ro!* (к мужчине), *cle-le!* (к женщине).

СИНТАКСИС

В качестве основных способов выражения синтаксических отношений во всех северо-западных языках употребляются согласование, управление, примыкание и порядок слов.

Использование этих способов синтаксических связей имеет некоторые существенные особенности в зависимости от наличия или отсутствия в языках эргативной конструкции. Собственно говоря, их использование своеобразно именно в эргативной конструкции. Поэтому группу языков, где она представлена (сюда входят белуджский, курдский, семнанский и талышский), следует выделить особо, в отличие от языков гилянского, мазандеранского и отдельных диалектов белуджского и курдского языков, лишенных эргативной конструкции.

О грамматической сфере использования эргативной конструкции — с переходными глаголами в формах прошедшего времени — говорилось в соответствующем разделе глагола. Следует не упускать из виду, что во всех иранских языках с эргативной конструкцией она сосуществует с номинативной конструкцией.

Кроме того, нужно учесть, что эргативная конструкция имеет две разновидности: в одной (курдский, белуджский языки) отмечено

согласование с логическим объектом, в другой (семнанский, талышский) глагол не имеет личных окончаний, а лицо и число субъекта действия выражается аналитически при помощи энклитических местоимений.

Таким образом, согласование подлежащего и сказуемого, нормальное для номинативной конструкции, в эргативной или отсутствует, как таковое, или ориентировано на логический объект. Это видно из сравнения следующих примеров: гилан. *šime zakān či kunidi?* 'Что делают ваши дети?'; талыш. *mъ vinde* 'Я видел' или *mъ av-əm vinde* 'Я его видел', где в первой талышской фразе глагол не имеет показателей, а во второй выступает энклитическое местоимение *-əm*, тавтологичное полной форме местоимения *mъ*; курд. (курм.) *ʔawi āz dit-əm* 'Он меня увидел' — глагол *dit-əm* согласован с прямым объектом *āz*.

Таким образом, согласование как основной способ субъектно-предикативной связи в номинативной конструкции в эргативном предложении отсутствует или трансформируется в объектно-предикативную связь.

Согласование может быть полным или неполным. Неполное согласование возможно только в 3-м лице и выражается в несоответствии числа у подлежащего и сказуемого (единственное у подлежащего, множественное у сказуемого, и наоборот): гилан. *mar-dum šāhādāt dāhidi* 'народ засвидетельствует' (букв. 'засвидетельствуют'). В языках белуджском и курдском отсутствие показателя множественного числа у имени в прямом падеже приводит к тому, что в эргативной конструкции логический объект, выступающий в прямой форме, может выразить множественное число только через глагольную форму: курд. (курм.) *mъn mi fъrotъn* 'Я продал овец' — множественное число объекта *mi* выражено глагольной формой множественного числа 3-го лица *fъrot-ъn*.

Примыкание и управление, используемые для выражения объектно-предикативной связи, в эргативной конструкции применяются иначе, чем в номинативной. Так, в номинативной конструкции по принципу управления устанавливается связь определенного прямого дополнения со сказуемым: гилан. *xu kārā tāmām kune* 'он заканчивает свою работу' (прямое определенное дополнение *xu kārā* стоит в объектном падеже). Примыкание в номинативной конструкции является способом связи неопределенного прямого объекта со сказуемым: гилан. *ruznāmъ xandi* '(он) читал газету' (прямое неопределенное дополнение *ruznāmъ* в форме прямого падежа примыкает к сказуемому). В эргативной же конструкции вне зависимости от определенности или неопределенности прямого дополнения оно стоит только в прямой форме, примыкая к сказуемому: талыш. *ay ъм žen vindъ-še* 'он видел эту женщину' или *ay glay žen vindъ-še* 'он видел какую-то женщину' (в обеих фразах как определенный, так и неопределенный объект стоит в прямой форме).

Примыкание и управление используются также для синтаксических связей обстоятельств, косвенных дополнений, оформления определенных сочетаний.

Порядок слов в номинативной конструкции характеризуется известной свободой. При преимущественном следовании сказуемого за подлежащим многочисленны случаи инверсии. Между тем инверсия в отношении главных членов эргативного предложения недопустима.

Кратко изложенные особенности использования основных способов выражения синтаксических отношений в эргативной конструкции

связаны со своеобразием ее структуры, в конечном счете со своеобразным морфологическим оформлением ее главных членов. В эргативной конструкции подлежащее выражается именем в косвенной форме, а прямое дополнение — именем в прямом падеже: талыш. *mūallimi šagərt voçanda-še ba ka* 'учитель послал ученика домой' (подлежащее *mūallimi* стоит в косвенном падеже, прямое дополнение *šagərt* — в прямом).

Если в номинативном предложении мы имеем два главных члена предложения, подлежащее и сказуемое, то в эргативной конструкции в качестве третьего главного члена предложения можно рассматривать и прямое дополнение, поскольку непременным условием эргативной конструкции является переходность глагола и особое морфологическое оформление всех трех его членов.

В отличие от номинативного предложения эргативное, как правило, не может быть односоставным. Редко оно состоит только из сказуемого. Наличие в эргативной конструкции подлежащего и сказуемого является регулярным, обычно лишь отсутствие объекта: курд. *awî got* 'он сказал', талыш. *mə vinde* 'я видел'.

Именное сказуемое возможно только в номинативной конструкции. Оно состоит обычно из имени в основной форме и глагольной связи: белудж. *gwanəden brās ganək at* 'младший брат дурак'.

Второстепенные члены предложения в своем оформлении и позиции в предложении не зависят от эргативного или номинативного его строя.

Обстоятельства, выражаемые наречиями и наречными словами, в зависимости от семантики тяготеют или к сказуемому (обстоятельства образа действия), или к началу предложения (например, обстоятельства времени): талыш. *māški šedam ba šahr* 'Завтра утром поеду в город', белудж. *nazdiktir at* '[он] подошел поближе'.

Косвенные дополнения, выраженные именами в оформлении предлогов и послелогов, предшествуют обычно прямому дополнению или помещаются после сказуемого: талыш. *av ba tš miva doda* 'Он дает тебе фрукты', курд. (курм.) *awî qālām da bəre* 'Он дал карандаш брату'.

О типах определительных сочетаний говорилось в разделе «Морфология», где все языки были разделены на «изафетные» и «безызафетные». Расположение определения и определяемого относительно друг друга всегда твердо закреплено в соответствии с типом сочетания.

Сложные предложения, как характерная принадлежность книжной литературной речи, в целом слабо развиты во многих северо-западных языках, являющихся мало- или совсем бесписьменными. Можно сказать, что в разговорной речи сложные предложения присутствуют в зародышевом состоянии, несколько более развиты они в языке фольклора и достигают относительно полного развития лишь в письменной форме тех языков, которые ею обладают.

Сложносочиненные предложения употребляются в устной речи ряда языков едва ли не реже, чем сложноподчиненные. Например, записи талышской разговорной речи имеют лишь единичные примеры сложносочиненных предложений. Даже повествовательная речь поражает своим лаконизмом и простотой синтаксиса. Потребность в сложноподчиненных предложениях развита сильнее. Наиболее употребимы придаточные условия, времени, дополнительные и определительные.

Для выражения условия во всех языках употребляется союз *ägär*

‘если’ (с небольшими фонетическими вариациями). Для выражения так называемого нереального условия в придаточном обычно используется глагол в сослагательном наклонении прошедшего времени, а в главном — глагол в форме прошедшего длительного времени: талыш. *agar zina ota bayš, ašimən ba čay tono* ‘Если бы ты вчера пришел, [мы] пошли бы к нему’ Если условие реально и относится к будущему, то в придаточном глагол употребляется в аористе: гилан. *agər ti meyla bə jâ navəram, ki meyla bə jâ bavəram* ‘Если я твое желание не исполню, [то] чье же желание мне исполнять?’. Подобная обусловленность форм времени в зависимости от типа придаточного наиболее свойственна именно условным предложениям.

Придаточное предложение времени обычно предшествует главному или вклинивается в него: курм. *wəxtā ām gəhištəndə mešə, barane bər'i* ‘Когда мы дошли до леса, дождь перестал’; белудж. *ešāni pis waxte ki murtat, eš māl dāštant* ‘У них, когда умер отец, было имущество’.

Дополнительные придаточные предложения следуют за главным. Часто вводятся универсальным союзом *ki/ke* (возможно и бессоюзное подчинение): гилан. *šuma danidi ki Husyeu xeyli bāhuš bi* ‘Вы знаете, что Хусейн был очень умным’; семн. *a šāmā pi xeyli tam-nin-um ke šāmā mura kâqa benevišbiditun* ‘Я очень вам благодарен, что вы написали мне письмо’; курм. *aw dəwxəze tō we name bəxuni* ‘Он хочет, [чтобы] ты прочитал это письмо’.

Определительные придаточные предложения присоединяются при помощи союза *ki/ke*, следуя непосредственно за тем словом, к которому относятся: белудж. *gəwəndən brās ki ganək bīt, ā rōč ta bə-gāi mujöl-gwāzi-ya kurti* ‘Младший брат, который был дурак, в тот день до вечера играл в бабки’. В курдском языке (курманджи) возможно подчинение определительного предложения при помощи изафета или относительного местоимения: *xorte* (или *xort ye*) *tō vār'e kəri šagərte mən bi* ‘Юноша, который тебя провожал, был моим учеником’.

Придаточные цели и причины вводятся различными союзами, включая тот же универсальный союз *ki*: гилан. *har ruz yək saat vəxt fadidi tā nāhār buxorim* ‘Каждый день нам дают час времени, чтобы мы пообедали’; белудж. *man raîn ki mni jaw-u galla ušk bûta-art* ‘Я пойду, потому что у меня засохли ячмень и пшеница’.

Прямая речь имеет преимущественное развитие за счет косвенной, почти вытесняя ее. Прямая речь вводится обычно союзом *ki* (или следует без союза): гилан. *Mohsan bugoftə ki tu kâmilan durust gi* ‘Мохсан сказал: «Ты совершенно правильно говоришь»’; белудж. *jinən-i gušti: ta guja raway?* ‘Его жена сказала: «Ты куда идешь?»’.

ЛЕКСИКА

Вся основная лексика северо-западных языков является иранской. Среди иранских по происхождению слов подавляющая масса представлена общими для большинства языков корнями. К исконно иранским словам относятся следующие категории слов:

1. Местоимения: ‘я’ — белудж. *man*, гилан. *tən*, курд. *тə*, семн. *ти*, талыш. *тə*, мазанд. *тэн* и др.

2. Первообразные глаголы: «говорить» — белудж. *guştin*, гилан. *guftən*, курд. (курм.) *gotb*, мазанд. *bauten*, семн. *bâtiyun*, талыш.

vate; «видеть» — белудж. *distin*, гилян. *deen*, курд. *ditê*, семн. *ba-diân*, талыш. *vinde* и др.

3. Числительные: «один» — белудж. *yak*, гилян. *i*, *yək*, курд. *yāk*, семн. *i*, талыш. *i* и др.

4. Многие прилагательные: «красный» — гилян. *surx*, курд. *sor*, семн. *sur*, талыш. *sə*; «черный» — гилян. *siyā*, семн. *siə*, талыш. *siyo* и др.

5. Существительные, среди них: а) названия частей тела, например: «глаз» — белудж. *čamm*, гилян. *čəšm*, курд. *c'ə'v*, талыш. *čaš*; «голова» — белудж. *sar*, гилян. *sər*, курд. *sāri*, семн. *sar*, талыш. *sa* и др.; б) термины родства: «сын» — белудж. *bač*, гилян. *pəsər*, семн. *pīr*, талыш. *zua*; «отец» — белудж. *pīt*, гилян. *per*, семн. *piā*, талыш. *pəa* и др.; в) названия явлений природы: «вода» — белудж. *āp*, курд. *av*, талыш. *ov*; «луна» — гилян. *mā*, курд. *meh*, семн. *mo*, талыш. *māng*; г) названия животных: «лисица» — белудж. *rōbā*, курд. *givi*, семн. *guba*, талыш. *gəvəs*; «лошадь» — белудж. *asp*, гилян. *asb*, курд. *h'āsp*, семн. *asb*, талыш. *āsp* и т. д.

Среди заимствованной лексики на первом месте стоят арабские слова, главным образом связанные по значению с мусульманской культурой: *majlis* 'собрание', *maslahat* 'совет', *mak'ab* 'школа' и др.

Значительны заимствования из персидского языка, особенно в семнанском и гилянском языках.

Отмечаются тюркские заимствования, особенно в талышском (из азербайджанского), в отдельных говорах курманджи (из азербайджанского и туркменского), в говоре советских белуджей (из туркменского).

В восточных диалектах белуджского языка отмечается слой индийских заимствований.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бакаев I — Бакаев Ч. Х., Краткий очерк грамматики курдского языка, — в кн.: Бакаев Ч. Х., Курдско-русский словарь, М., 1957.
Бакаев II — Бакаев Ч. Х., Говор курдов Туркмени, М., 1962.
Бакаев III — Бакаев Ч. Х., Язык азербайджанских курдов, М., 1965.
Жуковский — Жуковский В. А., Материалы для изучения персидских наречий, т. I, СПб., 1888; т. II, III, Пг., 1922.
Завьялова — Завьялова В. И., Новые сведения по фонетике иранских языков, Гилянский и мазандеранский языки, — «Труды Института языкознания АН СССР», вып. VI, М., 1956.
Зарубин — Зарубин И. И., Белуджские сказки, вып. I, Л., 1932; II, М.—Л., 1949.
Курдоев I — Курдоев К. К., Грамматика курдского языка, М.—Л., 1957.
Курдоев II — Курдоев К. К., Курдский язык, М., 1961.
Миллер — Миллер Б. В., Талышский язык, М., 1953.
Пахал., Сок. I — Пахалина Т. Н., Соколова В. С., Гилянский язык, — сб.: «Современный Иран», М., 1957.
Пахал., Сок. II — Пахалина Т. Н., Соколова В. С., Мазандеранский язык, — сб.: «Современный Иран», М., 1957.
Расторгуева — Расторгуева В. С., Керимова А. А., Мамедзаде А. К., Пирейко Л. А., Эдельман Д. И., Гилянский язык, М., 1971.
Соколов — Соколов С. Н., Грамматический очерк языка белуджей Советского Союза, — «Труды Института языкознания АН СССР», вып. VI, М., 1956.
Соколова — Соколова В. С., Очерки по фонетике иранских языков, вып. I, М.—Л., 1953.
Фролова — Фролова В. А., Белуджский язык, М., 1960.
Эйюби — Смирн. — Эйюби К. Р., Смирнова И. А., Курдский диалект мукри, Л., 1968.

- Christensen — Christensen A., Contributions à la dialectologie Iranienne, I—II, København, 1930—1935.
 Henning — Henning W. B., The Ancient Language of Azerbaijan, — TPS, 1954.
 K.-P. F. — Mann O., Hadank K., Kurdisch-persische Forschungen, Berlin, 1906—1932.
 MacKenzie — MacKenzie D. N., Kurdish Dialect Studies, I, II, London, 1961, 1962.
 Morgenstierne I — Morgenstierne G., Notes on Sāmnāni, — NTS, Bd XVIII, Oslo, 1958.
 Morgenstierne II — Morgenstierne G., Feminine Nouns in Western Iranian Dialects, — «A locust's leg», London, 1962.
 Yarshater I — Yarshater E., Dialect of Shāhrud (Khalkhāl), — BSOAS, 1959, vol. XXII, pt 1.
 Yarshater II — Yarshater E., The Tati Dialect of Kajal, — BSOAS, 1960, vol. XXIII, pt 2.
 Yarshater III — Yarshater E., The Tati Dialects of Ramand, — «A locust's leg. Studies in honour of Tagizadeh», London, 1962.
 Yarshater IV — Yarshater E., A Grammar of Southern Tati Dialects, The Hague—Paris, 1969.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ав. — авестийский	мазанд. — мазандеранский
белудж. — белуджский	м. р. — мужской род
буд. вр. — будущее время	мн. ч. — множественное число
вост. диал. — восточные диалекты	наст. вр. — настоящее время
гилян. — гилянский	объектн. пад. — объектный падеж
др.-ир. — древнеиранский	опат. — опатив
др.-п. — древнеперсидский	повелит. накл. — повелительное наклонение
ед. ч. — единственное число	прям. пад. — прямой падеж
ж. р. — женский род	род. пад. — родительный падеж
зап. диал. — западные диалекты	санг. — сангисари
им. пад. — именительный падеж	семи. — семнанский
имперф. — имперфект	сосл. накл. — сослагательное наклонение
кашан. — кашани	сулейм. — сулеймани
косв. пад. — косвенный падеж	сущ. — имя существительное
курд. — курдский	талыш. — талышский
курм. — курманджи	усл. накл. — условное наклонение
л. — лицо	

ЮГО-ЗАПАДНАЯ ГРУППА

ФОНЕТИКА

Вокализм. Состав гласных фонем в современных юго-западных иранских языках приведен в следующей ниже табл. 1 (в сопоставительном плане с вокализмом древних языков¹).

Гласные звуки в диалектах Фарса: в таджикских — краткие *a, ā, a, e, i, u, o*; долгие *ā, â, ê, î, ñ, û, ô*; в ларских — *a, ā, o (a), e, ê, î, ī, y, ŷ, u, ū, ñ, ð*. Для гласных характерны качественные и количественные противопоставления.

Как известно, древние языки (древнеперсидский и среднеперсидский), а также язык классических авторов характеризовались фонологическим противопоставлением кратких и долгих гласных, диапазоном качественных различий которых был, по-видимому, весьма незначительным. Так, в древнеперсидском отмечены три пары гласных:

¹ Древнеперсидский вокализм содержит шесть монофтонгов и четыре дифтонга (*ai, āi, au, āu*). Дифтонги *ai* и *au* включены в таблицу монофтонгов, так как в дальнейшем они подвергались монофтонгизации (см. табл. 1).

Древнеперсидский язык	Среднеперсидский и классический язык	Язык фарси-кабули	Таджикский язык	Язык хазара	Персидский язык	Татский * язык
<i>a</i>	<i>a</i>	<i>a</i>	<i>a</i>	<i>a</i>	<i>ā</i>	<i>æ</i>
<i>ā</i>	<i>ā</i>	<i>ā</i>	<i>ō</i>	<i>ō</i>	<i>ā</i>	<i>a</i>
<i>i</i>	<i>i</i>	<i>i</i>	<i>i</i>	<i>i</i>	<i>e</i>	<i>ÿ</i>
<i>ī</i>	<i>ī</i>	<i>ī</i>			<i>ī</i>	<i>i</i>
<i>aī</i>	<i>ē</i>	<i>ē</i>	<i>ē</i>	<i>ē</i>		
<i>u</i>	<i>u</i>	<i>u</i>	<i>u</i>	<i>u</i>	<i>o</i>	<i>ÿ</i>
<i>ū</i>	<i>ū</i>	<i>ū</i>				
<i>aυ</i>	<i>ō</i>	<i>ō</i>	<i>ū</i>	<i>ū</i>	<i>ū</i>	<i>u</i>

* В татском языке отмечены также фонемы *ø*, *ɨ* и *o*, характерные для татского произношения азербайджанских слов [Грюнберг, 9]. Фонема *ÿ* восходит к историческим *i* и *u*.

a—ā, *u—ū*, *i—ī*; в дальнейшем к ним прибавились долгие: *ē* (из др.-перс. *aī*) и *ō* (из др.-перс. *aυ*).

В сравнении с указанными языками вокализм современных языков претерпел существенную эволюцию: а) во взаимоотношении качества и количества гласных, б) в соответствиях современных гласных историческим, в) в составе вокализма в целом (см. выше). Современные гласные отличаются прежде всего своим качественным противопоставлением; признак длительности потерял свое былое смысловозначительное значение, превратившись во второстепенный признак гласного. Утрата значимости долготы стимулировала качественные сдвиги гласных (по подъему и — меньше — по ряду, правда индивидуально для каждого языка). Это привело к окончательному разрушению парных противопоставлений гласных, характерных для древних языков.

С точки зрения количества гласные в современных языках противопоставляются в основном по признаку устойчивый — неустойчивый. К числу устойчивых гласных относятся: в персидском — *ī*, *ā*, *ū*; в фарси-кабули² — *ē*, *ī*, *ā*, *ū*, *ō*; в таджикском — *ē*, *ō*, *ū*; в хазара — *ē*, *ō*, *ū*; в татском — *æ*, *a*. К числу неустойчивых гласных относятся: в персидском — *e*, *ā*, *o*; в фарси-кабули — *i*, *a*, *u*; в таджикском *i*, *a*, *u*; в хазара — *i*, *a*, *u*; в татском — *i*, *ÿ*, *u*. В таджикском и татском языках отмечены отдельные реликтовые случаи этимологической долготы: *ī*, *ū* (тадж.); *ā*, *ī*, *ū* (тат.).

Помимо монофтонгов в составе вокализма современных юго-западных языков отмечены следующие дифтонги: перс. *eī*, *ou*, тадж. *aī*, *aυ*, кабули *aī*, *aυ*, хаз. *aī*, *aυ*, *ēυ*, тат. *eī*, *aυ*, *øυ*, лар. *āī*, *eī*, *ou*.

² По характеристике Т. Н. Пахаллиной в кабульском просторечии пять долгих гласных фонем (*ī*, *ē*, *ū*, *ā*, *ō*) и три краткие (*i*, *u*, *a*) [Пахаллина, 45]. Инструментальное исследование вокализма литературного кабули (дари), проведенное В. А. Ефимовым в 1977 г., также показало наличие оппозиции гласных по долготе — краткости. По техническим причинам долгота и устойчивость гласных в данном разделе обозначаются одним и тем же знаком —.

Консонантизм современных юго-западных иранских языков базируется главным образом на древнеперсидской основе.

В языке авторов классического периода отмечены 22 согласные фонемы³:

глухие смычные: *p, t, k*;

звонкие смычные: *b, d, g*;

аффрикаты: *č, ǰ*;

глухие щелевые: *f, s, š, x, h*;

звонкие щелевые: *v, z, ž, l, y, ɣ*;

носовые: *m, n*;

дрожащие: *r*.

Такой же состав консонантизма и в современном персидском языке. В консонантизме других языков отмечены лишь незначительные отличия от указанного типа. Так, в фарси-кабули, в таджикском, хазара, а также в таджикских и ларских диалектах Фарса наряду со звонким щелевым увулярным *ɣ* различается как самостоятельная фонема глухой смычный увулярный *q*⁴ (в арабских и тюркских заимствованиях). В татском представлен смычный увулярный со средней звонкостью *g*. В языке афганских хазара отмечены ретрофлексные (церебральные) звуки *ʃ* и *ǰ*, которые противопоставляются переднеязычным дорсальным *t* и *d*. В диалектах Фарса необходимо отметить сохранение старого звонкого зубного спиранта *ð*, являющегося вариантом фонемы *d*. Отсутствующий в фарси-кабули и хазара губно-зубной *v* замещается билабиальным *w*. Во многих языках факультативно представлены верхнефарингальные *ħ* и *ʕ* (главным образом в арабских религиозных терминах). В диалектах Фарса *ʕ* произносится как слабый спирант. В хазара нижнефарингальный щелевой *h* весьма неустойчивый звук. В таджикском языке в русских заимствованиях встречается аффриката *s*.

Ударение, как правило, падает на последний слог слова. Однако в отдельных глагольных формах и в наречиях, а также в модальных и утвердительных словах возможен перенос ударения с конца слова на предшествующие слоги.

ГРАФИКА

Персидский, таджикский и фарси-кабули — письменные языки. Алфавит персидского языка и фарси-кабули создан на основе арабского с добавлением четырех знаков: *پ* — *p*, *چ* — *č*, *ژ* — *ž*, *گ* — *g* (табл. 2).

³ Входявшие вначале в состав консонантизма *w* и *ð*, восходящие к соответствующим древнеперсидским звукам, впоследствии исчезли. Ряд древнеперсидских звуков проник в современные языки в трансформированном виде (из среднеперсидского языка): *θ > h* (в интервокальном положении) или *s* (в начале слова); *ss(θʳ) > h*, реже *s*. Отсутствовавший в древнеиранских языках согласный *l* (незаимствованный) возник из *gd, r* или *ð*.

⁴ В персидском языке вопрос о соотношении смычного увулярного, изображаемого в графике «кафом» *ق*, и щелевого увулярного (в графике *غ*) еще окончательно не выяснен. См. [Сок., Лив., Фар.].

Название буквы	Начертание буквы (в изолированном положении)	Звук, обозначаемый буквой	Название буквы	Начертание буквы	Звук, обозначаемый буквой
«алеф»	ا آ	[a], [e], [o]	«сад»	ص	[s]
«бе»	ب	[b]	«зад»	ض	[z]
«пе»	پ	[p]	«та»	ط	[t]
«те»	ت	[t]	«за»	ظ	[z]
«се»	ث	[s]	«айн»	ع	[ʾ]
«джим»	ج	[j]	«җайн»	غ	[ɣ]
«чин»	چ	[č]	«фе»	ف	[f]
«һайе һотти»	ح	[h]	«қаф»	ق	[q], [ɣ]
«хе»	خ	[x]	«каф»	ک	[k]
«дал»	د	[d]	«гаф»	گ	[g]
«зал»	ذ	[z]	«лам»	ل	[l]
«ре»	ر	[r]	«мин»	م	[m]
«зе»	ز	[z]	«нун»	ن	[n]
«же»	ژ	[ž]	«вав»	و	[a], [v], [w], [ou], [au]
«син»	س	[s]	«һайе һавваз»		[h]
«шнн»	ش	[š]	«йа»	ی	[i], [ē], [y], [e], [a]

Арабская графика представляет ряд неудобств для письма: некоторые фонемы в персидском и фарси-кабули ([s], [z], [t]) имеют по три-четыре графемы; неустойчивые (краткие) гласные, наоборот, не имеют специальных букв и т. п.

Таджикский алфавит основан на русский графике с добавлением шести букв: ғ, й, к, ӯ, х, ч. Алфавит включает 32 буквы. Приводим таджикский алфавит, а также (в скобках) транскрипционные знаки для передачи звуков, обозначаемых той или иной буквой: а [a], б [b], в [v], г [g], д [d], е [ē], ё [yō], ж [ž], з [z], и [i], й [y], к [k], л [l], м [m], н [n], о [ō], п [p], р [r], с [s], т [t], у [u], ф [f], х [x], ц [c], ч [č], ш [š], щ [š'š'], ь ('), ы, ь, ю [yū], я [ya], ғ [ɣ], й [i], к [q], ӯ [ū], х [h], ч [j].

ИМЕННЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ

В современных юго-западных иранских языках — сравнительно с другими иранскими языками — аналитизм именных частей речи достиг наиболее полного выражения: имена полностью лишены катего-

рии рода и падежа⁵ и наделены лишь способностью изменяться по числам (единственному и множественному) суффиксальным способом.

Падежные отношения выражаются в основном синтаксическими средствами: употреблением имени, не осложненного показателями, в функции различных членов предложения, определительными конструкциями (главным образом изафетной), использованием служебных слов.

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

Существительным свойственны две грамматические категории: категория числа и категория определенности—неопределенности.

Категория числа. В единственном числе существительные (как и другие имена) равны основе. Форма множественного числа образуется в основном при помощи двух суффиксов⁶ *-ān* (<др.-перс. окончание род. пад. мн. ч.) и *-hā* (<ср.-перс. *-īhāl/-ēhā*), соответственно перс., кабули *-ān*, *hā*, тадж. *-ōn*, *-hō*, хаз. *-ū(n)*, *-ō*, тат. *-un*, *-ha/-a*, лар. *-ūn*, *-hō*. Суффикс *-ān* (и его варианты в других языках) употребляется преимущественно с именами, обозначающими одушевленные предметы: перс. *zān* 'женщина',— мн. ч. *zānān*⁷, хаз. *bīrōr* 'брат'— мн. ч. *bīrōrā*, лар. *jāvūn* 'юноша'— мн. ч. *jāvūnūn*. Значительно реже *-ān* употребляется при неодушевленных существительных (главным образом со значением парных частей тела и с некоторыми другими). Ср. перс. *lāb* 'губа'— мн. ч. *lābān*, хаз. *čīš'm* 'глаз'— мн. ч. *čīš'mā* и т. п. Суффикс *-hā* более универсален: он присоединяется к существительным любой семантики (и к одушевленным, и к неодушевленным); ср.: перс. *sāndāli* 'стул'— мн. ч. *sāndālihā*, *zān* 'женщина'— мн. ч. *zānhā*, хаз. *rāz* 'день'— мн. ч. *rāzō*, *asp* 'лошадь'— мн. ч. *aspō* и т. п.

В арабских заимствованиях наряду с исконно иранскими суффиксами множественного числа, отмеченными выше, могут использоваться некоторые арабские суффиксы (*-āt*, *-ūn* и др.), а также формы «ломаного» множественного числа: перс. *kāleme* 'слово'— мн. ч. *kā-lemāt*, *še'r* 'стих'— мн. ч. *āš'ār*.

Имена в единственном числе могут обозначать как единичный предмет, так и нерасчлененное множество предметов (т. е. родовое понятие предмета). Форма множественного числа употребляется обычно при именах со значением отдельных предметов и обозначает их простую множественность.

Имена с арабскими формами множественного числа претерпели некоторые изменения. Так, слова с суффиксом *-āt* (или с его вариантами, возникшими уже в иранских языках,— *-jāt*, *-vāt*) в некоторых случаях утратили значение множественности и превратились в производные: либо со значением собирательности (перс. *hejvānāt*, тадж.

⁵ Отмечаемая в татском языке так называемая косвенная форма имени является новообразованием. Безударный показатель *-ræ/-æ*, при помощи которого она образуется, этимологически соответствует послелогу *rā*. Новообразованием, по-видимому, следует считать и определительную форму прилагательного в этом языке (см. выше).

⁶ Исключение представляют лишь таджикские диалекты Фарса, в которых в качестве показателей множественного числа используются такие специфические суффиксы, как *-gāl*, *-yāl*, *-āl*: с. *mīšgāl* 'овцы', *adāmyāl* 'люди', *hārful* 'речи'.

⁷ Поскольку языки персидский, таджикский и фарси-кабули обнаруживают много общих грамматических черт и элементов (нередко различающихся только своим звучанием), примеры для иллюстрации отдельных положений приводятся из одного языка.

haiṣōnōt, кабули *haiṣānāt* 'животные'), либо со значением единственного числа (перс. *tāškilāt*, тадж. *taškilōt*, кабули *taškilāt* 'организация'). Форма арабского «ломаного» множественного числа в современных языках нередко получает собирательное значение и при этом обычно переосмысливается: тадж. *taraf* 'сторона', но *atrōf* 'окрестности', кабули *xabar* 'известия', но *axbār* 'газета'.

Определенность—неопределенность. Неопределенность единичных предметов в большинстве случаев обозначается энклитическим показателем (из ср.-перс. *-ē*)—тадж., кабули *-ē*, перс., лар. *-ī*, тадж. диал. Фарса *-ī*, хаз. *-i*: кабули *kitāb-ē*, тадж. *kitōb-ē*, перс. *ketāb-i* 'какая-то книга'. В хазара в этой функции чаще употребляется числительное *yak* 'один': *yak kitōb*. В других языках неопределенность предмета также может быть выражена препозитивным употреблением числительного «один»: перс. *yek ketāb*, тадж. *yak kitōb*, кабули *yak kitāb*, тат. *yə kitab*.

Суффиксальный показатель может выполнять также функцию выделения одного или нескольких предметов из числа однородных предметов присоединением к имени, к которому относится придаточное определительное предложение: перс. *ketāb-i ke šomā xāridid* *xūb āst* 'Книга, которую вы купили, хорошая'; лар. *dāryō-i ke moçjuš bē kārāne* 'Море, которого волны беспредельны'.

Определенность предмета обозначается лексическим способом — употреблением при имени того или иного указательного местоимения: перс., кабули *īn* 'этот', *ān* 'тот', тадж. *in*, *ōn*, хаз. *i(n)*, *u(n)*, тат. *in*, *u(n)* и др. Например, перс. *īn ketāb* 'эта (определенная) книга' и т. п.

Определенность—неопределенность предмета может быть выражена также при оформлении прямого объекта. Так, имя со значением определенности предмета (или предметов) в этой функции присоединяет к себе послелог перс., кабули *-rā*, тадж. *-rō*, хаз. *-ra/-a*, тат. *-rə/-ə*⁸, а со значением неопределенности предмета (или предметов) выступает в неоформленном виде (см. ниже). В таджикских диалектах Фарса определенный объект оформляется детерминативными суффиксами *-ā* и с. *-u* (б. *ū*): б. *dāllākā biārī* '[он] приводит цирюльника'; п. *i sāgā zilān* 'Эта собака хитрая', с. *a i kuhui* 'на этой горе'.

Падежные отношения существительных, как и других имен, передаются аналитическим путем.

Неоформленное существительное может быть: а) подлежащим: перс. *doxtārān āmādlānd* 'Пришли девушки', тат. *deidi mǔǎllima uə quč burrā bǔ* 'Вчера учителя зарезали барана'; б) именным сказуемым: перс. *ū kargār-āst* 'Он рабочий', тат. (центральные говоры) *inhā bæ dær tæstæ biræ-jǔ, gændǔm-ǔ?* 'То, что находится в долбленной чашке, — ячмень или пшеница?'; в) прямым дополнением (обозначающим неопределенный предмет): перс. *mān ketāb mīxānām* 'Я читаю книгу' (какую-то, не конкретную), тат. *deidi mǔǎllima uə quč burrā bǔ* 'Вчера учителя зарезали барана'.

Другие способы выражения синтаксических функций имен (в том числе и существительных) рассмотрены в разделах «Служебные слова» и «Определительные конструкции»⁹.

⁸ В татском *-rə/-ə* — показатель косвенной формы имен и одновременно показатель определенности.

⁹ Функции косвенной формы имени, отмечаемой в татском языке, рассматриваются в разделе «Служебные слова».

Категория степени сравнения отмечается у группы качественных прилагательных.

Форма сравнительной степени образуется присоединением к основе (а в татском — к основной форме прилагательного¹⁰) суффикса перс., тадж. диал. Фарса, лар. *-tār*, тадж., кабули, хаз. *-tar*, тат. *-tæ* (от древнего суффикса *-tara*): тадж. *xubtar*, тат. *xubtæ* 'лучше' (от *xub* 'хороший'), тадж. диал. Фарса. *bāttar* 'хуже' (от *bād* 'плохой') и т. п. Форма превосходной степени образуется при помощи суффикса перс. *-tārīn*, кабули — *tarīn*, тадж. *-tarīn*. В татском данная форма образуется употреблением заимствованной тюркской частицы *æn* в препозиции перед прилагательным в основной или определительной форме: *æi cæŋŋi(æ)* 'самый трудный'

При наличии объекта сравнения последний обычно оформляется предлогом перс. *āz*, тадж., кабули, хаз. *az*; в таджикском при этом сравниваемый предмет может сочетаться со словом *dida* (прич. пр. вр. от *didan* 'видеть'), а в фарси-кабули и в хазара — соответственно со словами *karda* и *kada* (от кабули *kardan*, хаз. *kadû* 'делать'): тадж. *man az šumō dida kalōntar hastam*; кабули *man az šumā karda kalān (tar)-am* 'Я старше, чем вы'.

В таджикском и татском языках качественные прилагательные могут иметь также формы интенсификации, образуемые неполной редупликацией основы: тадж. *sup-surx* 'очень красный' (от *surx* 'красный'), *zab-zard* 'очень желтый' (от *zard* 'желтый'); тат. *zæp-zærd* 'очень желтый', *siṣ-siyæ* 'совершенно черный' (от *siyæ* 'черный').

В предложении прилагательные используются в функциях: а) именного определения (см. раздел «Определительные конструкции»); б) приглагольного определения (при соответствующей семантике прилагательного), т. е. в качестве наречий: перс. *ū xūb mīxānād* 'Он хорошо читает'; хаз. *yak gaṣ-ma bisyōr xup qulba dara* 'Один мой бык очень хорошо пашет'; в) именной части сказуемого: перс. *in xāne xūb-āst* 'Этот дом хороший'

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ И ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

К числу наиболее распространенных типов словосложения относятся: 1) сочетание имени с глагольной основой настоящего времени: перс. *kārkon* 'работник' (букв. 'делающий работу'), тат. *karsæz* 'работник' (*kar* 'работа', *sæz* — основа наст. вр. гл. *sæxtæn* 'делать'); б) сочетание существительных с прилагательными: перс. *siyāhčāšm* 'черноглазый', тат. *kælxæsær* 'трутень' (букв. 'большая голова') и т. п.

Среди общих словообразовательных суффиксов можно отметить следующие: перс. *-gār*, *-gār*, *-či* (с соответствующими фонетическими вариантами в родственных языках); тат. *-gæri*, *-či* — образуют имена деятеля; перс. *-i* — образует от прилагательных существительные с отвлеченным значением: перс. *tārik* 'темный' — *tārikī* 'темнота'; перс. *-dān*, хаз. *dā(n)-dāni*, тат. *-dan/-dun/-dün* — образуют су

¹⁰ В татском языке в отличие от других языков прилагательные имеют две формы — основную и определительную (используемую при употреблении прилагательного в качестве именного определения). Определительная форма образуется от основной прибавлением безударного суффикса *-æ* (за исключением прилагательных с исходом на *æ*, *a*, которые не изменяются): *xub* (осн. ф.) 'хороший', *xūbæ* (опр. ф.), но *izāz* (осн. и опр. ф.) 'новый'.

шестивительные со значением вместилища; перс. *-āk*, *-če* — образуют имена с уменьшительно-ласкательным значением: *doxtārāk* 'девочка' (от *doxtār*), *ketābče* 'книжечка' (от *ketāb*) и др. Относительные прилагательные образуются при помощи суффиксов *-ī* (перс. *bāhārī* 'весенний' от *bāhār* 'весна'), *-īn* (перс. *rāngīn* 'цветной' от *rāng* 'цвет') и т. д. В отдельных языках встречается ряд суффиксов неиранского происхождения (например, в хаз. — *-lā*, *-lī*, *-la*, *-tu*, *-čil*, в тат. — *-lik*, *-lī*, *-siz* и др.). Основные словообразовательные префиксы: перс. *bā-*, *bī-*, *nā-*, *hām-* (и соответствующие им варианты в других языках).

МЕСТОИМЕННИЯ

Таблица 3

Личные местоимения

Лицо	Число	Персидский язык	Таджикский язык	Язык фарси-кабули	Язык хазар	Татский язык	Диалекты Фарса		
							ларские	таджикские	
								прям. ф.	косв. ф.
1-е	ед.	<i>mān</i>	<i>man</i>	<i>man</i>	<i>ma</i>	<i>mæn</i>	<i>mā</i> <i>me</i>	с., п. <i>mi</i> , м. <i>mā</i> , б. <i>mān</i> , <i>mā</i>	с., п., б. <i>mi</i> , м. <i>mā</i>
	мн.	<i>mā</i>	<i>mō</i>	<i>mā</i>	<i>mā</i>	<i>(i)mu(n)</i>	<i>āmō</i> <i>(a)mā</i>	<i>mā</i>	<i>mā</i>
2-е	ед.	<i>to</i>	<i>tu</i>	<i>tō/tu</i>	<i>tu</i>	<i>tŷ</i>	<i>tā</i> <i>tu</i>	<i>tu</i>	с., б. <i>tā</i> , п., м. <i>tu</i>
	мн.	<i>šomā</i>	<i>šumō</i>	<i>šumā</i>	<i>šimā</i>	<i>(i)šmu(n)</i>	<i>šumā</i> , <i>šūmā</i>	с., п., м. <i>šumā</i> , б. <i>šimā</i>	—
3-е	ед.	<i>ū</i> , <i>vey</i>	<i>ū</i> , <i>vay</i>	<i>ō</i> , <i>way</i>	<i>u</i> , <i>i</i>	<i>i(ŷ, u)</i>	<i>īm</i> , <i>anā</i>	с., м., б. <i>ōt</i> , п. <i>ū</i>	с. <i>uš</i> б. <i>iš</i>
	мн.	<i>ānhā</i> , <i>išān</i>	<i>ōnhō</i>	<i>ānhā</i> , <i>ōšān</i>	<i>wo</i> , <i>yō</i>	<i>(i)šun</i>	<i>anāyā</i> , <i>anā</i>	м. <i>omšū</i> , б. <i>ušū</i> , <i>išū</i>	—

В 1-м и 2-м лице множественного числа личных местоимений возможны формы вторичного множественного числа: перс. *māhā*, *šomāhā*, тадж. *тӯӯн*, *šumōhō/šumōyōn*, кабули *māyān*, *šumāyān*, тат. *iminhā*, *ŷšminhā* (а также аналитическая форма в 3-м лице *ušinhā*). В качестве личных местоимений 3-го лица используются указательные местоимения или производные от них слова. Местоимения 3-го лица множественного числа перс. *išān*, кабули *ōšān* употребляются с оттенком большого уважения (по отношению к одному лицу). В таджикских диалектах Фарса исследователи отмечают две формы личных местоимений — прямую и косвенную (табл. 3).

Местоименные энклитики (или местоименные суффиксы)¹¹ в современных юго-западных языках представлены в следующем виде (табл. 4).

¹¹ В татском языке местоименные энклитики не отмечены.

Лицо	Число	Персид- ский язык	Таджик- ский язык	Язык фарси- кабули	Язык хазара	Диалекты Фарса	
						ларские	таджикские
1-е	ед.	-ām	-am	-am	(-um)	-(u)m	-(o)m
	мн.	-emān	-amōn	-imā	—	-mū	-(o)mān
2-е	ед.	-āt	-at	-at	(-it)	-(u)t	-(i)t
	мн.	-etān	-atōn	-itān	—	-tū	-(i)tū(n)
3-е	ед.	-āš	-aš	-aš	-ši(-ēi) (-iš)	-(u)š	-(i, u, ā)š
	мн.	-ešān	-ašōn	-išān	-ši(-ēi)	-šū	-(i, u, a)šān

В языке хазара в разговорной речи фигурирует только местоименная энклитика 3-го лица единственного и множественного числа *-ši* (*-ēi*); остальные местоименные энклитики встречаются только в фольклорных произведениях (например, в байтах). Характерной особенностью местоименных суффиксов в диалектах Фарса является их способность присоединяться к словам не только в качестве энклитик, но и проклитик (см. ниже).

В современных языках местоименные суффиксы используются главным образом в атрибутивной функции (для обозначения личной принадлежности: перс. *ketāb-ām* 'моя книга', лар. *jān-um* 'моя душа'). В разговорной речи они широко используются также в роли прямого и косвенного объекта, присоединяясь к глаголу, к предлогам: перс. *goftām-āš* 'я сказал ему', *āz-āš gereftām* 'я взял у него', кабули *xōš-iš kard* 'он его выбрал', хаз. *u az pēš-ši kan* 'он убежал от него', лар. *čerō fīkrī tū-nī* 'почему у вас нет никаких мыслей?', тадж. диал. Фарса: *uš-mizām* 'я бью его'. В диалектах Фарса местоименные суффиксы принимают участие в образовании некоторых временных форм от переходных глаголов, обозначая субъект действия (см.): с. *iš-zā* 'он побил', лар. *uš-bū* 'он унес'.

Указательные местоимения: а) простые: перс., кабули *īn*, тадж., тат. *in*, хазара *i(n)*, тадж. диал. Фарса, лар. *ī* (при самостоятельном употреблении в диалектах Фарса — м., б. *inā*) 'этот' (при субстантивном употреблении отмечается форма множественного числа: перс., кабули *īnhā*, тадж. *inhō*, тат. *inha*, тадж. диал. Фарса *inā* (с.), *inālā* (м.), *inlā* (б.), лар. *idihō/idiyō*; перс., кабули *ān*, тадж. *ōn*, тат., хаз. *u(n)*, тадж. диал. Фарса *ū* (при субстантивном употреблении — *una*) 'тот' — мн. ч. перс., кабули *ānhā*, тадж. *ōnhō*, тат. *unha*, тадж. диал. Фарса *ūnā* (с.), *inlā* (б.); б) производные: перс. *hāmīn* 'этот самый', *hāmān* 'тот самый', *čenīn*, *čenān* 'такой' (и т. п. в тадж. и фарси-кабули), тат. *hāmīn*, *hāmīn*, *čini*, *čini*, хаз. *amī*, *ami* и др.

Вопросительные местоимения: перс. *ke*, *kī* 'кто', *če* 'что', 'что за', *kodām* 'какой', соответственно тадж. *kī*, *ēi*, *kadōm*, кабули *kī*, *ēi*, *kudām*, хаз. *kī*, *ēi/ēiz*, *kudām/kudōm*, тат. *kī*, *ēy*; *kāmīn/kāmīn*, тадж. диал. Фарса: с. *ka*, м. *kī*, с. *ēi/ēā*, м. *ēi*, с. *kām*, б. *kāmūn/kāmū/kāmū*, лар. *kī*, *čū*.

Возвратные и притяжательные местоимения: перс. *xod* 'себя', 'сам', *xīš* 'свой', реже *xīštān* 'сам', 'свой', соответственно тадж.

xud, кабули *xud*, *xəš*, *xəštān*, тат. *xištæn* ('сам', 'свой', во втором значении встречается также в формах *xištæni* и *xištænu*), лар. *xū*. В хазара данное местоимение отмечено в двух формах: ударной — *xât* и энклитической — *xu*.

Определительные местоимения: перс. *hāme* 'все', 'весь', 'целый', *hār* 'каждый', 'всякий', соответственно тадж., кабули *hama*, *har*, хаз. (*h*)*ama*, *ar/or*, тат. *hær*. Местоимение *hāme* употребляется в определительной функции и при этом часто принимает изафетный показатель: *hāme-ye ālām* 'весь мир', а также самостоятельно. *hār* всегда используется в качестве определения: *hār sāl* 'каждый год'.

Неопределенные местоимения: перс. *hīč* 'какой-нибудь' (при отрицании 'никакой'), *bā'zi* 'некоторые', соответственно тадж., кабули *heč*, *ba'ze*, хаз. *ēč/ed*, *bōzi/bāzi*, тат. *bā'zi* и др.

Именные определительные конструкции. Наиболее универсальным¹² типом связи определяемого с определением (выраженным прилагательным, существительным, личными и некоторыми другими видами местоимений, порядковыми числительными на -*om*, определительными сочетаниями и др.) является изафетная конструкция. К препозитивному определяемому при этом примыкает безударный изафетный показатель: перс., тадж. диал. Фарса -*e* (после гласного -*ye*), тадж., кабули, хаз. -*i*, лар. -*i/-e*. Примеры: перс. *ketāb-e pedār* 'книга отца', *ketāb-e mām* 'моя книга', *ketāb-e xūb* 'хорошая книга', *bā sādā-ye bolāndtār-i xand* 'он прочитал более громким голосом', лар. *rū-ye vel* 'лицо цветка', хаз. *ōdam-i xur* 'хороший человек'. В языке афганских хазара (а также в разговорном кабули) при наличии определения, выраженного личным местоимением, местоимением *xât*, а также сочетанием имени с указательными местоимениями, между изафетным показателем и определением вставляется предлог *az*: *kitōb-i az ma* 'моя книга', *xōne'az i mardak* 'дом этого мужчины'. В татском языке отмечаются два основных типа определительных конструкций. Первый из них (употребляемый при определении — существительном) наиболее близок по форме изафетной конструкции, однако изафетный показатель -*i/-y* присоединяется лишь к словам с исходом на -*a*, -*æ*: *sulāi sičān* 'нора мыши', но *duvar xunæ* 'стена дома'. Более употребителен второй тип определительных конструкций с препозитивным определением. Если определение выражено существительным или личным местоимением, то последние стоят в косвенной форме, а определяемое имеет при себе соответствующее энклитическое личное местоимение: *piyæ'gæ xunæ-y-i* 'дом отца', *tū'gæ kitāb-i-y* 'твоя книга'. Если же определением является прилагательное, то оно употребляется в определительной форме: *xūbæ xunæ* 'хороший дом'.

Для выражения принадлежности (помимо указанных выше способов) употребляются специальные конструкции; ср. перс. *in ketāb māl-e mām-āst* 'эта книга моя', тадж. *in kitōb az ōn-i mām-ast*, кабули *in kitāb az mām-ast*, хаз. *i kitōb az mā-ya*. В татском языке им соответствует так называемый притяжательный комплекс, состо-

¹² Другой вид определительных сочетаний — с препозитивным определением, которое соединяется с определяемым путем простого примыкания, — имеет значительно более ограниченное распространение. Такими определениями могут быть количественные числительные, некоторые качественные прилагательные (в том числе — при отсутствии сравниваемого предмета — прилагательные в превосходной степени), некоторые виды местоимений и др. Например: перс. *pānj xāne* 'пять домов', кабули *ō xūh ādam-ast* 'хороший он человек', тадж. *balāndtārīn kūh* 'высочайшая гора', *in kūh* 'эта гора' и т. п.

ящий из притяжательной частицы *æn* и ядра, выраженного существительным (которое может иметь при себе определение) или личным местоимением: *æʔ tūællim* 'принадлежащий учителю', *æn kúčæ xivær tæʔ* 'принадлежащий моей младшей сестре', *ælmæn(l<n)* 'мой', 'принадлежащий мне', *æntū* 'твой', 'принадлежащий тебе'. Если ядром такого комплекса является имя собственное или личное местоимение, весь комплекс может лексикализироваться при помощи суффикса *-kin*: *ænmætmædkin* 'принадлежащий Мамеду', *ælmænkín* 'принадлежащий мне'.

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Количественные числительные приведены в таблице 5.

Числительные от одиннадцати до девятнадцати во всех языках (кроме татского) образуются соединением соответствующей единицы со словом «десять» (при этом возможны некоторые фонетические изменения). В татском эти числительные образуются противоположным образом — препозиционной постановкой числительного *dæ*. Единицы с десятками (начиная с двадцати), сотнями, тысячами соединяются посредством союза *и* (кабули, тадж., хаз.), *o* (перс.), а в татском — при помощи форманта *i* (кроме десятков с исходом на *h*): перс. *bist-o yek* 'двадцать один', тат. *bisti dū* 'двадцать два', но *pænjah dū* 'пятьдесят два'. В татском языке и в хазара отмечены элементы двадцатичного счета при образовании следующих названий десятков: тат. *sæbist* 'шестьдесят' (букв. 'три по двадцать'), *čarbist* 'восемьдесят', *sæbistdæh* 'семьдесят', *čarbistdæh* 'девянност', хаз. *sē bist* 'шестьдесят', *čör bist* 'восемьдесят'.

Числительное «сто»: перс. *sād*, тадж., кабули *sad*, хаз. *sat*, тат. (yæ)sad. Числительное «тысяча»: перс. *hezār*, тадж. *hazör*, кабули *hazār*, тат. *hæzar*, хаз. *azör*.

Название сотен образуется постановкой единиц перед словом «сто»: ср. тадж. *du sad* 'двести', *se sad* 'триста' и т. п. В персидском числительное «двести» представлено в форме *dāvist*.

При сочетании с количественным числительным имя существительное ставится в единственном числе: перс. *hezār āsb* 'тысяча коней'.

Порядковые числительные образуются от количественных при помощи суффикса перс. *-om*, тадж. *-um*, кабули, хаз. *-um*: перс. *pānjom* 'пятый'. В книжном языке встречается форма с суффиксом перс. *-omīn*, кабули *-umīn*: *pānjomīn*, *pānjumīn*.

Порядковые числительные, определяя имя, соединяются с ним при помощи изафетного показателя (за исключением форм на *-omīn*, *-umīn*): перс. *sāl-e pāmjom* 'пятый год', но *pānjomīn sāl*.

В татском языке иранские порядковые числительные полностью вытеснены азербайджанскими [образуются присоединением суффиксов *-(i)njl*, *-(u)nju*, *-(y)njü* к соответствующему тюркскому количественному числительному]: *iki-nji* 'второй'; числительное употребляется в препозиции: *altınji ruz* 'шестой день'.

ГЛАГОЛ

СОСТАВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ГЛАГОЛА

Основы. Глагол в языках юго-западной группы имеет две основы — основу прошедшего времени и основу настоящего времени. Так, например, в персидском языке глагол *dādān* 'давать' имеет основу

Числительные в юго-западных иранских языках

Язык	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Единицы	персидский	yek	do	čāhār	pānʃ	šeš	haft	hašt	noh
	таджикский	yak	du	čor	panʃ	šaš/šiš	haft	hašt	nūh
	фарси-кабули	yak	du	čār	panʃ	šaš	(h)aft	(h)ašt	nō(h)
	хазара	yak(g)	du	čor	panč(ʃ)	šaš	aft, ōft	ašt	nā
	татский	yæ/yækl	dʏ	čar	panʃ	šæš	hæft	hæšt	nȳh
От 11 до 19		11	12	14	15	16	17	18	19
	персидский	yāzdāh	dāvāzdāh	čāhārdāh	pānzāh	šānzāh	haftdāh	hiʃdāh	nūzdāh
	таджикский	yōzda(h)	duvōzda(h)	čordāh	pōnzda(h)	šōnzda(h)	haftda(h)	haʒda(h)	nūzda(h)
	фарси-кабули	yāzda(h)	duwāzda(h)	čārda(h)	pānzda(h)	šānzda(h)	(h)aʔwda(h)	(h)aʒda(h)	nōzda(h)
	хазара	yōzda	duwōzda	čōrda	pōnzda/ puzda	šōnzda	abda	aʒda	nūzda
	татский	dæhyækk	dæhdʏ	dæhčār	dæhpanʃ	dæhšæš	dæhhæft	dæhhæšt	dæhny
Десятки		10	20	40	50	60	70	80	90
	персидский	dāh	bist	čehel	pānʃāh	šast	haftad	haštad	nāvād
	таджикский	dah	bist	čil	panʃoh	šast	haftod	haštod	navad
	фарси-кабули	da(h)	bist	čəl	pinʃa(h)	šast	(h)aftad	(h)aštad	navad
	хазара	da	bist	čil	pinja	šast	aftot	aštot	navat
	татский	dæh	bist	čyl	pænʃah	sæbist	sæbistdæh	čarbist	čarbistdæh

прошедшего времени *dad-* и основу настоящего времени *deh-*, в татском языке глагол *jeistæn* 'всходить' (о солнце) — основу прошедшего времени *jeist-* и основу настоящего времени *jei-*.

Глагольные основы имеют двойную семантическую нагрузку: 1) являются носителями основного значения слова и 2) указывают на время. Основа прошедшего времени указывает на действие, уже совершившееся, основа настоящего времени — на действие, еще не совершившееся. От основы прошедшего времени образуются формы прошедшего времени, от основы настоящего времени — формы настоящего и будущего времени.

Основа прошедшего времени происходит от старого причастия на *-ta* и поэтому имеет в конце звук *t* (после глухих согласных) или *d* (после звонких согласных и гласных): тадж. *raft-* от глагола *raftan* 'идти', 'уходить', *kard-* от глагола *kardan* 'делать', *zad-* от глагола *zadan* 'бить'. Основа настоящего времени не имеет единого правила образования и приводится в словарях при инфинитивной форме каждого глагола.

Личные окончания. Указывают на лицо и число (табл. 6).

Таблица 6

Личные окончания

Число	Лицо	Персидский язык	Таджикский язык	Язык фарси-кабули	Язык хазара	Татский язык	Диалекты Фарса	
							ларские	таджикские
Единственное	1-е	-ām	-am	-am(-um)	-um	-ym// -um	-im// -em(-ēm)	-ām (с., п., м.), -om (м., б.)
	2-е	-ī	-i	-ī	-i	-i	-iš// -eš	-di (с.), -ēi (п., м.), -a, -a (б.)
	3-е	-ād	-ad	-a(d)	-a	-y// -u	-i// -e	-ā (с., м.), -i (б.)
Множественное	1-е	-īm	-ēm	-ēm	-im// -i	-im	-ām(-um)	-ām (с., п., м., б.)
	2-е	-īd	-ēd -ētōn	-ēd(-ēn)	-it// -i-in	-ind	-ī	-i (с.), -in (м.), i(t) (б.)
	3-е	-ānd	-and	-an(d)	-a	-ynd// -und	-in(-ēn)	-ān (с., п., м., б.), -in (с., б., м.)

Личное окончание 3-го лица единственного числа употребляется при формах, образуемых от основы настоящего времени; формы, образуемые от основы прошедшего времени, в 3-м лице единственного числа окончания не имеют.

Превербы. В большинстве языков юго-западной группы имеются два формообразующих префикса: 1) префикс с начальным *m*: перс. *mi-*, тадж., кабули *mē-*, хаз. *mē-* (*mi-*, *mi-*, *mā*), тат. *mi-* (*mū-*, *mi-*), тадж. диал. Фарса *mī-* (*mi-*, *mā-*, *m-*), *mē-* (только в сомгуни); 2) префикс с начальным *b*: перс. *be-*, тадж. *bi-*, кабули *bi-* (*bu-*), хаз. *bi-* (*bē-*, *bu-*, *bā-*), тат. *bi-*, тадж. диал. Фарса *be-* (*bā-*, *bi-*, *bu-*), лар. *be-* (*bi-*, *bu-*, *bā-*).

Префикс с начальным *m* (перс. *mi-*, тадж., кабули *mē-* и пр.) придает действию значение длительности, многократности. Он употребляется при образовании таких форм, как прошедшее длительное

время, настоящее время (настояще-будущее время) изъявительного наклонения, длительный перфект, длительная форма сослагательного наклонения, длительная форма предположительного наклонения и некоторых других (см. табл. 9, 11, 15, 19).

Префикс с начальным *b* (перс. *be-*, тадж. *bi-* и пр.), широко использовавшийся когда-то при обозначении завершенности, однократности, почти полностью утерял свое первоначальное значение. Он употребляется в основном в повелительном наклонении и в настояще-будущем времени сослагательного наклонения (аористе). Причем в этих формах он может опускаться. В таджикском языке префикс *bi-* употребляется главным образом в поэзии, а также в отдельных говорах, бытующих большей частью в горных районах Таджикистана. В татском языке префикс *bi-* встречается редко; он зарегистрирован лишь в нескольких глаголах. В северных говорах североазербайджанских татов отмечается также префикс *bæ-*, существенно отличающийся от других префиксов с начальным *b*; он употребляется в формах, имеющих длительное значение (пр. длит., наст. вр.)¹³.

В диалектах провинции Фарс отмечаются также некоторые другие формообразующие префиксы. В ларском диалекте употребляется префикс *ā-*, соответствующий префиксу с начальным *m*. Ср.: лар. *ā-tīrsīm* и перс. *mī-tārsām* 'боюсь', лар. *ā-dū* и перс. *mī-dānād* 'знает'. В диалектах провинции Фарс (в том числе и ларском) имеются префиксы, употребляющиеся вместо префикса с начальным *b*: а) лар. *u(ū)* в повелительном и сослагательном наклонениях: *u-čū* 'иди' (перс. *be-rōū*), *ū-nī* 'сядь' (перс. *be-nešīn*), *u-čīm* 'мне идти' (перс. *be-rāvām*), *ūxāné* 'пусть читает' (перс. *be-xānād*); б) лар. *ur-* в повелительном наклонении глагола (*vār istōdān*) 'вставать', 'подниматься': *ūrū* 'вставай', 'поднимайся' (перс. *bārxtīz*); в) тадж. диал. Фарса — с., п. *ā-*, *ū-*, м., б. *hā-*, *hū-* в повелительном и сослагательном наклонениях: с. *ā-jām*, п. *ā-dāmt* 'дать мне'; с. *ū-šūm* 'нам идти', с., п. *ū-nī* 'садись'; м. *hā-jom*, б. *hā-dāyom* (перс. *be-dehām*) 'дать мне'; м. *hū-nī* 'садись', б. *hū-nī* 'чтобы он сел' [Ромаскевич, 42—43; К.-Р. Ф., Abi. I, 27 сл.].

К провербам в языках юго-западной группы относится частица отрицания, образующаяся в основном с начальным элементом *n*: перс. *nā-*, тадж., кабули, хаз. *na-*, тат. *næ-*, тадж. диал. Фарса *nā-*, *nī-* (преимущественно перед *mī-*, *mi-*), лар. *nā-*, *ne-*, *nī-*.

В повелительном наклонении (и в старом перс.-тадж. желательном) при выражении отрицания употребляется также префиксальная частица с начальным *m*: перс. *mā-*, тадж., кабули, хаз. *ma-*, тат. *mæ-*, лар. *mā-*. В языке североазербайджанских татов в большинстве говоров при образовании повелительного наклонения отмечается только префикс с начальным *m* (*mæ-*) [Грюнберг, 60].

Частица отрицания принимает от себя основное ударение в глаголе: перс. *nā-kon!*, *mā-kon!* 'не делай!', тадж. *nā-kun!* 'не делай!', *nā-dod* '[он] не дал', хаз. *nā-mat* '[он] не пришел', тат. *mæ-xun!* 'не читай!', *næ-di* '[он] не видел'.

ОСНОВНЫЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ГЛАГОЛА

Залог. В языках юго-западной группы выделяются два залога — активный (действительный) и пассивный (страдательный). Пассивный залог образуется из причастия (деепричастия) прошедшего вре-

¹³ Подробно о префиксе *bæ* в языке североазербайджанских татов см. [Грюнберг, 69].

мени при помощи вспомогательного глагола «становиться», «делать»: перс. *šodān*, тадж., кабули *šudan*, хаз. *šudā*, тат. *biræn* ('быть', 'становиться'). Примеры: *nevešte šod* (перс.) 'написано'; *xonda šud* (тадж.) 'прочитано'; *kāšta mešavad* (кабули) 'сеется'; *kada šut* (хаз.) 'сделано'; *kəširæ bu* (тат.) 'тянулось'. Логический субъект действия при пассивном залоге либо вовсе не выражается, либо выражается описательно при помощи предлогов, таких, как перс. *āz tārāf-e, be dāst-e: in nāme be dāst-e mān nevešte šod* 'это письмо написано мною'.

В языке североазербайджанских татов отмечается также понудительный залог, образующийся из причастия смыслового глагола и соответствующей личной формы глагола *sæxtæn* 'делать': *avardæ sæxt* 'принес', 'заставил принести', 'попросил, чтобы принесли', 'велел принести' и т. п. [Грюнберг, 72].

Наклонение. В большинстве языков юго-западной группы различаются три наклонения: изъявительное, сослагательное и повелительное. В таджикском языке и в хазара имеется также предположительное наклонение; оно предназначается для выражения предположения.

На уровень особого аудитивного, или неочевидного, наклонения возводятся в таджикском языке формы перфекта; они обозначают действие неочевидное, известное говорящему на основании логического вывода или с чужих слов [Раст., Керим., 71 сл.].

В персидском и таджикском сохранилось желательное наклонение от глагола «быть» (перс. *būdān*, тадж. *budan*): *bād!*, *bādā!* (перс.), *bōd!*, *bōdō!* (тадж.) 'да будет!'

Время. Наиболее распространенные временные формы: 1) настоящее-будущее время изъявительного наклонения; 2) простое прошедшее время; 3) прошедшее длительное время; 4) преждепрошедшее время; 5) перфект; 6) настоящее-будущее время сослагательного наклонения (аорист); 7) прошедшее время сослагательного наклонения.

Временные значения глагольных форм часто сочетаются с видовыми. Так, например, прошедшее длительное наряду с тем, что оно обозначает время (прошедшее), имеет видовое значение длительности, многократности.

Видовые значения иногда превалируют над временными. Так, например, в таджикском языке и в хазара длительной форме перфекта и длительной форме сослагательного наклонения присуще прежде всего видовое значение длительности. Эти формы нейтральны ко времени: обозначаемое ими действие может происходить в разных временных аспектах: в прошедшем, настоящем и будущем.

Некоторые формы отличаются широтой своей временной характеристики. К таким, в частности, относится настоящее-будущее время изъявительного наклонения; оно обозначает действие настоящее и будущее.

В глагольных формах языков юго-западной группы часто подчеркивается соотношенность одного действия с другим. Так, например, преждепрошедшее время обозначает действие, совершившееся раньше другого действия; прошедшее определенное в таджикском языке и прошедшее длительное в татском языке указывают на длительное действие, в процессе совершения которого может происходить другое, более краткое действие (примеры на значения данных форм см. ниже).

Лицо. Число. Различаются три лица — 1-е, 2-е, 3-е, и два числа — единственное и множественное. Лицо и число выявляются в формах

времени и наклонений. Они могут быть подчеркнуты личными местоимениями, выступающими в функции подлежащего, а в 3-м лице и существительными. В диалектах Фарса при переходных глаголах в прошедших временах показателями лица и числа являются местоименные суффиксы, присоединяемые к глаголу в виде префиксов: *om-kī* (с.), *um-kē* (лар.) — 1-е л. ед. ч., *it-kī* (с.), *tut-kī* (лар.) — 2-е л. ед. ч., *mū-kī* (с.), *mūke* (лар.) — 1-е л. мн. ч. (гл. «делать»).

Переходность—непереходность. Различаются переходные и непереходные глаголы, причем переходные могут быть как первичными, так и производными: тадж. *xūrdan* 'есть' и *xūrōndan* 'заставлять есть', 'кормить' (об образовании переходных глаголов см. в разделе о словообразовании, стр. 189).

Переходные глаголы имеют пассивный (страдательный) залог (об образовании пассива см. стр. 169—170). В диалектах Фарса для переходных глаголов в отличие от непереходных в прошедших временах имеется особая, так называемая пассивная конструкция: к переходному глаголу в прошедшем времени присоединяется в виде префикса местоименный суффикс, различающийся по лицам и числам: *om-kīrdi* (с.) 'я сделал', *tut-kīrdi* (лар.) 'ты сделал', *iš-kīrda* (б.) 'он сделал' [Ромаскевич, 43 сл., К.-Р. Ф., Абт. I, 28 сл.].

В каждом языке имеются глаголы с двойной семантикой — переходной и непереходной: перс. *rixtān* 'лить', 'сыпать' и 'литься', 'сыпаться'; тадж. *sūxtan* 'жесть' и 'гореть'.

Способы выражения видовых значений. Глагол в языках юго-западной группы не обладает категорией вида в такой степени, как, например, глагол в русском языке. В нем нет видовых пар, четко противопоставляемых друг другу, а различаются лишь отдельные видовые значения. Эти значения выражаются в основном формами времени. Так, например, форма прошедшего длительного времени выражает длительность, многократность, а форма простого прошедшего времени — однократность, законченность: перс. *mīgof-tānd* 'они говорили' и *goft* 'он сказал', тадж. *mēraftand* 'они ходили' и *raft* 'он ушел'.

Наряду с формой времени видовые значения выражаются также различными глагольными сочетаниями, в частности, сложноее причастными глаголами, отмечаемыми в языках таджикском, фарси-кабули и хазара. Эти глаголы образуются из сочетания двух глаголов, из которых первый, имеющий форму деепричастия, является основным, второй — вспомогательным; первый, основной, указывает на содержание действия, второй, вспомогательный, вносит в действие дополнительные, большей частью видовые оттенки. Примеры из таджикского языка: *navista istēd* 'пишите', 'пишите непрерывно', *navista šud* 'кончил писать', *murda mōnd* 'умер', 'умер сразу, мгновенно', *ōmada mōnd* 'пришел вдруг'.

Личные глагольные формы (система спряжения)

Личные глагольные формы бывают простыми и сложными. Простые глагольные формы образуются от основ настоящего времени и прошедшего времени. От основы настоящего времени образуются три формы: 1) повелительное наклонение (табл. 7); 2) настояще-будущее время сослагательного наклонения, или аорист (табл. 8);

3) настоящее-будущее время изъявительного наклонения (табл. 9). От основы прошедшего времени образуется простое прошедшее время (табл. 10) и прошедшее длительное время (табл. 11).

Простые глагольные формы, образуемые от основы настоящего времени

В качестве образца приводятся глаголы «делать» (перс. *kār-dān*, тадж., кабули *kardan*, хаз. *kadû*), «ткать», «плести» (тат. *baftæn*)¹⁴.

Таблица 7

Повелительное наклонение

Число	Лицо	Персидский язык	Таджикский язык	Язык фарси-кабули	Язык хизара	Татский язык	Диалекты Фарса	
							ларские	таджикские
Единственное	1-е							
	2-е	(be-)kon	kun(bi-kun)	bi-kun	(bu-)kun	baf	bû-kû	bê-ku (с.), (bê-)ku (м.), bē-ku, bē-kô, bā-kun (б.)
	3-е							
Множественное	1-е							
	2-е	(be-)kon-īd	kun-ēd (bi-kun-ēd)	bi-kun-ēd	(bu-)kun-i(t)			mā-kun-i (с отрицанием) (б.)
	3-е							

Повелительное наклонение употребляется только во 2-м лице. Состав: в единственном числе — основа настоящего времени плюс префикс (перс. *be-*, кабули *bi-*, хаз. *bi-*, *bē-*, *bu-*, *bā-*, тадж. диал. Фарса *be-*, *bā-*, *bu-*, *bi-*, лар. *be-* и др.); во множественном числе — основа настоящего времени плюс префикс (тот же, что и в ед. ч.) и личные окончания (при отрицании и в сложных глаголах префикс опускается): перс. *bekon!* 'сделай!', *bekonid!* 'сделайте!'; *nā-kōn!* 'не делай!', *nā-konid!* 'не делайте!'; кабули *bi-kun!* 'сделай!', *bi-kunēd!* 'сделайте!'; *nā-kun!* 'не делай!', *nā-kunēd!* 'не делайте!' (табл. 7).

В языке североазербайджанских татов повелительное наклонение отмечается только во 2-м лице единственного числа и совпадает с основой настоящего времени: *baf!* 'тки!', 'плети!'; префикс *bi-* при повелительном наклонении засвидетельствован лишь в следующих глаголах: *zæɾæp* 'бить', *avardæp* 'приносить', *amaræp* 'приходить', *naræp/hištæp* 'класть', *raftæp* 'уходить': *bi-zæp!* 'ударь!', *biyær/bi-yâr!* 'принеси!', *bi-yâ!* 'приди!', *bi!* 'положи', *bâra!* 'иди!' [Грюнберг, 59]. (Об употреблении префикса *bi-* в таджикском языке см. стр. 169).

Повелительное наклонение выражает повеление, просьбу: *ôn jô ravêd* (тадж.) 'идите туда!', *befârmâid rā-ye tâxte* (перс.) 'пожалуйте к доске', *uæ mætræ çit rêimun, tin bæ mæn* (тат.) 'отмерь и дай мне метр ситцу' [Грюнберг, 59].

¹⁴ Глаголы «делать» (перс. *kār-dān*, тадж., кабули *kardan*, хаз. *kadû*), «ткать», «плести» (тат. *baftæn*) будут использованы как образец спряжения и далее.

Настояще-будущее время сослагательного наклонения (аорист)

Число	Лицо	Персидский язык	Таджикский язык	Язык фарси-кибули	Язык хэзара	Татский язык	Диалекты Фарса	
							ирские	таджикские
Единственное	1-е	(be-)kon-ām	kun-am	(bi-)kun-am (-um)	(bu-)kun-um	bāf-um		bā-kun-om, bānom (б.), bū-kun-ām (с.), bē-kon-ām (п.), (be-)kun-om (м.).
	2-е	(be-)kon-ī	kun-i	(bi-)kun-ī	(bu-)kun-i	bāf-i		bā-kun-a (б.)
	3-е	(be-)kon-ād	kun-ad	(bi-)kun-a(d)	(bu-)kun-a	bāf-u	bū-kun bu-kun	bā-kū (б.) bē-kū (м.)
Множественное	1-е	(be-)kon-īm	kun-ēm	(bi-)kun-ēm	(bu-)kun-i(m)	bāf-im	bē-kn-um bu-kun-ām	bā-kun-ūm, bānūm (б.)
	2-е	(be-)kon-īd	kun-ēd (-ēfōn)	(bi-)kun-ēd (-ēn)	(bu-)kun-it (-i -in)	bāf-ind		bā-kun-i, bānt(t) (б.)
	3-е	(be-)kon-ānd	kun-and	(bi-)kun-an(d)	(bu-)kun-a	bāf-und		bā-kun-in, bānin (б.), bē-kon-ān (п.)

Настояще-будущее время изъявительного наклонения

Число	Лицо	Персидский язык	Таджикский язык	Язык фирся-кибули	Язык хазара	Татский * язык	Дialectы Фирс:	
							арские	таджикские
Единственное	1-е	<i>mī-kon-ām</i>	<i>mē-kun-am</i>	<i>mē-kun-am</i>	<i>mu-kun-um</i>	<i>mi-baf-um</i>	<i>ā-kun-im</i> (-im)	<i>mī-kun-ām</i> (с.), <i>mī-kun-ām</i> (м., б.), <i>mī-kon-ām</i> (п.)
	2-е	<i>mī-kon-ī</i>	<i>mē-kun-ī</i>	<i>mē-kun-ī</i>	<i>mu-kun-i</i>	<i>mi-baf-i</i>	<i>ā-kun-iš</i>	<i>mī-kun-āi</i> (с.), <i>mī-kun-ēi</i> (м.), <i>mī-kun-ā</i> (б.)
	3-е	<i>mī-kon-ād</i>	<i>mē-kun-ad</i>	<i>mē-kun-a(d)</i>	<i>mu-kun-a</i>	<i>mi-baf-ū</i>	<i>ā-kun</i>	<i>mī-kon</i> (t) (с.), <i>mī-kū</i> (м., б.)
Множественное	1-е	<i>mī-kon-im</i>	<i>mē-kun-ēm</i>	<i>mē-kun-ēm</i>	<i>mu-kun-i(ni)</i>	<i>mi-baf-im</i>	<i>ā-kun-ām</i>	<i>mī-kun-ām</i> (с., м., б.)
	2-е	<i>mī-kon-īd</i>	<i>mē-kun-ēd</i> (-ēfōn)	<i>mē-kun-ēd</i> (-ēn)	<i>mu-kun-īl</i> (-i/-in)	<i>mi-baf-ind</i>	<i>ā-kun-ī</i>	<i>mī-kun-ī</i> (с.), <i>mī-kun-īn</i> (м.)
	3-е	<i>mī-kon-ānd</i>	<i>mē-kun-and</i>	<i>mē-kun-an(d)</i>	<i>mu-kun-a</i>	<i>mi-baf-ünd</i>	<i>ā-kun-in</i>	<i>mī-kun-ān</i> (с., м.), <i>mī-kun-in</i> (б.)

* В татском языке, по терминологии А. Л. Грюнберга, — будущее потенциальное [Грюнберг, 62].

Настояще-будущее время сослагательного наклонения (или аорист) образуется от основы настоящего времени плюс личные окончания и префикс (перс. *be-*, кабули *bi-*, *bu-*, хаз. *bi-*, *bē-*, *bu-*, *bū-*, тадж. диал. Фарса *bā-*, *be-*, *bu-*, *bi-*, *b-*, лар. *be-*, *bi-*, *bu-*, *bū-*): перс. (*be*)*konām*, (*be*)*konī...*, кабули (*bi*)*kunām*, (*bi*)*kunūm*, (*bi*)*kunī...* (табл. 8). При отрицании и в сложных глаголах префикс опускается: перс. *nākonām* 'если не сделаю', *peydā konām* 'если найду' (*peydā kārdañ* — сложный глагол).

В языке североазербайджанских татов настоящее-будущее время сослагательного наклонения образуется в основном без префикса; префикс *bi-* в этой форме отмечен лишь в следующих глаголах: *zægæn* 'бить', *avardæn* 'приносить', *raftæn* 'уходить', *amaræn* 'приходить': *blzænūm*, *blzæni*, *blzænū...* и т. д., *biyarūm*/*blærnūm*, *biyaril*/*blærni*, *biyarū*/*blærnū...* и т. д. [Грюнберг, 61] (Об употреблении префикса *bi-* в таджикском языке см. стр. 169).

Настояще-будущее время сослагательного наклонения (аорист) употребляется в основном в применении к будущему времени, реже — к настоящему. Оно отмечается при косвенном приказании, а также при выражении желательности, долженствования, возможности, допущения, сомнения и т. п. Эта форма особенно широко используется в различных типах придаточных предложений при обозначении действия, относящегося к будущему или настоящему, в редких случаях — к прошедшему времени. Примеры: а) в самостоятельном предложении: *xēzēd*, *xōna ravēm* (тадж.) 'Вставайте, пойдемте домой'; *ta mīnū bej xištæn*, *čū kar tū mundej?* (тат.) 'Пусть себе остается, тебе что за дело?'; *be šomā čāu bedehām?* (перс.) 'Дать вам чаю?'; б) в придаточном предложении: *ägär ū-rā bebinīd sālām-e mā-rā be ū berāsānīd* (перс.) 'Если вы увидите его, передайте ему мой привет'; *tō tu bēai*, *ma mārūt* (хаз.) 'Пока ты придешь, я схожу'; *dar čarōgōh agar man gūsfandōn-rō durust sarišta karda natavōnam*, *ū ba man yōri mēdōd* (тадж.) 'Если я бывало не мог справиться с овцами на пастбище, он помогал мне'.

Настояще-будущее время изъявительного наклонения образуется от основы настоящего времени плюс личные окончания и префикс (перс. *mī-*, тадж., кабули *mē-*, хаз. *mē-*, *mī-*, *mi-*, *mā-*, тат. *mī-*, *mū-*, *mi-*, тадж. диал. Фарса *mī-*, *mi-*, *mā-*, *-m-*, *mē-*, лар. *ā-*): перс. *mīkonām*, *mīkonī*, *mīkonād...* (табл. 9).

Форма настоящего-будущего времени изъявительного наклонения служит для обозначения: 1) действия, совершающегося в настоящее время: *Dušanbe gar mēzanād* (тадж.) 'Говорит Душанбе'; *hālā mān nāme mīnevīsām* (перс.) 'Я сейчас пишу письмо'; 2) действия постоянного, обычного: *har rūz sōat-i hašt-i pagōhi ba institut mēravām* (тадж.) 'Каждый день в восемь часов утра я иду в институт'; *zal-māu (h)ar rōz waqāt az x^wāb mēxēzād* (кабули) 'Зальмай каждый день поднимается рано'; 3) действия будущего: *fardō ba teatr mē-ravēm* (тадж.) 'Завтра мы пойдем в театр'; *sabō ma Kōbul mārūt* (хаз.) 'Завтра я поеду в Кабул'.

При повествовании в целях выразительности форма настоящего-будущего времени может быть использована для передачи действия, совершившегося в прошлом: *az i gar bōčēⁱ rōčō qōr-ši mēya: zan-i awwal-xu-ra mikušā*, *pōs xād-i az i pēšaīmū miša*, *a jar bat kōr kadūm* (хаз.) 'От этих слов царевич приходит в ярость: он убивает свою первую жену, а потом сам же раскаивается: «Какой же плохой поступок совершил я»'.

В татском языке форма настоящего-будущего времени изъявитель-

ПРОСТЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ, ОБРАЗУЕМЫЕ ОТ ОСНОВЫ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ
Простое прошедшее время

Таблица 10

Число	Лицо	Персидский язык	Таджикский язык	Язык фарси-кабули	Язык хазари	Татский язык	Диалекты Фирса			
							ларские		таджикские	
							непереходный глагол	переходный глагол	непереходный глагол	переходный глагол
Единственное	1-е	<i>kūrd-ām</i>	<i>kard-am</i>	<i>kard-am</i> (-um)	<i>kad-um</i>	<i>bāft-um</i>	<i>ūndim</i> 'приходить'	<i>um-kē</i> 'делать'	<i>andām</i> (с., б.) <i>andām</i> (м.) 'приходить'	<i>om-ki</i> (с., б., м., п.) 'делать'
	2-е	<i>kūrd-ī</i>	<i>kard-i</i>	<i>kard-ī</i>	<i>kad-i</i>	<i>bāft-i</i>	<i>ūndiś</i>	<i>ut-ki</i>	<i>anddi</i> (с.), <i>andēi</i> (м.) <i>āmā, āmāi, andā</i> (б.)	<i>it-ki</i> (с., м.)
	3-е	<i>kūrd</i>	<i>kard</i>	<i>kard</i>	<i>kat(kad-ak)</i>	<i>bāft</i>	<i>ūnd</i>	<i>uś-kē, uś-ki</i>	<i>amā, amād</i> (с.) <i>amēi, amā</i> (м.)	<i>iś-ki</i> (с., б., м.)
Множественное	1-е	<i>kūrd-īm</i>	<i>kard-ēm</i>	<i>kard-ēm</i>	<i>kud-im(-i)</i>	<i>bāft-im</i>	<i>ūndām, undām</i>	<i>mū-kē</i>	<i>andām</i> (с., б.) <i>andām</i> (м.)	<i>mū-ki</i> (с.)
	2-е	<i>kūrd-īd</i>	<i>kard-ēd</i> (-ēn)	<i>kard-ēd</i> (-ēn)	<i>kad-it</i> (-i//in)	<i>bāft-ind</i>	<i>undī</i>		<i>andī</i> (с.), <i>andīn</i> (м.)	
	3-е	<i>kūrd-ūnd</i>	<i>kard-and</i>	<i>kard-an(d)</i>	<i>kad-a</i>	<i>bāft-und</i>	<i>ūndin</i>	<i>śū-kē</i>	<i>andān, andin</i> (с.) <i>andān</i> (м.) <i>andin</i> (б.)	<i>śū-ki</i> (с., б., п.)

Прошедшее длительное время

Число	Лицо	Персидский язык	Таджикский язык	Язык фирси-кабули	Язык хазара	Татский язык*	Диалекты Фирса			
							ларские		переходные глаголы	таджикские
							непереходные глаголы	переходные глаголы		
Единственное	1-е	<i>mī-kārd-ām</i>	<i>mē-kard-am</i>	<i>mē-kard-am</i> (-um)	<i>mu-kad-um</i>	<i>mi-bāft-um</i>	<i>nōšessim</i> (< <i>nā</i> ! <i>āšessim</i>) 'сидеть' (с отрицанием)	<i>om-nāxā</i> (< <i>nā</i> ! <i>āxā</i>) 'есть', 'поглощать' (с отрицанием)		
	2-е	<i>mī-kārd-ī</i>	<i>mē-kard-i</i>	<i>mē-kard-ī</i>	<i>mu-kad-i</i>	<i>mi-bāft-i</i>		<i>tāki</i> 'делать'		<i>it-mīki</i> (с., б.) 'делать'
	3-е	<i>mī-kārd</i>	<i>mē-kard</i>	<i>mē-kard</i>	<i>mu-kat</i> (<i>mu-kad-ak</i>)	<i>mi-bāft</i>			<i>mīšū</i> (м., с.) <i>mīšūi</i> (б.) 'идти'	<i>iš-mīki</i> (с., б., м.)
Множественное	1-е	<i>mī-kārd-īm</i>	<i>mē-kard-ēm</i>	<i>mē-kard-ēm</i>	<i>mu-kad-im</i> (-i)	<i>mi-bāft-im</i>				
	2-е	<i>mī-kārd-id</i>	<i>mē-kard-ēd</i> (-ētōn)	<i>mē-kard-ēd</i> (-ēn)	<i>mu-kad-it</i> (-i//in)	<i>mi-bāft-ind</i>				
	3-е	<i>mī-kārd-and</i>	<i>mē-kard-and</i>	<i>mē-kard-an(d)</i>	<i>mu-kad-a</i>	<i>mi-bāft-und</i>				<i>šū-mīki</i> (с., б.)

* В татском языке, по терминологии А. Л. Грюнберга, — прошедшее многократное [Грюнберг, 65].

ного наклонения широко отмечается при выражении различных неизъявительных значений, в частности, значений предположения, возможности: *bej ruzhá æræbistæn xub umbaşy* 'Сейчас, наверно, в Аравии хорошо'; *jállá maftuný bæ zimi—zimi alóu mýgýrý* 'Если искра упадет на поле, поле загорится' [Грюнберг, 78 сл.].

Неизъявительные значения у этой формы встречаются также иногда и в других языках юго-западной группы, например, в таджикском при глаголе *baxšidan* 'прощать', 'извинять': *mēbaxšēd* 'извините'

Простое прошедшее время образуется от основы прошедшего времени плюс личные окончания: перс. *kārdām, kārdi, kārd...*; тадж. *kardam, kardi, kard...* (табл. 10). В 3-м лице единственного числа простое прошедшее время представляется чистой основой: *kārd* (перс.) 'он сделал' (*kārd* — основа пр. вр. гл. *kārdān* 'делать').

В диалектах Фарса простое прошедшее время от переходных глаголов образуется по схеме пассивной конструкции (см. стр. 171).

Простое прошедшее время обозначает действие, состоявшееся в прошлом. Оно может быть законченным, однократным и может быть длительным или многократным. Чаще всего форма простого прошедшего времени используется для обозначения действия законченного, однократного, совершившегося в определенный момент в прошлом: *mō dirūz ōmadēm* (тадж.) 'Мы прибыли вчера'; *ū dirūz goft* (перс.) 'Он вчера сказал'. Значение длительного и многократного действия выражается данной формой, как правило, при наличии обстоятельственных слов: *man in kitōb-rō čand rūz xōndam* (тадж.) 'Я эту книгу читал несколько дней'; *bælkæt yæ mah harūz-harūz in qəlaqā ama paylšt bæ qir-qir sæxtæn* (тат.) 'И вот чуть не целый месяц каждый день прилетали эти вороны и начинали каркать'.

В придаточных предложениях условия и времени простое прошедшее время может обозначать будущее действие, предшествующее действию главного предложения: *ægær mýrdým, púlæ bej nænej mæn mtiyīnd* (тат.) 'Если я умру, отдайте деньги моей бабке'; *rūz ki safēd šud, inhō bēdōr mēšavand* (тадж.) 'Как только становится светло (т. е. наступает рассвет), они просыпаются'

Прошедшее длительное время образуется от основы прошедшего времени плюс личные окончания и префикс (перс. *mī-*, тадж., кабули *mē-*, хаз. *mē-, mī-, mi-, mū-*, тат. *mī-, mý-, mi-*, тадж. диал. Фарса *mī-, mī-, mū-, -m-, mē-*, лар. *ā-*): перс. *mikārdām, mikārdi...*; тадж. *mēkardam, mēkardi...* (табл. 11). 3-е лицо единственного числа окончания не имеет: *mikārd* (перс.) 'он делал' (*mī-* — префикс, *kārd* — основа пр. вр. гл. *kārdān* 'делать'). (О принципе образования прошедшего длительного времени переходных глаголов в диалектах Фарса см. стр. 171.)

Прошедшее длительное время обозначает длительное или многократное действие, совершавшееся в прошлом: *ōn vaqt man dar maktab mēxōndam* (тадж.) 'В то время я учился в школе'; *hār rūz piš-e ū mīāmād* (перс.) 'Он каждый день приходил к нему'

Форма прошедшего длительного времени используется также при выражении ирреальности действия и желательности: *agar beīhtiyāti namēkardi (h)argiz ba in dard giriftār namēšudi* (кабули) 'Если бы ты был осторожен (букв. если бы не допускал беспечности), ты бы не заболел'; *kōški ū mēōmad* (тадж.) 'Хоть бы он пришел'

В языке североазербайджанских татов при ирреальном действии данная форма отмечается только в главном предложении: *ægær mæn xundæn-xundæn næraftæn býrým, yaváš-yaváš raftæn býrým—doušánæ*

miğyftūm 'Если бы я не шел, распевая песни, а шел бы тихо, я бы поймал зайца'; *uə dærzæi biræn bu—hüzūm plāša midūxtim* 'Была бы иголка — мы сейчас зашили бы плащ' [Грюнберг, 82—83].

Сложные глагольные формы образуются путем сочетания основного глагола с вспомогательными глаголами, а также с глагольной связкой в краткой форме (табл. 12).

Таблица 12

Спряжение глагольной связки в краткой форме

Число	Лицо	Персидский язык	Таджикский язык	Язык фирси-кабули	Язык хазэра	Татский язык	Диалекты Фарса	
							ларские	таджикские
Единственное	1-е	-ām	-am	-am	-um	-ūm//—um	-im	-ām (с.)
	2-е	-ī	-i	-ī	-i	-i	-iš//—eš	-āi (с.), -(i)sa, -ī (б.)
	3-е	-āst	-ast	-a(st)	-a	-y//—u	-i//—e// -i -in -ān	-ā, -ān (м., б., с., п.) -in (м., б.) -i, -ās (с.)
Множественное	1-е	-īm	-ēm	-ēm	-im//—i	-im	-ām	
	2-е	-īd	ēd, -ētōn	-ēd(-ēn)	-it//—i//in	-ind	-ī	
	3-е	-ānd	-and	-and	-a	-ynd// -und	-in	-in (с.), isin (б.)

В качестве вспомогательных глаголов в составе сложных глагольных форм употребляются следующие глаголы: «быть» (перс. *būdān*, тадж. *budan*, кабули *būdan*, хаз. *budū*, тат. *biræn*), «хотеть» (перс. *xāstān*, тадж. *xōstan*, кабули *x^wāstan*, хаз. *xōstū*), «делаться», «становиться» (перс. *šodān*, тадж., кабули *šudan*, хаз. *šudū*). К вспомогательным глаголам, используемым при образовании сложных глагольных форм, относятся также тадж. *istōdan* 'стоять', 'пребывать', перс. *dāštān* 'иметь', тат. *sæxtæn* 'делать'.

К наиболее распространенным сложным глагольным формам в языках юго-западной группы относятся: преждепрошедшее время, перфект, главным образом основная форма перфекта, будущее время, образуемое при помощи вспомогательного глагола «хотеть» (перс. *xāstān*, тадж. *xōstan* и пр.), прошедшее время сослагательного наклонения, а также пассив (о пассиве см. стр. 169 сл.).

Преждепрошедшее время образуется из сочетания причастия (депричастия) прошедшего времени с глаголом «быть» (перс. *būdān*, тадж. *budan*, кабули *būdan*, хаз. *budū*, тат. *biræn*) в простом прошедшем времени: перс. *kārde būdām*, *kārde būdī*, *kārde būd...* (табл. 13).

В ларском диалекте преждепрошедшее время образуется от сокращенной причастной формы, т. е. от основы прошедшего времени, путем прибавления к ней суффикса *-issun//—isun*. Данный суффикс отмечается как при непереходных, так и переходных глаголах, с той лишь разницей, что для последних используется так называемая пассивная конструкция: *sūtissūn* 'сгорел' (3-е л.), *čūt kirdisun?* 'что ты сделал?'; *āgā mām dānātsūn* 'Если бы я знал' [Ромаскевич, 44].

Преждепрошедшее время

Число	Лицо	Персидский язык	Таджикский язык	Язык фарси-кабули	Язык хазари	Татский язык
Единственное	1-е	<i>kārde būd-ām</i>	<i>karda bud-am</i>	<i>karda būd-am</i>	<i>kada bud-um</i>	<i>baftæ bÿ-rÿm</i>
	2-е	<i>kārde būd-i</i>	<i>karda bud-i</i>	<i>karda būd-i</i>	<i>kada bud-i</i>	<i>baftæ biri</i>
	3-е	<i>kārde būd</i>	<i>karda bud</i>	<i>karda būd</i>	<i>kada but</i>	<i>baftæ bu</i>
Множественное	1-е	<i>kārde būd-īm</i>	<i>karda bud-ēm</i>	<i>karda būd-ēm</i>	<i>kada bud-īm</i> (//bud-imi)	<i>baftæ birim</i>
	2-е	<i>kārde būd-id</i>	<i>karda bud-ēd (-ēlōn)</i>	<i>karda būd-ēd (-ēn)</i>	<i>kada bud-it</i> (//bud-i//bud-in)	<i>baftæ bi-rind</i>
	3-е	<i>kārde būd-ānd</i>	<i>karda bud-and</i>	<i>karda būd-an(d)</i>	<i>kada bud-a</i>	<i>baftæ bÿ-rund</i>

Преждепрошедшее время обозначает большей частью действие, совершаемое в прошлом до начала другого прошедшего действия: *vaŕt-i ke šomā piš-e mæn āmadid, dārs-ām-rā tātmām kārde būdām* (перс.) 'Когда вы пришли ко мне, я уже кончил свой урок'; *kitōberō ki ba man dōda budēd, xōnda tamōm kardam* (тадж.) 'Я прочитал книгу, которую вы мне дали'.

Основная форма перфекта состоит из причастия прошедшего времени с исходом на гласный и глагольной связки в краткой форме: перс. *kārde-ām, kārde-i, kārde-āst* (табл. 14).

В диалектах Фарса перфект, так же как и преждепрошедшее время, образуется от сокращенной причастной формы, т. е. от основы прошедшего времени. При этом в непереходных глаголах к основе прошедшего времени прибавляется суффикс *-is(s), -ist* с личными окончаниями. В переходных глаголах перед основой ставятся местоименные энклитики в виде префиксов, после основы — 3-е лицо единственного числа глагольной связки в краткой форме [Ромаскевич 44; К.-Р.Ф., Абт. I, 30 сл.] (табл. 14).

В таджикском и персидском языках, а также в хазара кроме основной формы перфекта имеются длительный перфект и преждепрошедший перфект (последний в персидском языке отмечается довольно редко) [Расторгуева I, 640]. Длительный перфект есть и в языке фарси-кабули.

Длительная форма перфекта образуются от основного перфекта плус префикс (перс. *mī-*, тадж., кабули *mē-*, хаз. *mi-* и др.): тадж. *mēkardam, mēkarda, mēkardaast...* (табл. 15).

Преждепрошедший перфект образуется из сочетания причастия прошедшего времени смыслового глагола с основной формой перфекта вспомогательного глагола «быть» (тадж. *budan*, хаз. *budū* и др.): тадж. *karda budaam, karda budai, karda budaast...* (табл. 16).

Перфект
(основная форма перфекта)

Число	Лицо	Персидский язык	Таджикский язык	Язык фарс-кабули	Язык хазар	Татский язык	Диалекты Фирса			
							дарские		таджикские	
							непереходные глаголы	переходные глаголы	непереходные глаголы	переходные глаголы
Единственное	1-е	<i>kārde-ām</i>	<i>kārda-am</i>	<i>kārda-am</i>	<i>kutēm</i>	<i>baftām</i>			<i>andisām</i> (м.) 'приходить'	<i>om-kirda</i> (п., м.) <i>om-kirdi</i> (с.) 'делать'
	2-е	<i>kārde-i</i>	<i>kārda-i</i>	<i>kārda-i</i>	<i>kaḏē (kadi)</i>	<i>baftāē-y-i</i>	<i>undistiš</i> 'приходить'	<i>tut-kirdi</i>	<i>undisēi</i> (м.)	<i>it-kirda</i> (б.) <i>it-kirdi</i> (с.)
	3-е	<i>kārde-āst</i>	<i>kārda-ast</i>	<i>kārda-ast</i>	<i>kada</i>	<i>baftāē-y-ŷ</i> <i>baftēl</i>	<i>āndin</i>	<i>eš-kirde</i> , <i>-š-kērdin</i>	<i>andisā</i> (м.), <i>andisa</i> , <i>andisi</i> (с.)	<i>iš-kirda</i> (б.) <i>iš-kirdi</i> (с.)
Множественное	1-е	<i>kārde-īm</i>	<i>kārda-ēm</i>	<i>kārda-ēm</i>	<i>kaḏēm </i> <i>kaḏē kadi</i>	<i>baftāē-y-im</i>			<i>āndisām</i> (м.)	
	2-е	<i>kārde-id</i>	<i>kārda-ēd</i> (-ēdōn)	<i>kārda-ēd</i> (-ēn)	<i>kaḏēi kaḏē</i> (<i>kadi</i>) <i>kaḏēn</i>	<i>baftāē-y-ind</i>			<i>āndistn</i> (м.)	
	3-е	<i>kārde-ānd</i>	<i>kārda-and</i>	<i>kārda-and</i>	<i>kada</i>	<i>baftānd</i>	<i>āndistin</i> <i>undissin</i>		<i>āndisān</i> (м.)	<i>šā-kūšā</i> (б.) 'убивать'

Длительный перфект

Число	Лицо	Персидский язык	Таджикский язык	Язык фарси-кабули	Язык хазара
Единственное	1-е	<i>mī-kārde-ām</i>	<i>mē-karda-am</i>	<i>mē-karda-am</i>	<i>mu-kadēm</i>
	2-е	<i>mī-kārde-ī</i>	<i>mē-karda-i</i>	<i>mē-karda-ī</i>	<i>mu-kadē(-i)</i>
	3-е	<i>mī-kārde-āst</i>	<i>mē-karda-ast</i>	<i>mē-karda-ast</i>	<i>mu-kada</i>
Множественное	1-е	<i>mī-kārde-īm</i>	<i>mē-karda-ēm</i>	<i>mē-karda-ēm</i>	<i>mu-kadēm//mu-kadē//mu-kadi</i>
	2-е	<i>mī-kārde-īd</i>	<i>mē-karda-ēd (-ēton)</i>	<i>mē-karda-ēd (-ēn)</i>	<i>mu-kadēt//mu-kadē(mu-kadi)//mu-kadēn</i>
	3-е	<i>mī-kārde-ānd</i>	<i>mē-karda-and</i>	<i>mē-karda-an(d)</i>	<i>mu-kada</i>

Таблица 16

Преждепрошедший перфект

Число	Лицо	Персидский язык	Таджикский язык	Язык хазара
Единственное	1-е	<i>kārde būde-ām</i>	<i>karda buda-am</i>	<i>kada budēm</i>
	2-е	<i>kārde būde-ī</i>	<i>karda buda-i</i>	<i>kada budē(-i)</i>
	3-е	<i>kārde būde-āst</i>	<i>karda buda-ast</i>	<i>kada buda</i>
Множественное	1-е	<i>kārde būde-īm</i>	<i>karda buda-ēm</i>	<i>kada budēm</i>
	2-е	<i>kārde būde-īd</i>	<i>karda buda-ēd (-ēton)</i>	<i>kada budēt</i>
	3-е	<i>kārde būde-ānd</i>	<i>karda buda-and</i>	<i>kada buda</i>

В таджикском языке кроме указанных форм употребляется также определенная форма перфекта, образующаяся из сочетания причастия прошедшего времени основного глагола с преждепрошедшим перфектом вспомогательного глагола *istōdan* 'стоять', 'пребывать': *karda istōda budaam*, *karda istōda budai*, *karda istōda budaast* и т. д.

Употребление форм перфекта почти всегда связано с фактами выяснения, заключения, а также передачи с чужих слов. При этом основная форма перфекта обозначает прошедшее действие или результат прошедшего действия. Длительная форма перфекта обозначает длительность или многократность и употребляется применительно к любому времени — к прошедшему, настоящему и будущему. Преждепрошедший перфект тождествен по своему временному значению преждепрошедшему времени изъявительного наклонения. Определенная форма перфекта, употребительная в таджикском языке, обозначает длительное действие, происходящее в настоящий, данный момент или в определенный момент в прошлом. Примеры: *kās-i āmā-*

de-äst vā mīxanad šomā-rā bebinād (перс.) 'Пришел кто-то и хочет вас видеть'; *dar vōqē' ham az in jō avtomobil guzašta-ast* (тадж.) 'И действительно, здесь, оказывается, прошел автомобиль'; *u tuga: ma bisyōr yax kadēm* (хаз.) 'Он говорит мне: «Я очень замерз»'; *ma'lum ast ki ū fardō mērafta-ast* (тадж.) 'Значит он поедет завтра'; *u amada buda, bōz-am ma u-ra nadidum* (хаз.) 'Хотя, оказывается, он приходил, я его не видел'.

Будущее время с вспомогательным глаголом «хотеть» состоит из двух компонентов, из которых один, представляющий основной глагол, имеет форму усеченного инфинитива (совпадает с основой прошедшего времени), другой, представляющий вспомогательный глагол, — форму аориста (табл. 17). В таджикском и фарси-кабули данное время употребляется только в книжном языке [Расторгуева II, 553; Грам. 131—132; Дорофеева, 49].

Таблица 17

Будущее время, образуемое с вспомогательным глаголом «хотеть»
(перс. *xāstān*, тадж. *xōstan*, кабули *x^wāstan*)

Число	Лицо	Персидский язык	Таджикский язык	Язык фарси-кабули
Единствен- ное	1-е	<i>xāhām kārd</i>	<i>xōham kard</i>	<i>x^wāham kard</i>
	2-е	<i>xāhī kārd</i>	<i>xōhi kard</i>	<i>x^wāhī kard</i>
	3-е	<i>xāhād kārd</i>	<i>xōhad kard</i>	<i>x^wāhad kard</i>
Множест- венное	1-е	<i>xāhīm kārd</i>	<i>xōhēm kard</i>	<i>x^wāhēm kard</i>
	2-е	<i>xāhīd kārd</i>	<i>xōhēd kard</i>	<i>x^wāhēd kard</i>
	3-е	<i>xāhānd kārd</i>	<i>xōhand kard</i>	<i>x^wāhan(d) kard</i>

В фарси-кабули отмечается также будущее время, в состав которого кроме вспомогательного глагола «хотеть» (*x^wāstan*) входит еще глагол «быть» (*būdan*), причем первый из них (*x^wāstan*) стоит в форме аориста, а второй (*būdan*) — в форме усеченного инфинитива. Основной глагол предшествует вспомогательным и имеет причастную форму: *karda x^wāham būd*, *karda x^wāhī būd*, *karda x^wāhad būd* и т. д. Эта форма в фарси-кабули обозначает, в частности, будущее законченное, соотнесенное с другим действием: *tā tu biāyī kitāb-hā-rā āwurda x^wāhand būd* 'Пока ты придешь, они уже принесут книги'. Она выражает также некоторые неизъявительные значения: *raftan-aš bē-illatē nēst, zarūr kudām sānihayē rux dāda x^wāhad būd?* 'Она уехала (букв. ее отъезд) не без причины, наверное, произошло что-нибудь?' [Дорофеева, 50, 75].

В языке североазербайджанских татов будущее время, относящееся к сложным глагольным формам, имеет следующий состав: в центральных говорах — герундив плюс краткая форма связки: *raftæ-nūt*, *raftæni-y-i/raftæni*, *raftænū...*; в северных говорах — аорист с предшествующей неизменяемой частицей: *bæsæn būram*, *bæsæn būrayi*, *bæsæn būrei...* Оно употребляется при обозначении будущего действия, иногда с модальным оттенком долженствования: *gušha bæ yæki kuti*: «yæ ruz birænū ki in Iskændær bej šæhær padšah birænū» 'Птицы сказали друг другу: «Наступит день, когда Искандер

будет царем в этом городе»; *mænæ kardéj mæn kyl biréj, bæseæn bærgýt, bæ čarx týt* 'У меня нож затупился, нужно пойти и наточить его' [Грюнберг, 70—71, 89].

Прошедшее время сослагательного наклонения образуется из причастия (оно же деепричастие) основного глагола плюс аорист вспомогательного глагола «быть» (без префикса): перс. *kārde bāšūm, kārde baši, kārde bāšād...* (табл. 18).

Таблица 18

Прошедшее время сослагательного наклонения

Число	Лицо	Персидский язык	Таджикский язык	Язык фарси-кабули	Язык хазара
Единственное	1-е	<i>kārde bāšām</i>	<i>karda bōšam</i>	<i>karda bāšam</i>	<i>kada bašum</i>
	2-е	<i>kārde bāši</i>	<i>karda bōši</i>	<i>karda bāši</i>	<i>kada baši</i>
	3-е	<i>kārde bāšād</i>	<i>karda bōšad</i>	<i>karda bāša(d)</i>	<i>kada baša</i>
Множественное	1-е	<i>kārde bāšīm</i>	<i>karda bōšēm</i>	<i>karda bāšēm</i>	<i>kada bašim</i> (/ -i)
	2-е	<i>kārde bāšīd</i>	<i>karda bōšēd</i> (-ēīōn)	<i>karda bāšēd</i> (-ēn)	<i>kada bašit</i> (/ -i/ -ln)
	3-е	<i>kārde bāšānd</i>	<i>karda bōšand</i>	<i>karda bāšan(d)</i>	<i>kada baša</i>

В таджикском языке, фарси-кабули и хазара имеется также длительная форма сослагательного наклонения, относящаяся к сложным глагольным формам.

Состав длительной формы сослагательного наклонения: причастие (оно же деепричастие) прошедшего времени с префиксом (тадж., кабули *mē-*, хаз. *mi-* и др.) плюс аорист глагола «быть» (без префикса): тадж. *mēkarda bōšam, mēkarda bōši, mēkarda bōšad...* (табл. 19).

Таблица 19

Длительная форма сослагательного наклонения

Число	Лицо	Таджикский язык	Язык фарси-кабули	Язык хазара
Единственное	1-е	<i>mēkarda bōšam</i>	<i>mēkarda bāšam</i>	<i>mukada bašum</i>
	2-е	<i>mēkarda bōši</i>	<i>mēkarda bāši</i>	<i>mukada baši</i>
	3-е	<i>mēkarda bōšad</i>	<i>mēkarda bāša(d)</i>	<i>mukada baša</i>
Множественное	1-е	<i>mēkarda bōšēm</i>	<i>mēkarda bāšēm</i>	<i>mukada bašim</i> (/ -i)
	2-е	<i>mēkarda bōšēd</i> (-ēīōn)	<i>mēkarda bāšēd</i> (-ēn)	<i>mukada bašit</i> (/ -i/ -ln)
	3-е	<i>mēkarda bōšand</i>	<i>mēkarda bāšan(d)</i>	<i>mukada baša</i>

В системе сложных глагольных форм таджикского языка имеется также определенная форма сослагательного наклонения. Ее состав: причастие (оно же деепричастие) прошедшего времени основного глагола плюс прошедшее время сослагательного наклонения вспомогательного глагола *istōdan* 'стоять', 'пребывать': *karda istōda bōsam*, *karda istōda bōši*, *karda istōda bōšad* и т. д.

Сложные формы сослагательного наклонения обладают в основном теми же модальными значениями, что и аорист (см. стр. 175).

Глагол в форме прошедшего времени сослагательного наклонения обозначает действие в прошлом: *kojā rāfte bāšād* (перс.) 'Куда он мог пойти?'; *az kujō fahmida bōšad* (тадж.) 'Откуда он мог узнать?'. Глагол в длительной форме сослагательного наклонения обозначает длительное действие, происходящее в любое время — в настоящем, будущем, прошедшем. Примеры из таджикского языка: *in ba kujō mērafta bōšad* 'Куда он может идти?'; *ū mēōmada bōšad uō nē?* 'Придет он или нет?'; *duxtarak mōnandi ōn ki dandōnaš dard mekarada bōšad*, *rū-i xud-rō pečōnda girifta bud* 'Девочка закутала свое лицо платком, как будто у нее болели зубы'. Глагол в определенной форме сослагательного наклонения, отмечаемый в таджикском языке, обозначает действие, совершающееся в определенный момент настоящего или прошлого: *hōlō inhō ēihō gufta istōda bōšand?* (тадж.) 'О чем они говорят сейчас?'; *dirūz ū kujō rafta istōda bōšad* (тадж.) 'Куда он мог вчера идти?'

Кроме общих и более распространенных форм, указанных выше, выделяются в отдельных языках юго-западной группы следующие сложные глагольные формы: а) настоящее определенное время (настоящее данного момента) и прошедшее определенное время изъявительного наклонения в таджикском языке; б) настоящее данного момента и прошедшее определенного момента в персидском языке; в) формы предположительного наклонения в таджикском языке — прошедшее время, настояще-будущее время, настоящее определенное время; г) формы предположительного наклонения в хазара — прошедшее время, настояще-будущее время и длительная форма, и некоторые другие.

Настоящее определенное время (настоящее данного момента) и прошедшее определенное время в таджикском языке, настоящее данного момента и прошедшее определенного момента в персидском языке обозначают в целом действие применительно к определенному моменту: все формы настоящего времени — к моменту речи, формы прошедшего времени — к определенному моменту в прошлом.

Состав настоящего определенного времени в таджикском языке: деепричастие прошедшего времени основного глагола плюс перфект вспомогательного глагола *istōdan* 'стоять', 'пребывать': *karda istōdaam*, *karda istōdai*, *karda istōdaast* и т. д.

Состав прошедшего определенного времени в таджикском языке: деепричастие прошедшего времени основного глагола плюс преждепрошедшее время вспомогательного глагола *istōdan* 'стоять', 'пребывать': *karda istōda budam*, *karda istōda budi*, *karda istōda bud* и т. д.

Состав настоящего данного момента в персидском языке: настояще-будущее время вспомогательного глагола *dāštān* 'иметь' плюс настоящее-будущее время основного глагола: *dārām mirāvām*, *dāri mirāvī*, *dārād mirāvād* и т. д.

Состав прошедшего определенного момента в персидском языке: простое прошедшее время вспомогательного глагола *dāštān* 'иметь'

плюс прошедшее длительное время основного глагола: *dāštām mī-rāftām*, *dāšti mīrāftī*, *dašt mīrāft* и т. д.

Применительно к определенному моменту происходит также действие, обозначаемое сложной глагольной формой настоящего времени, употребительной в языке североазербайджанских татов. Ее состав: инфинитив с префиксом (*mī-* — в центральных говорах, *bæ-* — в северных говорах) плюс глагольная связка (в 3-м л. ед. ч. связка отсутствует): *mīgæštænŷm* (*bægæštænŷm*), *mīgæštæni* (*bægæštæni*), *mīgæštæn* (*bægæštæn*) и т. д. [Грюнберг, 63—69]. Однако настоящее время татского языка в отличие от настоящего определенного времени таджикского языка и в особенности настоящего данного момента персидского языка отмечается также при обозначении действия, происходящего независимо от момента речи: *pæšæ bæ jæhræ mīrištænund* 'Шерсть прядут на прялке'; *in duxtæ bæ birin-ŷl sintf bæxundæn* 'Эта девочка учится в первом классе'. Кроме того, оно может выражать действие будущее: *ængŷšt tŷræ dŷrar bæ burŷn*, *ŷzŷg mīgŷrardænŷm bæ dæš tŷ* 'Высунь наружу палец. Я надену тебе кольцо' [Грюнберг, 85].

Формы предположительного наклонения в таджикском языке образуются от причастия прошедшего времени на *-gi*. Состав прошедшего времени предположительного наклонения (в полном виде): причастие прошедшего времени на *-gi* плюс полная форма глагольной связки: *kardagistam*, *kardagisti*, *kardagist*, *kardagistēm*, *kardagistēd* (*kardagistētōn*), *kardagistand*. Состав настоящего-будущего времени предположительного наклонения (в полном виде): причастие прошедшего времени на *-gi* с префиксом *mē-* плюс полная форма глагольной связки: *mēkardagistam*, *mēkardagisti*, *mēkardagist*, *mēkardagistēm*, *mēkardagistēd* (*mēkardagistētōn*), *mēkardagistand*. Состав настоящего определенного времени предположительного наклонения (в полном виде): деепричастие прошедшего времени основного глагола плюс вспомогательный глагол *istōdan* 'стоять', 'пребывать' в форме прошедшего времени предположительного наклонения: *karda istōdagistam*, *karda istōdagisti*, *karda istōdagist*, *karda istōdagistēm*, *karda istōdagistēd* (*karda istōdagistētōn*), *karda istōdagistand*.

Значения форм предположительного наклонения в таджикском языке: форма прошедшего времени выражает предположение, относящееся к прошлому: *ŷ az šahr ōmadagist* 'Он, вероятно, приехал из города'; форма настоящего-будущего времени выражает предположение, относящееся к настоящему или будущему времени: *ŷ har rūz mēraftagist* 'Он, наверное, каждый день ходит'; *ŷ fardō mēmadagist* 'Возможно, он завтра придет'; форма настоящего определенного времени выражает предположение, относящееся к моменту речи: *vay hōzir kitōb xōnda istōdagist* 'Он, вероятно, сейчас читает книгу'.

Формы предположительного наклонения в языке хазара образуются при помощи вспомогательного глагола *xōstā* 'хотеть' в виде *xōt*(*xōd*). Состав прошедшего времени (одного из типов): причастие прошедшего времени основного глагола плюс форма *xōd* и вспомогательный глагол *budū* 'быть' в простом прошедшем времени: *kada xōd budum*, *kada xōd budī*, *kada xōd but* и т. д. Состав настоящего-будущего времени (одного из типов): форма *xōt* плюс простое прошедшее время основного глагола: *xōt kadum*, *xōt kadī*, *xōt kat* и т. д. Состав длительной формы предположительного наклонения: причастие прошедшего вре-

мени основного глагола плюс форма *xōd* и вспомогательный глагол *budū* 'быть' в прошедшем длительном времени или простом прошедшем времени (при последнем причастие имеет приставку): *kada xōd mubudum*, *kada xōd mubudi*, *kada xōd mubut* // *mukada xōd budum*, *mukada xōd budi*, *mukada xōd but* и т. д. [Ефимов, 61—62].

По своим модальным и временным значениям формы предположительного наклонения в хазара сближаются с формами сослагательного наклонения. Примеры: *tu būru*, *rōdiyun-a az xōne! birōr-xu biar!* — *ōli u da xōna nista*, *u rōdiyun-a kudam jō ēšta xōd but* 'Сходи и принеси радиоприемник из дома брата! — Сейчас его нет дома. — Возможно, он куда-нибудь поставил его'; *ma būrum*, *da čaman rasida xōt tanistum* 'Что ж, я поеду. Возможно, доберусь (благополучно) до Чамана'; *dirāz sārōp yak nūq-a rafiq-xu-ra da-da but*, *u u-ra pōknawis nawišta mukada xōd but* 'Вчера Сухраб дал товарищу записи (лекций). Возможно, он переписал (перепишет, переписывает) их начисто' [Ефимов, 61—62].

В глагольной системе татского языка отмечается ряд сложных глагольных форм, образующихся в целом из сочетания инфинитива основного глагола и простого прошедшего времени вспомогательного глагола *biræn* 'быть': а) *raftæn* (инфинитив) *būrŷm*, *raftæn biri*, *raftæn bu...*; б) *miraftæn* (инфинитив плюс приставка *mi-*) *būrŷm*, *miraftæn biri*, *miraftæn bu...* (центральные говоры); в) *bæraftæn* (инфинитив плюс приставка *bæ-*) *būrŷm*, *bæraftæn biri*, *bæraftæn bu...* (сев. гов.) [Грюнберг, 67—68]. Эти формы как бы дополняют собой простую по образованию форму прошедшего длительного времени типа *mibāftum*, *mibāfti...* в соотношении с такой же формой, имеющейся, например, в персидском языке (*mibāftām*, *mibāfti...*). Примеры: *sābah mašin amaræn bu — bæ Qizil-Burūn miraftŷm* 'Если бы завтра приехала машина, я поехал бы в Кызыл-Бурун'; *u raprūs biræn bu — kəsiræn būrŷm* 'Была бы папироса, я бы покурил'; *par mæn harūz bæ kar miraftæn būrŷm*, *imsāl jan mæn zæ'lf-ŷ* 'В прошлом году я каждый день ходил на работу, а в этом году сил не хватает'; *mæn u klškæ vərəj mæn bu*, *mæn lnæ bul dus midaštæn būrŷm* 'У меня был маленький ягненок, я его очень любил' [Грюнберг, 84, 86—87].

Неличные глагольные формы

Инфинитив. Состоит из основы прошедшего времени и суффикса (перс. *-ān*, тадж., кабули *-an*, хаз. *-ā(n)*, реже — *-an*, тат. *-æn*, лар. *-ā*): *kārd-ān* (перс.), *kard-an* (тадж., кабули), *kad-ā* (хаз.), *sæxt-æn* (тат.), *kird-ā//kerd-ā* (лар.) 'делать'. Является одновременно именем действия и, как всякое имя, может принимать показатель изафета, послелог, сочетаться с предлогами. Примеры: *xāndān-e in ketāb kār-e xēyli došvār-āst* (перс.) 'Чтение этой книги — дело очень трудное'; *ærəbjæ yazmiš sæxtæn-æ bastāni?* (тат.) 'Ты умеешь писать по-арабски?'; *az ōmadan-i šumō xabar nadōštam* (тадж.) 'Я не знал о вашем приходе'.

Причастия. Причастие прошедшего времени. Состав: основа прошедшего времени плюс суффикс (перс. *-e*, тадж., кабули, хаз. *-a*, тат. *-æ*, диал. Фарса *-ā*): *kārd-e* (перс.), *kard-a* (тадж., кабули), *kada* (хаз.), *sæxt-æ* (тат.) 'сделанный', 'сделавший', *šikāsta*, *šikāsā*, *iškāsā* (тадж. диал. Фарса), *beškāstā* (лар.) 'сломанный', 'разбитый'. В диалектах Фарса причастие прошедшего времени у многих глаголов совпадает с основой прошедшего времени

(часто без конечных согласных): *âvurd*, *âvû* (б.) 'принесенный'; *burrið* (б.) и *burri* (с., м.) 'отрезанный'; *fahmî* (с., п., м.) 'услышанный', 'понятый'

Причастие будущего времени (с оттенками долженствования и намерения). Состав: инфинитив (с исходом на *-n*) плюс суффикс (перс., кабули *-î*, тадж., хаз., тат. *-i*): *kârdân-î* (перс.), *kardan-î* (кабули), *kardan-i* (тадж.) 'то, что должно быть сделано', 'намеревающийся сделать'; *xôndan-i* (хаз.) 'то, что должно быть прочитано', 'намеревающийся читать'; *avardæn-i* (тат.) 'то, что должно быть принесенным', 'то, что можно принести', 'намеревающийся принести', 'тот, который должен принести'.

Причастие настоящего времени. Состав: основа настоящего времени плюс суффикс (перс. *-ânde*, *-ân*, *-â*, тадж. *anda*, *-ôn*, *-ô*, кабули *-inda*, *-ân*, *-â*, хаз. *-inda*, *-â//ôn*, *-ô*): *âyânde* (перс.), *oyanda* (тадж.) 'будущий'; *xâninda* (кабули) 'читатель', *kuninda* (хаз.) 'делающий', *râvân* (перс.), *ravôn* (тадж.), *rawâ* (хаз.) 'идущий'; *dânâ* (перс., кабули), *dônô* (тадж., хаз.) 'мудрый', 'знающий'. Такого рода формы почти утратили свое причастное значение, и большая часть из них субстантивировалась (перс. *âyânde*, тадж. *oyanda* 'будущий' и 'будущее'; *dânâ*, *dônô* 'мудрый', 'мудрец').

В таджикском языке выделяется также причастие настоящего времени на *-a* с вспомогательным глаголом *istôdan* 'стоять', 'пребывать': *xônda istôda* 'читающий', 'читаемый'.

Причастия с конечным элементом *-gi*: 1) прошедшего времени от причастия прошедшего времени (отмечается в таджикском, фарси-кабули и хазара): *xôndagi* (кабули *xândagi*) 'читавший', 'читанный'; 2) настояще-будущего времени от причастия прошедшего времени с префиксом *mê-* (отмечается только в таджикском): *mê-xôndagi* 'читающий', 'читаемый'; 3) настоящего определенного времени (отмечается только в таджикском) от причастия на *-a* с вспомогательным глаголом *istôdan* 'стоять', 'пребывать': *xônda istôdagi* 'читающий', 'читаемый'

Деепричастия. Деепричастие (оно же причастие) прошедшего времени. Состав: основа прошедшего времени плюс суффикс (перс. *-e*, тадж., кабули, хаз. *-a*): *kârd-e* (перс.) 'сделав', 'делая'; *kard-a* (тадж.) 'сделав', 'делая'; *kad-a* (хаз.) 'сделав'. Обозначает действие, происходящее прежде действия, выраженного глаголом в личной форме, редко — одновременно с ним: *duxtarak-rô az dast-aš girifta ba xôna burd* (тадж.) 'Взяв девочку за руку, он повел ее в дом'; *vay bô sar-i xam ôhista-ôhista qadam mōnda mēraft* (тадж.) 'Он шел, наклонив голову, тихонько передвигая ноги'.

Деепричастие (оно же причастие) настоящего времени. Состав: основа настоящего времени плюс суффикс с конечным *n* (перс. *-ân*, тадж. *ôn*): *xânde kon-ân* (перс.), *xanda kun-ôn* (тадж.) 'смеясь'. Отмечается главным образом в персидском и таджикском языках, причем образуется не от всех глаголов. Примеры во фразе: *xânde konân goft* (перс.) 'Он сказал, смеясь...'; *xûš—guft û fikrkunôn* (тадж.) 'Хорошо, — сказал он задумчиво'

В таджикском языке выделяется также деепричастие (оно же причастие) настоящего времени на *-a* с вспомогательным глаголом *istôdan* 'стоять', 'пребывать': *xônda istôda* 'читая'. Пример во фразе: *az xôna barômada istôda guft* 'Выходя из дома, она сказала...'

Словообразование. Образование глаголов от именных основ. Глаголы от именных основ образуются следующим образом: к имени

присоединяется суффикс основы прошедшего времени (перс. *-īd*, тадж. *-id*, хаз. *-id* или *-ist*, тат. *-ir* или *ist//üst//ust*) плюс суффикс инфинитива (перс. *-ān*, тадж. *-an*, хаз. *-ā*, тат. *-æn*). Примеры: перс. *nāmīdān* 'называть' от *nām* 'имя'; тадж. *fahmidān* 'понимать' от *fahm* 'понимание', 'разумение' (тат. *fæhmüstæn* 'угадывать'); хаз. *talpistū* 'требовать' от *talp* *talap* 'требование'. Именная часть таких глаголов является одновременно основой настоящего времени.

Образование каузативных и переходных глаголов. К основе настоящего времени первичного глагола присоединяется суффикс с конечным *n* (перс., кабули *-ān*, тадж. *-ōn*, хаз. *-an*, тат. *-un*, тадж. диал. Фарса *-ān*, *-ūn*, *-ōn*). Тем самым образуется основа настоящего времени производного глагола: перс. *sūzān* от *sūz-* (т. е. от основы наст. вр. первичного глагола *sūxtān* 'жечь', 'гореть'); тадж. *dūzōn-* от *dūz-* (т. е. от основы наст. вр. первичного глагола *dūx-tan* 'шить'). Далее к основе настоящего времени производного глагола прибавляется суффикс, образующий основу прошедшего времени (перс. *-d* или *-id*, тадж. *-d* или *-id*, кабули, хаз., тат. *-d*), и суффикс инфинитива (перс. *-ān*, тадж., кабули *-an*, хаз. *-ā*, тат. *-æn*): перс. *sūzāndān* или *sūzānidān* 'жечь', тадж. *dūzōndan* 'отдавать шить', 'заказывать шить'. При этом глаголы, будучи образованными от переходных глаголов, получают каузативное, понудительное значение, от непереходных — переходное значение: тадж. *xūrdan* 'есть' и *xūrdōndan* 'заставить есть', 'кормить'; тадж. *qēlidan* 'катиться' и *qēlōndan* 'катить'.

В фарси-кабули и хазара переходные глаголы могут быть образованы и от основы прошедшего времени: кабули *guzaštāndan* 'проводить' от *guzašt-* (т. е. от основы пр. вр. гл. *guzaštan* 'проходить'); хаз. *suxtandū* 'жечь' от *sūxt* (т. е. от основы пр. вр. гл. *suxtū* 'гореть').

Глагольные словообразующие приставки и их основные значения

Перс. *bār-*, тадж. *bar-* — движение вверх или наружу. Примеры: перс. *bār-dāstān* 'поднимать', *bār-kāšidān* 'извлекать', 'вытаскивать'; тадж. *bar-ōmadan* 'выходить' и 'подниматься наверх'.

Перс. *dār-*, тадж. *dar-* — движение внутрь. Примеры: перс. *dār-kāšidān* 'втягивать'; тадж. *dar-ōmadan* 'входить'.

Перс. *fārā-*, тадж. *farō-* — движение вокруг чего-либо. Примеры: перс. *fārā-gereftān* 'охватывать'; тадж. *farō giriftan* 'охватывать'.

Перс. *foru-*, *forud-*, тадж. *furū*, *furud* или *fur-* — движение вниз. Примеры: перс. *forud-āmādān* 'сходить вниз', *foru-bordān* 'проглатывать'; тадж. *fur-ōmadan* (или *furud ōmadan*) 'опускаться вниз', *furū burdan* 'проглатывать'.

Перс. *vā-* — повторное действие: *vā-porsidān* 'переспрашивать'.

В хазара отмечаются только две приставки со следующими значениями: 1) *bur-* — движение наружу: *bur-šudū* 'выйти наружу'; 2) *dar-* — движение внутрь: *dar(a)madū* 'входить в' [Ефимов, 67].

В татском языке глагольных словообразующих приставок шесть: *va-*, *væ-*, *dæ-*, *fi-//fÿ-//fu-*, *fÿr-*, *dÿr-*. Примеры (на наиболее употребительные из них): *va-čaristæn* 'вращаться', *va-gaštæn* 'возвращаться', *væ-jeistæn* 'танцевать', *væ-beistæn* 'замерзать', *dæ-bÿrÿstæn* 'прикреплять', 'приклеивать', *dæ-mundæn* 'застрывать', *dæ-gæštæn* 'ложиться' [Грюнберг, 53, 57—58].

Сложные или составные глаголы. Образуются в основном путем сочетания имени и глагола: *negah kârdân* (перс.) 'смотреть' из *negah* 'взгляд', 'взор' и *kârdân* 'делать', *sar kardân* (тадж.) 'начинать' из *sar* 'начало' и *kardân* 'делать'; *daç zadû* (хаз.) 'ругаться', 'браниться' из *daç* 'ругань', 'брань' и *zadû* 'бить'. В составе таких сочетаний наиболее часто отмечаются следующие два глагола: 1) «делать» (перс. *kârdân*, тадж., кабули *kardân*, хаз. *kadd*, тат. *sæxtæn*); *tâmâm kârdân* (перс.) 'кончать', *durust kardân* (тадж.) 'поправлять', *môla kadd* 'боронить' (вспаханное поле), *ræng sæxtæn* (тат.) 'красить'; 2) «делаться», «становиться» (перс. *šodân*, тадж., кабули *šudan*, хаз. *šudû*, тат. *biræn* 'быть', 'становиться'); *tâmâm šodân* (перс.) 'кончаться'; *ma'lum šudan* (тадж.) 'выясняться', *sauz šudû* (хаз.) 'расти', 'зеленеть', *duraz biræn* (тат.) 'ложиться', 'растянуться'.

НАРЕЧИЕ

Типы наречий. Наречия времени: перс. *emrûz*, тадж. *imrûz*, хаз. *imrûz*, тат. *imrûz*, лар. *erûz* 'сегодня'; перс. *dîrûz*, тадж. *dîrûz*, хаз. *dirûz*, тадж. *dîna*, кабули *dîna*, тат. *dejdî*, *dejdîhá*, лар. *dî* 'вчера'; перс. *pârirûz*, тадж. *parirûz*, хаз. *parirûz*, тат. *pærhâ*, *pejrihá* 'позавчера'; перс. *pârsâl*, тадж. *pôrsâl*, *pôrîna*, тат. *par*, лар. *pôr* 'в прошлом году'; перс. *pîrârsâl*, тадж. *pirôrsâl*, *pirôr*, тат. *pirâr* 'в позапрошлом году'; перс. *emšâb*, тадж. *imšab*, хаз. *imšaç*, тат. *imšôy* 'сегодня вечером', 'сегодня ночью'; перс. *emsâl*, тадж., хаз. *imsâl*, тат. *imsâl*, лар. *esâl* 'в этом году'; перс. *hâlâ*, *hâl*, тадж. *hölô*, *hölî*, хаз. *öli*, тат. *hÿzÿm*, *ÿzÿm*, *héizÿm* 'сейчас'; перс. *hämîše*, тадж. *hamêša*, хаз. *amêš(a)*, тат. *hæmišæ* 'всегда'; перс. *hänûz*, тадж. *hanûz* 'все еще'; перс. *âknûn*, *kænûn*, тадж. *aknûn*, хаз. *ôkum/akum/ôku/laku* 'теперь' и др.

Наречия места: перс. *in jâ*, тадж. *in jô*, хаз. *i(n)ji*, тат. *in jæ*, лар. *iñka* 'здесь', 'сюда'; перс. *ân jâ*, тадж. *ôn jô*, хаз. *û(n)ji*, тат. *un jæ* 'там', 'туда'; перс. *hâmin jâ*, тадж. *hamin jô*, хаз. *ëni(n)ji/lini(n)ji*, тат. *hejn jæ* 'вот здесь', лар. *âmki* 'здесь же'; перс. *hâme jâ*, тадж. *hama jô*, лар. *mâ jô* 'всюду', 'везде' и др.

Наречия образа действия: перс. *bâz*, тадж., хаз. *bôz*, тат. *âvaz*, *âvazgæ(m)*, *âza* и др. 'снова', 'опять'; перс., тадж. *zud* 'быстро', 'скоро', 'рано', тат. *zu* 'быстро', лар. *zûdî* 'рано'; перс. *yekbâre*, тадж. *yakbôra* 'сразу', 'вдруг'; перс. *yekdâmt* 'мигом', 'в один миг', хаз. *yakdam* 'внезапно'; перс. *yeksäre* 'сразу', 'разом', 'прямо', тадж. *yaksara* 'все сразу', 'все разом', 'оптом', тат. *yæksæra* 'прямо', 'непосредственно'; перс. *hâtmân*, тадж. *hatman*, хаз. *atmi* 'обязательно'; перс. *yâqîn*, тадж., хаз. *yaqîn* 'несомненно', 'точно', 'наверняка' и др.

Количественные наречия: перс. *xeylî*, тадж. *xêlê*, хаз. *xêli*, тат. *xejli*, лар. *xäili*, *xêlî* 'очень', 'много'; перс. *kâmt*, тадж. *kam*, тат. *kæt* 'мало', 'немного', хаз. *kamak*, тадж. *kamak(ak)* 'немножко'; перс. *besyâr*, тадж., хаз. *bisyôr* 'много', 'очень'; перс. *bâsâ*, хаз. *basa*, тадж. *base* 'много' и пр.

Вопросительные наречия: перс. *key*, тадж. *kau*, хаз. *kaj*, тат. *kej*, лар. *kä*, *kei* 'когда?'; перс. *kû*, тадж. разг. *ku* 'где?'; лар. *ku* 'куда?'; перс. *kojâ*, тадж., хаз. *ku jô*, тат. *bæ çæ*, *bæ jæ* 'куда?', 'где?'; перс. *çerâ*, тадж. *çarô*, хаз. *çira* 'почему?', 'отчего?'; тат. *bej çÿ* 'почему', 'зачем?'; лар. *çû* 'как?', 'почему?' и др.

Словообразование. Образование наречий при помощи

суффиксов: 1) перс. *-ān*, тадж., кабули *-an* (араб. показатель вин. пад.) отмечается в основном в арабских заимствованиях: перс. *tāxmīnān* 'приблизительно' от *tāxmīn* 'приблизительное, определение', 'предположение', тадж. *xususān* 'в особенности' от *xusus* 'особенность', кабули *kāmilan* 'совершенно' от *kāmil* 'совершенный'; 2) перс. *-ā*; тадж. *-ō* (из араб. *-an*): перс. *hālā* 'сейчас' от *hāl* 'состояние', 'положение', тадж. *gōhō* 'иногда' от *gōh* 'время'; 3) тадж. *-aki*, кабули *-aki*, *-agi*: тадж. *dastaki* 'лично', 'саморучно' от *dast* 'рука', кабули *šawakī* 'ночью' от *šaw* 'ночь', *nīmagī* 'наполовину' от *nīm* 'половина' и другие суффиксы.

Образование наречий путем повтора: 1) имени: перс. *gāh-gāh*, тадж. *gōh-gōh*, кабули *gāu-gāu* 'иногда', 'время от времени' от *gāh*, *gōh*, *gāu* 'время'; 2) причастия: перс. *rāfte-rāfte*, тадж. *rafta-rafta* 'мало-помалу', 'постепенно' от *rāfte*, *rafta* 'уйдя', кабули *bālzada-bālzada* 'лётom', 'на лёту' от *bālzada* 'махнув крылом'.

Имена, лексически соотносительные с наречиями, в функции обстоятельства дополняют группу наречий. Так, персидское имя *xāne* 'помещение', 'дом' в сочетании с предлогом (или без него) в функции обстоятельства места употребляется там, где, например, в русском языке стоит наречие места: *mān be xāne mīrāvām* 'Я иду домой'; перс. имя *tābestān* 'лето' в функции обстоятельства времени представляет собой синтаксически то же, что и наречие времени: *mān tābestān mīrāvām* 'Я поеду летом' и т. д.

СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА

Предлоги. Несмотря на индивидуальные различия системы предлогов, в отдельных юго-западных языках можно выделить ряд общих для них первичных предлогов, имеющих то или иное соответствие в языках древне- и среднеиранского состояния, например:

1) перс. *be*, тадж., кабули *ba*, тат. *bæ*, лар. *ba/be/vā*; обозначает главным образом направление и адресата действия (в татском — также местонахождение); перс. *be xāne* 'домой', лар. *vā Arad* 'в Арад', тат. *bæ хинæ* 'домой', 'дома';

2) перс. *dār*, тадж., кабули *dar*, хаз. *da*; обозначает в основном местонахождение (а в хазара также направление): перс. *dār xāne* 'дома', хаз. *da хōна* 'домой', 'дома';

3) перс. *āz*, тадж., кабули, хаз. *az*, тат. *æ(z)*, лар. *āz/ez/ze/iz*; обозначает исходный пункт действия, а также ряд других пространственных и иных отношений: перс. *āz xāne* 'из дома', тат. *æ оц* 'из воды', лар. *mā-z sīnā* 'из моей груди';

4) перс., лар. *bār*, тадж., кабули *bar*; обозначает местонахождение на поверхности чего-либо или направление к поверхности: перс. *zād-āš bār zātmīn* 'ударил его о землю';

5) перс., кабули *tā*, тадж., хаз., лар. *tō*; указывает на предел в пространстве или во времени: перс. *tā xāne* 'до дома', *tā šāb* 'до ночи';

6) перс. *bī*, тадж., кабули *bē*; указывает на отсутствие какого-либо качества у предмета или на отсутствие самого предмета: перс. *bī pedār* 'без отца';

7) перс., кабули *bā*, тадж. *bō*; обозначает совместность или орудийность: перс. *bā pedār* 'с отцом', *bā ḡālām mīnevīsām* 'я пишу пером';

8) перс. *bārāye*, тадж. *barōyi*, кабули *barāyi*, хаз. *barō-i*, тат. *beḡ/bærī*, лар. *bār*; указывает на цель или назначение действия:

перс. *bāraye šoma* 'для вас', тат. *bærl Sinævæx* 'для Синавар'; лар. *bār xut* 'для тебя'.

В юго-западных иранских языках получили довольно широкое распространение так называемые изафетные предлоги, которые представляют собой имена, используемые в служебной функции. Изафетные предлоги соединяются с именем посредством изафетного показателя (а в татском языке — при помощи определительной конструкции первого или второго типа). Нередко (в татском — постоянно) выступают в сочетании с основными предлогами. Примеры: тадж. *pēš-i xōna* 'у дома', 'к дому' (от *pēš* 'перед', 'передний'), *az pēš-i xōna* 'из дома', *dar pēš-i xōna* 'перед домом'; ба *pēš-i xōna* 'к дому', тат. *bæ uan kæléinæ birar tæp/kæléinæ birar tæxæ bæ uan i* 'к моему старшему брату' (*uan* 'сторона').

Послелог. Наиболее распространен послелог *rā* (перс., кабули), *rō* (тадж.), *-ra/-a* (хаз.), восходящий к древнему послелогу *rādiy* 'ради', 'из-за'. В современных языках этот послелог служит в основном для оформления определенного прямого объекта: перс. *hā-sān-rā mōlā'āi kārdām* 'Я встретил Хасана', хаз. *mōmt baks-i az wō-ra girift* 'Махмуд взял их портфель'. В языке хазара *-ra/-a* употребляется и для обозначения косвенного объекта: *bačē' rōčō jilaw-i asp-a zan-xu-ra dat* 'Царевич отдал поводья коня своей жене'.

В татском языке послелог *-rā* получил отражение в виде показателя *-æ/-ræ* так называемой косвенной формы имен. Эта форма используется для выражения прямого объекта (если последний обозначает определенный предмет или лицо), может иметь посессивное значение и т. д. Например: *kæčæl mægüftær sætælæ* 'плешак берет этот чулок...'; *ispiškæ hist tÿræ? nist tænxæ...* 'у тебя есть спички? У меня нет...'

Послелог *-barin* (тадж.), *-wāri* (кабули), *-wōri* (хаз.) указывает на подобие предметов и явлений: тадж. *sang-barin*, кабули *sang-wāri*, хаз. *sang-wōri* 'подобный камню', 'как камень'.

В отдельных языках встречаются также и другие послелогии (например: хаз. *-qati* для обозначения совместности; тат. *-az*, *-aza*, *-avaz* и т. д.).

Союзы. К сочинительным союзам относятся: перс. *vā*, *-o*, тадж. *va*, *-u*, кабули, хаз. *wa*, *-u*, лар. *wā*, *ve*, *-u* (*-wi*, *-ui*) 'и'; тат. *iš* 'а', 'и'; перс., кабули *yā*, тадж., хаз. *yō*, тат. *ya* (*yaxud*) 'или', 'либо'; перс. *yā... yā* (и т. п.), тат. *ya... ya nist* 'или... или'; перс., лар. *hām*, тадж., кабули *ham*, хаз. *am* 'и', 'тоже'; перс. *hām... hām* (и т. п.), тат. *hæm...hæm* 'и...и'; перс. *āmmā*, *likān*, *vālt*, тадж. *ammō*, *lëkin*, *vale*, кабули *ammā*, *likan*, хаз. *ammō*, *lëkin/lökin* 'но', 'однако', тат. *anfaq*, *amta* 'но', 'однако' и др.

К подчинительным союзам относятся перс. *ke*, тадж., кабули, хаз., тат. *ki*, лар. *ke'ki* (вводит различные виды придаточных предложений); перс., кабули *tā*, тадж., хаз. *tō* (вводит придаточные предложения времени, цели; тат. *ta* 'пока', — только времени); перс. *āgar*, тадж., кабули *agar*, хаз. *aga*, тат. *ægær... isæ*, лар. *ägür/ägü* (вводит придаточные условные предложения) и пр.

МЕЖДОМЕТЯ

Наиболее употребительные междометия: 1) для выражения радости: перс. *hāy-hāy*, *zehi* 'как хорошо!'; 2) горести, боли, сожаления: перс. *āh* 'ох!', *āx* 'ах!', 'ох!', *vāy*, *vāy-vāy* или *ey vāy* 'ох!',

vāh, *vāh-vāh* или *vāx-vāx*, *āvāx*, *āvvox* 'ох!', 'ах!'; тадж. *vōy* 'ох!', *vōx* или *vōh* 'ой!', 'ох!'; перс. *āfsūs*, тадж. *afsūs*, хаз. *afsūs* 'как жаль!'; 3) для выражения похвалы, восторга: перс. *āfārīn*, тадж. *ōfarīn* 'браво!'; перс. *bāh-bāh* 'прекрасно!', *āhsān* 'отлично!', 'браво!'; 4) порицания: перс. *āh* или *āx*, *vāh-vāh* или *vāx-vāx* 'ай-ай!'; тадж. *ōh* 'ох!', 'ах!'; хаз. *aqaē//aqayē*, *wōel//waē* 'ах!', 'эх ну!', *alleu-walleu* 'ай-ай!'; 5) призыва: перс. *ey* 'эй!'; тадж. *ēy*, *hōy* 'эй!', 'о!'; хаз. *aj*, *ū*, *ala* 'эй!', 'о!'; лар. *āi* 'о!', *āi* 'эй!', 'о!' и др.

СИНТАКСИС

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Синтаксические отношения слов в предложении выражаются согласованием, управлением, примыканием, порядком слов, а также членением предложения на группы слов, связанных между собой как по смыслу, так и интонационно.

Путем согласования осуществляется связь подлежащего со сказуемым. Причем согласование может быть полным, т. е. в лице и числе, и неполным, т. е. только в лице. Неполное согласование отмечается в 3-м лице и бывает двух типов: 1) подлежащее стоит в форме единственного, сказуемое — в форме множественного числа (в том случае, если подлежащее имеет собирательное значение или применяется форма выражения почтения): *mārdom āmādānd* (перс.) 'Люди пришли'; *padarāšōn ōvardand* (тадж.) 'Их отец принес' (букв. 'принесли'); 2) подлежащее стоит в форме множественного, сказуемое — в форме единственного числа (в том случае, если подлежащее обозначает неодушевленные предметы или животных): *kī-tōb-u daftarhō hast* (тадж.) 'Имеются (букв. имеется) книги и тетради', *bozhā āmād* (перс.) 'Козы пришли'.

В хазара согласование подлежащего со сказуемым в 3-м лице имеет относительный характер по той причине, что в нем личные глаголы и глагол-связка в 3-м лице единственного и множественного числа по форме совпадают. В татском языке глагол или связка в 3-м лице чаще отмечается в единственном числе при подлежащем в обоих числах: *yšūn raft* 'Они ушли', *dəyḥā virixtēḫ* 'Девы убежали'.

При помощи управления выражается связь сказуемого с дополнением и некоторыми обстоятельствами посредством служебных элементов (предлогов, послелогов и пр.): *taktub-rō xōnēd* (тадж.) 'Читайте письмо'; *mān āz šāhr āmādām* (перс.) 'Я приехал из города'.

Примыкание используется главным образом для связи: 1) сказуемого с прямым дополнением (без служебного элемента): *ketāb xārī-dām* (перс.) 'я купил книгу', *sēb ōvard* (тадж.) 'он принес яблоки'; 2) сказуемого с обстоятельствами (без служебных элементов): *xūb mīnevīsād* (перс.) 'хорошо пишет'; *zud rav* (тадж.) 'иди быстро!'; 3) определяемого с определением, выраженным прилагательными, числительными, а также некоторыми видами местоимений (указательных, определительных, вопросительных). Примеры (перс.): *čānd čādām?* 'сколько человек?'; *pānj ādām* 'пять человек'; *in ādām* 'этот человек'; *hār ādām* 'каждый человек'; *kodām ādām* 'какой человек'. В татском языке прилагательное в функции применного определения отмечается в особой форме с показателем -æ (об этой форме см. стр. 162): *xūbæ хипæ* 'хороший дом'.

Порядок слов в предложении нельзя считать строго закрепленным. На первом месте ставится обычно группа подлежащего, на последнем — группа сказуемого. Обстоятельства времени (и реже — места) часто предшествуют подлежащему.

СТРУКТУРА ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В составе простого предложения выделяются следующие члены: подлежащее, сказуемое, определение, дополнение, обстоятельства.

Каждый член предложения может быть выражен как одним словом, так и сочетанием слов. Наиболее распространенными кроме изафетных являются сочетания с деепричастиями (об изафетных сочетаниях см. стр. 165), которые состоят из нескольких глаголов, относящихся к одному подлежащему. Все эти глаголы, кроме последнего, ставятся в форме деепричастия и вместе с дополняющими их словами образуют синтаксически единое целое.

Сочетания с деепричастиями отмечаются главным образом в персидском, таджикском, хазара, а также в фарси-кабули: *vāred-e šāhr šode dār kūče yādām mizād* (перс.) 'Войдя в город, он шел по улице'; *ū kōqazhō-rō ba rapka andōxta yak sū guzōšt* (тадж.) 'Положив бумаги в папку, он отложил ее в сторону'.

В таджикском, татском и фарси-кабули широко отмечаются инфинитивные и причастные сочетания, в которых проявляются глагольные и именные качества инфинитива и причастия.

В инфинитивных сочетаниях главным словом является инфинитив. Он может иметь при себе определение, дополнение, обстоятельства, а также логический субъект действия. При этом дополнение и обстоятельства ставятся, как правило, перед инфинитивом, а определение — за ним. Примеры: *har rūz yak oš puxta yak kas-rō ziyōfat kardan hej gap nēst* (тадж.) 'Каждый день, приготовив плов, угощать одного человека — дело нетрудное'; *albatta ki budan-i in duxtar-rō guftan darkōr. nēst* (тадж.) 'Конечно, нет надобности говорить о том, кто была эта девушка'.

В причастных сочетаниях в роли главного слова выступает причастие. Оно, так же как и инфинитив, может иметь при себе определяющие или дополняющие его слова (определение, дополнение, обстоятельства, а также логический субъект действия): *guftagi-yi kas-rō ijrō mēkunad* (тадж.) 'Он выполняет все, что ему скажешь' (букв. 'сказанное человеком'); *ba šumō namak xūrōndagi iskit-rō mēgūyēd-mi?* (тадж.) 'Вы говорите о скряге, сделавшем одолжение?'; *dar rūyihavli-yi šifōxōna du asp ba daraxt bastagi istōda bud* 'Во дворе больницы стояли две лошади, привязанные к дереву'; *man hamin tu guftagi farq-rō naʔz nafahmidaam* 'Я как следует не понял ту разницу, о которой ты говорил'.

СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Сложносочиненные предложения. Отдельные части сложносочиненного предложения соединяются между собой посредством сочинительных союзов (о сочинительных союзах см. стр. 192): *abrō ōsmōn-rō farō giriftand va bōrōn zadan girift* (тадж.) 'Тучи обложили небо, и начался дождь'; *sahar damīd-u āftāb barāmad* (кабули) 'Забрезжило утро, и солнце взошло'.

В сложносочиненных предложениях используется также и бес-

союзный тип сочинения: *Mahmudjōn darvōza-rō kušōd, har du ba havli darōmadand* (тадж.) 'Махмудджон открыл ворота, оба они вошли в дом'; *dawā xūrd — jōr šud* (кабули) 'Выпил лекарство — поправился'

Сложноподчиненное предложение. Синтаксические отношения между частями сложноподчиненного предложения выражаются посредством подчинительных союзов (о подчинительных союзах см. стр. 192).

В составе сложноподчиненного предложения выделяются следующие основные типы придаточных: определительные, дополнительные, условные, уступительные, а также придаточные времени, цели, причины и следствия.

Определительное придаточное предложение вводится союзом *ke* (перс., лар.), *ki* (тадж., кабули, хаз., тат.). Оно следует, как правило, за определяемым словом, которое принимает показатель единичности (перс. -ī, тадж., кабули -ē, хаз. -i), а в татском языке — указательное местоимение: *mārd-i ke inja nešaste būd, berādār-e mām-āst* (перс.) 'Тот мужчина, который сидел здесь, — мой брат'; *un šikl ki par kəširə biri, un šikl bæ čə-yū* (тат.) 'Где тот снимок, что ты сделал в прошлом году?'

Дополнительное придаточное предложение вводится союзом *ke* (перс., лар.), *ki* (тадж., хаз., кабули), *ki, čū* (тат.) и следует за сказуемым главного предложения: *ū guft ki ōnhō nešand* (тадж.) 'Он сказал, что их нет дома'; *dýrým ki bæ xari šəynəm nýštéj* (тат.) 'Я увидел, что земля покрыта инеем'

В отдельных случаях отмечается и бессоюзное подчинение дополнительных придаточных предложений (перс., тадж., хаз., тат.): *míxāhām in ketāb-rā bexānām* (перс.) 'Хочу прочесть эту книгу'; *namidanum, báči namada* (хаз.) 'Не знаю, почему он [до сих пор] не пришел'

Условное придаточное предложение вводится союзом перс. *āgār, vā āgār, hār gāh*; тадж. *agar, va agar, har gōh*; кабули *agar//gar, (h)argā(h)*, иногда — *ka* (афганизм); хаз. *aga*, тат. *ægær, isə* 'если', 'когда скоро'. Придаточные предложения условия обычно ставятся в начале сложного предложения: *āgār berāvād be šomā mifāhmānām* (перс.) 'Если он пойдет, я дам вам знать'; *ægær bæ i čūl ruz áftūm — áftūm; nəáftūm isə — miām* 'Если я за эти сорок дней найду (царицу пери) — ладно; если же нет — приду обратно'

Условные придаточные предложения могут входить в состав сложного предложения и без союза: *vay mēraft — naʔz mēšud* (тадж.) 'если бы он пошел, было бы хорошо'; *əvvələ mārā bæ arsi; ráftitə bæ axīr ray* (тат.) 'С самого начала не ходи на свадьбу; если же пошел — оставайся до конца'

Уступительное придаточное предложение вводится союзами: 1) перс. *āgār če, gār če, hār čānd*; тадж. *agarči, garčande ki, har čand*; кабули *agarči, agarči ki*; хаз. *ar čan(t) ki*; тат. *-iš* 'хотя'; 2) перс. *bā in ke, bā vofūd-e in ke, bā vofūd-e ān ke*; тадж. *bō in ki, bō ōn ki, bō vujud-i in ki, bō vujud-i ōn ki*; кабули *bā wasf-i in ki*; хаз. *sar-i az i ki* и др. Уступительные придаточные предложения обычно ставятся перед главным предложением: *hār cānd āmāde bāšād, hānūz ū-rā nādidām* (перс.) 'Хотя он уже приехал, я его еще не видел'; *agarči ū pūl nadāšt bā-ham ba fikr-i xaridan-i mōtar aftād* (кабули) 'Хотя у него не было денег, все же он подумал [о том, чтобы] купить машину'

Придаточное предложение времени вводится союзами: 1) перс. *čūn, čon*, тадж. *čun* 'когда'; перс. *vāqt-i ke, mādam-i ke, hān-gām-i ke*; тадж. *vāqt-e ki, mōdōm-e ki, hangōm-e ki*; хаз. *waxt-i ki, ol-i ki, wāde'ki, asnō-i ki*; тат. *boç vaxt ki, un vaxt ki* 'в то время как', 'когда'; 2) перс. *ke*, тадж., кабули, хаз., тат. *ki* 'когда'; перс. *tā, tā ke*; тадж., хаз. *tō, tō ki*; кабули *tā*, тат. *ta* 'пока', 'до тех пор пока' и др. При использовании союзов первой группы придаточные предложения времени обычно стоят перед главным предложением: *vāqt-e ki ū ōmad, man maktub navista istōda budam* (тадж.) 'Когда он пришел, я писал письмо' При использовании союзов второй группы временное придаточное предложение может стоять и после главного: *nima-yi šab bud ki oñhō ōmadand* (тадж.) 'Была полночь, когда они прибыли'; *montāzer šodām tā rāfiq-e mīn āmad* (перс.) 'Я подождал, пока пришел мой товарищ'.

Придаточное предложение цели подчиняется посредством союзов: перс. *ke, tā, tā ke, bārāye ān ke, bārāye in ke*; тадж. *ki, tō, tō ki, barōyi ōn ki, barōyi in ki*; кабули *tā ki*; хаз. *ki, tō ki*; тат. *ki* 'чтобы', 'для того, чтобы' и др.; следует за главным предложением: *āmādūm ke šomā-rā bebnām* (перс.) 'Я пришел, чтобы увидеть вас'; *mēravam tā ki mōtar paydā kunam* (кабули) 'Я иду, чтобы найти машину'.

Придаточное предложение причины вводится при помощи союзов: перс. *ke, čūn, čūn ke, zīrā, zīrā ke*; тадж. *ki, čun, čunki, zērō, zērō ki*; кабули *čirā ki, az ānjā ki*; хаз. *čira ki, az i ki*; тат. *čün-kü* 'потому что', 'так как' и ставится обычно после главного предложения: *mān ū-rā nādidām čūn ke nāyāmād* (перс.) 'Я его не видел, так как он не пришел'; *naraftam čirā ki mōtar nabūd* (кабули) 'Я не уехал, так как не было машины'.

Придаточное предложение следствия подчиняется посредством союзов: перс. *ke*; тадж., кабули, хаз. *ki*; тат. *ki, boç gŭræ* 'поэтому', 'вследствие этого' и ставится после главного предложения: *bā kāmāl-e dorošti hār f mizād ke mā rānjidim* (перс.) 'Он говорил очень грубо, так что мы обиделись'; *imsal varændæ qeḡ biréj, boç gŭræ xūbæ taxīl-iš biréj* (тат.) 'В этом году было много дождей, а потому и был хороший урожай'.

ЛЕКСИКА

Основной лексический фонд составляют в целом собственно иранские слова. Сюда относятся: 1) простые глаголы: перс. *xān-dān*, тадж. *xōndan*, кабули *xāndan*, хаз. *xōndū*, тат. *xundæn* 'читать'; перс. *dādan*, тадж. *dōdan*, кабули *dādan*, хаз. *daddū*, тат. *dæræn* 'давать' и пр.; 2) местоимения: перс. *mān*, тадж. *man*, кабули *man(ma)*, хаз. *ma*, тат. *mæn*, лар. *mā*, б., м. *mā*, п., с. *mi* 'я'; 3) числительные: перс. *yek*, тадж., кабули *yak*, хаз. *yak/yağ* 'один'; перс. *du*, тадж., кабули, хаз. *du*, тат. *dū* 'два'; 4) часть прилагательных, в особенности качественные: перс., кабули *xūb*, тадж., тат. *xub*, хаз. *xup* 'хороший'; перс. *sāfid*, тадж., кабули *safēd*, тат. *ispi* 'белый'; 5) часть существительных, в том числе: а) названия частей тела: перс. *sār*, тадж., хаз. *sar*, тат. *sær* 'голова'; перс. *dāst*, тадж. *dast*, хаз. *dist*, *dast* 'рука' и др.; б) названия жилища или части жилища: перс. *xāne*, тадж. *xōna*, кабули *xāna*, хаз. *xana*, тат. *xunæ* 'дом', 'жилище', перс. *dīvār*, тадж. *dēvōr* 'стена' и др.; в) названия животных: перс. *āsp*, тадж., кабули, хаз. *asp* 'лошадь'; перс. *sāg*, тадж. *sag* 'собака' и др.; г) названия растений, фруктов,

злаков: перс. *derāxt*, тадж. *daraxt*, тат. *dar* 'дерево'; перс. *sib*, тадж., кабули *sēb*, тат. *sib*, хаз. *sēç* 'яблоко'; перс. *Joç*, тадж. *Jav* 'ячмень' и пр.; д) названия продуктов сельского хозяйства: перс. *ard*, тадж. *ōrd*, тат. *ard* 'мука'; перс., кабули *šir*, тадж. *šir* 'молоко' и др.; е) названия явлений природы: перс. *āftāb*, тадж. *ōftōb* 'солнце'; перс. *māh*, тадж. *mōh* 'луна' и пр.; ж) термины родства: перс. *pedār*, тадж., кабули *padar*, тат. *piyær* 'отец'; перс. *mādar*, тадж., хаз. *mōdar*, кабули *mādar*, тат. *mau* 'мать' и др.

Значительный слой лексики составляют также заимствования из различных языков.

В персидском языке основную часть заимствований составляют арабские слова — имена действия, места, профессии, орудия, части, прилагательные. Примеры: *tāysim* 'деление', *kāteb* 'писец', *molzām* 'принужденный', *motāšākker* 'благодарный', *mārkāz* 'центр', *meftāh* 'ключ', *nāḡāš* 'художник'. После арабских слов по количеству стоят заимствования, проникшие в персидский язык из французского [Расторгуева I, 657—661].

В таджикском языке кроме арабских слов представлены слова, заимствованные из узбекского и русского языков. При этом арабские слова относятся главным образом к областям науки, религии, а также просвещения и культуры: *ilm* 'наука', 'знание', *ma'nō* 'смысл', *kitōb* 'книга' и пр.; заимствования из узбекского языка отмечаются в различных сферах: *qishlōq* 'кишлак', *qayrōq* 'булыжник', *qayiq* 'лодка' и др.; заимствования из русского языка относятся к областям общественно-политической жизни, науки, техники, просвещения, культуры, быта: *sovet* 'Совет', *kolxoz* 'колхоз', *traktor* 'трактор', *parovoz* 'паровоз', *klub* 'клуб', *škaф* 'шкаф', *divan* 'диван' и др.

В фарси-кабули помимо арабизмов выявляется слой лексики, заимствованный из языка пушту, а также индийских и тюркских языков: *pawinda* 'кочевник-скотовод' (из пушту); *čawč* 'рынок' (из индийских языков); *qirpūk* — сорт каракуля (из тюркских языков). Отмечаются также слова, проникшие в фарси-кабули из русского и западноевропейских языков: *list*, *lista* 'лист', 'список', *wārst* 'верста'; *mōtar* 'автомашина', *reyl* 'железная дорога' [Дорофеева, 65—69].

В хазара наиболее многочисленными считаются тюрко-монгольские и арабские элементы. Примеры из тюрко-монгольских языков: *ata/ōta* 'отец', *elči* 'сват', *kunđa* 'плуг', *čōqu* 'висок', *taka* 'козел'. Примеры из арабского языка: *alla* 'бог', *imōn* 'вера', *tabaruk* 'священный', *mazōr* 'гробница', *um'r* 'жизнь' и др. Помимо тюрко-монгольских и арабских в хазара выявляются также заимствования: а) из языка пушту: *čauki* 'стул', *dal* 'группа', 'партия' и др.; б) из индийских языков: *kōka* 'дядя' (со стороны отца), *rupu/rupya* 'деньги' и др.; в) из западноевропейских языков: *tilifun* 'телефон', *pinsel* 'карандаш' и др.; г) из русского языка: *сōунак* 'чайник', *patnus* 'поднос' и др. [Ефимов, 22—23].

В татском языке значительный слой лексики составляют слова, заимствованные из азербайджанского языка. Помимо азербайджанских татский словарь включает в себя также слова русские, арабские и др. [Грюнберг, 112—122].

Развитие лексического состава происходит в основном: 1) путем заимствования (примеры см. выше); 2) путем калькирования: тадж. *zaminčēnkin* (русс. *землемер*), тадж. *dunūqta* (русс. *двоеточие*); 3) путем создания слов и выражений на материалах родного языка: а) по функции обозначаемого предмета: перс. *dūrbīn*, тадж. *durbin*

'бинокль' (букв. 'видящий 'далеко'); перс. *kāfġir*, тадж. *kafġir* 'шумовка' (букв. 'берущая пену'); тадж. *dandōnšūyak*, тат. *dandu-šūr* 'зубная щетка' (букв. 'моющая зубы'); кабули *qandġir* 'щипцы для сахара' (букв. 'берущий сахар'); б) описательно: тадж. *dēġxōna* 'котельная' (*dēġ* 'котел', *xōna* 'дом', 'помещение'); хаз. *panjšōx* 'вилы' (*panj* 'пять', *šōx* 'ветвь'); в) по сходству: тадж. *kaṡōn* 'лук' и *kaṡōn-ak* 'скобки'; хаз. *ġāš(i)bara* 'гриб' и *ġāši bara* 'ухо барашка'.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Грам. — «Грамматикан забони тоҷикӣ», Сталинобод, 1956.
 Грюнберг — Грюнберг А. Л., Язык североазербайджанских татов, Л., 1963.
 Дорофеева — Дорофеева Л. Н., Язык фарси-кабули, М., 1960.
 Ефимов — Ефимов В. А., Язык афганских хазара, М., 1965.
 Пахалина — Пахалина Т. Н., К характеристике кабульского просторечия, — сб. «Индийская и иранская филология», М., 1961.
 Расторгуева I — Расторгуева В. С., Краткий очерк грамматики персидского языка, — в кн.: Б. В. Миллер, Персидско-русский словарь, М., 1953.
 Расторгуева II — Расторгуева В. С., Краткий очерк грамматики таджикского языка, — в кн.: «Таджикско-русский словарь» под ред. М. В. Рахими и Л. В. Успенской, М., 1954.
 Раст., Керим. — Расторгуева В. С., Керимова А. А., Система таджикского глагола, М., 1961.
 Ромаскевич — Ромаскевич А. А., Лар и его диалект, — сб. «Иранские языки», т. I, М.—Л., 1945.
 Рубинчик — Рубинчик Ю. А., Современный персидский язык, М., 1960.
 Сок., Нем., Бог., Лив., Фар. — Соколова В. С., Неменова Р. Л., Богорад Ю. И., Лившиц В. А., Фархадян А. И., Новые сведения по фонетике иранских языков, — «Труды Института языкознания АН СССР», вып. I, 1952.

Farhâdi — Farhâdi Abd-ul-Ghafûr, Le persan parlée en Afghanistan. Grammaire du kâboli, Paris, 1955.

K.-P.F., — Mann O., Hadank K., Kurdisch-persische Forschungen, Berlin, 1906—1932.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

араб. — арабский	п. — папуни
б. — бурунгуни	перс. — персидский
вин. пад. — винительный падеж	перс.-тадж. — персидско-таджикский
гл. — глагол	пр. вр. — прошедшее время
др.-перс. — древнеперсидский	пр. длит. — прошедшее длительное
ед. ч. — единственное число	прич. — причастие
ж. р. — женский род	прям. ф. — прямая форма
инф. — инфинитив	род. пад. — родительный падеж
кабули — фарси-кабули	с. — сомгуни
косв. ф. — косвенная форма	сев. гов. — северные говоры
л. — лицо	ср.-перс. — среднеперсидский
лар. — ларский диалект, диалект Лара	суфф. — суффикс
м. — масарми	тадж. — таджикский
мн. ч. — множественное число	тадж. диал. — таджикские диалекты
м. р. — мужской род	тат. — татский
наст. вр. — настоящее время	хаз. — хазара
осн. ф. — основная форма	цент. гов. — центральные говоры
опр. ф. — определительная форма	

ВОСТОЧНАЯ ГРУППА

ФОНЕТИКА

Востокиранианские языки отличаются от западоиранских в основном в историко-фонетическом плане (см. классификацию иранских языков, стр. 8). Синхронные фонетические отличия востокиранианских

языков от западноиранских невелики и охватывают не всю восточную группу. Преимущественно это наличие однофокусных аффрикат *c*, *ʒ* в восточной группе и отсутствие их в западной (исключение представляют восточноиранские языки — ягнобский, где отсутствуют *c* и *ʒ*, и мунджанский, где в диалекте йидга отмечается только глухой *c*, а звонкий *ʒ* отсутствует).

Различия между северо-восточными и юго-восточными языками выражены не резко и носят историко-фонетический и морфологический характер. Современные юго-восточные языки отличаются в основном наличием церебрального ряда (кроме язгулямского и шугнано-рушанской группы), отсутствующего в северных. Однако этот ряд обнаруживается и в отдельных западноиранских языках (белуджском, хазара), поэтому его наличие не может служить классификационным признаком.

Вокализм восточноиранских языков характеризуется в целом противопоставлением гласных и по качеству, и по количеству. Качественный аспект выявляется в противопоставлении гласных по подъему и ряду. Противопоставление по подъему индивидуально для каждого языка и даже для каждого ряда гласных. Противопоставление по ряду прослеживается одинаково по многим восточноиранским языкам в членении гласных на гласные переднего, среднего и заднего ряда. Наличие гласных среднего ряда (кроме *a*) отмечается в языках: язгулямском (*ə*), ваханском (*u*, *ə*), ишкашимском (*ʊ*), осетинском (дигорский диалект *ə*, иронский *ə*, *ʊ*), сарыкольском (*u*, *ə*), мунджанском (*ə*, *u*), пушту (*ə*). В этих же языках, кроме осетинского и пушту, отмечается гласная среднего или нейтрального ряда *a*. Эта же гласная отмечена в остальных языках шугнано-рушанской группы и в ягнобском языке, не имеющих других гласных среднего ряда. В осетинском и пушту гласные нижнего подъема принадлежат к переднему и заднему ряду (противопоставление типа *æ—ā*).

В диалекте йидга мунджанского языка и некоторых восточных диалектах пушту встречаются (хоть и редко) назализованные гласные. Назализация гласных здесь всегда исторически позиционно обусловлена: она отмечается в конце слова (йидга *uxšō* 'шесть', вост. пушту *taṇā* 'яблоко')¹ и в соседстве с носовыми согласными (в диалектах пушту — после *n*: *kāṇāu* 'камень', в восточных диалектах — также после *m*: *māṅ* 'мы')².

Количественные характеристики вокализма в различных языках различны. В одних языках количественный фактор выявляется в противопоставлении устойчивых и неустойчивых (или сильных и слабых) гласных, в других — в долгих и кратких. В отдельных языках наблюдаются оба эти аспекта: в язгулямском языке противопоставляются неустойчивая *ə* устойчивым *i*, *e*, *u*, *ū*, *o*, *a* и долгая *ā* краткой устойчивой *a*; в дигорском диалекте осетинского языка сильные гласные *e*, *a*, *i*, *o* являются долгими, слабые *i*, *u*, *ə* — краткими, в то время как в иронском противопоставление производится только по устойчивости: иронские сильные не являются долгими.

В ряде языков по количеству противопоставляются гласные, различающиеся и качественно: например, в пушту долгие (устойчивые) *e*, *ā* [*ā*], *o* — краткие (неустойчивые) *u*, *a*, *ə*, *i*; в иронском диа-

¹ Ср. назализацию перед сиблянтами в парачи и ормури: парачи *paēs* 'пятнадцать', ормури *ašt* 'восемь'.

² Ср. парачи *māgū* 'корова'. Ср. также заместительную назализацию при исчезновении *n* в парачи: *k'āī*/*k'āin* 'что-то', *xukā*/*xukān* 'своим'.

лекте осетинского языка сильные *i, u, a* — слабые *o, e, ə, ʊ*; в ишкашимском нередуцирующиеся *i, e, a, o, ū, u* — редуцирующаяся *ʊ*. В других языках отмечается количественное противопоставление гласных, совпадающих в основном качественно. Обычно оно охватывает не всю систему, а лишь часть гласных (иногда только отдельные пары), остальные гласные могут различаться и по количеству, и по качеству или быть нейтральными к количеству. Таково положение в язгулямском (см. выше), шугнано-рушанской группе (кроме сарыкольского, в котором гласные нейтральны по долготе), дигорском диалекте осетинского языка, где сильные являются долгими (см. табл. 1), мунджанском языке, где долгота фонологична, по-видимому, только для *i—ī* и *u—ū* (йидга) и *u—ū* (мунджи). Не совсем ясна фонологическая значимость количественного признака ваханских гласных³.

Дифтонги как самостоятельные фонемы отмечаются в пушту (*ai, āi, əi, oi, ui, au*), сарыкольском (*ɛi, ɛu*), парачи (*āi, āu, ai, au*)⁴.

Фонологически значимых тонов не отмечено.

Консонантизм восточноиранских языков очень неоднороден. Резко различается между группами языков. Для большей части юго-восточных языков характерно разделение переднеязычных согласных на церебральные и нецеребральные. Церебральные обычно представлены: смычные — ретрофлексными, какуминальными и апиально-постальвеолярными (в некоторых языках — и любыми апиальными), щелевые и аффрикаты — двухфокусными со вторым заднеязычным фокусом (передний фокус обычно совпадает с артикуляцией соответствующих смычных). Нецеребральные представлены: смычные — дорсальными и в некоторых языках апиально-альвеолярными, щелевые и аффрикаты — двухфокусными с передним фокусом, аналогичным по артикуляции нецеребральным смычным, и задним — среднеязычным или — реже — заднеязычным (по языкам). В целом противопоставляются следующие ряды: в пушту *t, d, n, r—t, d, n, r* (в западных диалектах также *ʃ, ʒ—ʃ, ʒ*), в мунджанском — мунджи *ʃ, ʃ̣, j, r—ʃ, ʃ̣, j, r*, в йидга *t, d, ʃ̣, n(t), r, ʃ, ʒ—t, d, ʃ̣, n, l, r, ʃ̣, ʒ*, в ишкашимском языке — ишкашимском диалекте *t, d, ʃ̣, ʒ—t, d, ʃ̣, ʒ*, в сангличском диалекте *t, d, n, l/r, ʃ, ʒ—t, d, n, l, r, ʃ̣, ʒ*, в зебакском диалекте *t, ʃ—t, ʃ̣*, в ваханском языке *t, d, ʃ̣, j, ʃ̣, ʒ—t, d, ʃ̣, j, ʃ̣, ʒ*⁵. Таким образом, противопоставление по церебральности — нецеребральности охватывает в основном шумные смычные в этих языках. Сонорные *n* и *l* в ишкашимском и ваханском нейтральны к церебральности, отзываясь на нее лишь соответствующими фонетическими (ретрофлексными, какуминальными, апиальными, дорсальными) вариантами. В йидга и ишкашимском —

³ В. С. Соколова делит ваханские гласные на устойчивые *i, a, o, u* и неустойчивые *ɛ, ə* [Соколова I, 210—211, 215—221], Т. Н. Пахалина — на долгие *i, ā, ō, ū, ɛ, ɔ* и краткие *i, a, o, u, ɛ, ə* [Пахалина II, 400—401]; Г. Моргенштерне противопоставляет все ваханские гласные по долготе — краткости, кроме *ə*, которое выступает только как краткий [Morgenstierne, vol. II, 447]; С. И. Климчицкий противопоставляет по долготе все, кроме двух гласных среднего ряда [Климчицкий, 77—78].

⁴ С некоторыми оговорками можно назвать дифтонгами часто встречающиеся в язгулямском сочетания *au* и *ow*. Г. Моргенштерне считает дифтонгами подобные сочетания в ваханском *āi, ūi, ōi, īu, ūu (iu), au* [Morgenstierne, vol. II, 448] и в сангличи *ou, oi, ai* [Morgenstierne, vol. II, 297]. В ормури отмечается три дифтонга: *āi, ai, au*.

⁵ Ср. противопоставление в парачи церебральных *t, t', d, n, r* нецеребральным *t, t', d, n, r*; в ормури *t, d, n, r, ʃ—t, d, n, r, ʃ* (в диалекте Канигурама также *ʒ—ʒ*).

Гласные восточноиранских языков

Язык	Состав фонем
Пушту	долгие (устойчивые) <i>e, ā, o</i> , краткие (неустойчивые) <i>u, a, ə, i</i> ; дифтонги <i>aɪ, āɪ, əɪ, oɪ, uɪ, au</i>
Мунджанский: йидга мунджи	долгие <i>ī, ū</i> , устойчивые <i>i, e, a, o, u</i> , неустойчивая <i>ə</i> долгие <i>ī, ē, ā, ō, ū</i> , краткие <i>a—ə, ɤ, u</i>
Ишкашимский	устойчивые <i>i, e, a, o, ū, u</i> , неустойчивая <i>ь</i>
Ваханский	устойчивые <i>l, a, o, u</i> , неустойчивые <i>ɤ, ə</i>
Шугнано-рушанская группа: шугнанский рушанский хуфский бартангский сарыкольский	долгие <i>ī, ē, ē̄, ā, ō, ū, ū̄</i> , краткие <i>a, i, u</i> долгие <i>ī, ē, ā, ō, ū, ū̄</i> , краткие <i>i, u, o, u</i> долгие <i>ī, ē, ā, ō, ū, ū̄</i> , краткие <i>i, ɤ, a, o, u</i> долгие <i>ī, ē, ā, ō, ū, ū̄</i> , краткие <i>i, a, u</i> <i>i, e, u, o, a, ɤ, ə</i> , дифтонги <i>ɛɪ, ɛu</i>
Язгулямский	долгая <i>ā</i> , устойчивые <i>a, i, e, u, ū, o</i> , неустойчивая <i>ə</i>
Ягнобский	долгие <i>ī, ē, ō, u, ū</i> , краткие <i>a, u, i</i>
Осетинский: иронский дигорский	сильные <i>i, u, a</i> , слабые <i>o, e, ə, ь</i> сильные (долгие) <i>ī, e, o, a</i> , слабые (краткие) <i>ə, i, u</i>

сангличском *ɾ* и *l* представляют варианты одной фонемы; *ɾ* как самостоятельная фонема отмечается в пушту, мунджанском (мунджи). Противопоставление по церебральности щелевых отмечается в западном пушту, мунджанском, ишкашимском, ваханском; аффрикат — в йидга, ишкашимском и ваханском, причем оппозиция звонких *j—j̄* отмечается только в ваханском и мунджанском.

Противопоставление по церебральности неисконно для этих языков. Оно появилось в результате влияния на эти языки субстрата, родственного тому, который передал аналогичное противопоставление индоарийским языкам⁶.

Для восточноиранских языков (кроме ягнобского) характерно противопоставление однофокусных и двухфокусных аффрикат (*c—ɟ, ʒ—j̄*; см. стр. 199).

В ряде языков отмечается противопоставление огубленных и

⁶ В некоторых работах высказывается мнение о заимствовании церебральных из индоарийских языков. Однако наличие их в исконно иранском материале, закономерные соответствия церебральных по современным языкам и наличие их в сакском свидетельствуют об их относительной древности в этом ареале (не позднее среднеиранского периода) и об их субстратном, а не адстратном происхождении.

неогубленных согласных. Наибольшее количество пар отмечается в язгулямском (шесть пар: $k^{\circ}-k$, $g^{\circ}-g$, $x^{\circ}-x$, $\gamma^{\circ}-\gamma$, $\check{x}^{\circ}-\check{x}$, $q^{\circ}-q$), меньше в диалектах пушту ($x^{\circ}-x$, $\gamma^{\circ}-\gamma$) и ягнобском ($x^{\circ}-x$). Огубленные прослеживаются также в дигорском диалекте осетинского языка (четыре пары $k^{\circ}-k$, $g^{\circ}-g$, $x^{\circ}-x$, $k^{\circ}-k'$), однако фонологическая релевантность их неясна [Соколова I, 48—49].

В отдельных языках — язгулямском и мунджанском — противопоставляются заднеязычные $k-g$ среднеязычным $\acute{k}-\acute{g}$ (таким образом, язгулямский типологически напоминает индоевропейскую модель противопоставлением $\acute{k}-k-k^{\circ}$, $\acute{g}-g-g^{\circ}$). В ягнобском и ряде языков шугнано-рушанский группы (рушанском, хуфском, бартангском, орошорском) $\acute{k}$ и k , $\acute{g}$ и g являются позиционными вариантами фонем $\acute{k}$ и g (например, продвинутый вперед вариант в исходе слова). Позиционная палатализация или продвижение вперед заднеязычных (в основном перед гласными переднего ряда и у) отмечается во многих языках. Особенно характерна для пушту.

Отмечаются также фонемы и отдельные звуки, имеющие более узкое распространение. Так, в шугнано-рушанской группе, язгулямском и ваханском языках отмечаются плоскощелевые $\eth$, δ , противопоставленные смычным t , d и круглощелевым s , z . В ягнобском и пушту звук h представляет самостоятельную фонему. В других, например в мунджанском, ваханском, язгулямском, встречается звук h , не имеющий фонологической значимости.

В некоторых языках встречаются отдельные фонемы, употребляемые только в заимствованиях. Таковы, например, верхнефарингальные щелевые ξ и $\hbar$ в ягнобском, встречающиеся только в словах арабского происхождения. Фонема q в ягнобском, язгулямском, шугнано-рушанской группе, ваханском, ишкашимском, мунджанском и осетинском употребляется в основном в тюркских, арабских заимствованиях и ряде слов иного происхождения. В известной иранской лексике она встречается реже, однако частое употребление сделало ее самостоятельной фонемой. В пушту q как самостоятельная фонема не отмечена.

Кроме фонем, отличающихся местом и способом ротовой артикуляции (см. табл. 2), отмечаются фонологические ряды, противопоставленные по способу выдоха. Так, в осетинском наблюдается противопоставление смычногортанных (глухих) несмычногортанным (глухим и звонким). Смычногортанный ряд ($p^{\circ} t^{\circ} k^{\circ} c^{\circ} \check{c}^{\circ} k^{\circ\circ}$) в осетинском позднего субстратного кавказского происхождения.

В ряде языков отмечается аспирация (придыхательность) согласных (табл. 3), однако в большинстве случаев она является фонетическим признаком⁷, подчеркивающим различные другие противопоставления. Так, в осетинском придыхательные глухие противопоставлены смычногортанным (глухим) и непридыхательным (звонким). В ряде памирских языков, где звонкие неполнозвонки, придыхательность является важным фактором, отличающим глухие от звонких (мунджанский, ваханский, ишкашимский).

⁷ Фонологическая аспирация отмечается в парачи, где тип противопоставления сходен с таковым в общендоиранском и ряде современных индоарийских языков: $k-k'-g-g'$, $t-t'-d-d'$, $\check{t}-\check{t}'-d'$; $p-p'-b-b'$, $\check{c}-\check{c}'-j$, $n-n'$, $m-m'$, $l-l'$, $r-r'$.

Основные согласные звуки восточноиранских языков

По месту образования По способу образования		Губные		Язычные				Угловые		Фарингальные			
		губно-губные	губно-зубные	переднеязычные		средне-язычные	заднеязычные			верхние	нижние		
				непере-бральные	пере-бральные								
Простые	Смычные	чистые	непосовые	однофокусные	<i>p b</i>		<i>t d</i>	<i>t̪ d̪</i>	<i>k̟ g̟</i>	<i>k g</i>	<i>q</i>	<i>ʕ</i>	
			двухфокусные со вторым губным					<i>k° g°</i>	<i>q°</i>				
		посовые		<i>m</i>		<i>n</i>	<i>n̪</i>	<i>ɳ</i>	<i>ŋ</i>				
	Аффрикаты	двухфокусные	однофокусные				<i>c ʒ</i>						
			со вторым среднеязычным				<i>č j̪</i>						
			со вторым заднеязычным				<i>č̟ j̟</i>						
	Щелевые	средние	однофокусные	круглощелевые	<i>w</i>		<i>s z</i>		<i>y x̟</i>	<i>χ̟ ʁ̟, x̟</i>	<i>x ɣ</i>	<i>ħ ʕ</i>	<i>h</i>
			плоскощелевые		<i>f v</i>	<i>θ ð</i>							
		двухфокусные	со вторым губным							<i>χ°</i>	<i>x° ɣ°</i>		
			со вторым среднеязычным				<i>ʃ̟ ʒ̟</i>						
			со вторым заднеязычным				<i>ʃ̟̟ ʒ̟̟</i>						
	боковые				<i>l</i>	<i>l̪</i>							
	дрожащие				<i>r</i>	<i>r̪</i>							
	Прямоугольные	Смычные	чистые	непосовые	<i>p' b'</i>		<i>t' d'</i>	<i>t̪' d̪'</i>		<i>k' g'</i>			
посовые				<i>m'</i>		<i>n'</i>	<i>n̪'</i>						
Аффрикаты			однофокусные				<i>c'</i>						
		двухфокусные со вторым среднеязычным				<i>č' j̪'</i>							
щелевые-боковые					<i>l'</i>								
дрожащие				<i>r'</i>									
Смычногортанные	Смычные	чистые	однофокусные	<i>p̣</i>		<i>ṭ</i>			<i>ḳ</i>				
			двухфокусные со вторым губным						<i>ḳ°</i>				
		Аффрикаты	однофокусные				<i>c̣</i>						
			двухфокусные со вторым среднеязычным				<i>č̣</i>						

Продолжение табл. 3

	š	ṣ̌	ž	ẓ̌	l	l'	ḷ	ḷ'	r	r'	k	k'	k''	k'''	g	g'	g''	g'''	ŋ	y	ṣ̌	ṣ̌'	ṣ̌''	ṣ̌'''	q	q'	x	x''	γ	h	h'
Гушту	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Мунд-жанский	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Ишкашский	+	+	+	+	+	(+)	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Ваханский	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Шугнано-рушанская группа	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Язгулямский	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Ягнобский	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Осетинский	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Парачи	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Ормури	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

Примечание. Знак «плюс» обозначает наличие самостоятельной фонемы; «плюс» и вопросительный знак — неясный фонологический статус данного звукогипотеза в языке; «плюс» в скобках — отсутствие фонологической значимости при частом употреблении данного звукогипотеза; дужка, соединяющая два «плюса», — отнесение данных звукогипотез к одной фонеме.

ПИСЬМЕННОСТЬ

Из восточноиранских языков письменными являются два: пушту и осетинский. Пушту — государственный и литературный язык Афганистана. В основу афганского алфавита положен арабский с добавлением ряда знаков для звуков, отсутствующих в нем (табл. 4).

Осетинский язык является литературным языком Северо-Осетинской Автономной республики, входящей в состав РСФСР, и Юго-Осетинской Автономной области, входящей в состав Грузинской ССР. В основу осетинского алфавита положен русский с добавлением ряда букв и буквенных сочетаний для звуков, отсутствующих в русском языке.

Таблица 4

Алфавит пушту *

Графема	Значение	Графема	Значение	Графема	Значение	Графема	Значение	Графема	Значение
ا آ	a, ā, i, u, o, ə	خ	ɣ	ژ	ʒ	ع		ن	n
ب	b	ح	h	ځ	ɟ	غ	ɣ	و	v, u, o
پ	p	خ	x	س	s	ف	f	ه	h
ت	t	د	d	ش	ʃ	ق	q	ی	y, i
ټ	ɬ	ډ	ɖ	ښ	ʒ	ک	k	ې	e
ث	s	ذ	z	ص	s	گ, ک, ګ	g	ښ	əy
ج	ʃ	ر	r	ض	z	ل	l		
چ	ɟ	ړ	r	ط	t	م	m		
څ	c	ز	z	ظ	z	ن	n		

* Источник: Н. А. Дворянков, Язык пушту, М., 1960, стр. 19—21.

Осетинский алфавит

(принят в Северо-Осетинской Автономной республике с 1938 г., в Юго-Осетинской Автономной области — с 1954 г.)

Аа Ææ Бб Вв Гг Гъ гъ Дд Дж дж Дз дз Ее Ёё Жж Зз Ии Кк
Къ къ Лл Мм Нн Оо Пп Пъ пъ Рр Сс Тт Тъ тъ Уу Фф Хх Хъ хъ
Цц Цъ цъ Чч Чъ чъ Шш Щщ ь Ыы ь Ээ Юю Яя

Примечание. Буквы «щ», «ш», «ж», «ѣ», «э», «ю», «я», «ъ», «ь» употребляются только в русских заимствованиях. Сочетания: «дз», «дж» изображают аффрикаты *ʒ*, *ʒ*; «гъ» — *ɣ*, «кы» — *kʰ*, «пы» — *pʰ*, «тъ» — *tʰ*, «хъ» — *q*, «цъ» — *cʰ*, «чъ» — *ɟʰ*, лигатура «æ» — *ə*, знак «ы» — *ɐ*.

ИМЕННЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ

По морфологическим и синтаксическим свойствам имена в восточноиранских языках выделяются в особый грамматический разряд своим противопоставлением глаголу. Взятые в целом, они характери-

зуются наличием таких категорий, как число, род, падеж, степени сравнения, определенность—неопределенность, одушевленность—неодушевленность, и отличаются способностью сочетаться со служебными словами (предлогами, послелогами) и элементами (показателями). В предложении имена используются в качестве главных и второстепенных членов предложения.

Принадлежность некоторых слов к той или иной части речи — существительным, прилагательным, местоимениям, числительным — нередко не может быть определена по внешним, формальным признакам, а выясняется лишь по их функции в предложении, характеру их использования — субстантивному, атрибутивному (адъективному) или адverbiallyному. Немаловажную роль при этом играет и лексическое значение слова.

Отмечаемые в современных восточноиранских языках морфологические категории рода (м. и ж.), числа (ед. и мн.) и падежа (как правило, два—три) являют собой картину разложения богатой флективных формами системы склонения существительных, прилагательных и местоимений в древних иранских языках.

СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Категория рода различается у имен в языках пушту, мунджанском, шугнано-рушанской группе⁸, а также — частично — в язгулямском языке. Способы выражения и степень распространения этой категории по языкам неодинаковы.

В пушту и мунджанском родовая дифференциация существительных практически распространяется на все слова. Принадлежность имени к тому или иному роду определяется главным образом по исходу основы. К мужскому роду относятся: в пушту — слова с исходом на согласный (т. е. с нулевым окончанием), на дифтонги *āi*, *ai*, *oi*, *ui* и на гласные *ə*, *u*, *i* (в последнем случае у слов со значением профессии); в мунджанском — слова с исходом на согласный, на дифтонг *əu*, реже на *a(ā)* (мунджи), на согласный *ē*, *iū*, *i* (йидга). Например: пушту *šār* 'город', *psar lai* 'весна', *zrə* 'сердце' и т. п., мунджи *məluškādu* 'теленки', йидга *pur* 'сын', *šifē* 'муж' и т. п. К женскому роду относятся: в пушту — слова с исходом на *a*, *ā*, *əi*, *e*, *o*, *i* (в последнем случае — слова с отвлеченным значением), некоторые слова с исходом на согласный (на *ʒ*, *ən*) и большинство заимствований на *ʾ*, *h*, *h*; в мунджанском — слова с исходом на *a* (мунджи), на *o*, *ā* (йидга). Например: мунджи *ɔwa* 'корова', *luɔda* 'дочь', йидга *žinko* 'женщина', *luɔdo* 'дочь'. У одушевленных существительных, обозначающих представителей противоположного пола, грамматический род различается при помощи окончаний (в пушту при этом иногда наблюдается перегласовка основы):

пушту <i>uš</i> 'верблюд'	—	<i>ūša</i>	'верблюдица'
<i>soi</i> 'заяц'	—	<i>soya</i>	'зайчиха'
<i>malgərai</i> 'друг'	—	<i>malgəre</i>	'подруга'
<i>spaɔ</i> 'кобель'	—	<i>spəi</i>	'сука'
<i>xar</i> 'осел'	—	<i>xra</i>	'ослица'
<i>špin</i> 'пастух'	—	<i>špana</i>	'пастушка'

⁸ Исключение представляет сарыкольский диалект, в котором категория рода утрачена.

<i>lewə</i> 'волк'	—	<i>lewəna</i> 'волчица'
мунджи <i>k'raɣ</i> 'петух'	—	<i>k'raɣa</i> 'курица'
<i>naɰəs</i> 'внук'	—	<i>naɰəsa</i> 'внучка' ⁹ и т. п.

В диалектах шугнано-рушанской группы род морфологически выражается лишь у сравнительно небольшой части существительных — либо путем перегласовки основы (*čix* 'петух' — *čax* 'курица', руш. *guj* 'козленок' — *giɟ* 'козочка'), либо присоединением словообразовательных суффиксов, различных для мужского и женского рода: руш. *-ɪɟ*, *-āɟ*, *-wān* (м. р.), *-iɟ*, *-ənɟ*, *-wən* (ж. р.): *virōd-ɪɟ* 'сводный брат', *uax-iɟ* 'сводная сестра', *xasman-ānɟ* 'жених', *xasman-ənɟ* 'невеста'. Однако у большинства имен род формально не выражен, в этом случае он обозначается синтаксически — путем согласования с глаголом в прошедших временах, с указательными местоимениями и качественными прилагательными. Ср. руш. *raɣis pa Xaraɣ sut* 'председатель (мужчина) уехал в Хорог', но: *raɣis pa Xaraɣ sat* 'председатель (женщина) уехала в Хорог', *xalāɟ artɪs* 'пучеглазая артистка', но *xaloɟ artis* 'пучеглазый артист' и т. п. В язгулямском языке морфологический способ выражения рода ограничен еще более незначительным количеством слов. В ряде случаев род обозначается огласовкой корня (*māw* 'баран' — *maɰ* 'овца') и присоединением исторического суффикса *-enɟ* (*wūs* 'теленки' — *wenɟ* 'телка' и др.), обычно же — согласованием с соответствующим родом косвенной формы местоимений 3-го лица единственного числа.

Категория числа прослеживается во всех языках, однако ее формальное выражение весьма индивидуально для каждого отдельного языка. В языках, не имеющих склонения имени (язгулямском, ишкашимском и языках шугнано-рушанской группы), а также в ягнобском, ваханском и осетинском (в последнем — в именительном падеже) форма единственного числа равна основе. В пушту и мунджанском прямой падеж единственного числа соответствует основе только у определенной группы имен, тогда как другие имена представляют собой основу плюс окончание.

В пушту категория числа тесно связана с категориями рода и одушевленности—неодушевленности. Форма множественного числа мужского рода образуется: а) присоединением суффиксов множественности *-ān* (*-gān*) и *-ina*; как правило, *-ān* присоединяется к одушевленным, а *-ina* — к неодушевленным существительным с исходом на согласный и на *āɟ*, *oɟ*, *uɟ*, *ə*, *a*, *i*, *u*, *ā*: *uɟ* 'верблюды' — мн. ч. *uɟān*, *lewə* 'волк' — мн. ч. *lewān* и *lewagān*, *soɟ* 'заяц' — мн. ч. *soɟān*, но *kor* 'дом' — мн. ч. *korina*, *zɾə* 'сердце' — мн. ч. *zɾuna*, *buɟ* 'запах' — мн. ч. *buɟina* и др.; б) изменением окончания, сопровождаемым иногда явлением внутренней флексии (чередованием): *sarāɟ* 'мужчина' — мн. ч. *sari*, *xar* 'осел', мн. ч. *xɾə*, *ʃɾun* 'пастух' — мн. ч. *ʃɾānə*; в) внутренней флексией: *mardak* 'пуля' — мн. ч. *mardək*. В женском роде множественное число образуется: а) суффиксами *-āni*, *-gāni* (у существительных с исходом на *o*, *ā*, *e*, реже — на *i*), *-wi* (у некоторых существительных с исходом на *ā*): *mlā* 'поясница' — мн. ч. *mlāgāni*, *nāwe* 'невеста' — мн. ч. *nāwəgāni*, *piɟi* 'кошка' — мн. ч. *piɟiyāni*, *ɽwā* 'корова' — мн. ч. *ɽwāwi* и др.; б) изменением

⁹ В диалекте йиндга мунджанским парам существительных, различающихся по роду, часто соответствуют слова, образующие лексические, а не грамматические пары: мунджи *viɰa* 'козел' — *viɰo* 'коза', но йиндга *ɽaɣūtə*, *naɾbəz* 'козел' — *vəzo* 'коза'.

окончания: *taxta* 'доска'—мн. ч. *taxté, mǝǝka* 'земля'—мн. ч. *mǝǝki, malǝre* 'подруга'—мн. ч. *malǝri; bāzi* 'игра'—мн. ч. *bāzǝj*. Существительные женского рода с исходом на согласный принимают во множественном числе суффикс *-i*: *wraz* 'день'—мн. ч. *wrazǝ, lār* 'дорога'—мн. ч. *lārǝ*. Существительные с исходом на *ǝj* не меняют своей формы во множественном числе: *ǝokǝj* 'стул'—мн. ч. *ǝokǝj*.

Некоторые существительные мужского и женского рода образуют форму множественного числа иными способами, входящими за рамки указанных выше. Ср., например: *mor* 'мать'—мн. ч. *mandǝ, plār* 'отец'—мн. ч. *plārunda, zoǝ* 'сын'—мн. ч. *zāmǝn, lur* 'дочь'—мн. ч. *lunǝ* и др.

В мунджанском и йидга множественное число существительных выражается окончаниями мунджи *-i*, йидга *-ǝ, -t* (без родовых различий): мунджи *mǝ/ʉškǝǝ* 'теленки' (м. р.)—мн. ч. *muskǝʉi*, йидга *ǝigko* 'женщина' (ж. р.)—мн. ч. *ǝigkiki*.

В шугнано-рушанской группе множественное число образуется присоединением к форме единственного числа суффикса *-ǝn* (шугнанский, рушанский, хуфский, бартангский); в отдельных словах при этом происходит чередование корневых гласных: шугн. *ǝid*, руш., хуфск. *ǝod*, барт. *ǝǝd* 'дом', мн. ч. шугн., руш., хуфск., барт. *ǝadǝn* 'дома'. В сарыкольском и орошорском диалекте вместо *-ǝn* отмечен суффикс *-ǝf* (сар.), *-tǝf* (орош.): орош. *amrǝ* 'спутник'—мн. ч. *amrǝtǝf*. Слова, обозначающие термины родства или людей, имеют другие суффиксы—шугн. *-yǝn, -gǝn*, руш., хуфск., барт. *-yǝn, -gǝn* и др.: шугн. *amsǝyagǝn*, руш., хуфск., барт. *amsǝyagǝn* 'соседи', шугн. *pitiǝyǝn*, руш., хуфск. *pitiǝyǝn*, барт. *pitiǝyǝn* 'племянники'. В некоторых диалектах (рушанский, хуфский, бартангский) множественное число от терминов родства образуется при помощи суффиксов руш., хуфск. *-ǝrǝ, -ǝrǝj*: *pidǝrǝ* 'отцы'; барт. *-ǝrǝ, -ǝrǝ, -ǝrǝj*: *pidǝrǝ* 'отцы', *nǝnǝrǝ* 'матери'.

В язгулямском форма множественного числа образуется от формы единственного числа формантами *-ǝd* (*-yǝd, -hǝd, -d* после *a*), *-ǝn* (*-gen, -yǝn*), *-ǝǝg, -an, -ar*. Наиболее продуктивны *-ǝd*, употребляемый при любых существительных, и *-ǝn*, употребляемый при существительных, обозначающих главным образом лица: *dǝvǝr* 'дверь'—мн. ч. *dǝvaraǝd, kalxozǝi* 'колхозники'—мн. ч. *kalxozǝiǝd; mǝalim* 'учитель'—мн. ч. *mǝalimǝn*.

В ишкашимском наиболее универсальным суффиксом множественного числа является *-ǝ* (*-yǝ*): *ǝu-ǝ* 'коровы', *ǝung-ǝ* 'камни', *ǝaxti-ǝ* 'трудности'. Термины родства образуют множественное число при помощи суффикса *-ǝn* (*-gǝn*): *tot-ǝn* 'отцы', *ixǝ-ǝn* 'сестры'. Слова, обозначающие людей, могут принимать (обычно в сказках) суффикс множественности *-ǝn*: *odam-ǝn* 'люди'. Имена, обозначающие предметы или животных, присоединяют суффикс множественного числа факультативно.

В ваханском показателе множественного числа, присоединяемым к чистой основе, является *-iǝ(t)* (см. раздел «Категория падежа»).

Осетинский и ягнобский языки унаследовали от своих предков—скифского и согдийского—общий для них показатель множественного числа **-t¹⁰*; осет. *-tǝ* (*-ǝtǝ*) (*ǝar* 'голова'—мн. ч. *ǝart, calx* 'колесо'—мн. ч. *ǝalxǝtǝ*), ягноб. *-t* (*divar* 'дверь'—мн. ч. *divart, kolxozǝi* 'колхозники'—мн. ч. *kolxozǝit*).

¹⁰ К этому же показателю восходит и показатель *-ǝt* в язгулямском языке.

Категория падежа. В современных восточноиранских языках (исключая осетинский) парадигма склонения существительных представлена двумя падежными формами — прямой и косвенной¹¹ (пушту, мунджанский, ягнобский). Что же касается язгулянского, иш-кашимского и диалектов шугнано-рушанской группы, то в них существительные полностью утратили склонение.

В пушту косвенный падеж существительных в единственном числе не имеет специфических, свойственных только ему показателей; он совпадает по форме либо с прямым падежом единственного числа (у существительных м. и ж. р., образующих форму прямого падежа мн. ч. суффиксальным путем), либо с прямым падежом множественного числа (у существительных, образующих форму прямого падежа мн. ч. изменением флексии — внешней или внутренней)¹². Во множественном числе форма косвенного падежа образуется одинаково для существительных обоих родов (см. ниже). Многообразие словоизменительных типов в пушту чрезвычайно усложняет вопрос о классификации существительных по типам склонения. Однако если в основу классификации положить категорию числа, то все существительные можно условно подразделить на два основных типа склонения, один из которых характеризуется образованием прямого падежа множественного числа прибавлением суффиксов, а другой — изменением флексии (внешней и внутренней). Внутри каждого из этих типов может быть выделено несколько подтипов (в зависимости от родовых признаков и падежных показателей). В табл. 5 приведено несколько примеров склонения существительных (без дифференциации на подтипы).

Таблица 5

Склонение существительных в пушту

		Единственное число		Множественное число	
		прямой падеж	косвенный падеж	прямой падеж	косвенный падеж
Первый тип	мужской род	<i>uʃ</i> 'верблюд' <i>lewə</i> 'волк' <i>kor</i> 'дом'	<i>uʃ</i> <i>lewə</i> <i>kor</i>	<i>uʃān</i> <i>lewān, lewagān</i> <i>koruna</i>	<i>uʃāno</i> <i>lewāno</i> <i>koruno, koro</i>
	женский род	<i>mlā</i> 'поясница' <i>ndwe</i> 'невеста' <i>ɣwā</i> 'корова'	<i>mlā</i> <i>ndwe</i> <i>ɣwa</i>	<i>mlāgāni</i> <i>nāweāni</i> <i>ɣwāwi</i>	<i>mlāgāno</i> <i>nāweāno</i> <i>ɣwāo</i>

¹¹ В пушту встречается также еще одна падежная форма имени — звательная. Существительные мужского рода в этом падеже принимают окончание *-a* (*e, paʃ-tūna* 'эй, паштун!'). В женском роде он совпадает с формой косвенного падежа, а термины родства принимают окончание *-i* (*e, šāzi* 'эй, женщина!'). Во множественном числе звательная форма аналогична косвенному падежу (*aɪ šāzo* 'эй, женщины!'). Реликтовая звательная форма имени (с показателем *-əu, -i* по говорам) отмечается также в ваханском: *ə biqləvəu* 'эй, бестолковые!'; *tāt-i* 'о отец!'.
¹² В пушту существительные мужского рода с исходом на согласный при сочетании с числительными, начиная с двух, имеют форму на *-a*, принимаемую некоторыми исследователями за одну из разновидностей косвенного падежа (*dwa kora* 'два дома').

		Единственное число		Множественное число	
		прямой падеж	косвенный падеж	прямой падеж	косвенный падеж
Второй тип	мужской род	<i>sarál</i> 'мужчина' <i>xar</i> 'осел' <i>špun</i> 'пастух' <i>mardák</i> 'пуля'	<i>sarɪ</i> <i>xrə</i> <i>špānə</i> <i>mardək</i>	<i>sarɪ</i> <i>xrə</i> <i>špānə</i> <i>mardək</i>	<i>sario, sarɔ</i> <i>xro</i> <i>špano</i> <i>mardəko</i>
	женский род	<i>taxtá</i> 'доска' <i>mɜ́ka</i> 'земля' <i>bāzi</i> 'игра' <i>wraz</i> 'день'	<i>taxtə</i> <i>mɜ́ki</i> <i>bāzəɪ</i> <i>wrázi</i>	<i>taxtə</i> <i>mɜ́ki</i> <i>bāzəɪ</i> <i>wrázi</i>	<i>taxtó</i> <i>mɜ́ko</i> <i>bāzəɭo</i> <i>wrázo</i>

Система склонения существительных в языках мунджанском (диалекты мунджи и йндга), ваханском и ягнобском показана в табл. 6.

Таблица 6

Склонение существительных в мунджанском, ваханском и ягнобском

Язык		Ед. число		Мн. число		
		прямой падеж	косвенный падеж	прямой падеж	косвенный падеж	
Мунджанский	мунджи	муж. род	-əy, -a, ø: <i>məʃuškáəy</i> 'теленок', <i>vʔrɔy</i> 'брат'	-an: <i>muškáəyan</i> <i>vʔrɔyan</i>	-ɪ: <i>muškáəyi</i> <i>vʔrɔɪ̯ɪ, vʔrɔɪ̯</i>	-af: <i>muškáəyaf</i> <i>vʔrɔyaf</i>
		жен. род	-a: <i>žina, žinka</i> 'женщина'	-in <i>žinkin</i>	-ɪ: <i>žinkɪ</i>	-af: <i>žinkaf</i>
	йндга	муж. род	-ɛ, -ɪy, ɪ, ø: <i>šifɛ</i> 'муж', <i>pur</i> 'сын', <i>lad</i> 'зуб'	-ən, -ān: <i>šifɪən</i>	-ɛ, -ɪ: <i>pūrɛ, ladɛ</i>	-əf (-ef, -af): <i>pūrəf</i>
		жен. род	-o, -ā: <i>žigko</i> 'женщина', <i>wulo</i> 'жена', <i>luɣdɔ</i> 'дочь', <i>ɕogulo</i> 'копыто'	-ɪ(ln?): <i>žigkikɪ</i> <i>wulɛ(n)</i>	-ɛ, -ɪ: <i>ləɣdɛ</i> <i>ɕoguli</i>	-əf (-ef, -af): <i>žigkəf</i>
Ваханский		Нет особого показателя: <i>vɹut</i> 'брат', <i>tat</i> 'отец' <i>kaniz</i> 'служанка'		-iʃ(t): <i>vɹutiʃ</i>	-(ə)v: <i>tátəv</i> <i>kanizəv</i>	
Ягнобский		Нет особого показателя: <i>kat</i> 'дом', <i>pōda</i> 'нога'	-i (-ay, -ē): <i>kāti</i> , <i>pōday</i> (вост.) <i>pōdē</i> (зап.)	-t (после t—-it, -a+t>ōt): <i>kátit, pōdōt</i>	-i: <i>kátli</i> , <i>pōdōli</i>	

Как видно из табл. 6, в мунджанском языке категория рода во множественном числе не различается. В ваханском языке в единственном числе выступает неизменяемая основа.

Узкий словоизменительный диапазон имени в пушту, в мунджанском, ваханском и ягнобском обуславливает наличие довольно широкого круга синтактико-функционального использования каждой падежной формы (прямой и косвенной). Значение падежных форм может уточняться и конкретизироваться служебными словами.

Имя в прямом падеже употребляется в функции: 1) подлежащего (при этом в пушту и мунджанском только с именным сказуемым и с переходным глаголом — сказуемым в неперошедшем времени; в мунджанском, как исключение, глагол-сказуемое может стоять в прошедшем времени); 2) именной части сказуемого; 3) прямого дополнения: а) в ягнобском — при выражении безличного предмета, б) в пушту — в номинативной и эргативной конструкции предложения, в) мунджанском¹³ — при выражении неопределенного предмета, а также и определенного предмета (если имя стоит в ед. ч.; во мн. ч. имя ставится в косв. пад.).

Имя в косвенном падеже употребляется в функции: 1) подлежащего (субъекта действия): а) в ягнобском — при перфектных формах переходных глаголов и при формах настоящего и прошедшего определенного времени, б) в пушту и мунджанском — при переходном глаголе — сказуемом в прошедшем времени; 2) прямого дополнения: а) в ягнобском — при выражении определенного предмета, лица, б) в мунджанском — при выражении определенного предмета, если имя стоит в форме множественного числа, в) в ваханском — во множественном числе; в единственном числе косвенная форма не выражена; 3) косвенного дополнения и различных обстоятельств (со служебными словами или без них); 4) определения, преимущественно препозитивного, со служебными словами и без них.

Примеры употребления падежных форм имени: пушту *sabā bā stā wror wiwinām* 'Завтра я увижу твоего брата'; *zmā plār šārta zi* 'Мой отец едет в город'; *pā bāḡ ki jāgi jāgi wūni walārī di* 'В саду стоят высокие-высокие деревья'; мунджи *škūra muškāy cā xut* 'Верблюд теленка не ест'; *dā kyoi tēyim* 'Я вхожу в дом'; *Saidan mən luḡdā ḡrəvd* 'Саид взял мою дочь'; йидга *yō ādam luro* 'Этот человек далеко'; *žigkiko 'sto* 'Женщина сказала'; *wo no wulo 'sto* 'Он сказал своей жене'; *la pəṇəkaf ḡurd* 'Он схватил руками'; вахан. *žə pətr lup* 'Мой сын большой'; *xačirišt aḡ-əv vitk* 'Мы были отвязаны'; *ya dīgəv-ən yav sār-i aḡ kārṭ-əm* 'Я открывал крышки тех котлов'; ягноб. *Sattōri čōy ūxta-x čī bōzōri* 'Саттор принес (букв. Саттором принесен) чай с базара'; *hāmma ḡdāmti ark afarmōy* 'Он поручил работу всем людям'

Особое место среди восточноиранских языков, различающих склонение имен, занимает осетинский язык. В нем отмечается девять падежей, большинство из которых, однако, является поздними новообразованиями: именительный, родительный, дательный, направительный, отложительный, местный внутренний, местный внешний, уподобительный и совместный. Склонение имен (существительных, прилагательных, числительных, а также большей части местоимений) носит агглютинативный характер (с одним и тем же

¹³ По Г. Моргенштерне, в мунджанском имя в прямом падеже может быть использовано также для обозначения косвенного дополнения, определения и обстоятельства.

аффиксом-окончанием в обоих числах): им. -ə¹⁴, род. -ə, дат. -ən, напр. -mə, -əm¹⁴, отл. -əу, -уə (после гласного), местн. внутр. -ə, местн. внешн. -ыл, ыьл, упод. -аи, совм. -imə:

	Ед. число	Мн. число
Им.	sər 'голова'	sərtə
Род.	sərb	sərtə
Дат.	sərən	sərtən и т. д.

Примеры: *mit tayə* 'Снег тает'; *sug ərsətt* 'Наруби дров'; *mə madə ragəu nal fedton* 'Свою мать я давно не видел'; *bəxən xollag radt* 'Дай корм лошади' и др.

В язгулямском, ишкашимском и шугнано-рушанской группе падежные отношения выражаются в основном аналитически — употреблением существительных в различных синтаксических позициях либо в неоформленном виде, либо в сочетании со служебными средствами (предлогами, послелогоми, суффиксальными и префиксальными показателями). Из числа последних в язгулямском можно отметить препозитивный показатель *š(ə)*—*!žə* (со значением исходности), два показателя атрибутивности *-i* I и *-i* II (совпадающих фонетически), из которых первый оформляет препозитивное определение, а второй — постпозитивное. В ваханском и ишкашимском существительные в функции прямого объекта обычно принимают суффиксальный показатель *-i*, *-əу* (вах., по говорам), *-(y)i* (ишк.), причем в ишкашимском его употребление факультативно. Примеры: язг. *wārg-ay, čxob, ət ɣəgūd?* 'Может быть, волк в хлеву?'; *wārg na maw sərúst* 'Волк задрал овцу'; *za roc, Nozik kūd bad, xəz va* 'Сходи-ка, сынок, в дом Нозик, принеси соли'; ишк. *rémūzd nəlūst* 'Солнце село'; *pə škū vəzə wan kəpən xl-viš* 'В хлеве его (козленка) козы подомнут под себя'; *wa vəzək kəpə sə kəskū ximb* 'Сними с крыши то толстое одеяло'; руш. *mi virəd yat* 'Мой брат пришел'; *uf kolən sənəw na vār-šūd* 'Не смог поднять тех голов'; шугн. *xāb-en dišid-ti māš pāl-ndir du-ga jamāt xu bīr wəđ* 'Ночью на крыше около нас еще две семьи расположились'; барт. *tar xu pid gāxt* 'Обратился к своему отцу'.

Определенность—неопределенность в большинстве языков выражается лексическим способом — употреблением самостоятельных слов, которые обычно в данной функции теряют (в какой-то мере) свое лексическое значение. Так, в качестве показателя неопределенности предмета используется количественное числительное «один» (ягн. *ī/i(iy)*, пушту *yaŋ*, мунджи *yū*, шугн.-руш. *yī(<yīw)*, язг. *wəl*, вах. *ī(<iu)*, ишк. *uk-ūk*); в ишкашимском неопределенный предмет может иметь также суффикс *-(y)i*: ягн. *ī vanṭūša haŋwəp* 'какое-то длинноухое животное', пушту *yaŋ sarāj* 'некий человек', мунджи *yū l'vər* 'какая-то дверь' и т. д. В функции показателя определенности обычно употребляются указательные местоимения в их адъективной функции: язг. *ku va du xi kə-tanāk* 'Поддай-ка свой лук'; мунджи *wā ta škūrin vā mən muškādu xurə* 'Твой верблюд съел моего теленка?', йидга *wo odam* 'человек (определенный)' и др. В некоторых языках (в частности, в ишкашимском) определенность предмета выражается при помощи суффикса *-(y)i* с последующим союзом *za/za*, который вводит при-

¹⁴ Встречается только во множественном числе.

даточное определительное предложение: *ak-á žónj-i za, sʷ uló se šú*, *Хънзô-поу поп* 'Вот та женщина, которая идет впереди Хынзо'.

В осетинском языке противопоставление категории определенности — неопределенности отмечается только в группе имен с ударением на втором слоге (неопределенный предмет); определенность предмета обозначается в этих словах переносом ударения на первый слог: *fārāt* 'топор (какой-то)', *fārāt* '(определенный) топор'

Определенность — неопределенность может обозначаться также при оформлении прямого объекта. При выражении неопределенного, безличного предмета имя в функции прямого дополнения употребляется в прямом или именительном падеже (в ягнобском, осетинском, мунджанском). При выражении определенных предметов и лиц имя в функции прямого дополнения употребляется: в ягнобском в косвенном падеже, в осетинском в родительном падеже, в мунджанском в прямом (в ед. ч.) или в косвенном (во мн. ч.). Ср. ягн. *inč-im čarōn šiyōt* 'Пусть моя жена сошьет халат', но *man Šartfi ntʰwenim* 'Я не видел Шарифа'

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

По исходу основы прилагательные не отличаются от существительных. Морфологически (с точки зрения наличия отдельных грамматических категорий и их формального выражения) прилагательные также сближаются с существительными. Необходимо, однако, при этом отметить, что в языках, не различающих категории рода, для прилагательных весьма существенно, в какой синтаксической функции они используются. Так, выступая в своей основной функции — атрибутивной, а также в предикативной, прилагательные употребляются в виде чистой основы или в исходной форме. В том же случае, когда прилагательные выступают самостоятельно (т. е. в субстантивной функции), они получают такое же морфологическое оформление, что и существительные в данных языках. Ср., например, осет. *bərzond xox* 'высокая гора' — мн. ч. *bərzond xəxtə*, но: *fəsydtə məguərtən fəyuan* 'ты ходил для бедных пастухом' (*məguərt* 'бедный' — им. пад., *məguərtən* — дат. пад.); ягн. *xušrū nāwa kat* 'красивый новый дом', косв. пад. — *xušrū nāwa kati*; *kättōt-mōx wōwōšt* 'наши старшие говорят'; вах. *lup pətr* 'старший сын', *biqqləwəy* 'эй, бестолковые!' и др.

В языках, различающих категорию рода, наблюдаются некоторые особенности при использовании прилагательных в атрибутивной и предикативной функциях. Так, в обоих диалектах мунджанского языка (мунджи и йидга) прилагательные в роли определения употребляются в форме мужского рода единственного числа прямого падежа. Однако в диалекте мунджи прилагательное в предикативной функции согласуется с субъектом действия в роде и числе. Ср. мунджи *ɟášəy ōdam (žinka)* 'хороший человек (женщина)', *ɟášəy ōdāmī (žinkī)* 'хорошие люди (женщины)', но: *wā ōdam ɟášəy* 'Тот человек хорош', *wā žinka ɟáškā* 'Та женщина хороша', *wəy ōdāmī (žinkī) ɟášəyī (ɟáškī)* 'Те люди (женщины) хороши'

В шугнано-рушанской группе согласование прилагательных с существительными в роде наблюдается при их использовании в любой функции — и в атрибутивной, и в предикативной: руш. *rāšt māwn* 'красное яблоко' (ж. р.), *rošt kurtā* 'красная рубашка' (м. р.); *yid tā rizēn nāwān vīj* 'Оказывается, твоя дочь очень плаксивая' (на-

wał 'плаксивая'); *tū-t naʁon ɣaɖa* 'Ты плаксивый мальчик'. В пушту прилагательные при атрибутивном и предикативном использовании согласуются с соотносимыми существительными в роде, числе и падеже¹⁵: *tor kalaṁ* 'черная ручка', *tóra špa* 'черная ночь', *tóri špe* 'черные ночи', *toro špo* 'темными ночами', *daɣa kitāb ɖer šə dəu* 'эта книга очень хорошая', *daɣa taxta ša da* 'эта доска хорошая', *daɣa kitābuna (daɣa taxté) šə di (še di)* 'эти книги (эти доски) хорошие'.

В атрибутивной функции прилагательные, как правило, находятся в позиции по отношению к определяемому имени и присоединяются к нему путем примыкания (см. приведенные выше примеры). В язгулямском языке прилагательное — препозитивное определение оформляется (факультативно) показателем атрибутивности *-i*: *rušt(i) piala* 'красная пиала'. В язгулямском, ишкашимском и ваханском языках отмечается также определительная конструкция типа таджикского изафета (препозитивное определяемое оформляется показателем *-i*): язг. *ma waḏ-i xéxi kaš* 'в арыке теплая вода', ишк. *ixó-yi čy* 'младшая сестра', вах. *pátr-i xor* 'ненавистный сын'.

Степени сравнения у качественных прилагательных выражаются различными путями.

Форма сравнительной степени во многих языках образуется при помощи одного и того же суффикса (варьирующего по языкам): осет. *-dər*, ягн. *-tar* (редко), мунджи *-dir*, йидга *-der*, шугн., руш., хуфск. *-di*, барт., орош. *-dör*, сарык. *-der*, язг. *-dūr* (плюс предлог *na* 'из', 'от' при объекте сравнения), ишк. *-tar* (факультативно, плюс предлог *čə*), вах. *-tər* [плюс предлог *čə* и послелог *-(ə)ɾ*]. Сравнительная степень может передаваться синтаксическим путем — при помощи предлогов (ягн. *čī*, пушту *tər*), препозитивных слов (пушту *lā*) и др.

Превосходная степень выражается всегда описательно — формами сравнительной или — реже — положительной степени в определенных контекстах (язг.), редупликацией основы (вах., ишк.) и т. п. В пушту, например, превосходная степень выражается сочетанием данного прилагательного с этим же прилагательным в косвенном падеже множественного числа плюс предлог *də* или *lə* (*də šə šə dəu* 'самый хороший'); кроме того, она может быть выражена сочетанием *tər ɶlo* 'чем все' (*Ahmad tər ɶlo məšr dəu* 'Ахмед старше всех'). В осетинском превосходная степень выражается при помощи слов *əppəṭə*, *iuy* 'наиболее' (*əppəṭə bərzondḏər* 'высочайший'). Форма интенсива выражается редупликацией основы (при этом вторая часть оформляется суффиксом *-id*) или употреблением особых слов: *satəg* 'совершенно', *təng* 'очень' (в ваханском в этом случае используется слово *ɶaɸč* 'очень').

Словообразование имен осуществляется путем словосложения и путем аффиксации; нередко оба эти способа совмещаются. Слово-сложение производится при помощи сложения основ двух существительных, прилагательного и существительного, числительного

¹⁵ Форма женского рода прилагательных образуется по такому же принципу, что и у имен существительных, обозначающих представителей противоположного пола (см. стр. 207—208). Склонение прилагательных совпадает в основных чертах со вторым типом склонения существительных (см. стр. 211). Необходимо отметить, что некоторые прилагательные (*ūbi* 'голубой', *šuyista* 'красивый' и др.) не изменяются по родам и падежам. Прилагательные мужского рода с исходом на согласный (типа *tor* 'черный') имеют одну и ту же форму в обоих числах: *tor* 'черный' и 'черные' (м. р.), но *tóra* 'черная', *tóri* 'черные' (ж. р.).

и существительного и т. п., а также существительного и глагольной основы или причастия. Например: пушту *paštunxwā* 'страна пуштунов' (*paštun* 'пуштун' + *xwā* 'сторона'), ягн. *narṣōw* 'бык', язг. *ruštrang* 'красного цвета' (*rušt* 'красный', *rang* 'цвет'), осет. *bəxtərəg* 'извозчик' (*bəx* 'лошадь' + *tərəg* 'погоняющий') и др.

Значительно более распространено суффиксальное словообразование. Укажем некоторые продуктивные суффиксы в отдельных языках: пушту *-wān*, *-wāl*, *-wālā*, *-ai*, *-zai*, *-tob*, *-tiyā*, *-wāli* и др. (*moṭarwān* 'шофер', *ṭarwāl* 'горец', *kābulai* 'кабулец' и т. п.); мундж. *-ga*, *-ka*, *-(i)ko*, *-ī*, *-(e)k* и др. (йидга *žigko* 'женщина', *nahārī* 'утренний завтрак', мунджи *čarpoṭi* 'кровать', *rəṇek* 'лист' и т. п.), шугн.-руш. *-ak*, *-ik*, *-i*, *-gī*, *-aḥ*, *-gār*, *-ā* и др. (руш. *ṭanak* 'женщина', шугн., барт., орош. *čorik*, руш., хуфск. *suruk* 'мужик', руш., хуфск., барт. *zūrāḥ* 'напряжение', 'усилие' и т. п.); язг. *-au*, *-ij*, *-aḡ*, *-ig*, *-ak*, *-ast* и др. (*xūṭāu* 'сладость', *xəčkāk* 'мелочь', *zgamīg* 'язгулямец', *kūdak* 'домишко' и др.); ишк. *-ək*, *-(y)i*, *-gī*, *-dón*, *-dór* и др. (*štokék* 'девчонка', *čygi* 'детство', *zasdór* 'имеющий сына' и т. д.); вах. *-ək*, *-lṭ*, *-lj* (*xunək* 'домик', *surīṭ* 'холод', 'стужа', *pətrij* 'пасынок'); осет. *-ad*, *-zinad*, *-bn*, *-jbn*, *-bg*, *-oi*, *-don*, *-sion*, *-əx*, *-č*, *-z*, *-ag*, *-əg* и др. (*padzaxad* 'государство', *rəstzinad* 'правда', *bəloj* 'губастый', *guṛz* 'зародыш' и др.). Словообразование прилагательных, как правило, почти не отличается от словообразования существительных. Однако в некоторых языках отмечаются суффиксы, при помощи которых осуществляется словообразование только прилагательных. Отметим, например: пушту *-jən*, *-in*, *-iālai*, *-nai*, *-iz* и др. (*ṭamjən* 'печальный', *numiālai* 'знаменитый', *osanaṭ* 'нынешний', *kāniz* 'каменный'), шугн.-руш. *-in*, *-tnj*, *-nṭnj* и др. (*fāndin* 'хитрый', барт., орош. *zibōntnj* 'находящийся сзади'), язг. *-in*, *-an*, *-wara*, *-aḡan* и др. (*čəryān* 'измазанный абрикосами', *bəduwara* 'имеющий ружье'), ишк. *-in* (*namakīn* 'соленый'), вах. *-yng*, *-in* (*bəoryng* 'весенний', *išnīn* 'железный'), ягн. *-ik* (*vīrōtik* 'принадлежащий брату').

Префиксальное словообразование встречается значительно реже. Отмечается главным образом употребление таджикских префиксов (шугн.-руш. *bā-*, *bē-*, *nō-*, пушту *nā-*, *bē-*, ишк. *bē-*, вах. *bī-*, язг. *bī-ibe-* и др.). В язгулямском языке отмечено употребление собственных суффиксов *-pər* и *-av*: *pərṭāḥt* 'кольцо' (от *ṭāḥt* 'палец'), *avdūst* 'варежка для жатвы' (от *dūst* 'рука').

МЕСТОИМЕННЯ

По лексическому значению и синтаксическим функциям, выполняемым в предложении, местоимения делятся на несколько разрядов (личные, указательные, возвратные, определительные и др.), которые весьма неоднородны и по морфологическому оформлению.

Личные местоимения бывают по форме полными и краткими (энклитическими)¹⁶; в осетинском языке отмечаются также возвратно-личные, а в пушту лично-направительные местоимения. Система личных (полных) местоимений в восточноиранских языках (кроме осетинского) представлена в табл. 8. Личные (полные) местоимения в осетинском языке следующие:

¹⁶ См. раздел «Энклитические местоимения».

	1-е лицо		2-е лицо	
	Ед. число	Мн. число	Ед. число	Мн. число
Им.	<i>əz</i>	<i>tax</i>	<i>də</i>	<i>smax</i>
Род.	<i>tən</i>	<i>tax</i>	<i>dəu</i>	<i>smax</i>
Дат.	<i>tənən</i>	<i>taxən</i>	<i>dəuən</i>	<i>smaxən</i>
и т. д.				

Личные местоимения характеризуются категориями лица, числа, падежа и рода (последний отмечается лишь у местоимений 3-го л. ед. ч. в двух языках — пушту и язгулямском).

В большинстве языков представлены местоимения 1-го и 2-го лица. В роли личных местоимений 3-го лица обычно используются указательные местоимения. В пушту и язгулямском отмечается самостоятельная система личных местоимений 3-го лица, хотя их происхождение от указательных не вызывает сомнений (табл. 7).

Таблица 7

Личные местоимения 3-го лица в языках пушту и язгулямском*

Число	Падеж	Род	Пушту		Язгулямский	
					I ряд	II ряд
Единственное	прямой	муж. жен.	<i>day</i> <i>dā</i>	<i>hāḡa</i>	<i>u</i>	<i>āy</i>
	косвенный	муж. жен.	<i>də</i> <i>də</i>	<i>haḡə</i> <i>haḡé</i>	<i>way</i> <i>im</i>	<i>day</i> <i>dim</i>
Множественное	Категории рода и падежа не различаются		<i>duy</i>	<i>haḡóy</i>	<i>lf</i>	<i>dlf</i>

* В пушту *haḡa* 'он', 'она' употребляется для обозначения одушевленных и неодушевленных предметов, а *day*, *dā* — только одушевленных. В язгулямском местоимения I ряда имеют общее значение, в то время как местоимения II ряда указывают на более конкретное лицо или предмет.

Во всех языках в личных местоимениях единственного числа различается категория падежа¹⁷ (а в осетинском, ишкашимском и ваханском — и во мн. ч.). В большинстве языков личные местоимения имеют два падежа — прямой и косвенный. В ишкашимском, ваханском и язгулямском отмечается также посессивная (притяжательная) форма личных местоимений. В осетинском личные местоимения имеют девятипадежное склонение.

Для склонения личных местоимений в целом характерно (в отличие от существительных) широкое использование супплетивных основ.

С точки зрения синтаксической роли в предложении личные местоимения очень близки к существительным. Лишь в некоторых случаях наблюдаются отдельные особенности в употреблении падежных форм. Так, характерно употребление в роли подлежащего (при сказуемом, выраженном переходным глаголом прошедшего времени) косвенной формы местоимения¹⁸ (пушту, мунджанский, язгу-

¹⁷ Ср. категорию падежа существительных.

¹⁸ В мунджанском и язгулямском эта форма употребляется и для подлежащего при непереходном глаголе, а в мунджанском — также при переходном глаголе настоящего времени,

Личные местоимения 1-го и 2-го лица в восточноиранских языках

Число	Лицо	Пол	Пушту	Мунджанский язык		Шугнано-рушская группа языков						Ишкашмский язык	Вханийский язык	Язгуламский язык	Ягнобский язык
				мунджан	андага	шугн.	руш.	хуфск.	барт.	орош.	сарик.				
Единственное	1-е	прямой	zə	zā, zə	zə, zə	wuz	az	waz	āz	waz	waz	az(i)	(w)uz wəz	az	man
		косвенный	mā	mān, min	mān, min	mi	mi	mi	mīn, mī	mīn, mī	mīn	mak	maž	mān, mōn, mō-	
		посесив										mō(n)	žə/žə	nī	
2-е		прямой	tə	tu, tə	tu, tə	tu	tu	tu	tū	tu	təw	tə	tu	tow	tu
		косвенный	tā	to, tā tə, tə(w)	tu, tə to, tə	tu	tā	təw, tā	tā	tā	tā, tə	fak	təw, tow	tu ti-	taw
		посесив										ti	ti	ti	
Множественное	1-е	прямой	miž	mox	maχ, mox	māš	māš	māš	māš	maš	maš	məχ(ə) mōtəc(ə)	sak	mox	mox
		косвенный													
		посесив										mō(i)š	səpə		
2-е		прямой	təsi	mōf	maf, mof	tama	tama	tama	tamdš	tamdš	tamaš	təmbəχ	sā(y)ist		šumox
		косвенный										təmbəχ(əv)	sav		
		посесив										təmbəχ	sav		

лямский, ягнобский, а также рушанский, хуфский и бартангский диалекты шугнано-рушанской группы). Прямой объект при глаголе в любом времени обычно также оформляется косвенным падежом¹⁹. (Исключение из этого правила представляет пушту, где прямой объект, выраженный личным мест. 1-го и 2-го л., обозначается формой прямого падежа — при глаголе пр. вр. и формой косв. пад. — при глаголе в наст. или буд. вр.) Косвенный падеж используется также в других косвенных и в атрибутивной функциях. Посессивная форма местоимений (язгулямский, ишкашимский, ваханский) используется в атрибутивной функции, а также — при сочетании с послелогами — в субстантивных косвенных функциях (ваханский, ишкашимский).

Приводим примеры употребления падежных форм личных местоимений в восточноиранских языках: пушту *zə tā pežanəm* 'Я тебя знаю'; *tā zə lidələm* 'Ты меня видел'; *də ta cə mawāya* 'Ему ничего не говори'; *haṭā ye pər duu bāndi xarc kər* 'Они продали его им'; мунджи *tu 'štī yikunim* 'Ты делаешь нечто'; *mən wā mardā məškādu liyim* 'Я отдал мертвого теленка'; йндга *zo sabā oīm* 'Я придду завтра'; *mən or' kerəm* 'Я делал дело'; шугн.-руш.: руш. *mi virō mi rawst* 'Мой брат спрашивает меня'; *tā-ri dākum* 'Дам тебе', руш., хуфск. *mi zūxt*, барт. *mīn-um zōxt* 'Я взял'; ишк. *azl ti wū-dūyd* 'Я твоя дочь'; *məx-on fak wend* 'Мы тебя видели', *məš-no uluk nyst* 'У нас нет муки'; вах. *wəz rāčəm* 'Я иду'; *maž kalewā mə car* 'Не морочь мне голову', *taw maž čāldəu* 'Ты просил меня'; *səpō tat uyčək yark nə cart* 'Наш отец ничего не делает'; язг. *āz-əm mōt mad* 'Я устала'; *u bu ki wəda mīt? imi nəm-at na-pist* 'Кто же это мог быть? Ты ее имени не спросила?'; *mūn zext* 'Я взял'; *tōw-da sārāy ž-way winay* 'Ты увидишь его завтра'; ягн. *maṇ jurāy xotir-im xat anipišim* 'Я написал письмо моему приятелю'; *taw čō bajō ikt ōy dōmāni-t* 'Что ты спрятал (букв. тобой спрятано) в твоём подоле?'; осет. *əz dəu fərsən* 'Я тебя спрашиваю'; *birəgə, ars ətə ruvasə argəu mən rakən* 'Расскажи мне сказку о волке, медведе и лисице'.

В осетинском возвратно-личные формы местоимений образуются от форм родительного падежа кратких (энклитических) местоимений, к которой присоединяется возвратное местоимение *xədæg* (вин. пад.), *xi(c)* (в остальных падежах): им. *məxədæg* 'я сам', *dəxədæg* 'ты сам' и т. д., род. соответственно *məxi*, *dəxi*, дат. *məxicən*, *dəxicən* и т. п.

Отмечаемые в пушту лично-направительные местоимения (*rā* для 1-го л., *dar* — для 2-го л., *war* — для 3-го л.) употребляются при глаголах как показатели лица и направления действия: *rāsedəl* 'прибывать сюда, ко мне, к нам', *warrasedəl* 'прибывать туда, к нему, к ней, к ним' — выполняют словообразовательную функцию, образуя так называемые приставочные глаголы: *kawəl* 'делать', *rā-kawəl* 'давать мне, нам', *darkawəl* 'давать себе, вам'; могут сочетаться с наречиями и послелогами: *rāta* 'мне', 'нам', *dərta* 'тебе', 'вам', *rāsara* 'со мной', 'с нами'.

Энклитические местоимения (или местоименные энклитики) отмечаются в пушту, мунджанском, ягнобском и осетинском²⁰ (см. табл. 9).

¹⁹ В осетинском личные местоимения (и собственные имена) в роли прямого объекта стоят в родительном падеже.

²⁰ В шугнано-рушанской группе, язгулямском, ишкашимском и ваханском исторические местоименные энклитики используются в качестве связок и отделяемых показателей лица и числа при глаголе в прошедших временах,

Энклитические местоимения

Лицо	Число	Пушту	Мунджанский язык	Ягнобский язык	Осетинский язык						
					род. пад.	дат. пад.	нпр. пад.	отл. пад.	местн. внутр. пад.	местн. внеш. пад.	совм. пад.
1-е	ед. мн.	<i>mi</i> <i>mo, mi</i>	<i>-em</i> —	<i>-m</i> <i>-mox</i>	<i>-mә</i> <i>пә</i>	<i>тһп</i> <i>пһп</i>	<i>тәт</i> <i>пәт</i>	<i>тә</i> <i>пә</i>	<i>тә</i> <i>пә</i>	<i>тһл</i> <i>пһл</i>	<i>метә</i> <i>петә</i>
2-е	ед. мн.	<i>di</i> <i>mo, mi</i>	<i>-et</i> —	<i>-t</i> <i>-šint</i>	<i>dә</i> <i>иә</i>	<i>dһп</i> <i>иһп</i>	<i>dәт</i> <i>иәт</i>	<i>dә</i> <i>иә</i>	<i>dә</i> <i>иә</i>	<i>dһл</i> <i>иһл</i>	<i>дегә</i> <i>иегә</i>
3-е	ед. мн.	<i>ye</i> <i>ye</i>	— —	<i>-š</i> <i>-šint</i>	<i>yә, әу</i> <i>sә</i>	<i>(y)һп</i> <i>sһп</i>	<i>(y)әт</i> <i>sәт</i>	<i>зә</i> <i>sә, зә</i>	<i>зә</i> <i>sә, зә</i>	<i>(y)һл</i> <i>sһл</i>	<i>егә</i> <i>сегә</i>

Энклитические местоимения изменяются только по лицам и числам. В осетинском различается также категория падежа²¹. В предложении энклитические местоимения выполняют функции объектные и притяжательную²². Примеры: пушту *šārta ye bōza* 'Отведи его (их) в город', *kitāb mi wāxist* 'Я взял книгу', *kitāb di čiri dā?* 'Где твоя книга?'; мунджи *dōam-et* 'Я бью тебя'; йидга *ažawu-em tū, mōze-em tu, dalē-em tu* 'Ты создаешь меня', 'Ты убиваешь меня', 'Ты даешь мне'; ягн. *kati-sa-m sanōm tirōm* 'Пойду, поднимусь домой', *dōmani-t-š ryst akūni* 'Ты его спрятал в твоём подоле'; осет. *xəznatə nət хаһнс иаларвәу* 'Сокровища к нам падают с неба', *birə zь fadə Məskubь?* 'Долго ты там пробыл, в Москве?', *uəlbə-xəу sә razь fevzərd* 'Верхом он предстал перед ними'.

Указательные местоимения в зависимости от степени удаленности указываемого лица или предмета делятся на несколько рядов (степеней). В пушту, ягнобском, язгулямском и осетинском различаются два ряда — ближний и дальний. В остальных языках, кроме того, имеется также средний ряд.

В большинстве языков морфологическое оформление указательных местоимений зависит от того, в какой функции они употребляются — в субстантивной (т. е. самостоятельно, подобно существительным) или в адъективной (приименно). Исключение составляют языки шугнано-рушанской группы, пушту, мунджанский, где оформление указательных местоимений не связано с их употреблением в той или иной указанной функции.

В целом указательные местоимения в восточноиранских языках обладают грамматическими категориями числа, рода (рудиментарно) и падежа.

Категория числа отмечена во всех языках. В языках, различающих субстантивные и адъективные указательные местоимения, последние не изменяются по числам. Слабо выражена категория числа в пушту.

Родовые различия указательных местоимений в большинстве языков стерты. Рудименты категории рода прослеживаются в косвенном падеже единственного числа в шугнано-рушанской группе, пушту и мунджанском (у местоимений дальнего ряда).

²¹ В отличие от личных энклитические местоимения не имеют именительного падежа.

²² В языках пушту и ягнобском энклитические местоимения могут использоваться как показатели субъекта действия (см. раздел «Синтаксис»).

Категория падежа различается во всех языках, кроме ягуламского. Система склонения (двух-, трехпадежная) в отдельных языках имеет те или иные индивидуальные особенности. Прямой и косвенный падежи выделяются во всех языках. В мунджанском, кроме того, различают винительно-местный падеж, а в ишкашимском — посессивный (у субстантивных местоимений²³). В языках, в которых различается субстантивное и адъективное употребление указательных местоимений (см. выше), последние в адъективной функции либо не изменяются по падежам (осетинский, ваханский), либо имеют те или иные особенности в системе склонения (ишкашимский, ягнобский).

При самостоятельном употреблении указательные местоимения заменяют существительные и выступают в свойственных ему синтаксических функциях.

Характерной особенностью указательных местоимений является их использование в качестве личных местоимений 3-го лица. Употребляясь в атрибутивной функции, они нередко выступают в роли показателя определенности.

Ниже приводятся таблицы указательных местоимений в различных языках и примеры их употребления в предложении (табл. 10—16).

Таблица 10

Указательные местоимения в пушту

Падеж	Ед. ч.		Мн. ч.
Прямой	м. р.	<i>dā</i> 'этот', <i>daṛa</i> 'этот', <i>haṛa</i> 'тот'	<i>dā, daṛa, haṛa</i>
	ж. р.		
Косвенный	м. р.	<i>de</i>	<i>de, daṛo, haṛo</i>
	ж. р.	<i>daṛa, haṛa</i> <i>daṛe, haṛe</i>	

Примеры: *daṛe šāzi doḡaṛi paḥá kṛa* 'эта женщина испекла хлеб', *lə haṛó saṛo na zāṭəp vāḫla* 'возьми у тех людей залог'.

Таблица 11

Указательные местоимения в мунджанском языке
(в диалектах мунджи и йидга)

Падеж	Ед. число			Мн. число		
	ближний ряд	средний ряд	дальний ряд	ближний ряд	средний ряд	дальний ряд
Прямой	мундж. <i>tā, tə</i>	мундж. <i>ya</i>	мундж. <i>wā, wə</i>	мундж. <i>tuānd</i>	мундж. <i>-yāna, -yāi, -yai</i>	мундж. <i>wənd, wiyənd wən(d), woi</i>
	йид. <i>to</i>	йид. <i>yo</i>	йид. <i>wo</i>	йид. <i>mai, mind</i>	йид. <i>-ina, -yāna, -yai, -yēi</i>	

²³ Отмечаемая у адъективных местоимений форма косвенного падежа объединяет в себе значение форм косвенного (или объектного) и посессивного падежей субстантивных местоимений.

Падеж	Ед. число			Мн. число		
	ближний ряд	средний ряд	дальний ряд	ближний ряд	средний ряд	дальний ряд
Винитель-но-местный	мундж. - <i>m(ā)</i> йнд. - <i>m</i>	-(<i>a</i>) <i>ī</i>	-(<i>ō</i>) <i>e</i>	мундж. <i>maf</i> йнд. <i>məf</i>	мундж. <i>yaʃ</i> йнд. <i>uʃ</i>	мундж. <i>waʃ</i> йнд. <i>wəʃ</i>
Косвенный	<i>maŋ</i>	<i>yān</i> (- <i>ān</i>)	мундж. <i>waŋ</i> (м. р.) <i>wiŋ</i> (ж. р.) йнд. <i>wəŋ</i> , <i>won</i>			

Примеры: мунджи *wā aʔu* 'Он пришел', *wə alāno ʔurd* 'Он взял гранат'; йндга *yō wə-məŋ ži-što* 'Он меня бил', *wəŋ išt(y)ə* 'Он сказал', *yān na-maf naʔən liō* 'Он дал вам хлеба', *wāi pərsə* 'Спроси его', *šūi n-ou maʔa kyēiŋ* 'Он пошел в дом того человека'.

Указательные местоимения в языках шугнано-рушанской группы (см. табл. 13). Примеры: руш. *yā ʔaʔa sut* 'Тот парень пошел', *waʔ wiŋ zāxt* 'Он взял ее', *im māwŋ aχēŋ* 'Потряси (ту) яблоню'; шугн. *as wi wi virōd pəχst* 'Спрашивает у того его брата', барт. *dī-yi lap vūg* 'Он много принес'.

Указательные местоимения в язгулямском языке: а) субстантивные: ед. ч. *yuk* 'этот', *duk* 'тот', мн. ч. *yukaʔ*, *dikaʔ*; б) адъективные: *yi* 'этот', *di* 'тот'. Примеры: *aʔa yi sex mō-ra* 'Дай мне эту спицу'; *yuk χūg*, *yuk-ra na-raʔd* 'Этот съел, этому не оставил'; *ž-duk na-zaz.—kadim bi?* 'Тот не бери.— А какой же?'.

Таблица 12

Указательные местоимения в ишканимском языке

	Падеж	Ближний ряд		Средний ряд		Дальний ряд	
		ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
Субстан- тивные	прямой объект- ный посессив	<i>am(i)</i> <i>maŋ</i> (<i>y</i>) <i>im</i>	<i>amōnd(on)</i> <i>mānʔv(o)</i> (<i>y</i>) <i>imʔv</i>	<i>ad(i)</i> <i>dan</i> (<i>y</i>) <i>id</i>	<i>adond(on)</i> <i>dānʔv(o)</i> (<i>y</i>) <i>idʔv</i>	<i>aw(i)</i> <i>waŋ</i> (<i>y</i>) <i>i</i>	<i>awōnd(on)</i> <i>wānʔv(o)</i> (<i>y</i>) <i>iv</i>
Адъектив- ные	прямой косвенный	<i>am</i> <i>ma</i>		<i>ad</i> <i>da</i>		<i>a(w)</i> <i>w(a)</i>	

Примеры: *am bəʔu im ʔo tdu* 'Богач доезжает до этого места...'; *am odat aybi vdyk* 'Тот человек был виноват'; *tə san pə ma dyaχi* 'Заберись на это дерево'.

Указательные местоимения в языках шугнано-рушанской группы

Степень	Підєж	Ед. число						Мн. число				
		языки						языки				
		шугн.	руш.	хуфск.	бѣрт.	орош.	сарык.	шугн.	руш., хуфск.	бѣрт.	орош.	сарык.
Дальняя	прямой	уи (м. р.) уā (ж. р.)	уā	уaw	уā	уā	уy	wāō	wāō	wāō	wāō	wōō
	косвенный м. -р. ж. -р.	wi wat	wau (w)um	wau (w)um	wī um	wi wat	wi ?	wēv	(w)uf	uf	waf	wef
Средняя	прямой	yid	(y)id	(y)ld	yid	yid	yad	dāō	dāō	dāō	dāō	doō
	косвенный м. р. ж. р.	di dam	day dum	day dum	dī dim	di dam	di dem	dēv	duf	dif	daf	def
Ближняя	прямой	yam	(y)lm	yam	yim	yim	yam	māō	māō	māō	māō	moō
	косвенный м. р. ж. р.	mi tam	may tim	may tim	mī tim	mi tam	mi ?	mēv	muu	mif	maf	mef

Указательные местоимения в ваханском языке

	Падеж	Ближний ряд		Средний ряд		Дальний ряд	
		ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
Субстан- тивные	прямой		<i>yəmiš(t)</i>		<i>yətliš(t)</i>		<i>yá(w)iš(t)</i>
	косвенный	<i>yət</i>	<i>yətməv(-i)</i>	<i>yət</i>	<i>yətməv(t)</i>	<i>yaw/yow</i>	<i>yáv(-i)</i>
Адъектив- ные	без падеж- ных раз- личий	<i>yət</i>		<i>yət</i>		<i>ya</i>	

Примеры: *ar bu yəmišt pšət-əv* 'Оба они вернулись'; *yaw uan yáw-i wódordəu* 'Тогда он его взял'; *yətməv-i vɤr car* 'Навьючь их'; *yaw vɤtliš didiɖdəu ki...* 'Его братья увидели, что...'.
 Таблица 15

Указательные местоимения в ягнобском языке

	Падеж	Ед. число	Мн. число
Субстантивные	прямой	<i>iš</i> 'этот', <i>ax</i> 'тот'	<i>ištiti</i> , <i>axtiti</i>
	косвенный	<i>iti</i> , <i>áwl</i> , <i>aɭ</i>	<i>ltiti</i> , <i>áwtiti</i>
Адъективные	прямой	<i>iš</i> , <i>ax</i>	—
	косвенный	<i>it</i> , <i>aw</i> , <i>a-</i>	

Примеры: *iš wótišt* 'Этот говорит', *ištiti kad avówör...* 'Когда эти пришли...', *id gýli bú-š* 'запах этого цветка', *man aw ódámí awēnim* 'Я видел этого человека'.
 Таблица 16

Указательные местоимения в осетинском языке

Падеж	Ед. число	Мн. число
Им.	<i>a</i> , <i>au</i> 'этот', <i>u</i> (<i>у</i> у) 'тот', 'он'	<i>adon</i> 'эти' и т. д. <i>udon</i> 'те', 'они' и т. д.
Род.	<i>au</i> 'этого', <i>u</i> 'того', 'его'	<i>adon</i> , <i>adonь</i> , <i>udon</i> , <i>udonь</i>
Дат.	<i>aməp</i> 'этому', <i>uməp</i> 'тому', 'ему'	<i>adonən</i> <i>udonən</i>
Напр.	<i>amə</i> 'к этому', 'у этого', <i>umə</i> 'к тому', 'к нему'	<i>adonmə</i> <i>udonmə</i>
Отл.	<i>aməu</i> 'от этого', <i>uməu</i> 'от того', 'от него'	<i>adonəu</i> <i>udonəu</i>
Местн. внутр.	<i>am</i> 'здесь', <i>um</i> 'там'	<i>adonь</i> <i>udonь</i>
Местн. внешн.	<i>auyl</i> 'на этом', 'об этом', <i>uyl</i> 'на том', 'на нем'	<i>adonьl</i> <i>udonьl</i>
Упод.	<i>auau</i> 'подобно этому', <i>uau</i> 'подобно тому, ему'	<i>adonau</i> <i>udonau</i>
Совм.	<i>aimə</i> 'с этим', <i>umə</i> 'с тем', 'с ним'	<i>adonimə</i> <i>udonimə</i>

Примеры: *иуу зьбэх и* 'Он здоров'; *кэу тэ иарзут, иуу эж зоньн* 'Что вы меня любите, это я знаю'; *эпэ ауэз ыгэу афэлдэхтоу иьсэ фэз* 'Не проведя межи, распахали то поле'.

Вопросительные местоимения в пушту, ваханском и шугнано-рушанской группе обнаруживают остатки категории падежа. В осетинском и ягнобском они изменяются подобно другим именам. Вопросительные местоимения представлены по языкам в следующем виде.

Пушту: *сok* 'кто' (косв. *čā*), *сэ* 'что', *сānga* 'какой', *čo* 'сколько'. Примеры: *сok rāyla* 'кто пришел?' (о женщине), *čāfa warkawe* 'кому даешь?'. С местоимением *сэ* глагол в эргативной конструкции ставится в форме мужского рода множественного числа: *tāsi сэ wūk-rəl?* 'что вы сделали?'.
Мунджанский: *koi* 'кто', *kādī* 'который', *сэс* 'что' (в субстантивном значении); *куэм* 'который', *сес* 'что' (в адъективном значении). Примеры: йидга *kōi-ste* 'кто ты?', *kādī aṛoi?* 'который пришел?', *куэм oḍam?* 'который человек?', *то сес nām?* 'как твое имя?'.

Шугнано-рушанская группа: шугн., руш., хуфск. *čāu*, сарык. *čou* 'кто' (косв. *či*), барт. *čī*, орош. *čī* 'кто' (в отношении к человеку); в отношении к вещи и животному *čiz* 'что'. Примеры: *či qīwam?* 'кого позовем?', хуфск. *taw ārad či patēwd?* 'тебя туда кто бросил?'.

Язгулямский: *kl* 'кто' (о человеке), *čig* 'что' (о вещи, животном), 'какой', *či*, *čiz* 'что', 'какой' и др. Местоимение *kl* имеет множественное число, образуемое редупликацией: *kl-kl-da i-dab bad?* 'кто да кто туда пойдет?'.

Ишкашимский: *kūu* 'кто' (о людях), *сиз* 'что' (о животных и вещах), *кьдѣт* 'какой', 'который', *čьтѣнд* 'сколько?' и др. Примеры: *kūu oṛad* 'кто пришел?', *čiz-yt zūṛd?* 'что ты взял?'.

Ваханский: *куу* 'кто' (косв. *ki*), *čiz* 'что', *кут* 'какой', 'который' и др. Примеры: *уэт čiz* 'это что?', *čiz-i нэ хāt-i* 'он ничего не сказал'.

Ягнобский: а) субстантивные: *ках* 'кто' (косв. *кау*, мн. ч. *kāxtit*, косв. *kāytiti*), *čō* 'что' (косв. *čow/čōu*), *čōf* 'сколько' (косв. *čōfi*); б) адъективные: *kōm*, *кут* 'который', *čō* 'который', *čōkara* 'какой' и др.

Осетинский (так называемые вопросительно-относительные местоимения): *či* 'кто', *св* 'что'. В отличие от других видов местоимений форма множественного числа у них образуется присоединением показателя *-tə* (*-tə*).

	Ед. число	Мн. число
Им.	<i>či, св</i>	<i>čitə, свtə</i>
Род.	<i>кэу, сэу</i>	<i>кэуть, сэуть</i>
Дат.	<i>кэмэн, сэмэн</i>	<i>кэмэнть, сэмэнть</i>
	и т. д.	

Возвратные местоимения в пушту и осетинском отсутствуют; в их роли выступают существительное *зāl* 'душа', 'тело' и притяжательное местоимение *хрэл* 'свой' (пушту), некоторые формы личных и притяжательных местоимений (осет.). Возвратные местоимения в других языках: мунджи *хāу*, *хэу*, *хōу* 'свой', 'себя' (косв. ф.(?) *хэуап* 'себя', йидга *хоi* 'свой', *хоуо* 'себя' (косв. *хауiн*); шугн.-руш. *хūбаѳ* 'сам', 'сами' (косв.—шугн., руш., хуфск. барт., орош. *хи*, сарык. *хы*); язг. *хād*, *xi* (перед послелогом *-ra*) 'сам', 'свой' (посессив *xi*); ишк. *хā(da)k* 'сам', 'себя' (косв. объект *хb(f)sar*, посессив *xi/xə*); вах. *хат* (прям. и объектн.; посессив *ху/ə*) 'сам', 'свой', ягн. *х°ат*

‘сам’ (субстант.) (косв. *xapī* — зап. говоры, *xepi* — вост. говоры), *xap* (зап. говоры), *xep* (вост. говоры) ‘свой’ (адъективный).

Притяжательные местоимения отмечаются в пушту и осетинском. В пушту: *xpəl* ‘свой’ (м. р.), *xpəla* ‘своя’ (ж. р.) (косв. *xpəli*); *zma* ‘мой’, *stā* ‘твой’, *dadā* ‘его’, *dadé* ‘ее’, *zmuž* ‘наш’, *stāsi* ‘ваш’, *dəduy* ‘их’.

В осетинском различаются пять форм притяжательных местоимений: 1) краткая (совпадает с род. пад. кратких личных местоимений: *mə* ‘мой’, *də* ‘твой’ и т. п.); 2) полная (совпадает с род. пад. полных личных местоимений: *mən* ‘мой’, *dəu* ‘твой’ и т. п.); 3) возвратно-притяжательная (совпадает с род. пад. возвратно-личных местоимений: *məxi* ‘мой собственный’, *dəxi* ‘твой собственный’ и т. д.); 4) полная субстантивная (образуется прибавлением суф. *-on* к полной форме притяжательных местоимений: ед. ч. — 1-е л. *mənon*, 2-е л. *dənon* и т. п.); 5) возвратно-притяжательная субстантивная (образуется прибавлением *-on* к возвратно-притяжательной форме: ед. ч. — 1-е л. *məxion*, 2-е л. *dəxion* и т. п.).

Прочие местоимения: пушту — *soh* ‘кто-то’, ‘некто’, *sə* ‘что-то’, ‘нечто’, *tol* ‘весь’, ‘все’ (чаще *tolā* ‘вся’, ‘все’, ‘весь’), *har* ‘каждый’ (*hara* ‘каждая’), *hicok* ‘никто’ (косв. *hičā*), *hic* ‘ничто’; мунджи *išti-wa* ‘что-нибудь’, *ke* — относительная частица, йидга *čēi* ‘что-нибудь’; шугн.-руш. *ar* ‘каждый’, *fuk*, *fuk-að* ‘все’, ‘весь’, *yī yōr*, *yī čay* ‘кто-нибудь’; язг. *ar* ‘каждый’, ‘всякий’, *wūgað* ‘все’, ‘весь’, *sām* ‘некоторые’, *wūguo* ‘кто-нибудь’; ишк. *ar* ‘всякий’, ‘каждый’, *ič*, *yagon* ‘какой-нибудь’ (при отрицании — ‘никакой’), *jək* ‘весь’, ‘все’; вах. *ičiz* ‘нечто’, *sum* ‘(не)столько’, *tum* ‘столько’, *kum* ‘который’; ягн. *l* ‘кто-то’, *i čuxs* ‘некто’, *kax-k*, *kāxik* ‘который’, *kōm* ‘кто-то’, *iyoč* ‘что-то’, *har* ‘каждый’; осет. *isči* ‘кто-нибудь’, *ustʼ* ‘что-нибудь’, *čidār* ‘кто-то’, *sydār* ‘что-то’, *alči* ‘каждый’ (о человеке), *alsʼ* ‘каждый’ (о вещах), *niči* ‘никто’, *ničʼ* ‘ничто’ и др.

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Количественные числительные от одного до десяти приведены в табл. 17. Числительные после десяти в разных языках имеют некоторые особенности. В мунджанском, шугнано-рушанской группе, язгулямском (кроме числительного «двадцать»), ишкашимском (начиная с числительного «десять») и в ягнобском заимствованы таджикские числительные. В других языках используются собственные числительные, образование которых варьирует по языкам. Числительные от 11 до 19 образуются по принципам: а) «название единицы» + «десять» (в осет., пушту) и б) «десять» + «название единицы» (в йидга, вах.)²⁴. Примеры: пушту *yawólās*, осет. *iūəndəs* ‘одиннадцать’, но: вах. *ḡās-yi(w)*, йидга *lōsyū* ‘одиннадцать’. Числительное «двадцать» представлено по языкам: осет. *ssəʒ*, пушту *šəl*, йидга *wlsto*, язг. *wast*, вах. *bist*. Числительные «двадцать один», «двадцать два» и т. д. образуются по схемам: а) «название десятка» + «название единицы» (памирские языки, включая мунджанский, осетинский); б) «название единицы» + «название десятка» (пушту)²⁵.

Примеры: вах. *bist ət sybyr* ‘двадцать четыре’, осет. *ssəʒ iū* ‘двадцать один’, но: пушту *yawwlšt* ‘двадцать один’, *calerwlšt*

²⁴ Пронзношение числительных варьирует по языкам.

²⁵ В пушту при счете от 21 до 29 используются супплетивные основы: ср. *šəl* ‘двадцать’, но *yawwlšt* ‘двадцать один’, *dawwlšt* ‘двадцать два’ и т. п.

‘двадцать четыре’ Числительные, обозначающие десятки (после двадцати), образуются двумя способами — в зависимости от системы счета в данном языке (десятичной или вигезимальной, т. е. двадцатеричной). Счет по десяткам отмечен в пушту, осетинском (в литературной речи); числительные со значением десятков могут быть возведены к основам числительных первого десятка: пушту *derš*, осет. *ærtyn* ‘тридцать’, осет. *æstay*, пушту *alyā* ‘восемьдесят’.

Вигезимальный счет отмечен (в обиходной речи) в памирских языках и в осетинском: вах. *tru bist*, йидга *ǰⁿroiwist*, осет. *ærtissəʒb* ‘шестьдесят’ (букв. ‘три двадцатки’). Числительное «сто» представлено по языкам: пушту *səl*, йидга *pānǰwist*, вах. *sad*, осет. *sədə* (и *foŋzəssəʒb*, букв. ‘пять двадцаток’).

В осетинском, ягнобском и пушту числительные при самостоятельном употреблении склоняются подобно другим именам. В пушту количественные числительные изменяются и в применном употреблении согласуются с именем в числе и падеже, а первые два — и в роде: уаѡ ‘один’, ж. р. *уаѡá* — косв. *уаѡə* (м. р.), *уаѡé* (ж. р.); *dwa* ‘два’, ж. р. *dwe* — косв. м. р. и ж. р. — *dwo*. При сочетании с числительным (начиная с двух) имена в осетинском языке оформляются родительным падежом единственного числа, в ягнобском косвенным падежом единственного числа. В других языках в этом случае имена выступают в форме прямого падежа или в виде неоформленной основы (кроме пушту и мунджанского, где имя оформляется мн. ч.); в ишкашимском имена, обозначающие неодушевленные предметы и животных, ставятся в форме единственного числа, а имена, обозначающие людей, — в форме множественного числа. В пушту имена мужского рода на согласный при сочетании с числительными могут принимать суффикс *-a*.

Примеры: пушту *dwa kitābuna* ‘две книги’ (*/dwa kutāba*); мунджи *loh pūrē* ‘два сына’, *lu luǰdi* ‘две дочки’; руш. *xūw ʔaʔa* ‘шесть мальчиков’; язг. *čer pəc* ‘четыре сына’; ишк. *də tənɟ* ‘два яблока’, *gū uǰirǰ* ‘три куропатки’, но: *čyl wudarəŋ* ‘сорок братьев’; вах. *panǰ kəla* ‘пять овец’; ягн. *uxš ǰayki* ‘шесть девушек’; осет. *дындъ боъ* ‘два дня’.

→ Порядковые числительные образуются от количественных прибавлением суффикса пушту *-əm* (м. р.), *-əma* (ж. р.), шугн.-руш. *-um*, ишк. *-ym*, вах. *-yng*, *-əm* (по говорам), язг. *-əm*, осет. *-əm*. В язгулямском и ишкашимском используются таджикские порядковые числительные. В осетинском порядковые числительные (субстантивные) склоняются подобно именам. В пушту числительные согласуются с существительным в роде и падеже: *də kitāb pə dwayəma bārxa ki* ‘во второй части книги’.

НАРЕЧИЯ

Наречия в восточноиранских языках тесно примыкают к именным частям речи, с которыми их связывает, помимо прочего, словообразовательная соотносительность. Собственно наречия, обособившиеся от других частей речи, сравнительно малочисленны. К ним относятся прежде всего местоименные наречия, многие из которых образованы от местоименных основ: пушту *čiri?* ‘где?’, *kəla?* ‘когда?’, *halla* ‘там’, ‘туда’, *dalla* ‘здесь’, ‘сюда’, мунджи *kū*, *kuža?* ‘где?’, ‘куда?’, *molo* ‘здесь’, ‘сюда’, *kəla* ‘когда?’, язг. *kʔonda(r)?* ‘где?’, *kʔore?* ‘где?’, ‘куда?’, *kəm?* ‘когда?’, *čāra?* ‘почему?’, ‘отчего?’, *(h)əmba* ‘там’; вах. *dəram/təram* ‘здесь’, ‘сюда’, *dəra/təra* ‘там’, ‘туда’, *kum-*

Количественные числительные в восточноморанских языках

Числительное Язы	‘один’	‘два’	‘три’	‘четыре’	‘шесть’	‘семь’	‘восемь’	‘девять’	‘десять’
Пушту	yaʷ	dwa	dre	calór	špaž	owə	aʔə	nə	las
Йиндга	yū	loʰ	ǰuʀoi	čšŕ	úxšo	duɖo	dšɔ	pɔɕ	los
Мунджи	yū	lu	ǰuʀoi	čfur	óxšo	ɔuɖo	oškʷo	paɕ	da
Шугн.-руш. группа	yūʷ, yɪ	ðu, ðiɖɪn	aráy	cauðr	xɔʃ	(w)uɖ	waʃt	pɔw	ðɪs
	yūʷ, yɪ	ðaʷ	aráy	cauðr	xɔw	(w)uɖ	waʃt	x. pɔw p. nāw	ðos
	yūʷ, yɪ	ðaʷ	aráy	cauðr	xɔw	uɖ	waʃt	nāw	ðus
	iʷ, i	ðeʷ, ða	aroʷ	cauðr	xel	uɖ	woʃt	new	ðes
Язгулямский	wɔ(g)	ðow	cɔy	čer	ǰu	uɖ	uʃt	nu(w)	ðús
Ишкашимский	uʔ, uʔk, uʃ, uʃg	dɔ(w)	rú(y)	cofúr	xúll(l)	uɖ	ot	naw nu	da
Ваханский	yɪ(w)	bu(y)	tru(y)	cybyr	šaɔ	ɤb	at	naw	ðas
Ягнобский	ɪ/i	du	3. tɪráy B. si/aráy	3. tɪfɔr B. taɪfɔr	uxs	3. aʃt B. auɖ	aʃt	naw	das
Осетинский	iu	dʰuʃə	ərtə	cɔppar	əxsəž	auɖ	ast	faɾast	dəs

jay 'где?', 'куда?' и т. д. В ишкашимском и в диалектах шугнано-рушанской группы местоименные наречия, образованные от основ указательных местоимений при помощи предлогов и послелогов, имеют три ряда удаления (ближний, средний и дальний): ишк. *má(da)k*, *ma-jóv* 'здесь (рядом)', 'сюда', *t/dak*, *da-jov* 'тут', 'сюда' (в некотором отдалении), *wa(da)k*, *wa-jov* 'там', 'туда', шугн. *ta-rá(d)*, руш., хуфск. *taraŋw*, барт. *tarūd* 'здесь', 'сюда', шугн., руш., хуфск. *taram*, барт. *tarum* 'там', 'туда' и др. К собственно наречиям следует отнести также некоторые слова (в том числе заимствованные), употребляемые только в адвербиальной функции: ягн. *qatī* 'вместе', *ōsta* *ōsta* 'медленно', *ǰalbala* 'много', пушту *os* 'сейчас', *lāndi* 'внизу', *bexi* 'совсем', *gāhi* 'иногда', мунджи *nawaxt* 'поздно', *sāar*, *sabā* 'завтра', шугн.-руш. *dað*, *bād* 'потом', 'тогда', *dōytm* 'везде', 'постоянно', язг. *ağ* 'сейчас', *vez* 'снова', *bat* 'потом'; ишк. *so(t)* 'теперь', 'сейчас', *daráw* 'сразу', 'немедленно'; вах. *ǰa(fč)* 'очень', *woz* 'опять', 'снова', *waxti* 'однажды', 'когда-то', осет. *fa-lə*, *fale* 'по ту сторону', *dələ*, *dəle* 'внизу', *nyr* 'теперь'.

Малочисленность наречий, как таковых, восполняется использованием в адвербиальных функциях других частей речи — существительных, прилагательных, местоимений, числительных. Прилагательные и имена со слабо дифференцированной семантикой могут употребляться в качестве наречий без какого-либо специального оформления: пушту *s(a)hār* 'утро', 'утром', *žər* 'быстрый', 'быстро', барт. *ǰāb* 'ночь', 'ночной', 'ночью', язг. *kaš* 'горячий', 'горячо', 'жарко', *sāray* 'утро', 'утром'; вах. *paǰd* 'ночь', 'ночью', *baf* 'хороший', 'хорошо'; осет. *xorz* 'хороший', 'хорошо'. Однако такие слова в значении наречия в отдельных языках получают определенное оформление. В шугнано-рушанской группе имена в адвербиальной функции со значением способ (реже времени) действия оформляются частицей -aθ (руш. *qarōr-aθ* 'молча', руш., хуфск. *parmaθ*, барт. *nārmaθ* 'тайком', 'украдкой'), со значением времени — суффиксом множественного числа руш., хуфск. -yōn, барт., орош. -yōn, -zōn, шугн. -jēv (руш., хуфск., барт., орош. *zimistōnyōn*, шугн. *zimistānjēv* 'зимами'). В осетинском отмечены имена с наречным значением, которое дается им дистрибутивным суффиксом -gay: *bongay* 'подённо', *radʒgay* 'по очереди'.

В языках, характеризующихся богатством морфологических форм (в осетинском и пушту), имена в роли наречий могут выступать в той или иной падежной форме [в осетинском — в отложительном падеже на -əu, уподобительном — на -au, в пушту — в косвенном падеже, если он имеет показатель, или в форме на -a (с предлогом)]: осет. *xorzəu* 'по-хорошему', *sərdəu* 'летом', *zətagəu* 'зимой', *ironau* 'по-осетински'; пушту *dəšpe* 'ночью', *dərwaži* 'днем', *dətəxa* 'впереди', *ləwarāya* 'издалека', *tərsā* 'сзади'.

Характерно, что имена, употребляемые в качестве наречий, не смотря на значительную — в отдельных случаях — степень «онаречивания», нередко сохраняют свои именные свойства. Сказанное относится и к группе слов, причисляемым к «собственно наречиям». Так, в осетинском некоторые наречия могут склоняться подобно именам, например: наречие *nyr* 'теперь' имеет следующие формы: род. *nyr* 'теперешний', напр. *nyrtə* 'доныне', отл. *nyrəu* 'отныне', упод. *nyrai* 'как теперь'. В пушту наречия, в роли которых выступают прилагательные, изменяются по родам: *dā kor ǰer loy dəu* 'этот дом очень большой', *dā koǰa ǰera loya* 'эта комната очень большая'. В язгулямском отдельные наречия принимают различные именные

показатели: множественного числа — *-aθ*, сравнительной степени — *-dūr*, атрибутивности — *-i*, исходности — *š(ə)-/ž(ə)-*, сочетаются с предлогами и послелогами: *ma xi wandarāθ van* 'привяжи (хну) себе сюда, сюда и сюда' (*wandā* 'здесь'), *dəptū* (<*dəptədūr*) *nīθ* 'сядь туда подальше', *na š-k°ondā-t ən jorv?* 'откуда ты набрала?' и т. д.

ГЛАГОЛ

Глагольная система в восточноиранских языках представлена системой личных и неличных форм. Глагольные формы состоят из основ, суффиксов, префиксов, личных показателей, вспомогательных глаголов и частиц.

Основы несут главное лексическое и временное значение. В большинстве восточноиранских языков отмечается различие основ, участвующих в разных глагольных формах. В большинстве языков различаются две основы — настоящее-будущего и прошедшего времени; например, для глагола «делать» основы соответственно будут: пушту *kav-:kr-*; мундж.: йидга *kən-:kər-*, мунджи (*i*)*kən-:(i)kər-*; ишк. *kyn-:kūl/*, язг. *k°ən-:keg*; осет. *kən-:kond*²⁶. В отдельных языках различаются три основы: настоящее-будущего, прошедшего времени и перфектная — в ваханском языке (*car-:kərt:kərk* 'делать') и в большинстве глаголов шугнано-рушанской группы (например: руш. *sāw-:sut suj* 'идти'). В ряде так называемых неправильных глаголов в шугнано-рушанской группе различаются четыре основы: те же три, что и в большинстве глаголов, и основа инфинитива (в большинстве глаголов она совпадает с основной прошедшего времени), например: шугн. *kin-:čūd:čūj:čid-*, руш. *kin-:čūg:čūj:čig-* 'делать'. В ягнобском языке сохранилась только одна основа, выступающая во всех видо-временных формах, например: *šawōšt* 'они идут', *ašawór* 'они пошли'. Исключение представляет глагол «делать», имеющий две основы: *kun-* и *kar-*.

Суффиксы употребляются в основном для образования неличных глагольных форм от различных основ. Кроме того, в осетинском и ягнобском отмечаются суффиксальные элементы, образующие личные формы, — например, осет. *-зъл-* (ед. ч.), *-зъ-* (мн. ч.), образующий будущее время от основы настоящего: *zur-yn* 'я говорю' — *zur-зъл-ən* 'я скажу'.

Префиксы, образующие глагольные формы, редки. Это префикс совершенного вида в пушту *vi-* (например: *zə vulvedəlm* 'я упал', *zə bə vūvinəm* 'я увижу') и аугмент — древний префиксальный показатель прошедшего времени, сохранившийся в ягнобском (например: *tiror* — зависимая парадигма — 'они уходят', *atiror* 'они ушли'). В пушту и особенно в осетинском прослеживается большое количество словообразующих префиксов, придающих глаголу также значение совершенности (подробнее см. стр. 235).

Показатели лица и числа отмечаются флективные и аналитические. Флективные показатели входят в состав простых глагольных форм, например: пушту *rasédəm* 'я достигал', *rasèžəm* 'я достигаю', язг. *badin* 'я иду', шугн. *vārum* 'я приношу', осет. *zuryn* 'говорю' и т. д.

Аналитические показатели лица и числа не привязаны к глаголу, они могут ставиться отдельно, примыкая обычно к первому удар-

²⁶ Ср. парачи *kan-:kuř-*, *kūř-*, ормури *k-:dā(k)-*.

ному члену предложения, независимо от места глагола. В функции аналитических показателей в восточноиранских языках употребляются исторические связки и энклитики. В памирских языках они являются одновременно и связками и употребляются как в именном связочном сказуемом, так и в качестве показателей лица и числа при глаголах в прошедших временах (модель, аналогичная славянской, ср. язг. *tōw-at mēalim* 'ты-еси учитель', *tōw-at šod* 'ты-еси пошел', шугн. *wīz-um ḡdām* 'я-есмы человек', *wīz-um sut* 'я-есмы пошел'²⁷).

В ягнобском языке в аналитических формах прошедших времен, образованных от исторических причастий прошедшего времени, в функции личных показателей субъекта используются современные местоименные энклитики, которые ставятся здесь между причастием и личным окончанием, согласующимся с объектом: *wēta-m-x* 'я его видел', *wēta-l-x* 'ты его видел', *wēta-š-iš* 'он тебя видел', *wēta-š-im* 'он меня видел'. В мунджанском эти энклитики стали фактически личной флексией глаголов в прошедшем времени, в диалекте мунджи — переходных (*tə yōyāt* 'ты нес', но *lu ūyāy* 'ты пришел'), в диалекте йидга — и непереходных (*vādet* 'ты принес', *āyōyit* 'ты пришел')²⁸. Поэтому в мунджанском единственном видом связки является недостаточный глагол *āst-* 'являться', 'наличествовать', который (в форме *yašt*) имеется и в других памирских языках, но не столь употребителен ввиду наличия в них связки-энклитики (см. табл. 18).

Вспомогательные глаголы используются при образовании различных аналитических форм. Наиболее употребительна связка, образующая личные формы от основ и неличных форм, например: пушту *taktubūna rasedāli di* 'письма прибыли' (перф., букв. 'прибывшие есть'), осет. *uadtan* 'я бежал' (букв. 'бежавший есмь')²⁹. О связках в памирских языках см. выше.

В качестве вспомогательных употребляются и другие глаголы. Так, при образовании некоторых временных форм, связанных с действием в прошлом, например преждепрошедшего или давнопрошедшего времени, во многих языках используется глагол «быть»: пушту *taktubūna rasedāli wu* 'письма уже пришли', барт. *mūn-um zōḫč vud* 'я брал (давно)', язг. *itā-am vad* 'я [уже раньше] приходил'³⁰. Для выражения залога и модальности часто употребляются и другие глаголы, например, «стать». «идти»: пушту *tə rāllāy se* 'ты можешь прийти' (*štāl* 'стать'), *kitabūna xarcavāl keži* 'книги продаются' (*kedāl* 'становиться'), барт. *wirōḫčāk sut* 'был построен'

²⁷ Различие в употреблении связки в именном сказуемом и в составе аналитических форм прошедших времен наблюдается только в 3-м л. ед. ч. в шугнано-рушанской группе, ваханском и ишкашимском, где в именном сказуемом связка неупотребительна, а в 3-м л. мн. ч. в бартангском языке шугнано-рушанской группы и в язгулямском, где в именном сказуемом и при непереходных глаголах употребляется форма *-an*, а при переходных глаголах — барт. *-af*, язг. *-af*, например: язг. *dif-an kalxoz-čiyāf* 'Они-суть колхозники', *biyēr-an yāt* 'Они вчера-суть пришли', *biyēr-af laft* 'Они вчера-суть рассказали'.

²⁸ В парачи и ормури в этой функции также употребляются местоименные энклитики, не совпадающие со связками. Могут стоять отдельно от глагола, примыкая к первому ударному члену предложения: парачи *hē ādam-an māt* 'Мы убили этого человека', ормури *az ku še saḡai-am užnawōk-ē* 'Я убил какого-то человека'.

²⁹ Аналогичные конструкции отмечаются в парачи и ормури, например: парачи: *n'asīḫ hastam* 'Я сидел'.

³⁰ Ср. также формы в парачи и ормури, например: парачи *č'arē bēm* 'Я уже упал', ормури *as dā būk* 'Я уже сделал'.

Связки восточноиранских языков

Язык		Единственное число			Множественное число			
		1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо	
Пушту		yam	ye	м. р. dəy ж. р. da	yu	yāst	di	
Памирские	Мунджанский i	āstām	āstāy	āst(āt)	āstām	āstāf	āstāt	
	Ваханский	-əm	-ət	(-i)	-ən	-əv	-əv	
	Ишкашимский	-əm	-ət	(-i)	-on	-əv	-on	
	Шугнано-рушанская группа	шугнанский	-um	-at	(-i)	-ām	-ēt	-ēn
		рушанский	-um	-at	(-i)	-am	-af	-an
		бартангский	-um	-at	(-i)	-an	-af	-an (при неперех. гл. и отдельно) -af (при перех. гл.)
	Язгулямский	-əm	-at	(-ay)	-an	-əf	-an (при неперех. гл. и отдельно) -əf (при перех. гл.)	
Ягнобский		lm	išt	-x, xast	-əm	зап. ōt вост. ōs	зап. ōr вост. ōr	
Осетинский		dən	də	u, ls, i	stəm	stut	stb	

(*sitōw* 'идти', 'становиться'), осетинский: *arəzt səib* 'строится (*səibn* 'идти') и т. п.³¹

Частицы отмечаются в ряде языков при определенных глагольных формах. Некоторые из них употребляются в предложении самостоятельно: например, в пушту частица *bə* придает значение будущего и многократного формам соответственно настоящего и прошедшего времени: *zə bə lvéžəm* 'я буду падать', *postā bə hāra gvaž rasedāla* 'почта прибывала каждый день'; в шугнано-рушанской группе частица *-ta* (шугн., руш., хуфск.), *-ti* (барт., орош.), в язгулямском *-da*, *-ta*, *-a* (в зависимости от исхода предыдущего слова) придает высказыванию оттенок уверенности в совершении действия: руш. *tu-ta na-wizōni* 'ты не знаешь', язг. *az-a lafīn* 'я скажу'³²; в язгулямском отмечается частица *xo*, придающая оттенок многократности, длительности или нереальности: *ar mið-au xo yāt-a šod-au* 'каждый день он приходил и уходил'; *aga xəb xo vədā, zaχtā-əm xo* 'если бы [табак] был хороший, я взял бы' и т. п.

В ваханском употребляется частица *šə* при формах настоящего и прошедшего времени: *tu šə kumər rəč?* 'ты куда идешь?', и частица

³¹ Ср. ормури *zōk šūk* 'был побит' (*šūk* 'становиться').

³² Ср. аналогичную по значению частицу *bi* в ормури: *bi ner ki cum* 'я пойду (иду) домой'.

ар с формой настоящего времени (придает значение уверенности): *tar ar suzinda xanən* 'тебя назовут томящимся'. В ишкашимском отмечаются частицы *-bi* и *(b)s* с широким диапазоном значений: *sō-bi tácon* 'сейчас они отправятся', *kərčín-əs kalánd-əs dū* 'куры рыхлят [грядку]'. В осетинском имеется частица *iu*, придающая глагольной форме значение многократности и обычности: *əz iu fəston* или *fəston iu* 'я, бывало, писал' (эта же частица переводит повелительное наклонение в будущее время).

Некоторые частицы входят в состав глагольных форм, таковы, например, ягнобская частица *-išt*, подчеркивающая незавершенность или многократность и участвующая в образовании форм настоящего-будущего и прошедшего многократного времени: *šawōmišt* 'я иду', *šāwīšt* 'он идет', *ašāwimišt* 'я шел, ходил', *ašawīšt* 'он шел, ходил', и осетинская частица *-сбү-*, придающая значение длительности и стоящая между превербом и основой глагола: *pa-сбү-сбди* 'выходил'.

Частицы отрицания ставятся всегда препозитивно. В одних языках различаются частицы запретительные *m-* (в определенном контексте употребляются и при пожелании, сомнении и т. п.) и отрицательные — обычно *n-*: в пушту *ma*, *na* (*ma-lvāləu* 'не читайте', *taktubuna rasedəli na-di* 'письма не прибыли'), в шугнано-рушанской группе *mā* (сарык. *mo*), *na* (руш. *mā ya* 'не приходи', *na sut* 'не пошел'), в ваханском *mə*, *nə* (*mə pərs* 'не спрашивай', *nə tu* 'не было'); в осетинском *ma*, *nə* (*ma tərs* 'не бойся', *nə zonyŋ* 'не знаю'³³). В других языках обе функции выполняет одна частица: в ягнобском, язгулямском и ишкашимском *na* (ягн. *na-tifarōmišt* 'не дам', *na-šaw* 'не ходи', язг. *na-laf* 'не говори', *na-lafin* 'не скажу', ишк. *na-zon* 'не бери', *na-xərgyt* 'не буду есть')³⁴, в мунджанском *č-*, *či* (*či dāl* 'не давай', *či oṛəi* 'не пришел').

ЛИЧНЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ

Личные глагольные формы имеют в восточноиранских языках следующие грамматические категории: залог, наклонение, вид, время, лицо, число, род, переходность — непереходность.

Категория залога выражается в противопоставлении двух основных залогов — активного и пассивного. Пассив выражается аналитически — инфинитивами и причастиями с вспомогательными глаголами. Эти сочетания не всегда являются глагольными формами в строгом смысле. Чаше это предикативные обороты, состоящие из причастий прошедшего времени, которые от переходных глаголов имеют пассивное или нерасчлененное (и активное, и пассивное) значение, и вспомогательных глаголов. В одних языках это связка или глагол «быть», которые часто могут отсутствовать в предложении (например: ягн. *tuxasta-x* '[он] убит', язг. *vəstagin-au vad* 'он был связан', ишк. *am kalowə zynduki vəd* 'эта пряжа была выстирана'), в других это глагол со значением «идти», «становиться» (мундж. — мунджи *zə wān moškiṛā ōyət* 'я им буду убит', йидга *zo žia baš šom* 'я побит', барт. *wirōṣčak sut* 'построился', 'был построен', осет. *arəzt*

³³ Ср. аналогичное противопоставление в ормури: *māk*, *nāk* ('*wal mak cū* 'не ходи туда', *as da nak buk* 'я не делал').

³⁴ То же в парачи: *na-kan* 'не делай', *na-bē* 'да не будет', *na d'ör* 'не ви-дела'.

сзйб 'строится')³⁵. В пушту пассив выражается сочетанием инфинитива с вспомогательными глаголами *kedəl* и *švəl* 'делаться', 'становиться': *kānāl vūkindəl su* 'канал прорыт', *kitabūna xarcavəl kēži* 'книжки продаются (кем-либо)'.

Категория наклонения выявляется в разных группах языков различно (см. табл. 19). В части памирских языков (включая мунджанский) выделяются практически два наклонения: изъявительное, или нейтральное (выражающее как простую констатацию действия, так и — в определенных контекстах — модально окрашенную, например: язг. *badin* 'пойду', 'схожу-ка', 'пойду ли?' и т. п.), и повелительное, имеющее форму 2-го лица единственного числа, отличающуюся от изъявительного наклонения отсутствием окончания, например: шугн. *vār*, *va* 'принеси', *vāri* 'принесешь', язг. соответственно *va(r)* — *varáy*. Во множественном числе форма повелительного наклонения совпадает со 2-м лицом множественного числа изъявительного наклонения. Исключения представляют отдельные языки и диалекты, например, ваханский, а также в шугнано-рушанской группе — орошорский, сарыкольский и басидский говор бартангского, где 2-е лицо единственного числа изъявительного наклонения также не имеет окончания и совпадает с повелительным. В этих языках шугнано-рушанской группы категория наклонения практически отсутствует³⁶. В мунджанском часть глаголов во 2-м лице единственного числа выражена чистой основой (типа *ās* 'приходи', ср. *āsəu* 'приходишь'), другая — основой с наращением -о (типа *xano* 'купи', ср. *xanəu* 'покупаешь'). Множественное число имеет особую форму, отличную от изъявительного наклонения (например: *kənit* 'делайте' — *kənāf* 'вы делаете'). Кроме того, во всех памирских языках отмечаются случаи употребления форм настояще-будущего времени в значении смягченного повеления (например: мундж. *šūr čixarəu* 'не шевелись-ка', язг. *kasáy yu satilāθ* 'присмотри-ка за этими ведрами').

Кроме этих форм в отдельных памирских языках (ваханском, язгулямском, ишкашимском и мунджанском), а также в ягнобском отмечается ряд модальных оборотов и новообразованных форм на базе инфинитива и причастий, например: язг. *biyāni xex-a mit brazaj?* 'разве можно пить вчерашнюю воду?'; ишк. *starūk-bo* 'надо подмести', йидга *šuya baš* 'я был бы', 'я мог бы быть', ягн. *ax nē dawī vuta xdu* 'он не смог побегать'. Широко распространено употребление личных форм изъявительного наклонения с модальными частицами (см. стр. 232). В язгулямском отмечается также застывшая форма желательного наклонения *yest* 'пусть будет', 'пусть останется' от глагола *yast* 'есть', 'имеется'.

В ягнобском языке противопоставляются практически два наклонения: изъявительное и сослагательное. Формы изъявительного наклонения настояще-будущего времени образуются от соответствующих форм сослагательного наклонения частицей -*išt*. Приказ, повеление выражаются формами 2-го лица сослагательного наклонения, например, глагол *šaw-* 'идти': настояще-будущее время изъявительного наклонения, 2-е лицо ед. числа *šá(w)išt*, мн. — *šáwtišt* (зап. гов.),

³⁵ Ср. аналогичное в парачи: *mēren č'ī* 'он был убит', *načōn pečen č'ō* 'хлеб испекся', в ормури: *a sarai zōk šūk* 'человек был побит', *a sarīyē zōk šukin* 'женщина была побита'.

³⁶ Ср. аналогичное положение в ормури, где, например, *kōn* 'делаешь', 'делай', 'сделал бы' и т. п.

šawsišt (вост. гов.); настоящее-будущее время сослагательного наклонения, 2-е л. ед. числа *šaw*, мн. — *šawt* (зап. гов.), *šaws* (вост. гов.).

В осетинском отмечаются три наклонения: изъявительное, сослагательное и повелительное (имеющее форму 2-го и 3-го л. ед. и мн. числа). Различие между ними оформляется различными типами личных окончаний, например, глагол *kən-: kond* 'делать' в настоящем времени изъявительного наклонения: 2-е л. ед. числа *kəns*, мн. — *kənut*; 3-е л. ед. числа *kəns*, мн. — *kəns*; в настояще-будущем времени сослагательного наклонения: 2-е лицо ед. числа *kənis*, мн. — *kənikkat*, 3-е л. ед. числа *kənid*, мн. — *kənikko*; в повелительном наклонении: 2-е л. ед. числа *kən*, мн. — *kənut*, 3-е л. ед. числа *kənd*, мн. — *kənant*³⁷.

В пушту отмечаются два наклонения, выражаемые различиями во флексии: изъявительное, представленное системой различных видовременных форм, и повелительное, отмеченное во 2-м лице и отличающееся от формы единственного числа 2-го лица настоящего времени окончанием: *gore* 'ты смотришь' — *góra* 'смотри'. Во множественном числе повелительное наклонение совпадает с изъявительным. Кроме того, отмечаются аналитические построения, которые исследователи считают формами наклонений условного и возможности. Условное, или точнее, ирреальное наклонение представлено двумя формами: инфинитивом с показателем *-āu* (лицо выражается контекстом): *ka mā lidālay* 'если бы я видел' и причастием прошедшего времени со связкой в форме *vāy*: *lidālay vāy* 'о если бы [вы] увидели'. Наклонение возможности, или потенциальное, выражается сочетанием инфинитива с суффиксом *-āu* со служебным глаголом *švəl* 'становиться', *zə lvastālay sām* 'я могу читать'.

В тех языках, где есть различие в отрицательных приглагольных частицах *m-* и *n-*, оно также выражает модальность (см. стр. 233).

Категория вида в большинстве иранских языков тесно связана с категорией времени и выявляется в различии видовых оттенков, лежащих в плане Aktionsart (длительность, многократность, начало или конец действия и т. п.). Так во всех языках формы перфекта указывают на то, что действие было раньше, но результат его наличен. В ряде языков имеются специальные формы, указывающие на длительное или многократное действие. Таковы, например, аналитические формы настоящего длительного и имперфекта в йидга, имперфекта в мунджанском, формы на *-išt* в ягнобском и т. п. Например: ягн. *ašawimišt* 'мы шли', 'мы ходили' — *ašawim* 'мы пошли', йидга *zə hōr kənem-iste* 'я работаю', *žim-stəm* 'я бил'³⁸.

В некоторых случаях значение длительности и многократности передается отдельно стоящей частицей, например: язг. *yāt-əm xo, awqót-əm xo xūg, véz-əm xo šod* 'я приходил, обедал и снова уходил'³⁹.

В двух языках — осетинском и пушту — прослеживается система вида (Aspekt), выражающаяся в противопоставлении глаголов совершенного и несовершенного вида, выступающих в различных временных формах. Это противопоставление выражается в наличии превербов

³⁷ Эти три наклонения отмечаются и в парачи, но оформлены они иными способами.

³⁸ Ср. парачи: *ān-em xartōn* 'я ем'.

³⁹ Ср. ормури: *kar-am bu dāč* 'я работал'.

у глаголов совершенного вида (см. выше, стр. 230) и отсутствии их у глаголов несовершенного вида (пушту *vɾəl* 'нести'—*yovɾəl* 'уносить', осет. *sæɥn* 'идти'—*rasæɥn* 'выйти' и т. д.), а также в наличии лексических пар, противопоставленных по виду: осет. *zurɣn* 'говорить'—*zæɣn* 'сказать', *dædtɣn* 'давать'—*radtɣn* 'дать', пушту *kedəl* 'становиться'—*švəl* 'стать'. В пушту, кроме того, существует грамматическое противопоставление форм совершенного и несовершенного вида. Формы совершенного вида образуются присоединением префикса *vũ-* к формам несовершенного вида: *rasédəm* 'я прибыл'—*vũrasédəm* 'я прибыл'.

Категория времени выражается противопоставлением форм, индивидуальным для каждого языка. Например, в одних языках существует форма настоящего-будущего времени — в ягнобском и памирских, включая мунджанский⁴⁰, ср. ягноб. *šawðmišt* 'я иду', 'я пойду', шугн. *vārum* 'я несущу', 'я принесу', язг. *lafin* 'я говорю', 'я скажу' и т. п., в других отмечаются отдельные формы для настоящего и будущего времени — в пушту и осетинском, причем в пушту будущее время передается формой настоящего с соответствующей частицей: *zə bə bidéžəm* 'я буду спать'⁴¹, в осетинском самостоятельной формой: *zurɣn* 'я говорю'—*zurɣnən* 'я скажу'.

Основное противоположение в большинстве языков лежит между прошедшими и непрошедшими временами. Это выражается в образовании временных форм от основ настоящего или прошедшего времени во всех языках, кроме ягнобского. В последнем большую временную нагрузку несет аугмент. Для памирских языков (кроме мунджанского) это противопоставление выражается и в типе спряжения: в настоящее-будущем времени используется флективный тип, во всех прошедших временах — аналитический. Кроме того, во многих языках для прошедших времен используются связки и вспомогательные глаголы (особенно «быть»).

Для большинства восточноиранских языков, кроме ишкашимского, отдельных языков шугнано-рушанской группы и осетинского языка в переходных глаголах противопоставление настоящих и прошедших времен связано с противопоставлением номинативной и эргативной конструкции (см. ниже, стр. 248).

Категории лица и числа в памирских языках в настоящих временах выражаются личными флективными показателями, в прошедших — связками, происшедшими из исторических связок и энклитик (например: шугн. *vārum* 'я несущу', 'я принесу', *wiž-um vid* 'я принес', язг. *pidin* 'я сяду', *az-əm pušt* 'я сел', табл. 20).

В остальных языках лицо и число субъекта выражается преимущественно флективными личными показателями во всех временах. Однако в ягнобском в форме, образованной от причастия прошедшего времени переходных глаголов, лицо и число субъекта выражается местоименными энклитиками, а лицо и число объекта — личными окончаниями (см. табл. 21): *wēta-m-x* 'я его видел', *wēta-t-x* 'ты его видел', *wēta-š-išt* 'он тебя видел'⁴². Кроме того, в ягнобском при наличии в предложении двух и более глаголов, стоящих в одной форме, полную личную форму имеет только первый из них. Второй и следующие спрягаются по так называемой «зависимой парадиг-

⁴⁰ То же положение в парачи и в ормури — в диалекте Логара.

⁴¹ То же в ормури — диалекте Канигурама: *sahā sā saw^mm* 'я пойду утром'.

⁴² Сходное положение наблюдается в ормури, где имеется два типа энклитик для выражения субъекта и объекта: *xwalak-am-a* 'я съел тебя', *xwalak-at-am* 'ты съел меня', *xwalak-am* 'я съел [его]', *xwalak-a-w-am* 'он съел меня'.

ме», т. е. имеют неполную форму, которая в настоящем времени состоит из основы и личных окончаний: *šawom* 'иду', 'пойду', т. е. выражает лицо и число, в прошедших же состоит из основы и аугмента: *ašaw* '[я, ты, он, мы, вы, они] пошел/пошла/пошли', т. е. не имеет категорий лица и числа.

В пушту переходные глаголы в прошедших временах выражают лицо и число (а также род) только объекта, а в остальных случаях — субъекта: *zə tləm* 'я шел', но *mā taktub likəu* 'я писал письмо'. При безобъектном спряжении лицо не выражается, оно выявляется из контекста: *mā likəl* 'я писал' (табл. 22).

В тех языках, где лицо и число в прошедших временах выражается историческими местоименными энклитиками и связками, т. е. в памирских, и современными энклитиками, т. е. в ягнобском, при употреблении в предложении подлежащего-местоимения энклитические показатели лица и числа становятся избыточными и при переходных глаголах в рушанском и хуфском языках шугнано-рушанской группы и язгулямском языке они исключаются (ср. барт. *mún-um zəxt*, руш., хуфск. *tu zūxt*, язг. *mún zext* 'я взял', *kitób-əm zext* 'я взял книгу'⁴³).

В шугнано-рушанской группе, кроме того, в прошедших временах число непереходных глаголов, как и род, выражается огласовкой основы — исторического причастия (огласовка мн. ч. в пр. вр. совпадает с огласовкой ж. р. ед. ч.: в перфекте эти формы различны): прошедшее время *sut*, *sud* 'пошел' — *sat*, *sad* 'пошла', 'пошли'; перфект *suč*, *suǰ* 'пошел', *sač*, *saǰ* 'пошли', *sic* 'пошла', а в пушту — формой рода и числа причастия прошедшего времени, образующего перфект и плюсквамперфект: *rasedálay* 'прибывший', *rasedále* 'прибывшая', *rasedáli* 'прибывшие'⁴⁴.

Категория рода в глаголе отмечена в пушту, мунджанском и шугнано-рушанской группе⁴⁵. Отмечается только в прошедших временах (исторически — в причастных оборотах). Выражается различно. В пушту в перфекте и плюсквамперфекте выражается формой причастия (прим. см. выше), в форме прошедшего времени — личными окончаниями 3-го лица: *vror ráǰəu* 'брат пришел', *kārigarān rāǰəl* 'рабочие пришли', *xor rāǰla* 'сестра пришла', *šǰzi rāǰle* 'женщины пришли', *mā makālá likəla* 'я писал статью'. В мунджанском род выявляется в диалекте мунджи в причастии на -ǰá (ж. р. -ǰáǰa) в тех случаях, когда оно выступает и самостоятельно как финитная форма, и в составе аналитических форм: *wa žínka vá-mən liškiǰáǰa* 'та женщина меня увидела' (букв. 'увидевшая'), *zə wān moškiǰáǰa óuət* 'я им буду убит', *zə wān moškiǰáǰa óuət* 'я им буду убита'.

В шугнано-рушанской группе род выражается огласовкой основы прошедшего времени непереходных глаголов, перфектная основа различается и огласовкой, и исходом основы (примеры см. выше)⁴⁶.

⁴³ В ормури и парачи наблюдается сходное явление: ормури: *az ku tū zuk//ku tū zuk-um* 'я побил тебя', парачи: *mun hawī ker kuǰ//hawī ker-um kuǰ* 'я сделал эту работу'.

⁴⁴ Ср. ормури, где эта система охватывает все прошедшие времена: *wustʹək-am* 'я встал', *wustak-yən* 'мы встали'.

⁴⁵ А также в ормури.

⁴⁶ Род отмечается также в канигурамском диалекте в ормури. Согласование непереходных глаголов в роде — с субъектом, переходных — с объектом: *wustʹək-am* 'я встал', *wustak-am* 'я встала', *xwəlak-at-am* 'ты съел(а) меня (мужчину)', *xwəlk-at-am* 'ты съел(а) меня (женщину)'.

Формы настоящего времени изъявительного наклонения
и формы различных (по языкам) наклонений, выражающих повеление

Язык	Изъявительное наклонение — констатация действия						Повеление	
	ед. число			мн. число			ед. число	мн. число
	1-е л.	2-е л.	3-е л.	1-е л.	2-е л.	3-е л.		
Пушту	<i>wāy-əm</i> 'говору' <i>rasēḡ-əm</i> 'достиг- аю'	<i>wāy-e</i> <i>rasēḡ-e</i>	<i>wāy-l</i> <i>rasēḡ-l</i>	<i>wāy-u</i> <i>rasēḡ-u</i>	<i>wāy-āst</i> <i>rasēḡ-əy</i>	<i>wāy-i</i> <i>rasēḡ-i</i>	<i>wāy-a</i> <i>rasēḡ-a</i>	<i>wāy-āst</i> <i>rasēḡ-əy</i>
Мунджанский	мундж. <i>dāl-əm</i> индга <i>dāl-im</i> 'даю'	<i>dāl-əy</i> <i>dāl-ō</i>	<i>dilt</i> <i>dīl</i>	<i>dāl-əm</i> <i>dāl-əm</i>	<i>dāl-āf</i> [<i>dāl-əf</i>]	<i>dāl-āt</i> <i>dāl-et</i>	<i>dāl, pərsə</i> <i>dāl, pərs-a</i> 'спросите'	<i>dāl-it, pərs-it</i> <i>pərs-ē</i> 'спросите'
Ишкашимский	<i>kən-əm</i> 'делаю'	<i>kən-i</i>	<i>kən-u</i>	<i>kən-on</i>	<i>kən-bu</i>	<i>kən-on</i>	<i>kən</i>	<i>kən-bu</i>
Ваханский	<i>gəḡ-əm</i> 'иду'	<i>gəḡ</i>	<i>gəḡt</i>	<i>gəḡ-ən</i>	<i>gəḡ-əy</i>	<i>gəḡ-ən</i>	<i>gəḡ</i>	<i>gəḡ-əy</i>
Шугнано-рушан- ская группа	шугн. <i>vāḡ-im</i> барт. <i>vāḡ-im</i> 'приношу'	<i>vāḡ-i</i> <i>vāḡ-l, vāḡ</i>	<i>vīrd</i> <i>vērd</i>	<i>vāḡ-um</i> <i>vāḡ-an</i>	<i>vāḡ-et</i> <i>vāḡ-at, -af</i>	<i>vāḡ-ən</i> <i>vāḡ-an</i>	<i>vāḡ, va</i>	<i>vāḡ-ēt</i> <i>vāḡ-at, -af</i>
Язгулянский	<i>k'ən-in</i> 'делаю'	<i>k'ən-āy</i>	<i>kəḡt</i>	<i>k'ən-əm</i>	<i>k'ən-it</i>	<i>k'ən-ān</i>	<i>kən</i>	<i>k'ən-it</i>
Ягнобский	<i>šaw-əm-it</i> 'иду'	<i>šaw-it</i>	зап. <i>šaw-t-it</i> вост. <i>šaw-či</i>	<i>šaw-īm-it</i>	зап. <i>šaw-t-it</i> вост. <i>šaw-s-it</i>	<i>šaw-ōst</i>	<i>šaw</i>	зап. <i>šawt</i> вост. <i>šaws</i>
Осетинский	<i>kal-ən</i> 'лью'	<i>kal</i>	<i>kal-b</i>	<i>kal-əm</i>	<i>kal-ut</i>	<i>kal-ənc</i>	2 л. <i>kal</i> 3 л. <i>kal-əd</i>	<i>kal-ut</i> <i>kal-ənt</i>

Спряжение глаголов в прошедшем времени в памирских языках

Язык	Непереходные глаголы	Переходные глаголы	
		без местоимений	с местоимениями
Ишканимский	Ед. число		
	1-е л. <i>az-əm tūɟd</i> 'я ушел'	<i>-əm zūɟd</i> 'я взял'	<i>az-əm zūɟd</i> 'я взял'
	2-е л. <i>tə(-ət) tūɟd</i>	<i>-ət zūɟd</i>	<i>tə-ət zūɟd</i>
	3-е л. <i>aʷ(-i) tūɟd</i>	<i>(-i) zūɟd</i>	<i>aʷ(-i) zūɟd</i>
	Мн. число		
	1-е л. <i>məx-on tūɟd</i>	<i>-on zūɟd</i>	<i>məx-on zūɟd</i>
Ваханский	Ед. число		
	1-е л. <i>wuz-əm wəzd(əy)</i> 'я пришел'	<i>-əm dəʒd(əy)</i> 'я взял'	<i>wuz-əm dəʒd(əy)</i> 'я взял'
	2-е л. <i>tu-(ə)t wəzd(əy)</i>	<i>-ət dəʒd(əy)</i>	<i>maʒ ʒaɬtəy</i> 'я сказал' <i>tu-(ə)t dəʒd(əy)</i>
	3-е л. <i>yaw(-i) wəzd(əy)</i>	<i>-i dəʒd(əy)</i>	<i>taw ʒettəy</i> 'ты дал' <i>yaw(-i) dəʒd(əy)</i>
	Мн. число		
	1-е л. <i>sak-ən wəzd(əy)</i>	<i>-ən dəʒd(əy)</i>	<i>sak-ən dəʒd(əy)</i>
Язгулямский	Ед. число		
	1-е л. <i>az-əm šod</i> 'я пошел'	<i>-əm zeχt</i> 'я взял'	<i>moɭān zeχt</i> 'я взял'
	2-е л. <i>tow-at šod</i>	<i>-at zeχt</i>	<i>tu zeχt</i>
	3-е л. <i>u(-ay) šod</i>	<i>(-ay) zeχt</i>	<i>way zeχt</i> (м. р.) <i>im zeχt</i> (ж. р.)
	Мн. число		
	1-е л. <i>mox-an šod</i>	<i>-an zeχt</i>	<i>mox zeχt</i>
Шугнано- рушанская группа: шугнанский	Ед. число		
	1-е л. <i>wuz-um sut</i> (м. р.) 'я пошел'	<i>-um zōχt</i> 'я взял(а)'	<i>wuz-um zōχt</i> 'я взял(а)'
	<i>wuz-um sat</i> (ж. р.)		
	2-е л. <i>tu-at sut</i> (м. р.) <i>tū-at sat</i> (ж. р.)	<i>-at zōχt</i>	<i>tu-at zōχt</i>
	3-е л. <i>yu sut</i> (м. р.) <i>yā sat</i> (ж. р.)	<i>-i zōχt</i>	<i>wi-i zōχt</i> (м. р.) <i>wam-i zōχt</i> (ж. р.)
	Мн. число		
	1-е л. <i>māš-ām sat</i>	<i>-ām zōχt</i>	<i>māš-ām zōχt</i>
	2-е л. <i>tama-ēt sat</i>	<i>-ēt zōχt</i>	<i>tama-ēt zōχt</i>
	3-е л. <i>wāb-ēn sat</i>	<i>-ēn zōχt</i>	<i>wāb-ēn zōχt</i>
	Ед. число		
	1-е л. <i>az-um sut</i> (м. р.) 'я пошел'	<i>-um zūχt</i> 'я взял(а)'	<i>tu zūχt</i> 'я взял(а)'
рушанский	<i>az-um sat</i> (ж. р.)		

Язык	Непереходные глаголы	Переходные глаголы	
		без местоимений	с местоимениями
Бартагский	2-е л. <i>tu-at sut</i> (м. р.) <i>tu-at sat</i> (ж. р.)	-at <i>zāxt</i>	<i>tā zāxt</i>
	3-е л. <i>yā sut</i> (м. р.) <i>yā sat</i> (ж. р.)	(-i) <i>zāxt</i>	<i>way zāxt</i> (м. р.) (w)um <i>zāxt</i> (ж. р.)
	Мн. число		
	1-е л. <i>māš-am sat</i>	-am <i>zāxt</i>	<i>māš zāxt</i>
	2-е л. <i>tama-af sat</i>	-af <i>zāxt</i>	<i>tama zāxt</i>
	3-е л. <i>wān-an sat</i>	-an <i>zāxt</i>	(w)uf <i>zāxt</i>
	Ед. число		
	1-е л. <i>āz-um sut</i> (м. р.) 'я пошел'	-um <i>zōxt</i> 'я взял(а)'	<i>mūn-um zōxt</i> 'я взял(а)'
	<i>āz-um sat</i> (ж. р.)		
	2-е л. <i>tū-at sut</i> (м. р.) <i>tū-at sat</i> (ж. р.)	-at <i>zōxt</i>	<i>tā-at zōxt</i>
	3-е л. <i>yā sut</i> (м. р.) <i>yā sat</i> (ж. р.)	-i <i>zōxt</i>	<i>wī-yi zōxt</i> , <i>wī zōxt</i>
	Мн. число		
	1-е л. <i>māš-an sat</i>	-an <i>zōxt</i>	<i>māš-an zōxt</i>
	2-е л. <i>tamāš-af sat</i>	-af <i>zōxt</i>	<i>tamāš-af zōxt</i>
	3-е л. <i>wān-an sat</i>	-af <i>zōxt</i>	<i>ūf-af zōxt</i>
Мунджанский: мунджи	Ед. число		
	1-е л. <i>zə oγəy-ām</i> 'я пришел'		(mən) <i>yōy-əm</i> 'я унес'
	2-е л. <i>tu oγəy-āy</i>		(tə) <i>yōy-ət</i>
	3-е л. <i>wa oγəy</i>		(wān) <i>yōy</i>
	Мн. число		
	1-е л. <i>tox oγəy-ām</i>		(tox) <i>yōy-ām</i>
	2-е л. <i>tof oγəy-āf</i>		(tof) <i>yōy-āf</i>
	3-е л. <i>way oγəy-āt</i>		(waf) <i>yōy-āt</i>
	Ед. число		
	1-е л. <i>zə vī-em</i> 'я был'		(mən) <i>ži-m</i> , <i>ži-īm</i> 'я бил'
	2-е л. <i>tu vī-et</i>		(to) <i>ži-īt</i>
	3-е л. <i>wo vī-o</i>		(wən) <i>ži-(y)o</i>
	Мн. число		
	1-е л. <i>māx vī-em</i>		(māx) <i>ži-em</i>
	2-е л. <i>māf vī-ef</i>		(māf) <i>ži-ef</i>
	3-е л. <i>woi vī-et</i>		(wōf) <i>ži-et</i>

Категория переходности — непереходности различается почти во всех восточноиранских языках в прошедших временах (т. е. в формах, образованных от исторических причастий на *-ta и *-ta-ka; об исключениях см. ниже). В пушту и мунджанском переходность — непереходность в этих формах выражается в согласовании глаголов непереходных с субъектом, переходных — с объектом⁴⁷; в пушту

⁴⁷ Ср. аналогичное положение в ормури.

переходный глагол при отсутствии в предложении объекта ставится в форме 3-го лица множественного числа мужского рода: *zə tləm* 'я шел', *tə taktub likəy* 'ты писал письмо', *mā likəl* 'я писал' (табл. 22). В бартангском языке шугнано-рушанской группы и язгулямском языке при переходных глаголах в 3-м лице множественного числа употребляется связка — историческое местоимение *-af* (барт.), *-əf* (язг.), при непереходных — связка *-an*: язг. *biyér-an šod* 'они вчера пошли', *biyér-əf keg* 'они вчера сделали', барт. *uf-af luvd* 'они сказали', *wād čil dēw-an bintd* 'те сорок дивов пропали'. В мунджанском — в диалекте мунджи — различаются личные показатели (также энклитического происхождения) 2-го лица единственного числа: при переходных *-ət*, при непереходных *-āy*: *tə yūyət* 'ты унес', *tu oçəyāy* 'ты пришел'; в диалекте йидга такого различия нет: *açuyit* 'ты пришел', *vədet* 'ты принес' (табл. 20).

Таблица 21

Формы прошедшего времени и перфекта ягнобского языка

Прошедшее время		Перфект	
непереходный глагол <i>saw</i> — 'идти'	переходный глагол <i>kun</i> — 'делать'	непереходный глагол <i>lir</i> — 'уходить'	переходный глагол <i>wil</i> — 'видеть'
Ед. число			
1-е л. <i>a-šaw-im</i>	<i>a-kun-im</i>	<i>tōrta-īm</i>	<i>wēta-m-x</i> 'я его видел' <i>wēta-m-ōr</i> 'я их видел'
2-е л. <i>a-šaw-i</i>	<i>a-kun-i</i>	<i>tōrta-išt</i>	<i>wēta-t-x</i> 'ты его видел'
3-е л. <i>a-šaw</i>	<i>a-kun</i>	<i>tōrta-x(ast)</i>	<i>wēta-š-im</i> 'он меня видел' <i>wēta-š-išt</i> 'он тебя видел' <i>wēta-š-x</i> 'он его видел' <i>wēta-š-ōr</i> 'он их видел'
Мн. число			
1-е л. <i>a-šaw-ōm</i> (зап.) <i>a-šaw-im</i> (вост.)	<i>a-kun-ōm</i> <i>a-kun-im</i>	<i>tōrt-ōm</i>	
2-е л. <i>a-šaw-ti</i> (зап.) <i>a-šaw-si</i> (вост.)	<i>a-kun-ti</i> <i>a-kun-si</i>	<i>tōrt-ōt</i> <i>tōrt-ōs</i>	
3-е л. <i>a-šaw-ōr</i>	<i>a-kun-ōr</i>	<i>tōrt-ōr</i>	

В ягнобском языке формы перфекта и плюсквамперфекта непереходных глаголов выражают лицо и число субъекта личными окончаниями — энклитическими местоимениями (личные окончания при этом передают лицо и число объекта, прим. см. на стр. 231). В осетинском языке переходность — непереходность выражается различием окончаний — исторически — форм глагола «быть» в настоящем времени (см. табл. 23).

В памирских языках различие переходности — непереходности происходит синтаксическими средствами: оформлением субъекта и объекта, т. е. номинативной или эргативной конструкцией (подробнее см. ниже). Эта конструкция в ряде языков (пушту, язгулямском,

бартангском, мунджанском — в мунджи) сопутствует и морфологическому выражению в них переходности—непереходности⁴⁸.

Обращает на себя внимание тот факт, что глагольные формы, выражающие прошедшее время, но не образующиеся от упомянутых исторических причастий, не различают переходности—непереходности морфологически и требуют всегда номинативной конструкции в синтаксисе. К ним относятся, например, формы прошедшего времени с аугментом в ягнобском, образованные от основы, а не исторического причастия (*atifar ʔayukeʃ* 'отдал он свою дочь?'; *kampir aʃaw kúteʃ* 'старуха пошла к себе домой'), или формы прошедшего длительного в мунджанском, образованные от форм настоящего вре-

Таблица 22

Спряжение глаголов в прошедшем времени в пушту

Непереходные глаголы	Переходные глаголы		
	без объекта	с объектом	
		субъект — местоименная энклитика	субъект-местоимение
Ед. число <i>zə rāʔl-əm</i> 'я пришел' <i>tə rāʔl-e</i> 'ты пришел' <i>day rāʔəy</i> 'он пришел' <i>də rāʔl-a</i> 'она пришла' Мн. число <i>muʒ rāʔl-ū</i> 'мы пришли' <i>təsi rāʔl-dst</i> 'вы пришли' <i>duy rāʔl-əl</i> 'они (м. р.) пришли' <i>duy rāʔl-ələ</i> 'они (ж. р.) пришли'	<i>mā likəl</i> 'я писал' <i>tā likəl</i> 'ты писал' <i>də vūvaʔəl</i> 'он сказал' и т. д.	<i>tə mi bottl-e</i> 'я тебя отвез' <i>dā di bottl-a</i> 'ты ее отвез' <i>zə ye bottl-əm</i> 'он меня отвез' <i>tə ye bottl-e</i> 'он тебя отвез' <i>day ye bottl</i> 'он его отвез' <i>dā ye bottl-a</i> 'он ее отвез'	<i>ma tə bottl-e</i> 'я тебя отвез' <i>tā zə bottl-əm</i> 'ты меня отвез' <i>də tə bottl-e</i> 'он тебя отвез'
		<i>muʒ ye bottl-u</i> 'он нас отвез' <i>təsi ye bottl-dst</i> 'он вас отвез' <i>duy ye bottl-əl</i> 'он их (м. р.) отвез' <i>duy ye bottl-ələ</i> 'он их (ж. р.) отвез'	

Таблица 23

Непереходный глагол <i>kəʔlən</i> 'литься'		Переходный глагол <i>kəʔlən</i> 'лить'	
ед. число	мн. число	ед. число	мн. число
1-е л. <i>kald-tən</i>	<i>kald-əstəm</i>	<i>kald-ton</i>	<i>kald-tam</i>
2-е л. <i>kald-tə</i>	<i>kald-əstut</i>	<i>kald-tay</i>	<i>kald-tat</i>
3-е л. <i>kald(-is)</i>	<i>kald-əstə</i>	<i>kald-ta</i>	<i>kald-toy</i>

⁴⁸ В парачи и ормури переходность—непереходность оформляется и различием в спряжении: непереходные глаголы выражают лицо и число связками, превратившись здесь в личные окончания: ормури (*w*)*ustukum* 'я встал', парачи *āyēt* 'я пришел', переходные — местоименными энклитиками (см. выше). Оба языка имеют эргативную конструкцию.

мени прибавлением *viya* 'был' (мунджи *zə dəuət viya* 'я бил', йидга *zə xūben wīnem-este viyo* 'я видел сон')⁴⁹.

В некоторых языках шугнано-рушанской группы (шугнанском, сарыкольском, орошорском), в ишкашимском языке и в диалекте йидга⁵⁰ переходность — непереходность не различается.

НЕЛИЧНЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ

Неличные глагольные формы представлены инфинитивами, причастиями и деепричастиями. В некоторых языках в качестве неличной формы глагола выступает самостоятельно и основа прошедшего времени (историческое причастие).

Инфинитивы образуются по языкам различно (см. табл. 24). В одних они связаны образованием с основой прошедшего времени: в пушту (показатель *-əl*: *krəl* 'делать'), в шугнано-рушанской группе (перегласовка и показатель *-ow*; иногда без показателя: *sitow*, *sit* 'идти', 'становиться'), в мунджанском [показатель *-o(w)*: *xuro(w)* 'есть', 'кушать')⁵¹, в других — с основой настоящего времени: в осетинском (показатель *-bn* *kənbŋ* 'делать'), язгулямском (показатель *-aj*: *badáj* 'идти'), ваханском (показатели *-ak*, *-n*, *-g* и др.: *sərak* 'делать', *pitn* 'пить', *wing* 'видеть'), ишкашимском (показатели *-uk*, *-ik*: *frasúk* 'спрашивать', *misuk* 'спать'). В ягнобском инфинитив образуется от единой основы (от глагола 'делать' употребляется основа *kar-*) показателем *-ak* (*karak* 'делать', *xarak* 'есть'). Инфинитив выступает во всех восточноиранских языках и как глагол, и как имя действия, потому может употребляться с предлогами и послелогоми и изменяться по падежам.

Причастия представлены во всех языках различными формами, употребляющимися одни — самостоятельно, другие — только в составе сложных глагольных форм. Образуются от основ настоящего и прошедшего времени. Древние причастия прошедшего времени на **-ta* и **-ta-ka* в большинстве языков превратились в основы прошедшего времени и перфекта. Исключение представляет ягнобский, где нет основы прошедшего времени, а древнее причастие на **-ta* сохраняется и поныне (примеры см. выше). Современные причастные показатели и самые системы причастий (т. е. количество и функции) настолько разнообразны по языкам и даже диалектам, что их обобщение весьма затруднительно (см. табл. 24).

Деепричастия и причастно-деепричастные формы отмечаются в ягнобском, язгулямском и осетинском, обозначают действие, сопутствующее главному действию предложения. Деепричастий, выражающих действие, предшествующее действию основного глагола (типа русских деепричастий прошедшего времени), в восточноиранских языках не прослеживается.

Глагольная основа в функции неличных глагольных форм прослеживается в отдельных языках — ягнобском, язгулямском, ваханском, шугнано-рушанской группе.

В ягнобском и шугнано-рушанской группе она употребляется как

⁴⁹ Ср. парачи имперфект *kantōn astam* 'я делал', *n'astō hastam* 'я сидел'.

⁵⁰ В парачи, кроме того, различается одушевленность—неодушевленность в форме связки 3-го лица: при субъекте одушевленном употребляется спрягаемая связка *h-* [ед. ч. *hā*, мн. ч. (*h*)*ēn*], при неодушевленном — связка *sī*.

⁵¹ В парачи и ормури инфинитив также образуется от прошедшей основы (парачи — показатель *-ō*: *kurō* 'делать', *xārō* 'есть'; *-en*, *-in*: *xaren* 'есть', ормури — показатель *-ōk*: *xanōk* 'смеяться').

Неличные глагольные формы

Язык	Инфинитив	Привчастья, деепривчастья
Пушту	Пр. осн. + -əl: <i>tləl</i> 'идти', <i>lvastəl</i> 'читать'	Прич. наст. вр. — пр. осн. + - <i>unkay</i> (м. р.), - <i>ünke</i> (ж. р.), - <i>ünki</i> (мн. ч.): <i>lvastunkay</i> 'читающий'. Прич. пр. вр. — инф. + - <i>ay</i> (м. р.), - <i>e</i> (ж. р.), - <i>i</i> (мн. ч.): <i>rasedālay</i> 'прибывший'
Мунджанский	Пр. осн. + -o(ш): <i>xuro(ш)</i> 'есть', <i>kəro(ш)</i> 'делать'	Прич. пр. вр. — пр. осн. + - <i>əy</i> : <i>nyostəy</i> 'сидевший', <i>āvezdəy</i> 'приведший'. Мунджи: Прич. пр. вр. — пр. осн. + - <i>ya</i> (м. р.), - <i>yaṭa</i> (ж. р.): <i>nyostəya</i> 'севший', <i>nyāstəyaṭa</i> 'севшая'. Индга: Прич. пр. вр. — пр. осн. + -o: <i>ṭurdo</i> 'взявший', 'взятый'
Ишкашимский	Наст. осн. + -uk, - <i>ūk</i> : <i>misuk</i> 'спать', <i>zonūk</i> 'брать'	Прич. наст. вр. — инф. + - <i>əz</i> : <i>bəlavukəz</i> 'читающий'. Прич. пр. вр. — перф. осн. + - <i>i</i> : <i>vərtūki</i> 'разбивший', 'разбитый'
Ваханский	Наст. осн. + -ak, -n, -g: <i>sərak</i> 'делать', <i>joyn</i> 'читать', <i>marain</i> 'умирать', <i>piḡing</i> 'зажигаться'	Прич. наст. вр. — инф. + - <i>əzg</i> : <i>ryun-kəzg</i> 'пасущий', <i>gəṣakəzg</i> 'идущий', 'собирающийся илти'. Прич. пр. вр. — перф. осн. + - <i>in</i> , - <i>ung</i> : <i>kəṣung</i> 'услышанный', 'услышавший'
Шугнано-рушанская группа	Инф. основа: руш. <i>čīg</i> 'делать'. Инф. основа + -ow: руш. <i>čīgow</i> 'делать'	Прич. пр. вр. — перф. осн. + - <i>īn</i> (руш., хуфск., барт., орош.), - <i>in</i> (шугн.), - <i>enj</i> (сарык.): <i>nivišēīn</i> , <i>nivišēin</i> , <i>nivišēenj</i> 'сидевший'. Род выражается основой: руш. <i>ṣāvjiṇ</i> 'спящий', <i>ṣevziṇ</i> 'спящая'. Перф. основа без показателей: хуфск. <i>pō-vūšē</i> 'не привязанный'. Прош. основа без показателей: руш. <i>pō-rēxt</i> 'не сваренная'. Прич. наст. вр. — наст. осн. + - <i>on</i> (руш.), - <i>īn</i> (бадж.), - <i>ōn</i> (барт.): <i>ḡāḡōn</i> , <i>ḡāḡīn</i> , <i>ḡāḡōn</i> 'драчун', 'драчливый'
Язгулямский	Наст. осн. + <i>aj</i> : <i>kəṇdāj</i> 'делать', <i>nīdāj</i> 'сидеть'	Прич. пр. вр. — пр. осн. + - <i>a(g)</i> : <i>ṣə-dā(g)</i> 'ушедший', <i>raṣ'a(g)</i> 'сваривший', 'сваренный'. Прич. пр. вр. — пр. осн. + - <i>agin</i> : <i>ṣə-dagin</i> 'ушедший', <i>raṣ'agin</i> 'сваренный'. Прич. наст. вр. — наст. осн. + - <i>ek</i> : <i>zayēk</i> 'собирающийся прийти', 'приходящий'. Прич. наст. вр. — наст. осн. + - <i>on</i> : <i>waṭōn</i> 'всегда плачущий', 'плаксивый'. Прич. наст. вр. — наст. осн. + - <i>ag</i> : <i>raṣsag</i> 'желающий спать', <i>xə'arag</i> 'желающий есть', 'голодный'. Деепричастие наст. вр. — наст. осн. + - <i>art</i> : <i>ṭazart</i> 'бегом', <i>ṭəṭawart</i> 'плача'

Язык	Инфинитив	Причастия, деепричастия
Ягнобский	Чистая основа: <i>x^oar</i> 'кушать', <i>nīd</i> 'сидиться'. Основа + -ak: <i>x^oarak</i> 'кушать', <i>nīdak</i> 'сидиться'	Прич. наст. вр.—осн. + -na: <i>šawna</i> 'текущий', <i>karna</i> 'делающий', <i>kupna</i> 'делаемый'. Прич. пр. вр.—осн. + -ta, -t: <i>wēta</i> , <i>wēt/d</i> 'увиденный', <i>ēta</i> , <i>ēt/d</i> 'пришедший'. Прич. пр. вр.—осн. + -ta-gī: <i>vastagī</i> 'связанный'. Деепричастие наст. вр.—осн. + -ki: <i>karki</i> 'делая', <i>dēhki</i> 'избывая'. Деепричастие наст. вр.—осн. + -on: <i>paron</i> 'летая'
Осетинский	Наст. осн. + ын: <i>kənp</i> 'делать', <i>səgyp</i> 'жить'	Прич. наст. и пр. вр.—наст. осн. + -æg: <i>fəssæg</i> 'пишущий', <i>naʃfəssæg</i> 'написавший'. Прич. пр. вр. пасс. и имя действия—наст. осн. + -t, -d: <i>fəst</i> 'написанный', <i>xərd</i> 'еда'. Прич. буд. вр. акт. и пасс.—наст. осн. + -inag: <i>fəssinag</i> 'намеревающийся написать', 'то, что должно быть написано'. Прич. наст. вр.—наст. осн. + -ag: <i>tərsag</i> 'пугливый'. Прич. наст. вр.—наст. осн. + -on: <i>baron</i> 'прощающий'. Прич.-дееприч. форма наст. вр.—наст. осн. + -gə: <i>ducgə</i> 'дойная', <i>xudgə</i> 'смеющийся', 'смеясь'

инфинитив (в последней группе в этой функции выступает инфинитивная основа), приобретая соответствующие именные показатели: в ягнобском — падеж (косв. пад. *x^oari* от осн. *x^oar* 'есть', *xūri rasi jaxōmišt* 'я встаю на восходе солнца'), в шугнано-рушанской группе — служебные слова: руш. *az day... sawdō ·ēīg luvum didi...* 'об этой... торговле я скажу, что...'. В язгулямском основа прошедшего времени употребляется в историческом значении причастия прошедшего времени: *nī cīl na-əncūvd raɣd* 'моя косынка несшитой осталась'. В шугнано-рушанской группе в этой функции отмечается употребление перфектной основы (хуфск. *yaʷ vūrj nō-vūsč-að rīd* 'та лошадь осталась непривязанной') и прошедшей (руш. *ya dš ɣal nō-pɜxt* 'лапша еще не сварилась'), в ваханском — перфектной.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ГЛАГОЛОВ

Словообразование глаголов в восточноиранских языках различно. Глаголы делятся на простые и сложные. Простые глаголы по образованию можно подразделить на корневые (где не прослеживается словообразовательных элементов, например: осет. *kənp* 'делать'), суффиксальные и префиксальные. К суффиксальным относятся прежде всего каузативные глаголы (образованные от переходных) и ряд переходных глаголов, образованных суффиксально от непереходных. Образующие их суффиксы, присоединяемые к основе настоящего времени, различаются по языкам, однако прослежи-

ваются и некоторые общие: 1) суффикс *-en* (шугн., руш., хуфск.), *-on* (барт., орош.), *-on* (сарык.) соответствует *-an* в язгулямском, например: руш. *ḫōy: ḫēyt* 'учиться' — *ḫayēn: ḫayēnt* 'обучать', язг. *rāf: rāft* 'драться' — *rāfān: rāfānt* 'натравливать'; 2) суффикс *-aw* в пушту, язгулямском, *-ov/-ow* (мунджи), *-iv* (йидга) — в мунджанском, *-iw* в ваханском, например: пушту *lwastəl* 'читать' — *lwalawəl* 'заставлять читать', 'обучать'; вах. *ṭat-* 'достигать' — *ṭatw-*, *ṭatw-* 'доставлять', язг. *wəzod* 'погас' — *wəzawd* 'погасил'⁵².

Префиксальное образование глаголов в настоящее время отмечается только в пушту и осетинском⁵³. В пушту префиксы имеют самые разнообразные значения (например: *kavəl* 'делать' — *prekavəl* 'резать', *nivəl* 'ловить' — *rānivəl* 'покупать'), но продуктивность их невелика и ограничивается небольшим кругом глаголов, кроме префиксов типа *yo-*, придающих глаголу значение совершенного вида (ср. *vṛəl* 'нести' — *yovṛəl* 'уносить', о префиксе *vi-* см. стр. 236).

Осетинские глагольные префиксы (прсвербы) имеют одновременно видовое и локальное значения, аналогично русским, однако при глаголах движения они более точно локализуют действие, указывая на положение говорящего по отношению к движущемуся лицу или предмету: *a-cəḍ* 'вышел' (говорящий внутри), *ra-cəḍ* 'вышел' (говорящий снаружи), *ba-cəḍ* 'вошел' (говорящий снаружи), *ərba-cəḍ* 'вошел' (говорящий внутри), *ər-cəḍ* 'сошел', 'спустился' (говорящий внизу), *ḡ-cəḍ* 'сошел', 'спустился' (говорящий наверху)⁵⁴.

Образование простых отыменных глаголов отмечается в ряде языков, например: пушту *joredəl* 'строиться', 'делаться', *foravəl* 'строить', 'делать' от *for* 'здоровый', 'сделанный', руш. *fāmtōw* 'понимать', 'знать' от *fām* 'понимание', язг. *tələbāj* 'просить', 'искать' от *talab* 'просьба' и т. п.

Сложные глаголы в восточноиранских языках представлены в основном именными, например: пушту *nəḣde kedəl* 'приближаться' (*nəḣde* 'близкий'), руш. *jidō sitōw* 'отделяться' (*jidō* 'отдельный'), язг. *paḫt k'ənaJ* 'разбить' (*paḫt* 'разбитый'), мундж. *āwāz kən-* 'шуметь', 'кричать' (*āwāz* 'звук', 'голос', 'шум'), вах. *siyat cəṛāk* 'вылечить' (*siyat* 'здоровый'), осет. *хиьт кəһьп* 'пахать' (*хиьт* 'пашня', 'поле')⁵⁵.

Сложновербальные глаголы встречаются значительно реже. Сложнодеепричастные глаголы в восточноиранских языках почти не отмечаются. Их заменяют здесь парные глаголы, в которых спрягаются оба компонента, например: ягн. *atisim aḣōw* 'я вошел сюда' (букв. 'я вошел пришел'), *atisim atir* 'я вошел туда' (букв. 'я вошел ушел'), язг. *rəḣlən-a badlən* 'убегу' (букв. 'побегу-и уйду'). Сложнодеепричастные глаголы прослежены только в язгулямском: *ṣazarm ṣod* 'побежал' (букв. 'бежа пошел')⁵⁶.

⁵² Ср. суффиксы *-aw* в ормури, *-ēw* в парачи (например: парачи *p'er-* 'вернуть-ся' — *p'erēw-* 'повернуть').

⁵³ В других языках, например в шугнано-рушанской группе и язгулямском, отмечается большое количество глаголов с омертвевшими историческими префиксами.

⁵⁴ Подробнее см.: В. И. Абаев, Грамматический очерк осетинского языка, — в кн.: «Осетинско-русский словарь», Орджоникидзе, 1962, стр. 594—598.

⁵⁵ Ср. парачи *ker kurō* 'работать' (*ker* 'дело', 'работа'), ормури *ḫau dāk* 'спать' (*ḫau* 'сон').

⁵⁶ Ср. аналогичное явление в парачи *hala kanen dya* 'он прибежал' (букв. 'бежа пришел').

Предлоги и послелоги отмечаются практически во всех восточноиранских языках. В тех языках, где есть падежи (см. выше), они конкретизируют значения падежных форм; в тех языках, где падежей нет, предлоги и послелоги являются основным средством оформления синтаксических отношений имен (в сочетании с такими средствами, как порядок слов в предложении и интонация).

Интересной чертой ряда восточноиранских языков является слияние некоторых предлогов и послелогов с местоимениями: вах. *a-d-æt* 'именно-в-этом', *a-r-a* 'именно-в-том', *skæt* 'в него' (<*sək-yæt*); шугн. *tu-rd* 'мне', *tu-nd* 'у меня', 'мое' и т. п.⁵⁷.

В отдельных восточноиранских языках предлоги и послелоги ставятся непосредственно при имени существительном, разбивая при этом определительное сочетание, например: пушту *də Spingrə pə sīma ki* 'в районе Спингара', сарык. *tilu pa jom* 'в золотой сосуд', руш. *xu par cēm* 'своими глазами', йидга *mən tra zil astet* 'в моем сердце есть'.

В некоторых языках имена в функции прямого дополнения оформляются предлогами (в мунджанском, бартангском, язгулямском) или префиксальными показателями предложного происхождения (в язг. *š(ə)-/ž(ə)-* < **hača* при местоимениях; в орош. и сарык. *a < az < *hača*). Они употребляются, как правило, тогда, когда прямое дополнение выражает определенный предмет или лицо (см. употребление персидского послелога *-ra*)⁵⁸: йидга *vo šir maščet* '[они] убили льва', мунджи *waf va wan nēna mōškat* 'они убили его мать', барт. *wī az-um qīwd* 'он ее позвал', язг. *ž-món-ay wint* '[он] меня увидел', орош. *a-wī zoxt* '[он] его взял'.

В пушту принадлежность также выражается предлогами: *də Spingrə pə sīma ki* 'в районе Спингара'⁵⁹.

Почти в каждом языке помимо простых предлогов и послелогов встречаются отыменные. Это имена, в той или иной мере потерявшие значение: язг. *pæred* 'перед', 'возле', шугн. *bīr* 'под' (<'внизу'), осет. *sār* 'над', 'на' (<'голова', 'верхушка') и т. п. За счет отыменных предлогов и послелогов пополняется предложно-послеложная система языков.

Союзы значительно различаются по языкам. Из наиболее общих можно выделить только сочинительный союз, происходящий из **utā*: ягн. *-at*, *-t*, *-a*, язг. *-ata*, *-at*, *-a*, шугн.-руш. *at*, *-at*, *atā*, *-atā*, вах. *-(ə)t*, ишк. *-(b)t* — и подчинительный (из местоимения): ягн. *čō*, язг. *čə*, шугн.-руш. *ca*, вах. *cə*, ишк. *ce*, пушту *či*, *če*⁶⁰.

Частицы также резко различаются по языкам. Наиболее общей является отрицательная частица, представляющая во всех восточноиранских языках образования от *n-*, кроме мунджанского, где отрицание звучит как *čəš* (ср. отрицание при глаголе, стр. 233).

МЕЖДОМЕТИЯ

Междометия крайне различны по языкам. Единой системы междометий не прослеживается. В роли междометий употребляются

⁵⁷ Ср. аналогичное явление в согдийском и ряде живых лардских языков.

⁵⁸ Так же в парачи и ормури: парачи *ma dut-ē g'it* '[он] взял его дочь', ормури *ku kitāb bu awīm* 'я читаю [эту] книгу'.

⁵⁹ Ср. аналогичную конструкцию в ормури: *žē dukandar la grām di* 'от лавочника деревни'.

⁶⁰ Ср. парачи *če*.

как отдельные гласные с соответствующей интонацией (удивления, испуга, радости и т. д.), так и целые словосочетания, являющиеся формулами клятв, проклятий, приветствий и т. п.

СИНТАКСИС

ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Построение простых предложений в восточноиранских языках тесно связано с наличием в большинстве из них (кроме осетинского, ишкашимского и некоторых языков шугнано-рушанской группы: шугнанского, орошорского и сарыкольского) эргативной конструкции. Типы ее по языкам различны. В пушту отмечается самый «классический» тип эргативной конструкции: субъект выражается именем в косвенном падеже без предлога, объект — в прямом падеже, глагол согласуется в лице, числе и роде с объектом (при его отсутствии эти категории отсутствуют и в глаголе): *mā maktub likāy* 'я писал(а) письмо', но *mā likāl* 'я писал(а)'⁶¹, *kārigarāno ittī-sāb vūkār* 'рабочие объявили забастовку'. В номинативной конструкции субъект и объект оформляются прямым падежом, глагол согласуется с субъектом: *zā maktub likām* 'я пишу письмо'.

В мунджанском языке подлежащее в эргативной конструкции также стоит в косвенном падеже, и глагол имеет объектное согласование, в остальных памирских языках глагол согласуется с субъектом, причем, если в функции подлежащего употребляется местоимение, оно в большинстве языков (кроме ишкашимского, сарыкольского, орошорского и шугнанского) ставится в косвенном падеже. В функции объекта местоимения также ставятся в косвенном падеже. Объект может в ряде языков оформляться предлогами (см. выше). Примеры: мундж. — мунджи *mən... rūpayā ləyām* 'я дал рупию', *mən va čorvooy... vādām* 'я увёл барана', *Saldān mən lūda ɣərəvd* 'Саид взял мою дочь', вах. *maž sav-ər nan wəzomdəy* 'я привел вам мать', *taw maž čaldəy tər xə jay, maž xəttəy ki xub* 'ты пригласил меня к себе, я сказал — хорошо' (чаще здесь употребляется номинативная конструкция: *wuz xə-əm yitk-əm* 'я съел хлеб'), руш. *tu kitōb xeyč* 'я прочитал книгу', язг. *mūn š-tu wint* 'я тебя видел', *tu ž-mūn wint* 'ты меня видел', *mī nān ž-im ɣad* 'ее мать позвала ее', *mōn ti ded na-winta* 'я не видел твоего отца'⁶².

В рушанском и хуфском языках шугнано-рушанской группы и язгулямском языке при наличии в предложении подлежащего в косвенном падеже связка неупотребительна⁶³. Однако в речи отмечается частое «нарушение» правил эргативной конструкции и контаминация ее с номинативной, которая выражается в употреблении энклитик и при наличии подлежащего в этих языках (например: руш. *tu-yam xəyt* 'я читал'). Частое употребление именительного падежа субъекта в йидга и ваханском (и нередко — в других языках этой группы, особенно в речи молодежи) также свидетельствует о замет-

⁶¹ Ср. согласование в ормури глагола эргативной конструкции: в канигурамском диалекте — с объектом, в логарском — с субъектом: *az ku še saray(-am) nɣawōk-e* 'я убил человека'.

⁶² Ср. аналогичное построение в парачи: *mōn ma tō d'ōr* 'я тебя видел'; *wā ma tūn d'ōr* 'видел ли ты меня'; *Jinč-e ma Sultān Māmūd na-d'ōr* 'его жена не видела Султана Махмуда'.

⁶³ В парачи в эргативной конструкции с местоименным подлежащим местоименная энклитика также отсутствует; в ормури она становится факультативной.

ной тенденции к контаминации этих конструкций. Кроме того, тот факт, что в памирских языках и переходные глаголы в прошедших временах выражают лицо и число не старой связкой, а новыми показателями-связками, происшедшими в большинстве из связок и энклитик, также указывает на приближение типа спряжения переходных глаголов к переходному.

В ягнобском языке эргатив в формах, образованных от причастий на **-ta*, выражается в постановке энклитического местоимения, выражающего субъект, и в форме имен, выражающих субъект (имя-объект оформляется прямым падежом, если оно выражает неопределенный предмет, и косвенным, — если определенный): *Sattōri ēdu ūxta-x či bōzōri* 'Саттор принес чай с базара', *na-m wēta-x* 'я его не видел'. Кроме эргативной в ягнобском языке отмечается особая посессивная конструкция на базе инфинитива, субъект которой также выражается косвенным падежом имени: *Rahmōni γōrak ōu* 'Рахмон смотрел' (букв. 'у Рахмона было смотрение'), *kampīri nōni pā-čak ōu* 'старуха печла хлеб' (букв. 'у старухи хлеба печенье было').

Номинативная конструкция также неодинакова по языкам: если в памирских языках лицо и число в прошедших временах даже в номинативной конструкции выражены связками — историческими связками и энклитиками, то в остальных языках они выражены личной флексией (в ряде случаев — из исторических связок).

Именные сочетания в восточноиранских языках довольно однотипны. Определения ставятся, как правило, перед определяемыми (как качественные, так и относительные, выраженные прямым или косвенным падежом имени прилагательного или существительного): пушту *də dabāri skārā* 'каменный уголь', *sur bayrāγ* 'красное знамя', *sra pāna* 'красный лист', ягн. *nihit pūllōti dōdō* 'отец этих мальчиков', руш. *rāšt mawṇ* 'красное яблоко', *wurj kol* 'голова волка', *dād daw tā kattā dārē* 'те две твои большие палки', язг. *ni ded(i) kūd* 'дом моего отца', *rūšt(i) piyalā* 'красная пиала', вах. *yaw dāγd* 'его дочь', ишк. *sbrx šavi* 'красное платье', мундж. *γāšəu odām* 'хороший человек', *kāmdir vərou* 'младший брат', осет. *bəzond xox* 'высокая гора', *yə čəzjə* 'свою дочь'⁶⁴. Однако в отдельных случаях отмечается постпозиция определения: в мунджанском языке определение по принадлежности ставится в постпозиции, оформляясь предлогами *žy* или *nə*: *wa sahob žy škurin* 'тот хозяин верблюда', *yiro nə škurin* 'рот верблюда'. В язгулямском часто встречается постпозитивное изафетное оформление определения (однако реже, чем препозитивное): *γačāgi cəgag/cəgág(i) γačāg* 'маленькая девочка', *xi kūdi qatól/xi qatol(i) kūd* 'свой большой дом'. В ишкашимском, ваханском и мунджанском также отмечаются случаи употребления изафетной конструкции: ишк. *čyllá-yi štok* 'кольцо девушки'⁶⁵.

С определительными сочетаниями связана большая часть пролептических построений, встречающихся в восточноиранских языках. Они строятся по принципу «разрыва» определительного сочетания и повторения определения в виде замещающего его слова, обычно — местоимения или местоименной энклитики, например: ягн. *makša*

⁶⁴ Ср. парачи: *tān bāwika γus* 'дом твоего отца', *ēññō γus* 'маленький дом ормури', *spēw yāsp* 'белая лошадь', *tar tū ta pē nēr* 'дом твоего отца'.

⁶⁵ Ср. случаи постпозиции в ормури: *šē dukandār ta grām di* 'от лавочника деревни', и частое употребление изафетной конструкции в парачи: *ōsp-e č'ařōka žin* 'седло белой лошади', *panān-e durin* 'длинной дорогой'.

pōdōt-iš ʔafs vōt 'теленки его ноги потолстеют', руш. *way mi guyd! virōdā yā way kattā ērd* 'того моего старшего брата тот его большой дом', *mi pīdā way ērd* 'моего отца его дом', язг. *qalam-fār-əm way toxm na-vyūg* 'перца — я его семян не нашла', *mon sārāy ni kāl inkō-ay rūvn kēg ki!* 'мне утром моя голова так болела!'.
 В ряде случаев пролептические сочетания не связаны с определенной конструкцией: язг. *ni ded — inkō ʔəqīā mad way-ra* 'мой отец — с ним случилось такое происшествие', *yūki ʔéw-u ʔéwi xəb* 'этот бык — хороший бык'.

Во многих восточноиранских языках отмечаются причастные и инфинитивные сочетания. Они делятся на две категории. Одна выступает в функции предикативных сочетаний, пополняя собой систему глагольных форм, например: понудительные обороты с инфинитивом (*xəgən kəpən* 'кормить') в осетинском, обороты со значением начала действия (*šāwi vut* 'продолжайте идти') и с различными модальными оттенками (*šawt vūtišt* 'он может пойти') в ягнобском, инфинитивные обороты со значением возможности (*x arāj-a na-mit* 'нельзя есть'), начала действия (*if-ar x arāj nuḡ rikōr awwād* 'они только что начали есть'), причастные обороты намерения (*badək-əm vad* 'я собирался идти') в язгулямском и т. п.

Другая особенность причастных и инфинитивных сочетаний состоит в употреблении причастия или инфинитива в функции именных членов предложения (подлежащего, дополнений, обстоятельств и т. п.) при наличии у них своих второстепенных членов (дополнений и обстоятельств), например: ягн. *maḡar bōyi zōyi ārki kar obōdōn-x?* 'разве приятно делать работу на земле бая?', *aʔōkay šaw-at-vō-waki du mōhi ʔaxt darkōr ast* 'нужно два месяца времени, [чтобы] сходить туда и вернуться', язг. *kī-u ʔiḏēk ba sārī mūl?* 'кто это бросающий в меня [абрикосами]?', *xi ziriyōt qatāy i ʔéxi kūd asén ti-ra badāj?* 'легко ли тебе идти в дом мужа со своим ребенком?'.

Порядок слов в предложении во всех восточноиранских языках весьма свободен. Общие тенденции таковы: сказуемое тяготеет к концу предложения (за исключением глагольных частиц и исторических местоименных энклитик, которые тяготеют к началу, присоединяясь обычно к первому ударному слову или синтагме предложения), определение стоит перед определяемым (кроме изафетных построений), подлежащее обычно ставится в начале предложения, но если в предложении есть обстоятельства времени и места, они в стилистически нейтральной речи стоят перед подлежащим. Порядок остальных членов предложения свободен. Примеры: шугн. *šāb-ən dištā-ti māš pālī-ndir ōu-ga jamāt xu bīr ʔéʔ* 'ночью на крыше возле нас еще две семьи расположились'; ягн. *du lavānd vōta — išt vir, išt inč* 'были два лентяя — муж и жена', мундж. *wa kāmdir v'-royan va māškaru nā čaroyān vud* 'младший брат водил теленка на пастбище', пушту *də vūčo dagūno də dāšto av miró lə cānga loy sind bahēzi* 'сбоку от засушливых лугов, степей и пустынь большая река течет'.

СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Сложные предложения строятся довольно однотипно по всем восточноиранским языкам. Сложносочиненные предложения во всех языках соединяются как союзным способом, так и без союзов, толь-

ко интонацией: мундж. *mardūmān va waf izo ləyyat, čəṣivdāt* 'люди их изругали, [они] вернулись', пушту *vraži dēri [līi rāṣli ve ṛāṭa žalāy ham vārsara malgāre va lə ṛarmē na tər mīšāma pūri xvarā saxta variyā višva* 'дни стали короче, шел крупный, крупный град, с полдня до вечера был очень сильный дождь', руш. *uḍ tar māš xīz ya, uḍ xi puc rīmau* 'или ты приходи к нам, или же пошли своего сына', язг. *lf-an əndā-at āz-əm yāt* 'они там, а я пришел', осет. *stʸr uarɣn arɣɔd əm dənttə rayvɫdɔstʸ* 'прошел сильный дождь, и реки разлились'.

Сложноподчиненные предложения соединяются чаще союзным способом: мундж. *wa vʹrōyaf lāškāṭ kə wa kāmdir vʹroy sʹk škura səwōr šəy, ōṭəy* 'братья увидели, что младший брат на верблюда сел, приехал', пушту *zə har čā xvašavəm čē də vatān də pāra xidmāt kavī* 'я люблю каждого, кто служит родине', ягн. *māna šarti-m var, ṛayk-im taṣ* 'если исполнишь мои условия, моя дочь — твоя', язг. *tow agar na-lafay, az-a na-ṛarin* 'если ты не скажешь, я не дам'.

Косвенной речи в восточноиранских языках почти нет. Чужая речь передается в сложноподчиненном предложении, где главное содержит слова автора ('он сказал, что...', 'он подумал, что...' и т. п.), а придаточное дополнительное — прямую речь, присоединяющуюся к главному как союзами, так и бессоюзным способом: руш. *tā-re-yi čīz luvd: tar ka sām* 'тебе он что сказал: куда он пойдет?' (букв. 'куда я пойду'), мундж. *wān šta kə: e vʹrōy, nə podšō-an arz čī kən* 'он сказал: «брат, не жалуйся царю»', язг. *počo tamoḥō keg: ni ḍōṛdi gāp-ay māqul* 'посмотрел царь: «Слова моей дочери приемлемы»'.

ЛЕКСИКА

Лексика восточноиранских языков меньше подверглась влиянию арабского и тюркских языков, чем лексика западноиранская, в особенности — персидская и таджикская. Основу ее составляют исконно иранские слова, например, большая часть глаголов, числительные (особенно первый десяток), термины родства и т. п., как правило, являются не заимствованными. Однако определенное количество заимствований имеется, и характер их тесно связан с месторасположением и контактами каждого данного языка: осетинский язык имеет большое количество заимствований из кавказских языков: *byl* 'губа', *bəx* 'лошадь', *ag* 'котел' и т. п. и — более поздних — из русского: *stʹol* 'стол', *pes* 'печь', *kʹamis* 'комиссия' и т. п. Языки, находящиеся в непосредственном контакте с таджикским (ягн.) и дари (пушту), прослеживают большое количество таджикских слов: ягн. *surx* 'красный', *seb* 'яблоко', пушту *arām* 'спокойный', *kār-xānā* 'завод'. В памирских языках таджикских заимствований значительно меньше, но они есть, и количество их с годами возрастает, как и в ягнобском. Арабские заимствования в восточноиранских языках охватывают в основном культурный слой лексики и заимствуются преимущественно через таджикский язык: *talaba, talabā* 'ученик', *taktūh* 'школа' и т. д. В последние годы наблюдается большое влияние русской лексики на ягнобскую и памирскую (руш. *balnic*, язг. *bal-nic* 'больница', *kalxōz* 'колхоз' и т. п.), а также появление большого количества интернациональной лексики (через русский и таджикский): *duxṭūr* (язг. *dəxtār*) 'врач', *pilōn* 'план', *metər*, язг. 'метр'.

Определенное количество тюркской лексики наблюдается в па-

мирских языках: как из киргизского, так и (особенно — в сарыкольском) из уйгурского, и в ягнобском (из узбекского).

В лексике пушту, а также парачи и ормури кроме заимствований из дари отмечаются арабские слова (через дари), например: пушту *mualim* 'учитель', *tamlakāt* 'страна', заимствования из индийских языков: пушту *ripāu* 'деньги', 'рупия', *Jo-ā* 'пара', из тюркских и монгольских: пушту *arabā* 'телега', *karāul* 'караул'. В пушту отмечаются также заимствования из западноевропейских языков (например: *tilifūn* 'телефон', *film* 'фильм', *gávarner* 'губернатор') и из русского (*spútnik* 'спутник', *samovār* 'самовар' и др.).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абаев I — Абаев В. И., Грамматический очерк осетинского языка, Орджоникидзе, 1959.
- Абаев II — Абаев В. И., Грамматический очерк осетинского языка, — в кн.: Осетинско-русский словарь, Орджоникидзе, 1962.
- Абасв III — Абаев В. И., Осетинский язык и фольклор, т. I, М.—Л., 1949.
- Анд., Пеш. — Андреев М. С. и Пещерова Е. М., Ягнобские тексты (с приложением ягнобско-русского словаря, составленного М. С. Андреевым, В. А. Лившицем и А. К. Писарчик), М.—Л., 1957.
- Грюнберг — Грюнберг А. Л., Языки Восточного Гиндукуша. Мунджанский язык, Л., 1972.
- Грюн., Ст.-Кам. — Грюнберг А. Л., Стеблин-Каменский И. М., Языки Восточного Гиндукуша. Ваханский язык, М., 1976.
- Дворянков — Дворянков Н. А., Язык пушту, М., 1960.
- Зарубин I — Зарубин И. И., К характеристике мунджанского языка, — «Иран», т. I, Л., 1927.
- Зарубин II — Зарубин И. И., Шугнанские тексты и словарь, М.—Л., 1960.
- Исаев — Исаев М. И., Дигорский диалект осетинского языка, М., 1966.
- Карамхудоев — Карамхудоев Н., Бартагский язык, Душанбе, 1973.
- Карамшоев — Карамшоев Д., Баджувский диалект шугнанского языка, Душанбе, 1963.
- Климчицкий — Климчицкий С. И., Ваханские тексты, — «Труды Таджикской базы АН СССР», т. III, М.—Л., 1936.
- Курбанов — Курбанов Х., Рошорвский язык, Душанбе, 1976.
- Лебедев — Лебедев К. А., Грамматика языка пушту, М., 1956.
- Опыт — Опыт историко-типологического исследования иранских языков, т. I—II, М., 1975.
- Памироведение — Памироведение. Вопросы филологии, Душанбе, 1975.
- Памир. — Памирские языки и фольклор, I, Душанбе, 1972.
- Пахалина I — Пахалина Т. Н., Ишканимский язык, М., 1959.
- Пахалина II — Пахалина Т. Н., Ваханский язык, — «Языки народов СССР», т. I, М., 1966.
- Пахалина III — Пахалина Т. Н., Сарыкольский язык, М., 1966.
- Пахалина IV — Пахалина Т. Н., Памирские языки, М., 1969.
- Пахалина V — Пахалина Т. Н., Ваханский язык, М., 1975.
- Соколова I — Соколова В. С., Очерки по фонетике иранских языков, вып. II, М.—Л., 1953.
- Соколова II — Соколова В. С., Рушанские и хуфские тексты и словарь, М.—Л., 1959.
- Соколова III — Соколова В. С., Бартагские тексты и словарь, М.—Л., 1960.
- Соколова IV — Соколова В. С., Шугнано-рушанская языковая группа, — «Языки народов СССР», т. I, М., 1966.
- Соколова V — Соколова В. С., Генетические отношения язгулямского языка и шугнанской языковой группы, Л., 1967.
- Соколова VI — Соколова В. С., Генетические отношения мунджанского языка и шугнано-язгулямской языковой группы, Л., 1973.
- Файзов — Файзов М., Язык рушанцев советского Памира, Душанбе, 1966.
- Хромов — Хромов А. Л., Ягнобский язык, М., 1972.
- Шафеев — Шафеев Д. А., Краткий грамматический очерк афганского языка, — в кн. «Русско-афганский словарь», сост. П. Б. Зудин, М., 1955.
- Эдельман — Эдельман Д. И., Язгулямский язык, М., 1966.

- Grierson — Grierson G. A., Linguistic survey of India, vol. X, Specimens of languages of the Eranian family, Calcutta, 1921.
 Lorimer — Lorimer D. L. R., The Wakhi language, vol. I—II, London, 1958.
 Morgenstierne — Morgenstierne G., Indo-Iranian frontier languages, vol. I, Parachi and Ormuri, Oslo, 1929; vol. II, Iranian Pamir languages (Yidgha—Munjil, Sanglechi—Ishkashmi and Wakhi), Oslo, 1938.
 Penzl — Penzl H., A grammar of Pashto. A descriptive study of the dialect of Kandahar, Afghanistan, Washington, 1935.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

барт. — бартагский	наст. осн. — основа настоящего времени
вах. — ваханский	орош. — орошорский
вост. — восточный(-ые)	осет. — осетинский
вр. — время	осн. — основа
гов. — говор(ы)	отл. — отложительный
дат. — дательный	над. — падеж
диал. — диалект	перф. — перфект
ед. — единственное	пр. — прошедшее
ж. р. — женский род	пр. осн. — основа прошедшего времени
зап. — западный(-ые)	прил. — прилагательное
изъяв. — изъявительное	притяжат. — притяжательный
им. — именительный	прич. — причастие
инф. — инфинитив	прям. — прямой
ишк. — ишкашимский	род. — родительный
йид. — йидга	руш. — рушанский
косв. — косвенный	сарык. — сарыкольский
м. р. — мужской род	суф. — суффикс.
мест. — местный	сущ. — существительное
местн. внешн. — местный внешний	хуфск. — хуфский
мест. внутр. — местный внутренний	шугн. — шугнанский
мн. — множественное	ягн. — ягнобский
мундж. — мунджанский	язг. — язгулямский
напр. — направительный	
наст. — настоящее	

ДАРДСКИЕ ЯЗЫКИ *

1. Под названием «дардские языки» объединяется группа языков, на которых говорит население соседствующих между собой северо-восточных горных районов Афганистана (Нуристан и прилегающие районы), северного Пакистана и северо-западной Индии.

Часть их не входит в состав ни иранских, ни индоарийских языков и объединяется в третью, промежуточную группу индоиранской семьи. Определенные черты роднят их: одни — с индоарийскими, другие — с иранскими языками. Другие языки развились из индоарийской ветви.

Мнения исследователей о генетической принадлежности дардских языков весьма различны. Английский исследователь Р. Б. Шоу, впервые классифицировавший дардские языки с лингвистической, а не с географической точки зрения, считает, что дардские языки вместе с памирскими (которые, как признано теперь, относятся к иранской группе) произошли от некоего третьего, промежуточного (т. е. не-индийского и не-иранского) древнего диалекта; долгое сосуществование в одном ареале и изоляция от других языков обусловили их параллельное развитие и в более поздний период [Shaw I, 147]. По мнению С. Конова [Конов II, 2—3], дардские языки, в особенности их кафирская подгруппа, восходят к иранским диалектам, но к тем, в которых во многом прослеживаются индийские изоглоссы. Дж. Грирсон вначале относит дардские языки к иранской ветви [Grierson XVII, pt 1, 100], впоследствии же пишет о них, как о языках третьей, промежуточной группы [Grierson XXI, 349]. Крупнейший современный исследователь дардских языков Г. Моргенштерне относит их различные подгруппы к различным генетическим истокам: кафирские языки он считает обособленной подгруппой, остальные — индоарийской ветвью [Morgenstierne I, 52, 68—69]. Языки промежуточного характера он считает результатом языкового смешения [Morgenstierne V, 60; Morgenstierne XII, 147]. В целом, несмотря на разногласия, все исследователи пишут о дардских языках как об определенной группе внутри индоиранской языковой семьи с присущими этой группе определенными фонетическими и морфологическими чертами.

В настоящее время можно считать очевидным, что дардская группа языков развилась из древних диалектов общего индоиранского (арийского) языка или диалектного континуума. Относитель-

* Работа над разделом «Дардские языки» была закончена в 1966 г. Исследования, опубликованные в последующие годы, автор имел возможность учесть здесь частично (в виде отдельных поправок, а также дополнений в библиографическом списке).

ная географическая обособленность районов современного распространения дардских языков обусловила сохранение в них некоторых архаизмов и развитие ряда инноваций, не разделяемых другими группами языков. Однако дардские языки не являются обособленной замкнутой группой. Они органически входят в индоиранский языковой континуум, смыкаясь и переплетаясь рядом изоглосс, с одной стороны, с иранскими языками (наиболее близки к ним языки кафирской группы, а из центральных — кховар), с другой — с индоарийскими, особенно с синдхи, лахнда (ленди), панджаби и западным пахари, ближе всего к которым стоят языки восточной подгруппы (особенно — кашмири и языки группы кохистани).

2. Состав и классификация дардских языков, как и их место в индоиранской семье, не бесспорны. Так, помимо языков, принадлежность которых к дардской группе общепризнана, Г. Моргенстьерне [Morgenstierne XVII, 146—147] предлагает включить в их состав и язык думак, на котором говорят небольшие группы населения, разбросанного по областям Хунза и Нагар, среди буришков, ваханцев и шина. Однако по лингвистическим признакам думак принадлежит к центральным индоарийским языкам и родствен цыганскому [Schmid, 282—283]. В классификации дардских языков по подгруппам трудность была в определении лингвистического места языка кховар, вызвавшем дискуссию [Grierson XIII, 2; Grierson XXI, 351; Morgenstierne I, 62—81; Morgenstierne VIII, 657—672].

Наиболее приемлемой представляется их классификация на три большие подгруппы: западную (или кафирскую), центральную и восточную. Внутри этих подгрупп в ряде случаев также выделяются небольшие объединения.

Западнодардские, или кафирские, языки распространены главным образом на территории Афганского Нуристана. Наиболее известные представители кафирских языков: а) язык кати, на котором говорит население долины р. Кантыва, правого истока р. Печ, притока р. Кунар (эта долина считается — и, очевидно, вполне справедливо — прародиной всех диалектов языка кати) и пространства вокруг междуречья рек Рамгэль и Кулум (истоков р. Алингар). Смыкающиеся между собой ареалы языка кати по Кантыве и истокам Алингара заселены носителями западного диалекта кати. Восточный диалект кати распространен в долине р. Башгал, правого притока р. Кунар (в верхнем течении — Читрал), частично заходит на территорию Пакистана. От названия р. Башгал произошло второе название языка кати — б а ш г а л и; б) язык в а й г а л и (по Гирсону, в а и или в а и - а л а) распространен в основном среди населения долины р. Вайгал (левого притока р. Печ), в среднем ее течении. Отмечаются также небольшие островки этого языка или близкородственных ему диалектов в долинах отдельных боковых притоков р. Печ; в) язык а ш к у н распространен в междуречье Алингара и Печа, в их среднем течении и в прилегающих частях долин этих рек. Языки вайгали, кати и ашкун близки друг к другу; г) язык п р а с у н, или п а р у н и (по Гирсону, в а с и н - в е р и, или в е р о н), распространен в долине р. Парун (левого истока р. Печ), в верхнем ее течении. Резко отличается от трех названных выше языков наличием весьма заметного (по-видимому, субстратного) неиндоевропейского элемента; д) условно к этой группе можно отнести язык д а м е л и, представляющий связующее звено между кафирскими языками и центральной дардской подгруппой. Язык дамели распространен в боковой долине Дамел (Дамен) левобережного Читрала (на территории Пакистана).

Центральнодардские языки представляют собой большую и весьма неоднородную группу, делящуюся, в свою очередь, на две подгруппы: северную и южную. В южную подгруппу объединяются: а) пашай — группа значительно дифференцировавшихся диалектов (возможно, даже языков), на которых говорит население южной части Афганского Нуристана, в низовьях рек Алишанг и Алингар, долине Дара-и Нур, по левобережью Мазар-дары и на протяжении всего пространства между этими притоками рек Кабул и Кунар, а также несколько вверх по р. Кабул — выше впадения в нее р. Алингар — и вверх по р. Кунар; б) язык шумашти (или шимашти), распространенный в Афганистане, в верхней части Шумашта, левой боковой долины Мазар-дары, правого притока р. Кунар (население нижней части долины Шумашта говорит на пашай); в) диалект нингалами, ныне вымерший (близкородственный шумашти), на котором говорили в селении Нингалам, расположенном в месте слияния рек Печ и Вайгал. Много общего с нингалами имеет, по-видимому, язык или диалект глангали, распространенный в Глангале (правая боковая долина по р. Печ, выше впадения в нее р. Вайгал); оба этих языка встречаются только на территории Афганистана; г) язык вотапури, распространенный в Афганистане, в долине левого притока р. Печ, впадающего в нее недалеко от устья р. Печ, в основном — в селениях Вотапур и Катар, или Катаркала; д) язык гавар (многие исследователи называют его «гавар-бати», что означает на языке самих носителей «язык гавар»; другое название, упоминающееся в литературе, — нарсати) распространен по обоим берегам р. Кунар (Читрал), ниже впадения в нее р. Башгал (территория Афганистана и Пакистана). Языки гавар, шумашти, вотапури, пашай, а также нингалами и глангали имеют между собой много общих черт и образуют особую подгруппу среди других центральных дардских языков; е) язык тирахи вкраплен небольшим островком среди паштоязычного населения. На нем говорят в нескольких деревнях в Афганистане, юго-восточнее Джалалабада. Население, говорящее на тирахи, как и другие носители центральных дардских языков, живущие по р. Кунар, в значительной степени двуязычно. Вторым языком является пашто, что в немалой степени обуславливает его влияние на язык тирахи.

Северная подгруппа состоит из двух языков: калаша и кховар: а) на языке калаша говорят в междуречье, выше слияния рек Башгал и Читрал, в долинах Бомборет, Калашгум и Битар, к юго-западу от области Читрал на территории Пакистана; б) язык кховар, он же читрари (или читрали), или арния, распространен в верхней части долины р. Читрал, в области Читрал, расположенной в Пакистане и частично в Афганистане. Отдельные выходцы из Читрала, говорящие на кховар и называющие себя и свой язык чатрори, встречаются также на территории Советского Союза, в Горно-Бадахшанской Автономной области Таджикской ССР.

Восточнодардские языки делятся, в свою очередь, на три подгруппы: 1) подгруппа включает ряд языков и диалектов, распространенных в горных областях по рекам Панджкора, Сват и Инд (в основном — на территории Пакистана) и объединяемых под названием кохистани. Основные языки этой группы: а) башкарик (он же в другой диалектной разновидности называется дири) распространен в нескольких селениях в местности, известной под названием Диркохистан (в верхнем течении р. Панджкора); б) примыкающий к нему с запада язык гарви, распространенный в горах по р. Сват, яв-

ляется практически далеко отошедшей диалектной разновидностью языка башкарик; в) торвали распространен в горной области по рекам Сват и Панджора, ниже места распространения гарви; г) на языке майян говорят в горах по р. Инд и в междуречье Инда и Свата, с одной стороны, и между р. Инд и водоразделом с р. Джелам до ее впадения, — с другой. Название «майян» употребляется его носителями. Более известно название его «кохистани». Язык майян делится на ряд диалектов. Один из диалектов — каньявали — бытует в Тангире, в селении Банкари, в ареале распространения языка шина. II подгруппа включает: а) язык шина с рядом значительно дифференцировавшихся диалектов, распространенный в Кашмире в местностях Гильгит, Тангир, Чилиас, Драс и Дах-Хану; б) язык пхалура, или палолла, на котором говорит население нескольких деревень в восточных боковых долинах р. Читрал (на территории Пакистана, селения Ашрет, Биёри, Пушгал, Гхос и Гумадан). В лингвистическом отношении тесно примыкает к шина; III подгруппу составляет язык кашмири, на котором говорят в Кашмире.

Точное число носителей дардских языков неизвестно. Приблизительно оно может быть определено в 3,5 млн. человек. Из них на языке кашмири говорит около 2,5 млн. человек (оценка 1967 г.), кховар — около 121 тыс., пашан — около 100 тыс., шина — 70 тыс. (перепись Индии 1931 г.), кохистани — 67 тыс. человек (перепись Пакистана 1951 г.). Ориентировочно, по сведениям исследователей, на языке вайгали говорит 4—5 тыс. человек, прасун — 2—2,8 тыс., пхалура — около 1 тыс. человек. Число носителей других дардских языков неизвестно.

История носителей дардских языков изучена слабо. Известно, что они, как и другие арии, пришли в места их нынешнего распространения в эпоху «великого переселения» ариев с их прародины на юг примерно в III—II тысячелетиях до н. э. Очевидно, они довольно рано отделились от других индоиранских племен, что вызвало их резкую языковую обособленность: уже в древнеиндийских источниках упоминаются народы северо-западной Индии *dārada*, говорящие на «искаженном» языке. Упоминаются дарды и у античных авторов.

Очевидно, некоторые из дардских племен принимали участие в небольших миграциях более позднего характера. Это отражается в ряде легенд (например, легенды о заселении Кашмира, о пребывании кафиров-сияхпушей, т. е. племен кати, на Памире и т. д.).

Большая часть дардских народностей не имела самостоятельной государственности, кроме кашмирцев. Кашмир известен с глубокой древности. В III в. до н. э. он входил в государство Маурьев, в I—II вв. н. э. — в Кушанское царство. В VII—XI вв. Кашмир был одним из важнейших государств Индии. В XVI в. он потерял независимость.

Дардские языки до сих пор изучены весьма слабо. Распространенные в труднодоступных горных районах, не имеющие (кроме кашмири) своей письменности и литературы, они до сих пор не привлекают к себе достаточного внимания. До 30-х годов XIX в. встречаются лишь упоминания об отдельных языках в заметках путешественников и работах этнографов и географов, а также публикации на кашмири христианских миссионеров. В 30—40-е годы XIX в. начинают выходить отдельные небольшие работы, содержащие первоначальные краткие сведения о месте распространения языков, основных грамматических чертах, а также небольшие словари или списки слов (в весьма несовершенной и сильно различающейся у разных авторов

транскрипции) [Burnes, Leech I—II, Edgeworth и др.]. В настоящее время эти работы представляют в основном исторический интерес.

В 60—80-е годы XIX в. количество работ по дардским языкам значительно возросло. Расширился круг изучаемых языков, изменилось качество работ: кроме списков слов и приложений к различным сочинениям лингвистического характера [Biddulph I, Campbell I, Hayward, Lumsden] встречаются небольшие упорядоченные словари, тексты и грамматические очерки [Austen, Biddulph II, Burkhard I—III, Campbell II, Elmslie, Leitner II, Shaw II, Trumpp, Wade, Wilson]. Издаются также образцы кашмирского фольклора [Knowles I—II, Leitner I]. В эти годы материал дардских языков впервые начинает использоваться в сравнительно-исторических работах по другим языкам [Shaw I, Tomaschek].

В 90-е годы XIX в. изучение дардских языков приняло более систематический характер. С 1896 г. в связи с созданием «Лингвистического обзора Индии» (LSI) по единому для всех языков Индии и прилегающих областей вопросу начал подбираться и дардский материал. По каждому языку и диалекту записывались: 1) переводной текст (притча о блудном сыне в переводе на данный язык или диалект), 2) оригинальный фольклорный текст, 3) стандартный список слов и фраз. Сбор и оформление материала велись под руководством Джорджа Абрахама Гирсона. Вторая часть VIII тома, изданная им в 1919 г., в основном посвящена дардским языкам. В ней даны общие сведения, грамматические характеристики и образцы по языкам: кати, вайгали, прасун, калаша, кховар, гавар, пашай, шина, кашмири, гарви, торвали, майян, а также сравнительные словари по этим языкам. В первой части I тома LSI, изданной в 1927 г., приводятся в приложении сведения по языкам кати, вайгали, ашкун, диалектам пашай и подробное описание языков тирахи и шина с образцами текстов. Словарный материал дардских языков привлекается и во второй части I тома, представляющей сводный словарь всех языков и диалектов (изд. в 1928 г.).

Перу Гирсона принадлежит и ряд конкретных работ по дардским языкам: многочисленные книги и статьи по кашмири и по некоторым другим языкам, ряд обобщающих статей об истории дардских языков и их месте в индоиранской семье, издание различных памятников литературы на кашмири и т. п.

Наибольший интерес из работ 90-х годов, написанных другими исследователями, представляют грамматика кховар О'Брайена [O'Brien], книга Робертсона [Robertson] «Кафиры Гиндукуша», содержащая помимо этнографических ряд лингвистических сведений, и фольклорные публикации Ноулеса по кашмири [Knowles III].

Из работ начала XX в. следует отметить работу Дэвидсона [Davidson] по языку кати, ряд статей Стэна Конова по некоторым вопросам истории и классификации дардских языков [Konow I—III] и грамматику кховар О. Тумановича [Туманович]. Большим вкладом в изучение дардских языков явились вышедшие в 20-е и 30-е годы труды Т. Г. Бейли по языкам шина и кашмири [Bailey I—IV]. Хорошее практическое знание языков и тонкая лингвистическая интуиция делают его работы одним из самых надежных пособий по этим языкам. Выдающуюся роль в изучении дардских языков играет норвежский ученый Георг Моргенштерне, опубликовавший большое количество работ по целому ряду дардских языков, материал которых он записал во время своих поездок в Афганистан и северо-западную Индию, начавшихся в 1924 г. Ему принадлежат фонетико-граммати-

ческие очерки с приложением текстов и словарей по языкам ашкун, прасун, вайгали, дамели, гавар, шумашти, башкарик и пхалура, большой труд по пашаи, калаша и ряд других конкретных работ по дардским языкам, а также отдельные статьи сравнительно-исторического и обобщающего характера.

В 50-е и 60-е годы в изучение дардских языков включаются новые исследователи. Следует назвать немецкого ученого Г. Буддруса, опубликовавшего работы по прасун, вотапури, пашаи, пхалура (диалект *Caу*), майян (диалект каньявали) и шина [Buddruss I—VI], написанные на основе достоверного материала, собранного им в среде носителей языка. С 1961 г. для создания лингвистического атласа Афганистана отдел языкознания при литературном факультете Кабульского университета начал сбор материалов по всем языкам и диалектам Афганистана, включая дардские. Имеются первые публикации, в частности статьи Б. Дзирмана по пашаи. Имеются обобщения лингвогеографического характера [Fussman].

В настоящее время в изучение дардских языков активно включились и советские языковеды. Интересный материал по группе диалектов, объединяемых под названием дегано (часть диалектов пашаи), собран Н. А. Дворянковым. Большое количество записей по ряду языков Нуристана сделано А. Л. Грюнбергом. Некоторые записи по кховар от выходцев из Читрала сделаны Ю. В. Покальчуком и Д. И. Эдельман. Большой материал по кашмири записан Б. А. Захарьиным. Кроме того, активизировалось лингвистическое осмысление собираемого и уже собранного материала [Грюнберг, Дворянков, Захарьин, Топоров, Хонелия, Эдельман].

3. Дардские языки не имеют памятников древней письменности, поэтому можно только строить гипотезы о древних индоиранских диалектах — предках современных дардских языков — на основании лингвистических данных. В числе наиболее вероятных предков дардских языков были, очевидно, диалекты, родственные среднеиндийским языкам пайшачи и нийя, отражавшим особенности речи населения северо-западной Индии и смежных областей. Так, например, в немногих сохранившихся словах пайшачи отчетливо видна тенденция к оглушению или усилению звонких смычных [Pischel, 30], характерная и для современных дардских языков. В нийя прослеживается ряд фонетических черт (в основном рефлексy некоторых древних консонантных групп и отдельных согласных [Burrow, 434—435]), родственных дардским.

4. Дардские языки в большинстве не имеют письменности. Исключение представляет кашмири, имеющий относительно старую письменную и литературную традицию. Первым известным нам автором была поэтесса Лалла, или Лал Дэд, жившая в XIV в. и писавшая стихи религиозно-философского характера. Первым датированным произведением была созданная в период правления султана Зейн-аль-Абедина (1417—1469) неизвестным автором поэма «*Bṛhasuravadha*». В конце XVIII в. Девакарой Пракашей Бхаттой была написана стихотворная история Рамы в двух циклах: «*Rāmāvatāracarita*» и «*Lava-kuśacarita*». Они содержат ряд легенд, отсутствующих в других версиях Рамаяны. Известны также история Кришны «*Śrī-Kṛṣṇāvatāralilā*» Дина Натха (ум. в 1822 г.) и поэма «*Śivaparīṇaya*» Кришны Радздана. Из мусульманских поэтов XIX в. известен Махмуд, или Мухаммад Гами (ум. в 1855 г.), в основных своих произведениях — «*Yūsuf Zu-lalkha*», «*Lailā wa Majnūn*» и «*Širin-o Khōsrau*» — следующий традиционным персидским образцам.

В последние годы издан ряд книг — художественных произведений современных и старых авторов в Сринагаре и Нью-Дели на арабском алфавите, выпускаются некоторые периодические издания, антологии.

Литературный и стандартный разговорный язык кашмири, являющийся по Конституции Индии одним из четырнадцати официальных языков Индии, базируется на диалекте кашмири, на котором говорит население большей, центральной части долины Кашмира. Кроме него язык кашмири объединяет ряд других диалектов; наиболее крупный из них — каштавари, распространенный в юго-восточной части долины Кашмира. Кроме того, отмечаются диалекты: погули, сираджи, рамбани — на юге долины и группа диалектов, известных в литературе как «смешанные диалекты» — на юго-западе. Все эти диалекты, кроме каштавари, в значительной мере отличаются от «стандартного» кашмири и прослеживают ряд черт, роднящих их с языками панджаби, западным пахари и другими, т. е. являются как бы переходными между кашмири, с одной стороны, и панджаби, а также другими индоарийскими языками — с другой.

Глубокую диалектную дифференциацию обнаруживают и другие дардские языки. Так, язык шина делится на четыре диалектные группы: 1-я группа — диалект гильгити — наиболее распространен и хорошо изучен; 2-я группа — диалекты астори, гуреси и драси (или, по терминологии Гирсона, брокпа) с поддиалектом дах-хану; 3-я группа — северо-западные диалекты шина — чиласи и кохистани. Носители этих диалектов понимают друг друга. Кроме указанных отмечается диалект, распространенный восточнее Каргила по р. Драс, который отошел от остальных настолько, что взаимопонимание их носителей исключено. Различия между диалектами сильны как в фонетике (наличие в драси *l*, отсутствующего в других диалектах, взаимозаменяемость *ž—j* и явление эпентезы в гуреси и кохистани и др.), так и в морфологии (например, наличие во всех диалектах, кроме гильгити, специальных показателей эргатива для прошедших времен типа *ēi*, *oi*, *i* наряду с общим показателем *-s*, употребляющимся при настоящем времени, а в гильгити — для всех времен).

В группе пашаи дифференциация настолько сильна, что здесь можно говорить об отдельных языках или о группах близкородственных языков и диалектов. По отражению древних консонантных групп с *-r* языки или диалекты пашаи делятся на четыре основных массива: 1) северо-западная группа, вокруг Гульбахара, сохранившая группы *tr*, *dr*, *kr*, *gr*, *pr*, *br*, *mr*; 2) юго-западные диалекты — западнее Лагмана в низовьях р. Алишанг, где *kr* и *pr* > *ʃ*, *gr* и *br* > *l* или *ʌ*, *tr* и *dr* сохраняются; 3) северо-восточные диалекты, где *pr* и *kr*, так же как *gr* и *br*, дают *pl*, *l* или *ʌ*. В этих трех группах в речи старшего поколения сохраняются звонкие придыхательные; 4) юго-восточные диалекты в районах Лагмана, долин рек Алингар, Кунар и Печ, где *br*, *gr* и *dr* > *l*; *pr*, *kr* и *tr* > *ʈl* или *ʌ*. По другим признакам вся группа пашаи может быть разделена на два массива: западный и восточный (с соответствиями зап. *ē* — вост. *ə*, зап. *nd* — вост. *ɲ*, зап. *ʃ* — вост. *x* и т. д., а также некоторыми морфологическими различиями). Глубокая дифференциация отмечается также внутри отдельных подгрупп пашаи.

Язык кати разделен на два крупных диалекта (или большие диалектные группы): западный (в центре Нуристана) и восточный (по долине р. Башгаль). По нескольким диалектам прослеживают вайгали, ашкун, майян и др. Практически все дардские языки имеют значи-

тельно диалектное дробление (см. стр. 256), однако взаимоотношение между многими языками и диалектами не вполне установлено.

5. Дардские языки в основном — языки аналитического и агглютинативного строя. В именной группе отмечается небольшое количество падежных форм флективного и агглютинативного (по языкам) характера, дополняемых большим количеством послеложных сочетаний. В глаголе преобладают аналитические формы, превращающиеся в ряде случаев во вторичные флективные.

ФОНЕТИКА

§ 1. Вокализм. Общую схему дардского вокализма представить пока невозможно, поскольку слабая изученность фонетики и разноречивой в транскрибировании сказались прежде всего на изображении гласных¹. Можно наметить лишь некоторые общие черты (табл. 1).

Почти во всех дардских языках фонологически актуально противопоставление гласных переднего и заднего (а в некоторых языках — и среднего) ряда. Противопоставление передних и непередних гласных используется в морфологии в качестве признака оппозиции рода имен (см. ниже). Гласные среднего ряда (типа *ə, ɛ, ɜ, ʊ*) отмечаются во многих языках, но фонологическая значимость их различна: в кашмири *ɜ, ɛ̄, ə, ɔ̄* — самостоятельные фонемы, выступающие в начале слова и после простых и лабиализованных согласных в виде звукотипов среднего ряда *ɜ, ɛ̄, ə, ɔ̄*; после палатализованных согласных — в виде звукотипов переднего ряда *i, ī, e, ē, æ* (самостоятельный фонем переднего ряда в кашмири, по-видимому, не существует). В языках вотапури, кати, ашкун, прасун, тирахи, башкарик и некоторых диалектах пашаи гласные среднего ряда также представляют самостоятельный фонологический ряд; в калаша, кховар, торвали, шина — обычно выступают как варианты гласных переднего и заднего ряда. В тех исследованиях, где система гласных дается по индийской традиции — *a—ā, i—ī, u—ū, o(—ō), e(—ē)*, гласные смешанного или среднего ряда не регистрируются, поэтому неизвестно, существуют ли эти гласные в языках, например гарви и майян, известных нам только в традиционной записи.

Дифференциация гласных по степени подъема фонологически релевантна во всех языках. Исключений немного: слабая фонологическая дифференциация в ряде восточных и центральных дардских языков *i—e* (например, в кохистани), дубликаты *æ—ɛ* в некоторых восточных (шина, каньяв.), *a—ā—ə, e—ɛ* — в центральных (шум., вот., гавар), *æ—ɛ, ɛ—e, o—u* — в западных (прас., вайг. и др.). В кашмири дифференциация по подъему охватывает и средний ряд, где противопоставлены верхний (*ɜ, ɛ̄*), средний (*ə, ɔ̄*) и нижний (*a, ā*) подъем.

Почти во всех дардских языках отмечается наличие долгих и кратких гласных, однако фонологическая значимость долготы в них различна. Так, например, в гавар фонологически противопоставлены по количеству *i—ī, a—ā, u—ū*; для *e* и *o* долгота иррелевантна. В прасун противопоставлены только *a—ā*, остальные (*i, e, o, u, ā, ɔ̄, ə*) количественно нейтральны. В вайгали все гласные (*ā, ɔ̄, i, e, ā, u,*

¹ В трудах разных исследователей (и даже одного в различные периоды) один и тот же звук часто изображается различно: редуцированный гласный среднего ряда изображается как *a, ɛ, ā, ə, æ* и т. п. (ср. разные системы обозначения гласных кашмири в разных работах Дж. Грирсона. Сводку их см. [Bailey III, 11—13]). Встречается и обратное — одинаковое изображение разных звуков (например, *ā* для огубленного звука переднего ряда, огубленного и неогубленного среднего и заднего рядов).

о, а) встречаются в долгом и кратком звучании, однако фонологическая значимость долготы неясна. Неясна она и в калаша. В трудах по языкам вотапури, тирахи, торвали, башкарик (и гарви), майян (с диалектом каньявали), пхалура отмечаются одинаковые пары: *i—ī*, *e—ē*, *o—ō*, *u—ū*, *a—ā*, возможно, под влиянием индийской традиции. Вокализм этих языков требует большой дополнительной проверки.

В ряде языков (например, кати, пашан, тир., кхов., башк. и др.) отмечается наличие редуцируемых или «сверхкратких» звуков, противопоставляемых остальным — долгим и кратким (часто это гласный среднего ряда типа *ə*, иногда гласные переднего ряда типа *i*, *e* и заднего — *u*, *o*). Фонологическая значимость сверхкратких в различных языках различна. Во многих языках, например в шина, они являются, очевидно, самостоятельными фонемами. В ряде языков они представляют как самостоятельные фонемы, так и редуцированные варианты других фонем; например, в кати и пашан конечный *ə* является, очевидно, механическим озвучиванием исхода слова (ср. аналогичное явление в диалектах пашто). В ряде языков этот звук отмечается как механический, разбивающий этимологические консонантные группы (прас. *pəs(se)://pseh* 'что?', тир. *putər* 'сын'), или как редуцированный вариант различных гласных в неударенной позиции (пашан *ādəmi* 'человек', *tātəstā* 'к отцу' из *tāti* 'отец' и послелого *-stā* 'к') и т. д.

Таким образом, по количественному признаку гласных дардские языки можно разбить на три группы: 1) языки, где количественный фактор иррелевантен (шум., кати, прас. и др.); 2) языки с двучленным противопоставлением «долгие—краткие» (тир., торв., башк., гарви, майян, пхал., кашм. и др.); 3) языки с трехчленным противопоставлением: «долгие—краткие—сверхкраткие или редуцируемые» (шина, ашк., вайг., вот. и др.). В отдельных языках, например, в ашкун, шумашти, отмечаются сверхдолгие, в некоторых случаях дифтонгонидные звуки; фонологическая значимость их неясна.

Почти во всех дардских языках (кроме, по-видимому, кхов. и тир.) отмечается назализация гласных. Фонологическая значимость ее по языкам различна: в одних языках она носит только позиционный характер (в соседстве с носовыми, перед сибилантами и в исходе слова: дам., ашк., гавар, шина, пхал., кашм. и др.), в других — фонологический. Фонологический характер она может носить и в некоторых из перечисленных выше языков в других позициях. Не подвергаются назализации обычно гласные среднего ряда².

§ 2. Консонантизм. Дардский консонантизм отличается от иранского и индийского большим количеством фонем и оппозиций (см. табл. 2—3). Система консонантизма весьма различна по языкам.

Наиболее общей является, очевидно, оппозиция глухих—звонких, охватывающая все дардские языки. При этом данная оппозиция тесно связана с оппозицией интенсивности, дополнительной к ней: все глухие являются одновременно сильными, звонкие—слабыми.

Общее распространение имеет также оппозиция церебральных и нецеребральных переднеязычных. В основном она охватывает переднеязычные смычные (*t—t̪*, *d—d̪* и соответствующие придыхательные). Церебральные *ɾ* и *ɽh* выступают обычно как неполносмычные варианты *ɖ* и *ɖh*. Церебральная оппозиция щелевых (*ʃ—ʃ̥*, *ʒ—ʒ̥*) про-

² Как результат исторической назализации следует, по-видимому, рассматривать возникновение вторичного *-n* в слоге с начальным носовым, отмечаемое в пашан, торвали и других языках (типа *manjlas* 'собрание' в торв.).

слеживается в более ограниченном ареале: в западной подгруппе и части языков центральной (гавар, вот., шум., пашан, калаша и кхов.) и восточной (майян — в диалекте каньявали, в торвали, пхалура и шина) подгрупп. Корреляция церебральности глухих аффрикат $\check{c}$ — $\check{c}$ ($\check{c}h$ — $\check{c}h$) отмечается в кати, вайгали, дамели, в центральных (кроме тирахи) и восточных языках (кроме кашмири и, возможно, майян, хотя в диалекте каньявали она есть). Противопоставление звонких j — j отмечается в торвали, пхалура, шина и калаша³. Наличием оппозиции церебральных шелевых и аффрикат дардские языки сближаются с соседними иранскими, поскольку индоарийские языки ее не прослеживают.

Корреляция аспирации прослеживается во всей восточной подгруппе (кроме, по-видимому, пхал.), центральной (кроме диалектов пашан и калаша) и в языке дамели западной подгруппы (остальные западнодардские языки ее не прослеживают). В основной части дардских языков, где имеется корреляция аспирации, она представляет трехчленное противопоставление: «глухие придыхательные — глухие непридыхательные — звонкие непридыхательные». Лишь в языках группы кохистани — торвали и майян, а также, по-видимому, в диалекте кашмири — каштавари оппозиция четырехчленная: «глухие придыхательные — глухие непридыхательные, звонкие придыхательные — звонкие непридыхательные». В пхалура и калаша отмечаются глухие и звонкие придыхательные и непридыхательные, но аспирация здесь, по-видимому, фонологически иррелевантна. В кховар ее фонологическая значимость (в разной степени по говорам) ослаблена. В центральной группе дардских языков в речи старшего поколения отмечается остаточное произношение звонких придыхательных. Нестоящая аспирация звонких прослеживается в диалекте шина — кохистани. Таким образом, западные дардские языки отсутствием корреляции аспирации сближаются с иранскими, центральные и восточные (а также дамели) — наличием и реализацией этой корреляции — с индоарийскими языками.

Оппозиция палатальных (двухфокусных) и непалатальных (однофокусных) переднеязычных аффрикат $\check{c}$ — c , j — j (и соответствующих придыхательных $\check{c}h$, ch , jh ; самостоятельная фонема jh не прослежена) охватывает все дардские языки, кроме торвали и майян (хотя в каньявали она есть), сближая их с иранскими. Оппозиция палатализованных и непалатализованных отмечена в кати и кашмири, где она охватывает всю систему согласных, кроме среднеязычных⁴. Здесь же имеется противопоставление огубленных — неогубленных, охватывающее все согласные, кроме губного ряда. Таким образом, в кашмири наблюдается система трюичного противопоставления типа C' — C — C° (k' — k — k° , g' — g — g° и др.), типологически перекликающаяся с древней индоевропейской. Эти ряды имеются и в некоторых других дардских языках (например, сочетание $\text{w}r$ в вайг., возможно, является отражением лабиализованного r°); в кати отмечены они в шипящих.

Из более частных черт дардского консонантизма можно отметить следующие.

³ Звонкий jh как самостоятельная фонема не засвидетельствован.

⁴ Результатом диахронической палатализации в кашмири являются чередования: t — c , d — z , n — n' , l — $\check{c}$, d — j , k — $\check{c}$, g — j , l — j , h — $\check{s}$ (и аналогичных придыхательных), в которых второй альтернант выявляется в позиции перед историческими i или y .

В отдельных языках (например, в глангали) отмечается свободное варьирование s/h , знаменующее, по-видимому, ход процесса $s > h$. В некоторых языках (гавар, вот., шум., глангали, пашан, башк. и, возможно, в других) отмечаются глухие латеральные λ, λ' (и возможно, соответствующие придыхательные, хотя в конкретных трудах они не отмечены), противопоставленные аналогичным звонким. Звуки x, f, γ и q в дардских языках отмечаются в основном либо в заимствованиях, либо как варианты $kh(k)$ и $ph(p), g$. Звук $\tilde{r}$ — неполовн-смычный глухой r — отмечается в отдельных языках западной и центральной подгрупп.

§ 3. Характеристика слова и слога. Слово в дардских языках содержит обычно 1—4 слога (чаще 1—3). Значительно реже встречаются слова с большим количеством слогов.

В дардских языках редко встречаются большие стечения согласных в одном слоге. Древние консонантные группы представлены в значительно упрощенном виде⁵. В некоторых языках

Таблица 1

Фонологические признаки гласных фонем дардских языков

Признак Язык	Ротовая артикуляция			Резонанс- ные	Просодические		
	ряд	подъем	огублен- ность	назализа- ция	долгота	ударение	тон
Кати	+	+	+	—	—	—	—
Вайгали	+	+	+	+	+?	+	—
Ашкун	+	+	+	+	+?	+	+?
Прасун	+	+	—	+	—	+	—
Дамели	+	+	—	+	+?	+	+
Гавар	+	+	+	+	+	+	+
Вотапури	+	+	+	+	+	+	+?
Шумашти	+	+	+	+	—	+	—
Пашан	+	+	+	+	+	+	! (диал.)
Тирахи	+	+	+	—	+	+	—
Калаша	+	+	+	—	—	+	—
Кховар	+	+	+	—	+?	+	+?
Торвали	+	+	+	+	+	+	—
Башкарик—гар- ви	+	—	+	+	+	+	+
Майян	+	+	+	+	+	+	—
Диал. каньявали	+	+	+	+	+	+	—
Пхалура	—	+	+	+	+	+	—
Шина	+	+	+	+	+	+	+
Кашмири	+	+	+	—	+	+	—

⁵ Это упрощение происходило частично в древнюю эпоху, частично — в новое время. Подробнее о рефлексах древних консонантных групп в дардских языках см. [Grierson XXI].

Согласные звукоtypы дардских языков

		Губные				Язычные								Ларингальные																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																				
		губно-губные		губно-зубные		переднеязычные				среднеязычные							заднеязычные																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																	
		простые	палатали-звонные			простые	палатали-звонные	палатали-звонные	палатали-звонные	простые	палатали-звонные	палатали-звонные	палатали-звонные																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																					
Смичные	Чистые	неносовые	p b	p' b'		t d	t' d'	t° d°	t p	t' p'	t° p°	k g	k' g'	k° g°	b																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																			

Примечание. Знаком ' обозначается придыхательность (аспирация), знаком ° — палатализация, ° — лабиализация.

Фонема Язык		p	p'	p ^h	p''	b	b'	b ^h	t	t'	t ^h	t'	t''	t ^h	t'	t''	t ^h	t'
1. Кати		+	+	-	-	+	+	-	+	+	-	-	-	-	+	+	-	-
2. Вайгали		+	-	-	-	+	-	-	+	-	-	-	-	-	+	-	-	-
3. Ашкун		+	-	-	-	+	-	-	+	-	-	-	-	-	+	-	-	-
4. Прасун		+	-	-	-	+	-	-	+	-	-	-	-	-	+	-	-	-
5. Дамели		+	-	+	-	+	-	-	+	-	-	+	-	-	+	-	-	+
6. Гавар		+	-	+	-	+	-	(+)	+	-	-	+	-	-	+	-	-	+
7. Вотапури		+	-	+	-	+	-	-	+	-	-	+	-	-	+	-	-	+
8. Шумашти		+	-	+	-	+	-	-	+	-	-	+	-	-	+	-	-	+
9. Па- шан	а. сев.-зап.	+	-	+	-	+	-	+	+	-	-	+	-	-	+	-	-	+
	б. сев.-вост.	+	-	+	-	+	-	-	+	-	-	(+)	-	-	+	-	-	(+)
	в. юго-зап.	+	-	+	-	+	-	+	+	-	-	+	-	-	+	-	-	+
	г. юго-вост.	+	-	-	-	+	-	-	+	-	-	-	-	-	+	-	-	-
10. Тирахн		+	-	-	-	+	-	-	+	-	-	-	-	-	+	-	-	-
11. Калаша		+	-	+	-	+	-	+	+	-	-	+	-	-	+	-	-	+
12. Кховар		+	-	+	-	+	-	-	+	-	-	+	-	-	+	-	-	+
13. Торвали		+	-	+	-	+	-	+	+	-	-	+	-	-	+	-	-	+
14. Башкарнк, гарви		+	-	+	-	+	-	-	+	-	-	+	-	-	+	-	-	+
15. Май- ян	а. майян	+	-	+	-	+	-	+	+	-	-	+	-	-	+	-	-	+
	б. каньявали	+	-	+	-	+	-	+	+	-	-	+	-	-	+	-	-	-
16. Пхалура		+	-	+	-	+	-	+	+	-	-	+	-	-	+	-	-	+
17. Шина		+	-	+	-	+	-	-	+	-	-	+	-	-	+	-	-	+
18. Кашмири		+	+	+	+	+	+	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

П р и м е ч а н и е. Знак «плюс» обозначает наличие самостоятельной фонемы, типа в языке, «плюс» в скобках — отсутствие фонологической значимости при

Фонема Язык		m	m'	m''	n	n'	n°	n'	ñ	ñ'	ñ	o	c	c'	c²	c'	c''	c ³	з
1. Кати		+	+	—	+	+	—	—	+	—	—	+	+	+	+	—	—	—	+
2. Вайгали		+	—	—	+	—	—	—	+	—	—	+	+	—	—	—	—	—	(+)
3. Ашкун		+	—	—	+	—	—	—	+	—	—	+	+	—	—	—	—	—	+
4. Прасун		+	—	—	+	—	—	—	+?	—	+?	(+)	+	—	—	—	—	—	+?
5. Дамели		+	—	—	+	—	—	—	+	—	—	(+)	+	—	—	—	+	—	—
6. Гавар		+	—	—	+	—	—	—	—	—	—	(+)	+	—	—	—	+	—	(+)
7. Вотапуре		+	—	—	+	—	—	—	+	—	—	(+)	+	—	—	—	+	—	+
8. Шумашти		+	—	—	+	—	—	—	+	—	—	+	+	—	—	—	—	—	—
9. Па- шан	а. сев.-зап.	+	—	—	+	—	—	—	+?	—	—	(+)	+	—	—	—	—	—	—
	б. сев.-вост.	+	—	—	+	—	—	—	+	—	—	+?	+	—	—	—	—	—	—
	в. юго-зап.	+	—	—	+	—	—	—	+	—	—	(+)	+	—	—	—	—	—	—
	г. юго-вост.	+	—	—	+	—	—	—	+	—	—	+?	—	—	—	—	—	—	—
10. Тирахи		+	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—
11. Калаша		+	—	+?	+	—	—	+?	+	—	+	(+)	+	—	—	—	+	—	+
12. Кховар		+	—	—	+	—	—	—	+	—	—	—	+	—	—	—	—	—	+
13. Торвали		+	—	—	+	—	—	—	+?	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
14. Башкарик, гарви		+	—	—	+	—	—	—	+	—	—	(+)	+	—	—	—	—	—	—
15. Май- ян	а. майян	+	—	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	б. канья- вали	+	—	—	+	—	—	—	+	—	—	—	+	—	—	—	+	—	+
16. Пхалура		+	—	+?	+	—	—	+?	—	+?	—	(+)	+	—	—	—	+	—	+
17. Шина		+	—	—	+	—	—	—	—	—	+	+	+	—	—	—	+	—	—
18. Кашмири		+	+	—	+	+	+	—	—	—	—	—	+	+	+	+	+	+	+?

Фонема Язык		z°	y	y'	x	γ	h	h'	h°	θ	λ	l	l'	l°	l'
1. Кати		—	+	—	(+)	(+)	—	—	—	—	—	+	+	—	—
2. Вайгали		—	+	—	+	+	—	—	—	—	—	+	—	—	—
3. Ашкун		—	+	—	+	+	—	—	—	—	—	+	—	—	—
4. Прасун		—	+	—	+	(+)	—	—	—	—	—	+	—	—	—
5. Дамели		—	+	—	+	+	+	—	—	—	—	+	—	—	—
6. Гавар		—	+	—	+	+	+	—	—	—	+	+	—	—	—
7. Вотапурн		—	+	—	+	—	+	—	—	—	—	+	—	—	—
8. Шумашти		—	+	—	+	—	+	—	—	—	+	+	—	—	—
9. Па- шан	а. сев.-зап.	—	+	—	+	+	+	—	—	—	—	+	—	—	—
	б. сев.-вост.	—	+	—	(+)	(+)	+	—	—	—	—	+	—	—	—
	в. юго-зап.	—	+	—	+	+	+	—	—	—	—	+	—	—	—
	г. юго-вост.	—	+	—	+	+	+	—	—	—	+	+	—	—	—
10. Тирахи		—	+	—	+	+	+	—	—	—	—	+	—	—	—
11. Калаша		—	+	—	+	+	+	—	—	—	—	+	—	—	+?
12. Кховар		—	+	—	+	+	+	—	—	+	—	+	—	—	—
13. Торвали		—	+	—	+	+	+	—	—	—	—	+	—	—	—
14. Башкарнк, гарви		—	+	—	+	+	+	—	—	—	+	+	—	—	—
15. Май- ян	а. майян	—	+	—	+	+	+	—	—	—	—	+	—	—	—
	б. канья- вали	—	+	—	+	+	+	—	—	—	—	+	—	—	—
16. Пхалура		—	+	+?	+	+	+	—	—	—	—	+	—	—	+?
17. Шинна		—	+	—	+	+	+	—	—	—	—	+	—	—	—
18. Кашмири		+	+	—	—	—	+	+	+	—	—	+	+	+	—

λ	l	l'	$\tilde{s}$	$\tilde{s}'$	$\tilde{s}^\circ, \tilde{s}'^\circ$	$\tilde{s}_\cdot$	$\tilde{z}$	$\tilde{z}'$	$\tilde{z}^\circ$	$\tilde{r}$	r	r'	r°	r'	r	r'	$\tilde{z}'$	$\tilde{z}^\circ$	$\tilde{s}'$	r'	q'
-	-	-	+	-	+	+	+	-	+	+	+	+	-	-	+	-	+	+	+	+	+
-	-	-	+	-	-	+	(+)	-	-	(+)	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-
-	-	-	+	-	-	+	+	-	+	(+)	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-
-	(+)	-	+	-	-	+	+	-	+	-	+	-	-	-	(+)	-	-	-	-	-	-
-	-	-	+	-	-	+	+	-	(+)	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
+	-	-	+	-	-	+	+	-	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-
+	(+)	-	+	-	-	+	-	-	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-
-	-	-	+	-	-	+	+	-	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-
-	-	-	+	-	-	+	+	-	+	-	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-
-	-	-	+	-	-	+	+	-	(+)	-	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-
-	-	-	+	-	-	+	+	-	+	-	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-
-	-	-	+	-	-	+	-	-	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-
-	-	-	+	-	-	+	+	-	+	+	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-
-	+	-	+	-	-	+	+	-	+	(+)	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-
-	-	-	+	-	-	+	+	-	+	-	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-
-	-	-	+	-	-	+	+	-	-	-	+	-	-	-	(+)	-	-	-	-	-	-
-	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-
-	-	-	+	-	-	+	+	-	+	-	+	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-
-	-	-	+	-	-	+	+	-	-	-	+	-	-	+	+	+	-	-	-	-	-
-	+	-	+	-	-	+	+	-	+	-	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-
-	-	-	+	(+)	+	-	-	-	-	-	+	+	+	-	(+)	-	-	-	-	-	-

СОВРЕМЕННЫЙ АЛФАВИТ КАШМИРИ

Начертание буквы				Звуковое соответ- ствие	Начертание буквы			Звуковое соответствие
В начале слова	В середине слова	В конце слова	Отдельно стоящей		В начале слова	В середине слова	В конце слова	
ا	ا	ا	ا	a, ā, ȧ, ä, ả, å	ا	ا	ا	ʔ, a (только в заимств.)
ب	ب	ب	ب	b	ب	ب	ب	g (только в заимств.)
ت	ت	ت	ت	t	ت	ت	ت	f, p' (только в заимств.)
ث	ث	ث	ث	t'	ث	ث	ث	k (только в заимств.)
د	د	د	د	t̤	د	د	د	k
ڊ	ڊ	ڊ	ڊ	t̤'	ڊ	ڊ	ڊ	k'
س	س	س	س	s	س	س	س	g
پ	پ	پ	پ	p	پ	پ	پ	l
پ'	پ'	پ'	پ'	p'	پ'	پ'	پ'	m
ی	ی	ی	ی	y	ی	ی	ی	n
و	و	و	و	ɔ̃	و	و	و	u, ū, o, ō, a + u, w
و'	و'	و'	و'	ɔ̃'	و'	و'	و'	h
ه	ه	ه	ه	h	ه	ه	ه	i, ī, e, ē, a + i, y

они разбиваются вставным гласным (типа *putar* 'сын' — тир.). Некоторые же древние консонантные группы остаются без изменения в отдельных языках (*stre* 'женщина' — тир.) или — в начале слова — предваряются протетическим гласным (*istri* 'женщина' — калаша).

Для середины и конца слова во многих дардских языках характерно усиление интервокальных и поствокальных согласных. В интервокальной позиции это усиление реализуется как неэтимологическая геминация (языки шина, башк., торв., тир., кати) и как оглушение звонких, особенно хорошо прослеживаемое в поздних заимствованиях: кашм. *kākaz* 'бумага' (перс. *kaḡāz*), кати *tapir* 'лекарь' (араб. *tabib*). В конечной позиции усиление реализуется как неэтимологическая аспирация, исчезающая при добавлении гласных формантов (в кашм., шина, гарви, майян).

Из фонетических процессов весьма характерны: ассимиляция гласных, отмечающаяся в ряде языков (наиболее хорошо она прослеживается в прас.), влияние артикуляции согласных на соседние гласные (огубление, назализация и т. п.), оглушение звонких согласных в конце слова и озвончение глухих в интервокальной позиции (прас., торв. и др.). Весьма характерны явления умлаута и эпентезы, прослеживаемые в кашмири, диалектах шина (особенно — кохистани), языках группы кохистани.

§ 4. Ударение и тон. Во всех дардских языках имеется силовое ударение. Место ударения в слове сильно варьирует по языкам, по большей частью тяготеет к концу слова. В отдельных языках, например шина, место ударения имеет морфологическую значимость.

В ряде языков (например, ашк., дам., гавар, вот., башк., шина и, возможно, кхов. и др.), как и в соседних индоарийских, отмечается наличие фонологически релевантных тонов. В дамели и башкарик отмечается по три тона: ровный, восходящий и нисходящий (сопровождающийся в ряде случаев гортанной смычкой), в остальных — по два: немаркированный (ровный) и маркированный (обычно — восходящий). В ряде языков (например, башк., кхов., некоторые диалекты пашаи) маркированный — восходящий фонологический тон гласного возникает при утере соседним звонким (исторически — звонким придыхательным) аспирации. Наиболее значительную роль играет тон, очевидно, в языке шина, где он имеет в ряде случаев морфологическую нагрузку: *šīdē* 'ударь' — *šīdē* 'тот, кто ударил бы' (сослагательное причастие).

§ 5. Письменность. Единственным письменным дардским языком является кашмири. Имеются в основном два вида графики: кашмирцы-мусульмане пользуются разновидностью арабского письма, кашмирцы-индуисты — нагари. Прежде использовался также шарада — древнейшая письменность Кашмира, являвшаяся развитием брахми [Grierson XIII]. В настоящее время практически все издается на арабской графике.

Буквы *ق*, *و*, *ع*, *ظ*, *ط*, *ض*, *ص*, *ذ*, *خ*, *ح*, *ث* употребляются только в заимствованных словах. Палатализация согласного в конце слова выражается присоединением к конечной букве, обозначающей согласную, знака, представляющего «незаконченную» букву *ی*; придыхательность — присоединением к букве, обозначающей согласный, буквы *ء*.

§ 6. Общая характеристика. Основными способами словообразования являются словосложение и аффиксация, причем отмечаются словообразующие префиксы (в основном в глаголе), инфиксы и суффиксы (и в глаголе, и в именах). Формообразование в основном использует суффиксацию, реже — инфиксацию. Элементы словосложения (редупликация основы) отмечаются реже. Иногда одни и те же элементы могут быть рассматриваемы и как формообразующие, и как словообразующие (например, одинаковые показатели ж. р. в прил. и сущ. в ряде языков, см. ниже).

В дардских языках падежная система имен тесно связана с развитой системой послелогов. Сама падежная система, как правило, не сложна, она включает две-три, реже четыре или пять падежных форм, {дополняемых и уточняемых послелогом, присоединяемыми одними — к прямому, другие — к косвенным падежам. Отсутствие в индоиранистике четких критериев разграничения падежных форм и послеложных сочетаний приводит к тому, что зачастую различные исследователи дают разные модели падежной системы одного языка: например, падежная система шина может быть описана как двухпадежная с большим количеством послелогов, и как восьмипадежная с небольшим количеством послелогов, ср. [Bailey I, 11 сл.; Эдельман, 167 сл.]

Дардские языки различают три большие грамматические группы: имя, глагол и служебные элементы; последние отличаются обычно отсутствием словоизменения и самостоятельной функции в предложении. Именные части речи отличаются от глагола наличием категории падежа и категории определенности — неопределенности, а также слабым выражением категории числа. Дифференциация внутри именных частей речи не резка, многие грамматические категории и способы их выражения совпадают. Глагол отличается наличием категории времени и категории переходности — непереходности. Категория лица выражена далеко не во всех языках, категории рода и числа отмечаются и в глаголе, и в именах.

§ 7. Существительные. Существительные в большинстве дардских языков характеризуются грамматическими категориями рода, числа, падежа; в отдельных языках также категориями определенности — неопределенности и одушевленности — неодушевленности.

Категория рода выявляется противопоставлением существительных мужского и женского рода. Средний не зафиксирован. Противопоставление имеется во многих дардских языках, однако в большинстве оно прослеживается синтаксически: соотносительностью определенных лексических групп существительных с прилагательными, причастиями, глаголом соответственно мужского и женского рода. Это отмечается в кати, прасун, тирахи, торвали и гарви. Морфологически выраженная категория рода отмечается в вайгали, дамели, гавар, вотапури, шумашти, ряде диалектов пашаи (кроме диалекта гульбахари и, возможно, некоторых других), торвали, башкарик, майян (только в каньявали), пхалура, шина и кашмири. Однако и здесь она охватывает лишь небольшие группы слов. Существительные, не входящие в эти группы, выявляют род также соотносительностью с другими частями речи, которая является основным средством, даже при наличии морфологической категории рода (дам. *khar ta gōra balō tha* 'конь больше осла', *guři khar ta balōi thui* 'кобыла больше осла').

Выражение рода выявляется в большинстве языков только в словообразовании ряда существительных, обозначающих живые существа различного пола. Отмечаются следующие словообразовательные средства.

1. Наличие показателя *-ĭ* у существительных женского рода и отсутствие его у существительных мужского рода, выступающих в виде основы на согласный или с наращением другого гласного (чаще — заднего ряда или *-a*), например, вайг. *dābālā* 'мальчик' — *dābālī* 'девочка'; дам. *ēš* 'медведь' — *ēč(i)* 'медведица'; гавар *kukur* 'петух' — *kukurī* 'курица'; шум. *kyēṭa* 'мальчик' — *kyēṭī* 'девочка'; майян — в каньявали *ghō* 'конь' — *ghuī* 'кобыла'; пхал. *khar* 'осел' — *kharī* 'ослица', *ghūru* 'конь' — *ghūri* 'кобыла'.

2. Наличие других суффиксов женского рода (иногда с перегласовкой корня): шум. *kukur* 'петух' — *kukurik* 'курица', пашай *pājārā* (вост. диал.), *šōṭā* (зап. диал.) 'козел' — соотв. *pājārək*, *šōṭək* 'коза'; кашм. *host* 'слон' — *hastən* 'слониха'; *karanwōl* 'деятель' — *karanwā-jen* 'деятельница', *paṇḍ'v'h* 'пандит' — *paṇḍ'tān* 'женщина-пандит'.

3. Различие в огласовке корня: корневые гласные переднего ряда указывают на женский род, заднего — на мужской: вост., башк. *gōr* 'конь' — *gēr* 'кобыла'; вост. *kukur* 'петух' — *kikir* 'курица'; торв. *ghō* 'конь' — *ghē* 'кобыла'; башк. *yōr* 'брат-близнец' — *yēr* 'сестра-близнец', пхал. (наряду с показателем *-i*) *mōto* 'дед по матери' — *mēti* 'бабушка по матери'.

Исторически такое различие в огласовках связано с ассимиляционным влиянием исторического показателя женского рода типа **i*, **e*, **ə*. В кашмири это привело не только к различию в гласных (*gur* 'конь' — *g'ər* 'кобыла'), но и к исторической палатализации согласных в формах женского рода (ср. *mōl* 'отец' — *māj* 'мать').

Лишь в нескольких языках категория рода прослеживается в словоизменении и охватывает все существительные. В кашмири существительные мужского и женского рода имеют различные формы именительного падежа множественного числа и косвенного падежа I единственного. Кроме того, существительные мужского рода имеют в единственном числе форму падежа деятеля, женского рода — не имеют: *gur* 'конь' имеет формы единственного числа косвенного падежа I *g'ər'əs*, косвенного падежа II *g'ər'z*, падежа деятеля *g'ər'*; множественного числа именительного падежа *g'ər'*; *g'ər* 'кобыла' имеет формы единственного числа общекосвенного падежа *g'ər'z*, множественного числа именительного падежа *g'ər'z* (остальные падежи мн. ч. одинаковы для м. и ж. р.). В шина различаются показатели мужского и женского рода именительного падежа множественного числа (*-i* м. р., *-ē* ж. р.); в гарви и гавар различаются показатели притяжательности (или род. пад.) в единственном числе (гарви *-ā* м. р., *-ē* ж. р., гавар *-ana* м. р., *-ani* ж. р.).

В существительных кати грамматический род отсутствует. Отмечается он в причастиях и прилагательных, но соотносительность с ними существительных соответствующей семантики наблюдается не всегда: *gāo mṛā* вместо ожидаемого *gāo mṛī* 'корова умерла'.

В калаша, кховар и майян (кроме каньяв.) род отсутствует во всех частях речи.

Категория числа в дардских языках связана с категорией падежа, поскольку она прослеживается в большинстве языков в различии падежных показателей существительных единственного и множественного числа (двойственное не отмечается). Однако имеются отклонения.

Во многих языках в именительном или прямом падеже число не различается, т. е. эта форма в зависимости от контекста обозначает один предмет (лицо, явление и т. п.) или множество (в косв. пад. число, как правило, различается падежными показателями). Это явление характерно для западной подгруппы: кати, ашкун, вайгали, прасун, дамели, а также для ряда языков центральной и восточной подгрупп (где оно охватывает не всю систему, а определенные группы существительных, различные по языкам): вотапури (перед послелогом *-an*, *-a*, *-ā*), шумашти, тирахи (в именах на *-a*), кховар (в именах, обозначающих неодушевленные предметы), калаша, гавар, кашмири (ряд существительных мужского рода на согласный), гарви, башкарик, торвали, майян (с каньявали). Например: гавар *mānuṣ* 'человек' — *ēti mānuṣ* 'эти люди'; *ūai gura lafila thanāit* 'эти лошади хорошие' (букв. 'эта лошадь хорошая суть'), калаша *se miṣ* 'тот человек' — *te miṣ* 'те люди'. В остальных языках центральной и восточной подгрупп и остальных существительных рассмотренных языков категории числа выражается в различном оформлении именительного падежа единственного и множественного числа: в единственном числе именительный падеж представлен основой, во множественном — основой с наращением различных (по языкам и группам слов) показателей.

В ряде языков наблюдаются различия в количестве падежей и в их функциях между существительными единственного и множественного числа, например, в гавар, тирахи и пхалуре в единственном числе формы прямого и косвенного падежей ряда существительных совпадают; во множественном числе различие падежей обычно поддерживается. В отдельных языках различается количество падежей в единственном и множественном числе: единственное число содержит падежные формы (в основном послеложного происхождения, с конкретным значением), отсутствующие во множественном числе, где их функции выполняют косвенные падежи с более общим значением. Таковы, например, отложительно-орудийный падеж в вайгали, дательный и инструментальный в ашкун, два местных, инструментальный и отложительный в кховар, отложительный в торвали, местный в башкарик и падеж деятеля существительных мужского рода в кашмири.

Отмечаются также различные по языкам непадежные показатели множественного числа. Так, во многих языках для обозначения множества живых существ употребляются особые показатели: кати *kālī*, вайг. *kele*, прас. *kil(i)*, пашаи *kulī*, гавар *gila*, кашм. *kuəl* (м. р.), *kuaj* (ж. р.)⁶, или — в прас. — *lūk/g* (для людей), пашаи *-ēlā* для одушевленных, гавар *-nām*, *-wāni*, башк. *-ar*, *-šal*, *-e*, кхов. *-gini* для терминов родства, *-bak* для ряда имен и т. д. Отмечаются также случаи оформления множественного числа инфиксацией (башк. *palas* 'ковер' — *palēs* 'ковры')⁷, префиксацией (пашаи *gā* 'корова' — *bō-gā* 'коровы'), редупликацией (кхов. *žau* 'сын' — *žižau* 'сыновья'), употреблением исторических основ (вот. *rā* 'брат' — *lārē* 'братья'), супплетивных основ (башк. *pu.* 'сын' — *jatak* 'сыновья'), сочетанием

⁶ В кашмири этот показатель присоединяется к форме именительного падежа множественного числа и обозначает группу (*gāu* 'корова' — *gāu kuəl* 'стадо коров'), очевидно, продолжая значение др.-инд. *kula* 'семья', 'род'. Ср. аналогичный показатель в ряде иранских языков.

⁷ В кашмири инфиксация — сопровождающее флексию явление, вызванное ассимиляцией (*gur* 'конь' — *g'ar* 'кони'). чистая инфиксация (*sonar* 'ювелир' — *sonar* 'ювелиры') — встречается реже.

существительного со словом «все» (калаша *čhik*). Во многих языках персидские заимствования употребляются с персидскими показателями множественности: гавар *pōkurān* 'слуги', пашай *pōkarān* 'слуги', *ādāmān* 'люди', кхов. *pariān* 'пери', тир. *ādamo* 'люди'.

Категория падежа существительных в дардских, как и в других индоиранских языках, тесно связана с развитой системой послелогов. Количество собственно падежных форм невелико: от одного (т. е. от беспадежной системы, наблюдаемой в гарви, в существительных с исходом на гласный в ед. числе в тирахи и в части существительных майян) до четырех (ашк., вайг., кашм.), реже — до пяти (гавар, отдельные имена в кховар). Большинство дардских языков имеет два (кати, прас., тир., кхов., калаша, шина) или три (дам., вот., шум., пашай, пхал., торв., башк., диал. каньявали) падежа. Падежная система усложнена послелогами, некоторые из них находятся на пути превращения в падежные показатели (особенно наглядно это прослеживается в падежах с конкретным значением — местных, отложительных, инструментальных и т. п.).

Существительные, не имеющие падежей, оформляют синтаксические отношения служебными элементами и местом в предложении.

Падежные показатели разнообразны по происхождению (одни происходят из древних падежных показателей, другие — из послелогов) и звучанию. Однако некоторые общие закономерности в оформлении падежных форм проследить удастся (табл. 4—6).

Почти по всем дардским языкам именительный или прямой падеж единственного числа (а в языках, где в им. пад. число не различается, — обоих чисел) представлен основой существительного без падежных показателей. Исключений немного (например, сущ. ж. р. в пашан, где показатель им. пад. *-a* заменяется в других падежах соответствующими окончаниями).

Почти во всех дардских языках родительный падеж множественного числа или один из косвенных падежей имеет показатель, происшедший из древнего показателя родительного падежа множественного числа **-anām*. Это форманты типа *-ān(a)*, *-ēn*, *-īn*, *-ōn* или *-ā*, *-ē*, *-ī*, *-ō*, *-ū*, *-āy*. Исключение составляют, по-видимому, только вотапури, где кроме падежного показателя *-ā*, *-an*, *-a* есть послелог принадлежности *-an*; башкарик, где имеется только послелог принадлежности (звучит как *-an*, *-ā*); пхалура, где показатель родительного падежа звучит как *-amī*; шина, кати, не имеющие показателя из **-anām* (показатель косв. пад. мн. ч. *-o*). Примеры: ашк. *sākāī maseā ama sən* 'это дома тех людей'; вот. *taī ta tanīšā ne pašūē-thē* 'я не видел этих людей'.

В языках тирахи (в группе сущ.), шина (в сущ. I и II склонения, см. ниже), кашмири (в сущ. II—IV склонений), диалекте каньявали (во всех сущ.) и, возможно, в некоторых других форма именительного падежа множественного числа совпадает с формой одного из косвенных падежей единственного: тир. *putar* 'сын' — косв. пад. ед. ч. и им. пад. мн. ч. *putara*, кашм. *n'ečiw* 'сын' — косв. пад. ед. ч. и им. пад. мн. ч. *n'ečw*.

Почти в каждом языке отмечается несколько фонетических вариантов падежной флексии в зависимости от исхода основы. Наиболее разработано соотношение типов основ и окончаний в шина и кашмири, где вычленяется несколько (в шина — три, в кашм. — четыре) регулярных типов склонения, не считая «неправильных». Например, в шина (табл. 5) I склонение объединяет существительные с исходом основы на согласный или ударные *-i*, *-u*, *-o*, II — с исходом

Основные падежные показатели существительных

Язык	Ед. число		Мн. число	
	прямой падеж	косвенные падежи	прямой падеж	косвенные падежи
Катн	ø: <i>uʃp</i> 'лошадь'	-e, -a: <i>uʃpe</i>	ø: <i>uʃp</i>	o, -on; -ā: <i>uʃpā</i>
Вайгали	ø: <i>gugō</i> 'лошадь', <i>amā</i> 'дом'	косв. -ā, -ə, -ō, -ē: <i>gugā</i> отлож.-инстр. -ē, -ē: <i>amde</i>	ø: <i>gugō</i>	-ā, -ā, ē: <i>gugā</i>
Ашкун	ø: <i>mac</i> 'человек', <i>gōga</i> 'лошадь', <i>dus(t)</i> 'рука', <i>bla</i> 'брат', <i>yuʃ</i> 'людоед'	косв. -a, -ā/ə, -ā: <i>macā</i> , <i>gōgā</i> инстр. -ā, -ē, -en: <i>dusā</i> дат. -āi: <i>yuʃai</i>	ø: <i>mac</i>	-ā, -ō: <i>blad</i>
Прасун	ø, -e/ə: <i>ud(u)rik</i> 'ящик', <i>wəg-jimī</i> 'человек'	-š, -ō: <i>wud(u)rukš</i>	ø: <i>wəg-jimī(lug)</i>	-an, -ən: <i>wəg-jimīlugan</i>
Дамели	ø: <i>gā</i> 'корова', <i>mač</i> 'человек', <i>zu(w)dn</i> 'юноша', <i>gram</i> 'деревня'	косв. -e, -a, -e: <i>mačə</i> , <i>zuwāna</i> , <i>grāma</i> род. -sā: <i>mačsā</i> , <i>zudnsā</i>	ø: <i>gā</i> , <i>mačš</i> , <i>gram</i>	косв. -e: <i>mačše</i> род. -sā: <i>mačsā</i>
Гавар	ø: <i>mānuʃ</i> 'человек', <i>guga</i> 'лошадь', <i>zi</i> 'дочь', <i>poɕik</i> 'слуга', <i>bluəya</i> 'брат'	косв. -a: <i>mānuʃa</i> инстр. -e: <i>mānuʃe</i> дат. an, -ā: <i>mānuʃan</i>	ø: -nām, -gila, -ān: <i>gugandm</i> , <i>zūgila</i> , <i>poɕuran</i> , <i>bluəyaɰwāni</i>	
Вотанпури	ø: <i>manīʃ</i> 'человек', <i>zūi</i> 'женщина', <i>gōfē</i> 'дом', <i>gām</i> 'деревня'	косв. I (вин.) ø: <i>gām</i> косв. II (пад. деятеля — местный) -f, -f, -īn, -i, -i: <i>manīʃi</i>	ø, -ē, -ē, -ē: <i>gōfē</i> , <i>manīʃe</i>	косв. I -ā, -an, -a, -ē: <i>manīʃa</i> , <i>manīʃā</i> , <i>zūyē</i> косв. II -ā, -ā, -ā: <i>manīʃad</i> , <i>zūyad</i>
Шумашти	ø: <i>pu</i> 'сын', <i>maʃe</i> 'человек', <i>carāz</i> 'пастбище'	косв. -a, -ə, -e: <i>carāze</i> род. -s, -a/əs: <i>maʃes</i>	ø: <i>pu</i> , <i>maʃe</i>	

Язык	Ед. число		Мн. число	
	прямой падеж	косвенные падежи	прямой падеж	косвенные падежи
Пашаи	ø, -a: wəyʷa 'дочь'	косв. -e: wəyʷə род. -əs: wəyʷəs	-ila, ø: wəyʷila	косв. -aiyʷə, -anəšə; wələiyə, wəyanəšə род. -aiyʷənā, -ā: wələi- yənā, wəyʷā
Тирахи	ø: mala 'отец', putar 'сын', dant 'зуб', taraf 'сторона', ast 'рука', ādam 'человек'	ø, -a, ʔ, -o: tarafə, asto, mala, putarale	ø, -a, -ʔ, -o: mala, putara, dante, āda- ma, ādamo	-an: adəman, malan
Калаша	ø: mič 'человек', čhū 'дочь', putr 'сын', bāt 'камень', šahar 'город'	косв. -a: putra, čhula род. -(a)s: mičas для неодушевленных; инстр. -an: bātan местн. 1) -ina: šaharuna; 2) -āi: šaharāi отлож. -anl: šaharani	ø, -lai: mič, čhulai	-an: močan
Кховар	ø: ʔeč 'глаз', brag 'брат', žai 'сын', dūr 'дом', ron 'до- рога'	косв. ø, -o: žawo для неодушевленных; местн. 1) -a: dūra, rona; 2) -i: dūri инстр. -en: ʔečen, ronən отлож. -ār, āri: dūrār	ø, -ān, -gini: ʔeč, brārgini, žizau	-an, -ān: ʔečān, bragi- niān, žizauān
Торвали	ø: šir 'дом'	косв. -ē: širē отлож. -ā: širā	ø: šir	-ā: širā
Башарик	ø: ʔəʃ 'женщина', mīš 'чело- век', yāl 'мельница', bab 'отец'	косв. -e: mīše местн. 1) -a: yāla, 2) -an, -ā: yālan, babā	ø, -e, -u: babu, ʔəʃe	-ā: babuā
Майян (по диа- лекту канья- вали)	ø: dān 'зуб', ghō 'лошадь', ghart 'женщина', rič 'сын'	косв. I (датель — направит.) -ē: riče косв. II (объект.) -a: riča	ø, -a, -ē: dāna, ghō, gharē, riča	-ø: ričō
Пхалура	ø: mīš 'человек', kurt 'жен- щина'	косв. -a: mīša род. -i, -e: mīši	-a, -ya (м. р.): mīša; -ina (ж. р.) kurlina	косв. -am: mōšan род. -amī: mōšanī, kuranī

на -i, -o, -e и безударные -i, -u, III склонение — на -a. В кашмири (табл. 6) при вычленении типов склонения играет роль и принадлежность существительного к мужскому и женскому роду: I и II склонения — мужского рода, III и IV — женского рода. В вотапури отдельные падежи (косв. II) имеют до пяти фонетических вариантов окончаний.

Отмечается общность и в функциях падежей. Так, именительный падеж выступает как подлежащее в предложениях, где сказуемым является непереходный глагол или переходный в неперешедших временах. В предложениях, где сказуемое выражено переходным глаголом в прошедших временах, существительное-подлежащее в большинстве языков ставится в падеже деятеля или в одном из косвенных падежей (кроме шина, тир., прас., кхов., калаша и, возможно, гарви; подробнее см. стр. 307).

В функции обращения в единственном числе выступает именительный или косвенный падеж (пхал. *ē bābu* 'о отец', дам. *ē ziān* 'о юноша'), во множественном числе в некоторых языках (кхов., каньяв. и др.) — косвенный падеж (кхов. *ēi brārginiān* 'о братья').

Косвенные падежи употребляются в функции косвенных дополнений, определений и обстоятельств, однако в ряде языков (кати, вайг., ашк., прас., дам., шум., тир., кхов., шина и, возможно, других) косвенные дополнения и обстоятельства со значением места выражаются именительным падежом без служебных элементов.

Склонение существительных в шина

Таблица 5

Склонение Падеж	I		II		III	
	Ед. число	Мн. число	Ед. число	Мн. число	Ед. число	Мн. число
Прямой	<i>ačhi</i> (ж. р.) 'глаз' <i>zaitu</i> (м. р.) 'батрак'	<i>ačhiyē</i> <i>zaituvi</i>	<i>gāpi</i> (ж. р.) 'мост' <i>mālu</i> (м. р.) 'отец'	<i>gāpyē</i> <i>malē</i>	<i>čānda</i> 'карман'	<i>čāndāi</i>
Косвенный	<i>ačhiyē</i> <i>zaituvā</i>	<i>ačhiyo</i> <i>zaituvo</i>	<i>gāpyē</i> <i>mālā</i>	<i>gāpyo</i> <i>malo</i>	<i>čānda(a)</i>	<i>čāndo</i>

Склонение существительных в кашмири

Таблица 6

Склонение Падеж	I	II	III	IV
Ед. число:				
Прямой	<i>cūr</i> 'вор'	<i>gur</i> 'конь'	<i>g°ər</i> 'кобыла'	<i>māl</i> 'гирлянда'
Косвенный I	<i>cūras</i>	<i>g°ər'əs</i>	<i>g°ər'ə</i>	<i>māl'ə</i>
Косвенный II	<i>cūrə</i>	<i>g°ər'ə</i>		
Деятеля	<i>cūran</i>	<i>g°ər'</i>		
Мн. число				
Прямой	<i>cūr</i>	<i>g°ər'</i>	<i>g°ər'ə</i>	<i>mālə</i>
Косвенный I	<i>cūran</i>	<i>g°ər'an</i>	<i>g°ər'an</i>	<i>mālan</i>
Косвенный II	<i>cūraw</i>	<i>g°ər'aw</i>	<i>g°ər'aw</i>	<i>mālaw</i>

Категория определенности—неопределенности проявляется в различном оформлении существительных, выражающих определенные (известные из контекста или ситуации) и неопределенные предметы или лица, а также родовые понятия. Выражается эта категория двумя способами.

1. Употребление артиклей, в функции которых выступают обычно значимые слова, теряющие при этом самостоятельность. В функции неопределенного артикля употребляется числительное 'один', иногда видоизмененное (например, ашк. *a < ač*, вайг. *e < ew*, вот. *ya < yak* и т. п.). В отдельных языках связь артикля с числительным прослеживается лишь исторически (прас. артикль *atek*, числительное *i/urpīn*). В кашмири и тирахи отмечается также постпозитивный артикль: тир. *-xarāb badani* 'плохой мальчик', кашм. *kathā(h)* 'какой-то рассказ'.

В функции определенного артикля употребляются различные указательные местоимения, теряющие при этом самостоятельность и — в ряде языков — меняющие парадигму склонения (см. стр. 290). В отдельных языках указанием на определенность служит отсутствие артикля (например, вайг., ашк.).

2. Различие в падежном оформлении существительных в функции прямого дополнения в номинативной конструкции (об эргативной см. стр. 307) отмечается в ряде языков (например, вайг., прас., гавар, тир., кхов., шина); заключается оно в оформлении существительного, обозначающего неопределенный предмет или лицо, в прямом падеже, определенный предмет — в косвенном.

Категория одушевленности—неодушевленности (или лица—не-лица) зафиксирована в калаша, кховар и кашмири, но, по-видимому, имеется и в других языках. Выражается в различном словоизменении существительных, обозначающих предметы и существа (или людей и не-людей): в кховар и калаша — большим количеством падежей в единственном числе для неодушевленных, в кашмири — различием в показателях принадлежности (*māl'-sund* 'отца', но *kul'uk* 'дерева'), а также соотносительностью с указательными местоимениями, различающими одушевленность (см. ниже).

§ 8. Прилагательные. Прилагательные в различных дардских языках имеют различную словоизменительную систему.

Категория рода отмечается во всех языках западной подгруппы, в большинстве центральной (кроме некоторых из диалектов пашаи и языков кхов. и калаша) и восточной (кроме майян) подгрупп. Средства ее выражения в основном те же, что у существительных:

суффиксальный показатель женского рода *-ī* (реже *-e*), прибавляемый к основе прилагательного или заменяющий исходный гласный (иногда с перегласовкой основы — заменой корневого гласного гласным переднего ряда: кати *deger* 'плохой'—*degeri* 'плохая', вайг. *kaširā* 'белый'—*kaširi* 'белая', *grān* 'большой'—*grīni* 'большая', гавар *tapri* 'горячий'—*tapi* 'горячая', пхал. *paṇāri* 'белый'—*paṇē-ri* 'белая', тирахи *sura* 'маленький'—*sure* 'маленькая');

другие суффиксальные показатели в прилагательных встречаются редко. Ср. в диалектах пашаи: *čhelāk*, *šelak* 'белый'—*čheleč*, *šeleč* 'белая';

замена корневых гласных на *-ī*, *-e* или другие гласные переднего ряда соответствующего подъема: ашк. *aulāk* 'большой'—*aulik* 'большая', вот. *uzal* 'белый'—*uzyel* 'белая', *gan* 'большой'—*gen* 'большая', торв. *kū* 'трудный'—*kū* 'трудная', *lohūr* 'красный'—*lihīr*

'красная', кашм. *boḍ* 'большой' — *bəḍ* 'большая', *vozul* 'красный' — *vozəj* 'красная'⁸.

Эти способы охватывают обычно лишь часть прилагательных в каждом из языков. В одних языках таких прилагательных большинство (кати, вайг., вот., тир.), в других — меньшинство (торв., шина). В кати и шина это обусловлено исходом основы, в других языках этой обусловленности не отмечено. В некоторых языках категория рода не является, по-видимому, актуальной; см., например, нарушение согласования в роде в диалекте Маджегала в ашкун: *yāmba amag apala bistēi* 'твой дом (ж. р.) плохой (м. р.) был?'. В кашмири категория рода выявляется и в склонении прилагательных (ср. косв. пад. I от прил. *boḍ* 'большой' и *bəḍ* 'большая' — м. р. *bəḍ'əs*, ж. р. *ba'jə*).

Категория числа прилагательных отмечена только в тирахи, пхалуре, шина и кашмири (шина *mīš'ṭu* 'хороший', *mīš'i* 'хорошая' — мн. ч. *mīš'ṭē* и *mīš'yē*; кашм. *boḍ* 'большой', *bəḍ* 'большая' — мн. ч. *bəḍ'* и *ba'jə*). В остальных языках прилагательные формы множественного числа не имеют.

Категория падежа прослеживается только в кашмири и диалектах гуреси и драси языка шина. В остальных языках прилагательные не склоняются.

В языках кати, вайгали и ашкун помимо обычной формы прилагательного отмечается особая — предикативная с показателями *-sta*, *-ste*, *-st*: кати *le-ste* '[он] — хороший', вайг. *sāraštā-oi* '[он] хороший-есть'; *amā ōlāst-ō* 'дом — большой-есть'; *cā pisā-ka ōl(əst)-ō* 'собака больше-есть кошки'; ашк. *ištrimali kārīste sēi* 'женщина слепая-есть'.

Степени сравнения в дардских языках морфологического выражения не имеют. В некоторых языках прослеживаются лексикализовавшиеся формы сравнительной и превосходной степеней отдельных прилагательных: пхал. *gaḍhero* 'старший' (*gāḍu* 'большой'), *lhokēro*, *lokhero* 'младший' (*lohōko* 'маленький'), *bhunamōšṭi anguri* 'мизенец' — *bhunimi anguri* 'безымянный палец', гавар *ḍālira* 'старший', кати *kaṇište* 'младший' и т. п.

Сравнение и превосходность во всех языках выражается описательными оборотами, где прилагательные неизменяемы, а существительные, обозначающие предмет сравнения, оформляются послелогом исходности: вот. *men gām gan thū then gāma* 'Мое село больше, чем твое село'; *men gōṭ gan thū ma gāma* 'Мой дом самый большой в этом селе', торв. *šū-kějā uḥat* 'выше, чем ее сестра', *būḍa-me uḥat* 'выше всех', 'самый высокий', шина *ma jo cūññ* 'меньше, чем я', *būṭē jo cūññ* 'меньше всех'.

§ 9. Числительные. Наиболее исследованы количественные числительные; порядковые и разделительные прослежены не всюду.

Количественные числительные отмечаются простые (до десяти, в некоторых языках — до двадцати) и составные (табл. 7). Порядок компонентов в составных числительных различен: в большинстве языков западной и центральной групп (ашк., кати, дам., гавар, вот., шум., пашаи, тир., калаша, кхов.) и отдельных восточных (каньяв., пхал.) на первом месте ставятся десятки, на втором — единицы: кати *vəso ev*, ашк. *wiši-a-ač*, дам. *biš'ek*, гавар *išt-o-učk*,

⁸ Результат умлаута (в кашм. также исторической палатализации согласного). Результаты эпентезы иногда видны и сейчас, например, гарви: *rān* 'хороший' — *rain* 'хорошая'.

вот. *bīš-ō-yek*, шина *bi-gq-ēk*, пхал. *bhiš-e-āk* '21' В большинстве языков восточной подгруппы (башк., торв., гарви, майян, кашм.) и в прасун порядок обратный, например: торв. *ek-o-biš*, кашм. *akṣwuh*, прас. *wikyāz* '21'. В вайгали отмечаются оба построения: *ew-wiši*, *wišt-ew* '21'.

Числительные от тридцати и выше по всем дардским языкам, кроме кашмири, строятся по вигезимальной (двадцатиричной) системе, т. е. числительное «пятьдесят пять» формируется как «двадцать и десять и пять» или «два-двадцать и пятнадцать». В тех языках, где в составных числительных единицы стоят после десятков, компоненты, обозначающие число меньше двадцати, ставятся после числительного «двадцать»: кати *vāca-duc*, вайг. *wiš(i)e-dōš(i)*, ашк. *wiši-ā-duc*, дам. *bišio-daš*, гавар *iši-o-dōš*, вот. *bīš-ō-daš*, пашан *wəst-u-dāy(a)*, кхов. *bišr-još*, пхал. *bhiš-e-dāš*, шина *bi-gq-daī* 'тридцать'; в остальных — наоборот: прас. *ləzāiž*, торв. *daš-o-biš*, гарви, майян *daš-ō-biš* и т. п.

Числительные, обозначающие числа, которые оканчиваются на девять, в ряде языков строятся по типу «(на) один меньше столько-то»: башк. *ek kam pa'nī bīš* '99' (букв. '[на] один меньше пять-двадцать'), каньяв. *ek kam dubiṣ* '39' (букв. '[на] один меньше два-двадцать'), кашм. *kunsatath* '69' (букв. 'без одного семьдесят').

В числительных больше сотни на первом месте стоит название сотен, остальные компоненты ставятся в обычном для данного языка порядке: кашм. *akh hath tṣ doh* '110' (букв. 'одна сотня и десять'), шина *sāt šāl dībyo-gq-čōl* '753' (букв. 'семь сотен два-двадцать-и-тринадцать').

Из грамматических категорий прослежена только категория падежа. Зафиксирована в шина, кашмири, диалектах пашан. Числительное «один» склоняется по типу существительных единственного числа, остальные — по типу множественного числа. В составных числительных часто склоняется лишь последний компонент, например: шина *bī-gq-šoino* — косвенный падеж от *bī-gq-šōl* '36' (букв. 'двадцать-и-шестнадцать').

Порядковые числительные прослежены не по всем языкам. Отмечены в вотапури, торвали, майян (в каньявали), шина и кашмири. Образуются от количественных различными — по языкам — показателями, происходящими в основном от древнего **-ama*: вот. *saṃwīrət* 'четвертый' (*c/sawūr* '4'), торв. *šowam* 'шестой' (*šo* '6'), каньяв. *sōurḍ* 'четвертый' (*sōur* '4'), шина *dūmōho* 'второй' (*du* '2'), кашм. *tr'auṃ* 'третий' (*tr'əh* '3'). В составных числительных показатель порядковости присоединяется к последнему компоненту: шина *dībyo-gq-čēmōho* 'сорок третий' (*dībyo-gq-če* '43'), кашм. *akh hath tṣ ak'um* 'сто первый' (*akh hath tṣ akh* '101'). Изредка встречаются другие показатели порядковости: торв. *duyi* 'второй' (*dū* '2'), *ṣui*, *llui* 'третий' (*čā* '3'). Порядковое числительное «первый» образуется обычно не от количественного «один», а от других основ, иногда заимствованных: вот. *yek* '1' — *muṭh* 'первый', торв. *ek* '1' — *awal* 'первый', каньяв. *ek* '1' — *sāmūṭh* 'первый', шина *ēk* '1' — *pūmāko* 'первый', кашм. *akh* '1' — *g'adən'uk* 'первый' (наряду с *ak'um*).

В других языках отмечается сохранение древних порядковых числительных только в виде лексикализовавшихся наречных слов, например, в гавар *sōromi* 'на четвертый день', *rapčata* 'на пятый день'.

Словоизменение порядковых числительных прослежено только в языках шина и кашмири. В шина отмечаются категории рода и чис-

Числительные

Язык	1	2	3	4	5
Кати	<i>ev, eo</i>	<i>dīu</i>	<i>tre</i>	<i>što, štavo</i>	<i>puč</i>
Вайгали	<i>ew, ěk</i>	<i>dū</i>	<i>trē</i>	<i>čatā</i>	<i>pū uč</i>
Ашкун	<i>ač</i>	<i>dō u</i>	<i>trā ɜ</i>	<i>catā</i>	<i>pōnč, ponc</i>
Прасун	<i>i u pān</i>	<i>lū</i>	<i>cšī, čī</i>	<i>č'pū</i>	<i>wuču</i>
Дамели	<i>ek</i>	<i>dū</i>	<i>trā</i>	<i>čōr</i>	<i>pāč</i>
Гавар	<i>yak, yək</i>	<i>dū</i>	<i>lɛ ɜ</i>	<i>cūr</i>	<i>pōnc, pōc</i>
Вотапури	<i>yek, yakə</i>	<i>dū</i>	<i>ɬā, λā</i>	<i>c sawūr</i>	<i>panz z</i>
Шумашти	<i>yāk</i>	<i>dū</i>	<i>λy iē</i>	<i>cōuūr</i>	<i>pōn</i>
Пашан	<i>ī</i>	<i>dō</i>	<i>trā, λe, λye</i>	<i>čār, čōr, cōr</i>	<i>panj</i>
Тирахи	<i>ek</i>	<i>dō</i>	<i>ire</i>	<i>cawor</i>	<i>panc</i>
Калаша	<i>ek</i>	<i>dū</i>	<i>tre</i>	<i>čau</i>	<i>pōñ, pānš</i>
Кховар	<i>ī</i>	<i>jū</i>	<i>troi</i>	<i>čōr</i>	<i>pōnj</i>
Торвали	<i>ek, e, ē</i>	<i>du ū, do</i>	<i>ča, ča</i>	<i>čau</i>	<i>panj</i>
Башкарик и гарви	<i>ak</i>	<i>dū</i>	<i>ɬhā</i>	<i>čōr</i>	<i>panj</i>
Майян	<i>ak</i>	<i>dū</i>	<i>čā</i>	<i>saur</i>	<i>pānz</i>
Диалект каньявали	<i>ek</i>	<i>dū</i>	<i>čā</i>	<i>cōur</i>	<i>pās</i>
Пхалура	<i>āk</i>	<i>dū</i>	<i>trō</i>	<i>čūr</i>	<i>pānž</i>
Шина	<i>ěk</i>	<i>du</i>	<i>če</i>	<i>čar</i>	<i>poī</i>
Кашмири	<i>akh</i>	<i>zə(h)</i>	<i>tr'ə(h)</i>	<i>cōr</i>	<i>pənc</i>

Продолжение табл. 7

Язык	6	7	8	9	10
Кати	<i>šo, šu</i>	<i>sut</i>	<i>ošɬ, ušt</i>	<i>noh, nu</i>	<i>duc</i>
Вайгали	<i>šū</i>	<i>sōt</i>	<i>ōšɬ</i>	<i>nū</i>	<i>dōš</i>
Ашкун	<i>šū, šu</i>	<i>sūt</i>	<i>ōšɬ</i>	<i>nō, nū</i>	<i>duš</i>
Прасун	<i>wušu</i>	<i>sētē</i>	<i>āstē</i>	<i>nū, nūyū</i>	<i>lɛzē, lāzē</i>
Дамели	<i>šo</i>	<i>sat</i>	<i>ašt</i>	<i>nō</i>	<i>daš</i>
Гавар	<i>š^uō, šō^u</i>	<i>sə at</i>	<i>ōšɬ</i>	<i>nū</i>	<i>də aš</i>
Вотапури	<i>šō, šē</i>	<i>sat, sātə</i>	<i>aɬ, āɬə</i>	<i>nau</i>	<i>daš, dašə</i>
Шумашти	<i>šōo</i>	<i>sa ət</i>	<i>āšɬ</i>	<i>nī</i>	<i>dās</i>
Пашан	<i>šə</i>	<i>sat</i>	<i>ašt</i>	<i>nō</i>	<i>dē</i>
Тирахи	<i>xo</i>	<i>sat</i>	<i>axɬ</i>	<i>nab</i>	<i>dah</i>
Калаша	<i>šo</i>	<i>sat</i>	<i>ašt</i>	<i>nō</i>	<i>daš</i>

Язык	6	7	8	9	10
Кховар	<i>čhoi</i>	<i>sot</i>	<i>ošt</i>	<i>něoh</i>	<i>još</i>
Торвали	<i>šō, šo</i>	<i>sat</i>	<i>aʃ</i>	<i>nōm</i>	<i>daš</i>
Башкарнк и гарви	<i>šo</i>	<i>sat</i>	<i>aʃh</i>	<i>num</i>	<i>daš</i>
Майян	<i>šōh</i>	<i>sāt</i>	<i>āʃh</i>	<i>naū</i>	<i>daš</i>
Диалект каньявали	<i>šō</i>	<i>sāt</i>	<i>āʃh</i>	<i>nau</i>	<i>dāš</i>
Пхалура	<i>šo^h</i>	<i>sāt</i>	<i>āšʃ</i>	<i>nā</i>	<i>dāš</i>
Шина	<i>ša</i>	<i>sāt</i>	<i>āš</i>	<i>naū</i>	<i>daī</i>
Кашмири	<i>šah</i>	<i>sath</i>	<i>āʃh</i>	<i>naw</i>	<i>da(h)</i>

Язык	20	21	30	40
Кати	<i>vici, vəca</i>	<i>vəco ev</i>	<i>vica-duc</i>	<i>d'u-vəca</i>
Вайгали	<i>wiši</i>	<i>ew-wiši, wiši-ew</i>	<i>wiš(i)e-dōš(i)</i>	<i>du-wiši, dūš(i)</i>
Ашкун	<i>wiši</i>	<i>wiši-a-ač</i>	<i>wiši-ā-dus</i>	<i>dō-wiši</i>
Прасун	<i>zū, zū</i>	<i>wikyāž</i>	<i>ləʒāž, ləʒāiž</i>	<i>lyogzu, žibeze</i>
Дамели	<i>biši</i>	<i>biš'ek</i>	<i>bišio-daš</i>	<i>dū-biši</i>
Гавар	<i>iši</i>	<i>iši-o-yok</i>	<i>iši-o-dōš</i>	<i>du-iši</i>
Вотапури	<i>bīš, bišə</i>	<i>bīš-ō-yek</i>	<i>bīš-ō-daš</i>	<i>dū-bīš</i>
Шумашти	<i>isi</i>	<i>isi-yāk</i>	<i>[isi-dās]</i>	<i>dū-isi</i>
Пашан	<i>wəst</i>	<i>wəst-o-(y)i</i>	<i>wəst-o-dāi, trīw</i>	<i>du-wya</i>
Тирахи	<i>biau, byzh</i>	<i>biau-ek</i>	<i>biau-dah</i>	<i>do-bē</i>
Калаша	<i>biši</i>	<i>biši-je-ek</i>	<i>biši-Je-daš</i>	<i>dū-biši</i>
Кховар	<i>bišr</i>		<i>bišr-još</i>	<i>jū-bišr</i>
Торвали	<i>bīš</i>	<i>ek-o-bīš</i>	<i>daš-o-bīš</i>	<i>dū-bīš</i>
Башкарнк и гарви	<i>bīš</i>		<i>daš-ō-bīš</i>	<i>dū-bīš</i>
Майян	<i>bīš</i>		<i>daš-ō-bīš</i>	<i>dū-bīš</i>
Диалект каньявали	<i>bīš</i>			<i>dū-bīš</i>
Пхалура	<i>bhiš</i>	<i>bhiš-e-āk</i>	<i>bhiš-e-dāš</i>	<i>du-bhiša</i>
Шина	<i>bi(h)</i>	<i>bi-gq-ēk</i>	<i>bi-gq-daī</i>	<i>dībyo</i>
Кашмири	<i>wuh</i>	<i>akswuh</i>	<i>trəh</i>	<i>catəʃəh</i>

Язык	5)	60	80	100
Кати	<i>d'u vāca-duc</i>	<i>trā vācā</i>		<i>puč vācā</i>
Вайгали	<i>dūš(i)e-dōš, du-wiṣīe-dōšī</i>	<i>trēw(i)ṣī</i>	<i>čattāw(i)ṣ(i)</i>	<i>pā uč-wiṣī</i>
Ашкун				<i>punc-wiṣī</i>
Прасун	<i>le jebiz</i>	<i>ščogzu, sčolgzū</i>	<i>čragzu, čragzu</i>	<i>(w)uč-gzu, uč-gzu</i>
Дамели				<i>pāž-biṣi</i>
Гавар		<i>lē-iṣī</i>	<i>cūr-iṣī</i>	<i>pāinṣī</i>
Вотапури	<i>[dū-biṣ-ō-daš]</i>	<i>ṭā-biṣ</i>	<i>cawur-biṣ</i>	<i>panj-biṣ</i>
Плумасти		<i>ly tē-iṣī</i>	<i>cōur-iṣī</i>	<i>pōn-iṣī</i>
Пашан	<i>du-wya-u-dāi</i>	<i>trā-wya, le-wya</i>	<i>čār-w(i)ya</i>	<i>panjawiā</i>
Тирахи	<i>do-biau-dah</i>			<i>panz-bē</i>
Калаша	<i>dū-biṣi-je-daš</i>	<i>tre-biṣi(r)</i>	<i>čau-biṣi(r)</i>	<i>pōn-biṣi</i>
Кховар	<i>jū-biṣr-foš</i>	<i>troi-biṣr</i>	<i>čōr-biṣr</i>	<i>pōnj-biṣr, šōr</i>
Торвали	<i>daš-o-dū-biṣ</i>	<i>čā-biṣ</i>	<i>čō-biṣ</i>	<i>panj-biṣ, soh</i>
Башкарк и гарви	<i>daš-ō-dū-biṣ</i>	<i>ṭha-biṣ</i>	<i>čōr-biṣ</i>	<i>panj-biṣ</i>
Майян	<i>daš-ō-dū-biṣ</i>	<i>ča-biṣ</i>	<i>saur-biṣ</i>	<i>šal</i>
Диалект каньявали		<i>ča-biṣ</i>	<i>cōur-biṣ</i>	<i>šal</i>
Пхалура		<i>trō-bhiṣa</i>	<i>čūr-bhiṣa</i>	<i>[pānž-bhiṣa]</i>
Шина	<i>dībyo-gā-daī</i>	<i>čēbyo</i>	<i>čarbyo</i>	<i>šāl</i>
Кашмири	<i>pancāh</i>	<i>šāṭh</i>	<i>šēṭh</i>	<i>hath</i>

ла: *šālmōgo* 'сотый', *šālmōgi* 'сотая', *šālmōgē* 'сотые' (м. р.), *šālmōgyē* 'сотые' (ж. р.). В кашмири прослеживаются род, число и падеж, выражаемые как у прилагательных: *doym* 'второй', *doym* 'вторая', *doym* 'вторые' (м. р.), *doym'z* 'вторые' (ж. р.). Падежные формы образуются так же, как у прилагательных соответствующего рода.

Материалы по разделительным числительным очень скудны. В прасун отмечаются образования типа *du-don* 'по два', *ča-šton* 'по четыре', в кашмири разделительные числительные образуются при помощи палатализации исходного согласного и — в ряде числительных — изменения гласного последнего слога, а также присоединения формантов, часто с редупликацией данных форм: *ak'-ak'* 'по одному', *d'-agən'* 'по двое'.

В шина и кашмири отмечаются кратные формы числительных: в шина сочетание типа «дважды», «трижды» образуются присоединением к числительному существительных *dām*, *čoi* или *gūñia*: *poī čoi* 'пять раз', *daī gūñia* 'десять раз'. Отмечаются также числительные, образованные показателем *-gūñi*: *dugūñi* 'вдвое', *poīgūñi* 'впятеро'. В кашмири они выражаются разделительными формами в определенном контексте: *zəh ak'* — *zəh* 'два по одному — два'; *tr'əh d'-agən'* — *šah* 'три по два — шесть', *kāh bāh'* — *akh hath tē d'-ayətr'əh* 'одиннадцать [взять] двенадцать [раз] — сто тридцать два'.

Дробные числительные не прослежены. Для обозначения части употребляются существительные (шина *trəŋ*, *čak* 'половина', *rau* 'четверть', торв. *ar*, вайг. *čakal* 'половина' и т. п.), например, шина *du ga trəŋ* 'два с половиной', *rau kam če* 'два и три четверти' (букв. '[на] четверть меньше трех'), торв. *dū šālmī ō ar* 'две с половиной рупии', вайг. *skə-bā mül dū rupai čakal ō* 'цена этого — две с половиной рупии'. В кашмири отмечаются приблизительные числительные, образованные суффиксами *-āh*, *-əmarə*: *akhā* 'около одного', 'примерно один', *əhmarə* 'около восьми', и числительные со значением «ровно столько-то», образованные суффиксом *-au*: *əhau* 'ровно восемь', *navau* 'ровно девять'.

При счете предметов и лиц в дардских языках употребляются нумеративы: вайг. *ew pol pala* 'одно яблоко' (букв. 'одна штука яблоко'), кашм. *šāth zən* '60 человек', *hath lūk* 'сотня человек'.

Существительное в сочетании с числительным ставится в одних языках в единственном числе, в других — во множественном числе (ср. вайг. *dū pūtr*, ед. ч., кхов. *ju žižau*, мн. ч. 'два сына').

§ 10. Местоимения. В дардских языках принято выделять следующие лексико-функциональные разряды местоимений: личные и указательные, составляющие наиболее четко выраженные группы в каждом языке, а также вопросительные, относительные, определительные, неопределенные, возвратные и др., которые целесообразно рассматривать вместе, поскольку в ряде языков эти разряды совпадают между собой (т. е. одни и те же местоимения могут иметь в зависимости от контекста вопросительное, относительное, неопределенное и т. п. значения).

Личные местоимения отмечаются в основном только 1-го и 2-го лица (табл. 8). Роль местоимений 3-го лица выполняют, как правило, указательные местоимения. Исключение представляют, по-видимому, только башкарик и майян, где прослеживаются особые местоимения 3-го лица, отличные от указательных. Однако эти местоимения не утратили связи с указательными, она прослеживается как этимологически, так и в их функциях.

Категория рода в личных местоимениях не прослеживается. Лицо и число⁹ выражаются лексическими средствами (употреблением различных слов для выражения лица и числа). Несколько выделяются дамели, тирахи, где в прямом падеже единственное и множественное число совпадает (дам. *ai*, тир. *ao*).

Категория падежа отмечается во всех языках. В одних языках (например, кати, прас., дам., шина, диал. пашан) падежная система местоимений совпадает с таковой у существительных, в других личные местоимения прослеживают меньшее (вот., шум., торв., гарви, майян, пхал., кашм.) или большее количество падежей (вайг.), чем существительные. В отдельных языках (ашк., гавар, башк.) падежная система местоимений отличается инвентарем, но совпадает с существительными количеством падежей.

В расхождении между падежными системами существительных и личных местоимений наблюдаются следующие закономерности: 1) личные местоимения, как правило, не имеют падежных форм с

⁹ В двух языках центральной (вот. и тир.) и во всех языках восточной подгруппы основа местоимений 2-го л. мн. ч. развилась из основы 2-го л. ед. ч. *tu-* и местоименного элемента **-sma-*, характерного для мн. ч. (ср. **a-sma-*, **yu-sma-*): вот. *thū/ō*, тир. *tao*, торв. *tō*, *thō*, башк. *tha*, гарви *tāh*, майян, пхал. *tus*, шина *tsho*, *co*, *cho* (по диалектам), кашм. *toh*, *tus* (по диалектам). Таким образом, исторически форма 2-го л. мн. ч. связана с формой 2-го л. ед. ч.

Личные местоимения 1-го и 2-го лица

Язык	Лицо	1-е лицо		2-е лицо	
	Число	ед. число	мн. число	ед. число	мн. число
	Падеж				
Кати	прям. косв.	<i>vuze, ðnc, ðc ɪ, ɪa, ye</i>	<i>ema, imā yimo</i>	<i>tiu to, tu</i>	<i>śa, śo</i>
Вайгали	прям. косв.	<i>aŋa ā</i>	<i>amī amē</i>	<i>tū tū</i>	<i>wī wā</i>
Ашкун	прям. косв.	<i>ai yā</i>	<i>ima</i>	<i>tu tō</i>	<i>wī yā</i>
Прасун	прям. косв.	<i>unzū āndeĩš</i>	<i>asē</i>	<i>i ūyū ūtʰōĩš</i>	<i>mīū</i>
Дамели	прям. косв.	<i>ai mū, mo</i>	<i>ai amā</i>	<i>tu tō</i>	<i>bi myā</i>
Гавар	прям. косв.	<i>a mō</i>	<i>amō, ama-</i>	<i>tu tō</i>	<i>mē</i>
Вотапури	прям. косв.	<i>au ma-</i>	<i>mū, mun</i>	<i>tu ta, tha-</i>	<i>thū</i>
Шумантти	прям. косв.	<i>ā mō</i>	<i>ābə ama</i>	<i>tu tō</i>	<i>wī ima</i>
Пашан	прям. косв.	<i>a ma-</i>	<i>hama</i>	<i>tə, tō tō, tē-</i>	<i>(h)ēmā, mōmā, myā</i>
Тирахи	прям. косв.	<i>au, ao mē</i>	<i>ao, mā mēn</i>	<i>tu, to te, tē</i>	<i>tao tā</i>
Калаша	прям. косв.	<i>ā mai</i>	<i>ābi hōma o</i>	<i>tu ū tai</i>	<i>ābi mīmi e</i>
Кховар	прям. косв.	<i>awa ma, mā</i>	<i>ispa</i>	<i>tu, tū ta, tā</i>	<i>pisa</i>
Торвали	прям. косв.	<i>ā, ai mē, mā</i>	<i>mo, moi mo, ma-</i>	<i>tu ta</i>	<i>tō, thō to, ta-</i>
Башкарник	прям. косв.	<i>ya ma-</i>	<i>ma</i>	<i>tu tha-</i>	<i>tha</i>
Гарви	прям. косв.	<i>yah mā-</i>	<i>mā</i>	<i>tu ta-</i>	<i>ta-</i>
Майяп	прям. косв.	<i>mā mē</i>	<i>bē zā</i>	<i>tū tē</i>	<i>tus sā</i>
Диалект каньявали	прям. косв.	<i>ma mī, mī</i>	<i>be zā</i>	<i>tu tī, tī</i>	<i>tus cɪ</i>
Пхалура	прям. косв.	<i>ma</i>	<i>be as-</i>	<i>tu</i>	<i>tus</i>
Шина	прям. косв.	<i>ma(h) mā</i>	<i>bē ās-</i>	<i>(u(h)) thā, tū</i>	<i>tsho, co</i>
Кашмири	прям. косв.	<i>ba(h) m'e</i>	<i>as' as'e</i>	<i>ca(h) c'e</i>	<i>t'ah' t'ah'e</i>

Примечание. Для наглядности в таблице форма прямого падежа приводится полностью, а косвенного падежа — иногда в виде основы.

конкретным значением (местных, орудийных, инструментальных и т. п.). Эти функции выполняют косвенные падежи (торв., гавар, ашк., башк.); 2) личные местоимения имеют падеж деятеля в ряде языков, где существительные его не имеют (майян, торв., пхал., дам., шум., гавар).

В ряде дардских языков послелог принадлежности сливается с личными местоимениями, образуя особые притяжательные формы, отсутствующие в существительных (например, вайг. послелог принадлежности *-ba*, *-bā*, сливаясь с косв. пад. мест., образует притяжательные формы: *ā + ba = imā* 'мой', *wā + ba = wāta* 'ваш'). Эти формы можно рассматривать как родительный падеж и как самостоятельное притяжательное местоимение, которое в ряде языков имеет к тому же категорию рода (например, гавар, пашаи, башк., гарви).

В кашмири притяжательные местоимения имеют категории рода, числа и падежа: *m'ōn* 'мой', *m'ān'* 'моя' — мн. ч. *m'ān'* (м. р.), *m'āl'* (ж. р.). Склоняются, как существительные II (м. р.) и III (ж. р.) склонения.

Указательные местоимения во всех дардских языках выступают в двух функциях: а) как самостоятельные именные члены предложения, принимающие послелоги и предлоги (в этой функции местоимения имеют значение как указательных, так и личных местоимений 3-го лица); б) как определения к другим именам, входящие в состав различных синтаксических групп и переходящие в ряде языков в разряд служебных элементов — артиклей.

В некоторых языках, например в калаша, гавар, шумашти, кашмири, указательные местоимения в обеих функциях имеют одинаковую систему склонения. Выступая в определительной функции, они согласуются с определяемым существительным: гавар *mui se māniṣ ṣaṣhit* 'я ударил того человека', либо при различии падежной системы местоимений и существительных изменяются согласно роли определяемого в предложении: гавар *ten māniṣe kitāb ītēs* 'тот человек дал мне книгу' (местоимение в падеже деятеля, существительное — в инструментальном падеже), *tasa ṛārib māniṣan jowus* 'он сказал тому бедному человеку' (местоим. в косв. пад., суш. — в дат.).

Во многих языках различные функции породили различное словоизменение. В вотапури, диалекте каньявали (майян), пхалура различаются формы косвенных падежей местоимений в определительной и самостоятельной функциях. В вотапури и каньявали местоимение в определительной функции не имеет формы множественного числа: вот. *ta laṣ zūyengē* 'тем многим женщинам'. В торвали имеются различные лексемы для самостоятельной и определительной функций. В некоторых языках (кати, ашк., прас., кхов., торв.) указательные местоимения в самостоятельной функции склоняются, в определительной — неизменяемы: торв. *ā beṣ-te e saraṇ-ma tapōs kī* 'уходя, я задам вопрос этой девушке'; *ā duyimō sē-dē langī* 'эти двое перешли мост'.

Указательные местоимения в дардских языках прослеживают несколько рядов (от двух до пяти по языкам), выраженных различными словами (в некоторых языках каждый ряд имеет свои определительные и самостоятельные формы): два ряда, выражающие ближнюю и дальнюю ступени, — в языках дамели, гавар, вотапури; три ряда, выражающие ближнюю, так называемую среднюю, и дальнюю ступени, — в шина, пхалура, майян (в каньявали), торвали, кховар, шу-

машти. Эти местоимения употребляются и в роли личных местоимений 3-го лица.

В ряде языков отмечаются четыре (вайг.), пять рядов (ашк., прас., башк., кашм.) и более (считая производные), например, в пхалуре, кати, калаша. В этих языках часть местоимений выражает различные ступени удаленности, другие нейтральны к удаленности, либо указывают на невидимый предмет, либо являются эмфатическими, либо же указывают на удаленность не только от говорящего, но и от собеседника, продолжая в известной мере аналогичные индоевропейские три серии, отразившиеся в соседних — памирских — языках, и т. д.; сравн., например, основы указательных местоимений в кашмири: I ряд *уз-*, II — *по-*, III — *һу-*, IV — *а-*, V — *су-*, *та-*. Производные местоимения часто выражают ориентацию предмета в пространстве, например: в пхалуре *агаро* 'этот самый', *phararo* 'тот, далеко впереди', *һундаро* 'тот наверху', *bһunaro* 'тот внизу'.

Категория рода указательных местоимений зафиксирована в ряде дардских языков — кати, пхалуре, шина, кашмири, башкарик — в различных падежных формах: в кашмири — в именительном падеже единственного и множественного числа и в наличии падежа деятеля для мужского рода, в шина и пхалуре — в именительном падеже единственного числа, в башкарик — в родительном падеже местоимения I ряда и в несклоняемом местоимении III ряда. Остальные языки рода не различают: гавар *se mānuṣ* 'этот человек', *se śigāli* 'эта женщина'.

Категория числа отмечается во всех языках в наличии форм множественного числа, образуемых от форм единственного. Супплетивные образования очень редки. В отдельных языках ряд местоимений (особенно — определительных форм) не имеет категории числа. В некоторых языках отдельные грамматические категории указательных местоимений отмечаются только в единственном числе; во множественном они отсутствуют: одушевленность — неодушевленность в кашмири, род в шина, пхалуре и башкарик. В ряде языков указательные местоимения в единственном числе имеют падежные формы, отсутствующие во множественном числе (падежи деятеля и дательный в дамели, деятеля в гавар, шумашти, кашмири и у местоимений средней ступени каньявали, отлож. в кховар, общекосвенный в диалектах пашаи, торвали, вайгали и ряда местоимений каньявали).

Категория падежа отмечается практически во всех дардских языках. Система склонения указательных местоимений сближается с таковой у личных (кроме указательных в определительной функции в ряде языков, см. стр. 290). Отличия невелики: в указательных местоимениях принадлежность обычно выражается послелогами. Формы родительного падежа или притяжательные во многих языках (например, ашк., гавар, вот., шум., башк., торв., пхал., где есть такие формы для личных местоимений) отсутствуют. В кати, прасун личные местоимения во множественном числе не склоняются, указательные — склоняются. В дамели, кашмири личные местоимения не имеют падежа деятеля, указательные — имеют.

Категория одушевленности — неодушевленности в указательных местоимениях прослеживается только в кашмири, где в единственном числе в косвенном падеже I, а для местоимений V ряда — и в именительном падеже отмечаются различные формы местоимений для одушевленных существ и неодушевленных предметов: для одушевленных форма косвенного падежа I единствен-

ного числа I ряда — *yəm'əs*, II — *nom'əs*, III — *hum'əs*, IV — *am'əs*, V — *tam'əs*, *tas* (им. пад. м. р. *suh*, ж. р. *s'ah*), для неодушевленных соответственно: *yəth*, *noth*, *huth*, *ath*, *tath* (им. пад. *t'əh*). Местоимения, употребляемые для неодушевленных предметов, кроме того, не различают рода независимо от принадлежности к тому или иному роду соотносимых существительных. Множественное число для неодушевленных и одушевленных указательных местоимений имеет единую форму, различающую род в именительном падеже.

Вопросительные, относительные, отрицательные и неопределенные местоимения практически во всех дардских языках, за небольшим исключением, представляют один разряд, поскольку одни и те же лексемы выступают в вопросительном, относительном, отрицательном или неопределенном плане в зависимости от контекста: шина *kō* (м. р.), *kē* (ж. р.) 'кто?', 'кто-то', 'никто', *jēk* 'что?', 'что-то', 'ничто', пхал. *kati* 'сколько?', 'несколько', ашк. *cēi* 'кто?', 'кто-нибудь', *kā* 'что?', 'что-нибудь', 'что-нибудь', вайг. *kiti* 'сколько?', 'несколько', *kā* 'что?', 'то, что', 'ничто'. Исключений немного.

В кашмири вопросительные и относительные местоимения различаются, как в древнюю эпоху: вопросительные *kus* (м. р.), *k assə* (ж. р.) 'кто?', *k'āh* 'что?'; *kam* (м. р.), *kamə* (ж. р.) 'кто?', 'что?' (мн. ч.); аналогичные им относительные: *yus* (м. р.), *yussə* (ж. р.) 'кто', 'который', *yəh* 'что', 'который'; *yəm* (м. р.), *yəmə* (ж. р.) 'которые'.

В вотапури отрицательные местоимения образуются прибавлением отрицания *nī* к вопросительно-относительным местоимениям: *kā nī* 'никто' (от *kā* 'кто'), *ku nī* 'ничто' (от *ku* 'что'), к ним примыкает и сложное *ueč kawal ne* 'никогда' (от *kawal* 'когда' и заимствованного *ueč* 'какой-нибудь', 'никакой', 'совсем не').

Категория рода в этих местоимениях отмечается только в шина (в им. пад. ед. ч.) и кашмири (в им. пад. ед. ч. одушевленных и мн. ч. одушевленных и неодушевленных местоимений).

Категория числа прослеживается не всюду, возможно, за недостатком материала. Отмечена в шина, кашмири, где реализуется различными падежными формами единственного и множественного числа.

Категория падежа имеется, очевидно, во всех языках, где она отмечается в других частях речи. Особенно четко прослежена в кашмири, шина, вайгали, ашкун, дамели, вотапури, ховар, торвали. Помимо падежных форм наблюдаются случаи сращения этих местоимений (как и личных) с послелогоми: вайг. *kī ō?* 'кто это?', *i amā kumə wē?* 'чей это дом?'; *kumə < kū* (косв. пад. от *kī*) + послелог принадлежности *bə*.

Категория одушевленности — неодушевленности местоимений этой группы выявляется практически во всех языках наличием разных лексем (исторически — родственного происхождения) для местоимений, обозначающих живые существа (или людей) и предметы (или не-людей): гавар *kara* 'кто', *kī* 'что', дам. *kurāi* 'кто', *kuə* 'что', торв. *kam* 'кто', *ka* 'что', шина *kō* (м. р.), *kē* (ж. р.) 'кто', *jēk* 'что' и т. п. Только кашмири имеет различные — для одушевленных и неодушевленных — формы местоимений единственного числа от одной основы, аналогичные таковым указательных местоимений. Во множественном числе одушевленность — неодушевленность в кашмири не различается (см. выше).

Определительные местоимения отмечаются во всех дардских языках. Являются, по сути дела, прилагательными, прослеживая те же категории (кроме степеней сравнения), которые присущи прилагательным. Например, в языке шина *mūtū* 'другой' склоняется, как

имена на безударное *ā*, имеет форму женского рода *mūti* и множественного числа *mūte* (м. р.), *mūtyē* (ж. р.); в прасун *warga* 'другой' (косв. пад. *wara'eš*, мн. ч. *marga*).

В зависимости от семантики и функций определительные местоимения могут иметь вопросительное, относительное и неопределенное значения: вайг. *kā-stā* (диал. Вайгала), *kalā-stā* (диал. Жончигала) 'какой?', 'такой': *se maneš kā-stā wāf* 'какой это человек?', *kalāsta wās kə* 'в такой день'.

Возвратные местоимения прослеживаются почти во всех дардских языках в виде различных рефлексов древнего *tanu-* и *atman-* (в некоторых языках возникли путем заимствований): 'сам', 'свой', кати *amolū*, вайг. *tanū*, ашк. *tanu*, дам. *tan*, гавар, тир. *tānu*, вот. *tānū*, пашан *tāni/ək*, торв. *tanu* (и *aban*), майян *taṭ*, *tā* (каньяв. *tā* м. р., *taṭ* ж. р.), пхал. *tēṇī*, шина *tomu*, кашм. *pāṇin* (и *pāṇ*).

Местоименные наречия и местоименные числительные отмечают указательные, вопросительные, неопределенные и относительные: вайг. *kiti-čīn* 'несколько', *iti*, *āmti* 'столько', *kiwi* 'когда-то', *kūi* 'когда', *kašə* 'почему' *kāte* 'где-то', прас. *yumo* 'когда', *nyerek* 'сколько', 'несколько', гавар *kene* 'где', *itene* 'отсюда', *tenena* 'оттуда', кхов. *hayara* 'здесь', *hatera* 'там'. В кашмири вопросительность и относительность и здесь различается формально: *yulh* (ж. р. *yəch*) 'таким образом (как этот)', *l'uth* (ж. р. *l'yəch*) 'таким образом (как тот)', *k'ulh* (ж. р. *k'yəch*) 'каким образом?', *yūt* (ж. р. *yəc*) 'столько (как это)', *l'ūt* (ж. р. *l'yəc*) 'столько (как то)', *k'ūt* (ж. р. *k'yəc*) 'сколько?'

Энклитические местоимения встречаются в большинстве дардских языков. Прослежены в кати, вайгали, ашкун, дамели, гавар, вотапури, шумашти, пашан, тирахи, калаша, пхалура, кашмири. Употребляются всегда в постпозиции к слову, к которому они относятся. В прасун их заменяют проклитические местоимения¹⁰. Система и функции несамостоятельных местоимений — энклитик и проклитик — различны по языкам. Употребляются они при именах (в качестве определителей принадлежности) и глаголах (в качестве показателей прямого или косвенного объекта и субъекта). Различаются по лицам и числам.

В пхалура, дамели и кашмири энклитические местоимения употребляются исключительно при глаголах: пхал. *dūm-eā* 'я даю-тебе', дам. *gannum-i* 'я говорю-тебе', кашм. *karān čhus-as* 'я делаю-для-него', *karān čhu-m* 'он делает-мне', *karān čhus-ay* 'я делаю-для-тебя'.

В ашкун, вайгали, гавар, калаша, кати отмечаются только при именах: ашк. *diā* 'мой отец', *dīās* 'его отец', вайг. *tatōu* 'твой отец', гавар *pui-ies* 'его сын', *pui-e* 'мой сын', калаша *dādo* 'твой отец', *dādas* 'его отец'. В пашан, шумашти, тирахи, вотапури они отмечены в обеих функциях: пашан *tāti-m* 'мой отец', *di-m* 'дай мне', шум. *nām-u* 'твое имя', *gaīm-u* 'я видел тебя', тир. *ditanas* 'сказал ему', *strēs* 'его жена'. В вайгали, ашкун, гавар и др. энклитические местоимения при существительных предшествуют падежным окончаниям, что свидетельствует о послеложной сущности последних: вайг. *tātesā wātoi* 'его отец видел', ашк. *paī āma tōa diaga sei* 'этот дом твоего отца', гавар *tasa mānišana pui-ies-ana āma* 'дом сына того человека'.

¹⁰ Ср. систему местоименных проклитик в бурушаски: буруш. *a-reñg* 'моя рука', прас. *am-erī* 'мое слово'.

Словозменение в энклитических местоимениях отсутствует. Однако некоторая зависимость форм от функций в ряде языков отмечается. Например, в кашмири отмечаются три формы энклитик:

	Ед. число			Мн. число	
	1-е л.	2-е л.	3-е л.}	2-е л.	3-е л.
I	-s	-kh, -h			
II }		-th, -h	-n	}-w	}-kh, -h
III }	-m	-y, -yʷ	-s		

I форма употребляется для обозначения объекта при переходных глаголах в прошедших временах и субъекта — в остальных случаях; II форма — деятеля при переходных глаголах в прошедших временах и прямого объекта при переходных глаголах в непроедших временах, III форма — косвенного объекта независимо от времени глагола. Возможно присоединение к одной глагольной форме двух энклитик с разными функциями. Примеры: (*m'e*) *wiĉhu-m* 'ты видел меня', (*c'e*) *wala-u* 'я скажу тебе', *d'ə-m* 'дай мне', *wiĉh-n-akh* 'он тебя видел', *wiĉh-h-as* 'они меня видели', *wirhyō-h-am* 'ты летишь ко мне' и т. п.

В некоторых языках (иногда не во всех лицах) отмечаются различные формы приемных и приглагольных энклитик: например, в некоторых диалектах пашаи — только в 3-м лице¹¹, в вотапури — в 3-м лице, сравн. пашаи (диалект чияси): *puł-ē* 'его сын', *zir-e* 'его сердце', но *ese mocik anet-i* 'тот человек убьет его'; (*tondal*) *šām-i* 'я пошлю это (тебе)'.

Проклитические местоимения в прасун употребляются при именах: *əm-sius* 'моя сестра', *i-sius* 'твоя сестра', *mīū asen-t-arek šilen* 'остановитесь в вашем доме'. Могут употребляться с послелогами в функции самостоятельных членов предложения¹²: *alek warek əm-ūri so* 'этот дом мой', *əm-ak kōdyum iluəu* 'пусть он работает для меня'.

§ 11. Глагол. Система глагола в дардских языках представлена большим количеством финитных и нефинитных форм. Финитные и нефинитные формы образуются из следующих основных элементов: корня, основы, суффиксов, личных окончаний, местоименных энклитик, аугмента, вспомогательных глаголов и частиц (см. табл. 9).

Корень служит для образования различных основ (см. ниже) и принимает непосредственное участие в образовании ряда финитных форм (повелит. накл., наст.-буд. вр. сослаг. накл., или аориста; различных форм изъяв. накл., например, прош. вр. в шум.: *gāim* 'я видел', имперф. в ашк. *gom* 'я шел', наст.-буд. вр. изъяв. и сослаг. накл. в кашм. *wiĉhə* 'я увижу', 'я бы увидел' и т. д.) и нефинитных (прич., инф. и т. д.).

В дардских языках не наблюдается четкого деления всех основ на основы настоящего и прошедшего времени. Оно прослеживается в части глаголов, разных по языкам. Так, в кашмири и торвали глагол «делать» имеет по одной основе для всех времен (кашм. *kar-*, торв. *ku/h-*, перед гласными — *kuḍ-*), кати — три: прошедшего времени

¹¹ В других диалектах пашаи — и в других лицах [Morgenstierne XIII, vol. III, pt 2, 291 сл.].

¹² Ср. аналогичное употребление энклитических местоимений с предлогами в персидском языке типа *دادم به اشی* 'я дал ему'.

k(a)ṛ-, настоящего *kun-* и новообразованную основу будущего времени *kul-*. В ряде случаев прослеживаются супплетивные основы прошедшего, настоящего и будущего времени: шина *gā-*, *gē-bo* 'идти'. Однако обычно наблюдаются образования от одного корня. В большинстве языков, где имеется различие основ, отмечаются обычно две основы — прошедшего и настоящего времени: шина *yat-*: *yas-* 'ходить', *sut-*: *son-* 'спать', кхов. *baṭ-bi-* 'идти', пхал. *ditu/o-*: *du-* 'давать'. случаев сохранения древних основ мало. Современные основы зачастую причастного происхождения. Так, основы прошедшего времени в ряде языков восходят к древним причастиям на **-ta* и реже на **-na*: шум. *zōelīm* 'я ел' (ср. корневую форму *gāim* 'я видел'), вайг. *prat-om* 'я дал', *win-am* 'я побил', пхал. *dito* 'дал' и т. п. Основы будущего времени на *-l* (ашк. *kalim* 'сделаю', шум. *tharelas* 'увидишь') восходят, очевидно, к причастию будущего времени на **-l-*, ср. сохранившиеся в кати и вайгали причастия будущего времени на *-lā*, *-lā* (м. р.), *-lī* (ж. р.): вайг. *bārīlā* 'тот, кто может прийти', вайг. *ācalā* 'тот, кто придет сюда'.

Суффиксы употребляются для образования нефинитных форм от корня и основ (см. стр. 296).

Личные окончания выражают лицо и число субъекта действия в номинативной конструкции и объекта в эргативной. Присоединяются к основам, корню или нефинитным формам, образуя финитные. Окончания варьируют по языкам. В ряде случаев восходят к связкам и энклитическим местоимениям.

Энклитические местоимения, употребляясь при глаголе, в ряде случаев, как, например, в кашмири, настолько входят в парадигму спряжения, что могут считаться своего рода личными показателями (прим. на стр. 294).

Аугмент отмечается в двух языках — кховар и калаша, сохраняется в небольшой группе глаголов в каждом: калаша *pim* 'я пью' — *apis* 'я пил', *čišim* 'я стою' — *ačištis* 'я стоял', кхов. *briye* 'умри' — *obristam* 'я умер', *b-* 'мочь' — *obestam* 'я смог'.

Вспомогательные глаголы представлены связками, выступающими в роли связок глаголами бытия (обычно с основной *b-*, *w-*), реже — другими глаголами, из которых чаще всего — глаголом «идти».

Связки в дардских языках образуются от различных основ. В западной подгруппе (кроме дам.) и языках кховар и калаша употребляется древняя основа связки (например, 1-е л. ед. ч. наст. вр.: кати *asum*, вайг. *-om*, ашк. *set*, прас. *sum*, кхов. *asum*, калаша *āsam*). От нее же образуются формы прошедшего времени во многих языках восточной подгруппы: кашмири (где она употребляется для всех времен, кроме настоящего), шина, майян, башкарик, гарви, торвали, а также в отдельных центральных — вотапури, калаша и одном западном — дамели. В ряде языков центральной подгруппы: гавар, вотапури, тирахи — и восточной — торвали, башкарик, гарви, майян, пхалура (наряду со связкой *hi-*), а также в дамели связка настоящего времени образуется от основы *tha-* (<**stha-? tu-?*): 1-е л. ед. ч. гавар *thanaim*, дам. *thum*. В кашм. осн. наст. вр. *čhu-*, *che-*, *čh-* восходит, очевидно, к др.-инд. *ā-kṣeti* [Turner I, 795 сл.].

В отдельных языках настоящее время связки образуется от основы (*h*)*an-*, (*h*)*in-*: шина *hānus*, пхал. *hinu*, пашан *hāim*, (*h*)*am*, шум. *īnam*, майян — связка будущего времени (*hon*)*-šat*. В прошедшем времени ряда языков употребляются глаголы бытия (тир. *w-*, гавар, шум. *b-* и др.) или другие основы (пашан *hāik-*, *oc-*, *ou-* и т. п.). В двух языках прослеживается неизменяемая связка-энклитика: пхал.

e-, *-i*, башк. *-ǝ*, шина *isay*. От неизменяемых связок происходят некоторые формообразующие частицы (например, *-aŭ < is-aŭ* в шина).

В западной подгруппе связка имеет категории лица, числа и — в диалектах ашкун и в дамели в 3-м лице единственного числа — рода. В центральной и восточной подгруппах система сложнее. Связка не имеет категории лица в вотапури, группе кохистани и в пхалуре, что отражается на всей системе финитных форм в этих языках. Остальные языки прослеживают лицо связки. Категория числа отмечается в связке почти всюду, за некоторыми исключениями: в башкарик число не различается совсем, в торвали числа не различает только связка женского рода, в пхалуре связка *hinu* не различает числа в мужском роде, связка *thū* неизменяема; в майян число не различается в настоящем времени в обоих родах (в каньяв. — только в ж. р.) и т. д. Категория рода отмечается в связке во всех языках центральной и восточной подгрупп, кроме майян, кховар и калаша. Однако развитие ее по языкам неравномерно: в кашмири род прослеживается во всех лицах и числах, в шина — во всех лицах единственного числа, в шумашти — в 1-м и 3-м лице единственного числа, в тирахи, гавар, дамели — в 3-м лице единственного числа, в пашаи — во всех лицах и числах, но только в прошедшем времени, и т. д.

Связка служит для образования различных аналитических финитных форм и как составная часть именного сказуемого.

Из других вспомогательных глаголов наиболее характерны *bh-*, *b-* 'стать', 'мочь', употребляемые с нефинитными формами в оборотах возможности и долженствования, глаголы «приходить», «становиться», используемые в пассивных оборотах, и глаголы «идти», «иметь», употребляемые для образования некоторых видо-временных форм.

В формообразовании глагола участвует большое количество частиц (в основном при образовании форм сослаг. накл. и отдельных форм изъявит. накл.). Их происхождение не всегда ясно. Некоторые возникли из застывших глагольных форм (см. стр. 307).

Особое место занимает отрицание. Как правило, выражается отрицательной частицей *na*, *no*, *ni* и т. п., стоящей перед глаголом: вайг. *tasā nā prēās* 'он не дает ему', прас. *n-āblyegni* 'не отдает', вот. *ni pīrānan* 'не знаю', тир. *nā-dita* 'не дал', шина *nē thēmūs* 'не хочу' и т. п. В кашмири отрицание стоит после глагола: *wiichh-nā* 'не вижу', *karān chekh-nā* 'ты не делаешь'. В кашмири отмечаются также запретительные частицы: *mā-* и вежливая *matz*: *mā-kar* 'не делай', *mā-kar'ən* 'пусть он не делает', *matz kār'tan* 'пусть он не делает'. В шина в оборотах возможности используется отрицательный глагол *dūboŭkī* 'не мочь' (ср. *boŭkī* 'мочь'): *ma bāyoŭkī dūbqmūs* 'я не могу сидеть'.

НЕФИНИТНЫЕ ФОРМЫ

Инфинитив образуется от основы или корня различными (по языкам) суффиксами. В некоторых языках имеется по два типа инфинитива с различными показателями. Наиболее распространенные суффиксы: 1) *-Vn* с различными огласовками: вайг. *-ā*, ашк. *-n*, *Ūr*, вот. *-u*, *-ā*, *-ūl*, тир. *-n*, майян *-ō* (каньяв. *ā-*, *-ō*, *-l* и т. п.), кашм. *-un* (м. р.), *-ən'* (ж. р.), прас. *-ā*, *-ō*; 2) *-ek(i)*, *-ik(i)* и т. п., образующие форму, которая является и инфинитивом, и именем действия: прас. *-nik/g*, гавар *-ik*, пашаи *-ik*, калаша *-(l)k*, кхов. *-ik*, *-eik*, *-uik*, шина *-oŭkī*; 3) *-l*, образующий форму, которая может считаться и инфини-

Образцы глагольных форм

Форма Язык	Инфинитив	Связка 1-го л. ед. ч.	Повел. накл. ед. ч.	Наст. вр. 1-го л. ед.	Буд. вр. 1-го л. ед.	Имперфект 1-го л. ед. ч.	Перфект 1-го л. ед. ч.
Кати	<i>ačipasth(ə)</i> 'бежать'	<i>asum</i>	<i>ačipo</i> 'беги'	<i>ačipam</i> 'бегу'	<i>ačunlom</i> 'побегу'	<i>ačunazzam</i> 'бежал'	<i>ačunim</i> 'убежал'
Вайгали	<i>čarad</i> 'пасти'	<i>om, w'em</i>	<i>w'e</i> 'ешь'	<i>w'am</i> 'ем'	<i>matrālom</i> 'скажу'	<i>matrāsīm</i> 'говорил'	<i>āštā-om</i> 'пришел'
Ашкун	<i>wəɽ</i> 'есть'	<i>sem</i> (ə)səm	<i>leštē</i> 'беги'	<i>leštērum</i> 'бегу'	<i>kulim</i> 'сделаю'	<i>gōm</i> 'шел'	<i>nišiməstəm</i> 'сел'
Прасун	<i>rəznik/g</i> 'идти'	<i>sum, esemo</i>	<i>as</i> 'приходи'	<i>rəznagasum</i> 'иду', 'пойду'	<i>rəznig-lam(o)</i> 'пойду'	<i>oimō-syēsūm</i> 'ел'	<i>orodog-lam(o)</i> 'побил'
Дамели		<i>thum</i>	<i>kure</i> 'делай'	<i>kurimam, kurim</i> 'делаю'	<i>kurim</i> 'сделаю'	<i>kupim-tha</i> 'делал'	<i>kuri-thum</i> 'сделал'
Гавар	<i>lik</i> 'бить'	<i>thanaim, thanem</i>	<i>niš</i> 'сядь'	<i>kərimim</i> 'делаю'	<i>li(ɨ)mo</i> 'дам'	<i>limān-boem</i> 'бил'	<i>šunī-thanaim</i> 'услышал'
Вотанури	<i>khāḏ, -ān,</i> <i>khāī</i> 'есть'	<i>thū</i> (м. р.) <i>thī</i> (ж. р.)	<i>khā</i> 'ешь'	<i>karap</i> 'делаю'	<i>khāwim</i> 'съем'	<i>karap-an</i> 'делал'	<i>ān-thū</i> 'пришел'
Шумашти		<i>inam</i> (м. р.) <i>inim</i> (ж. р.)	<i>āna</i> 'принеси'	<i>pīiam</i> 'пью'	<i>tharelas-em</i> 'ты увидишь меня'	<i>gāim</i> 'видал'	<i>zōetim</i> 'ел'
Пашан	<i>hanik</i> 'ударять'	<i>haīm, (h)am</i>	<i>gōrā</i> 'возьми'	<i>hanīkam</i> 'бью', 'ударю'	<i>hanāwāimim</i> 'ударю'	<i>hanēgiāik-im</i> 'бил'	<i>hanīk-am</i> 'ударил его', <i>hanīč-am</i> 'ударил ее'

Примечание. Пустая клетка указывает на отсутствие данных, подчеркнутая — на то, что указанное значение в этом языке передается другой формой.

Форма Язык	Инфинитив	Связка 1-го л. ед. ч.	Повел. изкл. ед. ч.	Наст. вр. 1-го л. ед. ч.	Буд. вр. 1-го л. ед.	Имперфект 1-го л. ед. ч.	Перфект 1-го л. ед. ч.
Тирахи	<i>karap</i> 'делать'	<i>tim</i>	<i>karə</i> 'сделай'	<i>dēma</i> 'даю', 'дам'	<i>ba dēm</i> 'дам'	—	<i>ačita-ti</i> 'купил-это'
Калаша	<i>karik</i> 'делать'	<i>asam</i>	<i>hali</i> 'принеси'	<i>par-im</i> 'иду', 'пойду'	—	<i>dīman asis</i> 'давал'	<i>hali asam</i> 'принес'
Кховар	<i>koriḱ</i> 'делать'	<i>asum</i>	<i>angve(h)</i> 'принеси'	<i>gañim-an</i> 'беру'	—	<i>korau asistam</i> 'делал'	<i>kori asum</i> 'сделал'
Торвали	<i>oḷḷsa</i> 'открыть'	<i>thū</i> (м. р.) <i>čhī</i> (ж. р.)	<i>kō</i> 'делай'	<i>baze-dū</i> 'иду'	<i>gin-in</i> 'возьму'	<i>kuḍē-ṣū</i> 'был'	<i>gin-thū</i> 'взял'
Башкарик		<i>thū</i> (м. р.) <i>thī</i> (ж. р.)	<i>kar</i> 'делай'	<i>uānt</i> 'прихожу'	<i>uēt</i> 'приду'	<i>uāiṣ</i> 'приходил'	<i>kheg</i> 'съел'
Майян	<i>kujo</i> 'бить'	<i>thu</i>	<i>dai</i> 'дай'	<i>bhaiṭ-thū</i> 'живу'	<i>maṇa-ṣat</i> 'скажу'	<i>kuṭ-ḍs</i> 'бил'	<i>kuṭa-thū</i> 'побил'
Пхалура		<i>hini</i> (м. р.) <i>hini</i> (ж. р.)	<i>tha</i> 'делай'	<i>thāni</i> 'делаю'	—	—	<i>thīu hini</i> 'сделал'
Шина	<i>zātoṭkī</i> 'бить'	<i>hānus</i> (м. р.) <i>hānis</i> (ж. р.)	<i>zamē</i> 'бей'	<i>zamēmīs</i> (м. р.) <i>zamēmīs</i> (ж. р.) 'бью'	<i>zamāt</i> 'побью'	<i>hārēmīsīs</i> (м. р.) <i>hārēmīsīs</i> (ж. р.) 'забирал'	<i>hārīganīs</i> 'забрал'
Кашмири	<i>wičhin</i> 'видеть'	<i>čhus</i> (м. р.) <i>čhes</i> (ж. р.)	<i>wičh</i> 'смотри'	<i>čhus wičhān</i> 'вижу'	<i>āṣw wičhān</i> 'увиджу'	<i>ōṣus wičhān</i> 'видел'	<i>čhus wičh-miṭ</i> 'увидел'

тивом, и расширенной основой в нефинитной (именной) функции (-ī в ряде случаев факультативен); отмечается в ашкун, вотапури и, возможно, вайгали¹³. Употребляется в оборотах возможности и долженствования: ашк. *šipāi na bārāi* 'я не могу сломать', вайг. *ēi ni bām* 'я не могу прийти', вот. *au then zibi ni bān parzi* 'я не могу понять твоего языка'. В некоторых языках в этой функции употребляется чистая основа: пхал. *na thāā bhūm* 'я не могу этого сделать'.

Отмечаются и другие инфинитивные показатели более частного распространения: -*wa* в гавар (*kerawa* 'делать', *biawa* 'быть'), -*ōsa*, -*ūsa* в торвали (*olōsa* 'открыть', *uōsa* 'приходить') и т. п.

В зависимости от функций инфинитивы обладают определенным набором словоизменительных показателей. Ср., например, формы инфинитива на -*stā*, -*ste*, -*sta*, родственные по функциям предикативной форме прилагательных, в кати, вайгали и ашкун (в вайг. она образуется от инфинитива на -*ū*: *ū tū-bā pūr bāstā nīy-oi* 'это не для меня — быть твоим сыном'). Инфинитивы могут изменяться по падежам и принимать послелогии: шина *vayōlkyēi khābar* 'известие о его приходе', тир. *pas diyan-ma ao gēma* 'после битья я уйду', кашм. *karanas k'ut* 'для делания', *ganān'z gauv* 'он пошел варить'. В кашмири инфинитив имеет категорию рода, согласуясь в нем с объектом: *wath wičhān'* 'видеть дорогу' (ж. р.).

Причастные и деепричастные формы отмечаются в каждом языке в большом количестве, употребляются самостоятельно и в составе сложных финитных форм и сложновербальных глаголов. По образованию весьма многообразны. Из древних причастий прослеживаются немногие: 1) причастия на *-*ta* в основном в виде основ прошедшего времени, реже — в виде причастий прошедшего времени (кати *mā*, вот. *mur*, пхал. *muṛo* 'умерший', торв. *kuḍu* 'ударивший', 'ударенный', башк. *kir* 'сделавший' и т. п.)¹⁴; 2) причастия на *-*ka* прослеживаются в виде причастий прошедшего времени на -*ek*, -*ik*, -*ak* и т. п. (прас. *kōlyog* 'названный', пашаи *patik* 'ушедший', калаша *saprek* 'нашедший', башк. *khēg* 'съевший' и т. п.). В отдельных языках прослеживаются в основе прошедшего времени: шина *hārīgās* 'я забрал'; 3) рефлексy причастного суффикса *-*ant*- отмечаются в причастиях и деепричастиях настоящего или будущего времени — в кашмири, пхалуре, майяи, башкарик, калаша, пашаи, вотапури, гавар, дамели, вайгали, кати (кашм. *wičhān* 'видящий', майяи *kuḥant* 'бьющий', башк. *uānt* 'приходящий', вот. *karan* 'делающий' и т. п.).

Причастия в дардских языках имеют ряд именных и глагольных черт. Они прослеживают те же категории, что и прилагательные (кроме степеней сравнения): род, число, падеж. Например, в кашмири причастие прошедшего времени глагола *wičh-* 'видеть' имеет формы: ед. ч. м. р. *wičh*, ж. р. *wēch*, мн. ч. м. р. *wēch*, ж. р. *wēch'z*. Склоняются, как прилагательные соответствующих родов. В языках западной подгруппы отмечаются причастия на -*stā* (кати), -*štā* (вайг.), -*ste* (ашк.), связанные, возможно, с предикативными формами прилагательных. Причастия имеют видо-временные признаки (отмечаются прич. наст., пр., буд. вр., перфектные и т. п.), модальные (сослагательные причастия в каньяв., пхал. и др.), залоговые (акт. и пасс. прич. в майяи, прас. и т. п.).

Деепричастия и причастно-деепричастные формы образуются не-

¹³ Формы типа *ēi* 'приходить' в вайгали можно считать и инфинитивом, и основой.

¹⁴ Древние причастия на *-*na* в самостоятельной функции не отмечаются.

большим количеством разных (по языкам) суффиксов. Наиболее распространены: *-ti, -t*: кати *yu-ti* 'поедая', вайг. *gai* 'уйдя', ашк. *geṭi* 'уходя', прас. *āṭi* 'схватив', гавар *nisi* 'уходя(щий)', калаша *žui* 'поедая', кхов. *kʰri* 'сделав(ший)', каньяв. *utʰi* 'встав(ший)', пхал. *ghini* 'взяв' и т. п.; *-aṇ, -en*: дам. *trapeṇ* 'бежа', пашаи *kataṇ* 'делая' и т. п. В отдельных случаях отмечается образование редупликацией: кашм. *ṭṭṭh-ṭṭṭh* 'постоянно видя'.

Эти формы употребляются самостоятельно, в роли обстоятельств (ашк. *uṣṣeṭi giṭ aṭom* 'положив на спину, пойду'), в составе модальных и временных оборотов (прас. *no orodi woloksum* 'я не могу бить', *orodi-ṭkoma* 'покончив с битьем'), оборотов состояния (пхал. *ta utthi hini*, вайг. *ye utiā bōm* 'я стою' букв. 'я вставши есмь, был') и сложно-вербальных глаголов (кати *aṣṇam ie* 'бегом беги' букв. 'бежа иди', ашк. *ai miṭṭi aṣṣem* 'я прибежал' букв. 'бежа пришел', дам. *trapeṇ uṣṇim* 'я бегу' букв. 'бежа прихожу', вайг. *saṇim gōi* 'он побежал' букв. 'бежа ушел').

Во многих языках прослеживается специальная глагольная форма деятеля, отличающаяся от причастных форм: прас. *yāyi wṣṭi n-ab-lyegṇi ozmoso* 'отец не отдает (букв. не-отдаватель) ее в жены', гавар *ṭam-keriṭa* 'работник', *dūṭāiṭa* 'лгун', вот. *khaṭṭṭkai* 'едок', кхов. *māṛak* 'убийца', *ṣaṇik-raṭiṭak* 'пекарь', каньяв. *dṭaṭṭuk* 'податель'. шина *haroṭkṣṭik* 'забиратель', кашм. *anaṣṇin, anaṭṭōl* 'приноситель'.

ФИНИТНЫЕ ФОРМЫ

В дардских языках отмечаются флективные и аналитические финитные формы. Флективные формы образуются прибавлением личных окончаний к корню (кати наст. вр. *aṣṇam* 'я бегу'), основе (ашк. буд. вр. *kalim* 'я сделаю') или причастию (кати пр. вр. *aṣṇim* 'я убежал'). Распространены в основном в западной подгруппе и в части языков центральной подгруппы, а также в языке шина. В ряде случаев эти формы вторичны, образованы из аналитических сочетаний. Аналитические формы образуются из нефинитной формы прибавлением вспомогательного глагола (торв. *gina-dū* 'я беру', кашм. *ṣṇus wiṭṭhāṇ* 'я вижу' — из прич. наст. вр. и связки, кашм. *uṇ wiṭṭhāṇ* 'быть видимым' — из инф. в косв. пад. II и гл. *uṇ* 'приходить') или местоименных энклитик (особенно в кашм., см. прим. на стр. 294).

Кроме того, широко распространено, особенно в языках восточной (кроме шина) и отчасти центральной подгруппы, употребление в функции сказуемого, т. е. в роли финитной формы, нефинитных (причастных и деепричастных) форм без каких-либо показателей: пхал. *thāṇi* 'он делает' (прич. наст. вр. м. р. ед. ч.), *thēṇim* 'они, женщины, делают' (то же прич. в ж. р. мн. ч.), *esa kuri gi* 'эта женщина ушла' (прич. пр. вр. ж. р. ед. ч.). Такое употребление встречается и в западной подгруппе, когда в аналитической форме 3-го лица единственного числа отсутствует связка: кати *aṣṇi* 'она убежала' (прич. пр. вр. в ж. р.), ср. *aṣṇim* 'я убежал' (то же прич. с показателем 1-го л. ед. ч.).

Как правило, формы повелительного наклонения и аориста образуются флективно — от корня или основы настоящего времени; перфект, преждепрошедшее время и пассив — аналитически; остальные формы варьируют по языкам.

Глагольные формы прослеживают грамматические категории залога, наклонения, вида, времени, лица, числа, рода, переходности — непереходности.

Залог. В основном речь строится в активном плане. Возможность пассивных построений отмечена в кашмири, шина, майян, калаша, тирахи, вотапури, гавар, прасун, кати. Флективно пассив выражается только в шина (суфф. *-iž*: *zamam* 'я буду бить' — *zamižam* 'я буду бит'). В остальных языках — аналитическими оборотами: в майян и прасун пассивными причастиями, в тирахи и калаша — причастиями со связками (майян *ku'ais-thū*, прас. *orodonog-si*, тир. *mē dita wā-ma* 'я был побит', калаша *ā ti-gari thi āsis* 'я был бит', *ā ti-avna him* 'я буду бит'); в вотапури и кати — причастиями с другими вспомогательными глаголами (вот. *men zidā ciraj gā-thū* 'моя одежда порвалась' букв. 'порвана пришла-есть'); в кашмири, гавар и прасун — инфинитивом с вспомогательными глаголами (кашм. прим. см. на стр. 300, гавар *lewān-ga* 'был найден' букв. 'найденно-пришел', прас. *ižatik wōksə* '[он] найден' букв. 'найденно стало').

Наклонение. Наиболее четко по всем языкам выражено противопоставление изъявительного и повелительного наклонений. Изъявительное наклонение представлено большим количеством форм, выражающих констатацию совершения действия (иногда с некоторыми модальными оттенками). Повелительное наклонение представлено обычно двумя формами — единственного и множественного числа 2-го лица. В единственном числе выступает, как правило, чистый корень или основа (вайг. *dī* 'иди', *ās* 'приходи', вот. *buz* 'слушай', *khā* 'ешь' и т. п.) или с различными наращениями (калаша *kari* 'делай' из *kar-*, прас. *pəzis* 'иди' из *pəzi-*, кхов. *māreh* 'убей' из *mār-*). Во 2-м лице множественного числа используется особый показатель, не совпадающий с аналогичными показателями других наклонений (шина *zameā* 'бейте', пхал. *thawa, thōyo* 'делайте', кхов. *mārur* 'убейте'). В очень немногих языках отмечаются формы 1-го и 3-го лица множественного числа повелительного наклонения, представленные обычно аналогичными формами сослагательного наклонения, иногда с изменениями огласовки.

Особая система повелительного наклонения отмечена в кашмири, где прослеживается пять форм: две из них неизменяемы (условно их можно было бы выделить в должностовательное наклонение: буд. вр. *wəchz'ə* 'ты должен будешь посмотреть' и пр. вр. *wəchz'əh'ā* 'ты должен был смотреть'), три имеют формы 2-го л. ед. и мн. ч. и 3-го л., общую для единственного и множественного числа (повел. простое *wičh* 'смотри', вежливое *wičhtə* 'посмотри-ка' и длительное *is wičhān* 'посматривай').

Сослагательное наклонение прослежено не во всех языках, возможно, за недостатком материала. Отмечается в кати, вайгали, прасун, ашкун, вотапури, кховар, торвали, башкарник, гарви, каньявали (в собственно майян не отмечено), пхалура, шина, кашмири. Формы сослагательного наклонения образуются теми же способами, что и изъявительного. При этом формы настоящего-будущего времени, как правило, флективны (вайг. *uām*, ашк. *uim* 'я бы ел', башк. *tačam* 'я бы сказал', каньяв. *dam* 'я бы дал', кашм. *wičhə* 'я бы увидел'), реже отмечаются аналитические образования на базе причастий (прас. *pəzəm'is* 'ты бы пошел', кашм. *āsahə wičhān* 'я бы посмотрел') или чистые причастия (торв. *a te-gē dai* 'я дал бы тебе'). Формы прошедших времен чаще образуются аналитически из причастий и связок (вайг. *pal-ō'im* 'я дал бы', прас. *orodogārasəm* 'я побил бы тебя снова'), флективные формы отмечаются только в кашмири, ашкун и кати. Отмечается употребление и чистых причастий: каньяв. *s' karil* 'он сделал бы' (сослаг. прич.).

Во многих языках модальная окрашенность текста передается особыми частицами, употребляемыми в предложениях с глаголами и сослагательного, и изъявительного наклонения. Такие частицы отмечаются в каньяв. (*khē*), ашкун, прасун, дамели (*ba*), вайгали (*tā*), калаша (*pe*, *-e*, *-a*, *-uri* — при различных формах) и ряде других языков: каньяв. *karil khē* (сослаг. накл.), *kir khē* (изъяв. накл.) 'он сделал бы'. В ряде случаев такие частицы выступают как формообразующие, переводящие глаголы из изъявительного в сослагательное наклонение: калаша *mei put pe hii* 'имел бы я сына', гавар *phusaus bo* 'он потерял бы', прас. *g'zem-ra* '[когда] я принесу', шина *zamēm-sik(i)* 'я бы побил'.

В языках западной подгруппы, вотапури, пашан и, возможно, других в ряде случаев модальность выражается формами изъявительного наклонения в определенном контексте: вайг. *dūs tū āriš, tū iirai i partōš* 'если бы ты пришел вчера, я дал бы тебе много рупий'.

В отдельных языках кроме перечисленных наклонений отмечают другие модальные формы: в шина — уступительное наклонение (для 3-го л. ед. ч.: *zamōt* 'пусть только побьет'), в вотапури — ирреальное, имеющее три аналитические формы на базе причастий: *then anse jōr thimen-ai* 'они должны [были] бы вылечить твои глаза' (безотносительно ко времени), *ai cōn thimānai* 'он должен [сейчас] был бы идти'; *ai ni cū thimānai* 'я не должен был бы ходить' (в прошлом).

Помимо модальных форм отмечается много различных модальных оборотов: пхал. *lahoturi na yāindeu* 'завтра я не смогу прийти', вайг. *ēi na bām* 'я не могу прийти' и т. п.

Вид. В большинстве дардских языков не отмечается четкого противопоставления глагольных форм по видовому признаку, кроме кашмири, где противопоставлены три видовые формы: нейтральная, длительная и результативная. Некоторые видовые оттенки отмечаются и в других языках в ряде видо-временных форм. Так, оттенок результативности наблюдается в формах перфекта и преждепрошедшего времени. Имперфект выражает, как правило, действие длительное, незавершенное: вот. *karan-ai* 'он делал' (имперфект), *kawal se ai-thū* 'когда он пришел?' (перфект), *mai pud-ai* 'я уже выпил' (преждепр. вр.). В отдельных языках (тир., шина, калаша) отмечается форма настоящего длительного или настоящего обычного, отличная от нейтральной формы настоящего времени. Ср. шина *zamētaḥ* (*hānūs*) 'я бью' (наст.-длит. вр.) и *zamētūs* 'я бью' (наст. вр.). Особая форма будущего совершенного, образуемая от перфекта частицей *dāš*, отмечается в шина: *hariganūs dāš* 'я заберу' наряду с формами будущего времени типа *zamam* и *zamam dāš* 'я буду бить', не имеющими оттенка завершенности.

Категория времени выражается в различных видо-временных формах разных наклонений. При этом повелительное наклонение имеет обычно (кроме кашм.) одну видо-временную форму, сослагательное — две или немногим больше, изъявительное — максимум форм, возможных для данного языка.

Время выявляется из всех компонентов форм. Показателей времени, кроме аугмента, нет. Флексивные формы выявляют время использованием основ настоящего или прошедшего времени (в тех языках, где эти основы различаются), типов окончаний — в тех языках, где различаются окончания разных времен (например, окончания наст. и буд. вр. или пр. вр. и имперф. и т. п.). Во флексивных

и аналитических формах, образованных от причастий, а также в тех случаях, когда временная форма выражена чистым причастием, время финитной формы определяется временем причастия. При употреблении в формообразовании связки важную роль играет ее видо-временная форма. Так, в башкарик настоящее время выражено причастием настоящего времени: *yānt* 'прихожу', имперфект — тем же причастием со связкой в прошедшем времени *yā'š* 'приходил'; прошедшее время выражено причастием прошедшего времени: *khēt* 'съел', перфект — перфектным причастием (*khēg* 'съел') или причастием прошедшего времени со связкой настоящего времени: *kirtu* (<*kir-thu*) 'сделал'; преждепрошедшее время представлено основой или причастием прошедшего времени со связкой прошедшего времени: *yāše* 'пришел', *gāš* 'ушел' и т. п.

Имперфект образуется обычно от основ или причастий настоящего времени (см. выше). Форма преждепрошедшего времени обычно сходна по образованию с прошедшим временем или перфектом и отличается от них прошедшим временем связки; например, в гавар перфект состоит из причастно-деепричастной формы на *-i* и связки настоящего времени: *šuni-thana'im* 'я слышал', преждепрошедшее время — из той же формы и связки прошедшего времени (т. е. глагола *b-* 'быть'): *mt-būa* 'он [уже] умер'.

В образовании видо-временных форм принимают участие и другие вспомогательные глаголы; так, в ашкун преждепрошедшее время образуется от причастия на *-ste* и прошедшего времени глагола *g-* 'идти': *geste gōm* 'я уже ушел'; в прасун формы будущего, перфекта и преждепрошедшего времени образуются глаголом *la-* 'иметь', присоединяемым в форме настоящего времени соответственно к инфинитиву (*pəznig-lam* 'я пойду' — буд. вр.), причастию прошедшего времени на *-g* (*orodog-lam* 'я побил' — перфект) и — в форме прошедшего времени — к причастию прошедшего времени на *-g* (*orodog-lasəmo* 'я [уже] побил' — преждепр. вр.).

В ряде языков некоторые видо-временные формы образуются от других финитных видо-временных форм присоединением неизменяемых частиц (некоторые из них произошли из неизменяемых форм связки, см. стр. 302): вот. *karan* 'я делаю' (наст. вр.) — *karan-aū* 'я делал' (имперф.), шум. *dōetim* 'я вымыл' (пр. вр.) — *dōetim-ara* 'я вымыл' (перф.), калаша *parim* 'я иду, пойду' (наст.-буд. вр.) — *parim dai* 'я иду' (наст.-длит. вр.), кховар *gañin* 'я взял бы' (аор.) — *gañin-an* 'я беру' (наст. вр.); шина *hāriganūs* 'я взял' (перф.) — *hāriganūs dāš* 'я заберу' (буд. соверш. вр.). Об аугменте см. выше.

В большинстве дардских языков имеются различные формы для настоящего и будущего времени изъявительного наклонения, но отдельные языки прослеживают одну форму настояще-будущего времени (калаша, диалекты пашаи). В некоторых языках отмечается употребление форм настоящего времени в функции прошедшего (*praesens historicum*) в стилистических целях: торв. *mē pō-si šū bane-ži* 'сестра этого мальчика сказала' (букв. 'говорит'); вайг. *ew suddū gōla ken disāi* 'он пошел' (букв. идет) в некую далекую страну. Несколько смещены временные значения видо-временных форм глаголов состояния: перфект этих глаголов указывает на состояние в настоящем: гавар *niši-thanek* 'он сидит', шум. *nisāinam* 'я сижу'.

Категория числа выражается во всех языках. В флективных формах ее носителями являются личные показатели (ашк. *gōm* 'я шел' — *gōmīš* 'мы шли'), в аналитических — вспомогательный глагол (прас *pəzəga-sum* 'я иду', 'пойду', *pəzəga-səmiš* 'мы идем', 'пойдем'; кашм.

ōsus wičhān 'я видел', *ās' wičhān* 'мы видели'). В тех случаях, когда в функции финитной формы выступает причастие, категория числа представлена числом этого причастия: кашм. *m'e wičh* 'я видел (его)' (ед. ч.) — *m'e wəčh* 'я видел (их)' (мн. ч.); каньяв. *ma karāth(ā)* 'я делаю' (м. р. ед. ч.), *bē karāthē* 'мы делаем' (мн. ч.).

Лицо выражается в личных окончаниях флективных форм, связках и местоименных энклитиках (см. выше, стр. 295—296).

В западной подгруппе, большей части языков центральной подгруппы (кроме вотапури) и в шина и кашмири категория лица пронизывает почти всю систему глагола. В вотапури, пхалуре и группе кохистани она отмечается только в аористе. Остальные формы изъявительного и сослагательного наклонений лица не имеют. Все финитные формы представлены здесь либо одними причастиями, имеющими только категории рода и числа, либо сочетаниями причастий со связками, которые в этих языках также не имеют лица. Лицо субъекта и объекта выявляется из контекста. В торвали, где аорист выражен причастием будущего времени, категория лица отсутствует вовсе.

В качестве примера такой системы безличных финитных форм можно привести систему форм изъявительного наклонения каньявали:

	Связка	
	Настоящее время	Прошедшее время
	ед. ч. мн. ч.	ед. ч. мн. ч.
Мужской род	<i>thū thē</i>	<i>ās(ā/ū) āse</i>
Женский род	<i>thī</i>	<i>ēs āsi</i>

Настоящее время выражено причастием настоящего времени соответствующего рода и числа: *ma karāth(ā)* 'я (м. р.) делаю', *ma karāthi* 'я (ж. р.) делаю', *bē karāthē* 'мы делаем'. Имперфект образуется из корня и связки прошедшего времени: *khāsā* 'ел', *khāēs* 'ела'. Будущее время представлено причастием будущего времени: *dhaiśat* 'возьму', 'возьмешь', 'возьмет'. Прошедшее время представлено причастием прошедшего времени *uthgā* 'встал'. Перфект образуется из корня и связки настоящего времени: *uth-thū* 'встал' и т. п.

Частое употребление энклитических местоимений для выражения лица при формах, выраженных причастиями, в кашмири, пашан и некоторых других языках (см. стр. 293—294) свидетельствует о тенденции к становлению здесь новой личной флексии.

Категория рода выявляется, как правило, в аналитических формах — родом связки (шина *hārigīs* 'я забрал', *zamegīs* 'я была', кашм. *ōsus wičhān* 'я видел', *āsās wičhān* 'я видела') и в причастиях, выступающих в функции финитных форм, — родом причастий: кашм. *m'e wəčh* 'я видел (мужчин)', *m'e wəčhē* 'я видел (женщин)', каньяв. *ma karāth(ā)* (м. р.), *ma karāthi* (ж. р.) 'я делаю'. Род выявляется только в тех языках, где связка или причастия имеют категорию рода.

Переходность — непереходность выражается в различных типах спряжения переходных и непереходных глаголов. В основном это относится к претеритальным формам, т. е. формам, образованным от древних и современных причастий прошедшего времени. Переходные глаголы в этих формах по целому ряду языков согласуются в лице, числе и роде (где они выражены) с объектом, непереходные — с

субъектом действия. Это отмечено почти во всех языках западной подгруппы (кроме прас. и дам.), в части языков центральной (вот., шум., тир., пашаи) и восточной (торв., пхал., кашм.) подгрупп. В языках прасун, дамели, гавар, калаша, кховар и шина глагол согласуется с субъектом¹⁵. Примеры: вот. *mał ta maniš pašū* 'я того человека увидел', *mał ta manišā pašūē* 'я тех людей увидел', *mał ta zūt pašūi* 'я ту женщину увидел'; пашаи: *hanik-am* 'я [его] ударил', *hanic-am* 'я [ee] ударил', *hanik-an* 'мы [его] ударили', *hanic-an* 'мы [ee] ударили'; дам. *tu kurum* 'я сделал', гавар *rasawut* 'я сварил'; шина *härīgās* 'я забрал'.

Переходность глаголов в претеритальных формах подчеркивается эргативной конструкцией всего предложения в целом (см. стр. 307), прослеживаемой и в языках субъектного согласования глагола (дам., гарви, шина). Имперфект, выражающий прошедшее действие, но образуемый не по претеритальному типу, как правило, не образует эргативных конструкций. В ряде языков отдельные глаголы могут спрягаться как переходные и непереходные: вайг. *matr-* 'говорить', например *ū matra-re* (эргативная конструкция), *matre-erem* (номинативная) 'я сказал'. В ряде языков (ашк., пашаи, башк., тир., вот. и др.) исследователи отмечают нарушение эргативной конструкции в падежах объекта и субъекта и в согласовании глагола.

Переходность—непереходность в ряде языков выражается в различном формообразовании глаголов: в прасун формы прошедшего времени от причастия на *-k/-g* переходных глаголов образуются особыми личными окончаниями (*orodomo* 'я побил'), непереходных — связкой (*pažāksum* 'я ушел'), в вайгали и гавар различаются огласовки окончаний переходных и непереходных глаголов и т. д.

В шина переходность маркируется присоединением послелога деятеля к имени, выражающему субъект, независимо от видо-временной формы глагола.

С переходностью—непереходностью связано и наличие пассивных форм и оборотов в ряде языков (см. стр. 301).

§ 12. Наречия представлены слабо. За исключением местоименных (см. «Местоимения», стр. 293), собственно наречия встречаются редко (шина *čāl* 'скоро', 'рано', *nē* 'снова' и т. п.). В основном в адвербной функции употребляются имена существительные и прилагательные: шина *ro mišū mūšāi goł* 'дом этого хорошего человека', *ō šūdarsē qom mišū thēi* 'этот мальчик работает хорошо'.

§ 13. Служебные слова. Предлоги и послелоги. Предлоги, а главным образом послелоги являются одним из основных средств выражения синтаксических отношений имен, используемым наряду с падежной системой, а в языках, где падежная система бедна (гарви, кати) или охватывает не все категории имен (маяян, тир. и др.), они занимают ведущее место. Предлоги встречаются редко. Основная роль принадлежит сильно развитой системе послелогов.

Послелоги можно разделить условно на две группы. Первая включает так называемые именные послелоги, т. е. имена (существительные, прилагательные, наречия), употребляемые в служебной функции и теряющие при этом — в той или иной мере — свое значение. Произносятся обычно изолированно, не сливаясь с оформляемым именем. Их синтаксические функции тесно связаны с их значением и потому обычно носят конкретный характер (направительный, ис-

¹⁵ В башкарик, гарви и маяян за недостатком материала согласование проследить не удалось, однако, по косвенным данным, оно должно быть объектным.

ходный, цели, совместности и т. п.): кхов. *ma durār tañ dura pat* 'от моего дома до своего дома'; калаша *dādas-kai* 'к отцу', тир. *gā dūr mulkasi* 'он пошел в далекую страну', вайг. *amā kačāt dāγγi* 'он приблизился к дому', кати *tot-əs-ta* 'к своему отцу', кашм. *suh rapan'əs māl'əs n'əsš gayāw* 'он пошел к своему отцу'. Некоторые послелогои не утратили словоизменения: вайг. *ken* (косв. пад. *keni/e*), кашм. *k'ut* (ед. ч. им. пад. м. р. *k'ut*, ж. р. *k'əs*, мн. ч. им. пад. м. р. *k'əl'*, ж. р. *k'əsə*; склоняются как сущ. соответственно II и III скл.).

Вторая группа объединяет послелогои, происшедшие частью, возможно, из древних падежных окончаний (послелог принадлежности *-ā* в майян, гарви, вотапури и др., деятеля *-s* в шина и т. п.), частью из послелогов первой группы, утеравших лексическое значение. Послелогои второй группы имеют широкий диапазон значения (фактически это просто показатели синтаксических функций, как и падежные флексии) и произносятся слитно с оформляемым именем. Они представляют промежуточную ступень между служебными словами и флексией. Особенно это ощущается в местоимениях, где послелогои второй группы практически переходят в разряд флексии. Ряд падежных форм существительных в различных дардских языках являются по происхождению послеложными сочетаниями. Отмечаются случаи, когда имена, оформленные послелогоми этой группы, уточняют свои синтаксические функции послелогоми первой группы: кашм. *g'ər'-sand'ə sv'əč* 'с лошадью', шина *mēčē-ž-āžē* 'на столе', гарви *īsāl-ē-kēr* 'для женщины' и т. п. Таким образом, послелогои второй группы являются базой становления новой падежной системы агглютинативного типа в дардских языках, примеры: калаша *atai-pi bihim dāi* 'я боюсь тебя', *mimi-sum krom karem* 'я буду работать с вами', кашм. *əm' h'ut rapn'i'ə safr-uk rauz tə patz waniip* 'он начал рассказывать о впечатлениях (букв. признаках и следах) своих странствий' (примеры слияния послелогов с местоимениями см. стр. 290).

Предлоги встречаются значительно реже и в немногих языках. Прослежено лишь некоторое количество предлогов в западной подгруппе. Наблюдается та же тенденция, что и в послелогох — стремление к слиянию предлога с основой. Это проявляется в том, что предлоги ставятся в ряде случаев непосредственно перед именем, разбивая определительные сочетания: вайг. *ā a-kār gōi* 'это вошло в мое ухо' (т. е. 'я услышал' букв. 'мое в-ухо вошло'). В некоторых случаях они превращаются в префикс: таковы местно-направительные префиксы *pā-*, *pə-* в кати, ашкун, вайгали (ср. послелог *-pa* в прас. с тем же значением), *tə-*, *t-* в прасун (ср. послелог *-la* в ашк. и кати с тем же значением), употребляющиеся непосредственно перед основой: ашк. *kuī p-āma dīlga* 'иди в их дом', кати *p-ama* 'в доме', прас. *ṭikuē tu-gul pəzəgs* 'он пошел в далекую страну'. В прасун эти префиксы распространены очень широко.

Союзы. Союзов прослежено немного. Из сочинительных союзов отмечаются соединительные: дамели, вайгали *o*, ашкун *au*, *tə*, кашмири *tə*, шина *ga'a* 'и', 'также', разделительные: прасун *ba*, шина, ашкун и др. *ya* 'или', противительные: дамели, шина *magar* 'но', 'однако', шина *amto*, *lēkīn* 'но' и др.

Из подчинительных наиболее характерно *ki*, встречающееся в ряде языков (кашм., шина и др.) и вводящее различные придаточные предложения, в том числе и прямую речь. В некоторых языках в этих функциях встречаются другие союзы, образованные иногда из относительных и указательных местоимений (вот. *zī*, дам. *le* и

др.). Отмечается ряд других подчинительных союзов с более узким значением: уступительные (дам. *harkī* 'что бы ни', шина *ākhqna* 'хотя'), условные (шина *āgār, to* 'если', кашм.— постпозитивный союз *-au, -hay* 'если': *suh-au kar'əh'ə* или *kar'əh'ə hay* 'если он сделал', *-hay* 'если не') и др.

Частицы исследованы слабо. Отмечаются в основном звательные частицы: препозитивные (кашм. *h'e, ai*, шина *āi, āla* — м. р., *āli* — ж. р., кхов., вайг., дам. *e*, тир., прас. *ai*, кати *eh* и т. п.) и постпозитивные (кати, торв. *ā*, кати, вайг. *o*). В разных языках засвидетельствованы частицы, выражающие отношение говорящего к высказыванию: вопросительные (постпозитивные частицы типа *-a, -ə, -u* в ашк., шина, кашм. и др.), усилительные (кашм. *l'ə, -u*), отрицательные (пхал. *na*, кашм. *nə, nau*, шина *nāua, nāual* и т. п.), утвердительные (шина *awa*) и другие, модальные частицы (см. стр. 302). Отмечается также ряд частиц, принимающих участие в формообразовании глагола (см. стр. 303).

К частицам примыкают модальные слова, т. е. значимые слова в функции модальных частиц (торв. *yā to bapa-du* 'давайте-ка мы скажем', где *yā* 'давайте' — повел. накл. гл. *yosa* 'приходить').

§ 14. Междометия изучены очень слабо. Отмечаются отдельные эмоциональные восклицания: шина *hai āfsōs* 'увы!', различные формулы клятв: шина *khūldāyēkan* '[клянусь] богом!', *pīrēkan* '[клянусь] святым!'

СИНТАКСИС

§ 15. Синтаксические отношения в предложении выражаются различными способами: согласованием, управлением, примыканием, местом неоформленной именной основы в предложении.

Согласование выявляется наличием одинаковых категорий в синтаксически связанных словах. В основном это относится к согласованию финитных форм глагола в роде, числе и лице (где они выражены) с именем, выражающим субъект (в номинативной конструкции) или объект (в эргативной), и к согласованию определяемого с определением в роде, числе и падеже (кроме случаев неизменяемости определений — указательных местоимений, прилагательных или причастий в ряде языков): кашм. *bəḏ lər* 'большой дом' (им. пад. ед. ч. ж. р.), *baḏ lər'ə p'athə* 'из большого дома' (косв. пад. ед. ч. ж. р.).

Управление выявляется в постановке имен в определенных падежных формах или оформлении их послелогами в зависимости от семантики и формы глагола (оформление имени, выражающего субъект, объект, косвенные дополнения и обстоятельства), а также в оформлении формой родительного падежа или послелогами принадлежности имен, выступающих в функции определения по принадлежности.

Особый характер приобретает согласование и управление в эргативных конструкциях, отмечаемых во всех языках, кроме кховар, калаша и прасун. Типы эргативной конструкции по языкам различны в отношении оформления субъекта и согласования глагола. В шина эргативность выражается только в наличии послелога деятеля, присоединяемого к форме именительного падежа имени-субъекта переходных глаголов во всех временах: *mās dēm* 'я дам', *mās hārēmīs* 'я забрал'.

В западной подгруппе — кати, вайгали, ашкун — субъект выра-

жен косвенным падежом, объект — именительным. В кашмири субъект-имя в мужском роде единственного числа выражается падежом деятеля, в других случаях — косвенным падежом II. В ряде языков наблюдаются два типа оформления субъекта и объекта в эргативной конструкции (гавар, шум., дам., пхал., торв., майян), что связано с различием падежной системы существительных и местоимений в этих языках: субъект-существительное ставится в одном из косвенных падежей, объект оформляется прямым падежом (торв. *pōe tapōsiki* 'мальчик задал вопрос', дам. *tyē māše kram kuren* 'те люди работали'); субъект-местоимение ставится в падеже деятеля, объект — в косвенном падеже: шум. *mui tō gāyetim-o* 'я тебя видел', дам. *manī mī binuē* 'он увидел меня'. В башкарик и субъект, и объект оформляются косвенным падежом: *māi thāi līch* 'я тебя видел', но часто заменяются прямым: *ya tathim bāt amušat* 'я забыл его слова'. В тирахи при подлежащем-существительном часто употребляется номинативная конструкция. Подлежащее-местоимение оформляется обычно косвенным падежом: *mē dita wa* 'я ударил', *sure putar tānu māl jama kere* 'младший сын собрал свое имущество'. В вотапури субъект-существительное или местоимение оформляются косвенным падежом: *zūyāy, manīšāy kam kir* 'женщины, мужчины работали', *maḷ, thāl kam kir* 'я, ты работал'.

При различной падежной системе указательных местоимений и существительных определительное сочетание из них в функции субъекта эргативной конструкции выявляет разные падежи: дам. *tani zūāne gaṇē* 'тот (пад. деятеля) юноша (косв. пад.) сказал', шум. *atyen māse kitāb mo ḍit-ām* 'тот (пад. деятеля) юноша (косв. пад.) дал мне книгу'.

Глагол в эргативной конструкции обычно согласуется с объектом, кроме дамели, гавар и шина, где согласование субъектное.

Основные типы словосочетаний:

1. Определительные, состоящие из определяемого существительного и определений — прилагательных, существительных, местоимений и числительных. Определения, как правило (за исключением местоименных энклитик), стоят перед определяемым (шина: *du zāmin-dāri āko mājā gāš benēs* 'поссорились два крестьянина между собой'; пхал. *ase mōša giya* 'те мужчины ушли'; *aḥasi ghōṣṭ ghāṇu* 'его дом большой'; пашан *suratala purtasā bāwai mārātke* 'младший сын его сказал отцу'; вот. *then gōfēā āy-thū* 'я пришел из твоего дома'. Определительное сочетание выполняет роль именного члена предложения и получает соответствующее оформление.

2. Глагольные сочетания, состоящие из нефинитной формы глагола и управляемых ею слов. Все сочетание выступает как именной член предложения: вайг. *tū-kā paḥe-kṛā ācala dābālā kī ō?* 'кто есть идущий за тобой мальчик?'

3. Условно относимые к сочетаниям повторы, выступающие в функциях различных членов предложения. Сам прием редупликации выражает различные оттенки — разделительность: калаша *a tasi mo-ḥan ek-ek rupaṇa dem* 'я дам тем людям по одной рупии', множественность: шина *bīlēn bīlēn thēgē* 'они давали [ему много разных] лекарств'; длительность: кашм. *waḥh-waḥh* '[постоянно] видя'; *waḥ'-waḥ' uym lūk pakān ās'* 'люди, которые [все] дорогой шли'.

4. Пролетические сочетания, состоящие в употреблении местоимения (или местоименной энклитики) в функции определения или дополнения с предварительной расшифровкой их в предложении (или употреблении полной формы местоимения перед словом, оформлен-

ным энклитикой): кашм. *c'ə wana-u* 'тебе скажу-тебе'; вайг. *i amā tū-bā tatōu b-ō?* 'этот дом твоего отца-твоего есть?', вот. *au girēr khām-a* 'я хлеба поел-бы-его', шум. *bās-am la-es* 'отец-мой брат-его' (т. е. 'брат моего отца'), тир. *lē myani strī-m thē* 'это моя жена-моя есть'. К ним примыкают обороты с полным повторением: шина *ēk āčhī hānū mīšā hānū* 'у этого человека один глаз' (букв. 'один глаз есть человек есть'), прас. *warga warek yuri warek s3* 'другой дом — твой дом есть'.

§ 16. Синтаксис простого и тем более сложного предложения исследован слабо.

Порядок слов в простом предложении весьма свободен. В большинстве языков, особенно западной подгруппы, он сходен с иранским: к началу предложения тяготеет подлежащее, перед ним обычно помещаются только обстоятельства времени и места; сказуемое тяготеет к концу; прямое дополнение ставится между подлежащим и сказуемым: прас. *ateges tu-gul ate wərjimi tuāmīsū lye-ksemaso* 'в одном месте человек ловит рыбу', вайг. *ime tatā pūi waštōk amā-kā nišīnest-ō* 'мой отец живет в том маленьком доме'. В кашмири обычный порядок — обратный: сказуемое тяготеет к началу предложения, что отражается и на аналитических глагольных формах: их финитная часть тяготеет к началу предложения, нефинитная — к концу: *čhus bə khas'əth* 'я поднимаюсь', *batə čuh su kh'awān* 'он ест рис', *tawə patə čuh āsanas p'ath b'əh'əth pūzā karān* 'после этого он, садясь на сидение, совершает молитву'.

Определения обычно стоят перед определяемым (см. стр. 308). Исключение составляют в некоторых языках количественные определения: прас. *wərjemi 'skal* 'много людей', *žīci 'skal* 'много писем' (но *lyog pīnik* 'два сына').

Сложное предложение почти не исследовано. Косвенная речь практически отсутствует. Все высказывания выражаются прямой речью, оформляемой обычно как придаточное дополнительное предложение, реже — как прямое дополнение: шина *hīdayāt thē ki «ādē koma jo ākō rāčha»* 'дай совет, мол, воздерживайтесь от таких деяний'; *sāb-sē hūkm thegūn: «falanī dišēt buza» thē* 'хозяин отдал приказ, говоря: «иди в такое-то место»; *sāpēt «vātēnēs» thē khābār čhanīgyēs* 'мы послали сахибу известие о прибытии' (букв. 'сахибу «прибыли», говоря, известие мы-послали'); прас. *«tū-skoemšo» 'lyegasto. «āč'em-šo», — ilyegasto, -tū-skoā āč'emšo* '«давайте бороться», — сказали они. — «Придемте, — ответили [братья], — придемте на борьбу», гавар *ten mānuše: «A qārib thanaim» jous* 'тот человек: «Я беден», — сказал'.

§ 17. Лексика. Основу лексики дардских языков составляет исконный фонд, сохранивший в результате долгой изоляции значительные архаизмы. Заимствований немного: в западных и центральных языках они в основном иранского и арабского (через иранские) происхождения. Это главным образом персидская лексика, но много и заимствований из пушту. В языке кховар отмечается большое количество иранской, в частности памирской, лексики [Morgenstierne VIII, 658 сл.], в кашмири и шина — лексики урду. Во многих дардских языках в разной степени прослеживается определенное количество заимствований из языка бурушаски.

Словообразование имен довольно однотипно. Словосложение отмечается копулятивного типа (например, в кашм., где каждая часть такого сложения склоняется отдельно: *tarə-gač'ə səl'ən* 'с светом-тенью', *wār'ə-kul'ə-phalə-zalə puch'* 'для сада, дерева, плода, воды')

и детерминативного, прослеживающего несколько способов: а) сочетание двух существительных, из которых второе определяется первым: гавар *blāzōe* 'жена брата', пхал. *brhāputr* 'племянник', *ghēi-bhānāl* 'хлев'. В кашмири первый компонент стоит в одном из косвенных падежей: *tōp'z-phāl* 'край шапки' (то же и в сочетаниях типа бахуврихи: *h'ān'-buth* 'с собачьим лицом'); б) сочетания прилагательных, причастий и имени деятеля с существительными (порядок компонентов по языкам различен: пхал. *ghān-ahguu* 'большой палец', *yañ-bāt* 'жернов', кашм. *dār'z-z'ūth* 'длиннобородый', *kan'z-coṭ* 'с отрезанными ушами', гавар *dār-kerimān* 'дровонос', *iam-keriā* 'работник'); в) сочетание числительных с существительными: кашм. *pāncz-potur* 'имеющий пятерых сыновей' и т. п.

В словопроизводстве имен основной способ — суффиксация. Словообразующие суффиксы богато представлены в каждом языке в виде развитой системы уменьшительных, деминутивных, суффиксов, образующих прилагательные от существительных, наречия, глагола (кхвов. *mažini* 'веник' от *maž-* 'подметать', *kišini* 'плуг') и т. п. Суффиксация и инфиксация используются также для образования существительных женского рода (см. стр. 276).

Словообразование глагола характеризуется наличием большого числа сложноименных и сложновербальных глаголов. Сложноименные глаголы встречаются в большом количестве практически во всех языках и являются устойчивыми сочетаниями. В качестве вспомогательных наиболее часто встречаются глаголы «делать» и «давать»: пхал. *phikir tānu* 'он думает', *jawāb dum* 'я отвечаю' кашм. *karun arz* 'жаловаться', шина *phāt thoṭki* 'оставить', *nāje doṭki* 'танцевать', тир. *taksīm kere* 'разделил', пашаи *aṭat kadečān* 'он сказал', ашк. *wēri kales* 'будешь разговаривать', кати *vripulo lastā* 'говорить'. В ряде случаев отмечается параллельное употребление простого и сложноименного глагола от одной основы: кашм. *bāg karun* и *bā-gəgōwin*, *bāgarun* 'делить', шина *lāṣoṭki*, *lāṣ thoṭki* 'лизать'. Сложновербальные глаголы не являются устойчивыми сочетаниями. Образуются сочетанием причастий с значимыми глаголами (см. стр. 300).

Словообразование простых глаголов осуществляется аффиксацией. Суффиксация используется при образовании отыменных основ (кашм. *bāgərow-*, *bāgarun* 'делить' от *bāg* 'часть'), а также при образовании каузатива: пашаи *giraw-* 'повернуть' от *gir-* 'повернуться', *laṅgāi-* 'спустить' от *laṅg-* 'спуститься', вот. *uṣā-* 'заставить встать' от *uṣ-* 'встать', кашм. *wiṛṇāw-* 'заставить летать' от *wiṛph-* 'летать', вайг. *palām* 'моюсь' — *palālam* 'мою (кого-либо)' и т. п. Инфиксация отмечена при образовании каузатива (в основном выражается в удлинении корневого гласного: пашаи *čal-* 'быть открытым' — *čāl-* 'открыть', кашм. *marun* 'умирать' — *mārun* 'убивать'; пхал. *mārum* 'умираю' — *mahārum* 'убиваю'). Префиксация отмечается в ряде западных языков (особенно в прас., кати, вайг.) в системе локальных префиксов, указывающих на направление движения. В прасун, например, ряд глагольных основ без префиксов не может быть употреблен: *nɟə-* 'видеть', 'смотреть' — *ži-nɟə-* 'смотреть вверх', *nī-nɟə-* 'смотреть вниз', *ali-nɟə-*, *lye-nɟə-* 'смотреть вверх' (внутри помещения), *abi-nɟə-*, *buē-nɟə-* 'смотреть вниз' (снаружи) и т. п. Иногда к одному глаголу может прибавляться два или больше префикса, конкретизирующих направление: *ā-ži-pči* 'отнеса наверх' (букв. 'прочь-наверх-неся'). Отрицание в них ставится перед локальными префиксами: *n-ā-ži-pčegne* 'не относя наверх' (букв. 'не-прочь-наверх-неся').

- Грюнберг I — Грюнберг А. Л., К диалектологии дардских языков (глангали и земнаки). — в сб.: «Индийская и иранская филология. Вопросы диалектологии», М., 1971.
- Грюнберг II — Грюнберг А. Л., К изучению нуристанского фольклора. — в сб.: «Иранская филология», М., 1969.
- Грюнберг III — Грюнберг А. Л., Нуристан. Этнографические и лингвистические заметки. — «Страны и народы Востока», вып. X, М., 1971.
- Грюнберг IV — Грюнберг А. Л., Опыт лингвистической карты Нуристана. — «Страны и народы Востока», вып. X, М., 1971.
- Грюнберг V — Грюнберг А. Л., Языки Восточного Гиндукуша. Исследования и материалы. Автореф. докт. дисс., Л., 1973.
- Дворянков — Дворянков Н. А., Предварительное сообщение о говорах горных таджиков Кунара. — в сб.: «Индийская и иранская филология», М., 1964.
- Зах., Эд. — Захарьин Б. А., Эдельман Д. И., Язык кашмири, М., 1971.
- Захарьин I — Захарьин Б. А., Проблемы фонологии языка кашмири, М., 1974.
- Захарьин II — Захарьин Б. А., Формирование и дистрибуция причастных форм в кашмири. — в сб.: «Проблемы истории языков и культуры народов Индии», М., 1974.
- Захарьин III — Захарьин Б. А., Типологическая характеристика языка кашмири. — в сб.: «Вопросы структуры языка. Синтаксис, типология», М., 1974.
- Захарьин IV — Захарьин Б. А., Имя в языке кашмири. — в сб.: «Вопросы структуры языка. Синтаксис, типология», М., 1974.
- Зограф — Зограф Г. А., Языки Индии, Пакистана, Цейлона и Непала, М., 1960.
- Топоров I — Топоров В. Н., Несколько замечаний к фонологической характеристике Центрально-Азиатского языкового союза (ЦАЯС). — «Symbolae linguisticae in honorem Georgii Kurylowicz», Wrocław — Warszawa — Kraków, 1965.
- Топоров II — Топоров В. Н., Предварительные материалы к описанию фонологических систем консонантизма дардских языков. — в сб.: «Лингвистические исследования по общей и славянской типологии», М., 1966.
- Топоров III — Топоров В. Н., Фонологическая интерпретация консонантизма кашмири в связи с типологией дардских языков. — в сб.: «Семиотика и восточные языки», М., 1967.
- Туманович — Туманович О., Краткая грамматика и словарь читральского языка, Ташкент, 1908.
- Хонелия I — Хонелия Н. А., Эргативная конструкция предложения в языке кашмири. — «Ученые записки Института международных отношений», 7, М., 1971.
- Хонелия II — Хонелия Н. А., Личные местоимения в языке кашмири. — в сб.: «Восточные языки», М., 1971.
- Хонелия III — Хонелия Н. А., Суффиксированные личные местоимения и некоторые особенности синтаксиса простого предложения в кашмири. — в сб.: «Индийская и иранская филология. Вопросы грамматики», М., 1976.
- Эдельман — Эдельман Д. И., Дардские языки, М., 1965.
- Austen — Austen H. H. G., A Vocabulary of English, Balit and Kashmiri. — JASB, vol. XXXV, 1866.
- Bailey I — Bailey T. G., Grammar of the Shina (Šīṇa) Language, London, 1924.
- Bailey II — Bailey T. G., The Four-Fold Consorant System in Kashmiri. — «Proceedings of the Second International Congress of Phonetic sciences (London, 1935)», Cambridge, 1936.
- Bailey III — Bailey T. G., The Pronunciation of Kashmiri, London, 1937.
- Bailey IV — Bailey T. G., Studies in North Indian Languages, London, 1938.
- Biddulph I — Biddulph J., Tribes of the Hindu-Koosh, Calcutta, 1880.
- Biddulph II — Biddulph J., Dialects of Tribes of the Hindu-kush, Shina (Gilgit Dialect), — JRAS, vol. XVII, 1885.
- Buddruss I — Buddruss G., Beiträge zur Kenntnis der Pašai-Dialekte, Wiesbaden, 1959.
- Buddruss II — Buddruss G., Kanyawali, Proben eines Maṭyā-Dialektes aus Tangir (Hindukusch), München, 1959.
- Buddruss III — Buddruss G., Zur Mythologie der Prasun Kafirren. — «Festschrift Hermann Lommel», Wiesbaden, 1960.
- Buddruss IV — Buddruss G., Die Sprache von Woṭapūr und Kaṭārqaḷā, Bonn, 1960.

- Buddruss V — Buddruss G., *Aus dardischer Volksdichtung*, — «Indo-Iranica (Mélanges présentés à Georg Morgenstierne)», Wiesbaden, 1964.
- Buddruss VI — Buddruss G., *Die Sprache von Sau in Ostafghanistan*, München, 1967.
- Burkhard I — Burkhard K. F., *Das Verbum der Kāçmīrī-Sprache*, — SBAW, Bd I, № 3, 1887.
- Burkhard II — Burkhard K. F., *Die Nomina der Kāçmīrī-Sprache*, — SBAW, Bd III, 1888.
- Burkhard III — Burkhard K. F., *Die Präpositionen der Kāçmīrī-Sprache*, — SBAW, Bd III, 1889.
- Burnes — Burnes A., *Cabool*, London, 1842.
- Burrow — Burrow T., *The Dialectical Position of the Niya Prakrit*, — BSOAS, vol. VIII, pt 2—3, 1936.
- Campbell I — Campbell J., *The Ethnology of India*, — JASB, XXXV, pt 2, Spec. Number, 1866.
- Campbell II — Campbell J., *Specimens of the Languages of India*, Calcutta, 1874.
- Davidson — Davidson J., *Notes on the Bashgali (Kafir) Language*, — JASB, vol. LXXI, pt I, Extra № 1, 1902.
- Edgeworth — Edgeworth M. P., *Grammar and Vocabulary of the Cashmiri language*, — JASB, vol. X, 1841.
- Elmslie — Elmslie W. J., *A Vocabulary of the Kashmiri language*, London, 1872.
- Fussman — Fussman G., *Atlas linguistique des parlers dardes et kafirs*, I—II, Paris, 1972.
- Grierson I — Grierson G. A., *On the Phonology of the Modern Indo-Aryan Vernaculars*, — ZDMG, Bd XLIX—L, 1895.
- Grierson II — Grierson G. A., *The Kāçmīrīçabdamañta, A Kāçmīrī Grammar Written in the Sanskrit language by Içvara-Kaula*, Calcutta, 1897—1898.
- Grierson III — Grierson G. A., *Essays on Kāçmīrī Grammar*, London — Calcutta, 1899.
- Grierson IV — Grierson G. A., *On the Languages Spoken beyond the North-Western Frontier of India*, — JRAS, 1900.
- Grierson V — Grierson G. A., *On Pashai, Laghmāni or Dehgāni*, — ZDMG, Bd LIV, 1900.
- Grierson VI — Grierson G. A., *On the Modern Indo-Aryan Alphabets of North-Western India*, — JRAS, 1904.
- Grierson VII — Grierson G. A., *The Piśāca Languages of North-Western India*, — «Asiatic Society Monographs», vol. VIII, London, 1906.
- Grierson VIII — Grierson G. A., *A Manual of the Kāçmīrī Language, Comprising Grammar, Phrasebook and Vocabularies*, vol. 1, 2, Oxford, 1911.
- Grierson IX — Grierson G. A., ed., *Śiva-pariṇayah, a Poem in the Kāçmīrī Language by Kṛṣṇa Rājānaka (Razdan)*, — «Biblioteca Indica», Work № 224, Calcutta, 1914—1924.
- Grierson X — Grierson G. A., *The Linguistic Classification of Kashmiri*, — IA, vol. XLIV, 1915.
- Grierson XI — Grierson G. A., *A Dictionary of the Kāçmīrī Language*, — «Biblioteca Indica», Work № 229, vol. 1—4, Calcutta, 1915—1932.
- Grierson XII — Grierson G. A., *On the Śarada Alphabet*, — JRAS, 1916.
- Grierson XIII — Grierson G. A., *Linguistic Survey of India*, vol. VIII, pt II, *Specimens of the Dardic or Piśācha Languages (including Kāçmīrī)*, Calcutta, 1919.
- Grierson XIV — Grierson G. A., Barnett L. D. ed., *Lallā-vākyaṇi or the Wise sayings of Lal-Ded, a Mystic Poetess of Ancient Kashmir*, — «Asiatic Society Monographs», vol. XVII, London, 1920.
- Grierson XV — Grierson G. A., *Hatim's Tales*, — «Indian Texts Series», London, 1923.
- Grierson XVI — Grierson G. A., *On the Tirahi Language*, — JRAS, 1925.
- Grierson XVII — Grierson G. A., *Linguistic Survey of India*, vol. I, pt I, Calcutta, 1927; pt 2, Calcutta, 1928.
- Grierson XVIII — Grierson G. A., ed., *Sri-Kṛṣṇāvatāra-līlā, composed in Kashmiri by Dina-Nātha*, — «Biblioteca Indica», Work № 247, Calcutta, 1928.
- Grierson XIX — Grierson G. A., *Torwali, an Account of a Dardic Language of the Swat Kohistan*, — «Royal Asiatic Society. Prize publication Fund», vol. XI, London, 1929.
- Grierson XX — Grierson G. A., ed., *The Kāçmīrī Ramāyana*, — «Biblioteca Indica», Work № 253, Calcutta, 1930.
- Grierson XXI — Grierson G. A., *Conjunct Consonants in Dardic*, — BSOS, vol. VI, pt 2, 1931.

- Hamp — Hamp E. P., Notes on Kafir Phonology, — «Shahidullah Presented Volume (Pakistani Linguistics Series VII)», Lahore, 1966.
- Hayward — Hayward G. W., Letters from Mr. G. W. Hayward on his Explorations in Gilgit and Jassin, — JRAS, 41, 1871.
- Kachru I — Kachru B. B., A Reference Grammar of Kashmiri, Urbana, 1968.
- Kachru II — Kachru B. B., Kashmiri and other Dardic Languages, — «Current trends in linguistics», vol. V, The Hague — Paris, 1968.
- Kachru III — Kachru B. B., Some Notes on the Copulative Sentences in Kashmiri, — «The Verb 'be' and its Synonyms», pt 3, Dordrecht, 1968.
- Kel., Tris. — Kelkar A. R., Trisal P. N., Kashmiri Word Phonology. A first Sketch, — «Anthropological Linguistics», vol. 6, № 1, Bloomington, 1964.
- Knowles I — Knowles J. H., A Dictionary of Kashmiri Proverbs and Sayings, Bombay, Calcutta and London, 1885.
- Knowles II — Knowles J. H., Kashmiri Riddles, — JASB, vol. LV1, pt 1, 1887.
- Knowles III — Knowles J. H., Folktales of Kashmiri, London, 1893.
- Konow I — Konow S., The Home of Paisāci, — ZDMG, Bd LXIV, H. 1, 1910.
- Konow II — Konow S., Notes on the Classification of Bashgali, — JRAS, 1911, January.
- Konow III — Konow S., Bashgali Dictionary, an Analysis of Col. J. Davidson's Notes on the Bashgali Language, — «Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal», N. S., IX, Extra Number, 1913.
- Koul — Koul P. A., Kashmiri Proverbs, — IA, vol. LXII, 1933.
- Leech I — Leech R., Epitome of Grammars of the Brahuiky, the Balochky and the Panjabi Languages, with Vocabularies of the Baraky, the Pashl, the Laghmani, the Cashgari, the Teerhai and the Deer Dialects, — JASB, vol. VII, Calcutta, 1838.
- Leech II — Leech R., A Grammar of the Cashmeeree Language, — JASB, vol. XIII, 1844.
- Leitner I — Leitner G. W., A Specimen of Kashmiri, — IA, vol. I, 1872.
- Leitner II — Leitner G. W., The Languages and Races of Dardistan, 2nd ed. [Lahore], 1877.
- Lorimer I — Lorimer D. L. R., The Forms and Nature of the Transitive Verbin Shina (Gilgit Dialect), — BSOS, vol. III, pt 3, 1924.
- Lorimer II — Lorimer D. L. R., Phonetics of the Gilgit Dialect of Shina, — JRAS, 1924.
- Lumsden — Lumsden H. B., The Mission to Candahar, Calcutta, 1860.
- Morgenstierne I — Morgenstierne G., Report on a Linguistic Mission to Afghanistan, Oslo, 1926.
- Morgenstierne II — Morgenstierne G., The Language of the Ashkun Kafirs, — NTS, Bd II, 1929.
- Morgenstierne III — Morgenstierne G., Notes on Torwali, — AO, vol. VIII, 1930.
- Morgenstierne IV — Morgenstierne G., Two Pashai Popular Songs, — AO, vol. X, pt 1, 1931.
- Morgenstierne V — Morgenstierne G., Report on a Linguistic Mission to North-Western India, Oslo, 1932.
- Morgenstierne VI — Morgenstierne G., Notes on Tirahi, — AO, vol. XII, pt 3—4, 1934.
- Morgenstierne VII — Morgenstierne G., Additional Notes on Ashkun, — NTS, Bd VII, 1934.
- Morgenstierne VIII — Morgenstierne G., Iranian Elements in Khovar, — BSOAS, vol. VIII, pt 2—3, 1936.
- Morgenstierne IX — Morgenstierne G., Notes on Bashkarik, — AO, vol. XVIII, pt 3—4, 1940.
- Morgenstierne X — Morgenstierne G., Notes on Phalura, an Unknown Dardic Language of Chitral, — «Skrifter utgitt av Det Norske Videnskaps Akademi i Oslo, II, Hist.-Filos. Klasse, 1940», № 5, Oslo, 1941.
- Morgenstierne XI — Morgenstierne G., The Phonology of Kashmiri, — AO, vol. XIX, pt 1, 1941.
- Morgenstierne XII — Morgenstierne G., Notes on Dameli, a Kafir-Dardic Language of Chitral, — NTS, Bd XII, 1942.
- Morgenstierne XIII — Morgenstierne G., Indo-Iranian Frontier Languages, vol. III, The Pashai Language; pt 2, Texts, Oslo, 1944; pt 3, Vocabulary, Oslo, 1956; pt 1, Grammar, Oslo, 1967; vol. IV, The Kalasha Language, Oslo, 1973.
- Morgenstierne XIV — Morgenstierne G., Indo-European *k in Kafir, — NTS, Bd XIII, 1945.
- Morgenstierne XV — Morgenstierne G., Notes on Shumashti, a Dardic Dialect of the Gavar-Bati Type, — NTS, Bd XIII, 1945.

- Morgenstierne XVI — Morgenstierne G., Some Features of Khowar Morphology. — NTS, Bd XIV, 1947.
- Morgenstierne XVII — Morgenstierne G., Metathesis of Liquids in Dardic. — Festschrift til prof. Olaf Broch, Oslo, 1947.
- Morgenstierne XVIII — Morgenstierne G., The Language of the Prasun Kafirs. — NTS, Bd. XV, 1949.
- Morgenstierne XIX — Morgenstierne G., Notes on Gawar-Bati. — «Skrifter utgitt av Det Norske Videnskaps Akademi i Oslo, II, IIist.-Filos. Klasse, 1950», № 1, Oslo, 1950.
- Morgenstierne XX — Morgenstierne G., Some Kati Myths and Hymns. — AO, vol. XXI, pt 3, 1951.
- Morgenstierne XXI — Morgenstierne G., The Waigali Language. — NTS, Bd XVII, 1954.
- Morgenstierne XXII — Morgenstierne G., A Khowar Tale. — «Indian Linguistics», vol. 16 (Chatterji jubilee volume), 1955.
- Morgenstierne XXIII — Morgenstierne G., Notes on Kalasha. — NTS, Bd XX, 1965.
- Morgenstierne XXIV — Morgenstierne G., Irano-Dardica, Wiesbaden, 1973.
- O'Brien — O'Brien D. J. T., Grammar and Vocabulary of the Khowâr dialect (Chitrâli), with Introductory Sketch of Country and People, Lahore, 1895.
- Pischel — Pischel R., Comparative Grammar of the Prakrit Languages, Delhi, 1957.
- Robertson — Robertson G. S., The Kafirs of the Hindu-Kush, London, 1896.
- Schmid — Schmid W. P., Das zigeunerische Abstraktsuffix -ben/pen. — «Indogermanische Forschungen», Bd 68, H. 3, Berlin, 1963.
- Shaw I — Shaw R. B., On the Ghalchah Languages (Wakhi and Sarikoli). — JASB, vol. XLV, pt 1, № II, 1876.
- Shaw II — Shaw R. B., Stray Arians in Tibet. — JASB, vol. XLVII, 1878.
- Tomaschek — Tomaschek W., Centralasiatische Studien, II, Die Pamir-Dialekte. — SWAW, Phil.-Hist. Kl., Bd 96, Heft I—III, Wien, 1880.
- Trumpp — Trumpp E., Über die Sprache der sogenannten Kafirs in indischen Caucasus (Hindu-Kusch). — ZDMG, Bd XX, 1868.
- Turner I — Turner R. L., Sanskrit ā-kṣeti and Pali acchati in Modern Indo-Aryan. — BSOAS, vol. VIII, pt 2—3, 1936.
- Turner II — Turner R. L., A Comparative Dictionary of the Indo-Aryan Languages, London, 1966.
- Wade — Wade T. R., A Grammar of the Kashmiri Language, London, 1883.
- Waz., Morg. — Wazir Ali Shah and Morgenstierne G., Some Khowar Songs. — AO, vol. XXIV, pt 1—2, 1959.
- Wilson — Wilson J., On the Gurezi Dialect of Shina. — IA, vol. XXVIII, 1889.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

акт. — активный
 аор. — аорист
 араб. — арабский
 ашк. — ашкун
 башк. — башкарик
 буд. — будущее
 вайг. — вайгали
 вост. — восточный(-ые)
 вот. — вотапури
 вр. — время
 гла́нг. — глангали
 гов. — говор(ы)
 дам. — дамели
 дат. — дательный
 диал. — диалект(ы)
 длит. — длительное
 др.-инд. — древнеиндийский
 ед. — единственное
 ж. р. — женский род
 зап. — западный(-ые)
 изъяз. — изъязвительное
 им. — именительный
 INSTR. — инструментальный

инф. — инфинитив
 ир. — иранский
 каньяв. — каньявали
 кашм. — кашмири
 косв. — косвенный
 кхов. — кховар
 л. — лицо
 м. р. — мужской род
 мест. — местный
 местоим. — местоимение
 мн. ч. — множественное число
 накл. — наклонение
 направл. — направительный
 наст. — настоящее
 осн. — основа
 отлож. — отложительный
 пад. — падеж
 пасс. — пассивный
 перс. — персидский
 повел. — повелительное
 пр. — прошедшее
 прас. — прасун
 преждепр. — преждепрошедшее

прил. — прилагательное
прич. — причастие
прям. — прямой
пхал. — пхалура
род. — родительный
скл. — склонение
сослаг. — сослагательное

сущ. — существительное
тир. — тирахи
торв. — торвали
указат. — указательное
числит. — числительное
шум. — шумашти

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СОКРАЩЕНИЯ К РАЗДЕЛАМ
«ИРАНСКИЕ ЯЗЫКИ», «ДАРДСКИЕ ЯЗЫКИ»

AO — «Acta Orientalia», Lugduni Batavorum.
BSLP — «Bulletin de la Société de Linguistique de Paris».
BSOAS — «Bulletin of the School of Oriental and African Studies», University of London.
BSOS — «Bulletin of the School of Oriental Studies», University of London.
GIPh — Grundriss der Iranischen Philologie.
HO — Handbuch der Orientalistik.
IA — «Indian Antiquary», Bombay.
JASB — «Journal of the Asiatic Society of Bengal», Calcutta.
JRAS — «Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland», London.
MO — «Le Monde Oriental», Uppsala.
NTS — «Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap», Oslo.
SBAW — «Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften», Berlin.
SPAW — «Sitzungsberichte der (Königlich) Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philologisch-historische Klasse», Berlin.
SWAW — «Sitzungsberichte der Wiener Akademie der Wissenschaften», Wien.
TPS — «Transactions of the Philological Society».
ZDMG — «Zeitschrift der deutschen Morgenländischen Gesellschaft», Leipzig.
ZII — «Zeitschrift für Indologie und Iranistik», Leipzig.

ВВЕДЕНИЕ

Дравидийские языки в большинстве своем распространены в Индии, а также в Пакистане, на Шри Ланка и — в меньшей степени — в ряде сопредельных стран. В настоящее время в той или иной мере изучены девятнадцать дравидийских языков: тамильский, малайялам, ката, тода, каннада, кодагу, тулу, телугу, колами, найки, парджи, гадаба, гонди, конда, куи, куви, курух, малто и брауи. Однако список этот не является исчерпывающим: ряд дравидийских языков изучен очень слабо, и многие из них известны лишь по названиям. Сюда относятся такие языки, как корава (курру, ерукала), кайкади, бурганди, ирула, куруба (курумба), беллари, корага, бадага, ерава, сарава (отличный от одноименного языка мунда), манда, пенго и др.

Языки тамильский, малайялам, каннада и телугу признаны официальными Конституцией Индии, и на них имеется большая литература.

Наибольшее географическое распространение среди них получил тамильский язык. Помимо Индии, где он считается официальным языком штата Тамилнаду и где на нем говорит свыше 30 млн. человек¹, он широко распространен также на Шри Ланка (свыше двух миллионов человек), в Бирме, Малайзии, Индонезии и Индокитае (около одного миллиона человек), в Центральной и Южной Африке (более 250 тыс. человек), в Гайане и на о-вах Фиджи, Маврикий, Реюньон, Мадагаскар, Тринидад и Мартиника.

На тамильском языке по сравнению с другими родственными языками существует наиболее древняя литература. Древнейшие известные нам памятники литературы на этом языке — антологии «Паттупатты» («Десять песен») и «Еттутохей» («Восемь сборников») — относятся приблизительно ко II—III вв., а отдельные вошедшие в эти сборники поэмы были, возможно, созданы еще раньше. Древнейшие эпиграфические памятники письменности на тамильском языке также относятся к началу нашей эры.

Следует различать две формы тамильского языка — литературную и разговорную. Литературный язык в настоящее время не служит средством устного общения для населения Тамилнаду и представляет собой книжный, письменный язык, которым пользуют-

¹ Численность говорящих на дравидийских языках в Индии здесь и далее приводится по материалам переписи населения Индии 1961 г. (Census 1961). Численность говорящих на тамильском языке за пределами Индии дается приблизительно по оценке прессы. О численности говорящих на языке брауи в Пакистане см. в нашей специальной работе [Андронов 1, 9—10].

ся лишь образованные люди. Литературный язык, в свою очередь, подразделяется на современный литературный язык, т. е. язык газет, журналов, художественной литературы и т. п., и классический язык, т. е. язык древней, по преимуществу поэтической, литературы, прошедший за более чем полуторатысячетную историю ряд этапов в своем развитии.

Разговорный язык — это современный национальный язык тамильского народа. Он одинаково понятен на всей территории распространения тамильского языка. Следует, однако, иметь в виду, что это язык бесписьменный и ненормированный. В области фонетики и морфологии он существенно отличается от литературного языка. В сфере устного общения пользуются безусловно разговорным языком, более того, область его применения постепенно все более расширяется: он проникает в кино и на радио, в театр и на страницы произведений художественной литературы и т. п. В последнее время проникновение разговорного языка в литературу усилилось настолько, что понимание многих произведений современных авторов становится невозможным без знания разговорного языка.

Разговорный язык как язык национальный следует отличать от диалектов тамильского языка. Диалекты эти выражены слабо. По нашим данным, относящимся к 1958—1959 гг., всего выделяется пять диалектов: восточный (округ Танджур, Тиручирапалли и северо-восточная часть округа Мадур), северный (город Мадрас, округа Сенгалпат, Северный и Южный Аркот), южный (округа Тирунелвели, Рамнад и юго-западная часть округа Мадур), западный (округа Нилгири, Коимбатур, Селам) и диалект Шри Ланка². Национальный разговорный язык сложился на основе восточного и близкого ему северного диалектов. Основой литературного языка послужил древний диалект восточных округов, известный под названием «сендамыш».

Кроме того, весьма заметны в тамильском языке так называемые социальные диалекты, среди которых обычно удается выделить социальный диалект касты брахманов, а также социальные диалекты «низших» каст (просторечье).

Объем литературы на тамильском языке, существующей уже около восемнадцати столетий, чрезвычайно велик. Помимо отмеченных выше антологий здесь можно указать на такие важнейшие произведения классической литературы, как поэмы «Шилаппадихарам» Иланго, «Манимехалей» Саттанара (около IX в.), «Дживахачиндамани» Тируттаккадешвара (около X в.), «Рамаватарам» Камбана, сборники стихотворений на морально-этические темы «Тируккурал» Тируваллуvara и «Наладияр» (приблизительно VII—VIII вв.), шивантские гимны «Тирувасахам» Маниккавасахара (около IX в.) и т. п.

Язык каннада, на котором говорит 17 млн. человек в штате Карнатака, письменно засвидетельствован приблизительно с середины V в. Древнейшая надпись на каннада, обнаруженная близ деревни Халмиди (округ Хассан), относится приблизительно к 450 г. В последующее время на этом языке написан ряд наскальных эдиктов и законов, а в IX в. появилось первое значительное сочинение — стихотворный трактат о поэзии «Кавираджамарга». Древнейшие памятники художественной литературы на каннада — поэмы «Адипурана» и «Самастабхарата», приписываемые поэту Пампа, — относятся к X в.

² Более подробно об этой проблеме см. в нашей специальной работе [Андронов II, 5—7, 43—44].

Впрочем, весьма вероятно, что у Пампы были предшественники из числа древних авторов, упоминаемых Нрипатунгой, автором трактата «Кавираджамарга».

В своем развитии язык каннада прошел несколько исторических этапов: древний (V—XIII вв.), средний (XIII—XIX вв.) и новый (с середины XIX в.). Как и в тамильском языке, в каннада существует значительное различие между письменным языком и языком разговорным. Последний не отличается единообразием, и в нем выделяется несколько территориальных, социальных и племенных диалектов, так, диалекты внутренних районов Карнатака по ряду признаков противопоставляются прибрежным диалектам; социальные диалекты брахманов и низших каст противостоят социальному диалекту средних каст. Кроме того, представлены и племенные диалекты — джену-куруба, ане-куруба, шолига и др.

Диалектная база литературного каннада не определена. По-видимому, он сложился на основе диалектов центральной части Карнатака (по данным Нрипатунги), в районе, ограниченном пунктами Кишуволалу (Паттатакаллу), Пуликере (Лакшмешвара), Коппана (Коппала) и Онкунта.

Литература каннада немного уступает тамильской по своему возрасту и богатству. Так, уже в XI—XII вв. помимо поэм Пампы появляются не менее значительные произведения поэтов Понна и Ранна, а затем целый ряд оригинальных и переводных с санскрита поэм, в том числе «Прахулингалиле» Чамарасы и «Махабхарата» Кумары Вьясы. Большое влияние на язык литературных произведений оказали поэты-проповедники бхакти (Пурандарадаса, Канакадаса и др.), слагавшие гимны и песни на народно-разговорном языке того времени.

Язык телугу является официальным языком штата Андхра, но встречается и за его пределами — в некоторых округах штатов Тамилнаду и Карнатака, а также в странах Юго-Восточной Азии. Всего на этом языке говорит свыше 37 млн. человек.

Древнейшая надпись на телугу датируется 633 г. Превосходя другие дравидийские языки по численности говорящих, язык телугу, однако, значительно уступает им по возрасту своей литературы, возникновение которой связывают с именами поэтов Наннайи, Тикканы и Еррапрагады, которые в XI—XIV вв. перевели на телугу санскритский эпос «Махабхарата». Оригинальные произведения на телугу появляются лишь в XIV—XVI вв.

В телугу также существует значительное различие между классическим литературным языком и языком разговорным. Но здесь разговорный язык постепенно проникает и в литературу и уже полностью утвердился в прессе, кино и на радио. На диалектной карте телугу выделяется пять диалектов: диалект восточных округов (Гунтур, Кришна, Годавери), диалект Раяласимы (округа Карнул, Кадаппа, Анантапур, Беллари), диалект Теленганы, диалект юго-восточных округов (Неллур, Читтур) и диалект северо-восточных округов (Висакхапатнам, Шрикакулам).

Литература телугу первоначально развивалась на классическом языке, на котором написана «Андхра Махабхарата» и на котором писали такие выдающиеся поэты XIV—XV вв., как Сринатха и Б. Поттана. Литература на народно-разговорном языке возникает приблизительно в XV в., когда поэты-проповедники бхакти (Вемана, Соманатха, Виарабрахман) начинают обращаться к народным массам на доступном им языке. В XIX—XX вв. много сделали для утверж-

дения разговорного языка в литературе выдающиеся писатели телугу К. Виресалингам, Гурузада Аппарао, Шри Шри и др.

Язык малаялам, распространенный в штате Керала, является родным для более чем 17 млн. человек. Он возник из древнего тамильского языка, диалектом которого являлся ранее. По данным эпиграфии, история малаялам может быть прослежена до X в. Окончательно он отделился от тамильского языка и стал развиваться самостоятельно как литературный язык приблизительно с XIII или XIV в. (первое значительное произведение «Рамачаритам», поэма на сюжет санскритской «Рамаяны»).

Разговорный малаялам, значительно отличающийся от литературного языка, изучен очень слабо. То же относится и к диалектам малаялам, где можно выделить три группы диалектов: южную (на территории бывшего княжества Траванкур), центральную (на территории бывшего княжества Кочин) и северную (к северу от Калликата).

Развитие литературы малаялам вплоть до недавнего времени проходило под сильным санскритским влиянием. Средневековые поэты (среди которых выделяется Т. Ежуттаччан, XVI в.) пользовались санскритскими стихотворными размерами и писали на сильно санскритизированном языке. В XVIII в. поэт-сатирик К. Намбияр сделал попытку приблизить язык поэзии к народно-разговорному, однако такое демократическое направление в литературе малаялам стало утверждаться лишь в последние 40—50 лет в творчестве таких поэтов и прозаиков, как Валлаттол, У. Парамешвара Айяр, Дж. Шанкара Куруп, Т. Шивашанкара Пиллай, С. К. Поттекат и др.

На западном побережье Индии, в районе г. Мангалура (округ Южная Канара) обитает народность тулува, насчитывающая около 940 тыс. человек. Первоначально для письма на тулу использовалась разновидность алфавита малаялам, но со второй половины XIX в. в этих целях стал применяться алфавит каннада. Первая печатная книга на тулу появилась в 1842 г., но и по сей день печатная продукция на этом языке ограничена школьными учебниками и переводами библии. Художественная литература на тулу развития не получила.

В горах Нилгири и в окрестных горных массивах, у пересечения границ тамильского языка, каннада, малаялам и телугу, обитает несколько мелких дравидийских племен: кота (около 900 человек в горах Котагири), тода (около 800 человек в горах Нилгири, близ Утакаманда), кодагу (около 80 тыс. человек в окрестностях Меркары).

В том же районе распространено еще более десяти неизученных дравидийских языков: бадага (около 90 тыс. человек), куруба (курумба) (около 9 тыс. человек), ерава (около 15 тыс. человек), ерукала (около 70 тыс. человек), кайкади (около 9 тыс. человек), ирула (около 4 тыс. человек), бурганди (около 2 тыс. человек) и др.

В отрогах Западных Гхатов к востоку от Кундапура (округ Южная Канара) недавно обнаружено еще два дравидийских языка — беллари и корага, на которых говорят отсталые племена (около 1 тыс. человек на каждом).

В пограничных районах штатов Махараштра, Мадхья Прадеш и Андхра Прадеш (округа Амравати, Вардха, Еотмал, Чанда, Бастар, Адилабад) живут еще три дравидийских племена — колами (46 тыс. человек, говорящих на языке колами и его диалекте найкри), на й-

ки (около тысячи человек) и парджи (около 85 тыс. человек, говорящих на трех диалектах языка парджи — северном, северо-западном и южном). В округе Корапут (штат Орисса) немногим более 12 тыс. человек говорит на дравидийском языке конда. Здесь же, в округе Корапут и в прилегающих районах Андхра (округ Шрикакулам), проживает племя гадаба (около 40 тыс. человек), говорящее на двух близких диалектах этого языка — оллари и салурском (иначе пойма), а также племена, говорящие на неизученных языках савара, манда и пенго. В Ориссе (округа Ганджам, Будх—Кхондмалс, Калаханади, Корапут) и Андхра Прадеш (округ Висакхапатнам) значительная территория в гористой местности, прилегающей к реке Маханади, занята племенами кхондов (около 680 тыс. человек), говорящих на двух весьма близких языках — куи и куви. На большом пространстве в штатах Мадхья Прадеш (округа Бастар, Райпур, Дург, Райгарх, Биласпур, Сургуджа, Балагхат, Сони, Чхидвара, Мандла, Нарсингхпур, Бетул, Хошангабад, Вост. Нимар, Зап. Нимар, Девас), Махараштра (округа Булдана, Акола, Амравати, Еотмал, Вардха, Нагпур, Бхандара, Чханда), Андхра Прадеш (округа Адилабад, Керимнагар, Варангал, Кхаммам, Зап. Годавари, Вост. Годавари, Висакхапатнам, Шрикакулам) и Орисса (округ Корапут) рассеяно племя гондов (свыше 1,6 млн. человек), говорящих на различных диалектах гонди (собственно гонди, койя, дорли, мария и парси гонди).

Несколько севернее, в Чота Нагпуре, встречается язык курух (около 1,1 млн. человек), а еще далее на север, в Раджмахальских холмах, — близкий ему язык малто (около 90 тыс. человек).

Язык брауи, на котором говорит около 400 тыс. человек, распространен в округах Калат, Хайрпур и Хайдерабад в Пакистане и в некоторых районах Ирана и Афганистана. Брауи распадается на ряд диалектов, среди которых наибольшее значение имеют калатский, сараванский и джхалаванский.

Генетические отношения внутри дравидийской языковой системы определены еще недостаточно четко. На различных этапах изучения дравидийских языков были предложены различные типы их классификации, в том числе деление на группы дравида и андхра, затем деление на южную и северную группы или на южную, центральную и северную группы. В соответствии с современными представлениями взаимоотношения отдельных дравидийских языков могут быть представлены в виде схемы (см. ниже).

Как видно из схемы, в южную группу входят все языки, от тамильского до каннада; тулу и телугу образуют самостоятельные группы — юго-западную и юго-восточную; колами, найки, парджи и гадаба входят в центральную группу, а гонди, конда, кун и куви — в гондванскую; два языка — курух и малто — составляют северо-восточную группу, а язык брауи — северо-западную.

По данным лексико-статистических исследований, распад прото-дравидийского языка начался на рубеже III и IV тысячелетий до н. э., когда из него выделился язык брауи. Отделение северо-восточной группы произошло в середине III тысячелетия до н. э. (превращение курух и малто в два самостоятельных языка относится к VI в.). Образование гондванской группы началось в середине II тысячелетия до н. э.; вслед за ним последовало (в XV—XI вв. до н. э.) отделение центральной группы (разделение колами и парджи произошло на рубеже нашей эры). В XI—IX вв. до н. э. выделился как самостоятельный язык телугу, а несколькими столетиями позже — язык

лежат комментаторам Иламбуранару, Сенавареяру и Наччинаркиниру).

За «Толхаппиям» последовали другие тамильские грамматики, наибольшее значение среди которых приобрела грамматика «Наннул» (букв. «О хороших книгах»), составленная приблизительно в XIV в. автором по имени Павананди и до настоящего времени остающаяся основным, наряду с «Толхаппиям», трудом по грамматике тамильского языка. «Наннул» также написана в форме сутр (всего 462) и состоит из двух частей — «Ежуттадихарам» и «Солладихарам» (включает фонетику и морфологию).

В XII в. появляется древнейшая грамматика каннада «Карнатака бхашабхушана» («Украшение языка страны каннада») Нагавармы, написанная в форме сутр на санскрите. Ко второй половине XIII в. относится «Шабдаманидарпана» («Драгоценное зеркало слов») Кешираджи — первая грамматика этого языка, написанная на каннада. Эта грамматика заняла особое место в истории изучения каннада и оказала влияние на последующих исследователей. Другой важной работой по грамматике каннада явилась более поздняя «Шабданушасана» («Законы слова»), написанная на санскрите Бхаттакаланкой Девой в 1604 г.

Первая грамматика телугу под названием «Шабдачинтамани» («Талисман слова») была составлена еще в XI в. Наннайей Бхаттой, первым из известных нам поэтов телугу. Долгое время это сочинение оставалось основным трудом по языку телугу, и лишь в прошлом веке появился ряд новых работ.

Первая грамматика малаялам была написана в XIV в. Это был санскритский трактат под названием «Лилатилакам», остававшийся единственной работой такого рода вплоть до прошлого века, когда появилась другая авторитетная грамматика А. Р. Раджараджи Вармы «Кералапаниниям» («Грамматика Панини для страны Керала»).

В Европе первые сведения о дравидийских языках появились, по-видимому, в XVI в., когда голландский путешественник Ф. Балде включил краткие заметки о тамильском языке в свое описание Южной Индии. Первым русским исследователем, изучившим тамильский язык, был известный индолог Г. С. Лебедев (XVIII в.). К этому же времени относятся первые краткие грамматические руководства по основным дравидийским языкам (вначале рукописные), принадлежавшие перу различных миссионеров.

Более систематическое изучение дравидийских языков начинается в XIX в., когда появляются фундаментальные труды Ф. Киттеля по языку каннада, Г. ГундERTA по языку малаялам и Ч. Брауна по языку телугу. Тогда же начинается изучение и описание некоторых бесписьменных дравидийских языков (см. Библиографию).

Первая сопоставительная грамматика (в основном на материале литературных языков) была опубликована Р. Колдуэллом еще в 1856 г. и выдержала с тех пор три издания. В этом же направлении плодотворно работали такие крупные дравидологи, как К. В. Суббайя и Ж. Блок, широко пользовавшиеся данными бесписьменных языков. Большой фактический материал по многим ранее неизвестным дравидийским языкам был собран С. Коновом и опубликован Дж. Грирсоном. Первый сравнительно-сопоставительный словарь дравидийских языков выпущен в 1961—1968 гг. Т. Барроу и М. Б. Эмёно.

ФОНЕТИКА

Для дравидийских языков характерна относительная близость их друг к другу по звуковому составу. Так, в области согласных каждый из них обычно располагает четырьмя или пятью парами шумных взрывных (глухих и звонких), одной парой (реже двумя) аффрикат, несколькими фрикативными шумными и носовыми сонантами соответствующего места образования, а также дрожащими, боковыми и плавными звуками. Наиболее характерную черту дравидийского консонантизма составляют ретрофлексные звуки, преграда (или щель) при произнесении которых образуется кончиком языка, смыкающегося (или сближающегося) своей нижней стороной с твердым нёбом. В обобщенном виде система дравидийского консонантизма представлена в табл. 1.

Таблица 1

Согласные звуки дравидийских языков

По способу образования \ По месту образования			Лабия- альные	Денталь- ные	Альвео- лярные	Ретро- флексные	Палата- льные	Веляр- ные	Фарин- гальные	Ларин- гальные
Шумные	взрывные	глухие	<i>p</i>	<i>t</i>	<i>ʈ</i>	<i>ʈ</i>		<i>k</i>	<i>q</i>	
		звонкие	<i>b</i>	<i>d</i>	<i>ɖ</i>	<i>ɖ</i>		<i>g</i>	<i>ɣ</i>	
	аффрикаты	глухие		<i>c</i>			<i>c</i>			
		звонкие		<i>f</i>			<i>j</i>			
	фрикативные	глухие	<i>f</i>	<i>θ, s</i>	<i>ʃ</i>	<i>ʃ</i>	<i>ʃ</i>	<i>x</i>	<i>h</i>	
		звонкие	<i>β</i>	<i>ð, z</i>	<i>ʒ</i>		<i>ʒ</i>	<i>ɣ</i>		
	одноударные и дрожащие				<i>ɽ</i>	<i>ɽ</i>				
Сонанты	носовые		<i>m</i>	<i>n</i>	<i>ɳ</i>	<i>ɳ</i>	<i>ɳ</i>	<i>ɳ</i>		
	боковые				<i>l, ɭ</i>	<i>ɭ, ɭ̣</i>				
	дрожащие				<i>r</i>					
	плавные		<i>v</i>			<i>ɹ</i>	<i>y</i>			

Аффрикаты *ɕ* и *c* различаются по характеру фрикативных элементов: в первом случае это дентальный, а во втором — палатальный звуки, т. е. *ɕ*=*tʃ* (ср. русск. *ц*) и *c*=*tʃ̣* (ср. русск. *ч*); так же различаются звонкие аффрикаты *j* (=dz) и *j* (=dʒ̣).

По способу артикуляции апикальные *ə, ɔ* отличаются от дорсальных *s, z* и лабиодентальное *f* — от билабиального *β*.

Звонкие латеральные сонанты *l, ɭ*, встречающиеся в большинстве дравидийских языков, отличаются по звонкости от соответствующих глухих сонантов *ɭ̥, ɭ̥̥*, составляющих специфику тода (*ɭ̥, ɭ̥̥*)³ и браун (*ɭ̥*).

Вокализм дравидийских языков характеризуется различием кратких и долгих, а также чистых и назализованных гласных. Кроме того, в некоторых случаях различаются гласные особого ретрофлексного тембра (*i̠, ɪ̠, e̠, ɛ̠*), возникающего, как правило, вследствие влияния ретрофлексной артикуляции последующего согласного. В обобщенном виде система дравидийского вокализма охватывает следующие гласные (табл. 2).

Таблица 2

Гласные звуки дравидийских языков

По месту образования По степени раствора	Передние	Центральные	Задние
Закрытые	<i>i, ɪ, ɪ̠, ɪ̠̠, u, ʊ, ʊ̠, ʊ̠̠</i>	<i>ɨ, ʉ, ɨ̠, ʉ̠</i>	<i>u, ʊ, a, ʌ</i>
Средние	<i>e, ɛ, e̠, ɛ̠, ɛ̠̠, ɛ̠̠̠, ɔ, ɔ̠, ɔ̠̠, ɔ̠̠̠</i>	<i>ə, ɐ</i>	<i>o, ɒ, ɔ, ɔ̠</i>
Открытые	<i>æ, ǣ</i>	<i>a, ǣ, ǣ̠, ǣ̠̠</i>	

Дистрибуция звуков по позициям и вытекающая из нее группировка звуков по фонемам (в тех случаях, когда оба этих явления достаточно изучены) обнаруживают в отдельных языках сравнительно немного отличий, если не считать тамильского языка (табл. 3).

В последнем позиционное распределение звуков значительно сложнее, чем в других языках, и, например, для характеристики дистрибуции согласных в древнем тамильском языке (ср. также табл. 6) существенное значение имеет выделение следующих восьми позиций: после паузы, т. е. обычно в начале слова, в сочетании с глухим взрывным, после носового сонанта, после прочих сонантов (кроме носовых), в интервокальном положении, перед звонким взрывным, перед фрикативным шумным и, наконец, перед паузой, т. е. обычно в конце слова.

Среди гласных (см. также табл. 6) ретрофлексные *i̠, ɪ̠, e̠, ɛ̠* встречаются лишь перед ретрофлексными согласными (причем *i̠, ɪ̠, e̠, ɛ̠* в этом положении не встречаются), а беглый *ɨ̠* встречается (в дополнительной дистрибуции с *u*) в конце слова после шумных (за исключением двусложных слов с первым кратким открытым слогом) и удвоенных сонантов.

Сведение в одну фонему звуков, находящихся в отношении дополнителной дистрибуции друг к другу, позволяет определить систему фонем (табл. 4 и 5).

В современном тамильском языке отсутствуют альвеолярные звуки (и фонемы), а также плавный ретрофлексный сонант *ʒ*. Велярный носовой *ŋ* сохранился как звук, но утратил свой фонемный характер,

³ По свидетельству М. Б. Эмено, в тода, по-видимому, встречаются также глухие разновидности сонантов *m, n, ɳ, ɳ̥* и некоторые другие [Emeneau 1]. Однако характер этих звуков и сама возможность их выделения остаются неясными.

Позиционное распределение звуков в древнем тамильском языке

Пози- ции Звуки	После паузы	В соче- таниях с глухими взрывными	После носового сонанта	После прочих сонантов	Между гласными	Перед звонкими взрывными	Перед фрикатив- ными	Перед паузой
Глухие взрывные	<i>p, t, k</i>	<i>p, t, t̥ t̥, k</i>						
Звонкие взрывные			<i>b, d, d̥ d̥, g</i>					
Глухие аффрикаты		<i>c</i>						
Звонкие аффрикаты			<i>j</i>					
Фрикатив- ные	<i>s</i>			<i>β, ð, s, x</i>	<i>β, ð, s, x, ɽ, ɽ̥</i>		<i>x</i>	
Носовые сонанты	<i>m, n, ñ</i>		<i>m, n, ɱ, ɱ, ñ, ñ̃</i>	<i>m, n, ñ</i>	<i>m, n, ɱ ɱ, ñ</i>	<i>m, n, ɱ, ɱ, ñ, ñ̃</i>		<i>m, n, ɱ, ɱ, ñ</i>
Прочие сонанты	<i>y, v</i>		<i>y, v</i>	<i>y, l, v, l̥</i>	<i>y, r, l v, z, l̥</i>		<i>y, r, l, z, l̥</i>	<i>y, r, l, v, z, l̥</i>

Таблица 4

Согласные фонемы древнего тамильского языка

По месту образования По способу образования		Лабналь- ные	Денталь- ные	Альвеолярные	Ретрофлекс- ные	Палатальные	Велярные
Шумные		<i>p</i>	<i>t</i>	<i>t̥</i>	<i>t̥</i>	<i>c</i>	<i>k</i>
Сонанты	носовые	<i>m</i>	<i>n</i>	<i>ɱ</i>	<i>ɱ</i>	<i>ɲ</i>	<i>ɳ</i>
	боковые			<i>l</i>	<i>ɭ</i>		
	дрожащие			<i>r</i>			
	плавные	<i>v</i>			<i>z</i>	<i>y</i>	

Таблица 5

Гласные фонемы древнего тамильского языка

По месту образования По степени раствора	Передние	Центральные	Задние
Закрытые	<i>i</i>		<i>u</i>
Средние	<i>e</i>		<i>o</i>
Открытые		<i>a</i>	

превратившись в этом отношении в аллофон фонемы *л*. Вместе с заимствованными словами в тамильском языке появилась фонема *ś*, имеющая два аллофона — ретрофлексный шипящий [ʃ] (в положении перед *ʈ* или *ɳ*) и палатальный шипящий [ʃ̠] (в остальных случаях). Кроме того, поток слов, заимствованных из индоарийских и германо-романских языков, несколько затемнил первоначальную картину распределения звуков по позициям, так как в заимствованных словах звонкие взрывные стали встречаться в начале слова и в некоторых других нехарактерных позициях (обычно здесь выделяется особая подсистема фонем с низкой частотностью: *b, d, ɖ, j, g*). Наиболее существенным образом современный тамильский язык отличается от древнего в области гласных: в нем имеются назализованные фонемы *ā, ē, ē̃, ō, ō̃, ū*, а также *ε, ē* (в диалектах *æ, æ̃, ə, ə̃, ū*).

В малаялам⁴ звонкие взрывные *b, d, ɖ, j, g* образуют самостоятельные фонемы, что, собственно, и отличает его в фонетико-фонемном отношении от тамильского языка.

Все прочие дравидийские языки также располагают звонкими взрывными фонемами, но, с другой стороны, не имеют, за исключением тогда, альвеолярных и плавного ретрофлексного *ʒ* (кроме тогда *ɽ* и *ʒ* прослеживаются лишь в древнем каннада и в древнем телугу).

В каннада не отмечены фрикативные шумные *β, ɓ, x* и ретрофлексные гласные, но имеются шипящие *ś, ʃ*, фарингальное *h*, переднее [æ], аллофон фонемы *a* после аффрикат и *s* (*sæppi* 'красота', *særi* 'хорошо'), а также (в северных и северо-восточных диалектах этого языка в округах Дхарвар, Биджапур, Белгаум, Гулбарга) дентальные аффрикаты *č, ʃ*, являющиеся аллофонами *c, j* (в некоторых положениях перед задними и центральными гласными: *čisč-i-* 'протыкать', *fōri* 'пара').

Древний телугу, насколько теперь можно об этом судить, не отличался в фонетическом отношении от древнего каннада (ср. также табл. 6). На современном уровне это различие также минимально: в современном телугу передний открытый *æ* отличается долготой от соответствующего краткого звука современного каннада, а различие аффрикат *c, j* и *č, ʃ* характерно в нем не только для отдельных диалектов, но и для литературного языка.

Мелкие языки южной группы — кота, кодагу и тулу — также мало отличаются по своему звуковому и фонемному составу от современного каннада. Наиболее значительны эти отличия в кота, в котором имеются альвеолярные фонемы *ɽ, ɖ, ɳ*, а также *z* и *ɽ* (в каннада, кодагу и тулу — это аллофон *ɖ* в интервокальной позиции). Кодагу и тулу, кроме того, располагают беглым [ū], сближающим их с тамильским языком, а кодагу — также лабиализованным *ɓ*.

Тогда в фонетическом отношении наиболее своеобразный из дравидийских языков. Помимо взрывных *p, b, t, d, ʈ, ɖ, ʈ, ɖ*, аффрикат *c, j, č, ʃ*, фрикативных *f, θ, x, ɣ, s, z, ʂ, ʂ, ś, ʒ, ʃ*, много- и одноударных *ɽ, ɽ* и сонантов *m, n, ɳ, ɳ, ɳ, ɳ, l, l, ɹ, y, r* здесь имеются особые глухие сонанты *t̪, ʈ̪*, а также, по-видимому, глухие аллофоны фонем *ɽ, ɽ, m, n, ɳ, y*. Вокализм тогда помимо обычных *ā, ī, ū, ē, ō* охватывает *ū, ū̃* (= русск. *ы*) и лабиализованные *ō̃, ū̃*, не встречающиеся в других дравидийских языках [Емеева I, 18].

⁴ Здесь рассматривается лишь литературная форма малаялам, так как разговорная его форма и диалекты не изучены.

В каждом из языков центральной группы и в конда по десять гласных (*ā, ī, ū, ē, ō*), по четыре пары взрывных (лабиальные, дентальные, ретрофлексные, велярные) и по две аффрикаты (кроме конда) с соответствующими носовыми сонантами, шумные *ɽ, ʂ, ʈ* и сонанты *u, r, l, v*. Кроме того, колами и найки располагают *ś*, найки — *l*, а конда (в котором нет *c*) — *ś, z* и *ɽ*.

В фонетическом отношении гонди в целом не отличается от парджи; исключение составляет альвеолярный *ɽ*, а также аффрикаты *č, ʃ*, распределяющиеся позиционно так же, как в телугу, и встречающиеся в некоторых его диалектах.

Языки куи и куви от языков центральной группы отличаются наличием ларингального ' в обоих языках и отсутствием звука *c* в первом из них и звука *ɽ* в ряде диалектов второго. Кроме того, в них встречаются краткие назализованные *ō, ē, ī*.

Фонемные различия языков центральной и гондванской группы минимальны и в основном касаются лишь носовых сонантов (*ŋ* образует самостоятельную фонему в конда, куи и куви и является аллофоном *ŋ* в колами, найки, парджи, гадаба и гонди; *ɲ* образует фонему в парджи, гадаба и конда и является аллофоном *ŋ* в колами, найки, гонди, куи и куви; *ɳ* образует фонему в парджи, гадаба, конда, куи и куви и является аллофоном *ŋ* в колами, найки и гонди).

Языки северо-восточной группы — курух и малто — помимо фарингального *h* располагают велярным *x* и ларингальным ' (в курух) и фарингальными *q, ɡ* (в малто). В остальном от таких языков центральной группы, как колами и найки, курух отличается наличием в нем десяти (пяти кратких и пяти долгих) назализованных гласных и звука *f* (аллофон *p* в заимствованных словах); малто имеет фриктивный дентальный *ʃ* и лишен палатального шипящего *ś*.

Единственный язык северо-западной группы — брауи — сходен с курух наличием назализованных гласных и ларингальной смычки ', но не имеет фарингального *h*. В брауи имеются также фонемы *f, z, ʒ* и *ɡ*, а также глухой сонант *l* (аллофон звонкого *l*).

В целом звуковой и фонемный состав отдельных дравидийских языков можно представить в виде табл. 6, см. ниже (в квадратных [] скобки заключены звуки, не составляющие самостоятельной фонемы).

СОЧЕТАЕМОСТЬ ЗВУКОВ И ФОНЕТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Во всех дравидийских языках прослеживаются общедравидийские закономерности сочетаемости звуков и связанные с ними фонетические процессы, предотвращающие нарушение этих закономерностей. Правда, в современных дравидийских языках эти древние закономерности, как правило, во многом затемнены последующим развитием звуков и прослеживаются уже в виде тенденций, но в древнем тамильском языке они выступают вполне отчетливо. В наиболее общем виде эти закономерности сводятся к стремлению ограничить начальные звуки слова гласными, глухими шумными (кроме ретрофлексных и альвеолярных) и сонантами *m, n, ɲ, u, v*, его конечные звуки — гласными и сонантами, а сочетания согласных внутри слова — геминантами, сочетаниями носовых сонантов со звонкими взрывными и прочих сонантов с фриктивными; кроме того, характерно стремление к предотвращению стечения гласных звуков. Отсюда широкое распространение чередования глухих взрывных со звонкими

[illegible]

и фрикативными, ассимиляции согласных (обычно по месту образования и звонкости — глухости), многообразных случаев субституции, а также употребление различных эвфонических звуков и слогов (у, в, и, п, tt, iɔ, aɪ и др.) при словосложении и суффиксальном слово- и формообразовании или опущение одного из встречающихся гласных. Например, в древнем тамильском *koɭxalam* 'резервуар', 'приемник' (<koɭ- 'брат' + *kalam* 'сосуд'), *marāṅgaɭ* 'деревья' (<*maram* 'дерево' + -kaɭ суфф. мн. ч.), *peṇbilleu* 'девочка' (<peṇ 'женщина' + *pilleu* 'ребенок'), *poɭṭaxaru* 'золотое блюдо' (<poɭ 'золото' + *taxaru* 'блюдо'), *naṛōṟum* 'каждый день' (<naɭ 'день' + *tōrum* 'каждый'), *pūvarasū* 'рододендрон' (<pū 'цветок' + *arasū* 'царь'), *aɪeɪpa* 'что это' (из *aɪu* 'это' и *eɪpa* 'что') и т. п.

Ср. также: куй *tīlu guḍu* 'островерхая стена' (при *kuḍu* 'стена'), тогда *ēṇboɔ* 'девяносто', *ūfoɔ* 'двадцать' (при *pɪ* 'десять'), парджи *mau gel* 'точный камень' (при *kel* 'камень'), куй *bikal-āva* 'становиться печальным' (<*bikali āva*), тел. *mēsinaṇvu* 'пасущаяся корова' (<*mēsina āvu*), куй *lāvāṇju* 'молодой человек' (<*lā eṇju*), тулу *ammanākuḷu* 'госпожа' (<*amma* 'женщина' + -ākuḷu суфф. мн. ч.), *miṅṅau* 'кисть руки', 'ладонь' (*miṅ-* 'передний' + *kaɪ* 'рука') и т. п.

Отклонения от древних закономерностей, ставшие весьма распространенными в современных дравидийских языках, объясняются главным образом действием таких фонетических процессов, как спонтанное озвончение глухих звуков, опущение согласных или гласных (афerezис, синкопа, апокопа), метатеза или чередование звуков.

Озвончение начальных глухих согласных часто наблюдается во многих языках. Ср., например: кол. и найки *pām* 'змея': парджи и гадаба *bām*, там., мал. *paraṇi* 'коробочка': канн., код. и тулу *baraṇi*, там., мал., код., тулу *palli* 'ящерица': тел. *balli*, там. *tirutt-* 'исправлять': канн. *didd-*, там. *sūmb-* 'сосать': куй *jūmb-*, куй *jūr*, кан. *keu-* 'делать': *geu-* и т. п. Причины такого озвончения не выяснены. В некоторых случаях подобное озвончение связывают с появлением (в результате ассимиляции) звонких геминант в середине слова, как, например, тел. *bebbuli* 'большой тигр' (<*per-* 'большой' + *puli* 'тигр', где *rp>rb>bb*) или кан. *didd-* 'исправлять' (<*tidd-<tird-*).

В языках южной группы нередко встречается нерегулярное опущение начального согласного, в особенности *c-/s-*, например: там., мал., кота, тогда, канн., код. *il-* 'не иметься'; тел. *lē-*: парджи, малто *sil-*; гонди, конда *sil-*; гонди, куй *hil-*; куй *siḍ-*. Ср. также *kuḷey-:uley-* 'развязываться', *kōṇāy:ōṇāy* 'волк', *kulakk-:ulakk-* 'трясти', *kuḷapp-:uḷapp-* 'жевать', *tambi:ambi* 'младший брат', *tārāṭṭ-:ārāṭṭ-* 'баюкать', *tarey:arey-* 'бить', *tāy:āy* 'мать', *pular:ular-* 'сохнуть', *malar:alar* 'цветок', *maṛakk-:sṅibāt-:araṅk-* 'подчинять', *maṛaṅg-* 'сгибаться': *araṅg-* 'подчиняться' в тамильском языке.

Выпадение корневого гласного (синкопа) широко распространено во всех дравидийских языках, но особенно регулярно представлено в тулу, телугу, куй и куйи: там. *marav* 'дерево' — тел. *mraṇu*, там. *varey-* 'писать' — тел. *vraṇu*, там. *var-* 'приходить' — тел. *vaṭṭ-* (из *vraṭṭ-*), там. *aɪaṇu* 'мера' — тулу *lappu*, там. *pil-* 'раскалывать' — куй *pli-*.

Палатализация *k->c-/s-* в положении перед *i, e* характерна для тамильского, малаялам и телугу, и палатализация *-tt->-cc-* в положении после *i, e*, у наблюдается во многих языках, например: кол.

и найки *keṇ* 'ухо': там., мал. и тел. *sevi* или там. *vittū: viccū* 'семья'.

В области гласных характерной чертой южной группы является опущение у в начальном *yā-* (во всех языках, кроме телугу) и переход *yā->ē* в центральной и северной группах, а также в телугу; др.-там. *yāṇṇu* 'слон', совр. там. *āṇṇ*, мал. *āṇa*, ката *āṇ*, тода *āṇ*, канн. *āṇe*, код. *āṇe*, тулу *āṇe*, тел. *ēṇika*, кол. *āṇgi*, парджи *ēṇi*, гадаба *ēṇig*, гонди *ēṇī*, конда *ēṇī*.

В литературном диалекте классического тамильского языка и малаялам корневые гласные *e, o* обычно переходят соответственно в *i, u* в положении перед суффиксальными слогами, содержащими *-a-*, например: др.-там. *ural* 'тело', совр. там. *oṛalū*, мал. *ural*, совр. мал. *oṛalū*, канн. *oṛalu*, тулу *oṛalu*, тел. *oṛalu*; др.-там. *ilai* 'лист', совр. там. *ēle*, мал. *ila*, совр. мал. *ela*, канн. *ele*, тулу *ele*.

Аналогичное развитие корневых гласных *e, o* наблюдается в каннада (и изредка в современном тамильском) перед закрытыми гласными в суффиксальных слогах; ср., например: там. *eli* 'крыса': канн. *ili*, там. *sevi* 'ухо': канн. *kibi*, там. *poṛi* 'порошок': канн. *puri*, там. *koṛi* 'растение': канн. *kuṛi*, др.-там. *koṛu* 'дай': совр. там. *kuṛu*, *oḍukka* 'откладывать': *uḍukka*.

ОСНОВНЫЕ СЛУЧАИ ЗВУКОВЫХ СООТВЕТСТВИЙ (табл. 7)

[p-]

Др.-там. *piṇi* 'червь', совр. там. *piṇi*, мал. *piṇi*, ката *pī*, тода *pif*, др. канн. *piṇi*, совр. канн. *hiṇi*, код. *piṇi*, тулу *piri*, др. тел. *piṇṇi*, совр. тел. *piṇṇi*, кол. *piṇṇe*, найки *piṇṇe*, парджи *piṇut*, гадаба *piṇut*, гонди *piṇī*, конда *pīri*, куи *piṇi*, куви *piṇūli*, кур. *poṇḡ*, малто *poṇḡ*, бр. *pī*.

[-pp-]

Др.-там. *appa* 'отец', совр. там. *appā*, мал. *appa*, др. канн. *appa*, совр. канн. *appa*, *apa*, *aṇa*, код. *appō*, тулу *appa*, тел. *appa*, гонди *appāḷ*;

там. *sīpp-*, *sūpp-* 'сосать', ката *cīp-*, канн. *cīp-*, тел. *cīp-*, гадаба *cipk-*, куи *jīp-*, кур. *cīp-*, малто *cīp-*, бр. *cūp-*.

[-mb-]

Там. *ambū* 'стрела', мал. *ambū*, ката *amb*, *am*, тода *ob*, канн. *ambu*, код. *ambū*, тулу *ambu*, тел. *ambu*, *amṇi*, парджи *amb*, гадаба *amb*, конда *am*, куи *āmbu*, куви *ambū*.

[t-]

Др.-там. *tāṇ* 'сам', совр. там. *tā*, мал. *tān*, ката *tān*, тода *tōn*, др. канн. *tān*, совр. канн. *tānu*, код. *tānū*, тулу *tānū*, тел. *tānu*, парджи *tān*, гадаба *tān*, гонди *tanā*, куи *tānu*, куви *tanū*, кур. *tān*, малто *tān*, бр. *tēn*.

[-tt-]

Там. *vittū, viccū* 'семья', мал. *vittū*, ката *vit*, тода *pūt*, канн. *bittu*, код. *bittū*, тулу *bittū*, тел. *vittu*, кол. *vitānam*, найки *vita*.

пат, парджи *vittid*, гадаба *vīti*, гонди *vijjā*, конда *vit-* 'сеять',
куви *biṭja* 'семья', малто *bīci*.

[ṛ-]

Там. *piḍiṅg-* 'выдаваться', мал. *piḍiṅṅ-*, тода *piḍex-*, канн. *hiḍuk-*,
тел. *piduk-*, кол. *pidk-*, гонди *pidūk-* 'напрягаться', кур. *pedex-*
'сдавливаться', малто *peḍḅ-* 'разламывать'.

[-nd-]

Там. *sīnd-* 'сморкаться', 'чихать', мал. *cīnd-*, канн. *sīnd-*, тел.
cīd-, парджи *tīd-*, гадаба *śīnd-*, кун *srīnda-*, кувн *sīndali-*, кур. *cīcr-*,
малто *iñj-*.

[-tt-]

Др.-там. *paṭt-* 'хватать', совр. там. *paṭt-*, мал. *paṭt-*, кота *paṭ-*,
тода *paṭ-*, канн. *paṭt-*, *patt-* 'прилипать', код. *patt-*, тулу *patt-* 'хва-
тать', тел. *paṭṭ-*, парджи *patt-*, гадаба *paṭ(t)-*, малто *paty-*.

[-r-]

Др.-там. *ār-* 'остывать', совр. там. *ār-*, мал. *ār-*, кота *ār-*, тода
ōr-, др. канн. *ār-*, совр. канн. *ār-*, тулу *ār-*, др. тел. *ār-*, совр. тел.
ār-, кол. *ār-* 'высыхать', найки *ār-*, парджи *ēd-*, *ēḍ-* 'остывать', га-
даба *āl-*, гонди *ār-*, кун *āj-*, кур. *arta'ā-* 'просушивать'.

[-nd-]

Др.-там. *tōṇḍ* 'появляться', 'виднеться', совр. там. *tōṇ-*, *tōṇḍ-*,
мал. *tōnn-*, кота *tōr-*, тода *tḡṇḍ-*, *tḡṇl-*, др. канн. *tōṇ-*, совр. канн. *tōr-*,
тулу *tōj-*, тел. *tōc-*, парджи *tōnd-*, гадаба *tōṇḍ-*, кун *tōñj-*, кувн *toñj-*.

[-tt-]

Там. *koṭṭ-* 'ударять', мал. *koṭṭ-*, кота *koṭk-*, тода *kḡṭṭk-*, код.
koṭṭ-, тел. *koṭṭ-*, парджи *koṭṭ-*, гадаба *koṭ-*, кур. *xoṭṭ-*, малто *qoṭ-*.

[-r-]

Там. *paṛ-* 'опускаться', 'падать', 'гибнуть', мал. *paṛ-*, кота *paṛ-*,
тода *pṛṛ-*, канн. *paṛ-*, код. *paṛ-*, тел. *paṛ-*, кол. *paṛ-*, найки *paṛ-*,
парджи *paḍ-*, гадаба *paṛ-*.

[-ṇḍ-]

Там. *ṇaṇḍu* 'краб', мал. *ṇaṇḍu*, канн. *eṇḍrakāyū*, код. *ṇaṇḍu*, тулу
deñji, тел. *eṇḍri*, кол. *eṇḍe*, *ende*, найки *eṇḍe*, парджи *iṇḍi*, гадаба
irid, гонди *yanti*.

[c-]

Др.-там. *aṇḍu* 'пять', совр. там. *añjū*, мал. *añjū*, кота *añj-*, то-
да *āj-*, канн. *aṇḍu*, код. *añju*, тулу *aṇḍu*, тел. *ayidu*, кол. *ayḍ-*,
парджи *set*, гонди *sayuṇṇ*, *ḥayuṇṇ*, *yeṇ*, кун *siṅgi*.

(Ср. также примеры на стр. 333).

[-cc-]

Там. *kacc-* 'кусать', тода *koć-*, канн. *kacc-*, тулу *kacc-*, кол. *kacc-*, парджи *kacc-*, гадаба *kacc-*, *kas-*, гонди *kaskā-*, *kaci-*, куи *kas-*, куви *kacali*, кур. *xass-* 'расстраивать', малто *qasv-* 'кусать'.

[-s-]

Там. *kasarū* 'сор', 'грязь', тода *kosf*, канн. *kasa*, тулу *·kajavu* тел. *kasavu*, кур. *kassā*, малто *kase*.

[-ñ-]

Там. *añju* 'страх', мал. *añjal*, кота *añjalk*, тода *ofk*, канн. *añjike*, тулу *añjike*, тел. *añjika*, куи *aja*, куви *ajji*, бр. *'iñṅ* 'растеньность'.

[-k-]

Там. *kaṇ(ṇi)* 'глаз', мал. *kaṇ(ṇi)*, кота *kaṇ*, тода *koṇ*, канн. *kaṇ*, код. *kaṇṇi*, тулу *kaṇṇi*, тел. *kaṇ(n)i*, кол. *kaṇ*, найки *kaṇ*, парджи *kaṇ*, гадаба *kaṇ*, гонди *kaṇ*, конда *kaṇ*, куи *kaṇi*, куви *kaṇṇi*, кур. *xaṇṇ*, малто *qani*, бр. *xaṇ*;

там. *sevi* 'ухо', мал. *sevi*, кота *kev*, тода *kūfy*, канн. *kivi*, код. *kevin*, тулу *kebi*, тел. *sevi*, кол. *kev*, найки *kev*, парджи *kekol*, гадаба *kekol*, гонди *kavi*, куи *kiri*, куви *kiriyu*, кур. *xebdā*, малто *qeḍvi*, бр. *xaf*.

[-kk-]

Там. *mūkkū* 'нос', мал. *mūkkū*, кота *mūk*, тода *mūk*, канн. *mūgu*, код. *mūkū*, тулу *mūku*, *mūgu*, тел. *mukku*, кол. *mukk*.

[-x-]

Там. *uxir* 'ноготь', мал. *uxir*, кота *ūr*, тода *ūr*, канн. *ugur*, код. *ou*, тулу *uguri*, тел. *gōru*, кол. *gōr*, найки *gōr*, парджи *gēri*, гадаба *gēre*, конда *gōru*, куи *gōra*, куви *gōru*, кур. *oḡox*, малто *oḡu*, бр. *'ōr*.

[-ṅg-]

Там. *tūṅg-* 'висеть', 'качаться', мал. *tūṅṅ-*, кота *tūg-*, тода *tūx-*, канн. *tūg-*, *tūṅk-*, код. *tūṅg-*, тулу *tūṅg-*, *tūṅk-*, тел. *tūg-*, конда *dūṅ-*, куи *drūṅg-*, куви *tūṅg-*, кур. *tuṅgul* 'сон', малто *tumgle*, бр. *tuḡ-*.

[-v-]

Там. *vāṛ[•]* 'приходить', мал. *var-*, кота *vār-*, тода *pōr-*, канн. *bar-*, код. *bar-*, тулу *barp-*, тел. *vaćć-*, кол. *var-*, найки *var-*, парджи *ver-*, гадаба *var-*, гонди *vaṇā-*, конда *vā-*, куи *vā-*, куви *vā'-*, кур. *bar-*, малто *bar-*, бр. *bar-*.

[-z-]

Др.-там. *maṇe* 'дождь', совр. там. *maḷe*, диал. там. *maue*, др. мал. *maṇa*, совр. мал. *maḷa*, диал. мал. *maṇa*, кота *mau*, тода *mau*, *maṣ*, др. канн. *maṇe*, совр. канн. *maḷe*, код. *maḷe*, тулу *maḷe*.

ПИСЬМЕННОСТЬ

Среди дравидийских языков лишь четыре — тамильский, малаялам, каннада и телугу — являются литературными языками в полном смысле слова. Каждый из них располагает своим особым алфавитом. Алфавиты эти близки по своему характеру и, по всей вероятности, ведут свое происхождение от общей графики (табл. 8). В особенности это относится к алфавитам каннада и телугу, поныне сохраняющим много общего и через так называемое переходное письмо восходящим к различным разновидностям южноиндийского письма (чалукья, кадамба, венги). Алфавит малаялам является наиболее распространенной из современных разновидностей письма грантха (букв. «книжное письмо»), ранние формы которого использовались в государствах Деккана для записи санскритских текстов. Современный тамильский алфавит, по-видимому, смешанного происхождения: часть его букв заимствована из грантха, применявшегося тамилами в средние века для письма на своем языке, другая же часть букв несомненно восходит к письму ваттежутты (букв. «круглое письмо»), которое до недавнего времени было широко распространено в Тамилнаду и Керале, но происхождение которого остается неясным.

Таблица 8

Алфавиты основных дравидийских языков

Тамильский	Малаялам	Каннада	Телугу	Транскрипция
அ	അ	ಅ	అ	a
ஆ	ആ	ಆ	ఆ	ā
இ	ഇ	ಇ	ఇ	i
ஈ	ഈ	ಈ	ఈ	ī
உ	ഉ	ಉ	ఉ	u
ஊ	ഊ	ಊ	ఊ	ū
ஐ	ഈ	ಐ	ఐ	ru, ru, ri
எ	എ	ಎ	ఎ	e
ஏ	ഈ	ಏ	ఏ	ē
ஐ	ஐ	ಐ	ఐ	ay
ஒ	ഒ	ಒ	ఒ	o
ஓ	ഓ	ಓ	ఓ	ō
ஔ	ഔ	ಔ	ఔ	av
		ಂ	ం	m
	ః	ః	ః	x, h
க	ക	ಕ	క	ka
	ഖ	ಖ	ఖ	kha
	ഗ	ಗ	గ	ga
	ഘ	ಘ	ఘ	gha

Тамильский	Малаялам	Каннада	Телугу	Транскрипция
ங	ങ			<i>ṇa</i>
ச	ച			<i>ca</i>
	ചി			<i>cha</i>
	ജ			<i>ja</i>
	ജയ			<i>jha</i>
ஞ	ഞ			<i>ṇa</i>
┐	ഃ			<i>ṭa</i>
	ഓ			<i>ṭha</i>
	ഡ			<i>ḍa</i>
	ഡേ			<i>ḍha</i>
ண	ണ			<i>ṇa</i>
ந	ത			<i>ta</i>
	ഥ			<i>tha</i>
	ദ			<i>da</i>
	ധ			<i>dha</i>
ந	ന			<i>na</i>
┐	഼			<i>pa</i>
	ഽ			<i>pha</i>
	ബ			<i>ba</i>
	ഭ			<i>bha</i>
ம	മ			<i>ma</i>
ய	ഃ			<i>ya</i>
ர	ര			<i>ra</i>
ல	ല			<i>la</i>
வ	വ			<i>va</i>
ழ	ഃ			<i>ṣa</i>
ள	ഌ			<i>ḷa</i>
ற	ഥ			<i>ṭa</i>
ன	ന			<i>ṇa</i>
ஞ	ṇ			<i>ja</i>
ஷ	ṣ			<i>ṣa</i>
ஸ	sa			<i>sa</i>
ஹ	ha			<i>xa, ha</i>
க்	ka			<i>kṣa</i>

Все эти алфавиты построены по слоговому принципу, т. е. каждая буква в них обозначает целый слог, который может состоять из гласного или согласного и сопутствующего ему гласного. Гласные звуки, за редкими исключениями, обозначаются самостоятельными буквами лишь в начале слова. В тех случаях, когда гласный звук следует за согласным в середине или в конце слова, он обозначается в одном сложном знаке (букве), одновременно передающем соединение согласного и следующего за ним гласного. При этом краткий гласный *a*, сопутствующий согласному, на письме не изображается (табл. 9, 10, 11, 12).

Согласный без сопутствующего ему гласного обозначается соответствующей буквой с дополнительным знаком: *ka* — *ka*, *ka* — *ka* или *ka*, *ka* — *ka*, *ka* — *ka*.

В дравидийских алфавитах прописные и строчные буквы не различаются, рукописные буквы не отличаются по начертанию от печатных. Направление письма — по строке слева направо.

Все прочие дравидийские языки до недавнего прошлого не имели никакой письменности. Однако в XIX в. отдельные лица и церковные миссии начинают предпринимать попытки к созданию письменности для некоторых из этих языков (тулу, гонди, куи, куви, курух, брауи). Так, например, на тулу письменность существует уже более ста лет, причем первоначально в этих целях использовался алфавит малаялам, а начиная с последней четверти прошлого века — алфавит каннада. И все же тулу остается младописьменным языком: художественная литература и пресса на этом языке развития еще не получили, и книгопечатание ограничено изданием учебников для начальной школы и религиозными книгами.

Не менее скромными остаются успехи в деле создания письменности для других дравидийских языков. Народные песни, сказки, басни, пословицы, загадки и тому подобные фольклорные произведения, а также учебная и религиозная литература — вот пока все, что изредка издается отдельными энтузиастами, пользующимися в этих случаях латинским алфавитом (с добавлением диакритических знаков) или графикой хинди, урду или ория.

МОРФОЛОГИЯ

В дравидийских языках преобладают черты суффиксально-агглютинирующего строя.

Некоторые элементы внутренней флексии, в основном чередование долгих и кратких гласных в корне, встречаются редко и имеют подчиненное значение [ср. там. *pārū* 'состояние' — *paruttal* 'испытывать', *kaṇ* 'глаз' — *kāṇiḍal* 'видеть', *sāttal* 'умирать' — *setta* (<*sa-) 'умерший'].

Вследствие того что суффиксация является единственным типом аффиксации в дравидийских языках, корневая морфема в простых словах всегда выступает первой. Собственно дравидийские корни в большинстве своем бывают односложными⁵.

⁵ С этимологической точки зрения все дравидийские корни моносиллабичны. Вторые слоги таких морфем, как, например, тамильские глагольные основы *aṭ-i-* 'узнавать', *paṭ-a-* 'ходить', *uṭ-eu-* 'разбивать(ся)', являются словообразовательными элементами.

Соединение согласных с гласными в тамильском алфавите

அ	ஆ	இ	ஈ	உ	ஊ	எ	ஏ	ஐ	ஓ	ஔ	ஐள
க	கா	கி	கீ	கு	கூ	கெ	கே	கை	கொ	கோ	கௌ
ங	ஙா	ஙி			நு	நெ	நே	நை	நொ	நோ	நௌ
ச	சா	சி	சீ	சு	சூ	செ	சே	சை	சொ	சோ	சௌ
ஞ	ஞா	ஞி	ஞீ			ஞெ	ஞே	ஞை	ஞொ	ஞோ	ஞௌ
ட	டா	டி	டீ	டு	டூ	டெ	டே	டை	டொ	டோ	டௌ
ண	ணா	ணி	ணீ	ணு	ணூ	ணெ	ணே	ணை	ணொ	ணோ	ணௌ
த	தா	தி	தீ	து	தூ	தெ	தே	தை	தொ	தோ	தௌ
ந	நா	நி	நீ	நு	நூ	நெ	நே	நை	நொ	நோ	நௌ
ப	பா	பி	பீ	பு	பூ	பெ	பே	பை	பொ	போ	பௌ
ம	மா	மி	மீ	மு	மூ	மெ	மே	மை	மொ	மோ	மௌ
ய	யா	யி	யீ	யு	யூ	யெ	யே	யை	யொ	யோ	யௌ
ர	ரா	ரி	ரீ	ரு	ரூ	ரெ	ரே	ரை	ரொ	ரோ	ரௌ
ல	லா	லி	லீ	லு	லூ	லெ	லே	லை	லொ	லோ	லௌ
வ	வா	வி	வீ	வு	வூ	வெ	வே	வை	வொ	வோ	வௌ
ழ	ழா	ழி	ழீ	ழு	ழூ	ழெ	ழே	ழை	ழொ	ழோ	ழௌ
ள	ளா	ளி	ளீ	ளு	ளூ	ளெ	ளே	ளை	ளொ	ளோ	ளௌ
ற	றா	றி	றீ	று	றூ	றெ	றே	றை	றொ	றோ	றௌ
ன	னா	னி	னீ	னு	னூ	னெ	னே	னை	னொ	னோ	னௌ
ஐ	ஐா	ஐி	ஐீ	ஐு	ஐூ	ஐெ	ஐே	ஐை	ஐொ	ஐோ	ஐௌ
ஷ	ஷா	ஷி	ஷீ	ஷு	ஷூ	ஷெ	ஷே	ஷை	ஷொ	ஷோ	ஷௌ
ஸ	ஸா	ஸி	ஸீ	ஸு	ஸூ	ஸெ	ஸே	ஸை	ஸொ	ஸோ	ஸௌ
ஹ	ஹா	ஹி	ஹீ	ஹு	ஹூ	ஹெ	ஹே	ஹை	ஹொ	ஹோ	ஹௌ
க்ஷ	க்ஷா	க்ஷி	க்ஷீ	க்ஷு	க்ஷூ	க்ஷெ	க்ஷே	க்ஷை	க்ஷொ	க்ஷோ	க்ஷௌ

Соединение согласных с гласными в алфавите малаялам

അ	ആ	ഇ	ഈ	ഉ	ഊ	ഋ	എ	ഐ	ഐ	ഒ	ഓ	ഔ
ക	കാ	കി	കീ	ക	കു	കൂ	കെ	കേ	കൈ	കൊ	കോ	കൌ
ഖ	ഖാ	ഖി	ഖീ	ഖ	ഖു	ഖൂ	ഖെ	ഖേ	ഖൈ	ഖൊ	ഖോ	ഖൌ
ഗ	ഗാ	ഗി	ഗീ	ഗ	ഗു	ഗൂ	ഗെ	ഗേ	ഗൈ	ഗൊ	ഗോ	ഗൌ
ഘ	ഘാ	ഘി	ഘീ	ഘ	ഘു	ഘൂ	ഘെ	ഘേ	ഘൈ	ഘൊ	ഘോ	ഘൌ
ങ	ങാ	ങി	ങീ	ങ	ങു	ങൂ	ങെ	ങേ	ങൈ	ങൊ	ങോ	ങൌ
ച	ചാ	ചി	ചീ	ച	ചു	ചൂ	ചെ	ചേ	ചൈ	ചൊ	ചോ	ചൌ
ട	ടാ	ടി	ടീ	ട	ടു	ടൂ	ടെ	ടേ	ടൈ	ടൊ	ടോ	ടൌ
ഢ	ഢാ	ഢി	ഢീ	ഢ	ഢു	ഢൂ	ഢെ	ഢേ	ഢൈ	ഢൊ	ഢോ	ഢൌ
ജ	ജാ	ജി	ജീ	ജ	ജു	ജൂ	ജെ	ജേ	ജൈ	ജൊ	ജോ	ജൌ
ത	താ	തി	തീ	ത	തു	തൂ	തെ	തേ	തൈ	തൊ	തോ	തൌ
ഥ	ഥാ	ഥി	ഥീ	ഥ	ഥു	ഥൂ	ഥെ	ഥേ	ഥൈ	ഥൊ	ഥോ	ഥൌ
ദ	ദാ	ദി	ദീ	ദ	ദു	ദൂ	ദെ	ദേ	ദൈ	ദൊ	ദോ	ദൌ
ധ	ധാ	ധി	ധീ	ധ	ധു	ധൂ	ധെ	ധേ	ധൈ	ധൊ	ധോ	ധൌ
ന	നാ	നി	നീ	ന	നു	നൂ	നെ	നേ	നൈ	നൊ	നോ	നൌ
പ	പാ	പി	പീ	പ	പു	പൂ	പെ	പേ	പൈ	പൊ	പോ	പൌ
ഫ	ഫാ	ഫി	ഫീ	ഫ	ഫു	ഫൂ	ഫെ	ഫേ	ഫൈ	ഫൊ	ഫോ	ഫൌ
ബ	ബാ	ബി	ബീ	ബ	ബു	ബൂ	ബെ	ബേ	ബൈ	ബൊ	ബോ	ബൌ
ഭ	ഭാ	ഭി	ഭീ	ഭ	ഭു	ഭൂ	ഭെ	ഭേ	ഭൈ	ഭൊ	ഭോ	ഭൌ
മ	മാ	മി	മീ	മ	മു	മൂ	മെ	മേ	മൈ	മൊ	മോ	മൌ
യ	യാ	യി	യീ	യ	യു	യൂ	യെ	യേ	യൈ	യൊ	യോ	യൌ
ര	രാ	രി	രീ	ര	രു	രൂ	രെ	രേ	രൈ	രൊ	രോ	രൌ
ല	ലാ	ലി	ലീ	ല	ലു	ലൂ	ലെ	ലേ	ലൈ	ലൊ	ലോ	ലൌ
വ	വാ	വി	വീ	വ	വു	വൂ	വെ	വേ	വൈ	വൊ	വോ	വൌ
ശ	ശാ	ശി	ശീ	ശ	ശു	ശൂ	ശെ	ശേ	ശൈ	ശൊ	ശോ	ശൌ
ഷ	ഷാ	ഷി	ഷീ	ഷ	ഷു	ഷൂ	ഷെ	ഷേ	ഷൈ	ഷൊ	ഷോ	ഷൌ
സ	സാ	സി	സീ	സ	സു	സൂ	സെ	സേ	സൈ	സൊ	സോ	സൌ
ഹ	ഹാ	ഹി	ഹീ	ഹ	ഹു	ഹൂ	ഹെ	ഹേ	ഹൈ	ഹൊ	ഹോ	ഹൌ
ക്ഷ	ക്ഷാ	ക്ഷി	ക്ഷീ	ക്ഷ	ക്ഷു	ക്ഷൂ	ക്ഷെ	ക്ഷേ	ക്ഷൈ	ക്ഷൊ	ക്ഷോ	ക്ഷൌ
ജി	ജാ	ജി	ജീ	ജ	ജു	ജൂ	ജെ	ജേ	ജൈ	ജൊ	ജോ	ജൌ
ഴ	ഴാ	ഴി	ഴീ	ഴ	ഴു	ഴൂ	ഴെ	ഴേ	ഴൈ	ഴൊ	ഴോ	ഴൌ
റ	റാ	റി	റീ	റ	റു	റൂ	റെ	റേ	റൈ	റൊ	റോ	റൌ

Соединение согласных с гласными в алфавите каннада

ಅ	ಆ	ಇ	ಈ	ಉ	ಊ	ಋ	ಎ	ಏ	ಐ	ಒ	ಓ	ಔ
ಕ	ಕಾ	ಕಿ	ಕೀ	ಕು	ಕೂ	ಕೃ	ಕೆ	ಕೇ	ಕೈ	ಕೊ	ಕೋ	ಕೂ
ಖ	ಖಾ	ಖಿ	ಖೀ	ಖು	ಖೂ	ಖೃ	ಖೆ	ಖೇ	ಖೈ	ಖೊ	ಖೋ	ಖೂ
ಗ	ಗಾ	ಗಿ	ಗೀ	ಗು	ಗೂ	ಗೃ	ಗೆ	ಗೇ	ಗೈ	ಗೊ	ಗೋ	ಗೂ
ಘ	ಘಾ	ಘಿ	ಘೀ	ಘು	ಘೂ	ಘೃ	ಘೆ	ಘೇ	ಘೈ	ಘೊ	ಘೋ	ಘೂ
ಚ	ಚಾ	ಚಿ	ಚೀ	ಚು	ಚೂ	ಚೃ	ಚೆ	ಚೇ	ಚೈ	ಚೊ	ಚೋ	ಚೂ
ಛ	ಛಾ	ಛಿ	ಛೀ	ಛು	ಛೂ	ಛೃ	ಛೆ	ಛೇ	ಛೈ	ಛೊ	ಛೋ	ಛೂ
ಜ	ಜಾ	ಜಿ	ಜೀ	ಜು	ಜೂ	ಜೃ	ಜೆ	ಜೇ	ಜೈ	ಜೊ	ಜೋ	ಜೂ
ಝ	ಝಾ	ಝಿ	ಝೀ	ಝು	ಝೂ	ಝೃ	ಝೆ	ಝೇ	ಝೈ	ಝೊ	ಝೋ	ಝೂ
ಟ	ಟಾ	ಟಿ	ಟೀ	ಟು	ಟೂ	ಟೃ	ಟೆ	ಟೇ	ಟೈ	ಟೊ	ಟೋ	ಟೂ
ಠ	ಠಾ	ಠಿ	ಠೀ	ಠು	ಠೂ	ಠೃ	ಠೆ	ಠೇ	ಠೈ	ಠೊ	ಠೋ	ಠೂ
ಡ	ಡಾ	ಡಿ	ಡೀ	ಡು	ಡೂ	ಡೃ	ಡೆ	ಡೇ	ಡೈ	ಡೊ	ಡೋ	ಡೂ
ಢ	ಢಾ	ಢಿ	ಢೀ	ಢು	ಢೂ	ಢೃ	ಢೆ	ಢೇ	ಢೈ	ಢೊ	ಢೋ	ಢೂ
ಣ	ಣಾ	ಣಿ	ಣೀ	ಣು	ಣೂ	ಣೃ	ಣೆ	ಣೇ	ಣೈ	ಣೊ	ಣೋ	ಣೂ
ತ	ತಾ	ತಿ	ತೀ	ತು	ತೂ	ತೃ	ತೆ	ತೇ	ತೈ	ತೊ	ತೋ	ತೂ
ಥ	ಥಾ	ಥಿ	ಥೀ	ಥು	ಥೂ	ಥೃ	ಥೆ	ಥೇ	ಥೈ	ಥೊ	ಥೋ	ಥೂ
ದ	ದಾ	ದಿ	ದೀ	ದು	ದೂ	ದೃ	ದೆ	ದೇ	ದೈ	ದೊ	ದೋ	ದೂ
ಧ	ಧಾ	ಧಿ	ಧೀ	ಧು	ಧೂ	ಧೃ	ಧೆ	ಧೇ	ಧೈ	ಧೊ	ಧೋ	ಧೂ
ನ	ನಾ	ನಿ	ನೀ	ನು	ನೂ	ನೃ	ನೆ	ನೇ	ನೈ	ನೊ	ನೋ	ನೂ
ಪ	ಪಾ	ಪಿ	ಪೀ	ಪು	ಪೂ	ಪೃ	ಪೆ	ಪೇ	ಪೈ	ಪೊ	ಪೋ	ಪೂ
ಫ	ಫಾ	ಫಿ	ಫೀ	ಫು	ಫೂ	ಫೃ	ಫೆ	ಫೇ	ಫೈ	ಫೊ	ಫೋ	ಫೂ
ಬ	ಬಾ	ಬಿ	ಬೀ	ಬು	ಬೂ	ಬೃ	ಬೆ	ಬೇ	ಬೈ	ಬೊ	ಬೋ	ಬೂ
ಭ	ಭಾ	ಭಿ	ಭೀ	ಭು	ಭೂ	ಭೃ	ಭೆ	ಭೇ	ಭೈ	ಭೊ	ಭೋ	ಭೂ
ಮ	ಮಾ	ಮಿ	ಮೀ	ಮು	ಮೂ	ಮೃ	ಮೆ	ಮೇ	ಮೈ	ಮೊ	ಮೋ	ಮೂ
ಯ	ಯಾ	ಯಿ	ಯೀ	ಯು	ಯೂ	ಯೃ	ಯೆ	ಯೇ	ಯೈ	ಯೊ	ಯೋ	ಯೂ
ರ	ರಾ	ರಿ	ರೀ	ರು	ರೂ	ರೃ	ರೆ	ರೇ	ರೈ	ರೊ	ರೋ	ರೂ
ಕ	ಕಾ	ಕಿ	ಕೀ	ಕು	ಕೂ	ಕೃ	ಕೆ	ಕೇ	ಕೈ	ಕೊ	ಕೋ	ಕೂ
ಲ	ಲಾ	ಲಿ	ಲೀ	ಲು	ಲೂ	ಲೃ	ಲೆ	ಲೇ	ಲೈ	ಲೊ	ಲೋ	ಲೂ
ವ	ವಾ	ವಿ	ವೀ	ವು	ವೂ	ವೃ	ವೆ	ವೇ	ವೈ	ವೊ	ವೋ	ವೂ
ಶ	ಶಾ	ಶಿ	ಶೀ	ಶು	ಶೂ	ಶೃ	ಶೆ	ಶೇ	ಶೈ	ಶೊ	ಶೋ	ಶೂ
ಷ	ಷಾ	ಷಿ	ಷೀ	ಷು	ಷೂ	ಷೃ	ಷೆ	ಷೇ	ಷೈ	ಷೊ	ಷೋ	ಷೂ
ಸ	ಸಾ	ಸಿ	ಸೀ	ಸು	ಸೂ	ಸೃ	ಸೆ	ಸೇ	ಸೈ	ಸೊ	ಸೋ	ಸೂ
ಹ	ಹಾ	ಹಿ	ಹೀ	ಹು	ಹೂ	ಹೃ	ಹೆ	ಹೇ	ಹೈ	ಹೊ	ಹೋ	ಹೂ
ಳ	ಳಾ	ಳಿ	ಳೀ	ಳು	ಳೂ	ಳೃ	ಳೆ	ಳೇ	ಳೈ	ಳೊ	ಳೋ	ಳೂ
ಱ	ಱಾ	ಱಿ	ಱೀ	ಱು	ಱೂ	ಱೃ	ಱೆ	ಱೇ	ಱೈ	ಱೊ	ಱೋ	ಱೂ

Соединение согласных с гласными в алфавите телугу

అ	ఆ	ఇ	ఈ	ఉ	ఊ	ఋ	ౠ	ఎ	ఏ	ఐ	ఒ	ఓ
క	క	కి	కీ	కు	కూ	కృ	కౄ	కె	కే	కై	కొ	కో
ఖ	ఖ	ఖి	ఖీ	ఖు	ఖూ	ఖృ	ఖౄ	ఖె	ఖే	ఖై	ఖొ	ఖో
గ	గ	గి	గీ	గు	గూ	గృ	గౄ	గె	గే	గై	గొ	గో
ఘ	ఘ	ఘి	ఘీ	ఘు	ఘూ	ఘృ	ఘౄ	ఘె	ఘే	ఘై	ఘొ	ఘో
చ	చ	చి	చీ	చు	చూ	చృ	చౄ	చె	చే	చై	చొ	చో
ఛ	ఛ	ఛి	ఛీ	ఛు	ఛూ	ఛృ	ఛౄ	ఛె	ఛే	ఛై	ఛొ	ఛో
జ	జ	జి	జీ	జు	జూ	జృ	జౄ	జె	జే	జై	జొ	జో
ఝ	ఝ	ఝి	ఝీ	ఝు	ఝూ	ఝృ	ఝౄ	ఝె	ఝే	ఝై	ఝొ	ఝో
ట	ట	టి	టీ	టు	టూ	టృ	టౄ	టె	టే	టై	టొ	టో
థ	థ	థి	థీ	థు	థూ	థృ	థౄ	థె	థే	థై	థొ	థో
ద	ద	ది	దీ	దు	దూ	దృ	దౄ	దె	దే	దై	దొ	దో
ధ	ధ	ధి	ధీ	ధు	ధూ	ధృ	ధౄ	ధె	ధే	ధై	ధొ	ధో
న	న	ని	నీ	ను	నూ	నృ	నౄ	నె	నే	నై	నొ	నో
ప	ప	పి	పీ	పు	పూ	పృ	పౄ	పె	పే	పై	పొ	పో
ఫ	ఫ	ఫి	ఫీ	ఫు	ఫూ	ఫృ	ఫౄ	ఫె	ఫే	ఫై	ఫొ	ఫో
బ	బ	బి	బీ	బు	బూ	బృ	బౄ	బె	బే	బై	బొ	బో
భ	భ	భి	భీ	భు	భూ	భృ	భౄ	భె	భే	భై	భొ	భో
మ	మ	మి	మీ	ము	మూ	మృ	మౄ	మె	మే	మై	మొ	మో
య	య	యి	యీ	యు	యూ	యృ	యౄ	యె	యే	యై	యొ	యో
ర	ర	రి	రీ	రు	రూ	రృ	రౄ	రె	రే	రై	రొ	రో
ల	ల	లి	లీ	లు	లూ	లృ	లౄ	లె	లే	లై	లొ	లో
ళ	ళ	ళి	ళీ	ళు	ళూ	ళృ	ళౄ	ళె	ళే	ళై	ళొ	ళో
శ	శ	శి	శీ	శు	శూ	శృ	శౄ	శె	శే	శై	శొ	శో
ష	ష	షి	షీ	షు	షూ	షృ	షౄ	షె	షే	షై	షొ	షో
స	స	సి	సీ	సు	సూ	సృ	సౄ	సె	సే	సై	సొ	సో

Во всех дравидийских языках имеются существительные, числительные, местоимения, глаголы, частицы и междометия. Кроме того, во многих из них в качестве самостоятельных частей речи встречаются прилагательные, личные имена, наречия, а также послелоги, подражательные слова и слова-эхо. Менее характерны для дравидийских языков союзы; предлоги же встречаются лишь в брауи (табл. 13).

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

В дравидийских языках для существительного обычно характерно различие таких грамматических и лексико-грамматических категорий, как род, число и падеж.

РОД

Род существительного в дравидийских языках носит лексико-грамматический характер, т. е. он определяется лексическим значением существительного и выражается грамматически в согласовании по роду с другими классами слов, различающих эту категорию.

В дравидийских языках имеются четыре типа различения лексико-грамматического рода у существительных.

В тамильском, древнем малаялам, ката, каннада, кодагу и тулу различаются три рода в единственном числе — мужской (существительные, обозначающие лиц мужского пола), женский (существительные, обозначающие лиц женского пола) и средний (существительные, обозначающие животных, неодушевленные предметы и отвлеченные понятия) и два рода во множественном числе — эпичесенный (существительные, обозначающие людей независимо от пола) и средний.

В телугу, курух и малто различаются мужской род (существительные, обозначающие лиц мужского пола) и немужской род (существительные, обозначающие лиц женского пола, животных, неодушевленные предметы и отвлеченные понятия) в единственном числе и эпичесенный род (существительные, обозначающие людей независимо от пола) и средний род (существительные, обозначающие животных, неодушевленные предметы и отвлеченные понятия) во множественном числе.

В колами, найки, парджи, гадаба, гонди, конда, куи и куви имеются два рода — мужской и немужской (в обоих числах).

Наконец, в брауи, тогда и современном малаялам род не различается вообще.

ЧИСЛО

Во всех дравидийских языках различаются лишь два числа — единственное и множественное.

Единственное число в большинстве языков не имеет специальных показателей и характеризуется отсутствием показателей множественного числа. Исключение составляют некоторые существительные мужского рода, получающие в отдельных языках специальные показатели единственного числа, ср., например: там. *taṇṇiḍa* 'человек', канн. *hiṇṇiga-ni* 'мальчик', тел. *ṭaṇṇi-ṇi* 'младший брат'.

Части речи в дравидийских языках

Язык	Древний тамилский ⁴	Современный тамилский	Древний малаялам	Современный малаялам	Котх	Толх	Древний киннада	Современный каннада	Колату	Тулу	Древний телугу	Современный телугу	Коллин	Ники	Паражи	Ладжа	Гонди	Конд	Кун	Кув	Курух	Мато	Браун	Часть речи	
																								Существительное	Междометие
	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+														

Примечания. + означает наличие данной части речи в указанном языке. — означает отсутствие данной части речи в указанном языке. ? означает недостоверность сведений, обусловленную краткостью или неточностью описаний данного языка.

Множественное число образуется присоединением особых суффиксов к основе или к форме именительного падежа единственного числа. Наиболее общие показатели множественного числа, встречающиеся регулярно, включают в свой состав: а) глухой или звонкий велярный взрывной (нередко с предшествующим гомогенным носовым сонантом), б) латеральный альвеолярный или ретрофлексный сонант, в) альвеолярный дрожащий сонант (реже — ретрофлексный одноударный), например:

бр. *urā* 'дом' — *urāk* 'дома';

найки *elli* 'крыса' — *ellig* 'крысы';

гонди *pittē* 'птица' — *pittēṅ* 'птицы';

гадаба *ki* 'рука' — *kil* 'руки', *aba* 'отец' — *abar* 'отцы';

конда *koro* 'сын' — *koror* 'сыновья'.

Часто помимо перечисленных согласных в состав показателей множественного числа входят и гласные звуки (обычно краткие), которые предшествуют согласному суффиксу или следуют за ним. См., например:

найки *tal* 'голова' — *talku* 'головы';

конда *mētar* 'муж' — *mētargu* 'мужья';

куи *koru* (основа *kor-*) 'буйвол' — *korka* 'буйволы', *kanu* (основа *kan-*) 'глаз' — *kaṅga* 'глаза';

там. (южн. диал.) *kallū* 'камень' — *kallūxə* 'камни';

бр. *lot* 'мешок' — *lotāk* 'мешки';

там. (разг.) *mosalu* 'заяц' — *mosaluṅgə* 'зайцы';

там. (брахм. диал.) *roṇṇū* 'женщина' — *roṇṇūṅgō* 'женщины';

конда *koyər* 'серб' — *koyərñu* 'серпы';

куви *kaḍḍa* 'река' — *kaḍḍaṇa* 'реки';

код. *aṇṇi* (основа *aṇṇ-*) 'старший брат' — *aṇṇaṅga* 'старшие братья';

тел. *pāṭa* 'песня' — *pāṭalu* 'песни';

тулу *mēji* 'стол' — *mējiḷu* 'столы';

кол. *āv* 'сажень' — *āvul* 'сажени';

гадаба *eg* 'лист' — *egil* 'листья';

там. (зап. диал.) *iṣṣaṭu* 'муха' — *iṣṣaṭaḷ* 'мухи', *manuṣyaṇ* (основа *manuṣya-*) 'человек' — *manuṣyaḷ* 'люди';

тулу *kartave* 'господин' — *kartaverū* 'господа';

куи *āro* 'сын' — *āporu* 'сыновья';

канн. *heṅgasu* (основа *heṅgas-*) 'женщина' — *heṅgasaru* 'женщины';

кур. *āl* 'мужчина' — *ālar* 'мужчины';

там. (древн.) *peṇḍu* (основа *peṇḍ-*) 'женщина' — *peṇḍir* 'женщины';

парджи *ḍoṅgal* 'вор' — *ḍoṅgaler* 'воры';

гадаба *muttak* 'старик' — *muttakor* 'старики';

там. *tāu* 'мать' — *tayār* 'матери'.

В ряде случаев показатель множественного числа осложняется за счет включения еще одного консонантного элемента в начале суффикса:

гонди *talā* 'голова' — *talāhk* 'головы';

куви *aya* 'женщина' — *ayaska* 'женщины', *hanayi* (основа *hana-*) 'идущая женщина' — *hanasika* 'идущие женщины';

бр. *bāva* 'отец' — *bāvaḡāk* 'отцы';

парджи *vār* 'корень' — *vārtil* 'корни', *gurrol* 'лошадь' — *gurrocil* 'лошади';

гадаба *aya* 'мать' — *ayasil* 'матери';

там. *tāu* 'мать' — *tāumār* 'матери'.

Кроме того, во многих языках южной и центральной групп широко распространены плеонастические суффиксы множественного числа, состоящие из суффикса *-k* и суффикса *-l* (*-l*) или (реже) из суффикса *-k* и суффикса *-r* (*-r*), например:

там. *āl* 'человек' — *āṭkaḷ* 'люди', *peṇ* 'женщина' — *peṇgaḷ* 'женщины', *vṛṇ* (основа *vṛ-*) 'дом' — *vṛṇiḥaḷ* 'дома';

канн. *maṇe* 'дом' — *maṇegaḷu* 'дома';

тулу *pū* 'цветок' — *pūḷuḷu* 'цветы';

тел. *mṛāṇi* [основа *mṛā(n)-*] 'дерево' — *mṛākulu* 'деревья';

гадаба *kaṇ* 'глаз' — *kaṇḷ* 'глаза', *sir* 'сосуд' — *sirḡul* 'сосуды', *sir* 'буйволица' — *sirḡil* 'буйволицы', *kāl* 'нога' — *kāḡil* 'ноги';

найки *tolen* 'брат' — *tolenḡur* 'братья', *maṭṭeya* 'представитель четвертого клана' — *maṭṭeyaker*, 'представители четвертого клана';

гонди *koṭ* 'гонд' — *koṭṭōrk* 'гонды'

В тамильском языке распространены также случаи выражения множественного числа с помощью сложных суффиксов, включающих в себя (с этимологической точки зрения) три показателя, например: *maṭṭiḍaṇ* 'человек' (основа *maṭṭiḍa-*) — *maṭṭiḍarḥaḷ* 'люди', *guru* 'наставник' — *guruḡḡaṇṭmār* (*guru-k-kaḷ-mār*) 'наставники'.

Наконец, в отдельных языках множественное число существительных может выражаться посредством показателей, не имеющих параллелей в большинстве языков. Таковы суффиксы *-v*, *-ev*, *-ov* в гадаба, парджи и колами (ср. *aya* 'мать' — *ayav* 'матери' в гадаба, *iya* 'мать' — *iyov* 'матери' в парджи, *aliak* 'буйвол' — *aliakev* 'буйволы' в колами; ср. также плеонастический суффикс *-k-ev* в колами: *appa-k-ev* 'тетки'), суффиксы *-a*, *-ā*, *-o* в кодагу и тамильском (ср. *kurubū* 'пастух' — основа *kurub-* — *kuruba* 'пастухи', *yettu* 'бык' — *yettuā* 'быки' в кодагу, *māṇavi* 'студентка' — *māṇaviu* 'студентки' в тамильском социальном диалекте «низших» каст), суффикс *-ḡuṭhi* в курух (ср. *allā* 'собака' — *allāḡuṭhi* 'собаки'; ср. также плеонастический суффикс *-ḡuṭhiar*: *āli* 'жена' — *āliḡuṭhiar* 'жены'), *-ḡahṇḍi* в малто (ср. *beṇḍuḷ* 'виток веревки' — основа *beṇḍu-* — *beṇḍuḡahṇḍi* 'витки'), *-uo* в тамильском социальном диалекте «низших» каст (ср. *vēḷēkkārē* 'работник' — основа *vēḷēkkāran-* — *vēḷēkkārānuo* 'работники')⁶ и *-ām* в тода (ср. *ūr* 'буйволица' — *ūrām* 'буйволицы') (табл. 14).

СКЛОНЕНИЕ

Изменение имен существительных по падежам происходит в дравидийских языках посредством присоединения падежных суффиксов к основе. Число падежей в отдельных языках колеблется, но в целом для дравидийских языков характерно различие именительного, родительного, дательного, винительного, инструментального, отложительного и местного падежей (табл. 15). В гонди, конда и брауи значения винительного и дательного падежей выражаются одной формой объектного падежа (в брауи — наряду с особой формой дательного падежа, обозначающего объект, для или ради которого совершается действие). В курух, конда, найки, тулу, кодагу, каннада, тода и ката значения инструментального и отложительного падежей выражаются общей формой инструментально-отложи-

⁶ Как показывают формы косвенных падежей, суффиксы *-a*, *-o* в кодагу и тамильском возникают соответственно из *-ar*, *-aḷ* и *-uvaḷ* (<*-u-vaḷ* < *-u-xaḷ* < *-u-+kaḷ*). В ката М. Б. Эмено, изучавший этот язык, отмечает суффикс множественного числа *-ḡuḷ*, но не дает ни одного примера на его употребление.

Показатели множественного числа в дравидийских языках

Язык	Суффикс	-(n)k/-(n)g	-l/-l	-r/-r	Сложные суффиксы	Изолированные суффиксы
Тамильский классический				тапйа-г (ед. ч. тапй- дау) 'люди', реңд-иг 'женщины', тау-аг 'матери', тамби-мāг 'младшие братья'	а́т-ка́л 'люди', рең-га́л 'женщины', ра́мби-ха́л 'змеи', тапйа-г-ха́л 'люди', гиги-к-ка́л-ма́г 'настав- ники'	
Тамильский современ- ный (включая диалекты)		ропп-и-а́гэ 'жен- щины', ропп-й-хэ 'жен- щины', ропп-й-а́гб 'жен- щины'	иссау-а́л 'мухи', тапи́шу-а́л 'люди'			вэ́йе́кка́гап-ио 'работ- ники', та́ппа́ви-у-о 'студентки'
Малаялам				тапи́шуа-г 'люди', атта-ма́г 'матери'	ру́к-ка́л 'цветы', тага́н-на́л (<та́гат+ га́л 'деревья', б́һа́саха́л 'языки', пи́та́-к-ка́л-ма́г 'отцы'	то́ппи́кка́г (ед. ч. то́ппи- ка́га) 'лодочники'
Тода						йг-а́т 'буйволыцы'
Каннада				хиги́га-ги 'мальчики', хигиги́-у-аги 'девочки'	та́пе-га́ли 'дома'	
Колагу		апп-а́лға 'стар- ший брат'				кири́б-а 'пастухи', гиги́-в-а 'наставники', у́етта 'быки', та́нге-у-а́ 'младшие се- стры'

Туду	•	тәй-йи 'столы', jivo-yi (ед. ч. jiva) 'жизни', арре-аф-йи 'матери'	karlavə-gü 'хозяева', paḡatānu-e-gü (ед. ч. paḡatāni) 'мужчины'	рй-кйи 'цветы', таго-кйи (ед. ч. тага) 'деревья', атта-пд-кйи 'хозяй- ки', kudike-g-йи 'лисицы'	
Телугу	А	pāṭa-yi 'песни', gurrā-yi (ед. ч. gur- rati) 'лошади', pallā-yi (ед. ч. pal- lemi) 'блюда', tānni-lustānni-yi (ед. ч. tānni-yi) 'младшие братья'	āṇḍ-gu (ед. ч. āṇi) 'жен- щины'	тгд-кйи (ед. ч. тгдйи) 'деревья'	
Колами		kaṇḍ-i 'рыбы', kaṇḍ-i (ед. ч. kaṇ) 'глаза', biza-i (ед. ч. bizam) 'плечи', gez-i 'горшки', lagam-sil 'божжи'	kōlavu-g (ед. ч. kōla- vu) 'колами', bāṣak-eḡ 'племянник', tās-iḡ 'люди'	арра-к-ев 'тетки', bāla-kū 'сыновья', allak-ev 'буйволицы', atta-n-ev 'матери'	
Найки		tal-ki 'головы', innī-gu 'колод- цы', ell-g 'крысы'	tole-g (ед. ч. tolen) 'братья', pōḡak-eḡ 'сыновья'	matteya-k-eḡ 'член третьего клана', ṭekam-g-eḡ 'член чет- вертого клана', tolen-k-iḡ 'братья', kī-i-ki 'руки'	

Язык	Суффикс	-(h)k/-(h)g	-l/-l	-r/-r	Сложные суффиксы	Изолированные суффиксы
Парджи		l	gērl-l 'ногти', sikkē-l (ед. ч. <i>sikk-</i> <i>ka</i>) 'звезды', kapp-ul 'глаза', gūro-sil 'лошадь', vār-til 'корни'	ḍoḥgal-er 'воры'	peḥ-kul 'зубы'	ba-u-ov 'старшие се- стры', i-u-ov (ед. ч. <i>iya</i>) 'ма- тери'
Гадаба			ki-l 'руки', eg-l 'листья', amb-ul 'стрелы', aya-sil 'матери'	ava-r 'отцы', mittak-or 'старикн',	kapp-kul 'глаза', sir-gul 'сосуды', sir-kil 'буйволы', kāl-gil 'ноги'	aya-u 'матери'
Гонди		mars-k 'топоры', saḥ-k (ед. ч. <i>sa-</i> <i>ṛi</i>) 'дороги', rōh-k (ед. ч. <i>rōn</i>) 'дома', talā-hk 'головы', pitte-ng 'птицы'		kunbi-r (ед. ч. <i>kunbī</i>) 'человек из племени кунби', vartālor 'гости', kōit-ōr-k 'гонды'		
Куи		kor-kz (ед. ч. <i>koru</i>) 'буйво- лы', mīṅga (ед. ч. <i>mīnu</i>) 'рыбы', āsa-ska 'женщи- ны', bōga-ṅga 'кор- зины', (ед. ч. <i>pū-ṅga</i>) 'цветы', <i>pāu</i>)		āro-ṛi 'сыновья'		

Куви	<i>тгеһа-һа</i> 'мужчины', <i>ауа-һка</i> 'женщины', <i>һана-һка</i> (ед. ч. <i>һанауһ</i>) 'инду- ● шая женщина'		<i>кoкa-г-i</i> (ед. ч. <i>кoкaһi</i>) 'мальчики'		
Курух			<i>аһ-аг</i> 'мужчины', <i>тукк-аг</i> (ед. ч. <i>туккa</i>) 'женщины'		<i>allā-guḥhi</i> 'собаки', <i>āll-guḥhi-ag</i> 'жены'
Малто			<i>male-г</i> 'горцы', <i>malnī-г</i> (ед. ч. <i>malnīḥ</i> , основа <i>malni-</i>)		<i>beṇḍi-gaṇḍi-ḍ</i> 'витки веревки'
Браун	<i>игā-k</i> 'дома', <i>тā-k</i> (ед. ч. <i>тāг</i>) 'сыновья', <i>lōt-āk</i> 'мешки', <i>bāva-ḡāk</i> 'отцы'				.

Показатели основных падежей в дравидийских языках

Язык Падеж	Древний тамилский	Современный тамилский	Малаялам	Кота	Толу	Древний каннада	Современный каннада	Кодагу	Тулу	Древний телугу	Современ- ный телугу
	-ø, -m	-ø, -m, -ð	-ø, -m	-ø, -m	-ø, -m	ø, -m	-ø	-ø	-ø	-ø, -ru	-ø, -ru
Именительный											
Родительный	-in	-in, -orē	-la, -ðe, -uṛe	-n	ø, -n	-a, -ā	-a, -ā	-ra, -ra	-ø, -da, -ta	-ø	-ø
Дательный	-kū -ki	-kū, -ki	-kū, (n)ri	-k	-k, -g	-ke, -ge	-ke, -ge	-kð, -gð	-gu, -gū, -ku, -kū	-ku, -ki	-ku, -ki
Винительный	-ey	-ey, -	-e	-n	-ø	-am, -ām, -anu, -a	-an(n)u, -a, -anna, -ā	-a	-nu, -nū	-n(u), -ni	-nu, -ni
Инструмен- тальный	-āṇ -āl	-ālē	-āl	-inde							
Отложитель- ный					-end, -edd	-im, -indam, -inde	-inda, -i	-inji	-rūdū, -rūdu		
Местный	-in -il	-(i)lē, -li	-il	-l	-orē	-al(u), -i	-i, -(i)li	-lu	-rū, -ru, -tū, -tu		

Язык Падеж	Котамц	Нийки	Паражи	Гадиба	Говли	Кондз	Кун	Куви	Курух	Малто	Браун
Именительный	-θ	-θ	-θ, -d, -i	-θ	-θ	-θ	-θ	-θ, -i	-θ	-h, -ò	-θ
Родительный		-n, -ne, -ta, -e	-(i)n, -t(a), -t(o)	-(i)n, -(i)h, -ne, -t(e)	-ā	-θ	-θ	-i, -θ	-gahi	-ki	-(n)ā
Дательный	-(u)h	-(u)n	-(u)g, -(u)h				-ki	-kl	-gē	-(t)k	-ki
Винительный	-(u)n	-(u)n, -(o)n	-(i)n	-(i)n	-un, -θ	-h	-i	-l	-an, -in	-(t)n	-e
Инструментальный	-(n)ad		-(n)od	-nal	-ē					-(t)l	-at
Отложительный	-tapaɬ	-at, -tal	-tug, -ar(e), -arre	-ti	-al	-u-an		-tl, -kl	-tī	-(t)nte	-ān
Местный	-t, -eɬ, -(n)adaɬ	-tup, -up, -in, -en, -n		-tin, -n	-ē	-loy, -u		-a	-nū	-(t)no	-tī, -ā(направ.), -s(k)(адрес.), -(s)ka (предельн.)

тельного падежа, а в древнем тамильском, парджи и гадаба значения отложительного и местного падежей — формой отложительно-местного падежа (наряду с особой формой местного падежа в гадаба и отложительного — в парджи). Также одна форма в гонди служит для выражения инструментального и локативного значений. В языке брауи различается несколько местных падежей: собственно местный, обозначающий место, где происходит действие, направительный, указывающий, куда оно направлено, адессивный, обозначающий объект, в непосредственной близости к которому оно происходит, и особый предельный (терминативный) падеж, указывающий на предел, до которого распространяется действие. В тамильском, малаялам, кота, тогда, конда, куи и брауи выделяется комитативный падеж, в гадаба — инструментально-комитативный, а в тулу и малаялам — направительный.

Кроме того, во многих языках имеются разнообразные звательные формы, а также сочетания падежных форм с послелогами.

За некоторыми исключениями, в большинстве случаев связанными с морфофонематическими процессами, суффиксы падежей однотипны для данного языка.

В единственном числе основа, принимающая падежные суффиксы, может равняться форме именительного падежа (бр. *xarās* 'бык' — основа *xarās*-, кур. *āl* 'мужчина' — основа *āl*-, куви *mreha* 'мужчина' — основа *mreha*-, куи *āba* 'отец' — основа *āba*-, конда *ayli* 'девочка' — основа *ayli*- и т. п.) или форме именительного падежа без падежного суффикса, если таковой имеется (малто *maleh* 'горец' — основа *male*-, *beñḍuḍ* 'виток веревки' — основа *beñḍu*-, тел. *tammiṛi* 'младший брат' — основа *tammi*-, там. *maram* 'дерево' — основа *mara*- и т. п.). Изредка основа косвенных падежей имеет специальный суффикс, как, например: куви *aya* 'женщина' — основа *ayan*-, гонди *mars* 'топор' — основа *marst*-, *rōn* 'дом' — основа *rōt*- (с опущением носового). Во многих случаях основа косвенных падежей отличается от формы именительного падежа чередованием конечных согласных (гонди *tūrālītūrān* 'мальчик', *varēṛ/wareḍ* 'шея', куви *kokaṣi/kokaṇ* 'мальчик', куи *mreheñju/mreheṇi* 'человек') или гласных (тулу *paramāni/naramānya* 'мужчина', *jīva* 'жизнь' — *jīva*-/jīvo-).

Специфическую черту дравидийского склонения составляет частое наращение аугментов к основе, принимающей падежные суффиксы, например: там. *mara-tt*-, *mara-tt-iṇ*- (*mara-m* 'дерево'), *vṛṭt*- < *vṛ*-+*-tt*- (*vṛṛu* 'дом'), канн. *mara-d*- (*mara-vu* 'дерево'), тел. *gurrami-na*- (*gurra-mi* 'лошадь'), конда *ayli-di* (*ayli* 'девочка'), код. *kurub-an*- (*kurubū* 'пастух'), *bol-t-ān*- (*bol-t-adu* 'белый предмет'), *mara-t*-, *mara-t-un*- (*mara* 'дерево'), *pōri-n*- (*pōri* 'буйвол'), *mōva-l*- (*mōva* 'дочь'), куви *kaḍḍa-t*-, *kaḍḍa-ta*- (*kaḍḍa* 'река'), *kokaṇ-a*-, *kokaṇ-a*-' (*kokaṣi* 'мальчик').

Сложность дравидийского склонения усугубляется тем, что в определенных фонетических условиях к основам присоединяются, кроме того, различные эвфонические звуки и слоги. Наиболее употребительные типы основ и средства присоединения к ним падежных суффиксов можно представить в следующем виде:

тамильский: *kāḍi* 'ухо' — *kāḍ*- (перед гласн.), *kāḍu*- (перед согласн.); *maram* 'дерево' — *maratt*-, *marattiṇ*- (перед гласн.), *marattu*-, *marattiṭ*- (перед согласн.); *nāṛi* 'страна' — *nāṛṭ*- (перед гласн.), *nāṛṭu*- (перед согласн.);

малаялам: *maḥaḷ* 'дочь' — *maḥaḷ*- (род. пад. *maḥaḷuṛe*, дат. пад.

maḥaḷkkū); *maram* 'дерево' — *maratt-* (перед гласн.), *marattin-* (перед согласн.), род. пад. *marattinḍe*, дат. пад. *marattinṇū*;

кота: *marm* 'дерево' — *mart-*;

тода: *āl* 'человек' — *āl-*;

каннада: *maṇe* 'дом' — *maṇe-* (перед согласн.), *maṇe-* (перед гласн.); *maṇavi* 'дерево' — *maṇa-* (перед согласн.), *maṇad-* (перед гласн.), вин. пад. *maṇavanṇi*; *heṅgasu* 'женщина' — *heṅgasi-* (перед согласн.), *heṅgasin-* (перед гласн.), вин. пад. *heṅgasinannu*;

кодагу: *kurubū* 'пастух' — *kuruban-* (дат. пад. *kurubaṅṅū*); *mōva* 'дочь' — *mōva-* (перед согласн.), *mōvaḷ-* (перед гласн.), дат. пад. *mōvakū*; *pōri* 'буйвол' — *pōri-* (перед согласн.), *pōrin-* (перед гласн.), дат. пад. *pōrikū*;

тулу: *mēji* 'стол' — *mēji-* (согласн. звонк.); *kuri* 'овца' — *kuri-* (согласн. глух.); *jīva* 'жизнь' — *jīv-* (в род. пад. *jīva-*), согласный звонкий; *mara* 'дерево' — *maro-* (в род. пад. *mara-*), согласный глухой;

телугу: *gurrami* 'лошадь' — *gurrami-* (в дат. пад. *gurramina-*); *tammuru* 'младший брат' — *tammuni-*; *pulī* 'тигр' — *pulī-*;

колами: *kaye* 'рыба' — *kaye-*;

найки: *tal* 'голова' — *tal-*;

парджи: *gurro* 'лошадь' — *gurro-*;

гадаба: *kī* 'рука' — *kī-*;

гонди: *rōṇ* 'дом' — *rōṭ-*; *varer* 'шея' — *varēḍ-*; *tūrāl* 'мальчик' — *tūrān-*;

конда: *ayli* 'девочка' — *aylidi-* (местн. пад. *aylidu*, *ayliloy*);

куи: *āba* 'отец' — *āba-*; *m̐heṇju* 'человек' — *m̐heṇi-*;

куви: *kokasi* 'мальчик' — *kokaṇ-* (в род. пад.), *kokaṇa-* (в дат. пад.), *kokaṇa-* (в вин. пад.); *m̐heha* 'человек' — *m̐heha(ta)-* (в дат. пад.), *m̐hehaḷ-* (в род. пад.), *m̐heha-* (в вин. пад.);

курух: *āl* 'человек' — *āl-*; *allā* 'собака' — *allā-* (в вин. пад. *all-*);

малто: *maleh* 'горец' — *male-*; *malniḍ* 'женщина' — *malni-*;

брауи: *harās* 'бык' — *harās-*.

Во множественном числе основа, как правило, совпадает с формой именительного падежа, например:

там. *maṇḍar* 'люди' — *maṇḍar-*, *maraṅgaḷ* 'деревья' — *maraṅgaḷ-*;

мал. *putraṇmār* 'сыновья' — *putraṇmār-*, *maraṇṇaḷ* 'деревья' — *maraṇṇaḷ-*;

кол. *kayel* 'рыбы' — *kayel-*, *māsura* 'люди' — *māsura-*;

пар. *gēril* 'ногти' — *gēril-*, *iyoṇ* 'матери' — *iyoṇ-*;

гад. *egil* 'листья' — *egil-*, *kālgul* 'ноги' — *kālgul-*;

гон. *rōḥk* 'дома' — *rōḥk-*, *koitōrk* 'гонды' — *koitōrk-*;

кур. *ālar* 'мужчины', 'люди' — *ālar-*;

малто *maler* 'горцы' — *maler-*, *malnir* 'горянки' — *malnir-*.

Наиболее существенным отклонением здесь являются косвенные формы брауи, в которых основа множественного числа имеет показатель *-te-*, замещающий суффикс множественного числа, и косвенные формы телугу, в которых основа множественного числа имеет показатель *-la-* (вместо *-lu-* в именительном падеже); ср. *harās-te-* (в объект. и род. пад. *harās-t-*) при *harās* 'бык', *harāṣk* 'быки' в брауи и *pulī-la-* при *pulī* 'тигр', *pulilu* 'тигры' в телугу.

Среди аугментов, появляющихся в основе, характерны *-r-*, *-ḷ-* в кодагу (*kuruba* 'пастухи' — *kuruba-r-*, *pōriya* 'буйволы' — *pōriya-ḷ-*), *-e-* в тулу (*pūkuḷu* 'цветы' — *pūkuḷ-e-*), *-n-* в гонди (*rōḥk* 'дома' — *rōḥk-n-*), *-ḷ-* в современном тамильском (*poṇṇiṅge* 'женщины' — *poṇṇiṅga-ḷ-*), *-i-* в куи (*ābaru* 'отцы' — *ābar-i-*) и некоторые другие.

**ОБРАЗЦЫ СКЛОНЕНИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
В ДРАВИДИЙСКИХ ЯЗЫКАХ**

Южная группа

кодагу			тулу		
	<i>pōri</i>	'буйвол'		<i>mara</i>	'дерево'
Им.	<i>pōri</i>	<i>pōriya</i>	Им.	<i>mara</i>	<i>marokuḷu</i>
Род.	<i>pōrira</i>	<i>pōriyara</i>	Род.	<i>marata</i>	<i>marokuḷe</i>
Дат.	<i>pōrikō</i>	<i>pōriyakō</i>	Дат.	<i>maroku</i>	<i>marokuḷegū</i>
Вин.	<i>pōrina</i>	<i>pōriyaḷa</i>	Вин.	<i>maronu</i>	<i>marokuḷenū</i>
			Инстр.-от-	<i>maroḷūda</i>	<i>marokuḷerūdū</i>
			ложит.		
			Местн..	<i>maroḷu</i>	<i>marokuḷerū</i>
			Направ.	<i>marāḷa</i>	<i>marokuḷera</i>

Центральная группа

гонди			куви		
	<i>rōn</i>	'дом'		<i>mṛeha</i>	'человек'
Им.	<i>rōn</i>	<i>rōhḱ</i>	Им.	<i>mṛeha</i>	<i>mṛehaṇa</i>
Род.	<i>rōtā</i>	<i>rōhḱnā</i>	Род.	<i>mṛehati</i>	<i>mṛehaṇa</i>
Объектн.	<i>rōtun</i>	<i>rōhḱun</i>	Дат.	<i>mṛeha(ta)ki</i>	<i>mṛehaṇa(ta)ki</i>
Инстр.-местн.	<i>rōtē</i>	<i>rōhḱnē</i>	Вин.	<i>mṛeha'i</i>	<i>mṛehaṇaṇi</i>
Отлож.	<i>rōtal</i>	<i>rōhḱnal</i>			

Северо-восточная группа

малто		
	<i>maleh</i>	'горец'
Им.	<i>maleh</i>	<i>maler</i>
Род.	<i>maleki</i>	<i>malerki</i>
Дат.	<i>malek</i>	<i>malerik</i>
Вин.	<i>malen</i>	<i>malerin</i>
Инстр.	<i>malet</i>	<i>malerit</i>
Отлож.	<i>malente</i>	<i>malerinte</i>
Местн.	<i>maleno</i>	<i>malerino</i>

Северо-западная группа

браун		
	<i>xarās</i>	'бык'
Им.	<i>xarās</i>	<i>xarāsk</i>
Род.	<i>xarāsnā</i>	<i>xarāstā</i>
Дат.	<i>xarāski</i>	<i>xarāstēki</i>
Объектн.	<i>xarāse</i>	<i>xarāste</i>
Инстр.	<i>xarāsaḷ</i>	<i>xarāsteaḷ</i>
Отлож.	<i>xarāsān</i>	<i>xarāsteān</i>
Местн.	<i>xarāsaḷi</i>	<i>xarāsteḷi</i>
Направ.	<i>xarāsāy</i>	<i>xarāsteay</i>
Адесс.	<i>xarāsis(k)</i>	<i>xarāstek</i>
Предельн.	<i>xarāsiskā</i>	<i>xarāstēkā</i>
Комит.	<i>xarāstō</i>	<i>xarāstetō</i>

¹Звательные формы встречаются нерегулярно и, как правило, лишь у имен существительных, обозначающих людей. Образуются они различными способами, среди которых преобладают удлинение гласного в конечном слоге, опущение конечного согласного (часто параллельно с удлинением предшествующего гласного), а также различные случаи чередования гласного в конечном слоге, например: тулу *amta* 'женщина' — *amtā*, тел. *anna* 'старший брат' — *annā*, малто *maleh* 'горец' — *male*, там. *appa* 'отец' — *appā*, *kuṇḍey* 'ребенок' — *kuṇḍē*, *kuṇḍāy*, кур. *āl* 'человек' — *ālayō* и т. д.

Дравидийские числительные изменяются по падежам аналогично именам существительным и за редкими исключениями не отличаются от них по форме падежных суффиксов. Своеобразие числительных заключается в том, что они не изменяются по числам [разумеется, за исключением тех случаев, когда они субстантивируются, как, например, в брауи: *dā kasaraṭ sadāk kāra barēra* 'сотни (людей. — М. А.) проходят по этой дороге' при *sad* 'сто'] и, как правило, не согласуются в числе с определяемым [*ippattu kuduregaḷu* 'двадцать лошадей' в каннада, *dēgaṅga riṇḍe* 'две ветки' в куи, *nāṭṭaḍḍi kākkeuḥaḷ* (также *nāṭṭaḍḍi kākkeu* 'сорок ворон') в тамильском и т. п.].

Различение рода у числительных также проводится (там. *oruvaṇ* 'один мужчина', *oruvāḷ* 'одна женщина', *onḍu* 'один предмет', *oruvār* 'один человек') далеко не всегда и обычно ограничено первыми тремя, самое большее — пятью числительными (при этом тип различения рода у числительных иногда несколько отличается от того, что наблюдается у имен существительных). См., например, в парджи:

Мужской род	Женский род	Средний род
1 — <i>okur(i)</i>	<i>okal(i)</i>	<i>okut, okti</i>
2 — <i>irul</i>	<i>iral</i>	<i>iṛdu(k)</i>
3 — <i>mūvir</i>	<i>muyal</i>	<i>mūdu(k)</i>
4 — <i>nelvir</i>	<i>nelal</i>	<i>nālu(k)</i>
5 — <i>cēvir</i>	<i>ceyal</i>	<i>cēdu(k)</i>

Подобные родовые формы могут употребляться не только в субстантивном, но и в адъективном значении; ср., например, в каннада: *onḍu* 'один предмет' (ср. р.) и *onḍu paṭṭanadalli* 'в одном городе', *obba* 'один человек' (м. р.) и *obba jamēdāranu* 'один джамедар'.

В некоторых языках различаются особые адъективные и субстантивные формы числительных, причем последние употребляются либо самостоятельно, либо в функции постпозитивных определений; ср., например, в куи: *rī dēga* и *dēgaṅga riṇḍe* 'две ветки', *tīni kōḍi* и *kōḍiṅga tīṇṇa* 'три коровы'.

Под влиянием числительных, не различающих рода (т. е. числительных выше пяти в парджи, выше двух в гонди, малто и кодагу, выше четырех в курух и т. д.), числительные среднего рода обнаруживают тенденцию к употреблению, кроме свойственных им субстантивной функции и функции постпозитивного определения, также и в функции препозитивного определения (без согласования в роде); ср.: там. *mūṇḍu makkaḷ* 'три сына' и *makkaḷ mūvar* 'три сына'.

Собственно дравидийские числительные сохранились лишь в южной группе, а также в гонди. Среди прочих языков брауи заимствовал все числительные, начиная с четырех, из иранских языков, а колами и парджи (начиная с шести), найки, гадаба, конда и курух (начиная с пяти), куи, куви и малто (начиная с трех) — из индоарийских языков (табл. 16).

Порядковые числительные отмечены далеко не в каждом дравидийском языке. Так, в тамильском языке значение порядка выражается описательно — сочетанием количественного числительного с причастием будущего времени глагола *āḍal* 'становиться' (или с причастным именем будущего времени среднего рода единственно-

Дравидийские числительные от «одного» до «десяти»

Язык Числительное	Древний тамильский	Современный тамильский	Малайлам	Кота	Тода	Древний кашата	Современный кашата	Кодагу
Один	oṇḍū (ср. р.), oṇḍuṇa (м. р.), oṇḍuṇai (ж. р.), oṇḍuṇar (эп.)	oṇḍū, oṇḍū (ср. р.), oṇḍuṇē (м. р.), oṇḍuṇi (ж. р.), oṇḍu (адъект.)	oṇḍū (ср. р.), oṇḍuṇa (м. р.), oṇḍuṇi (ж. р.), oṇḍu (адъект.)	oḍ ōr (адъект.)	ḡūḍ	oṇḍu (ср. р.), oḍba (эп.)	oṇḍu (ср. р.), oḍba (эп.)	oṇḍū (ср. р.), oḍbū (м. р.), oḍba (ж. р.), oṇḍu (адъект.)
Два	iṇḍū (ср. р.), iṇḍuṇa (эп.)	iṇḍū (ср. р.), iṇḍuṇar (эп.)	iṇḍū (ср. р.), iṇḍuṇa	eṇḍ	eḍ	eṇḍu (ср. р.), iḍbaṇ (u) (эп.)	eṇḍu (ср. р.), iḍbaṇ (эп.)	iṇḍū (ср. р.), iḍba (эп.)
Три	mūṇḍū (ср. р.), mūṇḍuṇa (эп.)	mūṇḍū, mūṇḍū (ср. р.), mūṇḍuṇar (эп.)	mūṇḍū (ср. р.), mūṇḍuṇa (эп.)	mūṇḍ	mūḍ	mūḍu (ср. р.), mūṇḍuṇa (u) (эп.)	mūḍu (ср. р.), mūṇḍuṇa (эп.)	mūṇḍu
Четыре	nāṇḍū, nāḍu (ср. р.), nāḍuṇa (эп.)	nāḍū	nāḍu (ср. р.), nāḍuṇa (эп.)	nāṇḍ	nōṇḍ	nāḍu (ср. р.), nāḍuṇa (u) (эп.)	nāḍu (ср. р.), nāḍuṇa	nāḍū
Пять	aṇḍū (ср. р.), aṇḍuṇa (эп.)	aṇḍū	aṇḍū (ср. р.), aṇḍuṇa (эп.)	aṇḍ	āḍ, ūḍ	aṇḍu (ср. р.), aṇḍuṇa (u) (эп.)	aṇḍu (ср. р.), aṇḍuṇa (эп.)	aṇḍi
Шесть	āḍū	āḍū	āḍū	āḍ	ōḍ	āḍu	āḍu	āḍū
Семь	ēḍu	ēḍū	ēḍu	ēḍ, ēḡ	ōḥ	-ēḍu	ēḍu	ēḍū
Восемь	eḍḍū	eḍḍū	eḍḍū	eḍ	ōḥ	eḍḍu	eḍḍu	eḍḍū
Девять	oṇḍāḍū	oṇḍāḍū	oṇḍāḍū	oṇḍāḍ, oṇḍāḍ	ḡūṇḍo(ō)	oṇḍāḍu	oṇḍāḍu	oṇḍāḍū
Десять	pattū	pattū	pattū	pat	pot	patḍu	patḍu	patḍū

Язык	Тулу	Телугу	Колахи	Найки	Паражи	Галчи
Числительное						
Один	oñji (ср. р.), ori (м. р.), oriti (ж. р.), or(u) (адъект.)	okañi (ср. р.), okaru (м. р.), okañe (ж. р.), oka (адъект.)	okkon (м. р.), okkod (ж. р. и ср. р.), ok (адъект.)	okko	okur(i) (м. р.), okal(i) (ж. р.), okut, okti (ср. р.),	ukut (м. р.), okut (ж. р. и ср. р.)
Два	raddü (ср. р.), irverü (эп.)	reñdu (ср. р.), iddaru (эп.)	iddar (м. р.), iral (ж. р.), inding (ср. р.)	iroñel, iroñer (м. р.), ir(r)a (ж. р.), erñdi (ср. р.)	irul (м. р.), iral (ж. р.), iradu(k) (ср. р.)	inñi (ср. р.), irul (м. р.), iral (ж. р.)
Три	müji (ср. р.), müverü (эп.)	müru (ср. р.), mügguru (эп.)	müggur (м. р.), müyal (ж. р.), münding (ср. р.)	müggur (м. р.), müy(y)a (ж. р.), mündi (ср. р.)	müvir (м. р.), müyal (ж. р.), mündu(k) (ср. р.)	münd
Четыре	nāñi (ср. р.), nāñverü (эп.)	nāñugu (ср. р.), nāñuguru (эп.)	nalgur (м. р.), nallav (ж. р.), naling (ср. р.)	nalgur (м. р.), nālī (ж. р. и ср. р.)	nelvir (м. р.), nelal (ж. р.), nāñu(k) (ср. р.)	nalgur (м. р.), nālīg (ж. р. и ср. р.)
Пять	aññü (ср. р.), aññverü (эп.)	aññu (ср. р.), aññuguru (эп.)	aññ, pās	—	cēvir (м. р.), ceyal (ж. р.), cēdu(k) (ср. р.)	—
Шесть	āñji (ср. р.), āññverü (эп.)	āññu (ср. р.), āññuguru (эп.)	saa	—	—	—
Семь	ēññü (ср. р.), ēññverü (эп.)	ēññu (ср. р.), ēññuguru (эп.)	sāñ	—	—	—
Восемь	eñña	enimidi (ср. р.), enamaññuguru (эп.)	āñ	—	—	—
Девять	orñba	tomñidi (ср. р.), tommaññuguru (эп.)	nov	—	—	—
Десять	paññü	paññi	daa	—	—	—

Язык Цисли- тельное	Гонди	Конд:	Кун	Куви	Курух	Малто	Брауи
Один	<i>indī</i> (ср. р. и ж. р.), <i>ōṛul</i> (м. р.)	<i>oren</i> (м. р.), <i>ināḍṛi</i> (ср. р. и ж. р.)	<i>roaṇju</i> (м. р.), <i>ronḍe</i> (ж. р. и ср. р.) <i>ro</i> (адъект.)	<i>ro'osi</i> (м. р.), <i>ronḍi'e</i> (ж. р.), <i>ronḍi</i> (ср. р.), <i>ro</i> (адъект.)	<i>orī</i> (м. р. и ж. р.), <i>orṇṇ. orṇṇā</i> (ср. р.)	<i>orleh</i> (м. р.), <i>orlīb</i> (ж. р. и ср. р.), <i>orī</i> (адъект.) <i>ēk</i> (при счете)	<i>asiḥ</i> (субст.), <i>asi</i> (адъект.)
Два	<i>gaṇḍ</i>	<i>rier</i> (м. р.), <i>riṇḍi</i> (ж. р. и ср. р.)	<i>rīaru</i> (м. р.), <i>rīṇḍe</i> (ж. р. и ср. р.), <i>rī</i> (адъект.)	<i>rīari</i> (м. р.), <i>rīndi</i> (ж. р. и ср. р.) <i>rī</i> (адъект.)	<i>irb</i> (м. р. и ж. р.), <i>ērṇḍ. ēr</i> (ср. р.)	<i>iur,</i> <i>dū</i> (при счете)	<i>iraḥ</i> (субст.), <i>irā</i> (адъект.)
Три	<i>mānd</i>	<i>māyer</i> (м. р.), <i>māṇḍṛi</i> (ж. р. и ср. р.)	<i>tīni</i>	<i>tīni</i>	<i>nubb</i> (м. р. и ж. р.), <i>mānd</i> (ср. р.)	<i>tīn</i>	<i>musiḥ</i> (субст.), <i>musi</i> (адъект.)
Четыре	<i>nāluṅg</i>	<i>nāler</i> (м. р.), <i>nālgi</i> (ж. р. и ср. р.)	<i>sāri</i>	—	<i>naṃb</i> (м. р. и ж. р.), <i>nāx</i> (ср. р.)	<i>cār</i>	<i>cār</i>
Пять	<i>sayuṅg</i>	—	<i>pānso</i>	—	<i>paṇḍē</i>	<i>pac</i>	<i>pāṇc</i>
Шесть	<i>sāruṅg</i>	—	<i>sōo</i>	—	<i>soyē</i>	<i>sō</i>	<i>śaś</i>
Семь	<i>yēruṅg.</i>	—	<i>sāto</i>	—	<i>sāyē</i>	<i>sāt</i>	<i>'aḥt</i>
Восемь	<i>aṛmuṛ</i>	—	<i>āto</i>	—	<i>āx</i>	<i>āḥ</i>	<i>'aśt</i>
Девять	<i>inṇā</i>	—	<i>nōo</i>	—	<i>nāyē</i>	<i>nav</i>	<i>nō'</i>
Десять	<i>pad</i>	—	<i>dōso</i>	—	<i>doṃyē</i>	<i>das</i>	<i>da'</i>

го числа этого же глагола), например: *iraṇḍū* 'два' — *iraṇḍ-ām* (или *iraṇḍ-āvaḍi*) 'второй'. Аналогичным образом это значение выражается и в малаялам: *onṇū* 'один' — *onṇ-ām*, *onṇ-āmatte* 'первый'. В куи то же значение выражается сочетанием количественного числительного с местоимением *tari* 'нечто', например: *tīni* 'три' — *tīnitari* 'третий', *sāri* 'четыре' — *sāritari* 'четвертый' (первые два числительных — *vēletari* 'первый', *rihetari* 'второй' — образуются особо). В телугу суффикс порядкового числительного *-ō* (из *-ava*) также присоединяется к количественному числительному (*reṇḍi* 'два' — *reṇḍō*, *reṇḍava* 'второй') и, вероятно, связан этимологически с глагольным корнем *avū-* 'становиться'.

В каннада порядковые числительные образуются от количественных при помощи суффиксов *-aneṇa*, *-ane*: *onḍi* 'один' — *onḍaneṇa*, *onḍane* 'первый'. В кодагу и тулу порядковые числительные образуются аналогичным образом с помощью родственного суффикса *-ane* (*daṇḍū* 'два' — *daṇḍane* 'второй' в кодагу, *mūji* 'три' — *mūjane* 'третий' в тулу), а в курух — при помощи суффикса *-tā* (*eṇḍ* 'два' — *eṇḍtā* 'второй', *mūnd* 'три' — *mūndtā* 'третий'). В брауи порядковые числительные образуются от количественных присоединением суффикса *-imikō* (второй элемент которого — *-ikō* характерен также для одной из групп прилагательных брауи): *iraḥ* 'два' — *iraḥimikō* 'второй', *muṣiḥ* 'три' — *muṣiḥimikō* 'третий', *cār* 'четыре' — *cārimikō* 'четвертый' (*avaliḥ* 'первый' образуется особо от супплетивной основы). В малто все порядковые числительные заимствованы из хинди: *pehla* 'первый', *duśra* 'второй', *tisra* 'третий', *caṇṇa* 'четвертый', *paśta* 'пятый' и т. д.

МЕСТОИМЕННИЯ

В дравидийских языках, как правило, различаются личные местоимения, а также возвратные, указательные, вопросительные, определительные и неопределенные местоимения.

ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕННИЯ

Личные местоимения в дравидийских языках различают три лица (1-е, 2-е и 3-е), два числа (ед. ч. и мн. ч.) и в 3-м лице — два или три рода (за исключением тода и брауи).

Особенностью личных местоимений 1-го лица множественного числа в большинстве дравидийских языков (за исключением современного каннада, парджи, гадаба, конда и брауи) является различение особых инклюзивных и эксклюзивных местоимений. Первые включают лицо, к которому обращается говорящий, вторые — исключают его (ср. *pām* 'мы', 'мы и вы', 'мы с вами' и *uāt* 'мы', 'мы без вас', 'мы в противоположность вам' в тамильском).

В 3-м лице различаются параллельные формы местоимений, выражающие пространственную характеристику обозначаемого объекта по степени его удаленности от говорящего лица (иногда также по степени удаленности от лица, к которому обращаются). Наиболее регулярно прослеживаются две серии таких местоимений, обозначающих соответственно удаленные и близкие объекты, например, в тулу: *āṇe* 'он', 'тот мужчина' и *imbe* 'он', 'этот мужчина', *ālū* 'она', 'та женщина' и *mōlū* 'она', 'эта женщина', *avū* 'оно', 'тот предмет' и *undu* 'оно', 'этот предмет', *ārū*, *ākuḷu* 'они', 'те люди' и *mēḡū*, *mōkuḷu* 'они', 'эти люди', *ayukuḷu* 'они', 'те предметы' и *un-*

dekuḷu 'они', 'эти предметы' В древнем тамильском, ката, древнем каннада, курух и брауи различаются три серии местоимений 3-го лица, две из которых имеют такую же пространственную характеристику, как описанные выше аналогичные местоимения тулу, а третья обозначает объекты, занимающие промежуточное пространственное положение или находящиеся поблизости от лица, к которому обращается говорящий; ср. в древнем тамильском *avaḷ* 'он', *avaḷ* 'она', *avaḷ* 'они', *aḷi* 'оно', *aveu* 'они' (о людях и предметах, находящихся вдали или вне поля зрения говорящего), *iṇaḷ* 'он', *iṇaḷ* 'она', *iṇaḷ* 'они', *iṇi* 'оно', *iṇeu* 'они' (о людях и предметах, находящихся поблизости от говорящего) и *iṇaḷ* 'он', *iṇaḷ* 'она', *iṇaḷ* 'они', *iṇi* 'оно', *iṇeu* 'они' (о людях и предметах, находящихся на некотором удалении от говорящего или поблизости от лица, к которому тот обращается). Наконец, в куи и куви различаются четыре серии таких местоимений; см. куи: *iaṇḷu*, *eaṇḷu*, *aāṇḷu*, *oaṇḷu* 'он', *iaṇḷu*, *eaṇḷu*, *aāṇḷu*, *oaṇḷu* 'они', *iri*, *eri*, *āri*, *ōri* 'она, оно', *iṇi*, *evī*, *avi*, *ōvi* 'они' (в порядке нарастания удаления от говорящего лица) (табл. 17).

Для выражения большей степени уважения к лицу, о котором идет речь, местоимения множественного числа нередко употребляются в значении уважительной формы единственного числа. В этом же значении часто употребляются возвратные местоимения (см. ниже), а также особые уважительные местоимения 3-го лица, например: *addēxam*, *iddēxam* '(э)тот человек', '(э)та персона' в малаялам, *ātan(u)*, *ūtan(u)*, *ītan(u)* 'он' и *āke*, *ūke*, *īke* 'она' в каннада, *āyana*, *ataṇu*, *īyana*, *itaṇu* 'он' и *āme*, *āvira*, *tme*, *ivira* 'она' в телугу и др. Кроме того, в отдельных языках встречаются местоимения 3-го лица с какой-либо специфической характеристикой, например: *indu* 'это' (наряду с *undu*) в тулу, эмфатическое *nāh* 'вот он' в малто, разговорные формы *vāṇḍru*, *vāṇḍḷu*, *vāḷḷu* 'он' в телугу и т. п.

ВОЗВРАТНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ

Возвратные местоимения (одно в ед. ч. и одно, два или три — во мн. ч.) имеются в каждом из дравидийских языков, за исключением конда: там. *tān* (*tan-*) 'сам', *tām* (*tam-*), *tāṅgaḷ* (*taṅgaḷ-*) 'сами'; мал. *tān* (*tan-*) 'сам', *tām* (*tam-*), *tāṇṇaḷ* (*taṇṇaḷ-*) 'сами'; ката *tān* (*tan-*), *ta-* 'сам', *tām* (*tam-*) 'сами'; тода *tōn* (*tan-*) 'сам', *tam* 'сами'; канн. *tān(u)* (*tan-*) 'сам', *tām* (*tam-*), *tāvu* (*tam-*), *tāvugaḷu* (*tāvugaḷ-*) 'сами'; код. *tānū* (*tan-*) 'сам', *taṅga* 'сами'; тулу *tānū* 'сам', *tānūkuḷu* 'сами'; тел. *tānu* (*tan-*) 'сам', *tāmu* (*tam-*), *tamaru*, *tāru* 'сами'; кол. *tan-* 'сам', *tam-* 'сами' (только в косвенных падежах); найки *tām* 'сами' (только во мн. ч.); парджи *tān* (*tan-*) 'сам', *tām* 'сами'; гад. *tān* (*tan-*) 'сам', *tām* (*tam-*) 'сами'; гонди *tanā* 'сам', *tammā*, *tammaḷ* 'сами' (только в им. пад.); куи *tānu* (*tāran-*) 'сам', *tāru* (*tāran-*) 'сами'; куви *tanū* (*tan-*) 'сам', *tambū* (*tam-*) 'сами'; кур. *tān* (*taṅg-*) 'сам', *tām* (*tam-*) 'сами'; малто *tān(i)* (*taṅg-*) 'сам', *tām(i)* (*tam-*) 'сами'; бр. *tēn* 'сам(и)' (только в косвенных падежах).

УКАЗАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ

Указательные местоимения в дравидийских языках имеют ту же пространственную характеристику, что и этимологически родственные им личные местоимения 3-го лица (см. выше), и различают

Личные местоимения в дравидийских языках
(в скобках приводятся основы)

Язык	1-е лицо			2-е лицо		3-е лицо			
	ед. ч.	мн. ч.		ед. ч.	нкл.	мужской	ед. ч.		мн. ч.
		эксклюзив	инклюзив				женский	средний	
Древний тамил- ский	yaṇ, ṇaṇ (eṇ-)	yām (em-), ṇāṅgaḷ (eṅgaḷ-)	nām (nam-)	nī (niṇ-, uṇ-)	nīr (nim-), ṇiṅgaḷ (uṅgaḷ-)	avaṇ, uṇaṇ, iṇaṇ	avaḷ, uṇaḷ, iṇaḷ	aḍḍi (aḍ-), iḍḍi (iḍ-), iḍḍi (iḍ-)	avey (av-), uvey (uv-), ivey (iv-), aveyxaḷ, iveyxaḷ
Современ- ный тамил- ский	ṇḷ (eṇ-)	nāṅge (eṅgaḷ-)	nāmo (nam-)	nī (on-)	nīyūṅge (oṅgaḷ-), nīr (om-)	avē (avun-), iṇē (iṇun-)	ava (avaḷ-), iṇa (iṇaḷ-)	aḍḍi (aḍ-), iḍḍi (iḍ-)	avaṅge (avaṅgaḷ-), iṇaṅge (iṇaṅgaḷ-)
Малаялам	ṇāṇ (eṇ-)	ṇaṇṇaḷ (eṇṇaḷ-, ṇaṇṇaḷ-)	nām (nam-), nammaḷ	nī (nin-)	nīṇṇaḷ	avaṇ, iṇaṇ	avaḷ, iṇaḷ	aḍḍi (aḍ-), iḍḍi (iḍ-)	ava (av-), iṇa (iv-)
Koṭa	āṇ (eṇ-)	ām (em-)	ām (am-)	nī (niṇ-, nī-)	nīm (nim-)	avṇ, iṇ, iṇ	avḷ, iḷ, iṇḷ	ad, id	ad, id
Toḍa	ḍaṇ (eṇ-)	em	om	nī (niṇ-)	nūm	aḍ (av-), iḍ (iv-)			
Древний каннада	āṇ (eṇ-)	ām (em-)	ām, nḍu (nam-)	nīṇ (nin-)	nīm (nim-)	avaṇ, iṇaṇ, iṇaṇ	avaḷ, iṇaḷ, iṇaḷ	adu (ad-), idu (id-), idu (id-)	avu (av-), ivu (uv-), ivu (iv-)

Язык	1-е лицо			2-е лицо		3-е лицо				
	ед. ч.	мн. ч.		ед.		ед. ч.			мн. ч.	
		включ. 3-е	исключ. 3-е			мужской	женский	средний		
Современ- ный каннада	пāṇi, pā (paṇ-)	pāṇi (paṇ-)		пāṇi, pī (ṇiṇ-)	пīṇu (piṇ-)	avaṇi (avan-), iṇaṇi (iṇaṇ-)	avaḷu (avaḷ-), iṇaḷu (iṇaḷ-)	adu (ad-), idu (ud-), idu (id-)	avaru (avar-), iṇaru (iṇar-)	avu (av-), iṇu (iṇ-), avugaḷu (avugaḷ-), iṇugaḷu (iṇugaḷ-)
Кодагу	pā(ṇi) (yeṇ- paṇ-)	eṇḡa	paṇḡa	pī(niḷ) (niṇ-, pī-)	niṇḡa.	avu (avan-), iṇu (iṇaṇ-)	avḷ, iṇu	adu (ad-), idu (id-)	avu (ayan-), iṇu (iṇaṇ)	
Тулу	yāṇi (yeṇ-)	yeṇkuḷu (yeṇkuḷe-)	paṇa (paṇ-)	ī (niṇ-)	nikuḷu (nikuḷe-), īṇu	āye (āya-), imbe (imbya-)	āḷu (āḷe-), mōḷu (mōḷe-)	avu (av-), undu (unde-)	ākuḷu (ākuḷe-), mōkuḷu (mōkuḷe-)	aykuḷu (aykuḷe-), undekuḷu (undekuḷe-)
Телугу	(ṇeṇi) (paṇ-, pā-)	(ṇeṇi) (ma-)	maṇaṇi (ma-)	(ṇeṇi) (niṇ-, pī-)	(ṇeṇi) (miṇ-, mī-)	vāṇu (vāṇi-), vīṇu (vīṇi-)	adi (dāṇi-), idi (dīṇi-)		vāru (vāṇi-), vīru (vīṇi-)	avi (vāṇi-), ivi (vīṇi-)
Колами	āṇ (aṇ-)	ām (aṇ-)	pēṇḡ	pīṇ (iṇ-)	nīṇ (iṇ-)	am(d) (am(n)-), im(d) (im(n)-)	ad id		avṇ, iṇṇ	adaṇ (adaṇi-), idaṇ (idaṇi-)
Найки	āṇ (aṇ-)	ām (aṇ-)	pēṇḡ	(ṇeṇi) (iṇ-)	īm (iṇ-)	ḍaṇ, iṇ	ad, id		ḍṇ, iṇṇ	aṇḍa, iṇḍa
Парджи	āṇ (aṇ-)	ām (aṇ-)		īṇ (iṇ-)	īm (iṇ-)	ḍaḍ (ḍaṇ-), ad	ad, id		ḍṇ, iṇṇ	av, iṇ

Гадаба	ḡn (an-)	ām (am-)		īn (in-)	īm (im-)	ḡṇḡ	ad. id	ōr	av
Гонди	ḡṇḡḡ. anā (nā-)	amṡaṡ (ḡā-)	apḡō (apḡōt-)	imṇā (nī-)	imṡaṡ (mī-)	ōl (ōn-), ēl	ad. id	ōr(k), ēr	av, iv
Конда	nān (nā-)	mān (mā-)		nīn (nī-)	mīr (mī-)	vāṇḡ (vānī-), vēṇḡ (vēnī-)	vād, vəd	vār (vāri-), vēr (vēri-)	vāk vək
Кун	ḡnu (nā-)	ḡnu (mā-)	āju (mā-)	īnu (nī-)	īru (mī-)	oanīju (oanī-), auīju (aanī-), eānīju (eanī-), iaīju (ianī-)	ōri (ōra-), ārī (āra-), ēri (ēra-), īri (īra-)	oarī (oarī-), aarū (aarī-), earū (earī-), iarū (iarī-)	ōvi (ōva-), āvi (āva-), ēvi (ēva-), īvi (īva-)
Куѳи	nānu (nā-)	māmbu (mā-)	māro (mā-)	nīnu (nī-)	mīmbu (mī-)	āsī, āasi, ēvasī, īvasī	adi, ūdi, ēdi, īdi	āuri ūari, ēuari, īuari	āuli, ūati, ēvati, īvati
Курух	ēn (ehg-)	ēm (em-)	nām (nam-)	nīn (nīhg-)	nīm (nim-)	ās, hūs, īs	ād, hūd, īd	ār, hūr, īr	abrā, hubrā, ibrā
Малто	ēn (ehg-)	ēm (em-)	nām (nam-)	nīn (nīhg-)	nīm (nim-)	āh, īh	ād, īd	ār, īr	ād īd
Браун	ī (kan-)	nan		nī (nīē-)	num	ē(d) (ēd-, ēr-), ō(d) (ōd-, ōr-), dā(d) (dād-, dār-)		ēfk, ōfk, dāfk	

две, три или четыре степени удаленности объекта, на который они указывают, от говорящего лица (или от лица, к которому обращается говорящий) (табл. 18).

Таблица 18

Язык \ Степень удаленности	Об объектах, находящихся вдали или вне поля зрения (= 'тот')	Об объектах, находящихся на некотором удалении или вблизи от лица, к которому обращаются	Об объектах, находящихся вблизи (= 'этот')
Древний тамильский	<i>anda</i>	<i>unda</i>	<i>inda</i>
Современный тамильский	<i>andə</i>	<i>undə</i> (в диалектах)	<i>ində</i>
Малайялам	<i>ā</i>	—	<i>ī</i>
Кота	<i>a</i>	—	<i>i</i>
Тода	<i>a</i>	—	<i>i</i>
Древний каннада	<i>ā</i>	<i>ū</i>	<i>ī</i>
Современный каннада	<i>ā</i>	—	<i>ī</i>
Кодагу	<i>ā</i>	—	<i>ī</i>
Тулу	<i>ā</i>	—	<i>ī</i>
Телугу	<i>ā</i>	—	<i>ī</i>
Колами	<i>ā</i>	—	<i>ī</i>
Найки	<i>ā</i>	—	<i>ī</i>
Парджи	<i>ā</i>	—	<i>ī</i>
Гадаба	<i>ā</i>	—	<i>ī</i>
Конда	<i>ā</i>	—	<i>ī</i>
Кун	<i>ō</i>	<i>ā ē</i>	<i>ī</i>
Кувн	<i>ā</i>	<i>ū ē</i>	<i>ī</i>
Курух	<i>ā</i>	<i>hū</i>	<i>ī</i>
Малто	<i>ā</i>	—	<i>ī</i>
Браун	<i>ē</i>	<i>ō</i>	<i>dā</i>

Указательные местоимения не различают ни рода, ни числа и не изменяются по падежам. В предложении они выполняют функцию препозитивного определения.

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ И ДРУГИЕ МЕСТОИМЕНИЯ

Структура и грамматическая характеристика большинства вопросительных местоимений в дравидийских языках сходны или совпадают со структурой и грамматической характеристикой личных местоимений 3-го лица (имеют те же родовые и числовые формы) или указательных местоимений.

- Отличаются от них эти местоимения лишь лексически. В большинстве случаев в основе вопросительных местоимений лежит корневой элемент (y)ā-(y)ē-, иногда получающий в отдельных языках дополнительное фонетическое развитие. См., например, др.-там. *yāvaṇ*, *evaṇ* 'кто?', 'который мужчина?', *yāvaḷ*, *evaḷ* 'кто?', 'которая женщина?', *yāy*, *ēy*, *ēy* 'что?', (y)āvaṇ/(y)ār 'кто?', 'которые люди?', *yā(vu)* 'что?', 'которые предметы?', *enda* 'какой?', 'который?'; кота *evn* 'кто?' (м. р.), *evl* 'кто?' (ж. р.), *ed/edn/ēd/en* 'что?', *evr* 'кто?' (мн. ч.), *e* 'какой?', 'который?'; тода *ēθ* (*ēn*-) 'кто?', 'что?' (ед. ч.), *ēθāt* 'кто?', 'что?' (мн. ч.), *ē* 'какой?', 'который?'; код. (*d*)āgū 'кто?', *enṇū* 'что?', *ē* 'какой?', 'который?'; найки *ēn* 'кто?' (ед. ч.), *ēr* 'кто?' (мн. ч.), *tā(ne)* 'что?'; гонди *bōl*, *bōr* 'кто?', 'который мужчина?', *bōr(k)* 'кто?', 'которые мужчины?', *bad* 'кто?', 'которая женщина?', *bav* 'кто?', 'которые женщины?', *bār(āṅg)* 'что?', *hatti* 'какой?', 'который?'; кун *apañju* 'кто?' (м. р.), *anaru* 'кто?'

(м. р. мн. ч.), *anari* 'кто?', 'что?' (немужск. р.), *anai* 'кто?', 'что?' (немужск. р. мн. ч.), *ani* 'какой?', 'который?'; кур. *ne* 'кто?', *endr* 'что?', *eka* 'какой?', 'который?'; бр. *de(r)* 'кто?', *ant* 'что?', *ara* 'какой?', 'который?'.

Определительные местоимения обычно образуются от основ, этимологически родственных указательным местоимениям, и передают ту же пространственную характеристику определяемых объектов; см. в кота: *anōn* 'такой человек (как тот)', *inān* 'такой человек (как этот)', *anōl* 'такая женщина (как та)', *inōl* 'такая женщина (как эта)', *anōr* 'такие люди (как те)', *inōr* 'такие люди (как эти)', *and* 'такой предмет (как тот)', 'такие предметы (как те)', *ind* 'такой предмет (как этот)', 'такие предметы (как эти)', *anā* 'такой (как тот)', *inā* 'такой (как этот)'; в колами: *aŋon* 'такой мужчина (как тот)', *iŋon* 'такой мужчина (как этот)', *aŋor* 'такие мужчины (как те)', *iŋor* 'такие мужчины (как эти)', *aŋod* 'такая женщина или вещь (как та)', *iŋod* 'такая женщина или вещь (как эта)', *aŋov* 'такие женщины или вещи (как те)', *iŋov* 'такие женщины или вещи (как эти)'.

Неопределенные местоимения сходны с определительными (а также вопросительными и личными 3-го лица) по типу окончаний, но отличаются от них лексически, будучи образованными от основ со значением «многий», «немногий», «несколько», «другой» и т. п. Ср. в тамильском языке: *palar* 'многие' (о людях), *silar* 'немногие' (о людях), *pala* 'многие' (о предметах), *sila* 'немногие' (о предметах).

В ряде языков (например, в там. и мал., куи и др.) особо выделяются притяжательные местоимения, состоящие из корневого элемента личных местоимений 1-го (2-го) лица или возвратных местоимений и некорневых элементов личных местоимений 3-го лица; см. куи: *pāaŋju* 'мой человек', *pāaru* 'мои люди', *pāndi* 'моя вещь', *pāi* 'мои вещи'; *māaŋju* 'наш человек', *māaru* 'наши люди', *māndi* 'наша вещь', *māi* 'мои вещи'; *nīaŋju* 'твой человек', *nīaru* 'твои люди', *nīndi* 'твоя вещь', *nīi* 'твои вещи'; *mīaŋju* 'ваш человек', *mīaru* 'ваши люди', *mīndi* 'ваша вещь', *mīi* 'ваши вещи'; *tāaŋju* 'свой человек', *tāaru* 'свои люди', *tāndi* 'своя вещь', *tāi* 'свои вещи'.

Склоняются эти местоимения по типу соответствующих личных местоимений 3-го лица.

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА

Личные имена, составляющие специфическую особенность ряда дравидийских языков, различают род, число и в ряде случаев падеж, подобно существительным, но в отличие от них обладают также категорией лица. Последняя получает выражение в личных суффиксах, которые у личных имен совпадают по форме с личными суффиксами глагола (см. табл. 20). Личные имена образуются от именного корня или основы, а также от именительного падежа существительного присоединением личных суффиксов.

Личные имена отмечены в древнем тамильском языке, в древнем каннада, а также в парджи, гонди, куи, куви, курух и малто, например:

<i>nallēn</i> 'хороший я',	<i>oḷḷiden, oḷḷidanen</i> 'хо-	<i>pinen</i> 'новый я', 'я но-
<i>nallāy</i> 'хороший ты',	роший я'	вичок'
<i>nallān</i> 'хороший он',	<i>oḷḷiday</i> 'хороший ты'	<i>pinot</i> 'новый ты', 'ты
'хороший человек'		новичок'
<i>nallāl</i> 'хорошая она',	<i>oḷḷidan</i> 'хороший он',	<i>pined</i> 'новый он', 'но-
'хорошая женщина'	'хороший человек'	вый человек'
<i>nandū</i> 'хорошее нечто',	<i>oḷḷitu</i> 'хорошее не-	<i>pinot</i> 'новая она', 'не-
'хороший предмет'	что', 'хороший пред-	что новое'
	мет'	
<i>nallēm</i> 'хорошие мы'	<i>oḷḷidevu, oḷḷidarevu</i>	<i>pinom</i> 'новые мы', 'мы
	'хорошие мы'	новички'
<i>nallēr</i> 'хорошие вы'	<i>oḷḷidir, oḷḷidarir</i> 'хо-	<i>pinor</i> 'новые вы', 'вы
	рошие вы'	новички'
<i>nallār</i> 'хорошие они',	<i>oḷḷidar</i> 'хорошие они',	<i>piner</i> 'новые они', 'но-
'хорошие люди'	'хорошие люди'	вые люди'
<i>nalla</i> 'хорошие они',		<i>pinov</i> 'новые они'
'хорошие предметы'		(ж. р.), 'новые пред-
		меты'
(ср. <i>nalat</i> 'добро, бла-	(ср. <i>oḷḷi</i> 'добро,	(ср. <i>pin</i> 'новый')
го'	благо')	

Куи

Малто

<i>kūentenu</i> 'говорящий на куи я',	<i>maqen</i> 'являющийся ребенком я'
'я куи'	
<i>kūenti</i> 'говорящий на куи ты',	<i>maqe</i> 'являющийся ребенком
'ты куи'	ты'
<i>kūēñju</i> 'говорящий на куи чело-	<i>maqeh</i> 'ребенок' (т. е. он, кото-
век'	рый является ребенком)
<i>kūālī</i> 'говорящая на куи жен-	<i>maqet</i> 'являющиеся детьми мы
щина'	(экскл.)'
<i>kūiṅganami</i> 'говорящие на куи	<i>maqet</i> 'являющиеся детьми мы
мы (экскл.)'	(инкл.)'
<i>kūiṅganasi</i> 'говорящие на куи	<i>maqer</i> 'являющиеся детьми вы'
мы (инкл.)'	
<i>kūiṅgaṇṭeru</i> 'говорящие на куи	<i>maqer</i> 'дети' (т. е. они, кото-
вы'	рые являются детьми)
<i>kūiṅga</i> 'говорящие на куи люди'	
<i>kūāliska</i> 'говорящие на куи	(ср. <i>maqe</i> 'ребенок', 'мальчик')
женщины'	
(ср. <i>kūi</i> 'язык куи')	

В большинстве случаев личные имена употребляются в форме именительного падежа в значении сказуемого или предикатива; гонди *anā koitu-nā āndan* 'Я гонд' (букв. 'я есмь я, который принадлежит к племени гондов'); *imṭā cuḷḷō-nī āndi* 'Ты [еще] маленький'; *imṭā parā badmās-ti* 'Ты большой негодяй'; *amṭaṭ vartālōṅ-ām āndam* 'Мы являемся гостями'; *ōl bend-ul?* 'Где он?'; парджи *i pūvul vilov āu* 'Эти цветы белого цвета' (букв. 'суть белые предметы'); *kurux ēn kū;ixan* 'Я [принадлежу к племени] курух'; *nin eṭ-panṭā urbai?* 'Ты хозяин этого дома?'

В древнем тамильском языке личные имена часто употреблялись не только в именительном, но и в косвенных падежах (с соответствующими синтаксическими функциями), например: *pāvūṇṇeṇṇur paṇi-*

Глагол в дравидийских языках, как правило, различает такие грамматические категории, как позитивность — негативность, наклонение, время, число, род и лицо. Различение залога для дравидийских языков нехарактерно. Широко представлены в дравидийских языках неличные формы — причастия, деепричастия, инфинитивы, супины, условные деепричастия, причастные и глагольные имена.

ОСНОВЫ ГЛАГОЛА

В дравидийских языках все глагольные формы, как личные, так и неличные, состоят из глагольной основы и следующих за этой основой суффиксов, выражающих различные грамматические категории. Количество глагольных основ в отдельных языках может быть различным. Так, в каннада, колами, найки, конда, кун, куви, курух, малто и брауи все глагольные формы обычно образуются от одной основы. В парджи большинство глаголов также являются одноосновными, за исключением группы глаголов, различающих основу на *-p* (реже на *-ø*) и основу на *-t* (реже на *-t̥*, *-ñ*): *tetip-/tetit-* 'поднимать', *cī-/cīñ-* 'давать', *id-/iṭṭ-* 'класть'. В кодагу, где в большинстве случаев у глаголов различается одна основа, некоторые глаголы имеют две основы — одну немаркированную и вторую с суффиксом *-kk-*: *paṛa-/paṛakk-* 'ходить'. От двух основ обычно образуются глагольные формы в тамильском, малаялам, ката, тода и гонди (в малаялам и гонди ряд глаголов имеет лишь одну основу). При этом первая основа остается немаркированной, а вторая получает суффиксы *-x-*, *-kk-* (в там. и мал.), *-t-*, *-d-* (в гонди), *-u-*, *-t-*, *-d-* (в ката и, по-видимому, в тода; в последнем также *-x-*); ср.: там., мал. *pō-/pōx-* 'уходить', *aṛi-/aṛikk-* 'бить'; гонди *guh-/guht-* 'хватать', *ṭin-/ṭind-* 'есть'; ката *vit-/vity-* 'сеять', *iṭv-/iṭt-* 'тащить', *cam-/camd-* 'кончаться'; тода *pūt-/pūtu-* 'сеять', *iṣf-/iṣt-* 'тащить', *pī-/pūx-* 'уходить'.

В языке тулу, где у большинства глаголов имеется лишь одна основа (ср. *kēṇ-* 'слышать', *bur-* 'пить'), широко употребительна многочисленная по составу группа глаголов, формы которых образуются от трех основ, например: *maṭ-/maṭp-/maṭt-* 'делать'. И наконец, в телугу наряду с одноосновными глаголами (*koṭṭ-* 'ударять') часто встречаются трехосновные (*rakṣinṇ-/rakṣin-/rakṣis-* 'охранять') и четырехосновные (*ceṇ-/ceṇ-/cēs-/cē-* 'делать') глаголы, а в гадаба наряду с одноосновными (*il-* 'падать') — двухосновные (*pēp-/pēt-* 'появляться'), трехосновные (*maṇ-/maṭ-/mau-* 'быть') и четырехосновные (*si-/sin-/sid-/siy-* 'давать') глаголы.

ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ ФОРМА

Положительная форма глагола в дравидийских языках особого показателя не имеет.

ЛИЧНЫЕ ФОРМЫ

Для положительных личных форм глагола во всех без исключения дравидийских языках характерно различие наклонений, по меньшей мере двух — изъявительного и повелительного (как в тода, колами, найки, парджи, гадаба, конда, кун и куви).

Кроме того, в тамильском, малаялам, ката, каннада, кодагу, тулу, парджи и малто имеются особые формы желательного наклонения, в ката, каннада, кодагу, тулу, телугу и брауи — формы потенциального (предположительного) наклонения, а в ката, телугу, гонди, малто и брауи — формы условного (сослагательного) наклонения. Наконец, в трех языках — малаялам, ката и кодагу — различаются особые формы долженствования, которые обычно также рассматриваются в качестве особого долженствительного наклонения (табл. 19).

Таблица 19

Наклонения в положительной форме глагола дравидийских языков

Наклонение Язык	Изъявительное	Повелительное	Желательное	Потенциальное	Условное	Долженствительное
Тамильский	+	+	+	—	—	—
Малаялам	+	+	+	—	—	+
Ката	+	+	+	+	+	+
Тода	+	+	—	—	—	—
Каннада	+	—	+	+	—	—
Кодагу	+	+	+	+	—	+
Тулу	+	—	+	+	—	—
Телугу	+	+	—	+	+	—
Колами	+	+	—	—	—	—
Найки	+	+	—	—	—	—
Парджи	+	+	+	—	—	—
Гадаба	+	+	—	—	—	—
Гонди	+	+	—	—	+	—
Конда	+	+	—	—	—	—
Куи	+	+	—	—	—	—
Куви	+	+	—	—	—	—
Курух	+	+	—	—	—	—
Малто	+	+	+	—	+	—
Брауи	+	+	—	+	+	—

Изъявительное наклонение

Для изъявительного наклонения в положительной форме глагола характерно различение форм времени. Количество временных форм в отдельных дравидийских языках колеблется от двух до шести (табл. 20). Так, в ката, тода, древнем каннада, современном разговорном каннада, телугу, куи и куви различаются два времени — настоящее-будущее и прошедшее. В тамильском, малаялам, современном литературном каннада, кодагу и малто — три времени: настоящее, будущее и прошедшее. Также по три времени в конда (настоящее-будущее, настоящее длительное и прошедшее) и в найки (настоящее-будущее, будущее и прошедшее). По четыре времени в колами (настоящее-будущее, будущее, простое прошедшее, прошедшее длительное), парджи (настоя-

щее, будущее, простое прошедшее и прошедшее длительное), гадаба (настояще-будущее, настоящее длительное, простое прошедшее и прошедшее длительное) и в курух (простое настоящее, настоящее длительное, прошедшее и будущее). Пять временных форм различаются в брауи (настояще-будущее, простое прошедшее, прошедшее длительное, прошедшее совершенное и давнопрошедшее) и по шести в гонди (настоящее, будущее, простое прошедшее, прошедшее длительное, прошедшее совершенное и давнопрошедшее) и тулу (настоящее, будущее, настоящее-будущее, прошедшее длительное, прошедшее совершенное и прошедшее многократное).

Показатели настоящего времени

Формы настоящего времени встречаются в тамильском, малаялам, каннада, кодагу, тулу, парджи, гонди, курух и малто. Образуются они путем присоединения показателей настоящего времени к основе глагола. Такими показателями в тамильском языке служат суффиксы *-ir-*, *-ind-* [в др.-там. также суфф. *-iṭp-*, *-(u)ṭ-*, в совр. разг. языке и в диал. суфф. *-ir-*, *-ar-*, *-r-*, *-o-*, *-uṭ-*], в малаялам — *-inn-*, в каннада — *-utt-*, в кодагу — *-(u)v-*, *-p-*, в тулу — *-uv-*, *-p-*, в парджи — *-m-*, в гонди — *-(ā)ṭ-*, *-(i)ṭ-*, в курух — *-d-*, *-Ḷ-*, *-ḷ-* и в малто — *-Ḷ-*.

В тех случаях, когда глаголы различают лишь одну основу (как в канада, курух и малто, а также у одноосновных глаголов в парджи, гонди, малаялам и тулу), формы настоящего времени образуются путем присоединения показателя времени к основе, например: канн. *mār-* 'делать' — *mārutt-*, *kare-* 'звать' — *kareyutt-*; кур. *es-* 'разбивать' — *esd-*, *es-*, *es-*; малто *band-* 'тащить' — *band-*, *dary-* 'ловить' — *dary-* (при нулевом показателе времени); парджи *ver-* 'приходить' — *verm-*; гонди *vañk-* 'говорить' — *vañkit-*; тулу *būr-* 'падать' — *būruv-*, *raṇ-* 'говорить' — *raṇp-*. Исключение здесь составляет лишь довольно значительная группа одноосновных глаголов парджи, охватывающая все глаголы, кроме глаголов с краткими односложными основами на *-n*, *-r*, *-ṛ*, *-u* или с основами на *-ī*, у которых показатель настоящего времени *-m-* присоединяется к основе посредством соединительных гласных *-a-* (в южн. диал.), *-e-* (в северо-западном диалекте), *-u-* (в сев.-вост. диал.), например: *cūr-* 'видеть' — *cūram-*, *cūrem-*, *cūṛum-*.

У двухосновных глаголов в тамильском, малаялам, кодагу, парджи и гонди выбор основы происходит следующим образом: в кодагу формы настоящего времени образуются от немаркированной основы (*mār-* 'делать' — *māruv-*, *paṛa-* 'ходить' — *paṛap-*) и в гонди — от маркированной основы (*guh-* 'хватать' — *guhtāl-*). В современном литературном тамильском языке суффиксы настоящего времени также присоединяются к маркированной основе, например: *var-* 'приходить' — *varuxiṛ-*, *varuxind-*, *paṛa* 'ходить' — *paṛakkir-*, *paṛakkind-*. В древнем, а также в современном разговорном тамильском языке и в его диалектах настоящее время может быть образовано от обеих основ: *varuxiṛp-*, *variṭṭ-*, *varr-*, *var-*.

В малаялам глаголы с маркированной основой на *-kk-* образуют формы настоящего времени от этой основы: *paṛa-* 'ходить' — *paṛak-kinn-*. Прочие глаголы имеют одну основу и обычно присоединяют суффикс настоящего времени к немаркированной основе: *var-* 'приходить' — *varinn-* (исключение составляют *ā-* 'становиться' — *āhinn-*, *rō-* 'уходить' — *rōhinn-* и др.).

У двухосновных глаголов парджи суффикс настоящего времени *-m-* присоединяется к основе на *-p*, причем последнему в этом случае предшествует эвфонический звук *-u-*, например: *paup-/paup-* 'разделять' — *paupm-* (в сев. диал., где *-p* основы переходит в *-k*, — *paupkm-*).

Наконец, у трехосновных глаголов тулу форма настоящего времени образуется от основы на *-p*, например: *mal-/malp-/malt-* 'делать' — *malpiv-*.

Показатели настоящего длительного времени

Формы настоящего длительного времени встречаются в гадаба, конда и курух.

Показателями этого времени служат суффиксы *-sin-*, *-jin-*, *-zin-* в конда, *-āl(d)-* в курух и *-ind-*, *-und-* в гадаба, присоединяемые (у некоторых глаголов гадаба посредством инкрементов *-in-*, *-un-*) к основе, например: гадаба *key-* 'делать' — *keyind-*, *koṭ-* 'копать' — *koṭund-*, *il-* 'падать' — *ilind-*, *un-* 'пить' — *uninind-*; конда *koṭ-* 'кудахтать' — *kotsin-*, *sūr-* 'видеть' — *sūrin-*, *tila-* 'бояться' — *tilazin-*, курух *es-* 'разбивать' — *esāld-*, *esāl-* (в 3-м лице множественного числа мужского рода и в 1-м и 3-м лице немужского рода).

Показатели настояще-будущего времени

Формы настояще-будущего времени представлены в дравидийских языках очень широко и различаются в ката, тогда, древнем и современном разговорном каннада, тулу, телугу, колами, найки, гадаба, конда, куи, куви и брауи. Показателями настояще-будущего времени служат нулевой суффикс в ката, тогда и брауи (в последнем обычно в сочетании с префиксом *a-*), суффиксы *-uv-* в древнем каннада, *-(a)ṭ-* в современном разговорном каннада, *-ēv-* в тулу, *-eda-*, *idu-*, *-(er)u-*, *-eri-* в древнем телугу, *-(u)ṭ-* в современном телугу, *-at-* и *-Ø-* в колами, *-ent-* в найки, *-d-*, *Ø-* в гадаба, *-n-* в конда и *-d-*, *-n-*, *Ø-* в куи и куви; ср., например, формы этого времени от одноосновных глаголов: в брауи *bin-* 'слушать', *tix-* 'класть' — *(a)bin-*, *(a)tix-*; в др. канн. *kur-* 'давать' — *kuruv-*; в совр. разг. канн. *bar-* 'приходить' — *bart-*, *barat-* (в 3-м л. ср. р. ед. ч.); др. тел. *vand-* 'готовить пищу' — *vandeda-/vandedudu-*, *vanderu-/vanderi-/vandu-* (в 3-м л. ед. ч. и в 3-м л. мн. ч. ср. р.); совр. тел. *koṭṭ-* 'ударять' — *koṭṭut-*; кол. *sī-* 'делать' — *sīat-*, *sī-* (в 3-м л.); найки *puṣ-* 'открывать' — *puṣent-*; гадаба *vand-* 'готовить пищу' — *vandd-*, *var-/van-/vad-* 'приходить' — *vad-*, *tin-/tiṇḍ-/tiy-* 'есть' — *tiy-*; конда *sūr-* 'видеть' — *sūrn-*; куи *tak-* 'ходить' — *takin-*, *takid-* (во 2-м л.), *taki-* (в 1-м л. ед. ч.) (где *-i-* — соединительный гласный); куви *pāy-* 'бить' — *pāyin-*, *pāyid-* (во 2-м л.), *pāyi-* (в 1-м л. ед. ч.) (где *-i-* — соединительный гласный)⁸.

У двухосновных глаголов формы настояще-будущего времени образуются либо от немаркированной основы (как в тогда, например: *pūx-/pī-* 'уходить' — *pī-*), либо от маркированной основы (как в ко-

⁸ В языках куи и куви, различающих особое объектное спряжение у переходных глаголов, показатели времени могут присоединяться к основам, принимающим показатели объектного спряжения (*-a-*, *-la-*, *-da-*, *-ra-*, *-ja-* в куи и *-a-*, *-la-*, *-ha-*, *-ja-* в куви). Ср., например: *sī* 'давать' — *sīan*, *sīad-*, *sīa-* в куи; *hī-* 'давать' — *hīan-*, *hīyad-*, *hīya-* в куви.

та, например: *vit-/vity-* 'сеять' — *vity-*, *iv-/ivt-* 'вытаскивать' — *ivt-*, *niv-/nivd-* 'растирать' — *nivd-*.

У многоосновных глаголов парджи формы настоящего-будущего времени образуются от специальной основы, например: *var-/van-/vad-* 'приходить' — *vad-*, *tin-/tiṇḍ-/tiy-* 'есть' — *tiy-*.

У трехосновных и четырехосновных глаголов телугу суффикс настоящего-будущего времени *-t-* присоединяется к основам на *-s*; ср., например: *rakṣiṇ-/rakṣin-/rakṣis-* 'охранять' — *rakṣist-*, *cēy-/cey-/cēs-/cē-* 'делать' — *cēst-*.

В языке тулу форма настоящего-будущего времени имеет дополнительное значение многократности совершающегося действия. Эта форма образуется посредством двухморфемного суффикса *-ēv-* (где *-ē-* — показатель многократности и *-v* < *-uv* — показатель времени), присоединяемого к основе (у трехосновных глаголов — к основе на *-p*), например: *būr-* 'падать' — *būrēv-*, *kēṇ-* 'слушать' — *kēṇēv-*, *maḷ-/maḷp-/maḷt-* 'делать' — *maḷpēv-*.

Показатели будущего времени

Формы будущего времени различаются в тамильском, малаялам, каннада, кодагу, тулу, колами, найки, парджи, гонди, курух и малто. Эти формы образуются при помощи суффиксов *-v-*, *-b-*, *-pp-*, *-Ø-*, *-m-* в тамильском языке; *-Ø-* — в малаялам; *-uv-* — в каннада; *-(u)v-*, *-p-*, *-Ø-* — в кодагу; *-(u)v-*, *-ūmb-*, *-Ø-* — в тулу; *-dat-*, *-d-* — в колами; *-at-*, *-d-*, *-Ø-* — в найки; *-r-* (у одноосновных глаголов), *-Ø-* (у двухосновных глаголов) — в парджи; *-k-*, *-āk-*, *-īk-*, *-ān-*, *-Ø-* — в гонди; *-'* — в курух и *-Ø-* — в малто. Ср., например, у одноосновных глаголов: канн. *māḥ-* 'делать' — *māḥuv-*, *kare-* 'звать' — *kareuv-*; тулу *paṛ-* 'пить' — *paṛuv-*, *tū-* 'видеть' — *tūv-*, *kēṇ-* 'слушать' — *kēṇ-*, *kēṇūmb-*; кол. *sī-* 'давать' — *sīdat-* (в 1-м и 2-м л.), *sīd-* (в 3-м л.); найки *kaḥ-* 'делать', *kaḥat-* (в 1-м и 2-м л.), *kaḥd-* (в 3-м л. единственного и множественного числа мужского рода и в 3-м лице множественного числа немужского рода), *kaḥ-* (в 3-м лице единственного числа немужского рода); парджи *cūr-* 'видеть' — *cūr-*; гонди *vaṅk-* 'говорить' — *vaṅkāḥ-* (в 1-м и 2-м л.), *vaṅkān-* (в 3-м лице единственного и множественного числа мужского рода и в 3-м лице множественного числа немужского рода), *vaṅk-* (в 3-м лице единственного числа немужского рода); кур. *es-* 'разбивать' — *es-*; малто *band-* 'тащить', *dary-* 'ловить'.

В тамильском языке показатели будущего времени *-v-*, *-b-*, *-pp-* и *-m-* (в древнем языке), как правило, присоединяются к немаркированной основе, например: *seu-* 'делать' — *seuv-*, *eṇ-* 'говорить' — *eṇb-*, *eṇm-*, *para-* 'ходить' — *paraṇpp-*. Исключение составляет суффикс *-v-*, который в древнем тамильском факультативно присоединяется к маркированной основе: *seuxuv-*, *eṇguv-* (где *-u-* — соединительный гласный). Формы будущего времени с нулевым показателем, напротив, обычно образуются от маркированной основы: *seux-*, *eṇg-*, *paraḥk-*. Здесь исключение составляют формы 3-го лица среднего рода у глаголов с маркированной основой на *-x-* (после носовых сонантов *-g-*), которые в современном тамильском образуются от немаркированной основы: *seu-*, *eṇ-*.

В малаялам формы будущего времени с нулевым показателем образуются от тех же основ, что и формы настоящего времени, например: *seu-* 'делать' — *seu-*, *para-* 'ходить' — *paraḥk-*.

Двухосновные глаголы кодагу в 1-м и 2-м лице единственного

числа и во 2-м лице множественного числа получают в будущем времени показатель *-p-*, который присоединяется к немаркированной основе; прочие формы образуются при помощи нулевого показателя, присоединяемого к маркированной основе: *para-* 'ходить' — *para-p-*, *para-kk-*. В парджи формы будущего времени у двухосновных глаголов образуются от основы на *-t-*; ср., например: *paup-/payt-* 'разделять' — *payt-*.

В гонди двухосновные глаголы в большинстве случаев присоединяют показатели будущего времени к маркированной основе (за исключением форм 1-го и 2-го л. у глаголов с маркированной основой на *-t-*), например: *tin-/tind-* 'есть' — *tindāk-* (в 1-м и 2-м л.), *tindān-* (в 3-м лице мужского рода и в 3-м лице множественного числа немужского рода), *tind-* (в 3-м л. единственного числа немужского рода), но *guh-/guht-* 'хватать' — *guhk-* (в 1-м и 2-м л.), *guhtān-* (в 3-м лице единственного и множественного числа мужского рода и в 3-м лице множественного числа немужского рода), *guht-* (в 3-м лице единственного числа немужского рода).

У трехосновных глаголов в тулу нулевой показатель будущего времени присоединяется к основе на *-p-*: *mał-/małp-/małt-* 'делать' — *małp-*.

Показатели прошедшего времени

Прошедшее время (простое прошедшее, praeteritum) различается во всех дравидийских языках, кроме тулу. Образование форм этого времени происходит при помощи суффиксов: *-(t)-* (разг. также *-cc-*), *-nd-* (разг. также *-ñj-*), *-i-* (древн. также *-īi-*) в там., *-(t)-*, *-cc-*, *-nd-*, *-nn-*, *-ññ-*, *-i-* в мал., *-v-*, *-uk-* в ката, *-y-*, *-t-*, *-d-*, *-č-*, *-s-*, *-i-* в тода, *-(i)d-* в канн., *-t-*, *-nd-*, *-j-*, *-un-*, *-Ø-* в кодагу, *-(i)ti-*, *-e-* (в 3-м лице единственного числа и в 3-м лице множественного числа среднего рода) в древнем телугу, *-(i)n-*, *-ā-* в современном телугу, *-t-* в кола-ми и найки, *-Ø-*, *-t-* в парджи, *-Ø-* в гадаба, *-t-* в гонди, конда, куи и куви, *-k-*, *-i-*, *-y-*, *-ck-*, *-c'-*, *-lk-*, *-j'-* в курух, *-(e)k-*, *-Ø-* в малто, *-k-*, *-(i)s-*, *-ā-*, *-ē-* в брауи, присоединяемых во всех языках, кроме ката (а также у двухосновных глаголов в парджи и многоосновных глаголов в телугу), к немаркированной основе. См., например: там. *paṛi-* 'читать' — *paṛitt-* (разг. *paṛicc-*), *teri-* 'быть известным' — *terind-* (разг. *teriñj-*), *pēs-* 'говорить' — *pēsī-*, *koḷ-* 'брат' — *koḷti-*; мал. *tir-* 'заканчивать' — *tirtt-*, *aṛi-* 'бить' — *aṛicc-*, *nō-* 'болеть' — *nond-* (с кратким гласным в корне), *kīra-* 'лежать' — *kīrann-*, *para-* 'говорить' — *paraññ-*, *māṭṭi-* 'изменять' — *māṭṭi-*; ката *piṛ-/piṛc-* 'хватать' — *piṛcv-*, *piṛcuk-* (в 3-м л. на *-ō-*: *piṛcukō* 'он схватил'); тода *ūšt-* 'усаживать' — *ūšty-*, *kaṛ-* 'донть' — *kaṛe-*, *pī-* 'уходить' — *pīś-*; канн. *māṛ-* 'делать' — *mārid-*, *kaṛb-* 'звать' — *kared-*; код. *ore-* 'разламывать' — *oret-*, *para-* 'ходить' — *paraṇd-*, *poṇ-* 'бить' — *pojj-*, *māṛ-* 'делать' — *māṛuṇ-* (в 1-м л. ед. ч.), *māṛ-*; тел. *koṭṭ-* 'ударять' — *koṭṭitti-*, *koṭṭe-* (древн.), *koṭṭin-*, *koṭṭā-* (совр.), *tin-* 'есть' — *tinn-*, *cey-/cey-/cēs-/cē-* 'делать' — *cēsīn-*, *cēsti-*, *cēśā-*; кол. *ayak-* 'сметать' — *ayakt-*, *sī-* 'делать' — *sit-*; найки *kaḥ-* 'делать' — *kakt-*; парджи *cūr-* 'видеть' — *cūr-*, *cūrat-* (южн. диал.), *cūret-* (сев.-зап. диал.), *paup-/payt-* 'разделять' — *payt-*; гадаба *sūr-* 'видеть' — *sūr-*; гонди *vañk-* 'говорить' — *vañkt-*, *guh-* 'хватать' — *guht-*, *vā-* 'приходить' — *vāt-*; конда *sūr-* 'видеть' — *sūrt-*; куи *trē-* 'ходить' — *trēt-* (при объектном спряжении *sī-* 'давать' — *sīat-*); куви *hī-* 'давать' — *hīt-* (при объектном спряжении *hīyat-*); кур. *es-* 'разламывать' — *esk-*, *es'-*, *ān-* 'говорить' — *ānk-*,

ānu-, *bar-* 'приходить' — *barck-*, *barc'-*, *nan-* 'делать' — *nanjk-*, *nañj'-*; малто *band-* 'тащить' — *bandek-*, *band-* (в 3-м л.); брауи *xal-* 'ударять' — *xalk-*, *bār-* 'сохнуть' — *bāris-*, *bin-* 'слушать' — *binā-*, *dar-* 'уносить' — *darē-*.

Выбор того или иного показателя прошедшего времени определяется формой глагола (лицо, число, род), диалектными и стилистическими характеристиками речи, характером основы глагола и, наконец, идиоматикой языка.

Сложность общей картины образования формы прошедшего времени в дравидийских языках усугубляется многочисленными случаями ассимиляции и субституции согласных при присоединении показателей времени к основам. Ср., например: там. *ep-* 'говорить' — *end-*, *kēl-* 'слушать' — *kētt-*; мал. *cel-* 'идти' — *ceññ-*, *vāz-* 'жить' — *vāññ-*; канн. *ir-* 'быть' — *idd-*, *ir-* 'класть' — *itt-*, *bē-* 'гореть' — *bend-*, *naḡ-* 'смеяться' — *naḡḡ-*; кол. *tūl-* 'бежать' — *tūt-*, *id-* 'говорить' — *itt-*; парджи *ver-* 'приходить' — *veñ-*, *kud-* 'резать' — *kutt-*; гонди *lin-* 'есть' — *tind-*; куи *sōl-* 'входить' — *sōt-*, *jel-* 'тянуть' — *jes-*, *tin-* 'есть' — *tis-*; куви *tōh-* 'показывать' — *tōst-*, *dik-* 'ломать' — *dikf-*, *ven-* 'слушать' — *vecc-*; малто *dary-* 'ловить' — *darck(k)* и т. п.

Показатели прошедшего длительного времени

Формы прошедшего длительного времени употребляются в тулу, колами, парджи, гадаба, гонди и брауи.

В тулу показатели прошедшего длительного *-t-* (*-d-* после основ на *-ŋ-*), *-i-* (после основ на *-r-*), *-u-* (после основ на гласный) всегда присоединяются к немаркированной основе, например: *maḷ-/maḷp-/maḷt-* 'делать' — *maḷt-*, *-paṇ-* 'говорить' — *paṇt-*, *par-* 'пить' — *paṇi-*, *tū-* 'видеть' — *tūy-*.

В колами показатели этого времени *-d-*, *-n-*, *-Ø-* присоединяются к основе: *sī-* 'давать' — *sīd-* (в 1-м л.), *sīn-* (во 2-м л., в 3-м л. м. р. и в 3-м л. мн. ч. немужск. р.), *sī-* (в 3-м л. ед. ч. немужск. р.).

В гонди показатель прошедшего длительного *-and-* (*-nd-* после основ на гласный и *-d-* после основ на *-n-*) также всегда присоединяется к немаркированной основе: *guh-/guht-* 'хватать' — *guhand-*, *vā-* 'приходить' — *vānd-*, *tin-* 'есть' — *tind-*.

В гадаба показатели прошедшего длительного времени *-in-*, *-un-* присоединяются к основе либо непосредственно (например: *sūr-* 'видеть' — *sūrin-*), либо посредством инкрементов *-iñ-*, *-uñ-* (например: 'падать' — *līñin-*, *un-* 'пить' — *uniñin-*).

В парджи и брауи показатели прошедшего несовершенного времени по форме не отличаются от показателей соответственно будущего и простого прошедшего времени; ср., например: *cūr-* 'видеть' — *cuṛ-* в парджи и *xal-* 'ударять' — *xalk-* в брауи. (Отличие личных форм этого времени от личных форм будущего в парджи и простого прошедшего в брауи заключено в их личных окончаниях (а в брауи обычно также в особом префиксе *a-*); ср.: *cūrran* 'я увижу' / *cūrrin* 'я видел' в парджи, *xalkuṭ* 'я ударил' / (*a*)*xalkuṭa* 'я ударял' в брауи).

Показатели прошедшего многократного времени

Форма прошедшего многократного времени встречается только в одном языке — тулу. Она образуется при помощи двухморфемного суффикса *-ēd-* (где *-ē-* — показатель многократности и *-d-* — показа-

тель времени), присоединяемого к основе (у трехосновных глаголов — к основе на *-p*), например: *kēṇ-* 'слушать' — *kēṇēd-*, *būr-* 'падать' — *būred-*, *maḷ-/maḷp-/maḷt-* 'делать' — *maḷped-*.

Показатели прошедшего совершенного времени

Формы прошедшего совершенного времени различаются в тулу, гонди и брауи.

В тулу они образуются при помощи суффиксов *-t-*, *-ud-*, *-ūd-* (у трехосновных глаголов от основы на *-t*); например: *par-* 'пить' — *part-*, *paṇ-* 'говорить' — *paṇt-*, *tū-* 'видеть' — *tūt-*, *būr-* 'падать' — *būrud-*, *kēṇ-* 'слушать' — *kēṇūd-*, *maḷ-/maḷp-/maḷt-* 'делать' — *maḷtūd-*.

В гонди показателем прошедшего совершенного времени, как и простого прошедшего, служит суффикс *-t-*, который у всех глаголов присоединяется к немаркированной основе, например: *vaṅk-* 'говорить' — *vaṅkt-*, *vā-* 'приходить' — *vāt-*, *guh-/guht-* 'хватать' — *guht-*, *tin-* 'есть' — *titt-*. [Отличие личных форм прошедшего совершенного от форм простого прошедшего времени заключено в их личных окончаниях; ср.: *guhtān* 'я схватил' (в прошлом)/*guhtōnā* 'я (уже) схватил (и продолжаю держать)'.]

В брауи формы прошедшего совершенного времени образуются при помощи суффикса *-n-* (после согласных *-un-*), который присоединяется к показателю простого прошедшего времени, например: *maḥ-* 'смеяться' — *maḥān-*, *xal-* 'ударять' — *xalkun-*.

Показатели давнопрошедшего времени

Формы давнопрошедшего времени различаются только в двух языках — гонди и брауи.

В гонди формы этого времени образуются при помощи суффиксов *-cīt-*, *-sīt-*, *-jīt-* (после основы на *-n > -ñ*) всегда от немаркированной основы, например: *vaṅk-* 'говорить' — *vaṅksīt-*, *vā-* 'приходить' — *vāsīt-*, *guh-/guht-* 'хватать' — *guhçīt-*, *tin-* 'есть' — *tiñjīt⁹*.

В брауи формы давнопрошедшего времени имеют показатель *-us-* (*-as*), *-s-* (после гласного), присоединяемый к показателю простого прошедшего времени, например: *xal-* 'ударять' — *xalkus-*, *xalkas-*, *maḥ-* 'смеяться' — *maḥās-*, *taf-* 'связывать' — *tafēs-*.

Повелительное наклонение

Повелительное наклонение есть в каждом из дравидийских языков, за исключением каннада и тулу. Оно не имеет особого показателя, и формы времени в нем не различаются. Личные формы образуются с помощью специальных личных суффиксов, присоединяемых к основе (у двухосновных глаголов в парджи и гадаба и у трехосновных глаголов в тулу — к основе на *-p*, у многоосновных глаголов в телугу и гадаба — к различным основам, у прочих глаголов — к немаркированной основе, за исключением малаялам, где они присоединяются также и к основам на *-kk-*). Ср. там. *sey-/seyx-* 'делать' — *sey-*; парджи *cuḷp-/cult-* 'подниматься' — *cuḷp-*; тел. *cēy-*

⁹ В гонди эти формы недавнего происхождения и возникли в результате стяжения сочетаний деепричастия прошедшего времени с личными формами глагола *maṇ-* 'быть' в прошедшем совершенном времени; ср.: *vasitōnā* 'я пришел (еще до того, как)' < *vāsi mattōnā* 'приди, я был', *guhçitōnā* 'я схватил', < *giḥci mattōnā* 'схватив, я был' и т. п.

Время Язык	Настоящее	Настоящее длительное	Настояще- будущее	Будущее
Тамильскийкий	<i>-ir-</i> , <i>-ind-</i> (совр.), <i>-irp-</i> , <i>-(u)ḍ-</i> (древн.), <i>-ar-</i> , <i>-(i)r-</i> , <i>-o-</i> (разг.), <i>-(ū)ḍ-</i> (южн. диал.)			<i>-v-</i> , <i>-b-</i> , <i>-pp-</i> , <i>-o-</i>
Малаялам	<i>-ipp-</i>			<i>-o-</i>
Кота			<i>-o-</i>	
Тода			<i>-o-</i>	
Каннада	<i>-utt-</i>		<i>-uv-</i> (древн.), <i>-(u)t-</i> (разг.)	<i>-uv-</i> (совр.)
Кодагу	<i>-(u)v-</i> , <i>-p-</i>			<i>-(u)v-</i> , <i>-p-</i> , <i>-o-</i>
Тулу	<i>-uv-</i> , <i>-p-</i>		<i>-ēv-</i>	<i>-(u)v-</i> , <i>-ūmb-</i> , <i>-o-</i>
Телугу			<i>-(u)t-</i> (совр.), <i>-(u)du-</i> , <i>-u-</i> , <i>-eru-</i> , <i>-eri-</i> , <i>-eda-</i> (древн.)	
Колами			<i>-at-</i> , <i>-o-</i>	<i>-dat-</i> , <i>-d-</i>
Найки			<i>-ent-</i>	<i>-at-</i> , <i>-d-</i> , <i>-o-</i>
Парджи	<i>-m-</i>			<i>-r-</i> , <i>-o-</i>
Гадаба		<i>-ind-</i> , <i>-und-</i>	<i>-d-</i> , <i>-o-</i>	
Гонди	<i>-(ā)t-</i> , <i>-(ī)t-</i>			<i>-k-</i> , <i>-āk-</i> , <i>-īk-</i> , <i>-ān-</i> , <i>-o-</i>
Конда		<i>-sin-</i> , <i>-jin-</i> , <i>-zin-</i>	<i>-n-</i>	
Куи			<i>-d-</i> , <i>-n-</i> , <i>-o-</i>	
*Кувин			<i>-d-</i> , <i>-n-</i> , <i>-o-</i>	
Курух	<i>-d-</i> , <i>-o-</i>	<i>-'āl(d)-</i>		<i>-'</i>
Малто	<i>-o-</i>			<i>-o-</i>
Браун			<i>-o-</i>	

наклонении дравидийских языков

Простое прошедшее	Прошедшее длительное	Прошедшее многократное	Прошедшее совершенное	Давнопрошедшее
-l(i)-, -nd-, -l- (совр., древн.), -īl- (древн.), -cc-, -ñj- (разг.)				
-l(i)-, -cc-, -nd-, -nn-, -ññ-, -i-				
-v-, -uk-				
-y-, -t-, -d-, -t-, -s-, -i-				
-(i)d				
-t-, -nd-, -j-, -un-, -ø-				
	-t-, -d-, -i-, -y-	-ēd	-t-, -ud-, -ūd-	
-ṣ-, -(i)n- (совр.), -(i)ti- (древн.)				
-t-	-d-, -n-, -ø-			
-t-				
-ø-, -t-	-r-, -ø-			
-ø-	-in-, -un-			
-t-	-(a)nd-, -d-		-t-	-cīt-, -sīt-, -jīt-
-t-				
-t-				
-t-				
-', -y-, -ck-, -c'-, -jk-, -j'-				
-ø-, -(e)k-				
-k-, -(i)s-, -ā-, -ē-	-k-, -(i)s-, -ā-, -ē-		-kun-, -(i)sun-, -ān-, ēn-	-kus- (-kus-), -(i)sus-, -(i)sas-, -ās-, -ēs-

cey-/cēs-/cē- 'делать' — *cēy*, *cey*- (в ед. ч.) и *cē-* (во мн. ч.); мал. *kēl-/kēlkk-* 'слушать' — *kēlkk-*.

Желательное наклонение

Желательное наклонение глагола различается в тамильском языке, малаялам, ката, каннада, кодагу, тулу, парджи и малто.

В тамильском и малаялам формы желательного наклонения не различают лица, числа и рода и образуются при помощи суффикса *-aṭṭum* (в там.) и *-aṭṭe* (в мал.) от основы на *-kk-* или от немаркированной основы (у большинства глаголов с маркированной основой на *-x-*), например: *kīṛa-/kīṛakk-* 'лежать' — *kīṛakkaṭṭum*, *kīṛakkaṭṭe* 'пусть лежит', *pō-/pōx-* 'уходить' — *pōxaṭṭum*, *pōvaṭṭe* 'пусть уходит'. В древнем тамильском языке форма желательного наклонения образовывалась от аналогичных основ при помощи суффикса *-(u)xa*: *sey-/seux-* 'делать' — *seuxa* 'пусть сделает', *naṭa-/naṭakk-* 'ходить' — *naṭakkixa* 'пусть идет'.

В ката показателем желательного наклонения служит суффикс *-k-/g-*, присоединяемый к немаркированной основе глагола.

В парджи это наклонение имеет показателями суффиксы *-ek-*, *-ok-*, *-ut-*: *cūr-* 'смотреть' — *cūrek-* (в 1-м л. ед. ч. и в 3-м л. м. р.), *cūrok-* (в 3-м л. немужск. р.), *cūrut-* (во 2-м л. и в 1-м л. мн. ч.).

В каннада, кодагу, тулу и малто желательное наклонение имеет нулевой показатель: *mār-* 'делать' (кодагу), *band-* 'тащить', *dary-* 'хватать' (малто), *maḷ-/maḷt-/maḷp-* 'делать' — *maḷp-* (тулу).

Потенциальное наклонение

Потенциальное (предположительное) наклонение выражает в дравидийских языках потенциально возможное или вероятное действие. Формы этого наклонения отмечены в ката, каннада, кодагу, тулу, телугу и брауи.

В брауи потенциальное (предположительное) наклонение не имеет специального показателя (имеет нулевой показатель) и в каждом из двух времен этого наклонения — настоящем и будущем — отличается от форм настоящего-будущего времени изъявительного наклонения особыми личными суффиксами, которые присоединяются непосредственно к основе (ср. *bīn-* 'слушать').

В каннада показателями потенциального наклонения служат суффиксы *-d-*, **-t-*, *-i-*, *-u-*, *-ø-*, например: *kare-* 'звать' — *kared-*, *bīr-* 'оставлять' — *bīṭt-*, *mār-* 'делать' — *māri-*, *māḍu-*, *mār-*.

В ката, тулу и телугу потенциальное наклонение образуется при помощи суффиксов *-k-* (ката), *-udv-*, *-(ū)v-*, *-ūdv-* (тулу) и *-e-* (тел.), присоединяемых к маркированной основе в ката, к основе на *-t-* у трехосновных глаголов в тулу и к основе на *-s* у многоосновных глаголов в телугу: тулу *maḷ-/maḷp-/māḷt-* 'делать' — *maḷtūdv-*, *būr-* 'падать' — *būrudv-*, *tū-* 'видеть' — *tūtuv-*, *paṇ-* 'говорить' — *paṇṇūtv-*; тел. *koṭṭ-* 'ударять' — *koṭṭē-*, *cēy-/cey-/cēs-/cē-* 'делать' — *cēsē-*.

В кодагу лицо, число и род не различаются в потенциальном наклонении, которое образуется путем присоединения суффикса *-alu* к основе (к основе на *-k* у глаголов, различающих две основы): *mār-* 'делать' — *māralu*, *oṛe-/oṛekk-* 'разбивать' — *oṛekalu*.

Условное наклонение

Формы условного (сослагательного) наклонения отмечены в ката, телугу, гонди, малто и брауи. Условное наклонение образуется с помощью суффиксов *-c-* в ката, *-(u)du-*, *-u-* (в 3-м лице единствен-

ного числа и в 3-м лице множественного числа среднего рода) в телугу, -ē-, -v- (в формах 3-го лица немужского рода) в гонди, -l- в малто и -ōs- в брауи, присоединяемых к основе глагола (у двухосновных глаголов гонди суффиксы условного наклонения присоединяются к немаркированной основе, у двухосновных глаголов ката — к маркированной основе, а у многоосновных глаголов телугу — к основам на -s), например: брауи *bin-* 'слушать' — *binōs-*; малто *band-* 'тащить' — *bandl-*; ката *var-/vad-* 'приходить' — *vadc-*; гонди *guh-/guht-* 'хватать' — *guhē-, guhv-*; тел. *koṭṭ-* 'ударять' — *koṭṭud-, koṭṭu-, cēy-/cey-/cēs-/cē-* 'делать' — *cētu-* (<*cēs*-+*-du-*), *cēs-*.

Долженствовательное наклонение

Долженствовательное наклонение отмечено лишь в малаялам, ката и кодагу. Формы его не различают лица, числа и рода и образуются при помощи суффиксов -(ē)*ṇam*, -(ē)*ṇu(m)* в малаялам, -*veṇō* в ката и -*aṇḍu* в кодагу, присоединяемых непосредственно к основе глагола: у двухосновных глаголов малаялам и кодагу — к маркированной основе на -*kk-* (в кодагу -*k-*) или к немаркированной основе (у глаголов ката и у глаголов малаялам с маркированной основой на -*x-*), например: код. *mār-* 'делать' — *māṇḍu*, *ore-* 'разбивать' — *orekaṇḍu* и мал. *ilaḥ-* 'двигаться' — *ilaḥēṇam*, *paṇa-/naṇakk-* 'ходить' — *naṇakkēṇam*, *naṇakkēṇu(m)*.

Показатели лица, числа и рода

В личных формах глагола категории лица, числа и рода выражаются при помощи личных суффиксов, присоединяемых к показателю времени или наклонению (к основе при нулевом показателе времени или наклонения) (табл. 21 и 22).

В языке малаялам личные формы изъявительного наклонения глагола не различают лица, числа и рода, т. е. в каждом времени имеется по одной финитной форме, например: *cey-* 'делать' — *ceyuṇṇi* 'я делаю', 'ты делаешь', 'он (она, оно) делает', 'мы делаем', 'вы делаете', 'они делают', *ceyūṇi* 'я (ты, он) делал', 'она делала', 'оно делало', 'мы (вы, они) делали', *ceyuṇṇit* 'я сделаю' и т. п. (конечный -*i* в этих формах — эвфонический гласный, появляющийся после согласных в суффиксах времени). В древнем малаялам факультативно употреблялись личные формы изъявительного наклонения, аналогичные литературным и разговорным формам тамильского языка; см., например, в эпиграфических памятниках X—XII вв.: *aṇi-* 'узнавать' — *aṇiveṇ aṇivaṇ* 'я узнаю', *koṇ-* 'давать' — *koṇutṭēṇ* 'я давал', *koṇuttōm* 'мы давали', *amey-* 'создавать' — *ameyssaṇ amaccaṇ* 'он создал'.

Также по одной форме, не различающей лица, числа и рода, имеется в желательном наклонении в тамильском языке, в желательном и долженствовательном наклонениях в малаялам, в желательном, потенциальном и долженствовательном наклонениях в кодагу: *mār-* 'делать' — *māraṇu* 'пусть сделаю(т)', *māralu* 'мне, тебе, ему, ей, нам, вам, им) можно (бы) сделать', *māraṇḍu* 'мне, тебе, ему, ей, нам, вам, им) можно сделать'.

В ряде языков (в ката, тогда, гонди, куи, куви, курух и малто) различаются особые эксклюзивные и инклюзивные формы в 1-м лице множественного числа: *pīśpet* 'мы [без вас] ушли' / *pīśpit* 'мы [с вами] ушли' в тогда, *vadcēm* 'мы [без вас] пришли бы', *vadcōm* 'мы [с вами] пришли бы' в ката.

Показатели лица, числа и рода в положительной форме глагола изъявительного наклонения

Число	Лицо	Род	Древний тмильский	Современный литературный тмильский	Разговорный тмильский (с диалектами)	Малаялам	Кота	Тода
Единственное	1-е		- <i>ēn</i> , - <i>an</i> (пр., буд.), - <i>al</i> (буд.), - <i>o</i> (буд.)	- <i>ēn</i>	- <i>ē</i> , - <i>ēn</i> (перед гласн.), - <i>ān</i> (цейл.)	-o (наст., пр.), - <i>um</i> (буд.)	- <i>ē(n)</i>	- <i>pin</i> , -(<i>re</i>) <i>n</i> (в вопр. предл.)
			- <i>āy</i> , - <i>ey</i> , - <i>t</i> (наст.)	- <i>āy</i>	- <i>i</i> (перед гласн.), <i>i</i> (наст., пр. цейл.)		- <i>i</i>	- <i>p</i> , - <i>puty</i> (в вопр. предл.), - <i>c</i> (пр. вопр.)
	2-е	м.	- <i>ān</i>	- <i>ān</i> , - <i>an</i> (пр.)	<i>ā</i> , - <i>ān</i> (перед гласн.)		- <i>ā(n)</i> , - <i>ān</i> (наст.-буд.)	- <i>i</i>
		ж.	- <i>āl</i>	- <i>āl</i> , - <i>al</i> (пр.)	- <i>ā</i> , - <i>āl</i> (перед гласн.), - <i>ava</i> (цейл.)		- <i>ā(l)</i> , - <i>āl</i> (наст.-буд.)	- <i>i</i> , - <i>u</i> (в вопр. предл.)
	3-е	ср.	- <i>ādū</i> (наст., пр.), - <i>tū</i> (пр.), - <i>um</i> (буд.), - <i>undū</i> (буд.)	- <i>ādū</i> (наст., пр.), - <i>tū</i> (пр.) - <i>um</i> (буд.)	- <i>tū</i> (наст.), - <i>ādū</i> (пр.), - <i>ā</i> (буд.), - <i>o</i> (наст.), - <i>um</i> (буд. перед гласн.), - <i>ccū</i> (пр.), - <i>(i)ccī</i> (прост. пр.), - <i>ittū</i> (прост. пр.)		- <i>o</i> , - <i>a</i>	
			- <i>om</i> , - <i>ēm</i> , - <i>ām</i> (инкл.), - <i>um</i> (наст., буд.)	- <i>om</i>	- <i>o</i> , - <i>om</i> (перед гласн.), - <i>am</i> (перед гласн.)		- <i>ēm</i> , - <i>ō(m)</i> (инкл.)	- <i>rim</i> , -(<i>re</i>) <i>m</i> (в вопр. предл.) -(<i>ri</i>) <i>m</i> (инкл.)
Множественное	1-е		- <i>ir</i>	- <i>ir(xal)</i>	- <i>tūngē</i> , - <i>tūngl</i> (перед гласн.), - <i>i(xē</i> (южн.), - <i>iye</i> (южн.), - <i>ēl</i> (бр.), - <i>ēr</i> (бр.)		- <i>im</i> , - <i>ir</i>	- <i>iš</i> (наст.-буд.), - <i>š</i> (прош.)
	2-е				- <i>āngē</i> , - <i>āngl</i> (перед гласн.), - <i>āy</i> (вежл. ед.), - <i>āxē</i> (южн.), <i>āve</i> (южн.), - <i>ā(l)</i> (южн.), - <i>avir</i> (цейл.), - <i>inam</i> (цейл. наст.), - <i>āniol(l)</i> (прост. м. р.), - <i>āliol(l)</i> (прост. ж. р.)		- <i>ō(r)</i> , - <i>ār</i> (наст.-буд.)	- <i>i</i> (наст.-буд.), - <i>u</i> (наст.-буд. в вопр. предл.), - <i>c</i> (прош.), - <i>k</i> (пр. в вопр. предл.)
	3-е	м. ж. ср.	<i>ār</i> , - <i>a</i> (буд.)	- <i>ār(xal)</i> , - <i>ar</i> (пр.)	—		- <i>ō</i> , - <i>d</i>	

Число	Лицо	Род	Древняя каннада	Современный индотурский каннада	Разговорный каннада (с диалектами)	Колагу	Тулу	Древний телугу
Единственное	1-е		• -ep	-ēne (наст.), -īni (наст.), -epi (буд., пр.)	-ēne (наст.-буд.), -e (пр.), -ep (пр. перед гласн.)	-e (наст., пр.), -aie (наст.), -и (буд., пр.), -ā (пр.)	-e	-ni (наст.-буд.), -ni (пр.)
			-au	-ī(ve) (наст.), -e (буд., пр.)	-ī(ve) (наст.-буд.), -ē (пр.)	-īya, -ēya	-a	-vi (наст.-буд.), -vi (пр.)
	2-е		-an, -on	-āne (наст.), -ani (буд., пр.)	-āne (наст.-буд.), -a (пр.), -an (пр. перед гласн.)	-a(īa) (наст.), -ā (буд.), a(ī)u (пр.), -ici (пр.)	-e	
		м.					-a	-ni
		ж.	-aī, -oī	-āīe (наст.), -aīu (буд., пр.)	-āīe (наст.-буд.), -īu (пр.)		-aīu	
	3-е	ср.	-idi	-ade (наст.), -idi (буд.), -īti (пр.)	-te (наст.-буд.), -īti (пр.)		-ndī, -u (буд.)	
Множественное	1-е		-em	-ēve (наст.), -īvi (наст.), -evu (буд., пр.)	-ēve (наст.-буд.), -vī(ve) (пр.)	как 3-е л. ед. ч.	-a	-ti (наст.-буд.), -ti (пр.)
			-ir	īri (наст.), -iri (буд., пр.)	īri (наст.-буд.), -ri (пр.)	-īra, -era, -ara	-ari	-ti (наст.-буд.), -ri (пр.)
	2-е					как 3-е л. ед. ч.	-eri	-ti (наст.-буд.), -ri (пр.)
		м.	-ar, -or	-āre (наст.), -aru (буд., пр.)	-āre (наст.-буд.), -ru (пр.)			
		ж.						
	3-е	ср.	-uvi	-ave (наст.), -avu (буд., пр.)	-ve (наст.-буд.), -vu (пр.)		-a	-ti

Число	Лицо	Род	Современный телугу	Колламы	Найкп.	Паджи		
						наст. и пр. вр.	буд. вр.	пр. длит. вр.
Единственное	1-е		- <i>апи</i> , - <i>пи</i> (пр. на - <i>а̃</i> -)	- <i>ип</i> (наст.-буд., буд., пр. длит.), - <i>ап</i> (пр.)	- <i>ап</i> (наст.-буд., пр.), - <i>ип</i> (буд.)	- <i>еп</i> , - <i>оп</i> (южн.)	- <i>ап</i>	- <i>ин</i>
			- <i>а̃пи</i> , - <i>ви</i> (пр. на - <i>а̃</i> -)	- <i>ив</i>	- <i>и</i>	- <i>от</i>	- <i>ат</i>	- <i>ит</i>
	2-е	м.	- <i>а̃пи</i> , - <i>пи</i> (пр. на - <i>а̃</i> -)	- <i>ап</i> (наст.-буд., буд.), - <i>еп</i> (пр. длит., пр.)	- <i>еп</i> (наст.-буд., пр.), - <i>ап</i> (буд.)	- <i>ед</i> , - <i>од</i> (южн.)	- <i>ад</i>	- <i>ид</i>
		ж.	- <i>инди</i> (наст.-буд.), - <i>(а)ди</i> (пр. на - <i>ин</i> -)	- <i>а(д)</i> (наст.-буд., буд.), - <i>ип</i> (пр. длит.), - <i>ин</i> (пр.)	- <i>ип</i> (наст.-буд., пр.), - <i>ап</i> (буд.)	- <i>о(то)</i> , - <i>ата</i> (южн.)	- <i>а</i>	- <i>и</i>
	3-е	ср.						
Множественное	1-е		- <i>а̃пи</i> , - <i>пи</i> (пр. на - <i>а̃</i> -)	- <i>ип</i> (наст.-буд., буд., пр. длит.), - <i>ап</i> (пр.)	- <i>ип</i> (наст.-буд., пр.), - <i>ип</i> (буд.)	- <i>от</i>	- <i>ат</i>	- <i>ип</i>
			- <i>а̃пи</i> , - <i>пи</i> (пр. на - <i>а̃</i> -)	- <i>ир</i>	- <i>ир</i>	- <i>ог</i>	- <i>аг</i>	- <i>иг</i>
	2-е	м.	- <i>а̃пи</i> , - <i>пи</i> (пр. на - <i>а̃</i> -)	- <i>ар</i> (наст.-буд., буд.), - <i>ер</i> (пр. длит., пр.)	- <i>ер</i> (наст.-буд., пр.), - <i>ар</i> (буд.)	- <i>ег</i> , - <i>ог</i> (южн.)	- <i>аг</i>	- <i>иг</i>
		ж.						
	3-е	ср.	- <i>а̃пи</i> , - <i>ви</i> (пр. на - <i>а̃</i> -), - <i>ави</i> (пр. на - <i>ин</i> -)	- <i>ев</i> (пр. длит., пр.), - <i>ав</i> (наст.-буд., буд.)	- <i>е</i> (наст.-буд., пр.), - <i>а</i> (буд.)	- <i>ов</i>	- <i>ав</i>	- <i>ив</i>

Число	Лицо	Род	Глагол			Гоним	Конда	Кун
			наст.-буд. и наст. длит. вр.	прост. пр. (у олноосн. гл.)	прост. пр. (у многоосн. гл. и пр. длит. вр.)			
Единственное	1-е		-an	-en	-on	-ā (наст., буд., пр. сов., дав- нопр.), -ān (пр.) -an (пр. длит.)	-a	-i (наст.-буд.), -e (пр.)
	2-е		-af	-ef	-of	-ī	-i	-i
		м.	-and	-end	-ond	-ol (наст., пр. сов., давнопр.), -ul (буд., пр., пр. длит.)	-an	-eñju
		ж. ср.	-u	-efe	-e	-ā (наст., пр. сов., давнопр.), -al (буд.), -o (пр., пр. длит.)	-at	-e
Множественное	1-е		-am	-em	-om	-ām, -ōm (буд.), -af (инкл.)	-ap	-am, -asu (инкл.)
	2-е		-ar	-er	-or	-īf	-ider	-eru
		м.	-ar	-er	-or	-ōr (наст., пр. сов., давнопр.), -ur (буд., пр., пр. длит.)	-ar	-eru
	3-е	ж. ср.	-au	-eŋev	-ev	-āng (наст., пр. сов., давнопр.), -iŋg (буд., пр., пр. длит.)	-e	-u

Чис- ло	Лицо	Род	Кви	Курух	М.	Бруи
Единственное	1-е		-i, -'ini (наст.-буд.), -e'e (пр.)	-an [-ən (ж. р.)], -on (буд.)	-en, -in (наст.)	-ia (наст.-буд.), -(u) (пр., пр. сов., давнопр.), -(u)fa (пр. длт.)
	2-е		-i	-ai [-i (ж. р.)], -oe (буд.)	-ne (ж. р. -ni) (наст.), -e (ж. р. -i) (пр.), -ene (ж. р. -eni) (буд.)	-isa (наст.-буд.), -(u)s (пр., пр. сов., давнопр.), -(u)sa (пр. длт.)
		м.	-esi	-as, os (буд.)	-ih (наст.), -ah (пр.), -eh (буд.)	-ik (наст.-буд.), -o (пр.), -e (пр. сов.), -(a)ka (пр. длт.), -as (давнопр.)
		ж.	-e	-i (наст., наст. длт.), -ā (пр.), -ō (буд.)	-iō (наст.), -aō (пр.), -eniō (буд.)	
		ср.				
Множественное	1-е		-omi/-ami, -o/-a (икл.)	-am [-em (ж. р.)], -af (икл.)	-em (икл. -et), -im (икл. -it) (наст.)	-ina (наст.-буд.), -(u) (пр., пр. сов., давнопр.), -(u)na (пр. длт.)
	2-е		-eri	-ar [-ai (ж. р.)], -or (буд.)	-er, -ner (наст.)	-ire (наст.-буд.), -(u)re
		м.	-eri	-nct, -ar (пр.), -or (буд.)	-er, -ner (наст.)	-ira (наст.-буд.), -(u)r (пр.), -ō (пр., пр. сов., давнопр.), -(u)ra (пр. длт.)
	3-е		-u	-nat, -at (пр.)	—	
		ж.				
		ср.				

Показатели лица, числа и рода в положительной форме повелительного, желательного, условного
и долженствования наклонений
Повелительное наклонение

Чис- ло	Лицо	Род	Древний тамилский	Современный литературный тамилский	Разговорный тамилский (с диалектами)	Малалам	Кота	Тода	Кодагу	Телугу	Колами
Единственное	1-е		—	—	—	—	—	—	—	—	—
			-ə, -āy -i	-ə	-ə	-ə	-ə	-ə	-ə	-ə, -u, -i, -(u)mi/ -(u)mi (др.)	-ə
	3-е	м.	—	—	—	—	—	—	—	—	—
		ж.	—	—	—	—	—	—	—	—	—
		ср.	—	—	—	—	—	—	—	—	—
			—	—	—	—	—	—	—	—	—
Множественное	1-е		—	—	—	—	—	—	—	-(u)dānu	—
	2-е		-um, -uṅgaḷ, -ir(xaḷ), -min(ir), -mṅgaḷ	-um, -uṅgaḷ	-(ū)ṅgə, -(ū)ṅḡḷ (перед гласн.)	-(m)in	-m	-mā	-iri	-(a)ṇḍi	-ur
	3-е	м.	—	—	—	—	—	—	—	—	—
		ж. ср.	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Поведительное наклонение

[illegible]

Желательное наклонение

Число	Лицо	Род	Древний тамильский	Современный тамильский	Малаялам	Котэ	Киппала	Кодагу	Тулу	Паражи	Малто					
Единственное	1-е		-(u)va, -aiva (пар.)			-aiva-	—	n/v-	-uge, -(u)ke	-en	-on					
	2-е								-ik	-ə	-(u)la, -ə, -āla	-ut	-o			
	3-е	м.							-ōnk	-ali			-ed	-oh, -āndeh		
		ж.							-ōlk				-o	-ōḍ -āndēḍ		
		ср.							-ōtk							
Множественное	1-е		-(u)va			-ēn, -ōm (инкл.)	-ōṇa	-uga, -(u)ka	-um, -umir (инкл.)	-om (инкл. -ot)						
	2-е						-imk, -irk	-iri	-(u)le, -āle	-ur	-or					
	3-е	м.					-ōrk	-ali			-aru	-er	-or, -ānder			
		ж.					-ōtk					-ov	—			
		ср.														

Потенциальное наклонение

Число	Лицо	Род	Кота	Канала	Колагу	Тулу	Телугу	Брауи	
								настоящее время	будущее время
Единственное	1-е		-ē(n)	-ēnu	n/p-	-e	-nu	-iv, -ēv	-ōḥ
	2-е		-ī	-īye, -īya		-a	-vu	-is, -ēs	-ōs
	3-е	м.	-ā(n)	-ānu		-e	-nu/-ni	-e, -ē	-ōe
		ж.	-ā(l)	-ālu		-aḷū			
		ср.	-ā, -d	-ātu		-u			
	1-е		-ēm, -ō(m) (инкл.)	-ēvu		-a	-nu	-in, -ēn	-ōn
Множественное	2-е		-īm, īr	-īru, -īra		-aḷū	-ru	-ire, -ēre	-ōre
	3-е	м. ж.	-ā(r)	-āru		-eḷū	-ru	-ir, -ēr	-ōr
		ср.	-ā, -d	-āvu, -īvu		-a	-nu		

Условное наклонение

Долженствовательное наклонение

Число	Лицо	Род	Кота	Телугу	Гонди	Малто	Бруи	Малалам	Кота	Колагу
Единственное	1-е		-ē(n)	-ni	-ā	-en	-(u)f	(u)npūṛ 'uvūṛ-	ṛJṛṛ-	npūv-
	2-е		-ī	-vi	-ī	-e (ж. р. -i)	-(u)s			
	3-е	м.	-ā(n)		-ēl	-eh				
		ж.	-ā(l)							
		ср.	-ā, -d	-ni	-al	-iḍ	-as			
Множественное	1-е		-ēm, -ō(m) (инкл.)	-ni	-ōm, -af (инкл.)	-em, -ef (инкл.)	-(u)n			
	2-е		-īm, -īr	-ri	-īf	-er	-(u)re			
	3-е	м. ж.	-ā(r)	-ri	-ēf	-er	-ur, -ō			
		ср.	-ōk	-ni	-āng	—				

По-видимому, и в древнем тамильском также проводилось противопоставление эксклюзивных форм на *-ēṁ* инклюзивным формам на *-āṁ*.

В гонди личные окончания 1-го и 2-го лица в настоящем, прошедшем совершенном и давнопрошедшем времени изъявительного наклонения, а также в условном наклонении присоединяются к показателям 3-го лица мужского рода, например: *guh-/guht-* 'хватать'— *guhtātōl* 'он хватает', но *guhtātōnā* (при *-l > -n* перед гласным) 'я хватаю', *guhtātōnī* 'ты хватаешь', *guhtātōr* 'они хватают', но *guhtātōrām* (инкл. *guhtātōraṭ*) 'мы хватаем', *guhtātōrīṭ* 'вы хватаете', *guhtōl* 'он схватил', но *guhtōnā* 'я схватил', *guhčitōr* 'они (тогда уже) схватили', но *guhčitōrām* (инкл. *guhčitōraṭ*) 'мы (тогда уже) схватили', *guhēr* '(если) они схватили бы', но *guhērīṭ* '(если) вы схватили бы'.

В языке курух в настоящем, прошедшем и настоящем длительном времени изъявительного наклонения, а также в повелительном наклонении отмечены особые формы 1-го и 2-го лица, встречающиеся только в речи женщин при обращении их друг к другу (элементы так называемого женского языка), например: *es-* 'разбивать'— *es'ēn* 'я (ж. р.) разбиваю', *isdī* 'ты (ж. р.) разбиваешь', *es'ēm* 'мы (ж. р.) разбиваем', *esdai* 'вы (ж. р.) разбиваете' (ср. соотв. *esdan*, *esdai*, *esdam*, *esdar* в общем языке) или *es'an* 'я разбила', *eski* 'ты разбила', *es'am* 'мы (ж. р.) разбили', *eskai* 'вы (ж. р.) разбили' (ср. соотв. *eskan*, *eskai*, *eskam*, *eskar* в общем языке).

НЕЛИЧНЫЕ ФОРМЫ

Причастие

Причастия отмечены во всех дравидийских языках, за исключением найки. Так, причастия настоящего, прошедшего и будущего времени различаются в тамильском языке, малаялам и колами, причастия настоящего-будущего времени и прошедшего длительного времени— в тулу, причастия настоящего-будущего и прошедшего времени— в каннада, кодагу, телугу, гадаба, конда, куи и куви, причастия настоящего и прошедшего времени— в курух и малто. причастие прошедшего времени— в гонди и тогда, причастие настоящего времени— в ката и причастие, не различающее времени,— в парджи и браун.

Образуются причастия посредством особых суффиксов, присоединяемых к показателю соответствующего времени или к основе глагола.

Так, оба причастия в каннада, причастия настоящего и прошедшего времени в тамильском и малаялам, причастия прошедшего времени в телугу и колами образуются при помощи суффикса *-a*, присоединяемого к показателю времени; ср., например: канн. *māḷ-* 'делать'— *māḷuva* 'делающий', 'который будет делать', *māḷida* '(с)делавший'; там. *sey-* 'делать'— *seyuxīra*, *seyuxinda* 'делающий', *seyūa* '(с)делавший'; мал. *sey-* 'делать'— *seyuunna* 'делающий' *seyūa* '(с)делавший'; тел. *cēy-/cey-/cēs-/cē-* 'делать'— *cēsina* '(с)делавший'; кол. *tin-* 'есть'— *tinda* '(с)евший'. Причастие настоящего времени в колами имеет тот же суффикс, который присоединяется к основе: *tin-* 'есть'— *tina* 'который ест'.

В конда, куи и куви, а также у многих глаголов тулу причастия образуются присоединением к показателю времени суффикса *-i*: конда *sī-* 'давать'— *sīni* 'дающий', 'который дает', *ar-* 'падать'—

arti 'упавший'; куи *nog-* 'мыть' — *nogni* 'моющий', 'который вымоет', *nogdi* '(вы)мывший'; в куви *pāu-* 'бить' — *pāyini* 'бьющий', 'который ударит', *pāyiti* 'бивший'; тулу *tū* 'видеть' — *tūpi* 'видящий', 'который увидит', *tūyi* 'видевший', *tūti* 'увидевший'.

У ряда глаголов тулу, получающих в прошедшем несовершенном времени показатель *-i*, показатель причастия присоединяется непосредственно к основе: *būr-* 'падать' — *būri* 'падавший'. Причастие настоящего-будущего времени у этих глаголов, а также у всех трехосновных глаголов и у части глаголов с основами на *-ṇ* имеет показатель *-u*, присоединяемый непосредственно к основе (у трехосновных глаголов — к основе на *-p*): *būr-* 'падать' — *būru* 'падающий', 'который упадет', *maḷ-/maḷp-/maḷt-* 'делать' — *maḷpu* '(с)делающий', *keṇ-* 'слушать' — *kēṇu* 'слушающий', 'который услышит'.

Суффикс *-u* служит показателем обоих причастий в кодагу (*naṛa-* 'ходить' — *naṛaru* 'который ходит', 'который будет ходить', *naṛandu* 'ходивший') и причастия настоящего времени в малто (*band-* 'тащить' — *bandu* 'который тащит', *dary-* 'хватать' — *daryu* 'хватящий').

Суффикс *-um* служит показателем причастия настоящего времени в курух (факультативно суфф. *-ūtī*, *ūtim*) и показателем причастия будущего времени в малаялам и тамильском (в др.-там. также *-undū*), которое в двух последних языках совпадает с личной формой 3-го лица среднего рода, например: курух *es-* 'разбивать' — *esnum* (*esnūti*, *esūtim*) 'разбивающий'; мал. *cey-* 'делать' — *ceyuum* 'который будет делать'; там. *ōli-* 'звучать' — *olikkum*, *olikkundū* 'который будет звучать'.

Причастия ката и тода имеют, по-видимому, нулевой показатель, ср.: *tin-/tid-* 'есть', 'питаться' — *tid pat* 'тарелка для еды' в ката, *er-* 'быть' — *edd* 'бывший' в тода.

В гонди причастие имеет показатель *-al* (перед именами существительными в единственном числе факультативно *-ā*), присоединяемый к показателю простого прошедшего времени: *vā-* 'приходить' — *vātal* 'пришедший', *guh-/guht-* 'хватать' — *guhtal* 'схваченный', *ūs-* 'намазывать коровым навозом' — *ūstal*, *ūstā* 'намазанный'.

Суффикс *-ā* встречается и в языке курух, где он служит показателем причастия прошедшего времени, ср.: *es-* 'разбивать' — *eskā* 'разбитый'.

В языке парджи причастие имеет суффикс *-an*, присоединяемый к показателю будущего времени, например: *veñ-* 'крыть соломой' — *veñuran* 'кроющий [дом] соломой', 'крытый соломой'.

Тот же суффикс *-an* образует и причастие настоящего-будущего времени в гадаба: *si-* 'давать' — *sidaṇ* 'дающий', 'который даст'. В прошедшем времени причастие гадаба имеет показатель *-oṇḍi*, присоединяемый к основе: *vaḷ-* 'сохнуть' — *vaḷoṇḍi* 'высохший'.

Непосредственно от основы глагола образуются причастия настоящего-будущего времени на *-ō*, *-ū* в разговорном каннада (*ir-* 'быть' — *irō*, *irū* 'который есть', 'который будет') и на *-ē* в телугу (*cepp-* 'говорить' — *ceppē* 'говорящий', 'который будет говорить'), а также причастия на *-ōk*, *-ōi* в брауи, причастия будущего времени на *-eka* в колами и причастия прошедшего времени на *-pe* в малто (ср.: *bin-* 'слушать' — *binōk* 'слушающий', *binōi* 'который услышит' в брауи, *tin-* 'есть' — *tineka* 'который будет есть' в колами, *band-* 'тащить' — *bandpe* 'тащивший', *dary-* 'хватать' — *darype* 'схвативший' в малто).

В древнем телугу причастия настоящего-будущего времени имеют

нулевой показатель и образуются от основ, снабженных суффиксом времени, например: *vaṇḍ-* 'готовить, стряпать' — *vaṇḍu/vaṇḍeru/vaṇḍeri*.

Причастия в дравидийских языках всегда выполняют функцию препозитивного определения к имени. При этом они никак не изменяются и не согласуются с определяемыми словами (исключение составляет разговорный телугу, в котором причастие настоящего будущего времени факультативно выступает с суффиксом *-i* перед существительными, обозначающими лица женского пола; ср. *i balla turici naṅkar* 'девушка¹, вытирающая³ этот¹ стол²').

Причастие может иметь самостоятельный субъект действия в именительном (в парджи — в родительном) падеже, выражая действие, предпринятое этим субъектом и имеющее своим объектом определяемое слово: тел. *mīru vēḷḷe grāmami* 'деревня³, куда вы¹ идете², деревня³, которая будет посещена² вами¹'; парджи *aṇ vēḷḷuran olek* 'дом³, крытый соломой² мною¹'. Иногда самостоятельный субъект при причастии может оставаться невыраженным и пониматься неопределенно; ср. там. *piranda nāl* 'день рождения', (букв. 'день², когда (кто-то) родился¹'), но не 'родившийся день'; тел. *iḍi māṁṇi-panḷlu tinē kālan gādu* 'Теперь¹ не⁵ время⁴ есть манго², это¹ не⁵ сезон⁴, когда едят³ манго²'.

Деепричастие

В тамильском, малаялам, парджи, гадаба, конда, курух, браун и, по-видимому, в тода имеется по одной форме деепричастия.

В тамильском, малаялам и тода деепричастие имеет нулевой суффикс, следующий за показателем прошедшего времени, причем в первых двух языках формы, оканчивающиеся на согласный, получают эвфонический гласный *-ū*; ср. там. *seu-* 'делать' — *seuū* 'делая', 'сделав'; мал. *seu-* 'делать' — *seuū* 'делая', 'сделав'; там., мал. *pār-* 'петь' — *pārī* 'исполняя песню', 'пропев'; тода *pī-* 'уходить' — *pīs* 'уходя', 'уйдя'.

В древнем тамильском языке деепричастие может иметь также суффикс *-rū*, присоединяемый как к немаркированной, так и к маркированной основе; ср. *uṇ-/uṇḡ-* 'есть' — *uṇbū*, *uṇḡū* 'съедая', 'съев'.

Кроме того, в древнем тамильском имелись деепричастия с показателями *-ā*, *-ū*, присоединяемыми к немаркированной основе; ср. *uṇ-/uṇḡ-* 'есть' — *uṇṇā*, *uṇṇū*.

В языке конда показатель деепричастия *-a(no)* присоединяется к показателю настоящего-будущего или прошедшего времени, например: *ki-* 'делать' — *kināto* 'делая', 'сделав', *mārs-* 'обучать' — *mārs-tano* 'обучая', 'обучив', *per-* 'собирать' — *perta* 'собирая', 'собрав'. Кроме того, в этом языке имеются параллельные формы деепричастия, образуемые непосредственно от основы глагола при помощи суффиксов *-su* (*-sɔ*), *-ju* (*-jo*), *-zu* (*-zo*), например: *səl* 'идти' — *solsu* 'сходив', *pək-* 'бросать' — *pokso* 'бросив', *ki-* 'делать' — *kizo* 'сделав', *pār-* 'петь' — *pārju* 'спев'.

В парджи, гадаба, курух и браун деепричастия образуются присоединением соответствующих суффиксов непосредственно к основе, например: парджи *ven-* 'слушать' — *veni* 'слушая', 'услышав', *tūl-* 'бежать' — *tūli* 'убегая', 'убежав'; гадаба *sūr-* 'видеть' — *sūri* 'видя', 'увидев', *pat-* 'хватать' — *pati* 'хватая', 'схватив'; кур. *es-* 'разбивать' — *es'ā*, *es'ār* 'разбивая', 'разбив'; бр. *bin-* 'слушать' — *bi-*

nisa (*binisaat*, *binisau*) 'слушая', *tix-* 'класть'— *tixisa* (*tixisaat*, *tixisau*) 'кладя'. У двухосновных глаголов в парджи и гадаба суффикс деепричастия *-i* присоединяется к основе на *-t*, причем последний подвергается палатализации и переходит в *-c*, ассимилируя в каузативных глаголах суффикс деепричастия; ср. в парджи *nilp-/nilt-* 'стоять'— *nilci* 'стоя', 'встав', *nitip-/nitit-* 'устанавливать'— *nitic* 'устанавливая', 'установив'.

В ката, каннада, кодагу, тулу, телугу, колами, найки, гонди, куи, кув и малто различаются деепричастия настоящего и прошедшего времени, обозначающие соответственно продолженное и совершенное действия.

В телугу деепричастия имеют нулевой суффикс при показателе соответствующего времени, причем формы, оканчивающиеся на согласный, принимают эвфонический гласный *-u*, а показатель прошедшего времени *-in-* теряет свой согласный элемент; ср.: *kott-* 'ударять'— *kottutu* 'ударяя', *kotti* 'ударив', *cēu-/cēu-/cēs-/cē-* 'делать'— *cēstu* 'делая', *cēsi* 'сделав'.

В разговорном телугу деепричастие настоящего-будущего времени отличается от соответствующего литературного долготой конечного гласного, например: *amm-* 'продавать'— *ammūtū* 'продавая'.

В древнем телугу деепричастие настоящего-будущего времени имеет суффикс *-ucun*, присоединяемый к основе: *vaṇḍ-* 'стряпать'— *vaṇḍucun*. Деепричастие прошедшего времени помимо обычного суффикса *-i* может иметь также суффикс *-urun*, например: *vaṇḍi*, *vaṇḍurun* 'приготовив (пищу)'.

В каннада деепричастия прошедшего времени имеют нулевой суффикс при показателе прошедшего времени (при *-id->-i-*) и эвфонический гласный *-u* (после показателя времени *-d-*); ср.: *kare-* 'звать'— *karedu* 'позвав', *mār-* 'делать'— *māri*. Показатель деепричастия настоящего времени *-ā* (перед гласными *-al*) присоединяется к показателю настоящего времени: *karayuttā* (перед гласными *karayuttal*) 'призывая', *māruttā* (перед гласными *māruttal*) 'делая'.

В кодагу показатели деепричастий настоящего времени (*-aṇḍu*, *-uṇḍu*) и прошедшего времени [*-(i)!(t)u*] присоединяются к показателю прошедшего времени, например: *mār-* 'делать'— *maṛiyanḍu* 'делая', *māritu* 'сделав', *ore-* 'разбивать'— *oretunḍu* 'разбивая', *oretittu* 'разбив', *para-* 'ходить'— *paraṇḍu* 'продолжая ходить', *paraṇḍitu* 'сходив', *po-* 'ударять'— *pojjanḍu* 'ударяя', *pojжитu* 'ударив'.

В тулу, колами и найки показатели деепричастия настоящего времени (*-aṇḍu* в тулу, *-a* в колами, *-c*, *-cik*, *-cig*, *-sik*, *-sig* в найки) присоединяются непосредственно к основе (у трехосновных глаголов тулу — к основе на *-t*); показатели же деепричастия прошедшего времени (*-Ø* в тулу, *-Ø*, *-na* в колами, *-un* в найки) присоединяются к показателям прошедшего (в тулу прошедшего совершенного) времени, например: тулу *būr-* 'падать'— *būroṇḍu* 'падая', *būrudu* 'упав', *maḷ-/maḷp-/maḷt-* 'делать'— *maḷtoṇḍu* 'делая', *maḷtūdū* 'сделав'; кол. *tūl-* 'бежать'— *tūla* 'бегая', *tūlt(nā)* 'побегав'; найки *peṭay-* 'гореть'— *peṭayuc* 'горя', *ser-* 'идти'— *sercik* 'идя', *kak-* 'делать'— *kaksik* 'делая', *pak-* 'ударять'— *paklun* 'ударив'.

В языке кув показатели деепричастий *-i* (наст. вр.) и *-a* (пр. вр.) присоединяются в зависимости от характера глагола как к основе, так и к показателю прошедшего времени, например: *pāu-* 'ударять'— *pāyi* 'ударяя', *pāya* 'ударив', *hi-* 'давать'— *hihi* 'давая', *htha* '(от)дав', *tōh-* 'показывать', *tōssi* 'показывая', *tōssa* 'показав',

ve- 'бить' — *vcī* 'избивая', *vesa* 'побив', *dik-* 'ломать' — *dikhi* 'ломаая', *dikha* 'сломав', *ven-* 'слушать' — *veñji* 'слушая', *veñja* 'услылав'.

Наконец, в ката, гонди, куи и малто показатели деепричастий как настоящего времени (*-r* в ката, *-cōrē/-jōrē/-sōrē*, *-cōkē/-jōkē/-sōkē*, *-nākē* в гонди, *-i* в куи, *-e* в малто), так и прошедшего (*-t* в ката, *-cī/-jī/-sī* в гонди, *-a* в куи, *-(a)ko* в малто) присоединяются непосредственно к основе (к маркированной в ката и к немаркированной у двухосновных глаголов в гонди), например: ката *tar-/taḍ-* 'давать' — *tadr* 'давая', *in-/id-* 'говорить' — *idt* 'сказав'; гонди *guh-/guht-* 'хватать' — *guh-cōrē*, *guh-cōkē*, *guh-nākē* 'хватая', *guh-cī* 'схватив', *vañk-* 'говорить' — *vañk-sōrē*, *vañk-sōkē*, *vañk-nākē* 'говоря', *vañk-sī* 'сказав', *tin-* 'есть' — *tiñ-jōrē*, *tiñ-jōkē*, *tinnākē* 'поедая', *tiñ-jī* 'съев'; куи *kō-* 'жать', 'убирать (урожай)' — *koi* 'убирая', *kōa* 'убрав', 'сжав'; малто *band-* 'тащить, волочить' — *bande* 'волоча', *bandakō* 'утащив'.

У многих глаголов куи показателю деепричастия настоящего времени *-i* часто предшествуют морфофонематические элементы *-a-*, *-p-*, *-b-*, *-j-*, а показателю деепричастия прошедшего времени *-a* — морфофонематические элементы *-s-*, *-j-*; ср.: *tāk-* 'ходить' — *takai* 'идя', *jā-* 'просить' — *jāpi* 'прося', *jāsa* 'попросив', *trē-* 'бродить' — *trēbi* 'бродя', *trēja* 'побродив', *nog-* 'мыть' — *nōbgi* 'моя' (с метатезой *-bg-<*-gb-*), *nogja* 'вымыв'.

В малто помимо уже отмеченных деепричастий употребительны также деепричастия нейтральные по отношению ко времени совершения действия или его длительности. Образуются они также от основы при помощи суффиксов *-ō*, *-le* (подчеркивает обычность действия), *-i* (обычно употребляется при глаголах движения), например: *band-* 'тащить' — *band*, *bandle*, *bandi* 'волоча', 'утащив', *dary-* 'хватать' — *darc*, *darcle*, *darci* 'хватая', 'схватив' (при чередовании *y/c* в основе).

По своей синтаксической функции дравидийские деепричастия служат, как и в других языках, адвербиальным определением действия, названного другой глагольной формой; ср. в конда: *paṇi ki-naḥo nān sōla* 'Сделав² работу¹, я³ уйду⁴'. Случаи абсолютного употребления деепричастий обычно бывают ограничены идиоматикой языка, например: малто *jaraḍ pṛsak* *maler teqalōṇ cāgṛti ekyar* 'Когда выпал² дождь¹ (букв. дождь¹ выпав²), люди³ отправились⁶ сеять⁵ зерно⁴'; гонди *aṇā ṇ vañk-sōrē keñjtaḥ* 'Я¹ услышал⁴, как он² говорил³' (букв. 'он² говоря³, я¹ услышал⁴').

Инфинитив

Инфинитив как самостоятельная неизменяемая неличная форма глагола имеется в тамильском, малаялам, каннада, тулу, телугу, коламм, парджи, гадаба и малто, а также, видимо, и в тода.

В тамильском, малаялам, тода, каннада и телугу инфинитив образуется посредством суффикса *-a* (в др. тел. — *-aṇ*). Этот суффикс присоединяется непосредственно к основе глагола (в там. и мал. — к маркированной основе на *-kk-* и к немаркированной основе в остальных случаях); ср. там., мал. *paṇa-/naṇakk-* 'ходить' — *naṇakka*, *eṇṇ-/eṇṇuḍuḥ-* 'писать' — *eṇṇuḍa*, тода *kūr-* 'собираться' — *kūra*, канн. *mār-* 'делать' — *māra*, тел. *koṭṭ-* 'ударять' — *koṭṭa*; др. тел. *vaṇḍ-* 'стрять' — *vaṇḍan*. У трехосновных глаголов телугу типа *rakṣin-/rakṣinč-/rakṣis-* 'охранять' инфинитив образуется двояко: *rakṣinča*, *rakṣimpa*; также двояко образуется инфинитив у четырехосновных

глаголов типа *сēу, сēу-’сēs-/сē- ‘делать’— сēуа, сеууа*. У глаголов с основами на долгие гласные инфинитив имеет нулевой показатель: *рō- ‘уходить’— рō, rā- ‘приходить’— rā*.

В древнем тамильском показатель инфинитива *-а* факультативно присоединяется также к суффиксу будущего времени *-pp-*; например: *ir- ‘быть’— iruppa (irukka), paṭa- ‘ходить’— paṭappa (paṭakka)*.

В парджи, гадаба и колами инфинитив образуется от основы при помощи суффиксов *-uñ* (сев.), *-u* (южн.) в парджи; *-uñ, -iñ* в гадаба; *-eñ, eñg, -eñk* в колами; например: парджи *sen- ‘идти’— senuñ, koy- ‘убирать (урожай), ‘жать’— koyu*; гадаба *sūr- ‘видеть’— sūruñ, var- ‘приходить’— variñ*; кол. *tin- ‘есть’— tineñ, tineṅg, tineṅk*.

В малто инфинитив имеет показатель *-oti*, присоединяемый к основе: *band- ‘тащить’— bandoti, dary- ‘хватать’— daryoti*.

В тулу различается три инфинитива, каждый из которых соответственно соотносится называемое действие с планом будущего, прошедшего длительного или прошедшего совершенного времени. Показателем инфинитива служат суффиксы *-uni (-unē)* (буд. вр.), *-ini (-inē)*, присоединяемые к показателю будущего (у некоторых глаголов настоящего), прошедшего длительного или прошедшего совершенного времени; ср. *tū- ‘видеть’— tūpini (tūpinē), tūyini (tūyinē), tūtini (tūtine), keṇ- ‘слушать’— keṇuni (keṇunē), keṇḍini, keṇḍine, (keṇḍine), maḷ-/maḷp-/maḷt- ‘делать’— maḷpuni (maḷpinē), maḷtini (maḷtine), maḷtūdi (maḷtūdiṇē)*. У ряда глаголов, имеющих в прошедшем продолженным времени показатель *-i-*, суффикс инфинитива присоединяется непосредственно к основе: *būr- ‘падать’— būruni (būrunē), būrini (būrine), būrudini (būrudine)*.

Сфера значений инфинитива в дравидийских языках весьма широка: он может быть подлежащим, сказуемым, дополнением, определением или обстоятельством (часто в абсолютной конструкции) цели, причины, образа действия и времени. Ср., например, абсолютные обороты с инфинитивом в тамильском языке: *onḍu kuleykkavē ellā nāuḥaḷum kuleykkat toraṅgiṇa...* ‘Одна¹ залагла²— и все³ собачки⁴ принялись⁶ лаять⁵...’, *kaṇṇil nīr malxa avaḷ oru naṭkaliyīn mīḍu amarndirundāḷ...* ‘С глазами¹, полными³ слез², она⁴ опустила⁸ на⁷ стул⁶...’, *Kuḷattil nīr vaṭṭa iṇṇum iraṇḍi mūṇḍi māḍatāḥum...* ‘До того как³ вода² в пруду¹ высохнет³, пройдет⁷ еще⁴ два⁵-три⁶ месяца⁷...’.

Супин

Супин, т. е. неличноглагольная форма со значением обстоятельства цели, встречается в древнем тамильском, малаялам, кодагу, тулу, колами, найки и гонди.

Показателями супина в древнем тамильском служат суффиксы *-iya(r)*, *-āp*, *-akkū*, из которых первый присоединяется к немаркированной основе или к показателю прошедшего времени *-i-*, а два других — к показателю будущего времени, например: *koḷ- ‘брать’— koḷ(i)ya(r), koḷīya(r), koḷvāp, koḷvākkū* ‘(для того) чтобы взять’.

В малаялам супин сходен с древнетамильским супином на *-āp*: *kāṇ- ‘видеть’— kāṇivāḷ, kāṇmān* ‘(для того) чтобы увидеть’.

В кодагу показатель супина *-akū* также присоединяется к показателю будущего времени; ср. *maḷ- ‘делать’— māḷuvakū* ‘(для того) чтобы (с)делать’, *oḷe- ‘ломать’— oḷerakū* ‘(для того) чтобы (с)ломать’.

В тулу показатель супина *-ere/-iyere* обычно присоединяется к суффиксу будущего времени: *tū-* 'видеть'— *tūvēre* '(для того) чтобы (у)видеть', *būr-* 'падать'— *būre, būriyere* '(для того) чтобы падать/упасть', *ma/-maḷp-/maḷt-* 'делать'— *maḷpere* '(для того) чтобы (с)делать', *kēṇ-* 'слушать'— *kēṇiyere* '(для того) чтобы услышать'.

В колами и найки супин имеет показатели *-ak* (в колами), *-eka* (в найки), присоединяемые непосредственно к основе: кол. *tin-* 'есть'— *tinak* '(для того) чтобы есть'; найки *ser-* 'идти'— *sereka* '(для того) чтобы идти'.

В гонди показатели супина *-ā/-ī, -ālē(sk)/-ilē(sk)* присоединяются к основе (у двухосновных глаголов — к маркированной основе). При этом двухосновные глаголы принимают суффиксы *-ā, -ālē(sk)*, одноосновные — *-ī, -ilē(sk)*, например: *guh-/guht-* 'хватать'— *guhtā, guhtālē(sk)* '(для того) чтобы схватить', *tin-/tind-* 'есть'— *tindā, tindālē(sk)* '(для того) чтобы есть', *vaṅk-* 'говорить'— *vaṅki, vaṅkilē(sk)* '(для того) чтобы говорить', *va-* 'приходить'— *vaī, vaile(sk)* '(для того) чтобы прийти'.

Употребление супина обычно ограничено функциями обстоятельства цели и (редко) предикатива; см., например, в др.-там. *eṇinir vaṇuaxam velīya selvōu...* 'О ты, что идешь⁴, чтобы³ мир², омываемый моря волнами', покорить³...'; *yaṇvāzu nālum Paṇṇaṇ vāḷiya...* 'Пусть живет⁴ (букв. чтоб жить Поннану) Паннан³ столько же², сколько живу я¹...'. В языке колами эта форма употребляется лишь в сочетании с отрицательными глаголом *tōt-* 'не быть', 'не быть в состоянии': *varak tōten* 'я не приду', 'я не имею возможности для того, чтобы прийти'.

Кроме того, еще одна форма супина в гонди образуется от немаркированной основы при помощи суффикса *-nal*; ср.: *guh-/guht-* 'хватать'— *guh¹nal, tin-/tind-* 'есть'— *tinnal, vaṅk-* 'говорить'— *vaṅk¹nal*. Эта форма употребляется в сочетании с глаголом *ā-* 'быть', 'становиться' для выражения способности к совершению действия, например: *tūral dhōrk mehnal ātul* 'Мальчик¹ уже может⁴ пасти³ (букв. стал, вырос для того, чтобы пасти) скот²'; *makāṅg kōrk¹nal ātāṅg* 'Кукуруза¹ уже созрела³ для того, чтобы ее грызть²'.

Условное деепричастие

Условное деепричастие имеется в тамильском, малаялам, каннада, кодагу, телугу, парджи, гадаба, куи и куви.

В древнем тамильском показатели условного деепричастия *-iṇ, -il* присоединяются к маркированной основе на *-kk-* или к немаркированной основе (у глаголов с маркированной основой на *-x-*); ср.: *pār-/pārkk-* 'смотреть'— *pārkk¹iṇ, pārkk¹il* 'если (по)смотреть', *eṇ-* 'говорить'— *eṇ¹iṇ, eṇ¹il* 'если сказать'. Факультативно суффикс *-iṇ* может присоединяться к показателю будущего времени *-pp-* или к показателю настоящего времени *-iṭp-*: *ir-/irukk* 'быть'— *irupp¹iṇ* 'если быть', *var-/varuḥ-* 'приходить'— *varuḥ¹iṭpiṇ* 'если приходить'.

В гадаба суффикс условного деепричастия *-koren/-goren* присоединяется к основе: *sī-* 'давать'— *sīkoren* 'если дать', *sen-* 'идти'— *sēngoren* 'если пойти'.

В кодагу суффиксы *-(u)ceṅgi, -(u)teṅgi* присоединяются либо к немаркированной основе, либо к показателю прошедшего времени; ср.: *mār-* 'делать'— *māruceṅgi* 'если (с)делать', *oṇ-* 'ломать'— *oṇ¹teṅgi* 'если (с)ломать', *bā-* 'приходить'— *bāteṅgi* 'если прийти'.

В телугу суффикс условного деепричастия *-(i)ṭe* (совр.), *-inaṇ*

(др.) присоединяется к основе глагола (у многоосновных глаголов — к основе на -s); ср.: *vel-* 'идти' — *vette* 'если идти', *pō-* 'уходить' — *pōte* 'если уйти', *cēy-/cey-/cēs-/cē-* 'делать' — *cēste* 'если сделать', *koṭṭ-* 'ударять' — *koṭṭite* 'если ударить', *vaṇḍ-* 'стрять' — *vaṇḍinān* 'если стрять'.

В парджи суффикс условного деепричастия *-oḍ* (также *-oḍel*, *-oḍul*) присоединяется к основе (у двухосновных глаголов — к основе на -p); ср.: *pok(k)* 'говорить' — *pokkoḍ* 'если сказать', *ven-* 'слушать' — *venoḍul* 'если слушать', *en-* 'говорить' — *enodel* 'если сказать', например: *ān in pāṭa venoḍel cenena min* 'Послушай⁴ я¹ твоего² совета³, я не пошел⁵ бы⁶'. Кроме того, в парджи употребительны еще две формы условного деепричастия, образуемые аналогично форме на *-oḍ* от основы при помощи показателей *-ek*, *-em*; ср.: *nīr vakpek iḍemēn* 'Если² вода¹ кипит³, не касайся³ (ее)'. Все эти формы могут употребляться в этом языке (а также во многих других) для выражения не только условного, но и временного значения; ср.: *pōkal āḍoḍ cīkoḍ erra* 'Когда (если)² день¹ угасает¹, становится¹ темно¹'.

В прочих языках суффиксы условного деепричастия (*-āl* в совр. лит. там. и мал., *-ā* в разг. там., *-oṛe*, *-aṛe* в др. канн., *-aṛe* в совр. канн., *-eka* в куи и *-ihe* в куви) присоединяются к показателю прошедшего времени: там. *sey-/seux-* 'делать' — *seyāl*, *seyā*, *señjā* 'если (с)делать'; мал. *ari-/arikk-* 'ударять' — *ariccāl* 'если ударить'; канн. *bar-* 'приходить' — *bandore*, *bandare*, *bandare* 'если прийти'; куи *tak-* 'ходить' — *takiteka* 'если пойти'; куви *tōh-* 'показывать' — *tōstihe* 'если показать', *tōstatihe* 'если показать тебе'.

Условные деепричастия употребляются преимущественно в абсолютных оборотах, см., например, в др.-там.: *vīṇ indū pūppin virinīr viyaṇulaxattū ulṇindū uraṭṭum paṣi* 'Если³ небо¹ сегодня² обманет³, [не послав дождя], голод⁸ будет терзать⁶⁻⁷ огромный мир⁵, окруженный океаном⁴'.

Причастные имена

Причастные имена, т. е. неличноглагольные формы со значением имени деятеля, различаются в тамильском, малаялам, кота, каннада, тулу, телугу, колами, парджи, гонди, конда, куи, куви и малто.

В телугу и гонди причастные имена образуются путем присоединения личных местоимений 3-го лица (в гонди, по-видимому, только местоимения *ōṛ* 'они') к причастию соответствующего времени, например: тел. *serre* 'говорящий', 'который будет говорить' — *serrevāṛi* 'тот, кто говорит, будет говорить', *serreḍi* 'та, которая говорит, будет говорить', 'то, что говорит, будет говорить', 'говорение', *serrevāru* (*serrevāllu*) 'те, кто говорит, будет говорить', *serrevi* 'те (ср. р.), что говорят, будут говорить'; *serpina* 'говоривший' — *serpinavāṛi* 'тот, кто говорил'; гонди *sātal* 'умерший' — *sātalōṛ* 'умершие', 'те, кто уже умер', 'предки'.

В тамильском, малаялам, каннада и тулу причастные имена образуются присоединением личных местоимений 3-го лица (в тулу посредством эвфонического согласного -ṇ-) к показателю времени; ср.: там. *seu-* 'делать' — *seuxiravaṇ* 'тот, кто делает', *seuḍavaḷ* 'та, кто (с)делала', *seuḍaḍi* 'то, что сделает' и т. п.; мал. *var-* 'приходить' — *varinṇavaṇ* 'тот, кто приходит', *varṇavaḷ* 'та, которая пришла', *varivaḍi* 'то, что придет' 'приход' и т. п.; канн. *mār-*

'делать'— *māṛivavāṇi* 'тот, кто (с)делает', *māṛidavaḷu* 'та, которая (с)делала', *māṛividi* 'то, что (с)делает', 'делание' и т. п.; тулу *maḷ-maḷp-maḷt-* 'делать'— *maḷpināye* 'тот, кто делает', *maḷtinalū* 'та, которая делала', *maḷtūdinavū* 'то, что сделало' и т. п. В кота причастные имена не отличаются от личных форм 3-го лица (см. выше).

В колами, парджи, конда, кун, куви и малто причастные имена образуются при помощи особых показателей, которые в колами, парджи, конда и малто присоединяются к причастию, а в кун и куви — к показателю времени. Ср.: кол. *vatta* 'пришедший'— *vattan* 'тот, кто пришел', *vattar* 'те (м. р.), кто пришел', *vattad* 'та, которая пришла', 'то, что пришло', *vattav* 'те (немужск. р.), которые пришли'; парджи *cīran* 'дающий'— *cīraned* 'тот, кто дает', *cīraner* 'те, кто дают', *cīrano* 'та, которая дает', 'то, что дает', *cīranov* 'те (немужск. р.), что дают'; конда *sīni* 'дающий'— *sīnikan* 'тот, кто дает', *sīnikar* 'те, кто дают', *sīnika* 'та, которая дает', 'то, что дает', *sīniken* 'те (немужск. р.), что дают'; куви *pāy* 'бить'— *pāyinasī* 'тот, кто бьет', *pāyinari* 'те, кто бьет', *pāyinaṇi* 'та, которая бьет', 'то, что бьет', *pāyina'i* 'те (немужск. р.), что бьют', *payitasi* 'тот, кто бил' и т. п.

В кун и малто причастные имена различают лицо аналогично личным формам глагола; ср.: кун *gi-* 'делать'— *ginanu* 'я, который (с)делаю', *gitanu* 'я, который (с)делал', *ginati* 'ты, который (с)делаешь', *gitati* 'ты, который (с)делал', *ginañju* 'он, который (с)делает', *gitañju* 'он, который (с)делал', *ginari* 'та, кто (с)делает', 'то, что (с)делает', *gitari* 'та, кто (с)делала', 'то, что (с)делало', *ginami* 'мы (экскл.), которые (с)делаем', *ginasu* 'мы (инкл.), которые (с)делаем', *gitami* 'мы (экскл.), которые (с)делали', *gitasu* 'мы (инкл.), которые (с)делали', *ginateru* 'вы, которые (с)делаете', *gitateru* 'вы, которые (с)делали', *ginaru* (*ginaka*) 'они (м. р.), которые (с)делают', *gitaru* (*gitaka*) 'они (м. р.), которые (с)делали', *ginai* 'те, что (с)делают', *gitai* 'те, что (с)делали'; малто *baj-* 'ударять, бить'— *bajun* 'ударяющий я', *baju* 'ударяющий ты' (нулевой показатель: ср. *baju* 'ударяющий'), *bajuh* 'тот, кто ударяет', *bajuḷ* 'та, которая ударяет', *bajum* 'ударяющие мы (экскл.)', *bajut* 'ударяющие мы (инкл.)', *bajur* 'ударяющие вы', *bajur* 'те, которые ударяют', *bajper* 'ударивший (битый) я', *bajpe* 'ударивший ты' (нулевой показатель: ср. *bajpe* 'ударивший', 'битый'), *bajpeh* 'тот, кто ударял', *bajpeḷ* 'та, которая ударяла', 'то, что ударяло', *bajpet* 'ударявшие мы (экскл.)', *bajpet* 'ударявшие мы (инкл.)', *bajper* 'ударявшие вы', *bajper* 'те, которые ударяли'

Кроме того, в малто употребительны также причастные имена, образуемые при помощи тех же показателей от основы, получающей в настоящем времени суффикс *-ne-*, а в прошедшем — суффикс *-ke-* (в формах ж. р. 2-го и 3-го л. ед. ч. соответственно *-ni-* и *-ki-*), например: *ṭund-* 'видеть'— *ṭundnen*, *ṭundne* (ж. р. *ṭundni*), *ṭundneh* (ж. р. *ṭundniḷ*) и т. п., *baj-* 'ударять'— *bajken*, *bajke* (ж. р. *bajki*), *bajkeh* (ж. р. *bajkiḷ*) и т. п.

В древнем тамильском причастные имена, изменяющиеся по лицам, совпадали с личными формами (см. выше), за исключением причастного имени 2-го лица единственного числа, у которого наряду с обычными *-āy*, *-ey* встречается показатель *-ōy*; ср.: *selvōy* 'ты, который идешь', 'ты, который пойдешь'

Кроме того, в древнем тамильском языке были употребительны причастные имена со значением имени действия, образуемые при

помощи суффикса *-mey* от причастий настоящего и прошедшего времени; ср.: *sey/səyux-* 'делать' — *seyuxiṭamey*, *seyamey*.

Словоупотребление причастных имен определяется их способностью изменяться по падежам (ср., например: *bajuh* 'тот, кто бьет' — вин. *bajun* 'того, кто бьет', дат. *bajuk* 'тому, кто бьет' и т. п. в малто), иметь при себе субъект в именительном падеже (ср. *pōu vandavaṇ* 'Тот, к кому пришла² болезнь', тот, кто посещен² болезнью' при *vandavaṇ* 'тот, кто пришел' от *var-* 'приходить' в там.) и управлять другими склоняемыми формами (ср. *ēn tūde piṭṇen urarken* 'Я был ранен, когда убивал тигра', букв. 'убивающий³ тигра² я' был ранен'), *eṇge dāniḍ relenḍ argkiḍ Bahavak ekeniḍ* 'Сев в поезд, моя жена поедет в Бахаву' (букв. 'моя' жена², которая села⁴ в поезд³, поедет⁶ в Бахаву⁵) в малто.

Глагольные имена

Глагольные имена — особые неличные формы глагола со значением имени действия — различаются в тамильском, малайлам, каннада, телугу, колами, найки, гадаба, гонди, конда, куи, курух, малто и браун. В некоторых языках имеется по два (в тел., найки, гонди, куи и куви), по три (в там.) и по четыре (в малто) глагольных имени.

Показателями глагольных имен служат суффиксы *-(t)al*, *-al*, *-ey* в тамильском языке, *-ixa* в малайлам, *-al* в древнем каннада, *-alu* в современном каннада, *-uṭa* в древнем телугу, *-arami/-aṭami* в современном телугу, *-uṭ* в колами, *-en*, *-tur-* в найки, *-al* в гадаба, *-ānā*, *-(n)ar* в гонди, *-teṇ*, *-deṇ* (после гласных и *r*, *r*) в конда, *-a*, *-oṇḍi* в куи, *-ali*, *-ayī* в куви, *-nā* в курух, *-ēḍ*, *-poḍ*, *-no*, *-ati* в малто, *-iṅg* в браун.

Все эти суффиксы, за исключением *-(n)ar* в гонди и *-ali*, *-ayī* в куви, присоединяются непосредственно к основе глагола, причем суффиксы *-ey* в тамильском, *-al* и *-ixa* у глаголов с маркированной основой на *-kk-* в тамильском, малайлам и *-ānā* у двухосновных глаголов гонди присоединяются к маркированным основам, например: там. *pari-/parikk-* 'читать' — *paṭittal*, *paṭikkal*, *paṭikkeu* 'чтение', *sey-/seyux-* 'делать' — *seyḍal*, *seyxey*, *seyuṭal* 'делание'; мал. *er-/erukk-* 'брать' — *erukkuxa* 'взятие', *sey-/seyux-* 'делать' — *seyuxixa* 'делание'; кани. *bar-* 'приходить' — *baral(u)* 'приход'; тел. *sēy-/sēy-/sēy-/sēy-* 'делать' — *sēyuxiṭa*, *sēyuxaṭami*, *seyalati* 'делание'; кол. *sī-* 'давать' — *siṭṭal* 'отдача'; найки *tin-* 'есть' — *tinēn* 'еда', *kak-* 'делать' — *kakmur* 'делание'; гадаба *kās-* 'ходить в упряжи' — *kāsal* 'хождение в упряжи'; гонди *vaṅk-* 'говорить' — *vaṅkānā* 'говорение', *tin-/tind-* 'есть' — *tin-dānā* 'еда'; конда *mars-* 'обучать' — *marsteṇ* 'обучение', *ki-* 'делать' — *kideṇ* 'делание', *pār-* 'петь' — *pārdeṇ* 'пение'; куи *pāg-* 'сражаться' — *pāga*, *pāgṇḍi* 'сражение', *ā-* 'становиться' — *āva*, *āvṇḍi* 'становление' (с эвфоническим *-v-*), *uṭ-* 'есть' — *uṭba*, *uṭbṇḍi* 'еда' (с эвфоническим *-b-*), *meh-* 'смотреть' — *mehpa*, *mehpṇḍi* 'рассматривание' (с эвфоническим *-p-*); кур. *es-* 'разбивать' — *esnā* 'разбивание'; малто *kud-* 'делать' — *kudēḍ* 'делание', *kudpoḍ* 'делание (предстоящее в будущем)', *dary-* 'хватать' — *daryuṇo* 'во время хватания', *darcati* (с чередованием *y/c* в основе) 'благодаря хватанию', 'в результате хватания'; бр. *tix-* 'класть' — *tixiṅg* 'размещение'.

Суффикс *-(n)ar* в гонди у двухосновных глаголов и глаголов с основой на гласный присоединяется (в форме *-ar*) к показателю прошедшего совершенного времени, а у прочих глаголов (в форме

-*nap*) — к основе: *tin-/tind-* 'есть' — *tittap* 'подобно съедению', 'как будто съел (-а, -о, -и)', *vā-* 'приходить' — *vātap* 'подобно приходу', 'как будто пришел (пришла, пришло, пришли)', *vañk-* 'говорить' — *vañknap* 'подобно разговору', 'как будто сказал (-а, -о, -и)'; ср. *ōl ghabrē-mātap valīndul* 'Он' слонялся³ как потерянный²'

В куви суффикс *-au* присоединяется к показателю настоящее-будущего времени *-n-*: *tōh-* 'показывать' — *tōhnaui* 'показ'. Суффикс *-ali* присоединяется аналогично показателю деепричастия: *pāu-* 'ударять' — *pāuali* 'нанесение ударов', *hi-* 'давать' — *hiyali* 'отдача', *tōh-* 'показывать' — *tōssali* 'показ', *ve-* 'бить' — *vesali* 'избиение', *dik-* 'ломать' — *dikhali* 'разламывание', *vēn-* 'слушать' — *vējja-li* 'слушание'

Употребление глагольных имен связано с их способностью иметь при себе субъект действия в именительном падеже (*jaṛaḍ ro-sati maler qale kudoti pāruṇer* 'Благодаря тому, что прошел¹ дождь', люди³ могут обрабатывать⁵ пашню⁴ в малто), управлять именными формами (*pillalṇi koṭṭaram cāla porabātu* 'Бить³ детей¹ — большая³ ошибка⁴ в тел.), определяться наречными формами (*aggā handānā varitātōṇā* 'Я боюсь³ идти² туда' в гонди) и изменяться (в там., мал., канн., тел., курух, малто и брауи) по падежам [*espā-gaḥi ṛr ondr'a* 'Принеси¹ инструмент² [для] разбивания¹ в курух; *ā qalven daryen ēn niṅgen endin* 'Я⁴ поручаю⁶ тебе⁵ поймать³ того¹ вора²' в малто].

ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ ФОРМА

Отрицательная форма глагола имеется во всех дравидийских языках, кроме курух. Правда, численно отрицательные формы обычно уступают положительным.

ЛИЧНЫЕ ФОРМЫ

Наиболее регулярно представлены в дравидийских языках отрицательные формы изъявительного наклонения. Отрицательные формы повелительного наклонения отмечены в тамильском, малайлам, ката, тулу, телугу, колами, пайки, парджи, гадаба, гонди, конда, куп, куви, малто и брауи. В древнем тамильском, а также, по-видимому, в малто имеются отрицательные формы желательного наклонения. Отрицательные формы потенциального наклонения отмечены в тулу и брауи, условного — в малто и брауи, долженствовательно-го — в малайлам, ката и кодагу (табл. 23).

Изъявительное наклонение

Восемь дравидийских языков — тамильский, ката, тогда, каннада, кодагу, телугу, гадаба и гонди не различают форм времени при отрицании в изъявительном наклонении, и личные формы в каждом из этих языков обычно могут быть соотнесены с любым временным планом.

В колами, пайки, куп и куви различаются отрицательные формы настоящего-будущего и прошедшего времени, а в малто — настоящего и прошедшего. В малайлам, парджи и конда, как и в положительной форме, по три времени: настоящее, прошедшее и будущее в малайлам, настоящее-будущее, простое прошедшее и прошедшее совершенное в парджи и настоящее-будущее, настоящее длительное

Наклонения глагола в отрицательной форме

Язык \ Наклонение	Изъявительное	Повелительное	Желательное	Потенциальное	Условное	Долженствительное
Тамильский	+	+	+(древн.)	—	—	—
Малаялам	+	+	—	—	—	+
Кота	+	+	—	—	—	+
Тода	+	—	—	—	—	—
Каннада	+	—	—	—	—	—
Кодагу	+	—	—	—	—	+
Тулу	+	+	—	+	—	—
Телугу	+	+	—	—	—	—
Колами	+	+	—	—	—	—
Найки	+	+	—	—	—	—
Парджи	+	+	—	—	—	—
Гадаба	+	+	—	—	—	—
Гонди	+	+	—	—	—	—
Конда	+	+	—	—	—	—
Куи	+	+	—	—	—	—
Куви	+	+	—	—	—	—
Малто	+	+	+	—	+	—
Брауи	+	+	—	+	+	—

и прошедшее в конда. В тулу в отрицательной форме изъявительного наклонения четыре времени — настоящее, будущее, прошедшее длительное и прошедшее совершенное. Наконец, брауи располагает в отрицательной форме теми же временами, что и в положительной, — настояще-будущим, простым прошедшим, прошедшим длительным, прошедшим совершенным и давнопрошедшим.

Отрицательная форма,
не различающая времени

В кота, тода, каннада, кодагу, гадаба и гонди отрицательные личные формы изъявительного наклонения, не различающие времени, не имеют особого показателя (имеют нулевой показатель). У двухосновных глаголов в кодагу эта форма образуется от основы, снабженной показателем будущего времени, во всех остальных случаях — непосредственно от основы (у двухосновных глаголов — от немаркированной основы); ср., например: в кодагу *paṭa-paṭakk-* 'ходить' — *paṭar-*, *mār-* 'делать' — *mār-*; в гонди *guh-/guht-* 'хватать' — *guh-*.

В тамильском у этой формы имеются два показателя -Ø- и -ā- (в 3-м л. ср. р.). В древнем языке эти показатели присоединяются к немаркированной основе: *paṭa-paṭakk-* 'ходить' — *paṭa-*, *paṭavā-*. В современном языке употребительны лишь формы 3-го лица сред-

него рода единственного числа, причем у глаголов с маркированной основой на *-kk-* отрицательный показатель *-ā-* присоединяется к *-kk-*: *sey-/seyx-* 'делать' — *seyuā*, *paḡa-/paḡakk-* 'ходить' — *paḡakkā*.

В телугу рассматриваемая форма употребляется преимущественно в значении настоящего-будущего времени и имеет показатель *-a-*, который присоединяется к основе: *serp-* 'говорить' — *serpa-*, *sey-/cēy-/cēs-/cē-* 'делать' — *cēya-*.

Форма настоящего времени

В отрицательной форме настоящее время различается в малаялам, тулу и малто. В малаялам эта форма образуется путем присоединения отрицательного показателя *-ā-* и показателя настоящего времени *-uṇṇ-* к немаркированной основе: *paḡa-* 'говорить' — *paḡa-uāuṇṇ-* (*-u-* в обоих случаях — эвфонический согласный).

В тулу отрицательный показатель *-uj-* заменяет показатель настоящего времени *-uv-* и присоединяется к показателю настоящего времени *-p-*, например: *būr-* (полож. наст. вр. *būriv-*) 'падать' — *bū-ruj-*, *maḷ-/maḷp-/maḷt-* (полож. наст. вр. *maḷpuv-*) 'делать' — *maḷruj-*, *tū-* (полож. наст. вр. *tūp-*) 'видеть' — *tūruj-*, *paḡ-* (полож. наст. вр. *paḡp-*) 'пить' — *paḡruj-*.

В малто отрицательная форма настоящего времени образуется от основы при помощи показателей *-olk-* (в 1-м и 2-м л.), *-ol-* (в 3-м л.): *ād-* 'выбирать' — *ādol(k)-*.

Форма настоящего длительного времени

Настоящее длительное время в отрицательной форме отмечено лишь в одном языке — конда. Образуется оно присоединением к основе отрицательного показателя *-e-* и показателя настоящего длительного времени *-jin-*: *sūr-* 'видеть' — *sūrejīn-*.

Форма настоящего-будущего времени

Настояще-будущее время в отрицательной форме различается в колами, найки, парджи, конда, кун, куви и брауи. В каждом из этих языков оно обозначается нулевым показателем, который следует за отрицательным показателем *-c-* в колами, *-e-* и *-Ū-* (во 2-м л.) в найки, *-a-* в парджи, *-e-*, *-Ū-* (во 2-м л. и в 3-м л. мн. ч. немужск. р.) в конда, *-i-* в куи и куви и *-pa-*, *-p-* (в положении перед *-ē*) в брауи, например: кол. *sī-* 'делать' — *sīc-*; найки *ār-* 'играть' — *āre-*, *ār-*; парджи *cūr-* 'видеть' — *cūr-a-*, *culp-/cult-* 'подниматься' — *culpa-*; конда *sūr-* 'видеть' — *sūre-*, *sūr-*; куи *tāk-* 'ходить' — *tāk-*; куви *pāy-* 'ударять' — *pāy-*; бр. *tix-* 'класть' — *(a)tixpa-*, *(a)tixp-*.

Форма будущего времени

Будущее время в отрицательной форме имеется в двух языках — малаялам и тулу.

В малаялам отрицательная форма будущего времени образуется от немаркированной основы присоединением отрицательного показателя *-ā-* (при нулевом показателе времени): *paḡa-* 'говорить' — *paḡa-uāuā-*.

В тулу отрицательный показатель *-au-* присоединяется непосредственно к основе (к основе на *-p-* у трехосновных глаголов): *būr-* 'падать' — *būray-*, *paṇ-* 'говорить' — *paṇau-*; *maḷ-/maḷp-/maḷt-* 'делать' — *maḷpaṇau-*.

Форма прошедшего (простого прошедшего) времени

Прошедшее (простое прошедшее) время в отрицательной форме различается в малаялам, колами, найки, парджи, конда, куи, куви, малто и брауи.

В малаялам отрицательная форма прошедшего времени образуется от немаркированной основы, причем показатель прошедшего времени *-āṇ-* присоединяется к отрицательному показателю *-ā-*: *paṇa-* 'говорить' — *paṇauāṇ-*.

Аналогичным образом образуется эта форма в колами, найки и конда посредством отрицательного показателя *-e-* (в конда в 3-м л. мн. ч. немужск. р. *-u-*) и суффикса прошедшего времени *-t-*: кол. *si-* 'делать' — *stet-*; найки *āṇ-* 'играть' — *āret-*; конда *sūr-* 'видеть' — *sūrret-*, *sūrut-*.

По тому же структурному типу строятся отрицательные формы прошедшего времени в куи, куви и малто, где суффиксы прошедшего времени *-t-* (в куи и куви) и *-ek-*, *-ō-* (в малто) присоединяются к отрицательному показателю *-a-* (в куи и куви) и *-l-* (в малто); куи *tāk-* 'ходить' — *tāk'at-*; куви *hī-* 'давать' — *hī'at-*; малто *ād-* 'выбирать' — *ādlek-*, *ād-* (в 3-м л.).

В парджи отрицательная форма простого прошедшего времени отличается от соответствующей положительной лишь по типу личных окончаний; ср. *cūren* 'я видел' — *cūṛena* 'я не видел' и т. п.

Наконец, в брауи отрицательная форма простого прошедшего — суффикс *-ta-*, присоединяемый к основе, и нулевой показатель времени: *tix-* 'класть' — *tixta-*.

Форма прошедшего длительного времени

Прошедшее длительное время в отрицательной форме различается в тулу и брауи.

В тулу форма этого времени образуется присоединением отрицательного показателя *-ij-*, *-ūj-* (у глаголов типа *kēṇ-* 'слушать') к показателю прошедшего длительного времени, причем показатель времени *-i-* ассимилируется гласным отрицательного показателя: *paṇ-* 'говорить' — *paṇḍij-*, *maḷ-/maḷp-/maḷt-* 'делать' — *maḷtij-*, *kēṇ-* 'слушать' — *kēṇḍij-*, *tū-* 'видеть' — *tūyij-*, *būr-* 'падать' — *būrij-*, *paṇ-* 'пить' — *parij-*.

В брауи эта форма совпадает с формой простого прошедшего времени (различие времен обусловлено различием личных суффиксов и обычно наличием префикса *a-*: *tixṭavaḷ* 'я не положил' / *(a)ḷixṭavaḷa* 'я не клал').

Форма прошедшего совершенного времени

Прошедшее совершенное время в отрицательной форме различается в тулу, парджи и брауи.

В тулу отрицательная форма прошедшего совершенного времени образуется присоединением отрицательного показателя *-ij-* к показателю прошедшего совершенного времени: *būr-* 'падать' — *būridij-*, *maḷ-/maḷp-/maḷt-* 'делать' — *maḷtūdidij-*.

В парджи эта форма образуется аналогично отрицательной форме настоящего-будущего времени и отличается от нее лишь формой личных суффиксов.

В брауи форма прошедшего совершенного времени имеет показатель *-n-*, присоединяемый к отрицательному показателю *-ta-*: *tix* 'класть' — *tixtan-*.

Форма давнопрошедшего времени

Отрицательная форма давнопрошедшего времени имеется лишь в брауи. Образуется она при помощи суффикса *-vas-* или *-vēs-* (в 1-м л. ед. ч. *-vēst-*), присоединяемого к отрицательному показателю *-ta-*: *tix* 'класть' — *tixtavēs(t)-*, *tixtavas-* (табл. 24).

Повелительное наклонение

Повелительное наклонение в отрицательной форме не имеет особого показателя (имеет нулевой показатель). Нет в нем и форм времени, которые одновременно служили бы для выражения отрицательной формы. Личные окончания в этом наклонении присоединяются к показателю отрицательной формы *-ā-* в современном тамильском, *-āy-* в малайялам, *-ād-* в ката, *-ar-* в тулу, *-a-* в телугу, *-e-* (в ед. ч.) и *-o-* (во мн. ч.) в парджи, *-i-* в кун и куви, *-pa-* в брауи и *-O-* в древнем тамильском, колами, найки, гадаба, гонди, конда и малто, например: совр. там. *sey-* 'делать' — *seyyā-*; мал. *para-* 'говорить' — *parayāy-*; ката *vit-* 'сеять' — *vitād-*; тулу *būr-* 'падать' — *būrār-*, *maḷ-/maḷp-/maḷt-* 'делать' — *maḷpar-*; тел. *cepp-* 'говорить' — *ceppa-*, *cey-/cey-/cēs-/cē-* 'делать' — *cēya-*; парджи *cūr-* 'смотреть' — *cūre-*, *cūrō-*; кун *tāk-* 'ходить' — *tāk-*; куви *hi-* 'давать' — *hi-*; бр. *tix-* 'класть' — *tixpa-*.

Желательное наклонение

В древнем тамильском языке отрицательная форма желательного наклонения не имеет особого показателя и образуется от немаркированной основы при нулевом показателе отрицательной формы: *sol-/sol(lu)x-* 'говорить' — *sol-*.

В малто отрицательная форма желательного наклонения образуется от основы и имеет показатель *-omand-*: *ad-* 'выбирать' — *adomand-*.

Потенциальное наклонение

В тулу отрицательная форма потенциального наклонения образуется присоединением отрицательного показателя *-ay-* к показателю положительной формы этого наклонения: *kēṇ-* 'слушать' — *kēṇūdāy-*, *būr-* 'падать' — *būrūdāy-*, *maḷ-/maḷp-/maḷt-* 'делать' — *maḷtūdāy-*.

В брауи в отрицательной форме потенциального наклонения различаются, как и в положительной форме, два времени — настоящее и будущее. Форма настоящего времени не имеет особого показателя и образуется от основы, имеющей отрицательный показатель *-pa-*, *-p-* (во 2-м и 3-м л. ед. ч.): *tix-* 'класть' — *tixp(a)-*, *bin-* 'слушать' — *bimp(a)-*. Форма будущего времени имеет показатель *-r-*, присоединяемый к показателю отрицательной формы *-pa-*: *tix-* 'класть' — *tixpar-*, *bin-* 'слушать' — *bimpar-*.

Таблица 2

Показатели лица, числа и рода в отрицательной форме глагола
Изыявительное наклонение

Число	Лицо	Род	Древний тамильский	Современ- ный тамильский	Мала- ялам	Кота	Древний каннада	Современ- ный каннада	Кодагу	Тулу	Телугу	Колапи		Найки	
												наст.-буд. время	пр. время	наст.-буд. время	пр. время
Единственное	1-е		-ēṇ	—	-ə	-ē(n)	-en	-eṇi	-ele, -ule	-i, (буд.) -e	-ni	-n	-an	-n	-an
	2-е		-āy, -i	—		-ī	-au	-e		-a	-uṣi	-u	-ivu	-nem	-i
		м.	-āṇ	—			-an	-aṇi		-e	-ṛi	-n	-en	-n	-en
	3-е	ж.	-āḷ	—		-ā	-aḷ	-aḷu		-aḷū	-du	-ə	-in	-d	-un
		ср.	-āṇ	-āṇ			-du	-adu		-i	-du	-d			
Множественное	1-е		-ām, -ām, -ēm	—		-ām, -ām (нкл.)	-em	-eṇi		-a	-mi	-m	-am	-m	-am
	2-е		-īr(xaḷ)			-īm, -īr	-ir	-iri		-aṛū	-ṛi	-r	-ir	-ner	-ir
		м.	-āṛ(xaḷ)	—			-aṛ	-aṛi		-eṛū	-ṛi	-r	-er	-r	-er
	3-е	ж.		—		-ā	-aṇi	-aṇi		-a	-uṣi	—	-eṇi	-ə	-e
		ср.	-ə	—			-aṇi	-aṇi							

Число	Лицо	Род	Паражи			Галиби	Гонзи	Конда		Кун	Кун		Малто	Брун			
			наст.-буд. время	прост. пр. время	пр. сов. время			наст.-буд. время	наст. динг. пр. время		наст.-буд. время	пр. время		наст.-буд. время	простое пр. время	пр. динг. время	пр. сов. и давнопр. время
Единственное	1-е		-na	-ena	-ni	-an	-on	-o	-a	-enu	-o, -o	-e'ē, -e, -ē	-en	-ru	-v i f	-v i fa	-u f
	2-е		-ti	-ota	-ti	-af	-vi	-ma	-i	-ai (наст.-буд.), -i (пр.)	-odi	-i	-e, -i (ж. р. пр. вр.)	-ēsa	-tēs	-tēsa	-us
	3-е	м. ж. ср.	-ti -yi -ya	-eda -oya	-di -yi	-and -a	-ol -o	-n -t	-an -at	-enju -e	-osi -e	-esi -e	-ah -aō	-k	-u	-vuka	-e (пр. сов.), -as (давнопр.)
Множественное	1-е		-ma	-oma	-mi	-am	-om	-p	-ap	-amu, -asu (инкл.)	-omi, -o(hi) (инкл.)	-omi, -o (инкл.)	-em, -et (инкл.)	-na	-van	-vana	-in
	2-е		-ra	-ora	-ri	-ar	-vit	-mat	-ider	-eru	-oderi	-eri	-er	-ēre	-vōre	-vōre	-ure
	3-е	м. ж. ср.	-va -va -va	-ova -ova -ova	-vi	-av	-ōng	-u	-e	-u (наст.-буд., пр.), -o (наст.-буд.)	-u	-u	-er	-sa	-vas	-vasa	-ō (пр. сов. и давнопр.), -ur (давнопр.)

Поведительное наклонение

Число	Лицо	Род	Древний тамильский	Современ- ный, лите- ратурный тамильский	Разговорный тамильский (с диалектами)	Мала- ялам	Kota	Tuḷu	Телугу	Кола- ми	Найки	Пар- джи	Гада- ва	Гонди	Конда	Кун	Куви	Малто	Брауи
Единственное	1-е		*																
	2-е		-ē, -i (после отриц. показ. -āḍ-), -aḷ, -āḷ, -ēḷ (после отриц. показ. -o-)	-ē	-ε, -au (цейл.)	-ха	-ī	-a	-ku	-pet	-pet	-men	-men	-(i)mā	-ma	-a	-ani	-oma(ku)	-ø
	М.																		
	3-е	ж.																	
		ср.																	
Множественное	1-е																		
	2-е		-amṭin (после отриц. показ. -ø-), -mīa (после отриц. показ. -ā), -īr(xaḷ)(после отриц. показ. -āḍ-)	-um, -uḍgaḷ, -īr(xaḷ)	-īyṇṇε, -ēyṇṇεs, -īxε (южн.), -īyε (южн.), -īṇḡō (брахм.)	-vin	-im	-e	-kaṇḍi	-ner	-ner	-mor	-men	-(i)māḷ	-maḷ	-aḷu	-adu	-oma(ku)	-bō
	М.																		
	3-е	ж.																	
		ср.																	

Чис- ло	Лицо	Род	Желательное наклонение		Потенциальное наклонение			Условное наклонение			Долженствительное наклонение		
			древний тлмилский	м.лто	тулу	настоящее время	браун	будущее время	м.лто	браун	м.лтаяа	кота	кодагу
Единственное	1-е			-оп	-е	-г		-ōf, -af (диал. Джхал.)	-n	-uf			
	2-е			-о	-а	-ēs		-ōs, -ēs (диал. Джхал.)	-ø	-us			
		м.		-оh	-е				-h				
	3-е	ж.			-a/ù	-ø		-øe, -ø (диал. Джхал.)	-ð	-as			
		ср.		-eñ	-i								
Множественное	1-е			-om, -ot (инкл.)	-а	-n		-ōn, -an (диал. Джхал.)	-m, -t (инкл.)	-un			
	2-е			-ог	-агù	-ēge		-ōge, -ēge (диал. Джхал.)	-г	-nge			
		м. ж.		-ог, -ег	-егù			-ōг, -as (диал. Джхал.)	-г	-нг, -ō			
	3-е	ср.		—	-а	-s			—				
											-ēnqā	-k/gōlā	-anqā

В диалекте Джхалавана форма будущего времени образуется от основы при помощи суффикса *-ōf-*: *bin-* 'слушать'— *binōf-*.

Условное наклонение

В малто отрицательная форма условного наклонения имеет показатель *-o-*, который присоединяется к основе, снабженной отрицательным показателем *-l-*: *ād-* 'выбирать'— *ādlo-*.

В брауи форма этого наклонения образуется при помощи суффикса *-rōs-*, присоединяемого к отрицательному показателю *-ra-*: *lix-* 'класть'— *lixparōs-*.

В диалекте Джхалавана отрицательная форма условного наклонения имеет показатель *-ēs-*, присоединяемый к суффиксу отрицательной формы будущего времени потенциального наклонения *-ōf-*: *xul-* 'бояться'— *xulōfēs-*.

Долженствовательное наклонение

Отрицательная форма долженствовательного наклонения в малайлам, кота и кодагу отличается от соответствующей положительной лишь формой личных суффиксов.

Показатели лица, числа и рода

Для отрицательных личных форм характерны те же общие особенности, что и для положительных (см. выше); см., например: появление эвфонического *-u* и неразличение лица, числа и рода в малайлам (*paraūyūnni* 'я не говорю', 'ты не говоришь', 'он (она, оно) не говорит', 'мы не говорим', 'вы не говорите', 'они не говорят') или наличие особого объектного спряжения в куи [*siai* 'я даю/дам вам'— *siara'enu* 'я не даю/дам тебе', *siate* 'я да(ва)л вам'— *siara'atenu* 'я не да(ва)л тебе'] и куви [*tōh'o* 'я не показываю/покажу'— *tōst'o* 'я не показываю/покажу тебе', *tōh'ate'ē* 'я не показ(ыв)ал'— *tōst'ate'ē* 'я не показ(ыв)ал тебе'].

Структурно отличаются от положительных отрицательные личные формы гонди, у которых личные показатели 1-го и 2-го лица присоединяются непосредственно к основе, а не к показателю 3-го лица: *vañkītōr* 'они говорят'— *vāñkītōrām* 'мы говорим', но *vañkōr* 'они не говорят'— *vañkōm* 'мы не говорим'.

НЕЛИЧНЫЕ ФОРМЫ

Причастие

Причастие в отрицательной форме глагола отмечено в тамильском, малайлам, каннада, кодагу, тулу, телугу, колами, парджи, гадаба, куи, куви, малто и браун.

Среди них в тамильском, каннада, парджи, гадаба и куви отрицательное причастие имеет показателем суффикс *-a*, присоединяемый к основе (на *-p* у двухосновных глаголов) в парджи и гадаба и к показателю отрицательной формы в тамильском (*-āḍ-*), каннада (*-ad-*) и куви (*-'*), например: там. *sey-* 'делать'— *seyyāḍa*; канн. *kare-* 'звать'— *kareyada*; парджи *cūr-* 'смотреть'— *cūra*, *cul p-/cult-* 'подниматься'— *cul pa*; гадаба *rip-* 'знать'— *ripa*; куви *pāu-* 'ударять'— *pāu'a*.

В древнем тамильском широко распространена, кроме того, фа-

культативная форма отрицательного причастия с нулевым показателем при отрицательном показателе *-ā-*: *kor-* 'давать'— *korā*.

В малаялам отмечены четыре отрицательных причастия: одно, не различающее форм времени (в совр. яз.), и по одному отрицательному причастию настоящего, прошедшего и будущего времени (в др. яз.). Причастие будущего времени имеет показатель *-um*, присоединяемый к отрицательному показателю *-āy-*; три другие образуются при помощи суффикса *-a*, который присоединяется к отрицательному показателю *-ātt-* у причастия, не различающего времени, и к показателям настоящего и прошедшего времени (с предшествующим отрицательным суфф. *-ā-*) в остальных случаях: *paṛa-* 'говорить'— *paṛayāttu*, *paṛayāttina*, *paṛayāṭṭa*, *paṛayāyunt*.

В кодагу и колами отрицательные причастия образуются присоединением особых показателей (соотв. *-atu* и *-e*) непосредственно к основе, например: код. *mār-* 'делать'— *māratu*, *paṛa-* 'ходить'— *paṛayatu*; кол. *tin-* 'есть'— *tine*.

Отрицательная форма причастия в браун образуется с помощью суффикса *-ōi* (ср. тот же суффикс в положительной форме), присоединяемого к морфеме *-par-*: *bis-* 'печь'— *bisparōi*.

Суффиксы отрицательного причастия в тулу (*-i*), телугу (*-ni*) и малто (*-u* в наст. вр. и *-pə* в пр. вр.) присоединяются к показателю отрицательной формы (соответственно *-and-*, *-a-*, *-omal-*): тулу *būr-* 'падать'— *būrandi*, *maḷ-/maḷp-/maḷt-* 'делать'— *maḷpandi*; тел. *ceṛp-* 'говорить'— *ceṛpani*; малто *ād-* 'выбирать'— *ādomalu*, *ādomalpe*.

Наконец, в кун, где различаются отрицательные причастия настоящего-будущего и прошедшего времени, они имеют показателем суффикс *-i*, который у причастия настоящего-будущего времени присоединяется к показателю настоящего-будущего времени *-n-*, а у причастия прошедшего времени — к показателю прошедшего времени *-t-* (с предшествующим отрицательным показателем *-'*): *tre-* 'ходить'— *tre'ani*, *tre'ati*.

Деепричастие

Отрицательное деепричастие отмечено в тамильском, малаялам, ката, каннада, кодагу, тулу, телугу, колами, парджи, конда, куви и малто.

В ката, кодагу и колами отрицательные деепричастия образуются от основы (от немаркированной основы у двухосновных глаголов) при помощи суффиксов отрицательного деепричастия (соответственно *-a*, *-atte*, *-sel*), например: ката *vit-/vity-* 'сеять'— *vilā*; код. *ore-* 'разбивать'— *oreyatte*; кол. *tin-* 'есть'— *tinsel*.

В телугу и парджи суффикс отрицательного деепричастия *-ka* присоединяется к отрицательному показателю *-a-*, например: тел. *ceṛp-* 'говорить'— *ceṛpaka*; пар. *cūr-* 'смотреть'— *cūraka*, *culp-/cult-* 'подниматься'— *culpaka*.

В малаялам, каннада и тулу отрицательное деепричастие имеет показателем суффикс *-e*, который присоединяется к отрицательному показателю (*-ā-* в мал., *-ad-* в канн. и *-and-* в тулу), например: мал. *paṛa-* 'говорить'— *paṛayāḍe*; канн. *kare-* 'звать'— *kareyāḍe*; тулу *būr-* 'падать'— *būraṇḍe*, *maḷ-/maḷp-/maḷt-* 'делать'— *maḷpande*.

В конда суффикс отрицательного деепричастия *-no* присоединяется к отрицательному показателю *-e-*, а в куви суффикс *-ahanaha* — к отрицательному показателю *-'*; ср.: конда *sol-* 'идти'— *sole-no*; куви *pāy-* 'ударять'— *pāy'ahanaha*.

В малто отрицательное деепричастие, образованное от основы при помощи суффикса *-balo*, обозначает длительное действие, а отрицательное деепричастие на *-abalo* — совершенное действие: *sikar* — 'учиться' — *sikarbalo* 'не учась', *sikarabalo* 'не выучившись'.

В древнем тамильском языке отрицательное деепричастие имеет нулевой показатель (при отрицательных показателях *-āḍ-*, *-ā-*) или суффиксы *-mal*, *-mey*, *-mē* (при отрицательном показателе *-ā-*): *naṛa* — 'ходить' — *naṛavāḍū* (*-ū* — эвфонический гласный), *naṛavā*, *naṛavāmal*, *naṛavāmey*, *naṛavāmē*.

В современном литературном тамильском употребляются лишь формы на *-Ø* и *-mal*. В разговорном языке у отрицательного деепричастия могут быть как нулевой показатель, так и суффиксы *-mē*, *-me*, а в диалекте Шри Ланка — суффикс *-mau*: *naṛa* — 'ходить' — *naṛakkāḍū*, *naṛakkā*, *naṛakkāmē*, *naṛakkāme*, *pōṛ* — 'бросать' — *pō-rātau*.

Инфинитив

Отрицательный инфинитив отмечен лишь в двух из дравидийских языков — парджи и гонди.

В парджи он образуется при помощи показателя *-kanug*, присоединяемого к отрицательному показателю *-a-*: *ver* — 'приходить' — *verakanug*, *culp* — 'подниматься' — *culpakanug*. Ср.: *am perkul tōṇḍakanug goṅḡkul tindam* 'Мы' едим⁵ пшеницу⁴, когда не достать³ рису²'.

В гонди отрицательный инфинитив образуется от основы (от немаркированной основы у двухосновных глаголов) при помощи суффиксов *-vā(hk)*, *-vakk*, например: *tin* — 'есть' — *tinṇā*, *tinṇahk*, *tainvakk*. Ср.: *nāṇā jīvā tinṇavakk aytā* 'Моя' душа² хочет⁴ не есть³' (т. е. 'моя душа не хочет есть'), *āṇā puhvā aytōṇā* 'Я' хочу³ не пахать²' (т. е. 'я не хочу пахать'), *iḍ ḍōṅḡṇḍe valivāhk* 'Не следует) плутать³ в этом¹ лесу²'.

Условное деепричастие

Отрицательные условные деепричастия имеются в малаялам, парджи, конда и куви.

В малаялам условные деепричастия имеют показатели *-āl* и *-xil*, первый из которых присоединяется к показателю прошедшего времени *-āḷ-* (с предшествующим отрицательным *-ā-*), а второй — к отрицательному показателю *-āy-*: *para* — 'говорить' — *paraṇāṇāl*, *paraṇāyūxil*.

В парджи показатели условного деепричастия *-d(ēl)*, *-koḍ* присоединяются к отрицательному показателю *-a-*: *ver* — 'приходить' — *verad(ēl)*, *verakoḍ*.

В конда и куви суффиксы условного деепричастия (соответственно *-iñ* и *-ihī*) присоединяются к показателю прошедшего времени с предшествующим отрицательным показателем: *tila* — 'бояться' — *tilayetiñ*, *pāy* — 'бить' — *pāy'atihī*.

Причастные имена

Отрицательные причастные имена встречаются в тамильском языке, малаялам, кота, каннада, тулу, телугу, парджи и малто. Образуются они аналогично положительным причастным именам (см.), с той только разницей, что показатели их присоединяются к отрицательному причастию (в тулу, телугу, парджи и малто) или к

отрицательному показателю (-āḍ- в тамильском, -ātt- в малаялам, -Ø- в ката, -ad- в каннада): там. *sey-* 'делать'— *seyyāḍavaṇ* 'тот, кто не (с)делает, не (с)делал'; совр. мал. *paṛa-* 'говорить'— *paṛayāttavaḷ* 'та, кто не говорит, не говорила'; др. мал. *paṛayāyunnavaḷ* 'та, кто не говорит', *paṛayāñṇavaḷ* 'та, кто не говорила', *paṛayāyavaḷ* 'та, кто не скажет'; ката *vit-/vity-* 'сеять'— *vitā(d)* 'то, что не сеют'; канн. *mār-* 'делать'— *māradavaṇu* 'те, кто не (с)делает, не (с)делал'; тулу *maḷ-/maḷp-/maḷt-* 'делать'— *maḷpandināye* 'тот, кто не (с)делает', 'тот, кто не (с)делал'; тел. *cepp-* 'говорить'— *ceppanivāru* 'те, кто не говорит, не говорил, не скажет'; парджи *ci-* 'давать'— *ciyayer* 'те, кто не дает, не давал, не даст'; малто *ād-* 'выбирать'— *ādomaluh* 'тот, кто не выбирает', *ādomalpeḷ* 'та, кто не выбирала'

В древнем тамильском языке кроме перечисленных употребительны также отрицательные причастные имена мужского, женского и эпиценового рода, образованные присоединением суффиксов *āṇ* (м. р.), *-āl* (ж. р.) и *-ār(xaḷ)* (эп.) к отрицательным показателям *-āḍ-* или *-Ø-*: *ari-* 'знать'— *ariyāḍāṇ*, *ariyāṇ* 'тот, кто не (у)знает, не (у)знал', *ariyāḍāl*, *āriyāl* 'та, кто не (у)знает, не (у)знала' и т. п.

У отрицательного причастного имени со значением имени действия показатель *-mey* присоединяется к отрицательному причастию на *-ā*: *sey/seux-* 'делать'— *seyyāmey*.

Глагольные имена

Отрицательные глагольные имена отмечены в малаялам, древнем телугу, куви и малто.

Суффиксы отрицательного глагольного имени *-xa* в малаялам, *-mī* в древнем телугу, *-ayī* в куви, *-e*, *-po*, *-no* в малто присоединяются либо к отрицательному показателю (*-āy-* в мал., *-a-* в тел., *-omal-* в малто), либо к показателю прошедшего времени с предшествующим отрицательным показателем (*-at-* в куви), например: мал. *paṛa-* 'говорить'— *paṛayāuxa*; др. тел. *cepp-* 'говорить'— *ceppami*; куви *pāy-* 'ударять'— *pāyālayi*; малто *ād-* 'выбирать'— *ādomale*, *ādomalpe*, *ādomalno*, ср.: *āh baromalno kajeḷ* 'dagrareniḷ' 'Вся работа пропадет даром¹ благодаря² его¹ невяке²'.

НАРЕЧИЯ

Наречия, т. е. неизменяемые слова с адвербиальным значением, отмечены почти в каждом из дравидийских языков¹⁰. Правда, число таких слов в каждом из этих языков сравнительно невелико, а структура их в большинстве случаев не оставляет сомнений в том, что это недавние новообразования. Так, например, тамильские наречия *iṅgū* 'сюда', *aṅgū* 'туда', *eṅgū* 'куда', несомненно, представляют собой формы дательного падежа (показатель *-gū* < *-kū*) от каких-то других склоняемых слов, вероятно, **im* 'нечто близкое', **am* 'нечто далекое', **em* 'что'; наречия типа *ippra*, *ipprō* 'сейчас', *appa*, *appō* 'тогда', *eppra*, *epprō* 'когда' восходят соответственно к сочетаниям существительного с частицами: *i-p-rōḻḻi*, *i-p-rōḻiḻi* 'это время' > 'в это время'; *a-p-rōḻḻi*, *a-p-rōḻiḻi* 'то время' > 'в то время'; *e-p-rōḻḻi*, *e-p-rōḻiḻi* 'какое время' > 'в какое время'; а наре-

¹⁰ Наречия, как самостоятельная часть речи, отсутствуют лишь в использованных в настоящей работе материалах М. Б. Эмено по языкам ката и коламин (Етепеау II, Етепеау III).

чие малайлам *mēlōṭṭū* 'вверх' — к сочетанию *mēl* 'верх' и *paṭṭū* — деепричастию от *paṭuxa* 'падать', 'направляться'. Многие наречия заимствованы дравидийскими языками из других языков: *saḍā* 'всегда', 'постоянно' в тамильском, *divasēna* 'ежедневно', *maddhye* '(по)среди' в малайлам, *khōb* 'очень', 'много' в курух, *maji* '(по)среди' в малто и т. п.

Относительная ограниченность количества наречий в дравидийских языках широко компенсируется в них способностью имен существительных к адвербиальному употреблению не только в форме косвенных падежей, но и в форме именительного падежа или в виде неоформленной основы, например: там. *iṇḍū* 'сегодняшний день', 'сегодня'; *dūram* 'удаленность' — *dūra* 'далеко'; канн. *modalu* 'начало', 'вначале'; код. *akka* 'то время', 'тогда'; тулу *mēlū* 'будущее', 'потом', 'после'; тел. *rēpu* 'завтрашний день', 'завтра'; бр. *kērag* 'низ', 'внизу' и т. п.

ЧАСТИЦЫ

Частицы в дравидийских языках делятся на энклитики и проклитики. К энклитикам относится соединительная частица со значением «и», «также», «даже»: *-it* в тамильском, малайлам, древнем каннада и брауи; *-t* в курух, *-unni* в телугу, *-ū* в современном каннада, *-nē* в гонди, *-ve* в куи, *-ā* в тулу. См., например: тел. *mīr-unni tammir-unni* 'вы и ваш младший брат'; куи *mī āba-ve īnu-ve ānu-ve* 'ваш отец, ты и я', *imbai-ve iskūli taṅgi vāja siḍe* 'никто (букв. даже кто) не пришел в школу'; канн. *rāman-ū kruṣṇan-ū* 'Рама и Кришна'.

Другая группа энклитик охватывает вопросительно-эмфатические частицы. Так, частица *-ā* выражает нейтральный вопрос; код. *nīru nallad-a* 'эта вода хорошая?'; тулу *undu nīli-ā* 'это правильно?'; тел. *mīru pulicinār-a* 'вы меня звали?'; кол. *amd vatten-a* 'он пришел?'. Семантически близки к этой частице *-gi* в колами, *-gina* в куи и (у) *ān* в малто. Кроме того, в некоторых языках встречаются вопросительно-утвердительные частицы (*nī-y-ē seṇḍāu* 'ведь ты это ты сделал?' в тамильском, *lēle nīn barku-yōn* 'ведь ты придешь завтра?' в малто) и вопросительно-отрицательные частицы (*nīnu hōguttiyō* 'разве ты пойдешь?' в каннада).

К проклитикам относятся четыре частицы — одна вопросительная (*e-* 'какой?', 'который?') и три указательных (*i-* 'этот', 'находящийся рядом с говорящим', *u-* 'этот', 'тот', 'находящийся на некотором удалении или рядом с лицом, к которому обращаются', *a-* 'тот', 'находящийся вдали или вне поля зрения говорящего'). Эти частицы встречались в качестве таковых лишь в древних языках. В современных языках они вытеснены из употребления указательными местоимениями, хотя большинство из них прослеживается в составе различных указательных и вопросительных слов: канн. *idu* 'это', *udu* 'это', 'то', *adu* 'то', там. *ivaṇ*, *avaṇ* 'он', *evaṇ* 'кто'.

В ряде дравидийских языков употребительны также приглагольные энклитики, выражающие различные модальные значения. Таковы, например, частицы *min* 'бы' в парджи и *ma* 'бы' в куви. Первая из них употребляется при личных формах прошедшего длительного времени, а вторая — при личных формах прошедшего времени или при условном деепричастии: *cūrriṇ* 'я смотрел' — *cūrriṇ min* 'я (по)смотрел бы', *ūasi haṣiḥe ma nānu jak'e haṣ'e ma* 'если-бы он ушел, то я тоже ушел бы'. Условные частицы *-ra* 'если' в тулу и *-te*

‘если’ в найки употребляются при личных формах настоящего или прошедшего длительного времени в тулу и будущего или прошедшего времени в найки: *maḷpuve-ra* ‘если я (с)делаю’, *maḷta-ra* ‘если ты (с)делал’, *sitan-te* ‘если я давал’, *sidan-te* ‘если он даст’. Потенциально-сослагательное значение выражает частица *-nekk’ā* в курух, где она употребляется при личных формах настоящего времени: *esdan* ‘я разбиваю’ — *esdan-nekk’ā* ‘я могу разбить’, ‘я мог бы разбить’, ‘я разбил бы’.

Особую разновидность энклитик составляют в некоторых дравидийских языках так называемые эксплетивные, или пустые, частицы, т. е. частицы, не выражающие никакого специального значения или утратившие его. См., например, *-keri(n)* в гадаба: *sūri* или *sūri-keri* ‘увидев’. Особенно богат эксплетивными частицами древний тамильский язык, где они часто служат для сохранения размера в поэзии.

Отрицательная энклитика *-mala* ‘не’ употребляется с личными формами будущего времени в малто, например: *āden-mala* ‘я не выберу’, *ādene-mala* ‘ты не выберешь’, *ādeh-mala* ‘он не выберет’ и т. п.

Специфическую особенность брауи составляют так называемые местоименные энклитики (*-ka* — в 1-м л. ед. ч., *-ne* — во 2-м л. ед. ч., *-ta* — в 3-м л. ед. ч., *-nan* — в 1-м л. мн. ч., *-nūm* — во 2-м л. мн. ч., *-tā* — в 3-м л. мн. ч.). Эти энклитики выражают прямой или косвенный объект действия (подобно аналогичным энклитикам в иранских языках) или принадлежность объекта (подобно притяжательным суффиксам в финно-угорских языках); см., например: *xalkus* ‘ты ударил’ — *xalkus-ka* ‘ты ударил меня’, *pātavēs* ‘ты не сказал’ — *pātavēs-ka* ‘ты не сказал мне’, *bāva* ‘отец’ — *bāva-ta pāre* ‘его отец’ ‘сказал’, *bāva pāre-ta* ‘отец’ ‘сказал ему’.

Кроме того, для брауи характерно регулярное употребление постпозитивного неопределенного артикля *-as(e)*, а для курух — постпозитивного определенного артикля *-(a)s* при существительных мужского рода: *bandaḡ* ‘человек’ — *bandaḡas* ‘какой-то человек’, *bandaḡase* ‘какого-то человека’, ‘какому-то человеку’; *bandaḡaseaḷ* ‘каким-то человеком’, *bandaḡasetō* ‘с каким-то человеком’ в брауи и *āl* ‘человек’ — *ālas*, *kukō* ‘мальчик’ — *kukos* в курух.

СОЮЗЫ

Союзы как самостоятельная часть речи для дравидийских языков нехарактерны. Так, в куи имеется всего один союз — *eṅga* ‘и’; в колами — два союза: *ini* ‘и’ и *ginni* ‘но’ (ср. *amd ini ān* ‘он и я’). В большинстве случаев они заимствованы из индоарийских языков; см. заимствованные из хинди *ki* ‘что’, *tō* ‘тогда’, ‘то’ в брауи и курух, *yadi* ‘если’, *par* ‘но’ в гонди, *pare* ‘но’, ‘однако’ в малто, *aga* (<*agar*) ‘если’, *taga* (<*tagar*) ‘но’ в брауи, *aṅg* ‘и’ в курух.

Немногочисленность или полное отсутствие союзов компенсируется в дравидийских языках широким употреблением различных глагольных и именных форм в функции союзных слов.

ПОСЛЕЛОГИ

Послелогии в дравидийских языках выполняют функцию, аналогичную функции предлогов в индоевропейских языках, и отличаются от них лишь местом, которое они занимают в предложении.

Подобно предложному управлению во многих других языках, в дравидийских языках получило развитие послеложное управление. Послелогии употребляются со склоняемыми словами в родительном падеже (например, в тел., найки, куи), в дательном или винительном (например, в кол.), в отложительном падеже (например, в бр.) и др. Кроме того, в некоторых дравидийских языках (например, в кол., гонди, курух) широко распространены послеложные сочетания со словами в именительном падеже: найки *ane kel* 'ко мне', *apare kel* 'к дому'; кол. *inuñ saḷḷi* 'для тебя', *bēsiñ sir* 'в четверг', *imūn veḷḷa* 'с вами'; бр. *'ulliām bā* (<'ullān + bā) 'как лошадь', 'подобно лошади'; кур. *erṣā ūlā* 'в доме'; гонди *paysāṅg micuk* 'без денег'.

Предлоги в дравидийских языках не встречаются. Единственное исключение составляют три послелога брауи (*baḡair*, *bē*, *saṇā* 'без', 'кроме'), заимствованные из персидского и сохранившие способность к нерегулярному предложному употреблению: *bēḡair kaṇā* 'иктān 'без моего приказа', но *nā māteān bēḡair* 'кроме твоего сына'.

ПОДРАЖАТЕЛЬНЫЕ СЛОВА

Слова, имитирующие звуки внешнего мира, а также служащие для передачи эмоций человека, образуют в дравидийских языках особую часть речи — подражательные слова. Наряду со звукоподражательными словами, т. е. подражаниями шумам и различным нечленораздельным звукам, к подражательным словам принадлежат также образные слова, имитирующие свойства предметов, явлений, действий и т. п. по их качественным характеристикам на основе зрительных, осязательных, обонятельных и мускульных восприятий, а также по их эмоциональной оценке говорящим. Так, например, там. *gaṇir* передает звон металла, канн. *gama* — ощущение приятного или сладкого запаха, тел. *mala-mala* — впечатление резкости, интенсивности, куи *jilijulu* — впечатление от яркой вспышки, блеска и т. п.

Подражательные слова никак не изменяются. Функциональная роль их в предложении может быть различной: они могут быть и подлежащим (изредка), и определением к имени (чаще), и обстоятельством (обычно). См., например: там. *aḷi pōḡuxiṛa* «*kuckuc*» *ciṭ kau suṇaṭṭalum vaṇḍi meyil māḍiri varuvaḍāḥar pāvaṇēy* 'Это его (ребенка) «пых-пых» (*kuckuc*) и размахивание руками изображало приближение почтового поезда'; *tīṛṛt tākkuḍal naṭṭat tīṭṭa-miṭṭirundārcaḷ* 'Они решили произвести внезапное (*tīṛṛ*) нападение'; кол. *ir magga magga vaa* '[Вода] течет медленно (*magga magga*)'; *indeḍ nīṇ ipaṭe kak vaḍi vaḍi* 'Ты сегодня испекли хлеб быстро-быстро (*vadi vadi*)'.

СЛОВА-ЭХО

Для дравидийских языков характерны возникающие в речи самостоятельные слова, представляющие собой эхо (рифмический повтор) какого-либо другого слова. Такие слова, называемые словами-эхо, заимствуют свою грамматическую форму у того слова, эхом которого они являются, и могут иметь показатели падежа, числа и рода или суффиксы, свойственные глагольным формам.

Обычно слова-эхо образуются путем изменения начального слога некоторого слова в слог *kḷ-* (*gḷ-*): там. *mēsey* 'стол' — *mēsey kṭsey*;

тогда *isy* 'крыса' — *isy xisy*; канн. *makkaḷu* 'дети' — *makkaḷu gikkaḷu*; тел. *gurrami* 'лошадь' — *gurrami girrami*; кол. *māsūr* 'люди' — *māsūr gīsūr*, *tīn* 'ешь' — *tīn gīn*. Иногда слова-эхо образуются изменением начального слога в какой-нибудь другой слог, не содержащий *k-* или *g-*: там. *koñjam* 'немного' — *koñjam nañjam*; кол. *kūṭel* 'коровы' — *kūṭel mūṭel*, *bāla* 'ребенок' — *bāla sūla*; найки *pāy* 'хлеб' — *pāy mūy*, *apar* 'дом' — *apar mīpar*; бр. *'it* 'разговор' — *'it mīt*.

Слова-эхо самостоятельным лексическим значением не обладают и не употребляются без тех слов, эхом которых они являются. Последним слова-эхо придают оттенки неопределенности и (или) пренебрежительности; см. в тамильском: *payttiyaṁ* 'сумасшествие' — *payttiyaṁ kiyyttiyaṁ* 'какое-то сумасшествие', *pasikkiraḍu* 'хочется есть' — *pasikkiraḍu kisikkiraḍu* 'что-то есть хочется', *ippo* 'сейчас' — *ippo kippo* 'то и дело' и т. п.

Хотя в каждом отдельном случае слова-эхо имеют определенную грамматическую форму (например, *kiyyttiyaṁ* имеет форму им. пад. ед. ч. сущ., *kisikkiraḍu* — форму 3-го л. ед. ч. ср. р. наст. вр. гл.), они не в состоянии изменяться по всей парадигме вне зависимости от слова, эхом которого они являются, и практически являются неизменяемыми словами. От всех прочих слов слова-эхо отличаются отсутствием корня (или наличием одного общего корня, что, впрочем, одно и то же) и потому не обладают самостоятельным лексическим значением, носителем которого является корень слова.

МЕЖДОМЕТИЯ

Междометия в дравидийских языках служат для привлечения внимания лица, к которому обращаются (*yē*, *rō*, *rē* в гонди. *o* в малто, *ē*, *anē* в курух, *gi*, *gī* в кол., *ō*, *ōri*, *ōsi* в тел., *aḍe* в куи, *ḍēu*, *aṛā*, *ari* в там. и др.), или для выражения различных эмоций говорящего (*auuō* 'увы' в там., мал., канн., тел., *auuo* 'увы' в тулу, *auui* 'увы' в малто, *cī* 'фи', 'фу' в там., мал., канн., код., тулу, тел., *ōxō*, *ōhō* 'да ну, не может быть' в там., канн., тулу, тел., *śābās* 'браво' в бр. и т. п.).

Многие междометия образованы от знаменательных слов (ср. *iō* 'вот', *aḍō* 'вон' в там., *abbā* 'батюшки' в тел., *abba-re* 'батюшки' в малто, *auuappa* 'батюшки' в тулу) или заимствованы из других языков (*va'vā* 'эй' в бр.).

СИНТАКСИС

Общие черты синтаксической структуры предложений в дравидийских языках обнаруживают большое сходство, что, разумеется, не исключает наличия некоторых частных особенностей в отдельных языках. К сожалению, слабая изученность и фрагментарность имеющихся описаний ряда мелких языков не всегда позволяет судить о наличии или отсутствии той или иной черты в синтаксисе данного языка. В целом синтаксис дравидийских языков различает простые и сложные предложения, в том числе сложносочиненные и сложноподчиненные.

ПОДЛЕЖАЩЕЕ

Подлежащее в дравидийских языках может быть выражено:

1) существительным в именительном падеже: *mīn nīr are tīrra-ta* 'Рыба¹ выпрыгнула⁴ из³ воды²' в парджи;

2) числительным в именительном падеже: *nālugu nāluguḷu, pa-dahāru* 'Четырежды¹ четыре²—шестнадцать³' в телугу;

3) местоимением в именительном падеже, например: *ālū maṛi-kēriṇḍū battaḷū* 'Она¹ приехала³ из Меркары²' в тулу;

4) личным именем в именительном падеже: *īru roateru veska pēskaḷu* 'Пусть⁴ один² из вас¹ наколет⁴ дров³' в куи;

5) причастным именем в именительном падеже: *ēn tūde piṇnen urarken* 'Я¹ был ранен⁴, когда убивал (букв. убивающий я)³ тигра²' в малто;

6) глагольным именем в именительном падеже: *agga handānā varitātōnā* 'Я боюсь³ идти² туда¹' в гонди; *pillalni koḷḷaram cālā porabātu* 'Бить² детей¹—большая³ ошибка⁴' в телугу;

7) инфинитивом: *pāṭe bāriṇḍuṇṇaṭ* 'Мы не умеем (букв. не знаем)³ петь² песни¹' в гадаба;

8) подражательным словом: *aḍḍi pōṇuxiṛa* «kuckuc» *cuṭ kaṇ su-zattalum vaṇḍi meyil māḍiri varuvaḍāḥaṭ pāvaveu* 'Это его (букв. издаваемое ребенком)¹⁻² «пых-пых»³ и размахивание руками⁴ изображало ⁸⁻⁹ приближение почтового поезда⁶⁻⁷' в тамильском;

9) словом-эхо: *iṅḡe kucciyut illey, kicciyut illey* 'Здесь¹ нет³ ни² палки², ни⁵ чего-нибудь такого, что было бы на нее похоже⁴' в тамильском.

СКАЗУЕМОЕ

Сказуемое, выраженное одним словом, является простым сказуемым. Простое сказуемое может быть глагольным, т. е. выраженным какой-либо предикативной формой глагола, и именным, т. е. выраженным предикативной формой имени. Сложное сказуемое выражается двумя или несколькими словами. При этом сложное глагольное сказуемое состоит из сочетания глагольных форм, а сложное глагольно-именное сказуемое — из сочетания глагольных и именных форм.

Простое глагольное сказуемое

Простое глагольное сказуемое в дравидийских языках может быть выражено:

1) личной формой глагола: *eaṇḍu nāṅgi sahtateṇḍu* 'Он¹ меня² поколотил³' в куи; *nīv ūṇiṇṇ sennemeka* 'Ты¹ не ходи³ в деревню²' в колами; *tintumir aṇṇi vērka cājutumir* 'Давайте есть¹ и веселиться²⁻⁴' в парджи; *vāna baḍṭe, mī illu kāṇṇu* 'Если пойдет² дождь¹, ваш³ дом⁴, возможно, будет пропускать воду⁵' в телугу; *eḷḷavarum satyam paṇaṇṇaṭ* 'Все¹ должны говорить³ правду²' в малаялам;

2) инфинитивом: *nāṇ evva seyuṇṇa?* 'Что² мне¹ делать³?' в тамильском;

3) причастным именем: *īru iḍu tīni dēspi manateru* 'Вы¹ строите (букв. те, кто строит)⁴⁻⁵ дом²⁻³' в куи;

4) супином: *uṇṇ vāḍiṇṇaḷum paṇṇaṇṇ vāḍiṇṇa* 'Пусть живет⁴ Паннан³ столько же, сколько буду жить² я¹' в тамильском;

5) глагольным именем: *ōftā tavār kanniṅṅ, nana urānā pe'ing* '[В тот момент, когда] они' подняли³ крик², мы¹ вошли⁶ в дом⁵ в браун;

6) условным деепричастием: *avaḷ veḷiye taleṇ nīṭṭiṇāl tāṇē!* 'О если бы⁴ только⁵ она¹ выглянула (букв. высунула голову)³⁻⁴ наружу²!' в тамильском.

Простое именное сказуемое

Простое именное сказуемое может быть выражено:

1) существительным в именительном падеже: *ā sīre haḷdi baṇṇa* 'То' сари² желтого³ цвета⁴ в каннада;

2) числительным в именительном падеже: *paḍiṇṇēṇṇu paṇṇiraṇḍu iruṇṇiṭṭunali* 'Семнадцать' [помножить] на двенадцать³ [будет] двести четыре² в тамильском;

3) местоимением в именительном падеже: *avani yāru?* 'Кто² он?' в каннада;

4) личным именем в именительном падеже: *koitōr bātōriḷ?* '[К] какой разновидности² гондов' вы² [относитесь]?' в гонди;

5) наречием: *mī ill ekkara?* 'Где³ ваш' дом²?' в телугу.

Сложное глагольное сказуемое

Одним из наиболее обычных типов сложного глагольного сказуемого в дравидийских языках являются сочетания инфинитива с формами глаголов со значением «начинать(ся)», «кончать(ся)», «собираться», «хотеть», «мочь», «заставлять», «испытывать» и т. п., например: там. *kuzandey aza ārambittāḍu* 'Ребенок' начал³ плакать²; канн. *nīnu hōga beku* 'Ты' должен³ уйти²; тел. *nīvu cāda-va galavā?* 'Умеешь ли (букв. можешь ли)³ ты' читать²?'; там. *ti-runtirē pūsar paṭṭeṇ* 'Меня натерли священным пеплом' (букв. '[я] испытал³ натирание²').

Другой весьма распространенный тип сложного глагольного сказуемого представлен сочетаниями деепричастия с личными формами глаголов со значением «быть», «братъ», «приходить», «оставлять», «бросать», «класть», «уходить» и некоторых других. Как и в сочетаниях с инфинитивом, семантическое значение всей конструкции определяется характером ее компонентов. Так, сочетания деепричастия с формами глагола «быть» обычно служат для выражения длительного или совершенного характера действия, например: код. *māṇiyanḍ-i-ṇṇe* 'я делаю' (букв. 'я делаю есмь'); *māṇiyanḍ-iṇṇe* 'я делал' (букв. 'я делаю был'); *māṇiyanḍ-iṇṇi* 'я буду делать' (букв. 'я делаю буду'); *māṇit-uḷḷiya* 'ты сделал' (букв. 'ты сделав еси'); *māṇitt-iṇṇe* 'я сделал' (букв. 'я сделав был'); *māṇitu iṇṇi* 'я сделаю' (букв. 'я сделав буду') или куви *tōssi-ma'i* 'я показываю' (букв. 'я показывая есмь'); *tōssi-macc'e* 'я показывал' (букв. 'я показывая был'); *tōssa-ma'i* 'я показал' (букв. 'я показав есмь'); *tōssa-macc'e* 'я показал' (букв. 'я показав был'); тел. *iṇṇiṇṇi mīr ēn jēst unnāru* 'что³ вы² сейчас' делаете⁴⁻⁵ (букв. 'делаю есте').

Сочетания деепричастия с формами глагола «братъ» обычно служат либо для выражения длительного (часто возвратного) действия, либо для выражения совершенного действия с соответствующей семантике-второго компонента пространственной направленностью в сторону говорящего, например: канн. *i maradalli pakṣi*

gaḷu tamage gūḍugaḷanni kaḷḷikoṇṭavu 'На этом¹ дереве² птицы³ свили (букв. построив взяли)⁶ себе⁴ гнезда⁵ или мал. *avan ī pustakam vāyiccūkoḷḷunni* 'Он¹ читает (букв. читая берет)⁴ эту² книгу³ про себя⁵'. Сочетания с остальными глаголами большей частью выражают совершенность действия с какой-либо дополнительной семантической характеристикой, соответствующей значению второго компонента конструкции: бр. *kask 'inā* 'он умер' (букв. 'умерев ушел'); там. *nāṇ avalukkuṇṇu oru kaṇḍāsi eṇṇiṇṇu pōṭṭēṇ* 'Я¹ взял да и написал (букв. написав бросил)⁵⁻⁶ ей² письмо³⁻⁴'.

Кроме того, в различных языках встречаются многие другие типы сложного глагольного сказуемого, подробное рассмотрение которых здесь не представляется необходимым и возможным. Обычно среди них наиболее характерны сочетания инфинитива, супина, причастного или глагольного имени с личными формами глаголов «быть», «не быть», «становиться», например: там. *avar avaleṇṇu pārkkaṇṇu* 'Он¹ ее² не видел³' (букв. 'он ее видеть нет'); тулу *yāṇi pōvere uḷḷe* 'Я¹ [сейчас] ухожу²⁻³' (букв. 'я' есмь³ чтобы уйти²'); канн. *nānu ninnanni karedud illa* 'Я¹ тебя² не звал³' (букв. 'я тебя то что звал нет'); ā *citravi ī rātri tōrisal āguvudu* 'Эта¹ картина² будет⁶ показана⁵ сегодня вечером³⁻⁴' (букв. 'этой картины показ состоится').

Сложное глагольно-именное сказуемое

Наиболее распространенный тип сложного глагольно-именного сказуемого представлен в дравидийских языках сочетанием существительного, числительного, местоимения или личного имени в именительном падеже с личной формой глагола со значением «делать(ся)», «быть»: тел. *mēm baḷḷō paṇ jēstam* 'я работаю учителем' (букв. 'мы¹ делаем⁴ работу³ в школе²'); бр. *dā bandaḡ dēr e?* 'Кто³ (есть⁴) этот¹ человек²?'; гонди *anā bātmānā āndan* Я¹ (есмь³) брахман².

СОГЛАСОВАНИЕ ПОДЛЕЖАЩЕГО И СКАЗУЕМОГО

Сказуемое согласуется с подлежащим в категориях числа, рода и лица (в зависимости от характера этих категорий в данном языке и в зависимости от характера подлежащего и сказуемого в каждом конкретном случае) или формально никак не согласуется с ним.

Согласование в числе, роде и лице происходит в тех случаях, когда подлежащее различает эти категории, а сказуемое выражено глагольной формой 3-го лица или каким-либо другим словом, также различающим эти категории, например: парджи *ōr pāṭa pāḍ pāḍi verrir* 'Они¹ шли⁵, распевая³⁻⁴ песню²'.

Согласование в числе и лице происходит в тех случаях, когда подлежащее и сказуемое различают число и лицо, но не различают (или хотя бы одно из них не различает) рода: куи *ānu mīṅgi meḥpa taṅgi vāte* 'Я¹ пришел⁵, чтобы⁴ повидать³ вас²'.

Согласование в числе и роде происходит в тех случаях, когда подлежащее и сказуемое различают число и род, но не различают (или хотя бы одно из них не различает) лицо: тел. *mī snēhitul ēt bhāṣa māṭṭāḍṭ unnāru?* 'На каком³ языке⁴ говорит⁵⁻⁶ ваш¹ друг²'.

Согласование в числе происходит в тех случаях, когда подлежащее и сказуемое различают число, но не различают (или хотя

бы одно из них не различает) лица и рода: там. *indar paṇaxil pa-lar irundom* '[Нас] было⁴ много³ в этой¹ лодке²'].

При наличии двух или более подлежащих, различающих род, при одном сказуемом последнее выступает во множественном числе, согласуясь в роде с подлежащими: тулу *ammelā magelā batterū* 'Отец¹ и сын² пришли'.

При наличии при одном сказуемом двух или более подлежащих, различающих лицо, последнее выступает во множественном числе, согласуясь в лице с тем из подлежащих, лицо которого «выше»: там. *nīyut aṇaṇit pōyīṇṭr* 'Ты¹ и он² ушли³'; тулу *yānūlā ilā batta* 'Я¹ и ты² пришли³'.

Согласования подлежащего и сказуемого не происходит, если они не различают (или хотя бы одно из них не различает) ни числа, ни лица, ни рода или если среди различаемых ими категорий нет общих: мал. *nī i aḷe ariyinnivō?* 'Разве ты¹ знаешь⁴ этого¹ человека³?'.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Определение в дравидийских языках может быть выражено:

1) прилагательным: *pīṇā 'ullī* 'белая¹ лошадь²' в брауи;

2) причастием (в том числе причастием с относящимися к нему словами): канн. (*nānu*) *barēda kāgadu* 'написанное² (мною)¹ письмо³'; тулу *kattale uppi kōṇe* 'темная (букв. являющаяся чем-то темным)¹⁻² комната³', *gati dānti naramāni* 'беспомощный (букв. не имеющий выхода)¹⁻² человек³'; там. *mēuvaṭṭak āṇa nilam* 'пастбищная (букв. для пастбы ставшая)¹⁻² земля³';

3) указательным, вопросительным, притяжательным, определительным или неопределенным местоимением: куи *ō kōḍi* 'та¹ корова²', *aṇi iḍi* 'какой¹ дом²'; там. *ivaṇaḍi pēṇjāḍi* 'его¹ жена²'; *iṇṇa kāraṇam* 'такая¹ причина²';

4) числительным: кол. *dā māsur* 'десять¹ человек²';

5) именем существительным (или каким-либо другим склоняемым словом) в родительном или именительном падеже: канн. *himada pradēṣavi* 'страна² снегов¹'; кур. *xēsō kicri* 'красная (букв. краснота)¹ ткань²'; тел. *nī tamtiṇi* 'твой¹ младший брат²'; канн. *uṇal samayam* 'время² обедать¹';

6) инфинитивом: там. *vāṇa urimey* 'право² жить¹', *varak kāraṇam* 'причина² для прихода¹ (букв. прийти)';

7) подражательным словом или словом-эхо: там. *tiṇṇiṭ tākkūḍal* 'внезапное¹ нападение²', *kūli vēley kīli vēley* 'поденная¹ или какая-нибудь другая подобная³ работа²⁻⁴'.

ДОПОЛНЕНИЕ

Прямое дополнение в дравидийских языках может быть выражено существительным или каким-либо другим склоняемым словом (числительным, местоимением, личным, причастным, глагольным именем) в форме винительного, объектного или именительного падежа, а также подражательным словом или словом-эхо. При этом выбор формы прямого дополнения определяется идиоматикой языка. Общей тенденцией для большинства дравидийских языков здесь следует считать употребление дополнений, выраженных словами, обозначающими людей, а также определенные неодушевленные объекты и животных, в винительном (объектном) падеже и до-

полнений, обозначающих неопределенные неодушевленные объекты и животных, — в именительном падеже: кун *tañji tāra mṛienii sah-teñju* 'Отец¹ поколотил⁴ своего² сына³'; тел. *nēnu kūra-gāylu māram tiñṭānu* 'Я¹ ем⁴ только³ овощи²'.

Весьма распространены в дравидийских языках конструкции с двумя прямыми дополнениями при одном глаголе: там. *nīyē nēril ellāvaṭṭeyuut aṇaṇeyk kēḷ* 'Ты¹ обо всем этом³ спроси⁵ его⁴ лично²'.

Косвенное дополнение может быть выражено существительным или каким-либо другим склоняемым словом в форме дательного, объектного, инструментального, инструментально-отложительного, инструментально-местного или комитативного падежа, например: бр. *sētaki kacṭāy akāna* 'На зиму¹ мы отправляемся³ в Каччи²'; *kane irā xarās arē* 'У меня¹ есть⁴ два² быка³'; гонди *ōl marstē jitul* 'Он¹ ударил³ топором²'; кун *taḍisaka maruskaṅge sasu* 'Мать¹ ушла³ со [своими] дочерьми²'.

В ряде дравидийских языков широко распространены косвенные дополнения с послелогами: тел. *vāri tō miku pariceyam undā?* 'Вы³ знакомы⁴⁻⁵ с² ним¹?'. Кроме того, весьма употребительны косвенные дополнения, выраженные сочетанием существительного или другого склоняемого слова с именной или глагольной формой, выступающей в значении послелога: там. *eṇṇeyr paṭṭik kavaleupparāḍe* 'Обо² мне¹ (букв. меня¹ схватив²) не беспокойся³'.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВО

В дравидийских языках различаются обстоятельства образа действия, обстоятельства степени признака, обстоятельства места, времени, причины, цели и условия.

Обстоятельство образа действия

Обстоятельство образа действия может быть выражено:

1) наречием: кун *īru isiṅgi jōri grāteru?* 'Каким образом² вы¹ перебрались⁴ через реку³?';

2) деепричастием или деепричастным оборотом: гонди *ōl tiñjōrē tākandul* 'Он¹ шел³, [что-то] пережевывая²';

3) инфинитивом или инфинитивным оборотом: там. *avaṇ viyappil kaṇṇey aḥala virittūp pārttāṇ* 'Он¹ смотрел⁶, широко⁴ раскрыв⁵ от удивления² глаза³';

4) подражательным словом: кол. *īr magga magga vaa* 'Вода¹ течет⁴ еле-эле²⁻³';

5) существительным или каким-либо другим склоняемым словом в именительном, дательном, инструментальном или комитативном падеже: там. *māley avaḷ paṇaṇam sellap pōxirāḷ* 'Вечером (букв. вечер)¹ она² собиралась⁵ уехать³⁻⁴'; мал. *avaḷ āṣāyōḍe kavara poṭṭis-si* 'Она¹ с надеждой² разорвала⁴ конверт³';

6) сочетанием причастия, существительного или другого склоняемого слова с послелогом или какой-либо формой, выступающей в функции послелога: там. *avar sonna βari seyuṇ* 'Я сделаю¹ [так], как³ он¹ сказал²'; кун *ē laveñju bikali ṭai ejiteñju* 'Тот¹ молодой человек² печально³⁻⁴ (букв. с⁴ печалью³) отвернулся⁵'.

Обстоятельство степени признака может характеризовать данный признак как выраженный в большей или меньшей степени безотносительно к степени его выражения в других случаях; оно может также характеризовать этот признак как наличествующий в большей или меньшей степени, чем в каком-либо другом случае или во всех других случаях.

Наличие большой или небольшой степени признака безотносительно к степени его выражения в других случаях выражается наречием степени, а также именной или глагольной формой, имеющей соответствующее лексическое значение и выступающей в адвербиальной функции, например: кол. *bhāi* 'очень', *jāsti* 'более'; там. *romba* 'много', 'очень'; *saṭṭū* 'немного', 'чуть-чуть'.

Обстоятельство степени признака, наличествующего в большей (или меньшей) степени, чем в каком-либо другом случае или во всех других случаях, может быть выражено следующим образом:

1) слово, выражающее признак, определяется наречием или наречным словом со значением «еще больше», «еще меньше», «больше всего», «меньше всего»: там. *avaṇṇi piṇṇim vḥamaṭa oṇiṇṇa* 'Он¹ побегал⁴ еще² быстрее³';

2) слово, с которым производится сравнение, выступает в форме местного падежа: малто *sardareh majyente beḍoh* 'Сардар¹ выше² деревенского старосты³'; код. *i poṇṇāṭuṭi ava nallava* 'Она³ лучшая⁴ из (букв. среди)² этих¹ женщин²';

3) слово, с которым производится сравнение, выступает в форме инструментально-отложительного падежа: кур. *nīn eṅganti san-nt talḍai* 'Ты¹ (есть)⁴ меньше³ меня²'; тулу *i paramānyarūdū ā paramāni mallāye* 'Тот³ человек⁴ больше⁵ этого¹ человека²';

4) слово, с которым производится сравнение, выступает в форме дательного падежа (иногда с послелогами): тулу *uena kuduregū nina kudure malle* 'Твоя³ лошадь⁴ больше⁵ моей¹ лошади²'; код. *uera kudrek iṇṇi nīra kudre balyadu* 'Твоя⁴ лошадь⁵ больше⁶, чем¹ моя¹ лошадь²';

5) слово, с которым производится сравнение, оформляется послелогом: тел. *nīlla kaṇṭe pālu māṇcivi* 'Молоко³ лучше⁴, чем² вода¹'.

Обстоятельство места

Обстоятельство места может быть выражено:

1) наречием: канн. *avani ellī hōgivaṇi?* 'Куда² он¹ пойдет³?';

2) существительным или другим склоняемым словом в форме местного, отложительного, отложительно-местного, инструментально-отложительного, инструментально-местного, направительного, адессивного, предельного, дательного, объектного или именительного падежа (иногда в сочетании с частицами, послелогами и другими словами): бр. *kaṇā śa'raṭi tūlik* 'Он живет³ в² моей¹ деревне²'; *tēnā uragān pēś tammā* 'Он вышел³⁻⁴ из² своего¹ дома²'; *ōde ḍagā-rāy biṭeṭ* 'Я бросил³ его¹ на землю²'; *kure 'andā dūnisk xanōs* 'Ты, возможно, найдешь⁴ стадо¹ у³ того² колодца³'; *dākā mastuṅgiskā śāzda kō* 'Отсюда¹ до Мастунга² [расстояние в] шестнадцать³ косов⁴'; парджи *ōd mērti urked* 'Он¹ упал³ с дерева²'; тулу *kāyī taroṇḍu būriṇḍu* 'Плод¹ падает³ с дерева²'; *tudekuṭu karalūgū roṇḍu* 'Реки¹ текут³ к морю²'; там. *viṇṇu tirumbiṇṇa* 'Я вернулся³ домой¹'.

Обстоятельство времени

Обстоятельство времени может быть выражено:

1) наречием: там. *ippiniyē seuxa aḡaviṇṇu* 'Твори² добрые дела³ теперь же¹';

2) именем существительным или другим склоняемым словом в форме местного, отложительного, отложительно-местного, инструментально-отложительного, инструментально-местного, предельного, дательного, комитативного или именительного падежа (иногда в сочетании с частицами, послелогом и другими словами): тулу *ā dinoṭi āye saytū pōye* 'В² тот¹ день² он³ умер⁴⁻⁵'; бр. *dēān 'inār* 'Днем¹ они ушли²'; *irā sāliskā ō ja'ān suritau* 'Два¹ года² (букв. до двух лет) он³ не трогался⁵ с места⁴'; *sētaki kacciāy akāna* 'На зиму (букв. к зиме)¹ мы откочевываем³ к Каччи²'; *śamato bareva* 'Я приду² вечером¹'; там. *iḡḡōrū inda avamāṇam tīrṇḍū viṇum* 'С сегодняшнего дня (букв. с сегодняшним днем)¹ этому² позорному положению³ будет положен конец⁴⁻⁵'; канн. *ivr yerad divsa ill irtāre* 'Они¹ пробудут⁵ здесь⁴ два² дня³'; *bahla varṣāinda beṅḡlūrnal profesar āḡ idḍāre* 'Он⁵⁻⁶ уже много¹ лет² является⁵⁻⁶ профессором⁴ в Бенгалуре³';

3) абсолютным деепричастным, инфинитивным или глагольно-именным оборотом: там. *poṇḍiṇi māṅgi vechi nēram āxi viṭṭaḍi* 'Прошло уже⁵⁻⁶ много³ времени⁴, как стемнело¹⁻² (букв. 'солнце' померкнув², много³ времени⁴ прошло⁵⁻⁶); *tirumaṇam tiriya iḡḡum ori māṇiṇēram iruṇḍaḍi* 'До завершения² свадебного обряда¹ (букв. 'свадьба' завершиться²) оставался⁶ еще³ один⁵ час⁵'; канн. *avaru mātanāralu nāvu maneyanni sēridevu* 'Пока² они¹ разговаривали², мы³ вошли⁵ в дом⁴'.

Обстоятельство цели

Обстоятельство цели может быть выражено:

1) наречием: там. *ēṇ vandāy?* 'Ты² зачем¹ пришел^{2?}';

2) супином: мал. *avan enne kaṇṭān vaṇṇi* 'Он¹ пришел⁴, чтобы повидать³ меня²';

3) инфинитивом (иногда с относящимися к нему словами): пард-жи *ōd vercil kōu cended* 'Он² пошел⁴, чтобы убрать³ урожай риса²';

4) причастным или глагольным именем в форме дательного падежа или в сочетании с послелогом: там. *aḍil eṇṇa irukkiḡaḍi* *baṇṇarṇiṇvaḍaṭkū?* 'Что² есть³ в нем¹ [такого], чтобы [его] бояться^{4?}'; *avan pēṣiḍaṭkū aṇṇekkarpaṭṭāṇ* 'Его¹ пригласили² (букв. он был приглашен) выступать²'; кун *kūḍiṅga viṇṇa tiṅgi klai taḥpi māṇṇi* 'Он очищает⁴⁻⁵ ток³, для того чтобы³ молотить² рис¹';

5) сочетанием причастия с послелогом, наречием или именной формой в адвербиальной функции; канн. *ā kelasavanni māṇiṇ-ante bandani* 'Он пришел⁴, чтобы сделать³ эту¹ работу²';

6) отрицательным деепричастием: там. *uyirukku evviḍa aḡattum vaḡaḍi kātṭaruṇvāyāḥa* 'Оберегай [его]³, чтобы⁴ никакая² опасность³ не чгрожала (букв. не пришла)⁴ [его] жизни¹'.

Обстоятельство причины

Обстоятельство причины может быть выражено:

1) наречием: там. *nī ēṇ aṇṇiḡaḍi?* 'Почему² ты¹ плачешь^{3?}';

2) существительным или каким-либо другим склоняемым словом

в форме инструментального, инструментально-отложительного или инструментально-местного падежа, а также сочетанием такого слова с соответствующим послелогом: мал. *iraviṇḍe kaḷḷu kuṛikkun-naḍiṇāl niṇṇaḷ oṟukkam naṣiccu pōxum* 'Из-за того что [вы]³ постоянно¹ пьете³ водку², вы⁴ в конце концов⁵ погибнете⁵⁻⁷;

3) абсолютным деепричастным, инфинитивным или глагольным оборотом: там. *pāñjāli sirittūt tāṇ bāraḍappōṛ vandaḍū* 'Только³ из-за того что засмеялась² Драупади' (букв. Драупади засмеявшись), началась⁵ война бхаратов⁴; канн. *maḷe baralu hoḷe heccitu* 'Уровень воды³ повысился⁴, так как начались² дожди⁵;

4) сочетанием причастия с послелогом, наречием или именной формой в адвербиальной функции: куи *pīju neginaṅga vā'at-aki kuḍi plahaṅga gule sātu* 'Ростки⁵ риса⁴ засохли⁶⁻⁷, из-за того что не было (букв. так как не шел)³ хорошего² дождя¹'

Обстоятельство условия

Обстоятельство условия может быть выражено условным деепричастием (в том числе условным деепричастным оборотом) или сочетанием условного деепричастия с деепричастием, например: там. *pāḍaḥaḷ jeuṇavareyuk kaṇḍāl nām bayāṅgōḷḷal āḥaḍū* 'Нам¹ не следует⁶ пугаться⁵, если [мы] видим³ людей, совершающих² дурные поступки¹'; парджи *ām gereti veraḍ kōcin cūroma min* 'Если бы¹ мы¹ не пошли³ в город², [то] не увидели⁵ бы⁶ раджу¹'.

ОДНОРОДНЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Однородные члены предложения в дравидийских языках могут объединяться:

1) интонацией (без помощи каких-либо слов): там. *avaḷ tōḷḷatṭey, avaḷ saundaryatṭey varṇikkac colxiṛiṛḥaḷā?* 'Вы просите⁶ описать⁶ ее¹ внешность², ее³ красоту²?'; *epakkū eṇḍaṇ parikkal teriyaḍū* 'Я¹ не умею⁴ [ни] писать², [ни] читать³;

2) при помощи частиц, союзов и союзных слов: тулу *pṛiti-lā daya-lā āya svabhāva* 'Любовь [к людям]¹ и доброта² [в] его³ характере⁴'; *kāṇḍe āvaṛiḷ bayu āvaṛiḷ barpe* 'Я приду⁵ либо¹ утром¹, либо⁴ вечером³'; куи *īnu eṅga nī ambesa vīe vāderu gina ā'e?* 'Придете [ли]⁶ ты¹ и² твой³ брат⁴ завтра⁵ или⁷ нет⁸?;

3) при помощи обобщающих слов, в качестве которых чаще всего выступают местоимения, числительные или причастные имена: там. *āḍi neruṅga neruṅga, kuḍirey, oṭṭaxam, uḍey ivatṭin kūṭṭam eṇḍū aṛindāṇ* 'По мере²⁻³ его¹ приближения²⁻³ он увидел¹⁰, что⁹ [перед ним] скопление⁸ лошадей⁴, верблюдов⁵ и слонов⁶' (букв. '...лошадь, верблюд, слон — этих скопление'); *vēyil, maṇey, kuḷir, paṇi, paṇuvamāṭṭaṅgaḷ oṇḍum avaḷeyu pāṇippraḍilleu* '[Ни] зной¹, [ни] дождь², [ни] холод³, [ни] роса⁴, [ни] смена времен года⁵ — ничто (букв. ни одно)⁶ не оказывало⁸ на нее⁷ своего влияния⁸'; *eṇṇa iyalā-ḍa kuḍireyḥaḷ oṭṭaḥaṅgaḷ, riṣaḍaṅgaḷ, raḍaṅgaḷ, vaṇḍiḥaḷ āḍiyavey eṇṇeṅṅum kāṇappaṭṭaṇa* 'Повсюду⁹ виднелись¹⁰ бесчисленные¹⁻² лошади³, верблюды⁴, ослы⁵, фургоны⁶ и телеги⁷' -(букв. 'виднелись¹⁰ те, что являлись⁸ лошадьми³, верблюдами⁴, ослами⁵, фургонами⁶ и телегами⁷)).

Порядок слов в распространенном предложении обычно характеризуется в дравидийских языках следующими чертами:

- а) подлежащее предшествует сказуемому;
- б) сказуемое стоит в конце предложения;
- в) дополнение стоит непосредственно перед сказуемым (при наличии прямого и косвенного дополнений прямое дополнение стоит ближе к сказуемому);
- г) определение стоит непосредственно перед определяемым словом;
- д) обстоятельства времени и места стоят в начале предложения впереди или после подлежащего; другие обстоятельства предшествуют тем словам, к которым они относятся.

В эмоционально окрашенной речи, особенно в разговорном языке и в языке поэзии, возможны отступления от этого порядка слов, часто весьма значительные.

СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

СЛОЖНОСОЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

В дравидийских языках весьма распространены бессоюзные сложносочиненные предложения, например: тулу *sūrya prakāśa koruṇḍu*, *ayta raviṭu bhūmida mittu būruṇḍu* 'Солнце' излучает³ свет², [и] его⁴ лучи⁵ падают⁸ на⁷ землю⁶; там. *nāṇ unakkū oru peṇ pārtti-rukkiṇṇ*, *inda vārattil kaliyāṇam murittu vīḷalām* 'Я' нашел⁵ для тебя² невесту³⁻⁴, [и] на⁷ этой⁶ неделе⁷ можно будет¹⁰ справить⁹ свадьбу⁸.

В качестве средств связи частей сложносочиненного предложения в дравидийских языках широко употребляются союзы, частицы и различные союзные слова, в функции которых выступают некоторые именные и неличноглагольные формы, например: тел. *vāḷḷaki kaḷḷa mundu anēkam farugutuntayi*, *kāni avi vāriki teliyavu* 'Перед³ их¹ глазами² многое⁴ происходит⁵, но⁶ им⁸ это⁷ непонятно⁹'; тулу *anēkereḡu yedde upāya gontuṇḍu*, *aṇḍalā avenu naṇarupiyere ākuleḡu sāmārthya ijjī* 'Многим¹ доступны⁴ достойные² средства³, но⁵ они⁸ не¹⁰ умеют⁹ использовать⁷ их⁶'.

СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Обычно в сложноподчиненных предложениях придаточное предложение связывается с главным при помощи союзов, союзных слов (чаще всего неличных форм глагола), частиц или/и соотносительной пары из какого-либо указательного слова (в главном предложении) и соответствующего ему вопросительного слова (в придаточном предложении), например: тел. *ataṇṇi baṇiki alasyamḡa vac-cēṇṇi gāṇuka śikṣiṇcēṇṇi* 'Я наказал⁶ [его], так как⁵ он¹ опоздал (букв. поздно пришел)³⁻⁴ в школу²'; там. *aṇṇikki conṇē-y-e ande kaḷḇe sollū pāṭṭi* 'Бабушка⁶, расскажи⁵ ту³ сказку⁴, которую ты² тогда¹ рассказывала²'; тел. *mt-lō ā paṇi yevaṇṇi bāḡā cēstarō vāṇiki paḍi rūpāyali istānu* 'Я дам¹⁰ десять⁸ рупий⁹ тому⁷ из вас¹, кто⁴ хорошо⁵ сделает⁶ эту² работу³'; кун *iṇṇi dāḷa gaṭaṭi iṇṇi āṇi piṇṇi māṇṇi* 'Мы⁵ знаем⁶⁻⁷, что (букв. сказав)⁴ ты¹ сильный² человек³'; тулу *eṇṇi-pāra maḷuve-nā āye ayta phala tinuṇṇbe* 'Кто¹ делает³

грехи², тот⁴ вкусит⁷ их⁵ плодов⁶; *appe amme eñjitti-n-ākuḷ-ā añjitti-n-ākuḷu bāleḷu* 'Каковы³ родители (букв. отец, мать)¹⁻², таковы⁴ [и] дети⁵'; мал. *seuyēṇam eṇṇi nāṇ divasandōrum kalpiḱkunn eṇḱilum nī aḱṇ orikkalum nappāyī seuyunn illa* 'Хотя (букв. если и сказать)⁶ я³ каждый день⁴ заставляю⁵ [тебя] делать (букв. делать должен сказав)¹ [это], ты⁷ никогда⁹ не¹² делаешь¹¹ этого⁸ хорошо¹⁰'.

Наряду с этим в дравидийских языках широко распространены также бессоюзные сложноподчиненные предложения, например: там. *nāma seuyalē avarū seuyarārū* 'Он³ делает⁴ [то, чего] не сделали² мы¹'; тел. *āme vaykharī cūcē nī famgānē āmek emī teliyadu anipīcindi* 'При взгляде³ на² ее¹ лицо² становилось ясно⁸, [что] ей⁵ действительно⁴ ничего⁶ не известно⁷'; кун *eañju esoni ketaṅga uha taneñju iṇu ēra eanīi veputti* 'Ты⁶ спроси⁹ у него⁸ о том⁷, как много² полей риса³ он¹ обработал⁴⁻⁵'; нāi *vespa veñjanai ē dehiṅgi ginañju eañju vaḱi kuiṇi iḱu deṣṇanī māratañju* 'Тот, кто⁶ слушает³ мои¹ советы² и поступает⁶ в соответствии⁵ с ними⁴, подобен⁷⁻¹² (букв. он⁷ похожий человек¹²) человеку, строящему¹¹ дом¹⁰ на⁹ песке⁸'.

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О ЛЕКСИКЕ

Структура основы слова в дравидийских языках единообразна и носит ярко выраженный суффиксально-агглютинирующий характер. Основа простого слова в этих языках либо равна корню, либо включает помимо корня один или несколько суффиксов, следующих за корнем. Префиксы или инфиксы в дравидийских языках не встречаются. Единственное исключение в этом отношении составляет, по-видимому, брауи, где наблюдается развитие префиксов. Ср., например: *antas ki num pārēre* 'Что бы¹⁻² вы³ ни¹⁻² сказали⁴'; *antas ki num apārēre* 'Что бы¹⁻² вы³ ни¹⁻² говорили⁴'. Сложные слова с основой, состоящей из двух или более простых основ, широко распространены во многих дравидийских языках и особенно характерны для древних языков.

Полисемия слов, особенно глаголов, и значительное развитие синонимии наблюдаются преимущественно в лексике древних языков (в классической литературе) и для современных народно-разговорных языков, в особенности малых, в целом нехарактерны.

Обогащение лексики идет как путем развития новых значений (ср. там. *iḱaḱ* 'лепесток', 'лист' > 'газета') и словообразования (ср. там. *arasurimey* 'суверенитет' < *arasū* 'государство' и *urimey* 'право'), так и путем прямого заимствования большого количества слов из других языков. Среди источников заимствования наибольшее значение имели пракриты и персидский язык, затем — разговорные формы хинди и других современных индоарийских языков и, наконец, в течение последнего столетия — английский язык. Литературные дравидийские языки заимствовали большое количество лексики из санскрита. Заимствования из других языков незначительны.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Андронов М. С., Грамматика тамильского языка, М., 1966.
 Андронов М. С., Дравидийские языки, М., 1965.
 Андронов М. С., Очерк грамматики языка малаялам (приложение к «Малаялам-русскому словарю»), М., 1971.
 Андронов М. С., Разговорный тамильский язык и его диалекты, М., 1962.

- Андронов М. С., Сравнительная грамматика дравидийских языков, М. (в печати).
- Андронов М. С., Тамильский язык, М., 1960.
- Андронов М. С., Язык каннада, М., 1962.
- Андронов М. С., Язык браун, М., 1971.
- Петруничева З. В., Язык телугу, М., 1960.
- Andronov M., A Standard Grammar of Modern and Classical Tamil, Madras 1969.
- Andronov M., Dravidian Languages, Vijayawada, 1977.
- Andronov M., Materials for a Bibliography of Dravidian Linguistics, Kuala Lumpur, 1966.
- Andronov M., The Kannada Language, Moscow, 1969.
- Andronov M., The Tamil Language, Moscow, 1965.
- Andronov M., Two Lectures on the Historicity of Language Families, Annamalainagar, 1968.
- Bhattacharya S., Konda Language, — BDA, vol. 2, 1956.
- Bhattacharya S., Naiki of Chanda, — IJ, vol. 5, 1961.
- Bhattacharya S., Ollari: a Dravidian Speech, Calcutta, 1957.
- Bloch J., Structure grammaticale des langues dravidiennes, Paris, 1946.
- Bray D. S., The Brahui Language, vol. 1, Calcutta, 1909.
- Brigel J., A Grammar of the Tulu Language, Mangalore, 1872.
- Bright W., An Outline of Colloquial Kannada, Poona, 1958.
- Brown C. P., A Grammar of the Telugu Language, Madras, 1857.
- Burrow T., Dravidian Studies I—VII, — BSO(A)S, 9—12, 1938—1948.
- Burrow T. and Bhattacharya S., The Parji Language, Hertford, 1953.
- Burrow T. and Bhattacharya S., Notes on Kuvi with a Short Vocabulary, — IJ, vol. 6, 1963.
- Burrow T. and Emeneau M. B., A Dravidian Etymological Dictionary, Oxford, 1961; Supplement, Oxford, 1968.
- Cole R. A., An Elementary Grammar of the Coorg Language, Mangalore, 1867.
- Droese E., Introduction to the Malto Language, Agra, 1884.
- Emeneau M. B., Brahui and Dravidian Comparative Grammar, Berkeley, 1962.
- Emeneau M. B., Kolami: a Dravidian Language, Berkeley, 1955.
- Emeneau M. B., Kota Texts, vol. 1, Berkeley, 1944.
- Emeneau M. B., Toda: a Dravidian Language, — TPS, 1957.
- Emeneau M. B. and Burrow T., Dravidian Borrowings from Indo-Aryan, Berkeley, 1962.
- Gai G. S., Historical Grammar of Old Kannada, Poona, 1946.
- Gundert H., Malayāla bhāṣā vyākaraṇam, Kottayam, 1962.
- Hahn F., Kurukh Grammar, Calcutta, 1900.
- Kittel F., A Grammar of the Kannada Language, Mangalore, 1903.
- Krishnamurti B., Telugu Verbal Bases, Berkeley, 1961.
- Lisker L., Introduction to Spoken Telugu, New York, 1963.
- Narasimha A. N., A Grammar of the Oldest Kanarese Inscriptions, Mysore, 1941.
- Pinnow J., Bemerkungen zur Phonetik und Phonemic des Kurukh, — IJ, vol. 8, 1964.
- Pope G. U., Outlines of the Toda Grammar (in W. Marshall's Phrenologist among the Todas), London, 1873.
- Sekhar A. C., Evolution of Malayalam, Poona, 1953.
- Trench C., A Grammar of Gondi, Madras, 1919.
- Winfield W. W., A Grammar of the Kui Language, Calcutta, 1928.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Андронов I — Андронов М. С., Язык браун, М., 1971.
- Андронов II — Андронов М. С., Разговорный тамильский язык и его диалекты, М., 1962.
- BDA — «Bulletin of the Department of Anthropology, Indian Museum», Calcutta.
- BSO(A)S — «Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies», London.
- Census — «Census of India 1961», vol. 1, Pt II — C(ii), Language Tables, Delhi, 1964.
- Emeneau I — Emeneau M. B., Toda: a Dravidian Language, — TPS, 1957.
- Emeneau II — Emeneau M. B., Kota Texts, vol. 1, Berkeley, 1944.
- Emeneau III — Emeneau M. B., Kolami: a Dravidian Language, Berkeley, 1955.

- III — «Indo-Iranian Journal», The Hague.
 II. — «Indian Linguistics», Poona.
 TPS — «Transactions of the Philological Society», London.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.

адъект.— адъективный	наст.-буд.— настоящее-будущее (время)
бр.— браун	немужск. р.— немужской род
брахм.— брахманский (диалект)	об.— объектное спряжение
буд.— будущее (время)	объектн.— объектный (падеж)
букв.— буквально	одноосн.— одноосновный
вежл.— вежливая (форма)	отложит.— отложительный (падеж)
вин.— винительный (падеж)	отриц.— отрицательная (форма)
вопр.— вопросительный	пар.— парджи
вост.— восточный	полож.— положительная (форма)
гл.— глагол	пр.— прошедшее (время)
гласн.— гласный	предельн.— предельный (падеж)
глух.— глухой	предл.— предложение
давнопр.— давнопрошедшее (время)	прич.— причастие
дат.— дательный (падеж)	прост.— простой, просторечие
Джхал.— джхалаванский (диалект)	разг.— разговорный
диал.— диалект, диалектная форма	род.— родительный (падеж)
длит.— длительный	русск.— русский
др.— древний	сев.-зап.— северо-западный
др.-там.— древнетамильский	сов.— совершенный
зап.— западный	совр.— современный
звонк.— звонкий	согласн.— согласный
им.— именительный (падеж)	соотв.— соответственно
инкл.— инклюзив	ср. р.— средний род
инстр.— инструментальный (падеж)	субст.— субстантивная (форма)
канн.— каннада	суфф.— суффикс
код.— кодагу	там.— тамильский
кол.— колами	тел.— телугу
комит.— комитативный (падеж)	тж.— также
кур.— курух	цейл.— цейлонский (Шри Ланка)
мал.— малаялам	экскл.— эксклюзив
местн.— местный (падеж)	эп.— эпицен, эпиценовый род
многоосн.— многоосновный	южн.— южный
направ.— направительный (падеж)	
наст.— настоящее (время)	

УКАЗАТЕЛЬ ЯЗЫКОВ И ДИАЛЕКТОВ *

Авестийский 7—9, 11, 12, 15, 18—56, 125, 128

 диалект, представленный в Гатах **
 9, 24

 младоавестийский 9

Азербайджанский 111, 126, 155, 157, 166, 197

Аланский 7, 8

Албанский 7

Английский 432

Арабский 155, 158, 160, 161, 191, 197, 202, 251, 252, 270, 274

Армянский 7, 111

Афганский см. Пушту (пашто)

Ашкун 255, 258—262, 264, 266, 268, 270, 274, 277—279, 281—297, 299—303, 305—307, 310

 диалект Маджегала 283

Бадага 319, 322

Бактрийский (кушацкий) 7—9, 13, 58, 77

Балтийские 7

Бахтиярский 7, 8

Башкарик (дири) 256, 259, 261, 262, 264, 266, 268, 270, 274, 276—278, 280, 284—291, 295, 296, 298, 299, 301, 303, 305, 308

Беллари 319, 322

Белуджский 7, 8, 10, 12, 15, 110, 111, 113—115, 117—134, 136, 137, 139, 155

 диалект белуджей СССР 142, 143, 155

 восточные диалекты 111, 113, 119, 120, 126, 127, 137

 западные диалекты 111, 113, 119, 120, 126, 127, 137

Браун 319, 323, 324, 330—332, 333, 337, 338, 340, 348—351, 355, 357—361, 364—366, 369—371, 373—377, 379—382, 384, 385, 390, 392, 394—398, 405—410, 412—416, 419—422, 424—429, 432

 джхалаванский 323, 414, 415

 калатский 323

 сараванский 323

Бурганди 319, 322

Бурушаски 293, 309

Вайгали (ваи, ван-ала) 255, 257—264, 266, 268, 270, 275—279, 281—293, 295—297, 299—303, 305—310

 диалект Вайгала 293

 диалект Жончигала 293

Ваханский 7, 8, 10, 11, 14, 15, 199—202, 204, 205, 208—219, 221, 224—234, 238, 239, 243, 244, 247—249

Восточнодардские см. Дардские восточные

Восточноиранские 198—200, 203, 204, 206, 210, 212, 216, 218—220, 227, 228, 230—233, 236, 240, 243, 245—251

Вотапури 256, 259, 261—264, 266, 268, 270, 274—279, 281—297, 299—306, 308—310

Гавар (нарсати) 256, 258, 259, 261—264, 266, 268, 270, 274—279, 282—286, 288—293, 295—297, 299—303, 305, 308, 310

Гадаба 319, 323, 324, 330—332, 334—338, 340, 348—351, 354, 357—359, 363, 365, 366, 369, 370, 375, 377, 379—382, 389, 392, 396—402, 405—407, 410, 412, 413, 415, 420, 423

 оллари 323

 салурский (пойя) 323

Грави 256—258, 261, 262, 264, 266, 274—278, 281, 283—290, 295, 301, 305, 306

Германо-романские 329

Гилянский 7, 8, 10, 14, 15, 110, 111, 113, 115, 117—134, 136, 137, 139—152, 154, 155

Глангали 256, 264

Гонди 319, 323, 324, 330—332, 334—338, 340, 343, 348—351, 354, 357—361, 364, 366, 369—376, 378—382, 384, 385, 389, 392, 395—397, 399—403, 405—407, 410, 412, 413, 417, 419—422, 424, 425, 427

 дорли 323

 койя 323

 мария 323

 парси гонди 323

 собственно гонди 323

Греческий 9

Дамели 255, 259, 262—264, 266, 268, 270, 274—279, 281, 283—293, 295—297, 299, 300, 302, 305—308

Дардские 254, 255, 257—267, 274—276, 278, 282—284, 288, 290—295, 299, 300, 302, 303, 306, 309

* Указатель составлен К. Н. Ереминой.

** Втяжками выделены диалекты языка, поддиалекты и говоры.

Дардские восточные 255, 256, 261, 263, 277, 282—284, 288, 295, 296, 300, 305
 Дардские западные (кафирские) 254, 255, 263, 277, 282, 283, 295, 296, 300, 302, 304—307, 309, 310
 Дардские центральные 255, 256, 261, 263, 277, 282, 283, 288, 295, 296, 300, 304, 305, 309
 Дари 157, 252
 Дегао (группа диалектов) 259
 Диалекты Иранского Азербайджана 7
 керингани 7, 10
 халхали 7, 10
 харзани 7, 10
 Диалекты Лара 11, 12
 Диалекты полосы Кашан — Исфahan 7, 10
 Диалекты районов Вафс. Аштиян, Таф-риш 7, 10
 Диалекты Фарса 7, 8, 10—12, 156, 158, 160, 162—165, 168, 171—174, 175, 177, 178—181, 187
 бурингуни 7, 15, 163, 164, 168, 169, 171—174
 ларские 7, 15, 156, 158, 161—165, 168, 169, 171—173, 176—178, 181
 масарми 7, 15, 163, 164, 168, 169, 173, 174
 папуни 7, 15, 163, 164, 168, 169, 173, 174
 сомгуни 7, 15, 163, 164, 168, 169, 171—174
 таджикские 156, 158, 160—165, 168, 172—179, 181, 189
 Дравидийские 319, 321—325, 329—332, 334, 338, 341, 343, 348, 349, 351, 352, 356, 360, 361, 365—367, 370, 371, 373—375, 377, 379, 381—383, 396, 398, 401, 406, 417—427, 430—432
 Дравидийские древние 373, 419, 432
 Дравидийские современные 334, 419, 432
 Древнеиндийские 277, 295
 Древнеиранские 7, 12, 18, 25—28, 36, 38, 42, 43, 45, 52, 55, 87, 100, 118, 125, 128, 132, 157
 Древнеперсидский 7, 8, 11, 12, 15, 18—21, 23—56, 156—158, 160
 Думаки 255
 :
 Ерава 319, 322
 —
 Западнотардские см. Дардские западные
 Западноевропейские 197, 252
 Западнотардские см. Иранские западные
 Западноиранские среднего периода 110
 Индийские 7, 76, 197, 252
 Индоарийские 201, 202, 254, 255, 260, 263, 274, 278, 329, 361, 420, 432
 Индоевропейские 420
 Индоевропейские древние 45
 Индоевропейский (арийский) 7
 Индоиранский (арийский) 254
 Иранские 7, 11, 16, 58, 76, 82, 154, 159, 160, 235, 254, 255, 263, 277, 361, 420
 Иранские древние см. Древнеиранские
 Иранские западные 8, 198, 199, 251

Иранские северо-восточные 8
 Иранские северо-западные 8, 110—120, 122—125, 127, 128, 130, 132—141, 143, 145—151, 154
 Иранские юго-восточные 8, 200
 Иранские юго-западные 8, 114, 115—117, 122, 123, 130, 156—159, 163, 166—171, 178, 179, 185, 191, 192
 кумзари 8
 Ирула 319, 322
 Ишкашимский 7, 8, 11, 15, 199—202, 204, 205, 208—210, 213, 215—219, 221, 222, 225—234, 236, 238, 239, 243, 244, 247—249
 зсбакский 200
 ишкашимский 200, 201
 сангличский 200—201
 :
 Кабули литературный 157
 Кабули разговорный 165
 Кавказские 251
 Кайкади 319, 322
 Калаша 256, 258, 261—264, 266, 268, 270, 274, 276—278, 280—283, 285—287, 289—291, 293, 295, 296, 298—303, 305—308
 Каннада 319—325, 329, 334—337, 341—343, 346, 348, 350—352, 358, 359, 361, 365, 366, 373—376, 378—382, 384, 393, 394, 396, 399, 400, 402, 403, 405—407, 415—419, 421, 422, 424—426, 428—430
 северные 329
 северо-восточные 329
 Каннада древний 329, 331, 332, 335—339, 349, 356, 362, 366, 367, 370—372, 375, 377, 382, 387, 403, 405, 411, 419
 Каннада разговорный 321, 377, 387, 397
 ане-куруба 321
 джену-куруба 321
 диалекты внутренних районов Карнатака 321
 диалекты прибрежные 321
 социальные диалекты брахманов и «низших» каст 321
 социальные диалекты средних каст 321
 шолига 321
 Каннада современный литературный 321, 329, 331, 332, 335—339, 349, 356, 362, 365, 368, 370, 375, 377, 382, 387, 403, 405, 411, 419
 Каннада современный разговорный 375, 377
 Кати (башгалли) 255, 258, 260—262, 264, 266, 268, 270, 274, 276—279, 281—289, 291, 293—295, 297, 299—302, 305—307, 310
 восточный 255, 260
 западный 255, 260
 Кафирские см. Дардские западные
 Кашани 117
 Кашмири 255, 257—264, 266, 268, 270, 274, 276—278, 281—296, 298—310
 кашмири 260
 каштавари 260, 263
 погули 260
 рамбаини 260
 сираджи 260
 смешанные 260

- Киргизский 252
 Кодагу 319, 322, 324, 329, 331, 332, 334—338, 340, 348—352, 356, 358—362, 365, 366, 368, 370, 373—376, 378, 379, 382, 384, 385, 387, 391, 393—397, 399, 401, 402, 406, 407, 411, 414—416, 419, 422, 424, 428
 Коламин 319, 322—324, 330—332, 334—338, 340, 348—351, 353, 357, 359, 361, 363, 366, 368, 370, 371, 373—375, 377—380, 382, 388, 391, 396, 397, 399—413, 415, 416, 418—422, 426—428
 найкри 322
 Конда 319, 323, 324, 330—332, 334—338, 340, 348—351, 357—359, 361, 364—366, 369, 370, 374, 375, 377, 379, 382, 389, 392, 396, 398, 400, 403—410, 412, 413, 416, 417
 Корага 319, 322
 Корава (курру, ерукала) 319, 322
 Кота 319, 322, 324, 329, 331, 332, 334—338, 340, 348, 349, 351, 356, 358, 359, 362, 366, 367, 370, 371, 374, 375, 377, 379, 382, 384—386, 391, 393—397, 399, 400, 403, 406, 407, 410, 411, 413, 414, 416—418
 Кохистани (группа языков) 256, 257, 261, 263, 296, 304
 Куви 319, 323, 324, 330—332, 334—338, 341, 343, 348—350, 355, 357—361, 364, 366, 369—371, 374, 375, 377, 379, 380, 382, 385, 390, 392, 396, 397, 399, 402—410, 412, 413, 415—419, 424
 Курдский 7, 8, 10—12, 14, 15, 110, 111, 113—128, 130—141, 144—155
 гураин 8
 аза 7, 8
 курманджи 15, 111, 115—118, 123, 124, 126, 128—132, 134—137, 139—146, 148, 149, 152—154
 мукри 15, 128, 129, 131, 134, 137, 139
 сулеймани 15, 116, 128—130, 134, 137, 139, 140, 142—146, 148
 Куи 319, 323, 324, 330—332, 334—338, 340, 343, 348—350, 354, 357—359, 361, 364—366, 369—375, 377, 379, 380, 382, 385, 389, 392, 396, 397, 399, 400, 402—410, 412, 413, 415, 416, 419—423, 425—427, 429—432
 Куруба (курумба) 319, 322
 Курух 319, 323, 324, 330—332, 335—338, 340, 343, 348—351, 355, 357—361, 364—366, 369—379, 382, 385, 390, 392, 396—398, 405, 406, 419—422, 426, 428
 Кховар (читрари, читрали, арния) 256—259, 261—264, 266, 268, 270, 274, 276—278, 280—293, 295, 296, 298, 300, 301, 303, 305—307, 309, 310
 Лахнда (ленди) 255
 Мазандеранский 7, 8, 10, 14, 15, 110, 111, 113, 115, 117—119, 122, 124, 126—133, 135—139, 141—146, 148, 150, 151, 154
 Майян (кохистани) 257—264, 266, 268, 270, 274, 276—278, 280, 282, 284—290, 293, 295, 296, 298, 299, 301, 305, 306, 308
 каньявалы 257, 259, 261—264, 266, 268, 270, 276—278, 280, 281, 283—287, 289—291, 293, 296, 299—302, 304
 майян 266, 268, 270
 Малаялам 319, 322, 324, 325, 329, 331, 332, 334—338, 340, 341, 343, 345, 352, 356, 358, 362, 365—367, 370, 371, 373—376, 378—382, 384—386, 391, 393, 395—398, 400—403, 405—411, 413—419, 422, 423, 425—427, 429, 430, 432
 северная группа 322
 центральная группа 322
 южная группа 322
 Малаялам древний 337, 346, 349, 385, 418
 Малаялам литературный 322, 327
 Малаялам разговорный 322, 327
 Малаялам современный 335, 337, 348, 349, 418
 Малто 319, 323, 324, 330, 331, 332, 334—338, 340, 348, 349, 351, 355, 357—361, 364, 366, 369—372, 374—376, 378—380, 382, 384, 385, 390, 392, 393, 395—397, 399—401, 403—410, 412—420, 422, 423, 428
 Манда 319, 323
 Мидийский 7—9
 Монгольские 252
 Мунда 319
 Мунджанский 7, 8, 11, 15, 199—202, 204, 205, 207—212, 214, 216—222, 225—227, 230—238, 240—244, 246—251
 йндга 15, 199—201, 204, 205, 207—209, 211—216, 218—222, 225—228, 230, 231, 233, 235, 238, 240, 241, 243, 244, 246, 247
 мунджи 15, 200, 201, 204, 205, 207—209, 211—216, 218—222, 225—231, 233, 237, 238, 240—244, 246—248
 Пайки 319, 322—324, 330—332, 334—338, 340, 348—351, 353, 357, 359, 361, 363, 366, 368, 370, 373—375, 377—379, 382, 388, 392, 396, 399, 401, 402, 405—411, 413, 420—422
 Нийя 259
 Нингалами 256
 Нсвоиранские 8, 58, 110, 122
 Новоперсидский 58
 Ория 343
 Ормури 7, 8, 10, 199, 200, 204, 205, 230—237, 240, 242, 243, 246—249, 252
 канигурамский 200, 236, 237, 248
 логарский 236, 237, 248
 Осетинский 7, 8, 10—12, 14, 15, 199—202, 204—206, 209, 210, 212, 214—217, 219—221, 224—233, 235, 236, 238, 241, 243, 245—251
 дигорский 199—202, 204, 205
 пронский 199, 201, 204, 205
 Пайшачи 259
 Памирские 14, 202, 226, 227, 231, 234, 236, 237, 241, 248, 249, 251, 252, 254, 309
 Панджаби 255, 260
 Парачи 7, 8, 10, 199, 200, 202, 204, 205,

230, 231, 233—237, 242, 243, 246—249, 252
 Парджи 319, 322—324, 330—332, 334—338, 340, 348—351, 353, 357—359, 361, 363, 365, 366, 368, 380—382, 384, 388, 392, 393, 396—404, 406—410, 412, 413, 415—419, 423, 425, 428—432
 северный 323, 376, 377, 401
 северо-западный 323, 376, 379
 южный 323, 376, 379, 386, 401
 Парфянский 7—9, 13, 15, 58, 60—64, 67, 68, 71—77
 Пахарн западный 255, 260
 Пашан (группа диалектов) 256—264, 266, 268, 270, 274—278, 280, 282—291, 293—297, 299, 300, 302—305, 308, 310
 гулбахари 275
 диалект чияси 294
 северо-восточные 260, 266, 268, 270, 276
 северо-западные 260, 266, 268, 270, 276
 юго-восточные 260, 266, 268, 270, 276
 юго-западные 260, 266, 268, 270, 276
 Пенго 319, 323
 Персидский 7, 8, 10—13, 15, 116, 121, 122, 124, 136, 147, 155, 157—198, 251, 274, 278, 294, 432
 Персидско-таджикский старый 169
 Пехлеви см. Среднеперсидский
 Позднехотанский 82, 89, 95, 101—103, 106, 107
 Позднехотанский новый 102
 Пракрит северо-западный 92
 Пракриты 432
 Прасун (паруни, васин-вери, верон) 255, 257—259, 261, 262, 264, 266, 268, 270, 274, 275, 277—279, 281, 282, 284—291, 293—297, 299—303, 305—310
 Прикаспийские 14
 Протодравидийский 323, 338, 340
 Пушту (пашто) 7—8, 10—12, 14, 15, 197—202, 205—208, 210, 212, 213, 215—221, 225—238, 240—242, 244, 246—252, 256, 309
 восточные диалекты 199, 202, 205, 262
 западные диалекты 200—202, 205, 262
 Пхалура (палола) 257, 259, 262—264, 266, 268, 270, 275—278, 280—293, 295, 296, 298—302, 304, 305, 308, 310
 диалект Сау 259
 Русский 158, 159, 171, 191, 197, 206, 246, 251, 252, 324, 329
 Савара 319, 323
 Сакский 7—9, 13, 15, 58, 77, 99, 103, 106, 201
 Санскрит 23, 325, 432
 Семнанский 8, 10, 15, 115, 116, 119—122, 124—127, 129, 130, 132, 133, 135—140, 142—146, 148—151, 154, 155
 сангисари 7, 10, 117, 120, 121, 132, 137, 149
 Синдхи 255
 Скифский 7—9, 209

Славянские 7
 Согдийский 7—9, 13, 15, 58, 77, 78, 81—83, 85, 87—91, 94, 95, 98—100, 103, 104, 106—107, 209, 247
 Согдийский буддийский 77, 83, 84, 87—92, 94, 95, 98—101, 107
 Согдийский манихейский 77, 83, 84, 87—92, 94, 95, 98—101, 106, 107
 Согдийский христианский 83, 84, 87—92, 94, 95, 98—101, 106, 107
 Среднеиндийские 259
 Среднеиранские 7, 58, 68
 Среднеиранские восточные 77, 82, 87, 98, 106
 Среднеиранские западные 58, 68, 98, 99, 106
 Среднеперсидский (пехлеви) 7—9, 12, 13, 15, 58, 61—69, 71—78, 114, 115, 156—160
 Среднеперсидский книжный 65
 Таджикский 7, 8, 10—12, 14, 15, 122, 157—198, 251
 Талышский 7, 8, 10, 11, 14, 15, 110, 111, 113, 115—155
 Тамильский 319, 320, 322—325, 329, 334—337, 341—343, 348, 350, 351, 358—361, 366, 371, 373—376, 378—384, 396—398, 400, 402, 403, 405—407, 415—419, 421—432
 Тамильский древний 327—329, 331, 332, 334—338, 340, 349, 350, 356, 358, 362, 366, 367, 370—372, 376, 378, 382—386, 391, 393, 396—398, 401—404, 406, 410, 411, 413—415, 417, 418
 Тамильский классический 320, 335, 352
 Тамильский литературный 319, 320, 385
 Тамильский разговорный 319, 320, 350, 379, 382, 383, 385, 386, 391, 393, 403, 413, 417
 восточный 320
 диалект Шри Ланка 320, 386, 413, 417
 западный 320, 350
 северный 320
 сендамыж 320
 социальные диалекты «низших» каст, просторечье 320, 351
 социальные диалекты касты брахманов 320, 350, 386, 413
 южный 320, 350, 382, 386, 413
 Тамильский современный 327, 329, 331, 332, 335—338, 340, 349, 352, 356, 359, 362, 367, 370, 378, 382, 383, 393, 410, 411
 Тамильский современный литературный 320, 376, 386, 391, 403, 413, 417
 Тамильский современный разговорный 376, 393
 Тати (группа диалектов) 115, 116, 130, 139
 Татский 7, 8, 10, 12, 14, 15, 157, 158, 160—170, 172—181, 186—198
 Телугу 319, 321—324, 330, 334—337, 341, 342, 347, 348, 350, 351, 353, 358—360, 363, 365, 366, 368, 370, 373—375, 377—379, 381, 382, 384, 385, 391, 394—400, 402, 403, 405—408, 410, 411, 413, 415—419, 421—428, 431, 432

диалект восточных округов 321
 диалект Раяласмы 321
 диалект Теленганы 321
 диалект северо-восточных округов 321
 диалект юго-восточных округов 321
 Телугу древний 329, 331, 332, 335, 336, 338, 340, 349, 356, 377, 379, 382, 383, 387, 391, 397, 399, 400, 403, 405, 418
 Телугу классический 321
 Телугу разговорный 321, 322, 398, 399
 Телугу современный 329, 331, 332, 335, 336, 338, 340, 349, 356, 377, 379, 382, 383, 388, 402, 405
 Тибетский 78
 Тирахи 256, 258, 261—264, 266, 268, 270, 274, 275, 277, 278, 280—283, 285—289, 293, 295, 296, 298, 299, 301, 302, 305, 306—310
 Тола 319, 322, 324, 331, 332, 334—338, 340, 348, 349, 351, 352, 356, 358, 359, 362, 366, 367, 370, 374, 375, 377, 379, 382, 385, 386, 391, 396—398, 400, 406, 407
 Торвали 257, 258, 261—264, 266, 268, 270, 274—278, 280, 282—296, 298—301, 303, 305, 307, 308
 Тулу 319, 322—324, 329, 331, 332, 334—338, 340, 343, 348—351, 353, 356, 358—360, 363, 365, 366, 368, 370, 373—382, 384, 387, 393, 394, 396, 397, 399—404, 406—411, 413—420, 422, 423, 425, 426, 428—431
 Туркменский 111, 155
 Тюрко-монгольские 197
 Тюркские 158, 162, 166, 197, 202, 251, 252

Узбекский 197, 252
 Уйгурский 252
 Урду 309, 343

Фарси-кабули 11, 12, 15, 157, 158, 160—184, 187—192, 194—198
 Финно-угорские 420
 Французский 197

Хазара 10, 15, 157, 158, 160—170, 172—199
 Хинди 343, 363, 420, 432
 Хорезмийский 7—9, 13, 15, 58, 77, 82, 85, 88, 90, 91, 93, 96, 99, 103—108
 Хотаносакский 77, 78, 82, 85, 87—91, 95, 98, 101, 106, 107
 Хотаносакский поздний 85

Центральноедардские см. Дардские центральные
 Центральные диалекты Ирана 114, 116, 122, 139, 141
 Цыганский 255

Чаттори 256

Шина 257—264, 266, 268, 270, 274—276, 278, 281—293, 295, 296, 298—310
 астори 260

гильгити 260
 гуреси 260, 283
 драси (брокпа) 260, 283
 дах-хану 260
 кохистани 260, 263, 274
 чиласи 260
 Шугнано-рушанская группа 7, 8, 10, 11, 199—202, 204, 205, 207—210, 213, 214, 216, 218—220, 222, 223, 225—234, 236—239, 241, 243—248
бартангский 7, 10, 15, 201, 202, 209, 213, 215, 216, 218, 219, 222, 223, 225, 228, 229, 231—234, 237, 238, 240—242, 244, 246, 247
басидский говор 234
брошорский 7, 10, 15, 202, 209, 215, 216, 218, 223, 225, 228, 229, 232, 234, 243, 244, 246—248
оушанский 7, 10, 15, 201, 202, 208, 209, 213—216, 218, 219, 222, 223, 225, 228—230, 232, 233, 237, 239, 244—251
сарыкольский 7, 10, 15, 199—201, 207, 209, 215, 218, 223, 225, 228, 233, 234, 243, 244, 246—248, 252
хуфский 7, 10, 15, 201, 202, 209, 215, 216, 218, 219, 223, 225, 228, 229, 232, 237, 244—246, 248
шугнанский 7, 10, 14, 15, 201, 209, 213, 215, 216, 218, 222, 223, 225, 228—232, 234, 236, 238, 239, 243, 244, 246—248, 250

Шумашти (шинмашти) 256, 259, 261, 262, 264, 266, 268, 270, 275—279, 281, 283, 285—291, 293—297, 303, 305, 308, 309

Эламский 21

Южнодравидийский 324

Ягнобский 7, 8, 10, 12, 15, 57, 199, 201, 202, 204, 205, 208—216, 218—221, 224—238, 241—243, 245—247, 249—252
 Язгулямский 7, 8, 10, 11, 15, 199—202, 204, 205, 207—210, 213, 215—222, 225—239, 241, 243—251
 Язык афганских хазара 158, 165
 Языки и диалекты центрального и западного Ирана 7
баджалани 7
габри 7, 10
гураны 7
заза 7, 8
ласгерди 7, 10
наини 7, 10
натанзи 7, 10
сангисари 7, 10, 117, 119
семнани 7, 10
сурхеи 7, 10
такистани 7, 10
хури 7, 10
шемерзади 7, 10
язди 7, 10
 Язык североазербайджанских татов 169, 170, 172, 175, 178, 183, 186
 северные говоры 169, 183, 186, 187
 центральные говоры 183, 186, 187

СОДЕРЖАНИЕ

Индоевропейские языки .	5
Иранские языки. Введение (<i>В. С. Расторгуева, В. А. Ефимов, А. А. Керимова</i>)	7
Древнеиранские языки (авестийский и древнеперсидский— <i>В. С. Расторгуева</i>)	18
Среднеиранские языки (<i>Е. К. Молчанова</i>)	58
Новоиранские языки	110
Северо-западная группа (<i>Л. А. Пирейко, Д. И. Эдельман</i>)	110
Юго-западная группа (<i>В. А. Ефимов, А. А. Керимова</i>)	156
Восточная группа (<i>В. А. Ефимов, Д. И. Эдельман</i>)	198
Дардские языки (<i>Д. И. Эдельман</i>)	254
Дравидийские языки (<i>М. С. Ачдронов</i>)	317
Указатель языков и диалектов	435

ЯЗЫКИ АЗИИ И АФРИКИ

Индоевропейские языки
Иранские языки
Дардские языки
Дравидийские языки

● *Утверждено к печати Институтом востоковедения Академии наук СССР*

Редакторы *Л. М. Белоусов, Е. К. Борисова, М. И. Карпова*
 Младший редактор *Д. Ш. Хесина*. Художник *Л. С. Эрман*. Художественный редактор *И. Р. Бескин*
 Технический редактор *Л. Ш. Береславская*. Корректоры *Г. В. Стругова* и *Р. Ш. Чемерис*

Сдано в набор 6/XII 1976 г. Подписано к печати 8/VI 1978 г. А-06487. Формат 70×108¹/₁₆. Бум. № 1.
 Печ. л. 27,5. Усл. п. л. 38,5. Уч.-изд. л. 33,23. Тираж 2350 экз. Изд. № 2790. Зак. № 858.
 Цена 3 р. 90 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
 Москва К-45, ул. Жданова, 12/1
 3-я типография издательства «Наука», Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
27	4 сн.	<i>xšaça pāvan-</i>	др.-п. <i>xšaça pāvan-</i>
45	24 св.	<i>stah-</i>	<i>stāh-</i>
50	4 св.	с гласного	с гласного <i>a</i>
53	13 сн.	<i>yadaiša</i>	<i>yadaišā</i>
58	12 св.	<i>*framātār</i>	<i>*framātār</i>
62	10 св.	— <i>-n</i>	— <i>-n</i>
62	7 сн.	<i>dipēr patī</i>	<i>dīpīr patī</i>
63	2 св.	<i>framātār</i>	<i>framātār</i>
63	16 сн.	<i>yamagān</i>	<i>yāmagān</i>
66	6 св.	<i>dahīpat</i>	<i>dahyu pat</i>
67	21 сн.	в манихейском, парфян-ском	в манихейском парфян-ском
68	15 св.	<i>hamag</i>	<i>hamāg</i>
69	3 св.	<i>tāč-</i>	<i>tāz-</i>
71	21 сн.	<i>apar nišastan</i>	<i>apar nišāstan</i>
71	23 сн.	<i>apāč vastan</i>	<i>apāč vaštan</i>
89	2 сн.	<i>ššara</i>	<i>ššārā</i>
91	20 св.	<i>purad-</i>	<i>purād-</i>
93	19 сн.	<i>'š't'c</i>	<i>'š't'c</i>
94	27 св.	<i>man(a)nāmē-</i>	<i>man(a) nāmē-</i>
111	12 сн.	Ирана	Ирака
161	2 св.	кабули <i>taškilāt</i>	кабули <i>taškilāt</i>
174	6 сн.	<i>mī-kun-ām</i>	<i>mī-kun-ām</i>
180	5 сн.	<i>mēkardam</i>	<i>mēkardaam</i>
180	5 сн.	<i>mēkarda</i>	<i>mēkardai</i>
217	5 св.	<i>smaхъn</i>	<i>smaхъn</i>
228	7 стлб.		
	1 сн.	<i>əxsəž</i>	<i>əxsəz</i>
250	1—2 св.	<i>raydl</i>	<i>xaydl</i>
274	1 сн.	»	»
308	20 сн.	<i>aṛasī</i>	<i>aṛasī</i>
313	4 св.	Jassin	Yassin
435	25 св.	Грави	Гарви
439	16 св.	брошорский	орошорский